А. С. МАКАРЕНКО

Школа жизни, труда, воспитания

Учебная книга по истории, теории и практике воспитания

Часть II

1928-1932 гг.

Федеральное агентство по образованию
Федеральный институт развития образования
Нижегородский государственный педагогический университет
Исследовательская лаборатория НГПУ
«Социальная педагогика А. С. Макаренко»

А. С. Макаренко

Школа жизни, труда, воспитания

Учебная книга по истории, теории и практике воспитания

Часть 2

Письма, разработки, книги-очерки, статьи

1928-1932 гг.

Нижний Новгород
2008

УДК 371
ББК 74.03(02)
М 15

Макаренко А.С.

Школа жизни, труда, воспитания. Учебная книга по истории, теории и практике воспитания. Часть 2. Письма, разработки, книги-очерки, статьи 1928-1932 гг. / А.С. Макаренко; сост. и коммент. А.А. Фролов, Е.Ю. Илалтдинова. – Н. Новгород: Изд-во Волго-Вятской академии государственной службы, 2008. – ____ с.

ISBN_____

Издание содержит авторские материалы А.С. Макаренко 1928-1932 гг., в хронологической последовательности раскрывающие его творческую деятельность в трудовой коммуне им. Ф.Э. Дзержинского, развитие социально-педагогических взглядов и качеств личности педагога-писателя в этот период. Вступительная статья о педагогике А.С. Макаренко как науке о взаимодействии поколений и обширные комментарии отражают современные макаренковедческие отечественные и зарубежные исследования.

Включает учебно-методический материал, позволяющий с учетом историко-педагогического опыта по-новому ставить и решать современные проблемы воспитания детей и молодежи. Дан Именной указатель лиц, причастных к педагогической деятельности А.С. Макаренко в 1928-1932гг.

Для специалистов в области педагогики, образования и культуры, социальной психологии и социологии, художественной литературы.

УДК 371
ББК 74.03(02)

ISBN_____

© Федеральный институт
развития образования, 2008
© Нижегородский государственный
педагогический университет, 2008
© Фролов А.А., Илалтдинова Е.Ю., 2008

Оглавление

От составителей ……..

Педагогика А.С.Макаренко – наука о взаимодействии поколений……..

О содержании издания ……..

Вроде методического плана клубной работы ……..

Докладная записка об организации свободной мастерской ……..

Операционный план педагогической работы трудовой коммуны им. Ф. Э. Дзержинского ……....

«Конституция» трудовой коммуны им. Ф. Э. Дзержинского ……

Контртезисы ……...

Доклад на заседании секции социального воспитания Украинского научно-исследовательского института педагогики ……

Письмо Г. С. Салько (Макаренко), 15 марта 1928 г. ……..

Письма Г. С. Салько (Макаренко), 23 марта 1928 г. ……...

Из письма Г. С. Салько (Макаренко), 27 мая 1928 г. ……

В Правление трудкоммуны им. Ф. Э. Дзержинского, 12 июля 1928 г. ……

О выпуске воспитанников коммуны при достижении ими 16-летнего возраста ……

Сокращение расходов ……

Автобиография ……...

Письмо Н. Ф. Остромецкой, 18 сентября 1928 г. ……

Письма Г. С. Салько (Макаренко), 23 и 26-29 сентября 1928 г. ……

Письма – Г. С. Салько (Макаренко), 2-4 октября 1928 г. ……...

Письмо Г. С. Салько (Макаренко), 4-6 октября 1928 г. ……

Письма Г. С. Салько (Макаренко), 10-11 октября 1928 г. ……..

Письма Г. С. Салько (Макаренко), 12, 14, 16 октября 1928 г. ……...

Письмо Н. Ф. Остроменцкой, 16 октября 1928 г. ……...

Письма Г. С. Салько (Макаренко), 21-23 октября 1928 г. ……..

Письма Г.С. Салько (Макаренко), 23-24 и 29-31 октября 1928 г. ……

Письма Г. С. Салько (Макаренко), 1-2, 4-5, 9-10, 24 ноября 1928 г. ……

Письмо А. М. Горькому, 22 ноября 1928 г. ……

В Правление коммуны им. Ф. Э. Дзержинского, 25 ноября 1928 г. ……

Длительность педагогического коллектива, самодеятельность и ответственность в едином хозяйственно-трудовом коллективе педагогов и воспитанников ……..……

Рецензия на рукопись «Руководство для комиссий по делам несовершеннолетних правонарушителей» ……..

Письмо Г. С. Салько, 6 марта 1929 г. …….....

Телеграмма А. О. Авдеенко ……..
Письма Г. С. Салько (Макаренко), 8-9 июля 1929 г. ……..
Письмо Г. С. Салько (Макаренко), 20-21 сентября 1929 г. ……
Письмо А. М. Горькому, конец сентября 1929 г. ……
Записка, 12 октября 1929 г. ……...
Из писем Г. С. Салько (Макаренко), 21-24 октября 1929 г. ……...
Письма Г. С. Салько (Макаренко), 1-5 ноября 1929 г. ……...
Письма Г. С. Салько (Макаренко), 8-12 ноября 1929 г. ……
Письма Г. С. Салько (Макаренко), 13-19 ноября 1929 г. ……...
Положение о средствах передвижения по диаграмме межотрядного соревнования ……..
Письма Г. С. Салько (Макаренко), 21-30 ноября 1929 г. ……...
Письма Г. С. Салько (Макаренко), 1-9 декабря 1929 г. ……..
Заметка в стенгазете «Шарошка»……..
Письмо О. П. Ракович, 24 марта 1930 г. ……..
Мнение «Шарошки» ……..
От заведующего. Заметка в стенгазете «Дзержинец» ……
«Кропачевщина». Заметка в стенгазете «Дзержинец» ……...
Из книги-очерка «На гигантском фронте. Опыт совхоза № 2» …….
Из письма Г. С. Салько (Макаренко), лето 1930 г. ……
Письма Г. С. Салько (Макаренко), 3 и 6 августа 1930 г. ……
В педагогический совет трудкоммуны им Ф. Э. Дзержинского. О направлении и формах клубной работы (на 1930-1931 гг.) ……
Из книги-очерка «Марш 30 года» …….
Докладная записка члену правления коммуны им. Ф.Э. Дзержинского ……..
Письмо М.М. Букшпану, 29 декабря, 1930 г. ……..
Из книги «Беспризорность и борьба с ней» ……
Письма Г.С. Салько (Макаренко), 12 и 17, 18 августа 1931 г. ……...
Письма Г.С. Салько (Макаренко), 20-22 августа 1931 г. ……...
Письма Г.С. Салько (Макаренко), 14-17 сентября 1931 г. …….
Письмо 11-му отряду дзержинцев ……
Коммунару Черному ……..
Из книги-очерка «ФД-1» ……...
Письмо М.М. Букшпану, середина августа 1932 г. ……
Письмо А.М. Горькому, 5 октября 1932 г. ……..
Коммуна им. Ф.Э. Дзержинского (1932) …….
Письма Г.С. Салько (Макаренко), 20 и 23-25, 27-29 октября 1932г. ……

Письма Г.С. Салько (Макаренко), 4-5 и 7-9 ноября 1932 г. ……...

Письма Г.С. Салько (Макаренко), 11-13, 15-16, 19 ноября 1932 г. ……...

Перевернутые страницы (вехи, события, факты) ……...

Конституция страны ФЭД …….

Педагоги пожимают плечами ……...

Один день коммуны ……...

Именной указатель лиц, причастных к педагогической деятельности А.С.Макаренко в 1928-1932 гг……..

Учебно-методически материал……

Отдельные издания, публикации 2-й пол. 2007 г. – 2008 г. (1-я пол.года)……

Дополнительный материал к Части 1……..

Дополнение, 23 апреля 1921г., на с.23 ……

Письмо О. Куриловской, 10 января 1921г., на с.23 ……...

В Президиум Всеукраинского Центрального исполнительного комитета (октябрь 1926г.) …….

Трудовой список А.С. Макаренко ……...

Исправление к Части 1……

В интересах дела нужно разделить школьную педагогику классной работы от педагогики воспитания…

Разделить эти две педагогики и определить их главные методы.

А.С. Макаренко
Выступление
в Московском областном
педагогическом институте
17 октября 1936г.

Правильное советское воспитание невозможно представить как воспитание не трудовое.

Я вообще сторонник не трудового воспитания, а производственного воспитания.

Лекции о воспитании детей,
лето 1937г.
Доклад в Харьковском
педагогическом институте,
9 марта 1939г. (по стенограмме).

У нас нет воспитательной педагогики.

Заключительное слово на совещании
в Научно-практическом институте
спецшкол и детдомов Наркомпроса РСФСР,
Москва, 20 октября 1938г.

Образование в течение всей его истории строится на четурех основаниях: научиться познавать, научиться работать, научиться жить вместе, научиться жить.

Комиссия ЮНЕСКО.
Концепция образования
XXI столетия.

… Планирование полной самоокупаемости воспитательного учреждения было бы явлением совершенно противоестественным… В то же время только труд, приносящий ценности, только производство неубыточное могут рассматриваться как положительное воспитательное средство.

Июль 1928г.

… Я хочу только одного, чтобы о ценности метода судили по его результату, а о ценности системы судили по общему результативному итогу.

Ноябрь 1930г.

Именно в полной гармонии между организационной силой воспитательного детского дома и природной родственностью в семье лежит секрет будущего воспитания.

1930г.

Сознание, не построенное на опыте, хотя и выражается в многословных формах, на деле прежде всего слабосильно, во-вторых, одиноко, неспособно творить никакую практику – это то, что для нашего общества наиболее опасно.

Март-апрель 1932г.

Мы желаем воспитать культурного советского рабочего…

Нашим воспитательским коллективом являются учителя, инженеры, мастера и инструкторы, члены нашего правления… Воспитание коммунаров достигается… исключительно из жизни, работы, стремлений всего коммунарского коллектива.

Конец 1932г.

Памяти тех, кто в 1928-1932 гг. содействовал созданию социальной педагогики А.С.Макаренко, посвящается эта часть издания

От составителей

Педагогика А.С.Макаренко –

- наука о взаимодействии поколений

1.«Воспитание в том и заключается, что наиболее взрослое поколение передает свой опыт, свою страсть, свои убеждения младшему поколению», - говорит А.С. Макаренко (Пед. соч.: В 8 т. Т. 7/Сост. Л.Ю.Гордин, А.А.Фролов. – М., 1986, с. 38). Он придерживается традиционного понимания воспитания прежде всего в его социальной функции: воспитание обеспечивает преемственность поколений, передачу общественно-исторического опыта от одного поколения к другому, без чего существование и развитие общества и человека невозможно.

Вместе с тем он решительно преодолевает трактовку социальной функции воспитания лишь в одном направлении: от старшего поколения к младшему. В его педагогике этот вектор творчески дополняется другим: от младшего поколения к старшему. А.С.Макаренко вводит в основы педагогики проблему взаимодействия поколений, их исторически и биологически закономерной смены.

В его творчестве ярко проявляется принципиальный отход педагогики от концепции патернализма, безмерной опеки детей и молодежи, на грани авторитаризма. Одновременно это и противостояние концепции «свободного проявления» личности, при ее обособленном существовании и своеволии, ведущими к одичанию.

В таком подходе отражаются новые общественные потребности, вызванные интеграцией социальных процессов, ускорением общественно-исторического развития. Активизируется роль «человеческого фактора» в экономике и культуре, существенно изменяется «качество жизни» людей. Воспитание, говорит А.С. Макаренко, должно все более направляться на «воспитание способностей человека, на развитие его созидательного, творческого актива» (т.4, с.286), содействуя «возвышению личности», ее «ценности», человеческого достоинства.

2.Фундаментальный социально-этический принцип А.С.Макаренко «Как можно больше уважения к человеку, как можно больше требования к нему» - в его педагогике реализуется путем активного приобщения учащейся молодежи к основе человеческой жизни и культуры – производительному, продуктивному труду. В ходе этого возникают качественно новые требования к старшему поколению. Творческое взаимодействие поколений в свете труда становится важнейшим условием материального и духовного прогресса общества.

Преодолевается традиционное механистическое разделение воспитания в «узком» и «широком» смысле: как специальной «педагогической деятельности» - и как «социального явления», хаотичного в педагогическом отношении.

Таким образом А.С.Макаренко расширяет границы педагогики и воспитания, принципиально изменяет представление о предмете педагогики и ее методологии, существенно обновляет понятийный аппарат, теоретические основы и практику воспитания. В результате значительно усиливается эффективность и социальная ответственность педагогической мысли и практики, повышается авторитет педагогики как науки. Макаренковское педагогическое творчество – это социально-культурное явление.

«… Для каждого поколения цель воспитания должна быть установлена диалектически» (т.8, с. 137); соответственно должны изменяться и средства воспитания каждого поколения, будут появляться новые аспекты в результатах воспитания, сфере действия педагогики. «Изнеженность – признак упадка класса», записал А.С.Макаренко при работе над «Книгой для родителей» (т.5, с.268).

Понятия «человек-в-поколении», «межпоколенные воспитательные отношения» появляются в современной отечественной педагогической печати.

3.В структуре авторского наследия А.С.Макаренко выделяются 3 части. Первая, которой нередко педагоги и ограничиваются, - это его художественно-педагогические произведения и другие его материалы, повествующие о его колонии и коммуне. В этих работах основное внимание уделено детям, но там изображается немало и представителей старшего поколения. Из них объектом рассмотрения в макаренковедческих исследованиях становится обычно лишь деятельность педагогов-профессионалов. Непосредственно проблеме взаимодействия молодого и старшего поколений в коммуне дзержинцев посвящены пьесы «Мажор», «Ньютоновы кольца» (не вошедшая в 8-томник А.С.Макаренко, издана в 1993 г. в России малым тиражом). Эти произведения вообще выпадают из сферы педагогических исследований.

Вторая часть авторских материалов А.С.Макаренко – произведения, где на первый план выходит старшее поколение, в его связи с детьми, молодежью. Сюда относятся: «Книга для родителей» (фактически «о родителях»), киносценарии «Настоящий характер» и «Командировка», незавершенная пьеса «Забота о человеке», материалы романов «Человек», «Ньютоновы кольца» («Пути поколения»). Преимущественное внимание в этих трудах старшему поколению специалистами представляется выходящим за пределы предмета педагогики.

Третья часть – повесть «Честь», рассказы, рецензии на художественные произведения, статьи общественно-политического характера. Здесь отражаются элементы педагогики, действующие в социальной действительности, в широком и многогранном

процессе социализации. Эти произведения А.С.Макаренко очень слабо воспринимаются как относящиеся к педагогике.

Такое ограничение сферы макаренковедения – естественный результат устаревшей трактовки педагогики как «детской», педагогики «школы учебы», «воспитывающего обучения». Это яркий показатель губительного для педагогики и школы их отрыва от жизни, социально-экономических отношений. Устранение этого отрыва – основа основ творческого вклада А.С.Макаренко в педагогику, главное условие необычайного успеха его педагогической теории и практики.

Непонимание или отрицание этого коренного направления его педагогического новаторства – глубинная причина полемики о его деятельности, начавшейся при его жизни и продолжающейся по сей день.

Неразработанность данного направления творчества А.С.Макаренко, попытки применения его педагогики в урезанном виде, в рамках «детской» педагогики, «школы учебы» не давали и не могут дать необходимых результатов. Такого рода работа приводила и приводит к искажению и дискредитации наследия педагога-реформатора.

4. А.С.Макаренко – выдающийся представитель социальной педагогики. Последовательная творческая разработка этой фундаментальной педагогической концепции – центральный пункт всей его творческой биографии. Это жизненно-ориентированная педагогика, стремящаяся быть экспериментально-опытной наукой, доказательной, способной оказывать мощное влияние на социально-гуманитарную практику. Это педагогика успешного развития огромного потенциала человеческой личности.

В русле социальной педагогики рассматривая сферу взаимодействия поколений, А.С.Макаренко принципиально по-новому, масштабно решает проблемы воспитания детей и молодежи, деятельности школы и семьи, других воспитательных институтов общества. Он обращается к элементам педагогики во всех основных областях жизни и деятельности взрослых.

Он не только рассматривает школу как «сколок общества», но и общество представляет как «сколок школы». (Ныне, к примеру,все более ясно: диспропорция числа педагогов-женщин и мужчин в школе – одна из причин ненормальности в отношениях полов в семье, обществе в целом).

Исходным для А.С.Макаренко является понимание того, что человеческая история, основанная на экономических законах, имеет и «собственно гуманитарные» закономерности, где важнейшую роль играет закономерная смена поколений. Воспитание в контексте смены поколений выполняет две общественно значимые и взаимосвязанные

функции: закрепление социально-гуманитарных достижений; активное содействие историческому прогрессу.

Социальная педагогика А.С.Макаренко, сближая молодое и старшее поколения в процессе жизненной практики, приобщения учащейся молодежи, подростков к производству и социально-культурной деятельности, - утверждает первенство воспитания в педагогике, четко обозначает специфику «собственно воспитания», в его отличии от обучения. Это «воспитательная педагогика», как он говорил. Она воплощается в определенном типе школы – школе жизни, труда, воспитания.

Воспитание «в потоке жизни», в соответствии со знаменитым тезисом Ж.Ж.Руссо и И.Г.Песталоцци «Жизнь образует», - стержневое положение педагогики А.С.Макаренко. Она устраняет разрыв объективных и субъективных, материальных и духовных основ воспитания, его внешних и внутренних предпосылок. В педагогической науке исчезает ее главный порок – отрыв теории от практики.

5. С идеями и опытом А.С.Макаренко конкурирует другая концепция педагогики - дидактическая, где главенствует обучение, в том числе и трудовое, профессиональное обучение. Этому направлению соответствует школа типа «школы учебы», воспитывающего обучения. Основное содержание ее деятельности – подготовка к поступлению в вуз, обеспечение высшего профессионального образования (идущего также по направлению «школы учебы», при низком уровне жизненно-практической подготовки).

Педагогике А.С.Макаренко противостоит педолого-педагогическая концепция. Она утверждает первенство «свободного развития» личности по заложенной в ее природе «программе»; обучение и воспитание мыслятся по существу лишь в функции «поддержки» и «саморазвития»; социально-педагогическая целенаправленность развития личности сводится к минимуму или полностью игнорируется. Вектор: от развития к обучению и воспитанию (или вообще без него) – коренным образом расходится с макаренковским (и ведущим в истории педагогики и психологии) направлением: от воспитания и обучения к развитию.

Педагогика А.С.Макаренко – это «муштра», таков главный тезис его оппонентов. Тем самым они фактически характеризуют ее как «сильную» педагогику, в отличие от «слабой», не способной и не желающей в полную меру реализовать социально-индивидуальные потенциалы личности. Это столкновение оптимистической и пессимистической концепций, верящей и не верящей в человека, в социально-гуманитарный прогресс, способствующей прогрессу или тормозящей его.

У А.С.Макаренко – «созидание личности», в единстве ее ума (знания, интеллекта), волевого действия и чувства, т.е. воспитание человека-созидателя, творца, духовно

богатой личности. У его оппонентов – односторонне-интеллектуалистическая или узко-прагматическая трактовка сознания, ущербное общее развитие личности, простое приспособление (адаптация) ее к существующему, формирование потребительского уклона в поведении (неизбежного при простом усвоении-«присвоении» знания и утилитарно-технократическом отношении к нему).

«… Семья Кононенко … В ней все построено на целесообразности учебы сына. Поэтому для сына вообще ничего не остается другого, как расти эгоистом» (т.5, с.264; К.С.Кононенко – с марта 1932 г. работник финчасти коммуны).

Педагогика А.С.Макаренко, будучи творчески-активной, является «ответственной», как он говорил. Четко обозначая цели и средства воспитания, она гарантирует определенные результаты, подтверждаемые практикой. Проблема результатов, критериев эффективности педагогической теории и практики здесь приобретает первостепенное значение. Этого нет в педагогике, где целевая неопределенность вполне оправдывает неопределенность результатов.

Вступающая в противоречие с А.С.Макаренко «слабая» педагогика аппелирует к принципам природосообразности и гуманизма. При этом насущная потребность детей в полноценном воспитании не удовлетворяется, насильственно сдерживается. А.С.Макаренко раскрывает природосообразность как проявление действующей в мире целесообразности, закономерной связи явлений. В его гуманистической педагогике, основанной на жизненной, хозяйственно-трудовой практике детей, изживаются две крайности: искусственность, насильственность воспитания – и его слабость, пассивность, консерватизм.

6. Идею единства воспитания и жизни, школы и общества, воспитания и производственной деятельности А.С. Макаренко реализует в соответствии с методологическим принципом «параллельного действия»: связь этих бинарных (парных) оппозиций устанавливается не прямо, а опосредованно, путем создания единой «трудовой общины» взрослых и детей в педагогическом учреждении. Это «связующее звено» между развивающейся, формирующейся личностью и обществом – «воспитательный коллектив».

Его две взаимосвязанные функции: оградить детей от отживающих превратностей жизни; обеспечить полноценное воспитание, учитывая возрастные особенности детей, сочетая общественные и индивидуальные потребности «сегодняшнего и завтрашнего дня». Существующие принципы и формы социальной организации не механически переносятся в этот коллектив, а педагогически трансформируются. В 1926 г. А.С.Макаренко писал: «Способы организации, финансирования, учета, отчета, штатов решительным образом противоречат задачам нового воспитания … Нужно создавать новую педагогику, совсем новую» (т.1, с.227-228).

Воспитательный коллектив и молодой человек приобретают «право гражданства» на основе продуктивной трудовой и социально-культурной деятельности. Преодолевается отчуждение человека от средств производства и результатов труда. Воспитывается человек, способный распоряжаться собственностью, жить и действовать в условиях хозяйствования, экономических отношений, сохраняя и развивая духовно-нравственную сущность труда при его механизации и автоматизации, технологической организации производства. Это педагогика, «обгоняющая общество в его человеческом творчестве» (т. 4, с.120).

Основной контингент воспитанников трудовой колонии им.М.Горького и трудовой коммуны им.Ф.Э.Дзержинского - дети подросткового возраста и периода ранней юности, 13-17 лет. Колония предназначалась для несовершеннолетних правонарушителей; коммуна – для беспризорных. Пребывание в них – от 1-2 лет до 3-5. А.С.Макаренко произвел 10 организованных выпусков; проводились и эпизодические выпуски: на работу, отправка в семью и др. Всего воспитание-образование здесь получили около 2-х тысяч человек. (Бóльшее число А.С.Макаренко указывает с учетом его работы в дореволюционной школе).

Это открытые учреждения, с совместным воспитанием мальчиков и девочек, с добровольным пребыванием в них детей (применялись морально-психологические средства их «удержания» в учреждении). Здесь было немало «полусирот»; специально принимались добровольно пришедшие беспризорные, дети из семьи.

Создание «нормальных», наиболее близких к жизни взрослых социально-экономических условий – главное в работе колонии-коммуны А.С.Макаренко, в соответствии с его генеральной установкой на полноценное и результативное воспитание. Приведение «трудных» детей к «норме» занимало обычно 2-4 месяца. Важнейшими педагогическими принципами были забвение недостойного прошлого детей, опора на их будущее, воспитание сознательного отношения личности к себе.

В 1923-1925 гг., говорит А.С.Макаренко, его колония по существу перестала быть «правонарушительской», и наступил период «нормальной работы» (т.4, с.139-140). В конце 1923 г. колония становится опытно-показательным учреждением украинского Наркомпроса, финансируется не из местного, а из государственного (республиканского) бюджета.

То, что А.С.Макаренко делал важные для общей педагогики выводы на основе опыта работы не в обычной, «нормальной» школе, а в учреждении особого типа, в условия интерната, - только еще раз подтверждает закономерность: «прорывы» педагогики в новое качество совершаются именно с выходом за пределы обычной школы, обнажая ее ограниченность, необходимость коренных изменений.

7. Соотношение числа воспитанников и взрослых: педагогов, мастеров производства, квалифицированных рабочих, административно-технического персонала - в опыте А.С.Макаренко к 1930-1932 гг. выступало как 3:1. Превращение этого соотношения в 1:3 в коммуне им.Ф.Э.Дзержинского в 1934 г., в результате педагогически необоснованного расширения производства, вело к разрушению ее педагогической системы. Нормой, вероятно, можно считать отношение 1:1, которое в какой-то момент возникло в макаренковской практике. Превышение числа взрослых над числом воспитанников позволило А.С.Макаренко глубоко познавать «элементы педагогики» в системе существующих производственных и общественных отношений, общего для старшего и молодого поколений процесса их социализации.

Взрослые, старшее поколение, педагоги в теории и практике А.С.Макаренко ценны прежде всего как «живые люди», всесторонне обогащающие жизненный опыт детей, стиль и «тон» человеческих отношений в разных сферах общения и деятельности. В этой функции предстают не только работники колонии-коммуны, но и связанные с ней сотрудники различных государственных и общественных организаций, прежде всего ее шефы, а также лица из окружающего населения, молодежь.

Работая нд «Педагогической поэмой», А.С.Макаренко в начале 30-х гг. составил аннотированный список ее «типов и прототипов» (А.С.Макаренко. Школа жизни, труда воспитания. Часть 1. Деловые и личные письма, статьи 1921-1928 гг./ Сост и коммент. А.А.Фролов, Е.Ю.Илалтдинова. – Н.Новгород, 2007, с.328-346).

Здесь отмечены: воспитанники – 86; воспитатели, другие работники колонии им.М.Горького (отчасти и коммуны им.Ф.Э.Дзержинского) – 31; лица из окружающей среды – 17; работники общественности – 9; деятели народного образования и педагогики – 27. В общем взрослых, так или иначе вовлеченных в организацию воспитательного процесса в колонии, - 84, т.е. фактически столько же, сколько и воспитанников.

А.С.Макаренко применяет новые принципы и формы шефских связей, строит их на основе не благотворительности, а общих практических интересов и взаимности, духовного родства, долговременных связей.

Важная форма связи со старшим поколением – ежегодные летние дальние походы коммуны, включающие «смычку» с коллективами крупных промышленных предприятий, культурную программу, многокилометровый пеший поход, оздоровительный лагерь. В колонии – праздничные походы в город, участие в социально-культурных мероприятиях, посещение учреждений культуры и отдыха.

Воспитатель, учитель в педагогике А.С.Макаренко – член единой «трудовой общины», участвующий и в производительном труде. Его работа включает рабочее и вечернее дежурство, школьную работу, «главное дежурство». Работа распределяется и

оплачивается почасно, с учетом дополнительных обязанностей. Нет закрепления воспитателя за группой детей; он не имеет формального права распоряжения и наказания. Он лишен административных функций, должен полагаться на моральный авторитет, выполнять главным образом индивидуальную работу «педагога-мастера». Коммуна отказалась от штатных воспитателей в октябре 1930 г., всецело полагаясь на воспитание всем укладом жизни педагогического учреждения.

Уклад жизни колонии-коммуны как главный фактор воспитания закрепляется в ее внутренней «Конституции», выработанной в ходе жизненной практики. Этот свод традиций и правил предполагает равенство детей и взрослых в его «внешнем выражении». Единая система административного управления (взрослых) и детского самоуправления основывается на принципе взаимосвязанных полномочий. Оперативное руководство, «непререкаемое», осуществляет ежедневно сменяемое «главное дежурство»: до 1930 г. совместно воспитатель и один из актива воспитанников, затем – дежурный командир отряда. Заведующий учреждением утверждает и исполняет общие решения, имеет право наказания, наряду с общим собранием, в исключительных случаях.

Старшие и младшие воспитанники в едином коллективе обычно имели свои подразделения-отряды, отличались при оформлении членства в коллективе по 3-м ступеням: воспитанник, колонист (коммунар), заслуженный колонист (коммунар). Действовали разновозрастные объединения, по разным направлениям их деятельности. Особое внимание уделялось формированию и обновлению актива, «ядра» коллектива. Специальная работа проводилась с вновь прибывшим и по организации выпуска, жизненному определению выпускников, оказанию им помощи.

Огромное значение имело поддержание традиций, выработанных в коллективе предшественниками, «уважение к вчерашнему дню».

8. Колония им.М.Горького – бюджетная организация; коммуна им.Ф.Э.Дзержинского - общественно-педагогическое учреждение; его предприятия были освобождены от республиканских и местных налогов и сборов.

Производительный труд, организованный как хозяйство, социально и индивидуально мотивированный, будучи важным условием не только материального благополучия, физического развития детей, но и их здорового морально-психологического состояния, - А.С.Макаренко положил в основу воспитательного процесса.

Центральный орган детского самоуправления, совет командиров, в его опыте выполняет прежде всего хозяйственно-распорядительные функции. В структуре детского коллектива и его самоуправлении ведущее место занимает первичный коллектив в форме производственного отряда (объединения постоянно работающих на определенном участке

работы). В дополнение к этому действовуют временные сводные отряды (по отдельным видам работ, при срочных заданиях, специальные – хозяйственные, сторожевой, «комендантский» и др.).

Колония специализировалась на полеводстве и животноводстве. С весны 1924 г. А.С.Макаренко стал применять «карманные деньги», с учетом общих заслуг воспитанников. В конце 1929 г. в коммуне создается производственно-техническая организация труда, с разделением его по операциям. В апреле 1930 г. введена материальная заинтересованность, сдельная оплата труда, с финансовыми накоплениями воспитанников к их выпуску из коммуны. В июне 1930 г. коммуна переходит на самоокупаемость; для расширения производства и социально-культурного благоустройства она с 1931 г. получает государственные долгосрочные кредиты. В марте 1932 г. А.С.Макаренко отстранен от руководства производственной частью коммуны, стал начальником педагогической (учебно-воспитательной) части, помощником начальника коммуны (первоначально – И.П.Судакова).

Школа колонии давала начальное образование (применяя комплексную систему обучения), дополняла его летними курсами для подготовки к поступлению на рабфак группы желающих. В коммуне школа развивалась в направлении: кустпромшкола, - несколько групп 7-летки – рабфак Харьковского машиностроительного института (с сент. 1930 г.) – школьный комбинат: несколько классов 10-летки, машиностроительный техникум, технические курсы типа ФЗУ (1934 г.).

Труд и учеба в школе распределялись в режиме 2-х смен. В колонии во время сезонных весенних работ занятия в школе прекращались. В коммуне производственный труд ежедневно занимал 4 часа; А.С.Макаренко считал это преувеличением, полагая целесообразным 2 часа.

9. В конце 20-х гг. А.С.Макаренко заинтересовала проблема механизации сельского хозяйства, применения американской техники и специалистов в крупных опытных зернохозяйствах, типа совхоза «Гигант». В вышедшем издании «На гигантском фронте» (1929 г., в соавторстве с Н.Э.Фере, авторами обозначены Н.Ф. и А.М., укр. яз.) анализируются новые методы хозяйствования, организация практико-ориентированной научной работы.

В 1928-1930 гг. А.С.Макаренко работал над автобиографическим романом в 3–4-х частях, где жизнь и развитие колонии им.М.Горького представляются в широком контексте происходящих в стране противоречивых событий, обстановки НЭПа и начавшегося в конце 20-х гг. промышленного подъема. В центре внимания – столкновение с новым бюрократизмом, мещанством и шкурничеством, «болтающей интеллигенцией».

В вышедшей в 1931 г. книге Г.С. Салько (Макаренко) «Беспризорность и борьба с ней» материал о колонии им. М. Горького (написан А.С.Макаренко) дает представление о ней на общем фоне работы в этой области.

В 1937 г. А.С.Макаренко работал над пьесой-комедией «Забота о человеке» (написано 2 акта). Ее главные герои – «девушка милая, веселая, доверчивая» - и мужчина 36 лет, «личность темная, полная всяких пороков».

«Честь» (изд. 1937-1938 гг.) – повесть А.С.Макаренко о развитии чести и достоинства в массе трудящихся, об изменении их сознания, духовного состояния в практике общественной жизни и борьбы. Показаны изменения, происходящие в разных социальных слоях молодежи.

В статьях А.С.Макаренко общественно-политического характера (1936-1939 гг.) раскрываются новые этические явления и ценности, изменяющиеся социально-трудовые отношения, освещаются актуальные вопросы литературно-художественного творчества. Его рецензии, отзывы о художественных произведениях – это обращение к фундаментальным проблемам: литература и жизнь, человек и история, личность и общество, человек и обстоятельства, детство и литература. Его рассказы поветсвуют о старой и новой жизни, колонии горьковцев и коммуне дзержинцев, начале самостоятельной жизни выпускников этих учреждений.

Свои взгляды и опыт, проблемы воспитания и школы, общественной жизни А.С.Макаренко разъясняет в многочисленных выступлениях, лекциях, материалах 1932-1939 гг.

Мысли А.С.Макаренко о своей работе, общественных процессах, окружающих людях содержатся в его обширной деловой и личной переписке, рабочих и дневниковых записях 20-30-х гг. (сохранились записи, относящиеся к 1929 – 1939 гг.).

10. Преимущественное внимание к старшему поколению, в его связи с детьми и молодежью, А.С.Макаренко начал проявлять в конце 1932 – начале 1933 гг. В пьесе «Мажор», изображающей «коммуну им.Фрунзе», действуют 15 ее сотрудников и 18 воспитанников. Основная тема – «новая культура» производственных отношений. Скептически настроенные инженеры-технократы, их деловая квалификация сталкиваются с новой нравственностью, энтузиазмом молодежи, обновляющей основы человееского бытия.

Комедия «Ньютоновы кольца» обращает внимание на то, как в заводском коллективе, «в жизни воспитывается и перевоспитывается не только молодежь», действует «химия» повседневных отношений. Особый интерес вызывают оригинальные личности, характеры «чудаков», «дураков», вносящих в жизнь что-то необычное, невероятное.

В 1935-1936 гг. А.С.Макаренко возвращается к замыслу автобиографического романа, в произведении без названия. На сюжетной основе перестройки производственного предприятия раскрывается тема: «отношение к людям – воспитание кадров из материала «второсортного»». Здесь действует и молодежь, комсомольцы. Среди всех персонажей выделяются группы: А – положительные, 9 человек; Б – «шкурники и эгоисты», 8 чел.; В – «каждый на чем-нибудь хромает, и это открывается болезненно и на общем деле, и на собственном самочувствии каждого. Но в сущности все обыкновенные люди и все могут и хотят быть полезны» - 26 чел. Продолжение работы – роман «Человек», 1937 г. (написано 3 главы).

В «Книге для родителей» (1937 г.) на первом плане оказываются разные типы родителей, разные типы воспитания, характерные и для школы. Подняты общепедагогические проблемы: гражданская позиция воспитателя, хозяйственный коллектив, воспитание потребностей, конфликты, любовь и долг. Фиксируются явления социально-педагогического неблагополучия, формируется идея культурного и морального влияния детей на семью через школу, возникает вопрос о воспитании ответственности за семью.

Работая над последующими томами «Книги для родителей», А.С.Макаренко все более широко отражает социальные явления регресса, проникающие особенно в семьи интеллигенции и ответственных работников.

Лето 1938 г.: А.С.Макаренко работает над романом «Пути поколения» (с использованием материалов о коммуне им.Ф.Э.Дзержинского). В нем говорится преимущественно о молодом поколении, в его взаимосвязи со старшими. Замечено: есть «новое-хорошее и новое-плохое», а также «старое-хорошее и старое-плохое».

Подготовлен первоначальный материал: «Действующие лица: главные, вторые», соответственно 2 колонки. «В итоге: мужчин – 18, женщин – 10, молодежи – 12, стариков – 13, средних – 3, положительных -, отрицательных –». Персонажи обозначены со ссылками на прототипы, сотрудников коммуны им.Ф.Э.Дзержинского и воспитанников: Л.А.Арканов – Ф.Борисов (выпускник коммуны, студент); С.Данилов, Волковский – студенты Л.Салько, Л.Конисевич, Волков; П.П.Троян – инженер Горбунов; О.С.Куперман – Кочубиевский, С.Б.Коган; Анна Петровна – «уборщица»; Д.В.Савченко – «Даша из поселка» и др. Есть ссылки на персонажей пьесы «Забота о человеке».

Затем составлен «Список действующих лиц и общих судеб», по схеме: персонаж, возраст, краткая характеристика (иногда в аспекте развития личности, особенно молодых), с условными знаками +, -, 0 (положительный, отрицательных, неопределенный). В первой колонке (главные герои): люди от 23 до 50, 69 лет; два центральных героя – 26 и 23 года. Во второй колонке (персонажи второго плана): молодежь 14-27 лет и 4 человека 36-47 лет.

Общий подсчет: положительных – 14, неопределенных – 11, отрицательных – 8; молодежи – 9; первой мужественности – 6, среднего возраста – 16, пожилого – 5.

Задуманное в этом произведении затем переносится в роман «Ньютоновы кольца» (сент. – ноябрь 1938 г.) – произведение «о человеческих недостатках и человеческих достоинствах»; «это тоже педагогическая книга» (написано 7 глав).

Киносценарий «Настоящий характер» показывает педагогику, которая действует во взаимоотношениях инженерно-технических работников, учителя и подростков в школе фабрично-заводского ученичества (ФЗУ), на производстве. Работая над проблемо молодого поколения, А.С.Макаренко составил «Принципы характеров положительной молодежи», обозначив 11 пунктов (вероятно, по 11 лицам). В этом списке отмечены 42 морально-психичеких качества, в том числе и этически нечеткие, и такие: простота, «все ясно, ничего не видит, всему верит, никогда не падает духом»; эстетика «на пять минут» и др.

Киносценарий «Командировка» (первоначально «Трудный характер») - наиболее полное воплощение сути нового воспитания как солидарности поколений, общности их дел и забот. В центре внимания - рабочая молодежь, «трудные» подростки, семейные разлады. Доминирует тема моральной закалки, доверия-требования, приобщения молодого поколения к ответственности, важному и трудному делу.

Сценарный отдел киностудии «Союздетфильм» 29 марта 1939 г. признал, что сценарий под условным названием «Командировка» по своему «высокому идейно-художественному качеству дает материал для создания полноценного фильма о советской молодежи сегодняшнего дня». 1 апреля А.С.Макаренко скоропостижно скончался в вагоне пригородного поезда, следующего в Москву (по пути из Дома отдыха писателей в Голицино).

10. А.С.Макаренко не смог написать сценарий художественного фильма о современной ему советской общеобразовательной школе, заказанный ему в начале 1938 г. студией «Украинфильм». Несколько подготовленных им «тематических разработок» сценария были отвергнуты им самим или этой киностудией. 8 июня 1938 г. он писал сотруднику Украинфильма: «…В школьной нашей действительности, несмотря на известное Вам утверждение украинского Наркомпроса, я не могу найти ничего интересного, а лакировка содержания не моя специальность» (т. 7, с. 160).

В рецензии на повесть Г.А. Медынского «Бубенчики» (нач. 1939 г., книга затем вышла под названием: «Девятый «А») он писал: автор «правильно, без усилий и подкраски изображает науку и современную школу», в том числе и то, что «организующего влияния, настоящего воспитания, создающего характеры и предупреждающего «несчастные» случаи», – в школе нет (т. 7, с. 201-202).

Так в конце жизни А.С. Макаренко четко обозначилось противостояние его новаторской школы жизни, труда, воспитания – и официальной, консервативной «школы учебы».

О содержании издания

Наследие А.С. Макаренко изучается, разрабатывается и используется в развитии педагогической теории и практики уже почти 70 лет. Со временем оно обнаруживает новые аспекты, возникают новые проблемы и направления его творческого освоения и развития. С особенной силой это стало проявляться в СССР, России и зарубежных странах в 70-х гг. прошлого века, в период назревающих в мире и происходящих сейчас кардинальных общественно-политических изменений.

Пришло время, когда необходимо подвести итоги, разобраться с тем, что сделано уже тремя поколениями последователей А.С. Макаренко, произвести «инвентаризацию» и обобщение их огромной и многогранной работы. Нужно довести до массы педагогов, представителей различных областей социально-гуманитарной мысли и практики результаты макаренковедческих исследований. Необходимо ввести в научно-практический оборот многочисленные новые материалы наследия А.С. Макаренко, выявленные в последние 10-летия.

Только тогда, на принципиально новом уровне восприятия и использования, это наследие может приобрести достойную его социальную значимость, стать действенным средством обогащения общественно-педагогического знания и опыта, творческого решения актуальных современных проблем педагогики и школы.

В этом направлении работает созданная в апреле 2003 г. в Нижегородском государственном педагогическом университете исследовательская лаборатория «Воспитательная педагогика А.С. Макаренко»: зав. лабораторией докт. пед. наук Г.Н. Козлова, науч. консультант докт. пед. наук, проф. А.А. Фролов, науч. сотр. канд. пед. наук, доц. Е.Ю. Илалтдинова; в настоящее время лаборатория именуется: «Социальная педагогика А.С. Макаренко», в ее работу включился аспирант С.И. Аксенов.

В соответствии с задачами деятельности лаборатории подготовлено и вышло в свет издание: Фролов А.А. А.С. Макаренко в СССР, России и мире: историография освоения и разработки его наследия (1939-2005 гг., критический анализ). – Н. Новгород, 2006. – 36,4 печ. л. Его Именной указатель последователей А.С. Макаренко, разработчиков его наследия и лиц, так или иначе относящихся к этому наследию, содержит по СССР, России, Украине и Беларуси – 1006 фамилий, по другим странам в Европе, Азии, Америке, Африке, Австралии – 574, всего 1580 лиц из 20 стран мира.

Как сказано в конце Предисловия в этой книге (с. 8), она написана как 1-я часть трилогии; ее 2-я часть предполагалась как издание: «А.С. Макаренко в СССР.

Историография его социально-воспитательной педагогики и «школы жизни» в 1917-1939 гг.»; 3-я часть – как издание: «Основы социально-воспитательной педагогики и «школы жизни» А.С. Макаренко».

В ходе работы выяснилось, что 2-ю часть этой трилогии целесообразнее представить не в виде историографии, нашего хронологического описания трудов и педагогической практики, творческой биографии А.С. Макаренко; необходимо «дать слово» ему самому. Возник план современного, хронологически упорядоченного издания его трудов, с включением всех новых, обнаруженных в последнее время его работ, с обширными комментариями, которые отражают современные достижения отечественных и зарубежных макаренковедческих исследований. Нужно обстоятельно показать общественно-педагогическую обстановку его времени, процесс возникновения и развития его педагогической практики, ее принципов и организационно-методических средств.

Это тем более необходимо, что изданное в 1983-1986 гг. собрание Педагогических сочинений А.С. Макаренко в 8 томах (сост. А.А. Фролов по всем томам, М.Д. Виноградова и Л.Ю. Гордин по отдельным томам – Москва, изд-во Педагогика) устарело. Изданное небольшим (по тем временам) тиражом, оно мало известно и слабо используется даже в работах по А.С. Макаренко.

Продолжает использоваться издание его Сочинений в 7 томах, произведенное в 1950-1952 гг., основанное на макаренковедческой работе 40-х гг. 2-е издание этого 7-томника, 1957-1958 гг., а также различные тематические сборники, составленные затем по этому изданию, – при их использовании сейчас создают пагубную ситуацию, отбрасывая представление о макаренковском наследии на уровень общественно-политического положения 40-х годов.

Начатое нами новое издание своеобразно: оно создается в форме «учебной книги», при значительном усилении роли комментариев. Объяснение текстов А.С. Макаренко, ситуации их создания и их современной значимости дается в свете проведенных к настоящему времени исследований. Преследуя учебные цели, комментарии даются не в конце книги, где их обычно не читают, а сразу после каждого макаренковского текста. Это позволяет читателю лучше вдумываться в содержание и текста, и комментария, делать самостоятельные выводы.

В комментарии введена рубрика «Дополнения», где приводятся сопутствующие материалу А.С. Макаренко сведения, факты общественно-педагогического характера и его педагогической практики, с опорой на различные документы и публикации того времени.

Как важное дополнение к комментариям можно рассматривать «Именной указатель лиц, причастных к педагогической деятельности А.С. Макаренко» в тот или иной период его деятельности. Их обширный список показывает необходимость решительного

освобождения разработки его наследия в духе «парной педагогики», которой он противостоял. Эта педагогика действует по существу лишь в пределах системы персональных взаимоотношений «воспитатель-воспитанник», «учитель-ученик», что характерно для обучения, но совершенно недостаточно в воспитании.

Издание произведений, различных авторских материалов А.С. Макаренко под названием «Школа жизни, труда, воспитания» подчеркивает трактовку его наследия составителями: это социальная педагогика, жизненно-ориентированная. На первый план выносится ее сущностная характеристика, коренное отличие от педагогики дидактической и «школы учебы».

Подзаголовок: «Учебная книга по истории, теории и практике воспитания» – указывает на то, что издание направлено на освоение и разработку наследия А.С. Макаренко в единстве его истории, теории и практики. Это свойственное макаренковскому творчеству единство нам представляется весьма актуальным для современного развития педагогики и школы.

Учебная направленность издания проявляется и в том, что в конце каждой его части (тома) дается Учебно-методический материал: общие методические указания, тематика учебных и исследовательских работ, список литературы. Теоретико-методические установки содержат и вступительные статьи, предваряющие содержание каждого тома.

Необходимость сделать издание трудов А.С. Макаренко компактным, в 4-5 томах, при введении в него всех выявленных в последние 10-летия макаренковских работ – привела к тому, что его художественно-педагогические произведения представляются в этом издании лишь фрагментарно (они многократно выходили отдельными изданиями, и обращение к ним особого труда не вызывает; есть также отдельное издание его художественно-педагогических трудов: Собр. соч., в 5 т., под общ. ред. А. Терновского. – М., Правда, 1971). Включаются фрагменты, представляющие особую ценность в теоретическом и организационно-методическом отношениях.

Издание в целом, весь его научный аппарат, учебно-методический материал побуждают к освоению и разработке наследия А.С. Макаренко не только как целостной и многогранной системы идей, понятий и положений, характеризующих его взгляды и практический опыт. На первый план выдвигается его научный метод, новое мышление в педагогической науке и практике. Оно органически связано с макаренковской трактовкой педагогики как социально активной, практико-ориентированной науки. Это «прежде всего наука практически целесообразная» (т. 4, с. 126).

Методология педагогики в творчестве А.С. Макаренко предстает как «педагогическая логика», центральным пунктом которой является «логика педагогической целесообразности», закономерной взаимосвязи педагогических целей, средств и

результатов. Выявление этих закономерностей – специфическая задача педагогики как науки.

А.С. Макаренко преодолевает традиционное механическое разграничение 4-х «этажей» педагогики: методологического, теоретического, организационно-методического и технологического. Его методологические и теоретические установки доводятся до уровня организационно-методических решений; эти решения выступают в научно обоснованной, развивающейся системе педагогических средств, форм и способов организации воспитания.

Педагогический процесс обогащается идеей «технологической логики», «механизации педагогического дела» (т. 3, с. 391; т. 1, с. 106), т.е. созданием такой системы, которая обеспечивает органическое единство массовости, равенства в воспитании – и его полноценной индивидуализации.

Макаренковская концепция педагогики противоречит педагогике умозрительно-декларативной, «общепризнанной». Для нее проблемы соотношения теории и практики вообще не существует; есть определенные принципы и «патентованные» (как выражался А.С. Макаренко) средства, «технологии», далеко не доказанные на практике, но рекомендуемые к обязательному исполнению. Игнорирование проблемы целесообразности позволяет осуществлять ее, отступая от декларируемой теории. «Рассогласованность» целей, средств и результатов – характерная черта этой педагогики.

Ссылаясь на необычайную сложность педагогических явлений, огромные трудности их индивидуализации, эта концепция педагогики стремится так ограничить область теории, чтобы важнейшую часть ее отдать на откуп педагогам-практикам. Теория оказывается «безупречной»; недостатки и плохие результаты легко «списываются» на практику, семью, условия жизни и т.д.

Издание: А.С. Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания. Учебная книга по истории, теории и практике воспитания. Часть 1. Деловые и личные письма, доклады, статьи 1921-1928 гг. / Сост. и коммент. А.А. Фролов, Е.Ю. Илалтдинова, 31,5 печ. л. – вышло в Н. Новгороде, в 2007 г., тиражом 300 экз.

Работа над последующими его частями (томами) показывает, что в результате всего этого издания 3-я часть указанной выше «трилогии» может принять форму монографии: Педагогика А.С. Макаренко: методология, теория, практика. По этой проблеме в январе 2008 г. прошел симпозиум в Федеральном институте развития образования (рук. М.Б. Зыков, А.А. Фролов), с его материалами вышел сборник: «Современный А.С. Макаренко: методология, теория и практика педагогики» (М., 2008).

Идет апробация результатов исследований, издана программа учебного курса по выбору: Педагогика А.С. Макаренко (наука о взаимодействии поколений) – Н. Новгород,

2008. Этот курс изучается в нескольких учебных группах Нижегородского государственного педагогического университета, начиная с 2007/2008 учебного года.

Продолжение издания макаренковских трудов как учебной книги: А.С. Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания. Учебная книга по истории, теории и практике воспитания. Часть 2. Письма, разработки, книги-очерки, статьи 1928-1932 гг. Эта часть, отражающая работу А.С. Макаренко в первые 4 года деятельности трудовой коммуны им. Ф.Э. Дзержинского, значительно отличается от первой, посвященной его творчеству в трудовой колонии им. М. Горького (1921-1928 гг.).

Главное отличие состоит в том, что в Части 2 широко представлена документация 1928-1932 гг.: протоколы заседаний совета командиров коммуны, приказы, материалы стенгазет, некоторые протоколы заседаний педсовета. Использованы почти все эти материалы, хранящиеся в фонде А.С. Макаренко (ф. 332) Российского государственного архива литературы и искусства (РГАЛИ). Документация горьковской колонии не сохранилась.

Документальные материалы коммуны дзержинцев позволяют глубже понять взаимосвязь макаренковской теории и практики, обратить должное внимание на творческое развитие его идей и опыта, в их взаимодействии. Конкретные факты педагогической практики хорошо раскрывают реальный процесс воспитания, происходящий «в потоке жизни». Так воспитываются, по выражению А.С. Макаренко, «реальные, а не воображаемые качества личности», устойчивые черты характера.

Важным источником, документально обогащающим Часть 2-ю, стал изданный в конце 1932 г. в Харькове сборник «Второе рождение. Трудовая коммуна им. Ф.Э. Дзержинского», отражающий историю ее создания и развития. В нем 12 материалов, в том числе 3 – тексты А.С. Макаренко.

Так как заведовать коммуной им. Ф.Э. Дзержинского А.С. Макаренко начал в октябре 1927 г., будучи одновременно зав. колонией им. М. Горького (до начала июля 1928 г.) и зав. Управлением детучреждений интернатного типа Харьковского округа с авг. 1927 г. (по февраль 1928 г.), – необходимо иметь в виду, что в течение 6 месяцев он совмещал три должности и 5 месяцев – две.

На этом общем фоне развертывалось начало его деятельности в коммуне дзержинцев. Оно тесно связано с драматическими событиями конца его работы в двух других учреждениях. Об этом обстоятельно говорится в Части 1 нашего издания, с. 214-314. В ней освещается лишь самое начало работы А.С. Макаренко в коммуне им. Ф.Э. Дзержинского (с. 216, 232, 236-238). Материал, характеризующий его деятельность в коммуне с начала 1928 г. целиком перенесен в Часть 2.

Поэтому творчество А.С. Макаренко в первые 6 месяцев деятельности коммуны, до начала июля 1928 г., необходимо изучать «в параллели» с историей двух других его учреждений, обращаясь к материалу Части 1 этого издания, как бы «накладывая» на него материал 2 части. И в целом нужно иметь в виду сказанное им: история колонии им. М. Горького и коммуны им. Ф.Э. Дзержинского – это история одного воспитательного коллектива, единого в своем содержании педагогического опыта.

Часть 2 издания строится в соответствии с теми же принципами и правилами, которые изложены в Части 1, с. 17-19.

Об источнике, по которому дается публикация того или иного текста А.С. Макаренко, сообщается в самом начале комментария к нему. Источник из предшествующих публикаций выбирался составителями с учетом его полноты и точности соответствия оригиналу. О первых и других публикациях, их недостатках и достоинствах, а также о лицах, кто выявил и опубликовал материал, – не сообщается (чтобы не утяжелять содержание книги, имеющей учебный характер).

Не сообщается и о дополнительной работе составителей над источниками, включая устранение имеющихся купюр, уточнение датировки материалов, редактирование текстов. Материалы на украинском языке даются в переводе на русский язык, со ссылкой в комментарии на язык оригинала; не указываются авторы перевода.

Материалы, публикуемые впервые, обозначаются ссылкой на архивный источник.

Введенные в макаренковские тексты составителями при редактировании отдельные слова даны в квадратных скобках.

Комментарии выполнены с соблюдением основных требований к ним: указание на датировку и обстоятельства появления материала, реакция на него (с учетом тогдашней общественно-педагогической ситуации), его значение для того времени, значение для современной педагогики и школы; пояснения к отдельным словам, выражениям, фактам. Разъясняются смысл и значение наиболее важных макаренковский понятий и положений, говорится об их предистории, уточнении и разработке в последующие годы.

Все это должно способствовать переходу в освоении и разработке наследия А.С. Макаренко от «цитатничества» и разрозненных представлений – к усвоению его целостной и развивающейся педагогической системы, в ее единстве с его методом педагогического мышления и действия. Это наследие должно освободиться от конъюнктурного и догматического понимания. Его нужно воспринимать как явление живое и творческое, адекватное социально-педагогической действительности, развивающейся в соответствии с ее закономерностями.

В разных томах издания в макаренковских текстах повторяются идеи, факты, лица, требующие пояснений. Это ведет к некоторым повторам в комментариях, по томам; но каждый раз отмечается и нечто новое, соответствующее иным обстоятельствам.

Учебно-методический материал, содержащийся в Части 1 (с. 355-360), переносится в Часть 2 с некоторыми дополнениями и изменениями, с учетом характерных для коммуны им. Ф.Э. Дзержинского новых социально-педагогических явлений и проблем.

Дано дополнение к Учебно-методическому материалу – Отдельные издания, публикации 2-й пол. 2007 г. – 2008 г. (1-я пол. года).

Включены дополнительные материалы к Части 1, выявленные позднее.

В подготовке тома к печати принял С.И. Аксёнов.

Подписи к фотографиям

На форзаце в начале книги:

1. Пост сторожевого отряда в вестибюле здания коммуны, при главном входе.
2. А.С. Макаренко. Фото из альбома коммуны, 1932 г., с его подписью: «Макаренко Антон Семенович. Комментарии излишни» (подписи-комментарии им сделаны ко всем фото в этом альбоме).
3. Фасад главного здания коммуны, со сделанными в 1931 г. пристройками: завода электросверлилок (справа) и спален, классов (слева).
4. Заседание совета командиров коммуны, 1931 г. А.С. Макаренко 5-й слева.
5. Завод электросверлилок, 1932 г. (черный квадрат вверху – портрет, заретушированный позднее).
6. Главное дежурство по коммуне: дежурный командир отряда, деж. член санитарной комиссии, деж. член клубного совета, деж. сигналист и, вероятно, деж. член сторожевого отряда (возможно, 2-й дежурный командир или член коллегии деж. заместителей зав. коммуной, коммунар).

На форзаце в конце книги:

1. Урок немецкого языка, рабфак, II курс Б.
2. Группа рабфаковцев в учебном кабинете физики.
3. Коммунарки Тулецкая и Брегель за обмоткой якорей электросверлилок.
4. Коммуна в походном строю, Ялта, август 1930 г.
5. Оркестр коммуны, крымский поход, август 1930 г. Первый слева в первом ряду – Т.В. Левшаков, дирижер; рядом с ним – К. Ширявский, фанфарист; с тарелками – А. Землянский.
6. Походный строй коммуны, август 1930 г. Десятый справа – А.С. Макаренко, возле малышей.

7. Военная игра малышей, с игрушками, на столах (могла быть и на полу). На заднем плане справа – В.Н. Терский.

8. На пляже, лагерь у Бердянска, август 1932 г.

Стр. 8:

1. Нарукавный знак-эмблема трудовой коммуны им. Ф.Э. Дзержинского.

2. А.С. Броневой, член правления коммуны с лета 1931 г.; зам. председателя правления с марта 1932 г.; предс.правления с сент. 1932г.

3. К.М. Карлсон, предс. правления коммуны с марта 1932 г., зам. предс. ОГПУ УССР.

4. Т.Д. Татаринов, фото 1924 г., во время работы в трудовой колонии им. М. Горького; зав. учебно-производственной частью коммуны с 1932 г.

5. С. Швед, секретарь совета командиров коммуны, октябрь 1931 г. – май 1932 г.

6. М.М. Букшпан, секретарь правления коммуны до марта 1932г., затем член правления; игра в шахматы с коммунарами, 1932 г.

7. Коммунар И. Ткачук, рационализатор, с электросверлилкой.

8. Обложка издания: Салько Г. Беспризорность и борьба с ней. – Харьков, 1931.

9. Обложка издания: Фере Н., Макаренко А. На гигантском фронте. Опыт совхоза № 2. – Харьков, 1931.

10. Обложка издания: Макаренко А. Марш 30 года. – Москва, 1932.

11. Грамота, данная А.С. Макаренко Наркомпросом УССР, 1932 г.

12. План зданий и территории коммуны, 1932 г. Выделенный жирно корпус в виде буквы «Ш» – главное здание, построенное в 1927 г.

Стр. 9:

1. И. Волченко, секретарь совета командиров коммуны, с сентября 1932 г.

2. К. Борискина, командир группы обмотчиц якорей электросверлилок, 1932 г.

3. В. Козырь, член бюро рационализаторов и изобретателей коммуны; в оркестре корнет, 1932 г.

4. А. Чевелий, с кроликом (шеф крольчатника коммуны), «агитмасс спортячейки», 1932 г.

5. А. Захожай, командир отряда, «замечательно бодрый и остроумный,… агитмасс комсомольского коллектива» (А.С. Макаренко), 1932 г.

6. А. Землянский, член комсомольского бюро коммуны, секретарь совета командиров с мая по сентябрь 1932 г., «Робеспьер», 1932 г.

7. В спортивном зале коммуны, кадр кинохроники, 1932 г.

8. Запись А.С. Макаренко заседания совета командиров (начало).

9. Приветственный адрес А.С. Макаренко к 4-летию коммуны, январь 1932 г., 2 текста: сотрудников и воспитанников, с их подписями.

10. Фрагмент письма А.С. Макаренко Г.С. Салько (Макаренко), 6 декабря 1929 г.

Вроде методического плана клубной работы

1. Каждый воспитатель берет на себя форму клубной работы с лабораторно-кружковой постоянной деятельностью и целевой установкой на частичную или периодическую временную работу в массе воспитанников.

2. Воспитатель, взявший кружок или группу, отвечает за достижение цели кружком (драмкружок хорош только тогда, когда он даст хороший спектакль, хор – концерты и т. д.).

Рекомендую взять:

В. Н. и Е. Г.[1] – кружок рукоделия, который, как и всякий кружок, только тогда может заинтересовать участников, когда он будет иметь периодические конкретные задания[2]. Дело этого кружка можно поставить очень широко. Пример: вышить на все подушки красивые покрывала, ввести вышивание бисером и пр. и пр.

В. Н., Е. Г., а может, Р. О. – литературно-вокальный кружок с целевым заданием: устройство концертов, литературно-музыкальных вечеринок и т. п.

Р. О. или Е. Г. – группу подвижных игр (без лабораторно-групповой работы)[3].

За Л. Ф., очевидно, останется литкружок (цель выпуска журнала). С Т. Д. я поговорю, насколько он имеет возможность активно вести клубную работу.

Каждый воспитатель должен выбрать только одну из рекомендованных или предлагающихся для выбора форму работы. Или по своей инициативе. Я указываю тут бесспорно жизненные, опытом подтвержденные формы работы. Мог бы указать на новые формы работы, жизненность которых теоретически доказать нельзя, да и названия надо еще придумать. Не хочу также подкладывать коллегам «свиней», советуя, возможно, не жизненные формы работы.

Для выбора: хоровой кружок, драмкружок, изо, спортивно-военный, литературный, стенгазеты, политграмоты, световой газеты, сказок, шахматно-шашечный, танцев.

Последние два считаю малоценными. Шахматно-шашечный потому, что турниры будут устраивать конкурсные бюро. Обучение неумеющих играть в шашки и шахматы можно «прилепить» любому играющему хлопцу.

Кружок танцев вообще не особенно важный кружок.

Кроме того, обязательно должно быть конкурсное бюро по организации конкурсов, ребусников, турниров и пр.

Учебно-театральный кружок (пластика, мимика, изучение искусства) и прочие кружки школьного типа[4] пока что начинать не стоит. Лучше меньше кружков, но с настоящей работой.

Каждый кружок должен быть налажен с таким расчетом, чтобы он работал все свободное время хлопцев каждый день, и особенно в воскресенье, и чтобы там

воспитатель не торчал помногу, а наведывался бы по мере надобности (в первое время, конечно, почаще).

Советы коллегам

Организация формы (кружка или группы).

А. Если вы уверены в том, что дело у вас пойдет, охотники найдутся, и вам ясна перспектива расширения и углубления работы, то хорошо начинать работу с «треском», одним ударом, т. е. объявить афишей или устно запись в какой-то кружок, но тогда следует сразу же объявить день, час и место первых занятий кружка и с места в карьер начать работу.

Афишу в таких случаях надо делать по возможности яркую и большую. Неплохо повесить даже несколько. Одновременно пустить в газетке статейку о кружке и повести агитацию (беру заказы, выполняю бесплатно, быстро и в любом количестве).

Б. Если форма работы вам мало [знакома] или совершенно незнакома, то ни в коем случае не следует начинать ее по А. Если перспектива работы туманна, настроение к данной форме работы не ясно, то следует начинать по принципу науки, а не искусства, т. е. не детализировать от общего, а обобщать от частности, конкретно и ясно и в процессе самой работы, оную изучаючи, стараться углублять и расширять работу, выбирать наиболее ценную и интересную цель и, вначале пропуская сквозь пальцы ряд мелочей, на которые следовало бы обратить внимание, постепенно повышать требования (вплоть до ежеминутного подметания пола).

Организацию такого кружка следует начинать с одним-двумя воспитанниками и расширять постепенно без всякой записи, афиш и прочей помпы.

Работа

А. С самого начала работы не навязывайте своих убеждений и мнений и как можно меньше старайтесь лезть с указаниями, дайте полную инициативу и равняйтесь на мнение большинства, стараясь быть образцовым и авторитетным товарищем и помощником всякому в кружке.

Пусть вначале мнение большинства, не количественного, а волевого (кто шибче кричит, как на новгородском вече), даст нежелательный вам уклон, пусть, не ахайте. Как только собьется ядро, актив, сколотится сильно заинтересованная кучка, берите руль и начинайте гнуть беспощадно свою воспитательную линию, подчас диктаторски действуя в отношении «дураков», не понимающих своей пользы, которым словом доказать невозможно или нет времени.

Помните всегда *аксиому:* «Ни один человек в кружке никогда не будет активнее вас самих работать, пока кружком руководите вы, и всегда будут хоть один-два человека, по активности равные вам».

И еще одну: «Актив кружка всегда настолько же заинтересован делом, насколько заинтересован руковод[5] математически».

Б. В процессе работы, индивидуально изучая участников, старайтесь нагрузить каждого по его способностям и никогда не бойтесь перегрузки.

Давши задание, требуйте точного выполнения (запоминайте, что кому вы сказали) и давайте всегда задания по способностям (чтобы мог выполнить при большом напряжении), но никогда не забивайте своим авторитетом инициативу каждого, а, наоборот, старайтесь давать «туманное» задание, пробуждая таким чином[6] необходимую для расшифровки инициативу.

Внимательно прислушивайтесь к толковым замечаниям и громогласно признавайте свои ошибки. (Я всегда говорю: «Ах, какой я дурак», – и думаю, что авторитет мой от того не падает.)

Многочисленные показы и указы совершенно не действуют, тогда как живой пример действует ураганно. Попробуйте поработать с воспитанниками и не глядеть на них, и потом понаблюдайте за работой. Они даже в момент раздумья бессознательно будут водить пальцем за ухом, если вы имеете эту привычку. Неосознанно они воспринимают очень сильно.

В. Относитесь ко всем с одинаковым вниманием, но громогласно уважайте по активности, не давайте возможности «горлопанить» активистам, иначе вступление в кружок будет остановлено и самый кружок расползется от «периферии и до центра».

Каждый активист должен быть тихим и не капризничать, в противном случае его необходимо выдворить, и с возможно большим треском, насколько бы он ни был ценным для всего кружка по своим способностям.

Чересчур тихие ребята тоже нехороши.

Г. В процессе работы, считаясь с условиями, старайтесь расширять задания. Если вы вышиваете коврик, то лучше вышить его хоть чуточку лучше, хотя бы для этого потребовалось в 25 раз больше работы. То же самое в отношении спектакля, концерта и пр.

Никогда не забывайте *аксиомы:* «Стремление к красоте, крепко заложенное природой в каждом человеке, есть лучший рычаг, которым можно повернуть человека к культуре». «Бить на красоту, – значит, бить наверняка». «Красота – самый могучий магнит, и привлекает не только красивое лицо или фигура человека, но и красивый поступок, красивый спектакль, красивый концерт, вышивка и даже красивый картонный солдат»[7].

Это не следует забывать. Лучше поставить один красивый концерт, чем восемнадцать отталкивающих, ибо уже на второй из последних нужно будет тянуть административно, а это совсем не достижение для клубной работы.

Отсутствие воли и недостаточность трудового навыка требуют подчас влияния административного характера, но это, по-моему, допустимо лишь в том случае, если оно оправдывается целью (влиянием на массу, массовыми выступлениями) и требует интенсивной работы кружка, каковую создать иначе не хватает времени (но не может быть, чтобы не было возможности).

Со злостными единичными бузотерами проще всего поступать административно, через завкола (дабы не терять времени), но надо помнить, что это совершенно к достижениям не относится, а как раз навпаки[8] (в области клубной работы).

Иногда возникает необходимость закричать диким голосом и выпялить страшно глаза, но это опять-таки допустимо, по-моему, в целях экономии времени, если оная экономия нужна для дела.

Лучше всего говорить обыкновенно, спокойно, но настойчиво, не стараться говорить, дабы говорить, и давать высказываться побольше тем, кто говорит поумнее (но не поскладнее).

В *частных случаях* по отношению к «дуракам» или слабовольным совершенно необходимо самое репрессивное и полезное насилие с помощью завкола, но следует пользоваться им осмотрительно, учитывая, здоров ли вполне хлопец, не ленится ли он по причине быстрого физического роста, физического или общего переутомления и слабости[9].

Каждый воспитатель может смело браться за любой кружок, за любую форму работы (это не агитация, а моя искренняя и глубокая уверенность).

Вы знаете, довольно противно слушать, что Терский спец по клубной работе, Терский знает, как и что, и Терский умеет.

Терский именно всю свою жизнь берется за то, чего он не умеет, и его «недостаток», что у него не идет дело, уж когда-то им сделанное.

И вот, заметьте, всякое дело, которое не умеешь делать, обязательно выйдет, если поднатужиться и добиваться своего во что бы то ни стало, верить так, как верят большевики в революцию, – обязательно выйдет. Помешать может только землетрясение или ваша смерть.

Организуйте кружок по способу Б, если вы вначале неясно представляете себе, как и что. И дуйте, и дуйте – выйдет.

Вот и вся психология.

Достаньте литературу, облазьте музеи, клубы, пошевелите мозгами, побеседуйте с коллегами, хлопцами, посмотрите, почитайте, послушайте, пощупайте, подумайте, прикиньте, отмерьте, отрежьте, выкиньте, еще отрежьте, еще выкиньте, и еще, и еще и дуйте, и дуйте.

Обязательно выйдет на-ять.

По-моему, так: если вы делаете дело, которое у вас заведомо выйдет и которое вы уже десять раз делали, то вы только отдаете свои силы и знания и ничего не получаете, а если вы делаете дело, которое вам мало или совсем не знакомо, то вы очень много получаете (во всяком случае, больше, чем в любой школе), потому что вас само дело заставляет работать активно, и посему последнее в целях саморазвития гораздо лучше[10]. Возьмитесь вы, например, по способу Б за организацию кружка английского языка. Самоучитель достать пустяк. Начните сами [подготовку] на два дня раньше [начала деятельности] кружка, и всегда будете впереди как объясняющий, лучше и скорее всех научитесь. Вас необходимость заставит научиться... А дело будет живое, я наблюдал, как хлопцы по часу разбирают в библиотеке английские буквы, правописание и пр.

Только надо, чтоб в вас самих горел огонь. Вы смотрите: ну какое же мертвое дело стенография, а в условиях колонии им. Горького привлекало десятки первогруппников[11], которые явно ни бельмеса не понимали и все-таки с охотой и добровольно посещали Збировского, потому что последний верил, дул, дул и выдул.

За всяким советом и помощью технической, пожалуйста, обращайтесь ко мне.

Если вам нужно что-нибудь нарисовать – пожалуйста.

И кроме того: кто искренне базируется в своей неуверенности на неумении рисовать, записывайтесь немедленно в художественный кружок, и я вам обещаю, что через месяц вы рисовать будете, хотя вам казалось, что у вас абсолютно нет никаких способностей (только при вступлении вы обязуетесь точно выполнять все те посильные задания «с перегрузочкой», какие вам будут даны).

Художественный кружок, как кружок, именно теперь по некоторым условиям начинает работать с самого начала. Если вы сейчас не запишетесь, будет поздно – мы уйдем вперед и больше начинать уже не будем, хоть гром греми.

Вообще о методике клубной работы говорить можно долго, а писать нет времени, так что кто интересуется, пожалуйста – я всегда свободен.

Все почти новые формы клубной работы я представляю себе лабораторно-производственными с целевой установкой на игру или другое культурное развлечение, и поэтому весьма возможно, что некоторые из них сольются в мастерской изо, сиречь[12] свободной мастерской[13]. Ежели на эту именно мастерскую будет хорошее большое

помещение и на оборудование достаточно средств, то, по-моему, небывалый успех неминуем, а через год-полтора и доходная мастерская.

По распределению форм клубной работы между воспитателями необходимо сейчас же выработать твердое расписание клубных занятий для увязки работы некоторых кружков, оркестра и гарантии работы минимум один час.

Для формы работы весьма трудно брать такие громкие всеобъемлющие темы, как кружок культурного рабочего. Это должны представить в сумме все кружки, ибо иначе могут получиться нудные поучения и подтягивание в административном порядке, и внушают такие кружки слабым робость. Надо прежде всего внушить, что клубзанятия – приятное, полезное и интересное отдохновение, и на этой почве строить как можно более ценные пункты клубной работы[14].

Языком болтать надо умеренно и не больше, примерно, одной пятой всего времени занятий кружка, а самое главное – всему педколлективу в этом направлении надо работать дружно и самим предлагать помощь друг другу, не ожидая зова, ибо иной раз неудобно просить, думаешь, устал человек, чего его тревожить.

А. С. Макаренко. Педагогические сочинения: В 8 т. / Сост. А. А. Фролов (по всем томам), М. Д. Виноградова, Л. Ю. Гордин (по отд. томам). – М., 1983-1986. Т. 1, с. 64-67 (далее ссылки на это издание даются с указанием лишь на том и страницы). Опубликовано с небольшими сокращениями. Без даты. По тексту и смежным источникам материал может быть отнесен к началу 1928 г. 10 и 24 января 1928 г., на двух заседаниях педсовета трудовой коммуны им. Ф. Э. Дзержинского, обсуждался вопрос об организации клубной работы (дается по архивному источнику, РГАЛИ, ф. 332, оп.4, ед.хр. 374). Подготовлено в сотрудничестве с В. Н. Терским.

Данная методическая разработка ярко показывает: «частные» вопросы педагогики А.С.Макаренко решает в органической связи с определенной общей методологией. В зависимости от имеющегося опыта та или иная форма клубной работы организуется или «по принципу искусства» («детализируя от общего»), или по «принципу науки» («обобщая от частности», в процессе практической работы).

О начале работы А.С.Макаренко в детской трудовой коммуне им. Ф. Э. Дзержинского с 20 октября 1927 г. см.: А. С. Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания. Учебная книга по истории, теории и практике воспитания. Часть 1. Деловые и личные письма, статьи

1921-1928 гг. / Сост. и коммент. А. А. Фролов, Е. Ю. Илалтдинова. – Н. Новгород, 2007, с. 232, 236-238, 271, 287-291.

Коммуной он тогда руководил одновременно с заведыванием трудовой колонией им. М. Горького (до 3 сент. 1928 г., дата с учетом трудового отпуска) и руководством Управлением детских колоний и детдомов Харьковского округа (5 авг. 1927 г. – 15 февр. 1928 г.). Персонал коммуны первоначально составили также воспитатель-учитель Т. Д. Татаринов (в «Педагогической поэме» Н. Д. Киргизов) и переведенные из Ахтырского детгородка завхоз Опришко и повар.

Коллектив коммунаров-дзержинцев образовала переведенная 25-28 декабря 1927 г. из макаренковской трудовой колонии им. М. Горького группа, 50 мальчиков и 10 девочек 14-15 лет. 28 декабря состоялись выборы I созыва совета командиров коммуны; секретарем СК стал Д. Чевелий. В начале января 1928 г. коммуна приняла из коллектора 40 беспризорных, взятых с улицы (из «коллектора», где временно содержались взятые с улицы).

Коммуна как общественно-педагогическое учреждение создана чекистами Украины в соответствии с постановлением Коллегии ГПУ УССР от 9 апр. 1927 г. Торжественно открыта 29 декабря 1927 г., в связи с 10-летием ВЧК-ГПУ, как живой памятник Ф.Э.Дзержинскому. В.А.Балицкий (1892-1937), председатель ГПУ УССР, вручил коммуне ее знамя, от Коллегии ГПУ Украины. Коммуну посетил Л. М. Каганович, генеральный секретарь ЦК КП(б)У.

В.А.Балицкий сказал коммунарам: «Живите так, как жил Дзержинский. Работайте, учитесь, выходите отсюда крепкими гражданами.» Выступили И.М.Блат, представитель украинского правительства Буценко, от Коллегии ГПУ Доробов (он отметил главные качества Ф. Э. Дзержинского: «многогранность, строжайшая дисциплина по отношению к себе, внимательное отношение к другим людям»), Герсон (ранее личный секретарь Ф. Э. Дзержинского), представители окружкома и окрисполкома, колонии им. М. Горького.

На следующий день в харьковских газетах сделаны публикации: «Памятник тов. Дзержинскому. На открытии дома детской трудовой коммуны ГПУ УССР», «Наилучший памятник вождю. На открытии

колонии им. Ф. Э. Дзержинского». Отмечено в выступлении В. А. Балицкого: здание коммуны построено с привлечением средств общественности, «помощь оказали тресты и другие организации».

[1] Здесь и далее даются инициалы (начальные буквы имени, отчества) воспитателей-учителей коммуны. Среди них: В. Н. Терский (в «Педагогической поэме», «Марше 30 года», «ФД-1» – В. Н. Перский, в «Типах и прототипах» – Н. Н. Кубанов, в «Флагах на башнях» – П. В. Маленький; Е. Ф. Григорович (в «Педагогической поэме» Елизавета Федоровна); ниже Т.Д. - Татаринов, в колонии им.М.Горького с лета 1925 г.

[2] Самодеятельные практические задания кружковых объединений и их творческая отчетность – характерная особенность подхода А. С. Макаренко к «клубной» («внеклассной») работе. Она организуется в соответствии с его концепцией практико-ориентированной педагогики, которая обеспечивает не только обучение чему-то, но и воспитание, формирование жизненного опыта, социально ценной мотивации деятельности и поведения.

[3] Самодеятельность, рассчитанная непосредственно на массовость, – оригинальная форма макаренковской организации «клубной работы».

[4] Имеются в виду, вероятно, кружки в основном обучающего характера, в том числе и максимально приближенные к школьным учебным предметам.

[5] Руководитель кружка, группы.

[6] Таким образом (укр. яз.).

[7] В данном случае конкретизируется важнейшая общепедагогическая установка А.С.Макаренко – опора на эмоционально-эстетический, духовный настрой деятельности и отношений личности.

[8] Наоборот, напротив (укр. яз.).

[9] Здесь, начиная с рубрики «Организация формы (кружка или группы)», по существу раскрываются этапы формирования коллектива самодеятельности, в сочетании детской инициативы и педагогического руководства, общей и индивидуальной работы.

[10] Развитие личности педагога в совместной с детьми творческой деятельности – общепедагогический принцип А.С.Макаренко.

[11] Говорится об учащихся 1-й группы (класса, как стали говорить в 30-х гг.).

[12] То есть (старослав. яз.).

[13] См. след. текст.

[14] Взгляд А.С.Макаренко на творческую самодеятельность детей в сочетании «приятного, полезного, интересного отдохновения» и целенаправленного воспитания «культурного рабочего» – очень важен для теории и практики целостного педагогического процесса.

Дополнения. **Постановление о создании «социально-культурного учреждения для борьбы с детской беспризорностью посредством воспитания беспризорных в разных отраслях труда» приняла 2 апреля 1927 г. учрежденная ГПУ УССР Всеукраинская Комиссия по увековечению памяти Ф.Э.Дзержинского (РГАЛИ, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 369). Ее функции 17 февраля 1928 г. переданы Коллегии ГПУ Украины.**

Деятельность Ф. Э. Дзержинского по охране детства началась в 1921 г.: постановлением ВЦИКа 21 января при ВЦИКе образована Комиссия по улучшению жизни детей под его руководством. 27 января приказ ВЧК обязал Чрезвычайные комиссии всех уровней взяться за упорядочение работы Наробраза, Наркомздрава, Собеса, Компрода, общественных организаций по снабжению, обеспечению детей, организации детдомов, борьбе с беспризорностью. На Украине Центральную комиссию помощи детям возглавил Г. И. Петровский, председатель ВУЦИКа.

Вскоре после Октября 1917 г. декретом Совнаркома были упразднены суды и тюрьмы для малолетних и несовершеннолетних правонарушителей, их дела стали рассматривать комиссии исполкомов по делам несовершеннолетних. «Для детей – ни тюрем, ни лагерей»; в работе с беспризорными детьми, несовершеннолетними правонарушителями и молодежью необходимо опираться на организацию серьезного труда и доверие, самостоятельность и помощь самих детей – эти положения

Ф.Э.Дзержинского легли в основу данной сферы деятельности. Учреждения «трудного» детства стали открытыми, вошли в общую систему образования, подчиняясь единым целям воспитания и его принципам.

Эти коренные изменения соответствовали государственным установлениям в отношении преступности взрослых: «от тюрем – к воспитательным учреждениям»; главное не кара, наказание, а воспитание и перевоспитание; судебная практика – с возраста 18 лет. Тем самым признавалось, что ответственность за преступность несет не только отдельный человек, но и в немалой степени общество в целом.

Проблемы детства, беспризорности и преступности несовершеннолетних в России обострились на рубеже XIX-XX вв. В 1910 г. в стране было до 2,5 млн. беспризорных детей: одна из причин этого – неурожай и голод в районе Волги. В 1912 г. в тюрьмах и помещениях для ареста находилось около 16 тыс. детей 10-12 лет. В 1911-1915 гг. через тюрьмы прошло 35 тыс. малолетних и столько же через арестные дома (Гладыш С. Д. Дети большой беды. – М., 2004, с. 37).

Война 1914-1917 гг. и гражданская война 1917-1920 гг., (при иностранном вмешательстве и военной интервенции) привели к огромному росту числа беспризорных: к 1922 г. их стало около 7 млн.; сказывалась также засуха 1920-21 гг. в Поволжье и на Украине. Принятые государством и общественностью экстренные меры позволили к началу 30-х гг. свести беспризорность к минимуму. Численность воспитанников детдомов в 1927-1928 гг. снизилась до около 150 тыс.

Докладная записка об организации свободной мастерской

В составе производственной части трудовой коммуны им. Ф.Э.Дзержинкого состоит сапожная мастерская. Когда строилась и организовывалась трудкоммуна, мы только с трудом могли представить себе реальные условия работы в ней, ибо мы привыкли к другой обстановке работы. После месячного функционирования трудкоммуны оказалось:

1. Сапожная мастерская в ряду других мастерских коммуны оказывается слишком непривлекательной для воспитанников, слишком кустарной по сравнению с серьезно поставленными, электрифицированными деревообделочной и слесарно-механической

мастерскими. Коммунары 1-го отряда (сапожники) представляются поэтому поставленными в слишком узкие производственные условия: несложный сапожный инструмент, однообразная и простая работа составляют чересчур большой контраст с другими мастерскими. Этот контраст не только кажущийся: и в действительности комплекс воспитывающих и организующих влияний в сапожной мастерской слишком беден среди других влияний коммуны[1].

2. Так как средний возраст коммунаров невелик и так как все население коммуны на 100% охватывается мастерскими, то получается, что весь средний и старший возраст поглощается деревообделочной и слесарной мастерскими и на долю сапожной остается младший возраст, совершенно к ней не подходящий.

Между тем ясно, что в составе наших мастерских должна быть одна мастерская легкого типа для возраста 11 – 12 – 13 лет. Проблема такой мастерской появляется впервые в практическом соцвосе именно в нашей коммуне, благодаря ее идеальной обстановке.

В решении вопроса, какую именно легкую мастерскую открыть вместо сапожной, для меня подсказывалось несколько решений (картонажная, переплетная), но ни одно из них не представляется вполне решающим.

Я было совсем остановился на переплетно-портфельной мастерской, но при более глубоком анализе отказался от нее.

Наконец я пришел к заключению, что наилучшим решением вопроса будет универсальная свободная мастерская, основные черты которой должны быть следующие:

а) она назначается для регулярных занятий младшего возраста и свободных занятий в клубные часы всех коммунаров;

б) в ней сосредоточены материалы и первичные инструменты по всем видам работы: по дереву, металлу, коже, гипсу, картону, электричеству и пр.;

в) она имеет целью подойти к ребенку со стороны его вкусов и способностей и дать ему возможность проявить себя в свободном трудовом усилии;

г) она не может иметь никакого производственного уклона, но в ней могут изготовляться интересные вещи, как-то: игрушки, модели, мелкие вещи комфорта, детали;

д) она вначале может быть бедная, но с течением времени обогащаться новыми видами работы и инструмента;

е) будучи свободной мастерской, она должна все же обязательно приучать воспитанника к серьезному отношению к работе, к ответственности;

ж) вокруг нее может проводиться изыскание в направлении: «Что из чего делается».

Такая мастерская потребует единовременного расхода до 700 рублей и ежемесячного до 100 рублей.

Мастерская эта будет «новеллой» в области трудового воспитания, и поэтому окончательные ее формы могут быть найдены только в процессе работы[2].

Прошу об утверждении этого предложения.

А. Макаренко

А. С. Макаренко. Пед. соч.: В 8 т. Т. 1, с. 68-69. Без даты. По содержанию: кон. января – нач. февраля 1928 г. Адресовано Правлению коммуны. Средства на организацию такой мастерской были выделены, она начала действовать. «Есть зачатки свободной мастерской», – говорится в корреспонденции В. Соболева «Коммунары-дзержинцы» (газ. «Пролетарий», 1 апр. 1928 г.). Это стало, действительно, «новеллой» в теории и практике воспитания и обучения, трудовой и политехнической подготовки молодого поколения.

Документ свидетельствует о принципиальном внимании А.С.Макаренко к проблеме творческих способностей детей, удовлетворения их возрастных и индивидуальных потребностей, создания условий для проявления потенциалов личности «в свободном трудовом усилии». О «свободной мастерской» см. также: т. 1 8-томника, с. 310.

[1] Этот вывод характерен для А.С.Макаренко: источник педагогического влияния он видит прежде всего в объективных условиях жизнедеятельности воспитанников. Создание педагогически целесообразных обстоятельств деятельности, вызывающих у детей определенные потребности, стимулирующих полноценное развитие личности, – такова его общая установка. Она в корне отличается от педологического спонтанного «свободного проявления» личности, педагогически ограниченного задачей лишь «поддержки» природного развития, по унаследованной «программе».

[2] Это конкретное воплощение фундаментального макаренковского принципа: педагогическое планирование может предполагать лишь некоторые основные аспекты; общее развитие педагогического явления определяется реальной жизненной практикой реализации задуманного. См. ниже «Доклад на заседании секции социального воспитания...»: «нужно дать возможность детскому коллективу творить формы своей жизни и быта»; нужна

«свобода для развития детского общества и общества педагогов, согласно тем условиям, в какие они попали, тем данным, какие имеют на будущее, и тем силам, какими обладают» (2-й абзац сверху).

Дополнения. **2 января 1928 г. Коллегия ГПУ УССР постановила для общего управления коммуной им. Ф.Э.Дзержинского создать: «Совет по делам коммуны, 21 чел., с участием начальников местных органов ГПУ, хозяйственных органов, Коллегии и сотрудников ГПУ УССР» (И. М. Блату и Л.А.Письменному поручено наметить состав совета, доложить его В. А. Балицкому); «Правление коммуны в составе И. М. Блата, Щербинского, Н. А. Балицкой, Л.А.Письменного – для повседневного управления всеми ее делами». (А.С.Макаренко в состав правления коммуны не включался и далее).**

«Содержание трудкоммуны отнести за счет следующих источников: ежемесячные полупроцентные отчисления сотрудников ГПУ (о чем обратиться с письмом от имени Совета); от Коллегии ГПУ ежемесячно отпускать 1.500 руб.; остальную сумму – от хозорганизаций и Помдета». (РГАЛИ, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 369, л. 14). В письме от имени Совета 18 января 1928 г. уточнено: полупроцентные отчисления «сотрудников и комполитсостава органов и войск ГПУ».

Разработан «Устав детской трудовой коммуны им. Ф.Э.Дзержинского», с рубриками: Общие положения, Имущество, Органы управления, Отчетность, Ревизионная комиссия, Ликвидация. «… Детская трудовая коммуна им. Ф.Э.Дзержинского пользуется правами юридического лица и составляет отдельную хозяйственную единицу, переведенную на хозяйственный расчет, несет ответственность по всем обязательствам в пределах, установленных ст. ст. 19 и 22 Гражданского Кодекса УССР.

…Освобождается по всем своим предприятиям от всех республиканских и местных налогов и сборов, от налогов промыслового, обращения ценностей и подоходного, а также от всех видов надбавок на местные средства». В состав коммуны входит: «1) Домостроение в поселке Новый Харьков», с дворовым местом, оборудованием общежития для беспризорных и мастерскими; 2)

«Совхоз Красные зори, прилегающий к означенному дому», с совхозными постройками, живым и мертвым инвентарем – «на правах бесплатного пользования».

Совет коммуны, 21 чел., назначается Коллегией ГПУ УССР на 1 год, с председателем совета и секретарем. Два правления: коммуны и совхоза при ней. (РГАЛИ, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 372).

17 января 1928 г. постановлением Малого Президиума ВУЦИКа совхоз «Красные зори» передан в пользование коммуны им. Ф.Э.Дзержинского. 1 февраля 1928 г. коммуне передан по акту «двухэтажный дом, с подвальным помещением, дворовыми строениями, оборудованным общежитием в среднем на 100 беспризорных детей. Имеется: водяное отопление, канализация, горячее водоснабжение, водопровод, электричество, механическая прачечная и столовая, мастерские – слесарно-механические, столярная, портняжная, сапожная». Здание построено на средства, «собранные Комиссией по увековечению памяти тов. Дзержинского». (РГАЛИ, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 369). Здание проектировал известный архитектор Носалевич; общая стоимость постройки 250 тыс. руб.

31 января 1928 г. Коллегия ГПУ УССР утвердила состав первого совета по делам коммуны, 22 чел.: председатель В. А. Балицкий, зам. председателя К.М.Карлсон, члены И.П.Судаков и др. Правление коммуны: председатель И.М.Блат, члены Щербинский, Н.А.Балицкая, Л.А.Письменный, Бачинский. Ревизионная комиссия: председатель Быстрых, члены И.П.Судаков, Янишевский, Л.А.Письменный - секретарь Президиума ГПУ УССР. (Там же. В архивном документе зачеркнуты, с пометкой «враг»: Балицкий, Карлсон, Судаков, Иванов, Розанов, Западный, Краулис, Семенов, Блат, Балицкая, Письменный, Бачинский; репрессированы во 2-й половине 30-х гг. около половины руководящего коммуной состава чекистов).

Далее (ориентировочно: в феврале) Председатель ГПУ УССР В.А.Балицкий, секретарь Л.А.Письменный обращаются в правительство, Совет Народных Комиссаров (СНК) УССР с ходатайством об оформлении Детской трудовой коммуны как самостоятельной организации, «существующей на средства от

эксплуатации мастерских и совхоза «Красные зори»», обладающей «в соответствии с законодательством Союза» правом «представления налоговых льгот учреждениям и предприятиям, находящимся в ведении комиссий по улучшению жизни детей и организаций по борьбе с детской беспризорностью», льгот «мастерским и предприятиям по подготовке воспитанников НКП союзных республик», льгот аналогичным мастерским и предприятиям Минздрава и НКВД (там же).

ГПУ – Государственное политическое управление при НКВД РСФСР по охране государственной безопасности (с ноября 1923 г. ОГПУ при СНК СССР) – создано в феврале 1922 г. на базе ВЧК – Всероссийской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией, саботажем и спекуляцией. ВЧК утверждена постановлением Совнаркома РСФСР 20 декабря 1917 г., во главе с Ф. Э. Дзержинским. Среди принимаемых ею мер предусмотрены «конфискация, выдворение, лишение карточек, опубликование списка врагов народа», нет расстрела. «До второй половины 1918 г. ВЧК не расстреляла ни одного политического врага советской власти. После серии заговоров – от дела Мирбаха до Локкарта, мятежной Перми, убийства Володарского и Урицкого… – был объявлен красный террор (Гладыш С. Д. Дети большой беды. – М., 2004, с. 400).

Протокол № 4 заседания педагогического совета коммуны **им. Ф.Э. Дзержинского, 10 янв. 1928 г. Слушали: «Доклад Крикуна о плане и календаре клубной работы на январь». Выступили: Макаренко, Дроботова, Татаринов, Прокопенко, Крикун, Глупов (бывш. воспитанник колонии им. М. Горького), Говорецкая. Постановили: «Поручить Прокопенко и Крикуну представить к 17 января постоянную схему клубной работы. Пригласить тов. воспитателей впредь до распределения [конкретных] обязанностей по клубной работе помогать тов. Крикуну во всех областях, где он найдет нужным».**

Протокол № 6 заседания педсовета, **24 января 1928 г. Присутствуют все воспитатели, зав. производством Колесса, Глупов, Чевелий (бывш. воспитанник колонии им. М. Горького). Слушали:**

1. «План клубной работы, представленный Крикуном и Прокопенко: настольные игры – Татаринов, свободная мастерская – Говорецкая, лекции и волшебный фонарь – Р. Коган, библиотека – Дроботова, стенгазета – Макаренко. «Допускать свободное образование кружков по каждому из этих пунктов. По сцене принимать участие всем преподавателям, если это понадобится по содержанию пьесы».

2. «Учебно-производственный план. Для составления плана избрать комиссию в составе Татаринова и Колесса. План представить к следующему заседанию ПС».

3. «Избрание комиссии по работе, связанной с повышением квалификации воспитателей. Постановили избрать комиссию в составе: Прокопенко, Коган, Дроботова».

4. «О недостатке средств для пополнения кабинета учебных пособий. – Ходатайствовать об ассигновании 6 тыс. руб. для пополнения кабинета.

Председатель ПС *Макаренко*

Секретарь *Татаринов*»

(РГАЛИ, ф.332, оп.4, ед.хр.374)

Операционный план педагогической работы
трудовой коммуны им. Ф. Э. Дзержинского

В основу настоящего плана положен опыт колонии им. Горького в Полтаве, а потом в Харькове с 1920 по 1928 г. Опыт этот протекал в исключительно неблагоприятных условиях, как в материальном отношении, так и в характере детского состава (правонарушители). Трудкоммуна им. Ф.Э.Дзержинского по своим условиям значительно отличается от горьковской колонии, и в деталях необходимы отступления от горьковской системы, но в основе наш педагогический совет[1] стоит на базе этой системы.

Полезность этой системы и правильность наших взглядов для нас доказана внутренним благополучием горьковского коллектива и удачными пересадками нашего опыта в Будах, Дергачах и в Нежине[2].

Поскольку же трудовая коммуна им. Ф.Э.Дзержинского представляет исключительно благоприятные условия для работы с детьми[3], мы рассчитываем при помощи научных сил Наркомпроса проверить нашу практическую педагогику в отдельных ее моментах, в тех местах, где у нас еще нет уверенности в том, что решение найдено, где есть проблема не нашей только системы, а вообще системы соцвоса.

I. Цель воспитания

В нашем соцвосе, по примеру других педагогических школ, раньше декларировалась цель воспитания. Говорилось, что цель – воспитать гармоническую личность, или человека-коммуниста. Для нас, практических работников, эти цели не могли иметь какое-нибудь значение вследствие того, что они были слишком общо выражены и не давали никаких оснований для практической работы. Кроме того, мы полагаем, что вообще установка вечных идеалов воспитания невозможна. Для каждой эпохи и даже для каждого поколения цель воспитания должна быть установлена диалектически. Подлежит также сомнению, что право устанавливать эту цель принадлежит нам, педагогам. Почему, например, мы задаемся целью воспитать гармоническую личность, если обществу в данное время нужны люди менее гармоничные?

Мы поэтому считаем, что цель воспитания нужно не устанавливать умозрительно, а находить в требованиях общества в данное время. Обращаясь к нашей непосредственной задаче, мы видим: общество отдает нам для воспитания не всех своих детей, а беспризорных, более или менее социально запущенных. Нашей ближайшей целью является возвратить им качества социально совместимого человека. Положительные стороны задачи, одинаковые и для беспризорных, и для семейных детей, мы видим и слышим на каждом шагу вокруг себя в обществе, в печати, в речах, в литературе. Одна дискуссия о новом быте достаточна для того, чтобы знать, чего хочет от нас общество.

Исходя из характера указанных двух сторон нашей задачи, мы можем составить список качеств и навыков, которые в данное время желательно воспитать в нашем юноше или девушке. Это:

1. Ощущение своей принадлежности к коллективу, зависимости своего блага от блага коллектива. На высших ступенях это ощущение переходит в классовое чувство.

2. Уважение к установлениям коллектива (класса)[4], к его богатству, к его законам. Верхняя ступень этого уважения есть понятие о чести, вытекающее из чести, т. е. ценности, коллектива.

3. Способность подчиниться коллективной дисциплине, т. е. ограничить себя в любой момент, когда этого потребует коллектив или его уполномоченный. Эта способность должна перейти в постоянное свойство сдержанности, такта, уступчивости.

4. Уверенная готовность вместе со всем коллективом естественно и просто стать на его защиту и в каждый момент быть готовым к активной борьбе. Это идея долга.

5. Ощущение своего равенства и взаимной зависимости по отношению к другим членам коллектива и вытекающей отсюда расположенности к ним, уважения, вежливости, доверия.

6. Работоспособность, т. е. стремление быть полезным членом коллектива.

7. Хозяйственность, т. е. способность организовать работу свою и чужую, руководить ею и оценивать ее результаты[5].

8. Здоровье, т. е. нормальный комплекс физических, физиологических, нервных качеств и проявлений, опрятность, жизнерадостность, половая упорядоченность.

9. Грамотность, т. е. вполне достаточная сумма формальных знаний и навыков в языке, графике, математике, естествоведении и истории.

10. Ясное и уверенное представление о положении своего коллектива (класса, государства) среди других коллективов, дружеских и враждебных – политическое воспитание.

Примечание:

1. Степень достижения в каждом из указанных разделов может быть как угодно высока в зависимости от индивидуальных талантов и наклонностей, но ни в каком случае нельзя воспитывать одно какое-либо качество, например литературный или художественный талант, совершенно забывая об остальных задачах или закрывая глаза на недостаточную их проработку. Даже больше: совершенно преступно воспитывать этот талант, одновременно допуская наличие антиобщественных навыков или враждебных классовых настроений. В таком случае скорее нужно решиться задавить талант, но обязательно воспитать классово приемлемого гражданина, если нет других выходов[6]. Я особенно останавливаюсь на этом вопросе, потому что тут обычно заблуждается наша соцвосовская практика.

2. Я особенно подчеркиваю значение таких терминов, как ощущение, чувство, способность. Я хочу этим сказать, что нужно не приучать выражать или высказывать свое отношение к коллективу или классу, а именно нужно воспитать почти инстинктивное устремление к нему, поскольку оно выражается в ощущении или чувстве[7]. Я это говорю потому, что слишком часто наблюдал полный провал пионерской работы, иногда комсомольской, когда яркие внешние выражения уживались с весьма несимпатичными и антиобщественными инстинктами и навыками.

II. Единство коллектива

Переходя к методу, прежде всего говорю о единстве коллектива. Нет ни одной педагогической книжки или статьи, где бы этому существеннейшему вопросу придавалось достаточное значение. Напротив, многие теоретические положения содержат в себе тенденции, противоречащие этому единству.

Например, детский коллектив рассматривается как нечто отдельно стоящее, как некоторый материал для воспитания. Тогда как нигде не говорится о педагогическом коллективе, воспитатель рассматривается как индивидуальный деятель и педагогический коллектив рассматривается как простая сумма этих деятелей[8]. В результате наша практика

представляет обыкновенно безотрадную картину двух лагерей, в лучшем случае находящихся в состоянии мира, но никогда не слияния, не дружбы, не единства.

В отдельно стоящем детском коллективе образуется самоуправление, которое обращается в пустую игру и бузотерство, могущие умилить корреспондента газеты, но не имеющие абсолютно никакого значения для воспитания. Педагогический персонал ограничивается школьной работой и приносит в этом кое-какую пользу, но никаких, разумеется, воспитывающих процессов, никакой реорганизации личности здесь наблюдать не приходится.

Все это в лучшем случае. Обыкновенно же разрыв между детским коллективом и педагогами принимает характер постоянного недоверия, подозрительности, с одной стороны, шпионства и надзирательства – с другой. Результаты как мирного, так и не мирного разрыва можно наблюдать на каждом шагу. Беспризорные, лишенные семьи, и в детском доме растут почти вне общества взрослых. Их отрыв от старшего поколения сказывается в образовании многих черт характера, имеющих явно нездоровый вид. Это бедность языка, долго сохраняющийся детский способ мышления, самонадеянность, подозрительность. У более развитых это переходит в сознательное противопоставление себя старшему поколению, обычно связанное с моральным анархизмом.

Еще больше зла приносит нарушение коллективного единства в другом отношении. Весь городок[9] или колония разделяются на отдельные спальни или комнаты. Каждая спальня вмещает в себе отдельную школьную группу, к каждой прикреплен отдельный штат воспитателей, каждая себя коммунально обслуживает, имеет свою столовую, свой клуб.

Таким образом, воспитывается социальное обособление, «соседский» коллективизм, мелкое мещанское кружковое объединение. Гибельность этого, впрочем, не в том, что достигается, а в том, что теряется. Упрощенная система комнатных коллективов просто бедна содержанием социальных моментов. Она не приучает к сложной машине общества со сложной цепью взаимных, не только личных, но и коллективных зависимостей (зависимостей между отдельными коллективами), к сложной системе разделения труда, к идее организованного трудового государства.

Избегая этого, наша система вводит:

а) равноправие воспитателей и воспитанников[10],

б) обязательное участие тех и других во всех функциях коммуны,

в) возможность подчинения воспитателей воспитанникам[11],

г) отказ педсовета от права законодательства[12],

д) нераздельность педколлектива по комнатам или по функциям,

е) игнорирование почасового распределения труда воспитателей[13],

ж) единый детский коллектив,

з) самообслуживание коммунальными отрядами[14],

и) систему переменных сводных отрядов,

к) обязательное приветствие,

л) символ единства – знамя,

м) воспитание переживания общеколлективной чести.

III. Диктатура коллектива[15]

В наш соцвос с самого начала привнесены были идеи «свободного воспитания», идеи о правах ребенка, о непогрешимости ребенка. Хотя формально у нас и отказались от этой шумихи, в нашем обществе, в особенности интеллигентной его части, продолжают жить старые педагогические фетиши. У нас готовы признать за благо дисциплину, но решительно не способны без отвращения наблюдать какое угодно дисциплинирование, которое если и допускается, то обязательно с тем условием, чтобы оно протекало приятно, без конфликтов и «насилия».

Хотя главные факторы воспитания мы видим в постоянном функционировании производственного коллектива, все же для детей, выпадающих из него и нарушающих его законы, мы признаем совершенно необходимым принуждение.

Мы при этом считаем: для того чтобы это принуждение приходилось применять как можно реже, чтобы оно не было усмотрением, а законом, оно должно быть абсолютным, т. е. применяться с железной необходимостью, как только есть нарушение, без пропусков, без уговаривания, без послабления[16].

Совершенно безнадежно думать, что это принуждение возможно без конфликтов, без насилия и без неприятностей. Общественное желание, чтобы в детском доме все решительно и всегда напоминало счастливую Аркадию[17], тем более невозможно, что мы имеем детей, более или менее запущенных.

В то же время, поскольку мы имеем свободный, живой, реально самоуправляющийся коллектив, поскольку у нас не придавлена личность, постольку у нас больше возможностей проявиться и отрицательным сторонам личности.

Поэтому принуждение может иногда принять форму «насилия», если без него обойтись невозможно.

Всякое принуждение при этом должно совершаться только уполномоченным для этого лицом или органом и при обязательном одобрении коллектива и обязательно от его имени.

Опыт показывает: чем прямее, откровеннее и увереннее проводится принуждение, тем реже его приходится применять. В таком случае представление о силе коллектива делается привычным и положительным переживанием.

Кто должен быть уполномочен на принуждение? Это очень трудный, но все же технический вопрос. Правильная и точная политика принуждения должна находиться в руках опытного, знающего и тактичного человека. Это нельзя доверить нескольким людям, и, следовательно, ясно, что только заведующий [учреждением] может быть уполномочен на это. Но именно уполномочен, т. е. настолько [должен] пользоваться доверием, чтобы об этом не могло быть двух мнений. Я не возражал бы даже против выборности [заведующего] детским составом.

Внешним выражением принуждения является наказание.

Проблема наказания чрезвычайно трудна, и здесь предстоит еще много поисков. Во всяком случае, во всяком наказании должна быть логика, соответствующая логике проступка. Но в некоторых случаях наиболее уместным является формальное наказание, например «домашний арест»[18]. Можно допустить даже и точный кодекс; во всяком случае, такой опыт произвести не мешало бы.

Возражая решительно против физического наказания, мы все же считаем, что в некоторых случаях применение физической силы бывает необходимо, главным образом с целью задержки, остановки.

Говоря о наказании, мы все еще должны помнить, что нашей целью, как и целью всего общества, является такая организация влияния, когда наказание станет излишним. В настоящий момент до этого еще очень далеко, но наше воспитательное учреждение все же стоит впереди общества[19].

IV. Первичный коллектив

Вопрос о первичном коллективе тем более важен, чем острее мы ставим вопрос о единстве коллектива. Это единство отнюдь не предполагает аморфности коллектива. Последний должен быть организован, т. е. обладать живыми органами движения и действия.

Идея социального воспитания требует, чтобы детский коллектив был построен по законам данного общества. Обращаясь к обществу советскому, мы видим, что оно разделяется на множество первичных коллективов, причем сеть этих первичных коллективов очень сложна: отдельный член общества состоит членом нескольких первичных коллективов (рабочего, партийного, кооперативного, жилищного), но основным коллективом всегда является рабочий.

По этому образцу мы строим систему наших первичных коллективов. Каждый воспитанник должен состоять членом нескольких групп (рабочей, школьной, клубной, партийной[20]). Наше отличие от обычных систем соцвоса заключается в том, что основным первичным коллективом мы считаем производственный отряд, а не спальню или школьную группу.

Этот момент мы считаем чрезвычайно важным, ибо он определяет основной характер нашего воспитания. Превалирование спальни, как уже было сказано, дает очень бледный эффект узкого соседского компанирования личности, превалирование же школьной группы ведет к воспитанию интеллигентских тенденций в развитии, что в нашем обществе представляется прямо гибельным. Обычно у детей в таком случае образуется пренебрежение к производственному труду, развивается чисто индивидуальный комплекс устремлений, иногда чересчур повышенное мнение о своих способностях, дилетантское суждение о вещах. В обществе буржуазном чисто школьное воспитание не шло вразрез с тенденциями общества, поскольку оно, во-первых, гармонировало с интеллигентским бытом [дворянско-чиновничьей] семьи, во-вторых, вообще соответствовало задачам командующего класса. Наши рабочие дети, особенно беспризорные, получают совершенно ложную зарядку, которая потом спутывает возможность правильной ориентировки в жизни.

Лучшим примером гибельности такой установки является история дома им. ВУЦИКа, разложившегося, несмотря на прекрасные материальные условия.

Производственный отряд у нас является хозяином своей мастерской.

Для работ по самообслуживанию, а летом по сельскому хозяйству[21] производственные отряды выделяют из себя временные (сводные) отряды. В трудовой коммуне им. Ф.Э.Дзержинского на такую работу расходуется зимой 25% рабочей силы, летом же больше. Благодаря этому наши производственные отряды приобретают характер профессиональных союзов, а, с другой стороны, отряды не замыкаются в своем обособлении. Из прилагаемой «Конституции» трудовой коммуны видна техника функционирования основных и сводных отрядов. Между прочим, мы и нашим школьным группам придаем характер сводных рабочих отрядов.

V. Самоуправление

Как и положено по соцвосу, у нас имеется выборное детское самоуправление. Моменту выборности, впрочем, мы придаем меньшее значение, нежели функционированию. Мы считаем, что каждый воспитанник должен пройти не только через рабочее усилие, но и через усилие организатора и хозяина. Мы решительно стоим против замыкания органа самоуправления в самом себе, его отрыва от массы, как это обычно наблюдается в наших детских учреждениях. Детские исполкомы[22], избираемые всем детским коллективом, обыкновенно представляют чисто бюрократические верхушки в детском коллективе, рабочие функции этой верхушки особенные, даже в быту она отделяется от массы. Самый же главный недостаток такого самоуправления состоит в том, что оно заключает в себе очень небольшую часть детей, обычно не больше 5%, действительным же активом является только президиум из нескольких человек.

Система небольших производственных отрядов, усложненная системой недельных рабочих отрядов, школьных сводных отрядов, отдельных индивидуальных задач, позволяет нам достигать следующих выгод:

а) выборные командиры производственных отрядов, составляя орган самоуправления (совет командиров) и работая в этом органе как «члены правительства», каждый в своем отряде является уже организатором быта и работы, принимающим также одинаковое со всеми участие в работе и несущим ответственность от имени отряда;

б) все решения совета командиров (СК) немедленно делаются известными в отрядах, и каждый командир таким образом является живой связью между СК и массой. А так как у нас давно есть обычай, по которому права в СК предоставлены не лицу, а представителю отряда, то очень часто в нем бывают в качестве таких представителей рядовые члены отрядов. В совете командиров поэтому никогда не считаются голоса лиц, а всегда – голоса отрядов;

в) в педагогических и некоторых общественных кругах сложилось такое впечатление, что наша система покоится на некотором «янычарстве»: заведующий, а вокруг него кучка командиров, «насилующих» детколлектив. Такое впечатление могло сложиться только благодаря простому незнанию нашей жизни.

Мы не отрицаем того, что наши командиры (в сводных отрядах) иногда дерутся. Но это бывает чрезвычайно редко, в среднем один случай в месяц, и по характеру не выходит за пределы обычной детской драчливости. Грешат этим как раз малыши.

Насколько вообще никакое «янычарство» у нас не может иметь места, видно из следующих стажных списков[23] нескольких производственных отрядов колонии им. М.Горького.

Вот 21 отряд колонии (обычный полевой отряд).

Фамилия	Время поступле-ния	Сколько раз командо-вал основным отрядом	Сколько раз был помощ-ником команди-ра	Сколько раз командо-вал учебным сводным отрядом	Сколько раз командо-вал рабочим сводным отрядом
Новицкий	1926 – V	1	1	—	7
Фесенко	1926 – V	1	1	—	8
Вовченко	1926 – V	3	1	—	119
Братухин	1926 – XI	—	1	—	8
Калинин	1926 – V	1	1	1	4
Сахаров	1927 – XII	—	—	—	—
Лаврищук	1927 – XI	—	—	—	—
Чумаченко	1927 – X	—	—	—	1
Путехов	1927 – XII	—	—	—	—
Марченко	1926 – X	1	1	—	16
		9-й (ремесленный) отряд:			
Зелендинов	1926 – II	4	2	2	12
Агеев	1925 – IV	5	14	3	34

Стебловский	1921 – V	2	2	2	96
Перцовский	1923 – IX	7	2	5	121
Кабачный	1924 – V	1	7	3	30
Турганинов	1926 – V	—	3	—	9
Викторов	1926 – V	3	1	—	19
Криницкий	1926 – V	3	4	1	32
Халин	1926 – V	3	2	—	49
Литвинов	1926 – IX	1	3	—	10

Из этих стажных списков видно, что только воспитанники, прибывшие в конце 1927 г., не командовали [постоянными] отрядами или сводными отрядами, а пробывшие в колонии больше года все без исключения участвовали в организаторской работе. В этих стажных списках не учитываются помощники командиров учебных и рабочих сводных отрядов, назначаемые до последнего времени самими командирами.

В трудовой коммуне им. Ф. Э. Дзержинского за месяц работы, согласно анкете, проведенной 3 февраля 1928 г., перебывали на командирской функции 34 воспитанника из 89.

Пропитывание нашего детколлектива функциями организатора в действительности еще больше благодаря многим частностям основной традиции, по которым нашим отправным моментом является отряд, а не командир. Эти частности можно видеть по «Конституции».

Таким образом мы достигаем того, что у нас нет игры в самоуправление, а действительное самоуправление. В согласии с этим и другими принципами мы совершенно не допускаем никаких конституционных изменений от имени педагогического совета. Педагогам нашим предоставляется только один путь творчества – влияние в совете командиров и на общих собраниях[24].

VI. Интерес или долг[25]

Мы считаем, что воспитание эмоции долга[26] является нашей главнейшей целью. Когда я в истекшем году на московском съезде[27] сказал об этом, наши педагоги удивленно открыли глаза. То, что дети из детских домов выходят убежденными потребителями, не только практическая случайность. Наша педагогическая литература достаточно погрешила по этому пункту. Не только эмоция долга, но и необходимейшая правовая эмоция почти не пользовались вниманием педагогики. Между тем как раз в Советском государстве, основанном на гораздо большем вмешательстве государства в мир отдельных интересов, наше воспитание должно было опереться на науку о праве[28]. Это еще и тем более необходимо, что мы отказались от таких стимулов поступка, как боязнь греха, вера в бога, «любовь к ближнему» и т.п.

И как раз, как будто в порядке какой-то иронии, в нашей педагогике особенно надеются на значение интереса. Решительно все должно подноситься нашему ребенку в

занимательном виде, в образе какого-то вкусного пирога, все должно заинтересовать, все должно пройти через их психику по специально облегченным путям, без усилия и напряжения с его стороны, без неприятностей.

Не нужно много говорить о гибельности такой воспитательной политики. Жизнь как раз наполнена усилиями и напряжением, она требует от человека регулярной скучной работы, и нужно приготовить наших детей к жизни так, чтобы они могли делать эту работу без страдания и без подавления своей личности.

А это возможно только в том случае, если ценность работы оправдана ясным представлением о ее значимости для коллектива и, следовательно, для всех членов коллектива. Это и есть переживание долга.

Только воспитывая эмоции долга, приучая ребенка идти не за своим интересом, не за занимательностью данной минуты, а за идеей создания коллективной ценности, явно полезной и для него, – мы воспитаем крепких, волевых людей, способных перенести лишение с бодрым самочувствием, способных не только рвать, но и тянуть, не только ударять, но и терпеливо надавливать[29]. И у нас не выйдут те жалкие, ноющие, жадненькие потребители, всегда чего-либо хотящие и просящие, всегда недовольные и своей работой, и своей жизнью, которыми наполнены сейчас дома подростков.

VII. Общий тон[30]

Как бы ни прекрасны были наши воспитательные идеалы, как бы ни полезны были для общества наши будущие педагогические достижения, мы, конечно, не должны забывать, что детство – это не только подготовительный период жизни, а это часть жизни, и, может быть, даже лучшая часть. Не нарушая интересов воспитания (интересов общества), мы не можем нарушать интересов детства. Дать детство здоровое, жизнерадостное, бодрое – это продолжает оставаться нашей обязанностью.

И если это можно сделать в бедности в колонии им. Горького, [то] это тем более возможно и в трудкоммуне им. Ф. Э. Дзержинского.

Но это вовсе не значит доставлять детям развлечение и удовольствие и этим ограничиваться. Это, конечно, внесло бы в жизнь детей некоторую долю радости, но это было бы чисто механическим добавком к чему-то такому, что этой радости не содержит.

Нужно внести в детскую жизнь струю бодрости и удовлетворения так, чтобы она проникла во все органы коллектива, чтобы она была органически связана со всем укладом его жизни. Нужно создать то, что мы называем общим тоном.

Общий тон зависит от множества самых разнообразных явлений, учесть которые можно только в серьезной монографии. В последнем счете общий тон есть производная от всех остальных элементов. Но он возбуждается и специальными приемами. Сюда относится и покрой одежды, и манера говорить со стороны педперсонала, и правила

вежливости, и отношение посторонних. Особенно же он организуется такой формой быта, которая идет навстречу постоянному стремлению детей к игре. Дети склонны играть не только тогда, когда у них в руках мяч, а в каждый момент.

Пользуясь этим, мы вокруг игры строим наш быт. Несколько военный характер, который мы придаем этой игре, вполне соответствует той любви к военной внешности, какая всегда есть у ребят. Кроме того, пользуясь этой военной игрой, мы физически подтягиваем ребят и приучаем их к физической сдержанности. Особенное значение имеет и то, что это позволяет нам выпрямлять позвоночник, положение которого серьезно нарушается как в школе, так и в мастерских.

VIII. Заключение

Чего мы можем достигнуть благодаря нашей системе? Ни в коем случае нельзя утверждать, что мы способны создавать тот тип человека, который нам нужен. Для этого нужно, чтобы под нашим влиянием дети находились не с 14 лет, а с 3. Раннее детство 3-7 лет, как раз то время, когда определяются основные элементы личности, не находится у нас в руках. Это первое.

Второе: от нас дети уходят все же довольно рано, уходят в среду, которая также вне нашего влияния. Таким образом, в наших стенах дети проводят только небольшую часть своего детства – 3-4 года. За это время мы должны настолько реорганизовать личность, чтобы она была вполне пригодна для жизни в нашем обществе по тем десяти линиям, которые были перечислены вначале. Тем более наша ответственность и тем более непростительно, если мы принесем детство в жертву педагогическим предрассудкам.

Зав. трудкоммуной им. Ф. Э. Дзержинского

А. Макаренко

А. С. Макаренко. Пед. соч.: В 8 т. Т. 8, с. 136-145. Без даты, с надзаголовком «Проект». По содержанию и смежным документам датируется 3-7 февр. 1928 г. Одновременно написана «Конституция» трудовой коммуны им.Ф.Э.Дзержинского (см. ниже). Оба документа, принятые на педсовете коммуны, определяли содержание ее дальнейшей деятельности как учреждения, продолжающего педагогическую историю трудовой колонии им. М. Горького.

Выражение «операционный план» связано с введением А. С. Макаренко в науку о воспитании понятия «педагогическая операция», оно лежит в основе его «технологического подхода» к теории и практике воспитания. Яркий пример масштабной, всеохватывающей «операции» – см. т. 3, с. 278-388, «завоевание Куряжа». Примеры «операций» см. также ниже: Докладная записка

члену Правления коммуны им.Ф.Э.Дзержинского (ниже в данном томе); Замечания к акту обследования коммуны им. Ф. Э. Дзержинского (т.8, с.173).

Материал примечателен тем, что организационно-методические проблемы педагогики решаются на уровне взаимодействия поколений. Плохо организованное самоуправление, основанное на обособлении детского и педагогического коллективов, при дефиците общения с «обществом взрослых», - порождает «бедность языка, долго сохраняющийся способ детского мышления, самонадеянность и подозрительность»; у наиболее развитых детей это трансформируется в «сознательное противопоставление себя старшему поколению, обычно связанное с моральным анархизмом».

«Операционный план...» и «Конституция»... 8 февраля 1928 г. правлением коммуны направлены в Наркомпрос УССР и НИИ педагогики Украины для обсуждения, как проекты; предлагалось также практически ознакомиться с коммуной. Она должна быть «поставлена образцово», «воплотить в себе все достижения марксисткой науки по социальному воспитанию». Предлагаемые документы «должны быть всесторонне обсуждены и пропущены через критическую лабораторию научной мысли». При этом коммуна «не может являться объектом педагогических экспериментов». Она «комплектуется за счет беспризорных от 12 до 16 лет, причем 20% состава из общего числа 100 человек – девочки. Беспризорные с физическими, умственными и моральными дефектами в трудкоммуну не принимаются». Обсуждение предлагается начать с «доклада-диспута» А. С. Макаренко.

Возможно, он сам инициировал эту дискуссию, рассматривая ее как попытку обсудить его опыт, «проверить нашу практическую педагогику в отдельных ее моментах, в тех местах, где у нас еще нет уверенности в том, что решение найдено, где есть проблема не нашей только системы, а вообще системы соцвоса» (см. начало текста, 3-й абзац). Свой анализ он подытожил в «Письме заведующему Главным управлением социального воспитания НКП УССР», в середине июля 1928 г. (см. А. С. Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания... Часть 1, с. 291-292).

Полный текст документа правления коммуны: т. 8, с. 135-136. Подписано: предс. правления трудовой коммуны И. М.Блат, член правления Л. А. Письменный.

Научно-исследовательский институт педагогики УССР создан в 1926 г. Один из его организаторов – И. А. Соколянский, зав. отделом дефектологии.

[1] Говорится о педсовете коммуны.

[2] Имеются в виду Будянская, Дергачевская и Нежинская детколонии (или детдома, коммуны), успешно перешедшие на воспитательную систему колонии им. М. Горького в период объединения интернатных детских учреждений Харьковского округа под руководством А. С. Макаренко.

[3] Отмечаются, вероятно, не только хорошие материально-бытовые условия коммуны, но и то, что она предназначается для беспризорных детей, а не для несовершеннолетних правонарушителей, как колония им. М. Горького.

[4] Судя по сказанному выше и ниже, говорится о рабочем классе.

[5] Дается простейшее определение хозяйственности, в отличии от работоспособности и обычного «трудового воспитания». Это позволяет понять макаренковское различение: «труд-работа» – и «труд-забота» (А. С. Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания... Часть 1, с. 41). Применительно к семье см. «Семейное хозяйство», т. 4, с. 88-94.

[6] По этой проблеме см. также «К вопросу о консультации» (литературной консультации): т. 8, с. 256-257 – где говорится о выявлении «характера дарования», «творческих элементов» и др.

[7] Фундаментальное исходное положение педагогики А. С. Макаренко: к мировоззрению – через мироощущение, переживание, эмоции, чувственные данные жизненного опыта, стремления, практические навыки. Слово, объяснение – необходимейший элемент этого. «Сознание должно прийти в результате опыта, ... только тогда оно ценно» (т. 2, с. 128).

[8] Здесь конкретизируется общее представление А. С. Макаренко: «коллектив – не простая сумма личностей», это социальная организация, где определенным образом проявляются «категории

связи, единства, солидарности, сочувствия, координирования, понимания зависимости внутренней и многие другие» (т. 7, с. 208). Коллектив – социальное явление, которое нельзя определять «в функции личности» (т. 1, с. 175-176). Это не механическая сумма персональных, межличностных отношений.

[9] Говорится о детских городках, больших детских учреждениях интернатного типа.

[10] Это «равноправие» осуществлялось в русле макаренковского «параллельного действия», т. е. единства и различения сущности (педагогического руководства) и ее представления «в глазах воспитанника» (самостоятельность детей, в едином с педагогами коллективе). Обозначение этой двойственности в единой логике воспитательного процесса А.С.Макаренко называет «инструментовкой», «внешней инструментовкой» (т. 4, с. 165-166, 224, 239). Таким образом решается проблема социальной мотивации, воспитания потребностей.

[11] В логике «параллельного действия» воспитатель подчиняется командиру отряда во время «рабочего дежурства», участвуя в производительном труде.

[12] В этом же плане: «в глазах воспитанников» главным органом детского самоуправления является общее собрание. Функции педсовета – см.: А. С. Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания... Часть 1, с. 159, п. 8, а также с. 172 – взаимосвязь функций административного управления и самоуправления. Совет командиров – орган оперативного управления, его работа заранее не планировалась.

[13] Распределение труда воспитателей и его оплата см. там же, с. 93-94, 116-118.

[14] Говорится о применяемых тогда в колонии им. М. Горького специальных отрядах по самообслуживанию: «горячий» (по топке печей), «комендантский» (хозработ), сторожевой и др.

[15] В дальнейшем А.С.Макаренко стал употреблять более точное выражение: «суверенитет коллектива», – имея в виду его самостоятельную ценность по отношению к отдельной личности, а

также «право личности добровольно состоять в коллективе», по взаимному согласию (т. 1, с. 178).

[16] Имеется в виду наказание, см. ниже по тексту.

[17] Область в центральной части Пелопонеса (Греция). В античной литературе и позднее изображалась райской, счастливой страной.

[18] Об «аресте» как привилегированной форме наказания см.: т. 4, с. 159-160 и др.

[19] Педагогика А. С. Макаренко – это теория и практика, «обгоняющая общество в его человеческом творчестве», «педагогика завтрашнего дня», в его единстве с современностью и ценностями прошлого (т. 4, с. 120; т. 7, с. 196).

[20] Говорится, несомненно, о комсомольской организации коммуны.

[21] Коммуна первоначально имела участок для сельхозработ, 5 десятин (5,45 га).

[22] Имеется в виду детское самоуправление в форме «исполкомов», при механическом перенесении существующих форм социальной организации в воспитательный коллектив. См. также: А. С. Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания... Часть 1, с. 264.

[23] Говорится о списках, отражающих «командирский стаж», т. е. пребывание воспитанников в роли командиров отрядов разного типа. Это одно из свидетельств пристального внимания А.С.Макаренко к индивидуальности, развитию каждой отдельной личности. Вовченко: далее также Волченко (укр, рус. яз).

[24] Более полно о работе воспитателя: т. 1, с. 320-328.

[25] О проблеме соотношения интереса, долга и любви как фундаментальных педагогических начал см. также: т. 5, с. 246-250, 264.

[26] Имеется в виду практическое «переживание долга», в ходе его исполнения, как видно по сказанному ниже.

[27] А.С.Макаренко принял участие в работе Всероссийской конференции работников детских домов (Москва, ноябрь 1927 г.). Об этом см. также: А. С. Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания... Часть 1, с. 233. Текст его выступления не известен исследователям.

В отчете о конференции: На путях к новой школе, 1927, № 12 – его выступление не отмечено.

[28] А.С.Макаренко в своей педагогике уделяет большое внимание правосознанию личности, формированию правовых отношений – в их связи с нравственным сознанием, нравственными отношениями и в отличии от последних. См. также: А. С. Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания... Часть 1, с. 198-199. Он постоянно указывает на педагогически не оформленные «юридически условия» (с. 198) деятельности педагогического учреждения, «юридические отношения», на несовершенство его «юридической базы» (с. 114 и др.).

[29] А. С. Макаренко здесь как бы повторяет мысль А. К. Гастева, см.: Хрестоматия по истории социальной педагогики и воспитания. Том 2 / Сост. А. А. Фролов, Ю. Х. Трушина, Г. Н. Козлова. Под общ. ред. А. М. Кушнира. – М., 2007, с. 307. Об А. К. Гастеве см. также: А. С. Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания... Часть 1, с. 95, 96, 183, 248.

[30] «Тон», эмоциональный настрой уклада жизни коллектива педагогического учреждения, и ее «стиль», содержание и характер отношений, – определяют «уклад жизни» как главный фактор воспитания (см. ниже). Специальное рассмотрение проблемы «стиля»: т. 4, с. 192-203.

Дополнения. **15 января 1928 г. коммуна получила от Коллегии ГПУ духовой оркестр, около 30 труб «белого металла». Капельмейстер – В.Т.Левшаков. 1 мая коммуна вышла в город с оркестром (разучено 2 марша). 15 января образована комсомольская ячейка, 15 чел., секретарь Глупов (Крупов?). Организован пионеротряд.**

16 января коммуну посетили В. Я. Чубарь (с 1923 г. – Председатель СНК УССР; в 1920-1934 гг. член Политбюро ЦК КП(б)У) и В. П. Затонский (в 1927-1933 гг. Председатель Центр. контрольной комиссии КП(б)У; в 1922-1923 гг. и в 1933-1938 гг. нарком просвещения Украины). Правлением коммуны утверждены план и программа учебно-воспитательной работы коммуны, правила приема.

12 февраля с коммуной ознакомился П. П. Постышев (в 1926-1930 гг. – секретарь Харьковского окрисполкома и горкома КП(б)У, член Политбюро и секретарь ЦК КП(б)У; в 1930-1933 гг. секретарь ЦК ВКП(б), затем член Политбюро ЦК ВКП(б)).

«Конституция» трудовой коммуны им. Ф. Э. Дзержинского

I. Общая часть

1. Членами трудовой коммуны им. Ф. Э. Дзержинского состоят все воспитанники, воспитатели и служащие. Все они имеют право участвовать в общих собраниях и быть избранными в отдельные комиссии.

2. Члены коммуны не имеют права отказываться ни от какой работы, если она назначается общим собранием или советом командиров.

3. Все члены коммуны (коммунары) в течение рабочего дня беспрекословно обязаны подчиняться распоряжениям рабочего командира, инструктора, учителя в классе, дежурства по коммуне и заведующего коммуной. Внешним выражением этого является ответ «есть»[1].

4. В случае необходимости или невозможности подчиниться явно неправильному распоряжению об этом необходимо немедленно доложить дежурству по коммуне.

5. Всякое обсуждение распоряжения или наряда [на работу] может быть только на общем собрании или в совете командиров. Принятое большинством решение обязательно для всех коммунаров.

II. Общее собрание

6. Общее собрание собирается ежедневно после рапортов командиров в 8 ч. 30 мин. и, кроме того, может быть собрано всегда по сигналу «общий сбор» по распоряжению завтрудкоммуны или секретаря совета командиров (ССК).

7. Общему собранию принадлежит рассмотрение следующих вопросов:

а) выборы совета командиров (СК) и товарищеского суда (ТС);

б) выборы отдельных комиссий;

в) изменение нарядов на работу совета командиров;

г) изменение «Конституции» трудкоммуны;

д) рассмотрение объяснений коммунаров по замечаниям в рапортах командиров[2];

е) прием в коммуну новых кандидатов, непосредственно обращающихся к общему собранию;

ж) рассмотрение всех вопросов, выдвигаемых коммунарами на общем собрании[3].

8. На общем собрании председательствует заведующий коммуной или его заместитель, а в их отсутствие – ССК (секретарь совета командиров).

9. Заведующий коммуной имеет право опротестовать постановление общего собрания и поставить тот же вопрос на новое обсуждение.

10. Все коммунары обязаны быть на общем собрании, за исключением дежурных по сторожевому отряду и по отоплению.

11. На общем собрании все обязаны говорить стоя.

12. Общее собрание ни в каком случае не может накладывать наказаний на провинившихся коммунаров. Оно может принять только постановление об исключении из коммуны, нуждающееся в утверждении педсовета.

III. Совет командиров и отряды

13. Коммунары-воспитанники делятся на отряды по производственному признаку с тем, однако, чтобы в отряде не было более 20 коммунаров.

14. Определение, сколько в каждом отряде коммунаров и какие именно должны быть отряды, принадлежит совету командиров.

15. Перевод из отряда в отряд принадлежит СК по заявлению отдельных коммунаров, а по нужде – и без заявлений.

16. Совет командиров избирается общим собранием сроком на 3 мес. На избирательном общем собрании каждому отряду от имени отряда предоставляется право выдвигать своего кандидата.

17. На избирательное общее собрание может быть подан список кандидатов в совет командиров с распределением их по отрядам, подписанный или от имени одной из организаций коммуны или не меньше как 20 коммунарами.

18. На том же избирательном общем собрании избирается и ССК, который ведет все дела совета и председательствует на нем.

19. Совет командиров имеет право до истечения срока своих полномочий изменять свой состав, т. е. смещать, назначать и перемещать командиров, а также заменять секретаря совета командиров.

20. Отрядам предоставляется право протеста и отвода в случаях, предусмотренных § 19. В таком случае конфликт между отрядом и советом командиров разрешается общим собранием.

21. В совете командиров с правом решающего голоса присутствуют: заведующий коммуной, его заместитель и секретарь педагогического совета.

22. На заседание совета командиров может явиться не командир и не [его] помощник, а любой рядовой член отряда, и, если он присутствует от отряда один, он имеет право решающего голоса без представления каких бы то ни было письменных полномочий.

23. Совет командиров собирается в воскресенье в 10 ч. утра и, кроме того, может быть собран в любую минуту сигналом «сбор командиров» по распоряжению заведующего коммуной или ССК.

24. В СК председательствует ССК, а в его отсутствие – командир 3-го отряда.

25. Каждый командир, услышав сигнал «сбор командиров», должен или сам явиться на собрание, или командировать помощника или одного из членов отряда.

26. ССК во время заседания СК имеет право наказания по отношению к нарушителям порядка на заседании, а также по отношению к опоздавшим членам совета.

27. Каждый коммунар, услышав сигнал «сбор командиров», если он знает, что командир и его помощник отсутствуют, должен явиться в СК.

28. Каждый командир или помощник, уходя из помещения коммуны, должен объявить отряду, кому передает свои полномочия.

29. Отряд, не представленный в заседании, должен быть отмечен в рапорте ССК, и командир его должен дать объяснение общему собранию.

30. Совету командиров принадлежат:

а) проекты изменения «Конституции» коммуны,

б) обязательные постановления по коммуне о порядке текущей работы,

в) распределение труда между отрядами коммуны,

г) смещение, назначение и перемещение командиров,

д) назначение и смещение помкомандиров по представлению командиров,

е) назначение заведующих отдельными частями,

ж) перемещение коммунаров из отряда в отряд,

з) рассмотрение всех хозяйственных вопросов и принятие решений по этим вопросам,

и) рассмотрение вопросов культурно-бытовых,

к) прием отчетов от отрядов,

л) избрание комиссий с временным заданием,

м) устройство праздников,

н) установление очередей по потреблению[4];

о) решение всех вообще текущих вопросов.

31. Совет командиров назначает заведующих отдельными частями, а именно: зав. клубом, зав. библиотекой, зав. канцелярией, зав. светом[5] и др.

32. Все заведующие отдельными частями состоят членами 3-го отряда, также и все имеющие постоянную индивидуальную работу. В 3-й отряд входит и ССК как рядовой его член.

33. Командир 3-го отряда является помощником заведующего хозяйством, на его обязанности лежит контактная работа с завхозом, наблюдение за хранением и исправностью всего имущества коммуны.

34. Все отряды, в том числе и 3-й, имеют отдельную спальню и отдельный стол в столовой.

35. На обязанности командира и его помощника лежит:

а) представительство отряда в СК и у заведующего коммуной,

б) наблюдение за порядком в отряде, в спальне и в столовой,

в) руководство отрядом во время работы,

г) ответственность за инструменты во время работы,

д) получение рабочих задач и отчет об их выполнении,

е) получение белья, одежды, мыла и прочих предметов потребления для отряда и правильное их распределение,

ж) забота об отряде и о своевременном удовлетворении его нужд,

з) наблюдение за чистотой тела и одежды в отряде и в мастерской.

IV. Рабочий (сводный) отряд

36. Каждый производственный отряд на работе является рабочим отрядом.

37. Рабочим отрядом на работе командует его командир, а в его отсутствие – помощник.

38. Для выполнения работ по самообслуживанию организуются сводные рабочие отряды сроком на одну неделю из частей производственных отрядов.

39. На воскресном своем заседании СК устанавливает план сводных отрядов и предъявляет требования к производственным отрядам об откомандировании в тот или иной сводный отряд определенного числа коммунаров.

40. На том же заседании СК устанавливает план производственных совещаний всех отрядов, как основных, так и сводных, и назначает председателей этих совещаний из числа воспитателей и старших коммунаров.

41. Если основной отряд весь разделен по сводным отрядам, он считается нерабочим, не устраивает производственного совещания и командир его сдает не письменный, а устный рапорт о благополучии в отряде.

42. Производственные совещания рабочих отрядов происходит в воскресенье в 2 и в 4 ч. дня[6].

43. К 12 ч. дня в воскресенье каждый командир основного отряда должен представить ССК список своих коммунаров с указанием, в каком рабочем отряде работает каждый.

44. На основании этих списков ССК составляет списки рабочих (сводных) отрядов и передает их лицам, назначенным вести производственные совещания.

45. На производственном совещании устанавливается план работы отряда на неделю, определяются инструменты и производственные нужды отряда. В сводных отрядах, сверх того, избирается командир сводного и его помощник.

46. Все эти постановления записываются в бланк отрядного рапорта, заготовленного для отчета отряда в течение недели.

47. Сводный отряд считается существующим только на работе, где он и подчиняется своему временному командиру. По окончании рабочего дня отряд считается несуществующим и члены его – свободными от подчинения командиру сводного отряда.

48. Исключение из предыдущего составляет комендантский сводный отряд и все сводные отряды, носящие 17-й номер и работающие без определенных часов. Например, 17-б сводный, работающий в больничке, если там много больных, и 17-в сводный, работающий по подвозке воды, если испортится водопровод.

49. Каждый сводный отряд имеет №, характеризующий длительность и часы работы, и литеру, представляющую первую букву названия работы. Учебные отряды не имеют литеры и называются по порядковому номеру учебной группы: 1-й, 2-й, 3-й, 4-й, 5-й сводный.

50. Комендантский сводный отряд исполняет все работы по чистоте и следит за чистотой тела и костюма воспитанников. Командир комендантского сводного отряда имеет право удалить из-за стола или из спальни коммунара, если он недостаточно чист.

51. На обязанности комендантского сводного отряда лежит стрижка воспитанников и организация купания.

52. Сводный отряд, обслуживающий отопление, называется горячим сводным отрядом.

53. Каждый сводный отряд на работе обязан следовать строго своему плану и отмечать в рапорте все отступления от него.

54. Все рабочие отряды, кроме комендантского, горячего, сторожевого и 17-х сводных, выходят на работу по сигналу «на работу» и заканчивают работу по сигналу отбоя.

55. Сторожевой сводный обслуживает в течение времени от сигнала «вставать» до сигнала «спать» вешалку и дневальство в спальне, а ночью – только последнее.

56. Сторожевому отряду сдаются на ночь все ключи от входных дверей.

57. Сводный отряд, обслуживающий кухню и столовую, называется «старшая хозяйка».

V. Дежурство

58. В дневное дежурство входят: дежурство по коммуне, дежурный командир, дежурный сигналист.

59. Дежурство по коммуне составляют двое: воспитатель и коммунар, избравшие друг друга по добровольному согласию и утвержденные приказом педагогического совета.

60. Оба дежурные по коммуне пользуются совершенно равными правами и распределяют работу между собой по своему усмотрению, отвечают же за день вместе.

61. Дежурство по коммуне сдается и принимается в 9 ч. вечера и считается суточным. Ночью дежурный имеет право спать, но не выходит из здания.

62. Дежурство по коммуне в течение всего дня наблюдает за дисциплиной, работой, сном, приемом пищи и исполнением всех законов коммуны.

63. Дежурство имеет красные повязки и должно быть в фуражках.

64. Дежурный командир не несет никакой особой работы и не освобождается от своей прямой работы. Он считается резервом дежурства по коммуне и может быть затребован на помощь в любой момент.

65. Дежурный воспитатель ведет дежурный журнал[7].

VI. Законы дня

66. Ночной дневальный в назначенный час должен разбудить дежурство и сводный отряд «старшая хозяйка».

67. Сигнал «вставать» дается в 6 ч. 50 мин. утра. В течение 30 мин. коммунары должны умыться, привести себя в порядок и убрать постели.

68. В 7 ч. 20 мин. дается сигнал «общий сбор», по которому все отряды должны выстроиться каждый в своей спальне.

69. Утренний обход делает заведующий коммуной или его заместитель, а в их отсутствие – ССК, все в сопровождении дежурства. Обход встречается командой командира «Отряд, смирно!». Обход и отряд приветствуют друг друга взаимным салютом.

70. Во время утреннего обхода проверяется чистота спальни, правильность заправки постелей и аккуратность костюмов коммунаров.

71. В 7 ч. 30 мин. дается сигнал на завтрак.

72. За столы все коммунары садятся по отрядам. По окончании еды вставать из-за стола можно только [тогда], когда поел весь отряд.

73. Все коммунары обязаны после приема пищи благодарить дежурство салютом.

74. Командир отряда выписывает пищу для отряда своим ордером, на обороте которого должен отметить, кому и по каким причинам нужно оставить пищу.

75. Во время раздачи пищи сводный отряд «старшая хозяйка» должен быть в фуражках.

76. В 8 ч. дается сигнал на работу. По этому сигналу 1-я бригада (половина 1-го, 3-го отрядов и 2-й, 4-й, 8-й отряды) отправляется в школу, а 2-я бригада (половина 1-го, 3-го отрядов, 5-й, 6-й, 7-й отряды) – на работу.

77. В 11 ч. совершается комендантский обход. Его проводит один из дежурных по коммуне и командир комендантского сводного отряда. Обход должен установить состояние чистоты в коммуне.

78. В 11 ч. 50 мин. дается отбой, а в 12 ч. – сигнал на обед.

79. Сигнал на работу и в школу дается в 1 ч. 10 мин.

80. В 4 ч. дается отбой и сигнал к чаю. После чая бывает...[8] один урок в школе.

81. Клубы открываются в 4 ч. и закрываются в 10 ч.

82. Сигнал на ужин дается в 8 ч.

83. В 8 1/2 ч. дается сигнал «на рапорт» и одновременно на общее собрание.

84. Рапорты сдаются всеми командирами как основных, так и сводных отрядов, а кроме того, «судебным исполнителем», заведующими отдельными частями, ССК и дежурными по коммуне.

85. Рапорты отдаются по форме:

«В отряде №... все благополучно. Особые замечания...» или «В отряде не все благополучно».

86. Рапорты отдаются при взаимном салюте всех присутствующих.

87. После рапорта открывается общее собрание, на котором разбираются особые замечания в рапортах и все вопросы, поднятые тем или другим коммунаром.

88. Рапорты принимает и председательствует на общем собрании заведующий коммуной или его заместитель, а в их отсутствие – ССК.

89. В 9 ч. дается сигнал «спать», который является разрешением войти в спальни. Немедленно после этого дежурство по коммуне совершает вечерний обход или поверку.

90. Во время вечернего обхода командир каждого отряда докладывает дежурному, что все на местах. Проверять его рапорт дежурству не разрешается.

91. Перед сигналом «спать» на общем собрании ССК зачитывает приказ на следующий день. Приказ как воля коммуны заслушивается стоя.

VII. Приказ и отчет

92. Никакое общее распоряжение по коммуне не действительно, если оно не объявлено приказом.

93. Приказ составляется ССК и подписывается им и заведующим коммуной.

94. В течение дня экстренные распоряжения делаются дополнительным приказом.

95. Приказ может быть опротестован на общем собрании.

96. Право наказания за неисполнение приказа принадлежит только заведующему, а в его отсутствие – заместителю. Наказания за более тяжелые проступки налагаются товарищеским судом.

97. Товарищеский суд избирается общим собранием на 3 мес, в составе 4-х воспитанников. Пятым входит воспитатель, по очереди. Обвинитель – всегда заведующий, защитник – один из коммунаров, по назначению заведующего.

98. Заседание товарищеского суда происходит гласно [и] при знамени.

99. Наблюдение за выполнением наказаний, наложенных как товарищеским судом, так и заведующим коммуной, возлагается на «судебного исполнителя», выбираемого общим собранием.

100. Приговор товарищеского суда утверждается заведующим коммуной.

4/II-28 г.

А.С.Макаренко. Пед. соч.: В 8 т. Т. 8, с. 145-151. Имеется надзаголовок: «Проект». Документ утвержден правлением коммуны 4 февраля 1928 г.

«Конституция» воспитательно-образовательного учреждения А. С. Макаренко – это письменно оформленный свод традиций, правил жизнедеятельности этого учреждения, сложившийся в ходе его длительного творческого опыта, с учетом особенностей его функционирования и развития. Первое упоминание о «Конституции» трудовой колонии им.М.Горького относится к марту 1927 г. (А. С. Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания... Часть 1, с. 207). Ее текст не сохранился. В «Конституции» коммуны дзержинцев закреплены и развиты положения «Конституции» колонии горьковцев, с учетом новых условий.

В июле 1924 г. А. С. Макаренко говорил, что «конституция каждого детского учреждения», регламентирующая «ряд детских внутренних организаций, взаимоотношений, экономических и юридических форм», – «должна создаваться им самим» и «педагогически утверждаться инспектурой» (там же, с. 114). В данной «Конституции» (1928 г.) ее содержание удовлетворяет этим требованиям далеко не полностью. Единые для «воспитанников, воспитателей и служащих» права и обязанности отмечены лишь в § 1 – «Общая часть». Функции педсовета, завкоммуной, персонала обозначаются применительно к действиям органов и лиц детского самоуправления. «Конституция страны ФЭД» (1932 г.)

регламентирует деятельность уже только детского коллектива, его самоуправления (текст см. ниже в данном издании).

[1] Ответ «есть» сопровождался салютом рукой, типа пионерского салюта. Это символическое выражение готовности выполнить распоряжение, согласия с ним. Общий салют отдавался в торжественных случаях: почесть знамени коммуны, приветствие, при сдаче дежурства.

[2] Содержание рапорта: о благополучии в отряде или конкретных фактах его нарушения. Сдача устного рапорта сопровождалась передачей его письменного изложения. Перед сдачей на рапорте дежурный командир ставил «подтвердительную визу».

[3] Повестка дня собрания определялась при его открытии. Любой выдвинутый в это время членами собрания вопрос должен рассматриваться, с согласия собрания. Позднее избиралась коллегия председателей собраний, возникла также коллегия заместителей заведующего коммуной.

[4] Имеется в виду очередность в получении воспитанниками тех предметов быта, которых еще недоставало всем.

[5] Ответственный за экономию электроосвещения.

[6] Речь идет, очевидно, о разном времени для разных отрядов.

[7] В журнале дежурный воспитатель в свободной форме записывал свои наблюдения о коммуне, коммунарах, что могло служить и свидетельством его профессионализма.

[8] Отточие в оригинале.

Контртезисы

«Наша советская педагогика строится на принципах, диктуемых ей рабочим классом». Как раз это самое я и утверждал в своем плане. При этом я утверждал, что наше рабочее общество ясно и просто высказывается не столько о принципах, сколько о признаках воспитанного человека. Я утверждал, что мы можем только, не мудрствуя лукаво, исходя из этих признаков, сделать заключение о средствах. Это совершенно практическая логика, очень далекая от спекулятивной... По мнению института, рабочий класс диктует нам нечто о принципах (читай «средствах») педагогики, следовательно, так же умозрительно балансирует с ними, как [и] наша наука. Мнение, по меньшей мере, ни на чем не основанное. Никогда и нигде рабочий класс о наших соцвосовских принципах в таком роде не высказывался...

На деле эти принципы (не как принципы политические, а как «уверенность в целебности их педагогического действия») оказываются, как и можно было ожидать, педагогически нейтральными[1]. Это блестяще доказала практика. Представляют они не что иное, как совершенно бездоказательные убеждения... в действенности того или иного средства, основанные исключительно на положительности их политического содержания[2]. В этом заключается такая же грубейшая ошибка, какая заключается, например, в утверждении: поразить неприятеля на войне можно только при помощи снарядов, изготовленных рабочими, не употребляющими вина и табаку...

«В представленном проекте нет единой системы, ибо не выявлена классовая установка».

С трудом даже понимаю эту фразочку. Что это значит: «выявлена классовая установка» или «не выявлена классовая установка»? Если претензии этой фразы заключаются в том, что я должен был написать несколько выражений с употреблением слов «рабочий класс», то это никогда не поздно сделать и я готов всегда исправить свою ошибку.

Я считал совершенно достаточным говорить просто о классе (в главе о цели воспитания) или о коллективе, естественно допуская, что никому в голову не придет, что речь идет о классе буржуазии или дворянстве... Все вопросы, связанные с общими революционными установками, у нас давно решены, и решения их сами собою подразумеваются. Эти решения предполагаются присутствующими буквально в каждой строчке моей программы, и нужно специальное усилие, чтобы их не видеть. В главе о цели воспитания о них даже прямо говорится. Глава о единстве коллектива, очевидно, говорит о единстве рабочего класса, и я в ней возражаю против мелкого соседско-мещанского единства…[3]

Дальше, отстаивая обязательный производственный, а не школьный первичный коллектив, я как раз кладу самый солидный кирпич в дело создания классовой установки, в отличие от тех ученых и иных соцвосников, которые без слов «рабочий класс» даже в любви объясниться не могут. В главе о самоуправлении я подчеркиваю особенно важную необходимость воспитать рабочего-организатора. Наш рабочий класс, как известно, является не только рабочим классом, но и классом-организатором.

Наши соцвосники решительно не способны постигнуть это великое обстоятельство. В так называемом детском движении[4] они готовы, прямо насилуя наше детство, дрессировать его в бесстыдном многословии о рабочем классе и о революции, но никаких положительных рабочих и организаторских рефлексов[5] они воспитать не способны. Бывшие воспитанники дома им. ВУЦИКа считают позором работать на свинарнике, топить печь, принести обед из кухни.

Дальше, говоря о долге, я как раз разумею переживание долга рабочим по отношению к своему классу. Игнорирование идеи революционного долга... возможно было только из-за недосмотра, проявленного вообще органами Советской власти по отношению к воспитанию молодежи. Игнорирование этой идеи есть большое преступление... как раз против рабочего класса.

Таким образом, разговоры о классовой установке – простое недоразумение. Я эту классовую установку ищу в каждом моменте конструкции детского коллектива и, собственно говоря, только о ней говорю. Институт же просто не способен это заметить, так как никакого отношения к конструированию он никогда не имел и всякую вообще установку ищет только в фразеологии.

«Задача нашей педагогики – воспитывать классовое поведение. Излишним является определять все признаки классового поведения, так как они давно уже определены».

1. О классовом поведении. Мы привыкли, что под классовым поведением разумеют классовые разговоры... Повторяем ту ошибку, которую делали духовные семинарии. Бурсаки о господе боге также умели прекрасно разговаривать, но, в сущности, были циниками и хамами.

2. Поэтому определить все признаки классового поведения представляется далеко не лишним. Ведь вот даже научно-исследовательский институт возражает против идеи долга, значит, в его глазах далеко не все определено, а между тем и в нашем рабочем обществе, и в печати эта идея пользуется справедливым почетом.

Наконец, я перечисляю признаки классового поведения не для того, чтобы их просто декларировать, а для того, чтобы от них сделать заключение о средствах. Это я должен был сделать потому, что в нашем соцвосе признаки классового поведения были сами по себе, а педагогические средства – сами по себе (а результаты тоже сами по себе)[6]. Кроме того, считаю, что на десятом году диктатуры пролетариата уже можно спросить: вот эти общественные признаки классового поведения где-нибудь вырабатываются?.. Может ли институт утверждать, что все настолько благополучно с классовым поведением наших воспитанников и учеников?..

«По конституции социального воспитания детское движение есть основной фактор воспитания классово-сознательного человека. Проект не только не ставит детское движение на первое место, а вообще не включает его в общее число факторов, влияющих на поведение детского коллектива». Это, пожалуй, единственный пункт, который представляет не только недоразумение.

В проекте ничего не говорится ни о детском движении, ни вообще о политическом воспитании исключительно потому, что политическое воспитание является общепризнанной нашей работой, проект имел в виду отметить только наши отличия от

обычных практических укладов соцвоса. В колонии им. М. Горького 33% членов ЛКСМУ…

«Проект считает возможным всю систему воспитания построить на науке о праве. Как раз на том, на чем строила и строит воспитание буржуазная педагогика. Этот принцип дает хорошие результаты во время пребывания воспитанника в учреждении. А что он дает в будущем? В лучшем случае – лояльность».

Я не считал возможным строить всю науку о воспитании на науке о праве, я только говорил о необходимости опереться на науку о праве. Это было бы далеко не вредно, тем более что нужно понимать не право буржуазии, а наше, советское. Я, конечно, имел в виду не изучение в школе науки о праве, а воспитание правовой эмоции в ее высшей форме эмоции долга. Утверждение, что это дает хорошие результаты во время пребывания в учреждении, и больше ничего, просто голословно. В главе об интересе и долге я писал о том, что это дает. Это дает во всяком случае опыт переживания своих обязанностей перед коллективом и обязанностей других.

Переживание же классового долга, конечно, очень далеко стоит от «лояльности». Я думаю, что практикуемое ныне потребительское воспитание[7] является лучшим доказательством от противного, того, что я прав.

«Не наука о праве обусловливает поведение пролетариата». Конечно, не наука, ибо никакая наука не может обусловить поведение целого класса, но и поведение класса обусловливается его революционным представлением о праве человека на справедливость, на свободу, на полный продукт труда – о праве вообще как общечеловеческом социальном явлении.

Поведение же отдельных членов класса обусловливается общепринятой в классе системой нормированных отношений, т. е. системой внутриклассового права. Независимо от сего это поведение как поведение положительного значения обусловливается идеей долга перед классом.

«В проекте не видно роли коллектива. В такой организации совета командиров нет коллектива, есть правящий класс...» Обычное безответственное утверждение. С одной стороны, институт протестует против всякого права, с другой стороны, хочет обеспечить функционирование коллектива какими-то правовыми гарантиями. Наконец, он просто придирается ко всему решительно. Право заведующего назначить новое рассмотрение [вопроса] в общем собрании есть якобы доказательство отсутствия коллектива. Самое существование совета командиров почему-то инкриминируется как существование «правящего класса». Ведь эдакое обвинение можно отнести к какому угодно самоуправлению. Это просто бездоказательная полемика, с которой трудно спорить.

Я привел целые таблицы в доказательство того, что командирскими функциями пропитан весь коллектив. В «Конституции» [дается] целая система, говорящая о значении отряда как коллектива и о месте, значении командира. Институт все равно повторяет старые сплетни...

Естественное право СК смещать негодных командиров толкуется как нарушение прав коллектива.

Отсутствие у общего собрания права наказывать, общепризнанное в педагогике, тоже оспаривается…

А.С.Макаренко. Пед. соч.: В 8 т. Т. 8, с. 247-249. Без даты, ориентировочно: до 13 марта 1928 г., обсуждения «Операционного плана» в Научно-исследовательском институте педагогики УССР. Наименование: «Контр-распереконтр-тезисы».

Копия авторского материала А.С.Макаренко, которую его жена, Галина Стахиевна, передала В. Е. Гмурману при подготовке 2-го издания макаренковских Сочинений в 7 томах (М., 1957-1958 гг.). Он в начале 1978 г., в преддверии 90-летия со дня рождения педагога-писателя, подготовил этот материал к опубликованию (вероятно, в «Учительской газете»), снабдив его развернутым комментарием. Публикация не состоялась. На обороте последней страницы Б. В. Волков (зав. науч. отделом редакции газеты) записал: «Материал сырой... Следует отделить существенное от случайного...». Впоследствии В. Е. Гмурман передал текст А. А. Фролову.

Отмеченные в публикуемом тексте отточиями купюры сделаны Г. С. Макаренко или В. Е. Гмурманом – неизвестно. Выделенные в тексте и взятые в кавычки предложения – это выписки из заключения секции социального воспитания НИИ педагогики. Материал, написанный А.С.Макаренко, вероятно, лишь для себя, ярко отражает не только его эмоциональное состояние в то время, но и общую полемическую направленность всего его творчества.

О глубине расхождений с официальными представителями педагогической науки говорит его фраза: «Это просто бездоказательная полемика, с которой трудно спорить».

Позднее он объяснял: «...В моей работе ярко звучали противоречия между социально-педагогической и педологической точками зрения. Последняя выступала от имени марксизма...» (т. 4,

с. 15). Ей свойственна принципиально иная, умозрительно-спекулятивная логика: социально-политическая доктрина усиленно декларируется; теория и практика воспитания ограничиваются словесным «доведением до сознания», отсутствует задача определения педагогически целесообразной практики, т.е. нет «собственно воспитания» (в его отличии от обучения, процессов социализации и развития). См. также т. 7, с. 28-30.

Начавшаяся дискуссия проходила на фоне увольнения А. С. Макаренко с должности заведующего Управлением детских колоний и детдомов Харьковского округа 15 февраля. В это время усилились нападки на колонию им. М. Горького (тогда 400 воспитанников), где он бывал лишь эпизодически в течение 4-х месяцев, будучи официально ответственным за нее; ею руководили его помощники, их сменилось 4 человека; часть старших воспитанников и воспитателей были переведены в другие колонии для их укрепления, принято много новых воспитанников. См.: А. С. Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания... Часть 1, с. 231, 244-256, 261-265.

«Контр-тезисы» А.С.Макаренко затем использовал в «Докладе на заседании социального воспитания Украинского научно-исследовательского института педагогики» (текст ниже).

[1] Здесь и далее А.С.Макаренко говорит о «нейтральности» социально-педагогических принципов в смысле их значимости как бы «самих по себе», при их простом «декларировании». Он направляет педагогику на создание системы, реализующей эти принципы в определенной логике педагогической целесообразности, в необходимых организационно-методических и технологических решениях. Отсюда его внимание к «конструкции детского коллектива» (см. далее по тексту).

[2] Такую ошибку педагогической логики А. С. Макаренко относит к типу догматического «дедуктивного предсказания», как проявление «дедуктивной, не опытной логики», которая игнорирует реальный педагогический опыт, его результаты (т. 4, с. 114, 126-127).

[3] Такое явление характерно для «малых групп», где, в отличии от коллектива, может и не быть значимой социальной деятельности, превалируют персональные межличностные отношения.

[4] Говорится о пионерской организации.

[5] Понятие «социальный рефлекс» в то время широко употреблялось в смысле: навык, привычка общественного поведения.

[6] А.С.Макаренко исходит из того, что органическое единство целей, средств и показателей результативности воспитания – это проблема, естественно вытекающая из понимания предмета и задач педагогики как «активной, целеустремленной науки», «прежде всего науки практически целесообразной», практико-ориентированной (т. 4, с. 51, 126; т. 7, с. 30).

[7] Вывод о массовом «потребительском воспитании», особенно в детдомах, А.С.Макаренко делает в условиях, когда советская школа была «единой трудовой», положила труд и «трудовое воспитание» в основу всей своей жизнедеятельности (см. также: А.С.Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания... Часть 1, с. 198, 254, 264; т. 2, с. 40). См. также ниже: «Докладная записка члену правления коммуны им.Д.Э.Дзержинского», а также т.1, с.208.

Этот вывод базируется на обнаруженном им факте «нейтральности трудового процесса», когда в основном идет лишь обучение труду, начальное профессиональное обучение (т. 3, с. 453-454). «Труд сам по себе должен быть признан нейтральным явлением в воспитательном отношении, даже коллективный труд... Важен не столько сам труд, ... сколько участие коммунаров в хозяйственной стороне производства..., отношение к финансовой и коммерческой стороне труда» (А. С. Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания... Часть 1, с. 348).

Доклад на заседании секции социального воспитания Украинского научно-исследовательского института педагогики

От имени трудкоммуны был представлен проект основных принципов, какие предполагается положить в основу работы трудкоммуны, и в развитие этих принципов – внутренняя «Конституция». При этом должен заметить, что внутренняя конституция

предполагалась для домашнего употребления, т. е. для детей, чтобы они могли следовать внутренним законам детской трудкоммуны.

Как указывалось научно-исследовательским институтом, в проекте имеется несколько неопределенных мест, что вызывает недоразумения. Отчасти это объясняется спешностью работы, а частью вытекает из сущности нашей проблемы. То, что в коммуну им. Дзержинского послана небольшая часть колонии им. Горького и тот уклад, который существует в колонии им. Горького, остался и у коммунаров-дзержинцев, – это и определило характер конституции. Я как основатель колонии им. Горького остаюсь при прежних убеждениях и объясняю недоразумения только указанными обстоятельствами.

Причем известное количество неопределенных мест выражает собой законную неясность, так как нужно дать возможность детскому коллективу творить формы своей жизни и быта. Слишком точно определить каждый шаг коммунаров представлялось бы излишним, ибо это означало не оставлять свободы для развития детского общества и общества педагогов, согласно тем условиям, в какие они попали, тем данным, какие имеют на будущее, и тем силам, какими обладают. В настоящее время исходным положением для трудкоммуны нужно признать горьковскую конституцию и оставить ее как исходный пункт для дальнейшего развития.

Это не значит, что коммуна им. Дзержинского должна в какой бы то ни было мере повторять развитие горьковской колонии. Даже за эти три месяца, прошедшие со времени перехода детей из колонии им. Горького в коммуну им. Дзержинского, заметна эволюция этих двух колоний: горьковская колония эволюционирует в другом направлении, и коммуна отличается от нее внутренним планом. Все же, несмотря на эту оговорку, как выяснилось на вчерашнем заседании и в беседе с отдельными членами, представителями научной секции института, можно признать, что основные моменты, выдвинутые в нашем проекте, рассматриваются как основные пункты отправления в отношении коммуны им. Дзержинского.

Эти пункты: воспитание рабочего, единство коллектива в той мере, в какой указывалось, т. е. единство детского коллектива и педагогического и единство самого детского коллектива, меры принуждения в отношении некоторых членов, нарушающих общий порядок коллективной жизни, и главный принцип – производственный отряд, а не спальня и класс как первичный коллектив со всеми вытекающими последствиями – собственным командованием, ответственностью и представительством в совете самоуправления. Наконец, то, что вызвало наибольшую дискуссию, – это воспитание классового долга, общий бодрый тон и незначительное привнесение военной игры, не выходящей за рамки военной игры пионеров. Эта военная игра заключает в себе салют, знамя, в торжественных случаях – военный оркестр.

Наша конституция, мы считаем, в основных моментах является ортодоксальной формой соцвоса, отличающейся от средней линии соцвоса только углублением некоторых деталей, не нарушающих основного соцвосовского направления. Это основная установка моя как педагога и совета колоний им. Горького и им. Дзержинского. Расхождение по некоторым пунктам между проектом моим и позицией института, по-моему, вызывается неточными выражениями, возможно, в проекте о значении права, значении педагогического состава, совета командиров и т. д. Все недоразумения я перечислю и остановлюсь на них более подробно.

Первое недоразумение – указание на отсутствие определенной классовой установки. Как вчера я имел честь объяснить, когда я писал проект, то думал о классовой установке, но поскольку это общепризнано, то не надо было останавливаться на этом, и я, останавливаясь на элементах классовой установки, не употреблял слов «класс» и «классовая установка». Таким элементом является воспитание определенных переживаний коллективных, классовых, т. е. политическое воспитание. Наконец, в единстве коллектива мы видим отражение интернационального единства рабочего класса и коммунистического единства, что необходимо проводить в нашем коллективе. Считаю также, что и в праве коллектива на принуждение мы отражаем монолитность классовых явлений, какие существуют в рабочем классе Я считаю, что и в детском коллективе такая монолитность, т. е. право коллектива на принуждение, должна существовать.

То, что рабочий класс является не только классом трудящихся, но и классом-организатором, хозяином, я в своем проекте отразил путем поручения детям не только трудовых функций, но и функций организаторских. Этим я имел возможность доказать, что наша практика пропитана таким функционированием, поскольку прежняя практика показала, что отряды составляются из мальчиков, прошедших командирский стаж, и только отряд новеньких заключает в себе наибольшее количество не прошедших [такого стажа].

Что касается сознания долга, то оно тоже является проявлением классовой установки. Я имел уже честь докладывать, что классовую установку я положил в основу проекта. Если это не так было понято, то по вине неудачной редакции. Вот первое недоразумение.

Второе. Мне указывают, что в проекте игнорируется детское движение. Это тоже недоразумение. Я считаю, что наш проект должен отразить только те линии, которые являются отходящими от общей линии соцвоса в сторону углубления или варианта. Поскольку детское движение в социальном воспитании является обязательным, то я не распространялся и указал только, что мы ведем политическое воспитание. Возможно, это пропуск; если бы было больше времени, я остановился бы подробнее, но наш проект

основан на том, что все воспитание должно опираться на политическое воспитание. Причем возраст ребят, в среднем превышающий 14 лет, и общая жизненная опытность наших детей-беспризорных заставляют высказывать мнение, что нужно опереться не столько на пионердвижение, сколько на организацию комсомольской ячейки.

Я имел дискуссию по этому поводу в органах окркомсомола и в органах наробраза и я встречал согласие с моим мнением со стороны многих лиц, что в условиях нашей работы и житейской опытности беспризорных лучше опереться на комсомольскую ячейку, а пионерская работа не является достаточно проверенной, в связи с характером наших беспризорных и характером нашей производственной работы. В колонии им. Горького мы имеем одну из сильнейших комсомольских организации в округе, а пионердвижение слабо, и в коммуне им. Дзержинского последнее является также проблематичным.

Следующее недоразумение то, что мы пытаемся основать нашу работу на науке о праве. Это, по-моему, является словесным недоразумением. Я имел в виду представление о праве, т. е. тот комплекс прав, который существует и в нашей советской жизни и Конституции, союзной Конституции, в кодексе законов, – все это должно отразиться на устройстве детского коллектива. Мы вообще считаем, что детский коллектив не может игнорировать те законы, по которым строится советское общество, – не только в области изучения, но и тех навыков, рефлексов, которые есть. Значит, замечание проекта, что воспитание коллектива должно опереться на представление о праве, т. е. на наши «эмоции права» и т. д., правильно.

Я имел в виду право на орудия производства, на справедливое распределение в обществе труда и благ и право внутри класса, расширяющее или ограничивающее права личности. То есть только в этом понимании, понимании чисто советских форм права, я говорил, что наше воспитание не может игнорировать всю эту область, тем более что из этой области я выводил идею долга. Исходя из идеи долга, нельзя сказать, что наш воспитанник будет только лояльным человеком. Все воспитание должно развивать чувство долга по отношению к своему классу, тут дело не может ограничиться лояльностью, так что те замечания института, которые касаются этого пункта, очевидно, исходят из словесных недоразумений.

Самый спорный вопрос, спорный не в данном собрании, а в нашем педагогическом совете, – это пункт, по которому я расхожусь с советом: в отношении значения коллектива детского и коллектива воспитателей. Этот пункт затронут также институтом в двух местах, в частности там, где говорится о неясности роли детского коллектива и больших функциях командиров. Это недоразумение, так как никто не переводил группу ребят на положение касты командиров, ибо это было бы гибельным. Мне потребовалось бы

слишком много времени для того, чтобы описать тот быт совета командиров, который существует на деле. Это дело того такта руководящих органов коммуны, который позволяет нам командирский совет в области организации его работы строить так, чтобы в нем участвовал значительный процент детей.

Я приводил таблицу двух отрядов – полевого отряда и квалифицированного из колонии им. Горького, работающего на электростанции. Может быть, [вы] не обратили внимания на эти таблицы, а может быть, этого недостаточно, чтобы снять с меня обвинение, обвинение старое. Поэтому я привел список того отряда, где стаж не более года; в нем 4 мальчика из 11 имели командирский стаж по основному отряду 2 года и по так называемому сводному отряду. Что касается отряда ремесленного типа, то он старый, где стаж по колонии был больше года и все 11 мальчиков прошли командирский стаж, причем некоторые были 101 или 46 раз командирами и т. д.

Таким образом, мы втягиваем всех в работу организаторскую, и касты командиров появиться не может. Если взять командира коммуны им. Дзержинского, то увидите, что командиры имеют минимальный командирский стаж, т. е. одни командиры уступают свое место другим. Причем я могу доказать, что с командирством не связаны никакие привилегии и каждого командира может заменить в любую минуту любой коммунар и командовать отрядом. Это первое недоразумение.

Что касается второго вопроса, о роли воспитателя в нашей работе, то с [педагогическим] советом у меня расхождение чисто принципиального свойства, где бы я уступить не мог. Оно заключается в следующем: я полагаю, что роль воспитателя вытекает не из тех формальных прав, которые ему даются внутри коммуны и являются подкреплением его авторитета. Роль воспитателя должна вытекать из его эрудиции, его подготовки, его такта и т. д. Какими бы формальными правами ни награждал педагогический совет воспитателя, а если действительное соотношение сил воспитанников и воспитателей не будет достаточным, то расхождения углубятся.

Причем я считаю, что права отменять постановления органов самоуправления у воспитателей не должно быть. Сообщение таких прав воспитателям грозит тем, что их работа и общий тон подхода к делу пойдут в сторону наименьшего сопротивления, так как они будут стараться пользоваться этими правами, а не своими возможностями мастера-педагога. Поэтому я считаю возможным настаивать на такой форме. Роль воспитателя не обозначается никаким установлением права (т. е. оно есть в общегосударственном масштабе, но не в масштабе коммуны). Воспитатель принимает участие во всех функциях коммуны (*цитирует*).

Наш совет трудкоммуны им. Дзержинского настаивает на том, что он должен получить еще значение верховного органа коммуны, т. е. официально должно быть

признано право утверждать и отменять постановление органов самоуправления. Для меня это значит разрыв с моим прежним убеждением в этом вопросе. Поскольку орган самоуправления один, он должен остаться в глазах воспитанников верховным органом коммуны, а если воспитательский персонал не сумеет влиять в этом органе так, чтобы выносимые постановления были полезны для нашего дела, то поправлять это бессилие применением формальных прав было бы вредно, а само наличие этого права давало бы возможность совету ослабить роль своих педагогических сил.

Опыт показал, что при нашей системе устанавливаются хорошие отношения между воспитателями и воспитанниками, получается свободная от насилия установка в положении старших товарищей, имеющих значение благодаря своему опыту и хорошему состоянию детского и педагогического коллективов. Вопрос этот чисто технический, принципиальным он является только в нашей среде, хотя фактически отношения от этого не меняются. Вот все недоразумения, которые более или менее объяснены или приведены для сведения.

Самое главное, на чем следует особенно остановиться: мы считаем отправным пунктом конституцию колонии им. Горького, из которой мы пришли. Что должно направлять нашу эволюцию? Здесь главным направляющим, а может быть, единственным моментом является та целевая установка нашей коммуны, о которой говорилось. Мне кажется, что в этом вопросе возможны самые различные решения и каждое из них может быть более или менее правильно, но в последнем счете достаточно ясно определилось, что у автора проекта и у института [существуют] кардинальные расхождения. Даже, пожалуй, не расхождения, а две возможности.

Институт подчеркивает значение школы и образовательного процесса и поэтому ищет такой тип школы, который был бы завершенным, причем в качестве проекта дается семилетка[1] или фабрично-заводская семилетка[2]. Мы сами думали так в первые дни организации коммуны. В последние дни мы пришли к убеждению, что такое решение вопроса, [с установкой] на школу, на серьезный образовательный процесс, – возможно, желательно, но нужно тогда сделать все выводы, какие отсюда вытекают.

Если решим, что трудовая коммуна им. Дзержинского есть ФЗУ или ФЗС с точной регламентацией всех программных движений в среде этого учреждения, то придется сделать такие выводы: прежде всего необходимо в таком случае понизить возраст[ной ценз] воспитанников до нормального школьного возраста для той или иной рубрики, во-вторых, необходим подбор воспитанников по строго школьным признакам.

Наконец, необходимо в известной мере отказаться от материального эффекта наших мастерских, тогда нужно мастерским придать учебный характер. Нужно отказаться в значительной мере от функций самообслуживания, поскольку в настоящее время

самообслуживание отнимает 25% детской силы, ребята отвлекаются от школьной работы и в известной мере от учебно-производственной работы мастерских. Наконец, нужно будет совершенно отказаться от работы по сельскому хозяйству на тех пяти десятинах, которые есть. Как ни мизерны эти пять десятин, все-таки если будем развивать огородное дело, то с середины апреля и с начала октября значительная часть ребят направится на эту работу, а если учтем всю массу работы, определяемой жизнью коммуны как [трудовой] коммуны, а не как школы, то значительную часть сил мы должны брать из учебного процесса.

Если быть последовательным, то, организуя коммуну на базе серьезной школьной работы, нужно отказаться от всех тех вещей, о которых я говорил, и отказаться от самого термина «трудовая коммуна». Это будет не трудовая коммуна, а ФЗУ с интернатом или детский дом с уклоном к ФЗУ или к фабрично-заводской семилетке.

Весь цикл взаимоотношений в детском коллективе, весь цикл внутреннего быта должен измениться под влиянием строго школьной учебной установки.

Но возможен и другой путь – возможна установка на трудовую детскую коммуну, т. е. трудовой детский коллектив, главной целью которого является воспитание. Эта установка не только возможна, а в настоящий момент [и] наиболее целесообразна. Это проистекает из следующего: у нас самый разнообразный по возрасту детский состав, самая разнообразная школьная подготовка. В трех группах имеются слесари, столяры и т.д., в деревообделочной мастерской есть 1-я, 2-я, 3-я и 4-я группы (классы – А.Ф.). Мы имеем три производства, три вида работ; принять школьную программу – значило бы каждую группу делить на три-четыре части. Эти условия страшно затрудняют организацию такой школы.

Дальше мы имеем такой факт: различие целеустремленности наших учебных заведений. В обычное ФЗУ поступают дети, специально интересующиеся этим видом образования. К нам приходят дети без подобной целеустремленности, которых не спрашивают о их желаниях (они имеют различные желания и цели), и быть уверенным, что все дети пожелают быть слесарями или столярами-деревообделочниками, нельзя, так как часть думает быть механиками, часть – пойти на рабфак и т. д. Это вытекает из самого факта беспризорщины: из того, что мы берем детей не по желаниям, которые их толкают к нам, а случайно, причем у нас они должны определить свои интересы и вкусы, а эти интересы настолько разнообразны, что мы их всех удовлетворить не можем.

Благодаря этим условиям я лично (педагогический совет я об этом не спрашивал) как специалист по детским трудовым коммунам остановился на коммуне. Я оставил бы детскую трудовую производственную коммуну с усилением даже финансовых прав детского самоуправления, т. е. с предоставлением ему права распоряжаться суммами,

какие имеются в распоряжении коммуны, с определенным производственным эффектом, который выразился бы в известной самоокупаемости, с увеличением заработка в мастерских[4].

В этом случае мы должны допустить известную свободу движения ребят, т. е. после коммуны известная часть [ребят] может уйти на рабфак[5] – часть как хозяйственники, часть как служащие и т. д., и в силу этого для педагогического совета надо установить свободу руководства движением ребят. Эта установка на детскую коммуну была с самого начала организации этой колонии. Я указывал, что ставка на твердую квалификацию не всегда может быть выдержана и в такой коммуне. Мы имеем производственные мастерские, в то же время даем определенную школьную подготовку, чтобы воспитанник мог пойти дальше продолжать свое образование. Это было бы трудовой коммуной.

Возможность такого типа выяснилась в первые дни. Я считаю, что организация такой трудовой коммуны была бы прекрасным памятником товарищу Дзержинскому, если бы она была организована с прекрасным средним тоном, с политической установкой и уверенностью в будущем, какая необходима для детей. В детских колониях спутывают все карты. Во-первых, материальная бедность, во-вторых, неуверенность [в том], что воспитанник будет делать при выходе из коммуны. Если у ребят будет уверенность, что они получат поддержку, то смело пойдут по пути определения своих вкусов, определения себя.

Такая трудовая коммуна как образцовое учреждение для беспризорных должна быть. Мы не можем строить для беспризорных ФЗС, так как ФЗС с интернатом будет чрезвычайно дорогая вещь и для ста человек было бы чрезвычайно невыгодно. Но это мое мнение.

Таким образом, есть два пути: ставка на точную школу, но с отказом от самообслуживания, от сельского хозяйства, с точным приемом ребят по возрасту, либо трудовая коммуна, трудовой коллектив, главной целью которого будет выпуск в жизнь подготовленных людей, хотя без строго [осуществляемой] школьной установки[6].

* * *

Я думаю, что в саму постановку вопроса нужно внести некоторую ясность. Мы должны исходить, очевидно, из того, что памятник товарищу Дзержинскому можно построить различный: можно построить школу для детей и можно построить бронзовый памятник. Я думаю, что у нас более узкая задача: построить такой памятник, где нашли бы приют беспризорные, приют и воспитание. Поэтому в устройстве памятника мы должны исходить из нужд и из характера нашей беспризорщины.

В нашей беспризорщине два проклятия: ужасная материальная бедность в самих учреждениях, не позволяющая серьезно и всех охватить учебно-воспитательной работой, и полное отсутствие опеки после выхода из детской колонии. Обычно наш колонист или воспитанник детского городка живет в детском доме, но перспективы он не имеет. Во-первых, не имеет ее потому, что не получил никакой квалификации, и, во-вторых, потому, что, когда уходит из [детского] дома, не имеет серьезной опеки каких-либо людей. Таким образом, если говорить о памятнике товарищу Дзержинскому, о помощи беспризорным, то нужно стараться уничтожить эти два проклятия.

У нас в колонии первое проклятие мы уничтожили: воспитанник живет в богатой, в смысле питания, машин и даже эстетики, обстановке. Дальше нужно, чтобы воспитанник был спокоен за свое будущее и естественным путем вошел в жизнь здорового рабочего человека. Вот конкретное выражение задач, и думаю, что, решая эти задачи (если не так, товарищ Письменный меня поправит), мы не должны рассчитывать, что обладаем неисчерпаемыми средствами. У нас должны быть обычные средние нормы, возможно несколько более обычных норм потребления детского дома.

Кроме того, памятник товарищу Дзержинскому может быть типичным учреждением для беспризорных, по которому будут равняться другие, но ведь среди этих учреждений нет ФЗС и не может быть. Поэтому, если мы организуем ФЗС с богатой обстановкой, то такое учреждение для наших детских домов не может являться типичным. Наши колонии-городки по 500-600 человек, может быть, до ФЗС дойдут тогда, когда будет покончено с беспризорщиной. Поэтому вряд ли можно отказываться от образца, по которому будут равняться все детские городки.

Отсюда основная задача – это конструирование жизни в детской колонии так, чтобы в области удовлетворения временных детских потребностей, в области удовлетворения естественных стремлений детства и комплектования, [организации] жизни все было бы сделано правильно. Если мы говорим о школе, то мы не решаем этой задачи, так как школа не будет памятником в смысле борьбы с беспризорностью, будет обычной школой, но не будет типичной колонией для беспризорных.

Таким образом, установка на ФЗС, возможно, великолепна, но как решение несостоятельна[7].

Заключительное слово

К сожалению, мне приходится останавливаться на всякой идеологии. Почему «к сожалению»? Скажу. Когда я писал проект, то полагал, что идеологические споры разрешены, что идеологические споры делу не помогают. Идеологическое решение было тогда, когда строился детским дом ВУЦИКа и другие богатые детские дома. И, несмотря на это, дома эти погибли.

Я считал, что на десятом году революции мне идеологические положения защищать не нужно, и поэтому идеологической установки не указал, ибо я считал, что мы живем в центре Украины, в столице[8], где решать в этом отношении ничего не нужно. Я считал, что мы ничего не решаем, и если мне приходилось употреблять выражение, которое соприкасается с идеологическими темами, то лишь в целях пояснения.

Я хотел в первой главе (цель воспитания) перечислить отдельные пункты того социального заказа, который нам предъявляют. Между тем, товарищ Письменный остановился на том выражении, которое было употреблено для связи, причем товарищ Письменный не заметил придаточного предложения. Здесь указано, что эта цель не может иметь значения «вследствие того, что она была слишком общо выражена». Я возражал не против цели, а против того, что эти цели слишком общо выражались, не имея практического значения[9].

Я говорил, что практического значения такая общая формула иметь не могла. Мы с таким коротким, слишком общим выражением справиться не могли, и опыт не только Украины, но и РСФСР показывает, что, хотя все педагоги были знакомы с этой общей целью, все-таки выразить практически эту цель в близких, понятных формах не могли. Вот почему, выражая эту цель, я перешел к социальному заказу, какой нам дается.

Тут я подошел правильно с точки зрения класса. Товарищи Письменный и другие недостаточно внимательно прочли мою фразу: «Производственный отряд является хозяином мастерской», так как дальше – такое выражение: «Для работ по самообслуживанию, а летом по сельскому хозяйству в производственные отряды выделяют временные (сводные) отряды». Именно в таком понимании основной отряд уподобляется профсоюзу. Поскольку мальчик числился в отряде столяров, а командируется на другую работу, то он относится к отряду столяров как к своему профсоюзу. Это не синдикалистский уклон, товарищ Письменный пропустил это выражение *(тов. Письменный: это не имеет значения*).

В вопросе о дисциплинарной практике, когда я говорил о кодексе, я указал: «Во всяком случае, такой опыт произвести не мешало бы», но не производил, не думал производить, хотя думаю, что научно-исследовательскому институту вряд ли есть основание отказываться от такого опыта. Конечно, речь идет не об уголовном кодексе, но некоторый кодекс поведения можно было бы провести. Я не вижу оснований только из эмоциональных соображений отказываться от постановки такого опыта, так как это будет опытная постановка.

Перехожу к сущности возражений против моего проекта. Что касается принуждения, я, когда употребил это слово, думал, что употребляю его в совершенно научном смысле и что оно будет понято научными работниками так же, потому что, если

мальчик отказывается умыться, а я говорю «ты пойди умойся», – это элемент принуждения, так что элементы принуждения не могут быть отброшены в воспитании, а если их отбросить, то и такой момент, как сказать «иди умойся», не может быть допустим. Либо принуждение не может быть допущено, либо, если это не принуждение, то что? (*С места: Это убеждение*). Я называю это принуждением (*тов. Письменный: Это метафизика*), т. е. каждое принуждение может существовать, если его назвать убеждением.

В более тяжелых случаях есть более тяжелые формы принуждения. Московский съезд детских домов поставил этот вопрос прямо, так же как вопрос о наказаниях, и даже мне, убежденному стороннику принуждения, пришлось возражать против слишком формального подхода в этом вопросе.

Я для себя признаю обязательным, если вы скажете – никакого принуждения и никакого наказания. Значит, мы отказываемся от принуждения. Тогда этот закон может быть применен к коммуне им. Дзержинского, и посмотрим, что получится. Я уверен, что получится Дом ВУЦИКа, если не будет принуждения и элементарного права наказания.

Я не хотел выступить ханжой и прикидываться, что не буду принуждать никого, а на самом деле буду принуждать, и поэтому должен сказать, что стою за принцип принуждения. Может быть, преодолевая естественную неловкость, считаю себя обязанным сказать, что даже применение физической силы не с целью наказания, а с целью задержки и остановки допустимо. Если два мальчика при вас будут драться, то вы физически их остановите, а не остановите – пожнете все плоды этого.

О правовых эмоциях я говорил. Считаю, что отказаться от этого нельзя. Сплошь и рядом мы получаем детей, у которых есть правовые эмоции, рефлексы, когда мальчик уверен, что его все обязаны кормить, одевать и т. д., а он никаких обязанностей к существующему обществу не имеет[10]. Это обычный тип беспризорника. Вы имеете дело с явно правовым явлением. У некоторых мальчиков переживания нужды переходят в переживания (не знаю точного термина, выражаюсь практически) правовые: если он не имеет сапог, то он это воспринимает как право украсть сапоги, и, поскольку мы соприкасаемся с жизнью детского общества, мы сталкиваемся с постановкой правовых проблем.

Если бы наша педагогическая наука давала определенные термины, определенную трактовку таких проблем и проблемок, то можно было бы отбросить термин «правовой», но поскольку я лично точных указаний, как это назвать, в литературе не встречал, то принужден был сам придумать название – я это называю переживанием правового типа. Такие переживания у нас в доме я встречаю на каждом шагу: либо ребенок убежден в каком-то своем праве, либо убежден в отсутствии права другого.

Реальная работа рядового педагога проходит все время между этими явлениями, и рядовой педагог принужден на деле как-то на это реагировать. Возможно, я в своей практике имел дело с правонарушителями, когда эти эмоции особенно проявлялись.

В отношении долга. Я старался в первой главе определить, как умел, что переживания чести исходят из сознания о чести класса, его значимости. Если я уверен в высокой ценности рабочего класса, то я это называю переживанием чести своего класса, т. е. известное достоинство от того, что принадлежу к этому классу. Конечно, у меня этот термин вытекает не из тех оснований, которые были у офицеров в отношении понятия о долге. Я понимаю долг как переживание своих обязанностей по отношению к коллективу. Убежден, что в трудные моменты нашей жизни эта идея долга возникает у каждого комсомольца, у каждого партийца и даже у каждого сознательного рабочего. Может быть, нужно придумать другое слово, а я называю термином «долг». Нельзя из-за того, что я называю таким термином, переворачивать всю установку.

Считаю, что такая установка – сознательное и глубокое переживание своей принадлежности к классу – и есть переживание долга. В том случае это переживание проявляется, когда личность определенным образом привлекается к общей линии поведения класса. Я считаю, что игнорировать этого нельзя.

Почему игнорируют это явление? Потому что наша педагогическая литература не снисходит до таких деталей. Это «мелочи», которые оставляют для практических работников, а наши работники приходят в детские дома и перед такой «мелочью» становятся в тупик[11].

Я об этом говорю как о деле серьезном, это не вздор, который говорится в разгаре полемического спора. Наша трудность в правовых вопросах вытекает из внутренней неосведомленности работника в этом вопросе. Неправильно толковать понятие – одно дело, но если вы по существу отбрасываете самую возможность нашего классового рабочего долга, нашей классовой рабочей чести в том толковании, как я трактую[12], т. е. в отношении уверенности в значимости класса, то убежден, что кто бы ни взялся за работу в трудкоммуне, должен будет либо провести в жизнь все эти формулировки, либо погибнет коммуна.

Я считал, что передо мной стоит ответственная задача – составление плана для такого учреждения, как Дом Дзержинского, и прикрывать такие проблемы считал себя не вправе, хотя знал, что меня лично будут ругать.

Вопрос о военизации. Тут мне только остается развести руками. Нужно же кому-нибудь за восемь лет хоть раз удосужиться и посидеть в коммуне. Я вам докажу, что это неправильно, что никакой военизации нет. Что такое военизация? С ружьями воспитанники не возятся, строем военным не занимаются, военной науки не проходят;

только салютуют – так это формальный пункт. Что делает труба? Дает сигналы. Предположим, приходят французы[13] и просят: «Соберите воспитанников». В таком случае труба даже приятно звучит, и это своего рода музыкальные звуки хлопцев (*тов. Письменный: Труба – вещь нейтральная, важно, как трубить*). Когда приезжает новый человек, то это для него странно, но когда проживет шесть-семь лет, то это является обычным звонком, и эта труба во многих случаях жизни дает возможность без лишних уговоров и митингов собрать, когда нужно, коллектив.

Говорят – кругом пропитано военным духом. Сколько бы я ни писал, сколько бы ни говорил, а я говорю не первый год – никого не могу убедить. Предположим, сегодня приехали французы, встретили их с оркестром. Если оркестр играет, то вы говорите, что это военный дух. Поскольку есть оркестр в каждой воинской части, то это военный дух, но поскольку оркестр есть на каждой фабрике, то это не военный дух, а в медной трубе нет никакого военного духа. Что касается слова «есть!», то это не обязательно, как хочет воспитанник, так и говорит, но эта традиция прекрасная.

Товарищ Письменный говорит: никакой сознательности – одна эмоциональность и дисциплина, т. е. товарищ Соколянский[14] начал, а товарищ Письменный прибавил. Товарищ Соколянский нашел одну эмоциональность, а вы – никакой сознательности. Не буду говорить о коммуне им. Дзержинского – это дело молодое, но возьмем колонию им. Горького. Если там 33% комсомольцев и вполне сознательный комсомольский народ, то откуда это берется? Ведь вечно эмоций не может быть. Эмоция сегодня, эмоция в понедельник, эмоция в четверг, но не семь лет. Это обвинение горьковской системы в постоянной приподнятости, пафосе – положительно недоразумение. Я думаю, что работая ежедневно в течение трех-четырех лет по пять-шесть часов нельзя допустить наличие эмоций, так как она возможна лишь при длительной, холодной и четкой установке.

В чем эмоции? Известный радужный тон, бодрое настроение не исходит из эмоциональности. Это следствие точного порядка дня, четкой дисциплины, уверенности в том, что завтра тебя не покинут. Воспитанник может бросить колонию, и его снова примут в колонию. Сознание, что принадлежишь к коллективу друзей, – вот что создает бодрое настроение. Кроме того, я противник всего того, что вызывает избыток эмоций, я сторонник спокойного здорового человека. Единственная возможность убедиться – это посидеть в колонии и посмотреть, какое бодрое, уверенное настроение у воспитанников. Так что тут я не вижу причины для возражений.

Что касается типа школы, какой установить у нас, то можно установить, какой угодно. Можно установить ФЗС с прекрасным преподаванием, с ограниченным самообслуживанием, точной программой, мастерскими – и это, конечно, будет хорошее учреждение. (*С места: «Почему нельзя увязать?»*) Можно это сделать, но увязать нельзя,

приступите к конструированию, и вы ни за что не увяжете. (*С места: «Приступите и увяжите»*) Я не считаю себя неспособным воспитателем, но не увяжу. Здесь сидит заведующий производственными мастерскими [коммуны], инженер Колесса[15], и он тоже не сумеет увязать. Можно увязать с самообслуживанием рубку дров, работы в саду и т. д., с точной производственной программой в мастерских, но увязать самообслуживание, мастерские и полную школьную программу невозможно. Я думаю, что средств не хватит, и идеологически [это] не будет настоящим памятником товарищу Дзержинскому, как дом для беспризорных.

Это будет школа, прекрасная школа с интернатом, которой будут завидовать другие школы, но далеко стоящая от обычного типа детского коллектива, колонии для беспризорных. Доказать это я, может быть, не сумею, но я уверен, поскольку имею дело с коллективом.

Посмотрим на это дело практически, практические мелочи надо уточнить. Первая деталь: нужно взять из какой-то колонии мальчиков, окончивших четырехлетки, и привести сюда. Представляю себе этого мальчика – если вы возьмете такого, который прожил в Валках определенное время, и возьмете его сюда как нормального мальчика, то посмотрим, как он вам поможет создать эту нормальную обстановку, причем ему будет лет шестнадцать. (*С места: «Почему?»*) Потому что в детских колониях такого возраста дети подходят к пятой группе. Брусиловской колонии мы дали точные указания, кого присылать, и кого они нам прислали – самых серењких, заурядных: тех, кто им не нужен. Так будут присылать все колонии.

По отдельным деталям – позвольте сказать искренне. Я считаю, что практика наших детских домов настолько не разработана, настолько не определена никакими положениями и даже никакими идеологическими положениями, что трудно установить законы. Ревизия 38 детских домов московских показывает, что правильная идеология, правильная установка ничего не определяют, а определяет постановка дела, материальные средства и т. д. Где есть удачный состав, там, где создается некая своя школа, некий свой уклад, не противоречащий ни соцвосу, ни общим принципам, но нашедший в своей обстановке свои формы, там дело двигается успешно, и я думаю, что в этой трудкоммуне успех будет в том случае, если найдется коллектив, который сумеет создать свою школу.

Дружная работа 5-6 человек, которые сумеют найти применительно к данной обстановке нужные и полезные формы, даст успех в работе, а здесь, сколько бы мы ни определяли, если такого коллектива не будет, то коммуна не будет поставлена хорошо.

Почему на колонию им. Горького нападают? По перманентному недоразумению. Когда нужно говорить о положительных сторонах колонии им. Горького, то она никуда не

годится, а когда нужно организовать колонию, то берут воспитанников из колонии им. Горького. Идет речь о Доме Революции – предполагают взять детей из колонии им. Горького; организовалась коммуна им. Дзержинского – тоже взяли из колонии им. Горького.

Нужно какое-то ядро педагогов, а если не найдутся такие педагоги, то никакие программы, никакие операционные планы ничего не спасут. Нужно найти такое крепкое, сбитое, уверенное, что поступает правильно, ядро педагогов. Вот единственное достоинство того коллектива, который работает в колонии им. Горького, так как он действительно спаян и не за месяц, а за годы работы, и он соответствующие формы работы найдет. Пусть они ошибутся, но они увидят свою ошибку и исправят ее.

Иных путей нет, а если мы станем на формальный путь, то должны написать определенную партитуру и сыграть ее до последнего диеза, из этого ничего не выйдет. (*Тов. Письменный: «Значит, играют по слуху, а не по нотам?»*). Ноты написать можно, но в процессе работы сам коллектив педагогов должен найти те формы, какие нужны[16].

А.С.Макаренко. Пед. соч.: В 8 т. Т. 1, с. 69-80. Стенограмма макаренковского доклада 14 марта 1928 г. на заседании секции социального воспитания Украинского научно-исследовательского института педагогики совместно с представителями Правления трудкоммуны им. Ф.Э.Дзержинского, ее сотрудниками, представителями Наркомпроса УССР и Харьковского окрметодкома НКП УССР.

Присутствовали: от НИИ – А.И.Попов (директор, проф.), А.И.Соколянский (рук. секции, предс. Госметодкома Упрсоцвоса НКП), А.С.Залужный (рук. кабинета социальной педагогики Харьковской пед. опытной станции, проф.), Гендриховская (сотр. секции, проф.), В.М.Дюшен (одновременно инспектор интернатных учреждений Упрсоцвоса), В.И.Яковлев (одновр. Член Научпедкома Упрсоцвоса), П. Мостовой (одновр. чл. Научпедкома), Гарбуз, Лившина, П. Ю. Волобуев, Довженко.

Из других организаций: Ганджий (зам. предс. Упрсоцвоса), Р.Л.Берлин (предс. Всеукр. комиссии по делам несовершеннолетних); Л.А.Письменный и Н.А.Балицкая (члены Правления коммуны); А.С.Макаренко (зав. трудкоммуны им. Ф. Э. Дзержинского), Крикун, Сара Коган, Дроботова, Чудинский (работники этой коммуны). Аспиранты НИИ – Горбенко, Г.Н.Попова, Н.Н.Миронов (одновр. инспектор школ), К.Ю.Кремер (одновр. секретарь секции соцвоса),

Рябченко, З.Т.Козлова (одновр. предс. окрметодкома), Меркулова (одновр. инспектор детучреждений), Шахрай, Таран (одновр. инспектор Упрсоцвоса), Н.А.Григорьев (одновр. предс. Окрметодкома, Чернигов), Гравенко, Е.А.Мухина (одновр. работник опытной станции соцвоса), Ходская, Виткаль, Жезмер.

Макаренковский доклад и материал его обсуждения – это по существу первые документы, свидетельствующие о возникших к этому времени принципиальных разногласиях А.С.Макаренко с официальной советской педагогикой, украинской концепцией социального воспитания. Суть разногласий – столкновение его социально-воспитательной концепции и дидактической педагогики, с ее «ставкой на школу», образование, «воспитывающее обучение». Начавшаяся в конце 20-х гг. переориентация советского народного образования на «школу учебы» закрепилась в постановлениях ЦК ВКП(б) 1931-1932 гг. о школе. Общеобразовательная школа стала приобретать облик «советской гимназии».

Одновременно это столкновение с педологическим направлением, которое в конце 20-х гг. стало бурно развиваться, вытесняя психологию и педагогику, претендуя на роль единственной «марксистской науки о детях». 7 марта 1931 г. СНК РСФСР принял постановление «Об организации педологической работы в республике». Главное в педологии, как отмечал позднее А.С.Макаренко – игнорирование целенаправленного воспитания, искажение идеи «свободного проявления» личности и индивидуальности, приоритет процесса развития личности, его ограничение природными предпосылками и простым приспособлением к окружающей среде в процессе социализации (т. 4, с. 15-17, 41-44, 49-51; т. 7, с. 28-30 и др.).

В материале, относящемся к середине 1928 г. – 1929 г., А.С.Макаренко показал общую социально-педагогическую ситуацию того времени: постепенный переход от «соцвоса», идей общественного воспитания к концепции школы лишь как учебно-образовательного учреждения (А.С.Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания,... Часть 1, с. 299-302). Общую общественно-политическую характеристику конца 20-х – начала 30-х гг. (период

«коренного перелома») см. там же, с. 208. Критическое положение А.С.Макаренко в колонии им. М. Горького в это время: см. там же, с. 253-258.

Основной смысл его доклада и выступлений на этом заседании – стремление перенести в коммуну им.Ф.Э.Дзержинского педагогические принципы трудовой колонии им.М.Горького, продолжить и развить свой творческий опыт как «историю одного воспитательного коллектива».

Впечатления А.С.Макаренко об обсуждении его доклада на секции соцвоса НИИ педагогики УССР см. в письмах Г.С.Салько 15 марта (см. ниже) и А.М.Горькому 18 апреля (А. С. Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания,... Часть 1, с. 264). Художественное изображение этого: глава «У подошвы Олимпа» в «Педагогической поэме» – т. 3, с. 442-444. Более полно: Педагогическая поэма / Сост. С. С. Невская, – М., 2003, с. 660-663. Стенограмма заседания, полные тексты: Опускула макаренкиана (макаренковские работы), № 12 / Сост. Г. Хиллиг. – Марбург, Германия, 1991, с. 38-109.

О «богах Олимпа» А.С.Макаренко говорит: «Впоследствии оказалось, что почти все они стоят в близком родстве с некоторыми земнородными, – Троцким, Петлюрой, Ефремовым...» (Пед. поэма / Сост. С.С.Невская. – М., 2003, с. 571). Троцкий Л. Д. (1879-1940) – деятель ВКП(б), в ноябре 1927 г. исключен из партии; в 1929 г. выслан из страны. Петлюра С. В. (1879-1926) – один из лидеров украинского националистического движения, с февр. 1919 г. глава Центральной рады, Директории; с 1920 г. в эмиграции. Ефремов С. А. (1876-1939) – политик, публицист, вице-президент Академии наук УССР, главный обвиняемый по «делу СВУ» (Союза освобождения Украины, март-апр. 1930 г.; в эту организацию входил СУМ – Союз украинской молодежи).

[1] Говорится о 2-й ступени действующей тогда 9-летней общеобразовательной средней школы (5-7 группы-классы).

[2] Фабрично-заводские семилетки, ФЗС – общеобразовательные школы, действующие при производственном предприятии, соединяя обучение с производительным трудом, в русле «политехнизации школы»; образованы в 1926 г.

[3] А.С.Макаренко здесь формулирует главное в своих педагогических взглядах и опыте – воспитание на основе трудового коллектива; см. ниже: «производственной коммуны». См. ранее по тексту: общая установка педагогического учреждения на приориет обучения или воспитания (воспитания на основе хозяйсвенно-трудовой деятельности) в корне изменяет «весь цикл взаимоотношений в детском коллективе, весь цикл его внутреннего быта».

[4] Этот замысел А.С.Макаренко в коммуне им.Ф.Э.Дзержинского удалось осуществить, но далеко не в полном объеме, и притом лишь в начале 30-х гг.

[5] Рабфаки, рабочие факультеты начали действовать при высших учебных заведениях с осени 1918 г. Молодежь из рабочих и крестьян, имеющая начальное образование, за 3-4 года обучения на рабфаке получала возможность поступления в вуз, обычно по профилю рабфака, со сдачей вступительных экзаменов.

[6] Далее (по стенограмме) председатель заседания А.И.Попов сказал: «Есть предложение сразу заслушать ответы на 11 вопросов. Таким образом мы конкретизируем некоторые положения, как их высказал тов. Макаренко... Я дам несколько ответов на некоторые вопросы. Что касается школы, то ответы даст тов. Яковлев; о роли военизации скажет тов. Григорьев». (Речь идет об «11 вопросах», поставленных Л. А. Письменным от имени Правления коммуны и присланных в НИИ 13 марта).

А.И.Попов, возражая А.С.Макаренко и имея в виду первый 5-летний план развития народного хозяйства страны, определил цель воспитания: «подготовить борца за диктатуру пролетариата». Основы воспитания обозначены в «Руководстве по социальному воспитанию»: «воспитание для коллектива, через коллектив и силами коллектива». Там нет таких понятий, как «долг», – связанных с моралью прежде всего «торгово-капиталистического общества»; в истории педагогики такие понятия играли «регрессивную роль». То же – о «праве»: это «категория классовая».

От ФЗС должна быть взята не просто учебная программа, а стержневая идея «объединения воспитания с обучением».

Учреждение нужно укомплектовать лучшими педагогами (чтобы чувствовали себя «в роли профессуры») и лучшими воспитанниками (путем «разверстки, из всей Украины»); при выпуске они «должны приниматься в техникумы и вузы без экзаменов». Учреждение нужно сделать «показательным», лабораторией, «научно-исследовательским пунктом соцвоса», но без экспериментирования. Обозначение «трудовая коммуна» (или «колония») может остаться. Вопрос: «интерес или долг» – можно назвать «искусственным, риторическим вопросом».

В.И.Яковлев (В «Педагогической поэме» С.В.Чайкин – см.: А.С.Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания,... Часть 1, с. 339): надо взять «установку на школу без противоречия с идеей трудового коллектива». Имеющаяся производственная база: это для детей старшего возраста, «V-VII групп трудшколы», «с индустриальным уклоном». Установка «либо на школу, либо на детский трудовой коллектив» – несостоятельна: «учебно-образовательная работа в трудовой школе имеет объектом производительный труд». Нужно «равное число детей обоего пола». Выпускники: в профшколу или на производство, с некоторой квалификацией, за 3 года обучения. Формы и методы педагогической работы: лабораторный метод, лекции, беседы, самостоятельная работа с книгой. И новые: лабораторная работа, исследовательная, экскурсии, метод проектов.

Н.А. Григорьев: «военный тип отношений», «военизация» – это не форма игры, а «сама сущность предполагаемой системы», влияние «био-генетического принципа», «точка зрения бойскаутизма». Это явления, «типичные и для буржуазных систем воспитания». Форма «длительной игры расходится с основными принципами социального воспитания и советской педагогики». Для «военизации» достаточны: кружки Аэрохима, участие в общественно-политических организациях, в общественно-политической работе, физическое воспитание.

П.Ю.Волобуев (в порядке обсуждения): о «детской самодеятельности», «общественной активности». Проект коммуны дает «готовые формы», нет «тенденций их дальнейшего развития».

Далее «в порядке прений» слово предоставляется А.С.Макаренко.

[7] Далее слово предоставляется В. М.Дюшен (в «Педагогической поэме» – «Брегель Варвара Викторовна, из Наркомпроса» – см.: А.С.Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания,... Часть 1, с. 336): проект недооценивает школу. «...Получаются чернорабочие... Установка на рабочих, но не квалифицированных,... школьная установка на малограмотного человека». Нужно отбирать «наиболее способных, интересующихся наукой»; после окончания 7-летки – «широкое поле действий». Нужно одинаковое число мальчиков и девочек. Набор – из Харьковского округа, хоть учреждение и всеукраинское.

З.Т.Козлова (в «Педагогической поэме» – «тов. Зоя из Наркомпроса» – см.: А.С.Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания,... Часть 1, с. 338): как опытное учреждение коммуна не должна отличаться от других. Нужно брать детей из коллектора, «поставить их в нормальные условия» и получить результат. Это дети с 10-11 лет; нужен первый концентр ФЗС. «По поводу самой работы Макаренко и его точки зрения на коллектив мы, возможно, будем говорить потом».

И.А.Соколянский: детдома «имени» уже были: имени ВУЦИКа, дом Артема (для детей погибших коммунистов) – их уже нет. Дом Совнаркома им. Шевченко, но какой? «Эти примеры можно увеличить до бесконечности». Тогда «в основном не расходились» в их организации; нужно учесть допущенные недостатки. Это должно быть учреждение «нормального типа».

«Внешние атрибуты, ставка на эмоцию» нужны в колонии им. М. Горького «для восполнения материальной бедности, при невозможности построить нормальный педагогический процесс». Нужен высококвалифицированный персонал, с повышенной оплатой, и хорошие материальные условия. Воспитанники – с правом окончивших рабфак, «чтобы сразу могли поступить в вуз и пользоваться стипендиями».

У Макаренко «все построено на эмоциональности, а это действует кратковременно». «Так проект, который предлагается

нами, и проект Антона Семеновича и в основном, и в деталях разные». «…Проект тов. Макаренко направлен на критику основ соцвоса. Он хотел перевернуть всю систему соцвоса и поставить перед ней новые формы … Он слишком практически мыслит, он игнорирует то, что накоплено в советской педагогике, идет самобытным путем и ломится в открытую дверь».

Л.А.Письменный: решать будет Правление; «мое выступление здесь носит исключительно частных характер». Учреждение должно исходить из того, что наука достигла, но что «в условиях настоящего времени не могло быть осуществлено». Нужно «выработать Конституцию трудовой коммуны», с участием института. «Общая политическая установка тов. Макаренко не выдерживает критики с марксистской точки зрения». Это касается опоры на «науку о праве».

Согласен с мнением института, что «классовой установки» нет, не предусмотрена «связь с пролетариатом, советской общественностью». Новые фетиши: право, долг и т. д. Производственные отряды – это «синдикалистский уклон». Весь проект – это «совокупность элементов чувства и дисциплинарного нажима при полном отсутствии элемента сознания». Нет ничего о «внедрении классового сознания». «Военный уклон», «такого рода военизация соцвоса» – вредны.

Установка Правления: это учреждение для беспризорных, но без «физических и моральных дефектов». Чтобы «семья Дзержинского» разносилась по всей стране. Все время «под покровительством науки», давать не только практические, но и научные результаты. Правление посчитается с мнением института о «типе школы и типе этого учреждения»; предлагается его превращение в «научно-исследовательский пункт социального воспитания».

Далее – заключительное слово А.С.Макаренко.

[8] Харьков был столицей УССР до лета 1934 г.

[9] Конкретный характер педагогической цели в определенный период социально-экономического развития – основополагающий аспект макаренковской практико-ориентированной, социально активной и «ответственной» педагогики.

[10] Опасность развития в детстве потребительской психологии и морали, ущербного правосознания А.С.Макаренко отмечает неоднократно, в отношении не только беспризорности, но и семьи, обычной школы, интернатных учреждений.

[11] Теория в педагогике А.С.Макаренко доводится до вопросов ее практической реализации; практические решения четко аргументируются теоретически, органически включаются в систему научно-педагогического знания. Четыре «этажа» педагогики: методологический, теоретический, организационно-методический и технологический – у него взаимообусловлены.

[12] Макаренковская трактовка отличается от понимания оппонентами тем, что целевые установки необходимо не только правильно обозначить; надо определить способы их претворения в жизнь, повседневный быт педагогического учреждения.

[13] Говорится о посещении коммуны (или колонии) французской делегацией.

[14] Соколянский И.А. (1889-1960) – педагог-дефектолог, первый директор организованного им в 1930 г. НИИ дефектологии (Харьков); с 1934 г. ст. науч. сотр. НИИ дефектологии АПН (Москва), специалист по работе со слепоглухонемыми детьми. За работу в этой области присуждена в 1980 г. (посмертно, совместно с А. И. Мещеряковым) Гос. премия СССР. В «Педагогической поэме» мог быть изображен как М.М.Воробьев (А. С. Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания... Часть 1, с. 337-338).

В конце 1933 – нач. 1934 гг. обвинялся в «принадлежности к украинской контрреволюционной организации»; осенью 1937 г. и в мае 1939 г. привлекался к суду «по обвинению в принадлежности к антисоветской националистически-террористической организации» (Опускула макаренкиана, № 19, авт. Г. Хиллиг. – Марбург, 1997, с. 16, 18).

[15] Колесса П. А. – зав. производством коммуны с конца июня до начала октября 1928 г. Судим за совершенные в 1926 г. злоупотребления, растрату гос. средств в ШРМ, г.Житомир (РГАЛИ, ф.332, оп.4, ед.хр.376).

[16] Далее выступил А. И. Попов: «…Если бы мы разошлись, и последним прозвучало бы слово Антона Семеновича, то болело бы сердце за дело соцвоса и института… Выходит, что они (детдома ВУЦИКа и им. Артема – А. Ф.) погибли потому, что идеология была правильной *(А.С.Макаренко: я точно выразился: «несмотря на это…»)…* **В главнейшей области педагогики – педтехнике – работа Антона Семеновича – это работа виртуоза…».**

Мы не против военизации. В организации Красной Армии есть много моментов педагогических, которые мы должны внести в нашу систему соцвоса… Нужно глубже подойти к этому делу… Тов. Макаренко говорит, что есть «долг, честь, право» – так можно детей довести до религии… Классовой установки в его проекте нет, хоть слово «класс» тут употребляется сто раз… Надо договориться, как мы понимаем обусловленное поведение… «Долг» связывается с пониманием морали, и это во многом трансцендентальное явление…

(Этические понятия долга, чести в первые годы революции и в 20-х гг. отождествлялись лишь с моралью дворян и буржуазии. Считалась достаточной мотивация «политической сознательности трудящихся». Содержание их морали, задачи нравственного воспитания начали осознаваться в связи с изданием книги В. Н. Шульгина «О воспитании коммунистической морали» – 1928-1930 гг.

А.С.Макаренко обращался к этой книге, отмечал не только единство нравственного и правового воспитания, но и их различие по целям и средствам: А. С. Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания… Часть 1, с. 348; см. также с. 198 – 1926 г. В кон. 1937 – нач. 1938 гг. вышла его повесть «Честь» – о развитии у народа чувства достоинства в борьбе за лучшую жизнь. См. также фрагмент «Солидарность, любовь и долг» – т. 5; 1936-1937 гг. – Примеч. А. Ф.).

Сегодняшнее совещание может быть первым этапом в нашей консультационной работе… Институт провел 4 заседания в связи с колонией… Проект составлен наспех… При обсуждении поставлен ряд вопросов. Далее работа должна идти по двум направлениям: заняться отдельными вопросами, мельчайшими деталями – и предложить колонии, тов. Макаренко отредактировать свой план, пересмотреть свою терминологию…, тогда можно сказать о

систематически организованной консультации, какая будет чисто деловой, ориентированной на верную идеологию…

Л.А.Письменный вносит предложения: 1) «выделить комиссию для выработки подробной резолюции по сегодняшнему заседанию»; 2) просьба к институту «принять участие в дальнейшей разработке всех деталей», в выработке «того положения, о котором говорилось»; 3) отметить в резолюции: «наука в лице института берет нечто вроде шефства над педагогическим персоналом нашей коммуны, и если это возможно, – над учреждением в целом».

А.И.Попов: предлагалась институтская комиссия – Соколянский, Залужный, Попов, Кремер. Дополнительно предложены: Григорьев, Яковлев, Дюшен. Сокращено: 2 чел. от института, 1 от Правления и Макаренко. *(С места: Письменный, Попов, Макаренко, Соколянский. А.С.Макаренко: «Письменный очень занят…» Письменный просит его не вводить: «буду принимать участие при решении вопроса в Правлении»).* **Решение: комиссия в составе: Попов, Соколянский, Макаренко.**

Письмо Г. С. Салько (Макаренко), 15 марта 1928 г.

Колония Горького

15-3-28

Я не могу найти ни одного слова, чтобы выразить мое состояние после Ваших писем. Если бы это ко мне подходило, я сказал бы, что единственное мое переживание – восторг, благодаря которому я просто потерял способность ощущать сущность всего остального. Это состояние в то же время сообщает мне какую-то явную для меня талантливость почти в каждом моем проявлении. Я приветлив с людьми, весел с врагами, остроумен и находчив, как никогда. И потом это прекрасное состояние «море по колено». Вы за это последнее будете ругать, конечно, но теперь я буду страшно любить те моменты, когда Вы меня ругаете, так что, Солнышко, и здесь Вы не пожурите.

Под впечатлением всего этого я был вчера вечером на архиерейском служении в Наркомпросе[1]. Господи, как это смешно у них все выходит, как-то глупо напыщенно, бессодержательно, трусливо. И ни капельки достоинства. Какое-то сплошное издевательство над самой идеей науки. Пиквикский клуб. Вчера они почти все зачитывали по тетрадкам свои ответы на вопросы Письменного. Форменное сочинение на заданные темы. Письменный до конца вечера хранил глубокомысленное молчание, и это страшно нервировало всех – попробуйте в самом деле сделать «классовую установку». Потом Письменный сказал довольно безобразную речь на тему о марксисткой педагогике с очень

плохим остроумием и откровенным передергиванием. После него многие осмелели. Мне пришлось в заключительном слове ругаться гораздо более искренно, чем я хотел. Мою речь выслушали, пожалуй, даже чересчур внимательно, и Попов должен был заявить: «Чтобы наша публика не ушла под впечатлением речи Макаренко, я скажу в ответ несколько слов».

Хорошо это или плохо для моего дела, пожалуй, даже не так важно. Все это словоблудие не может иметь никаких продуктов. Все зависит от того, найдут ли другого дурака, который захочет при таких условиях возиться в коммуне Дзержинского. Это я им и сказал в своем слове, да они и сами это все хорошо понимали.

Между прочим, меня приятно удивляют комплименты, неизменно расточаемые по моему адресу А.И.Поповым, который даже назвал меня виртуозом по организации детства.

Боюсь, что я очень задел Соколянского. Сказал:

- Пора уже, наконец, удосужиться посидеть в колонии неделю и познакомиться с ее жизнью. Впрочем, по отношению к колонии Горького Соколянский по-прежнему в акафистном[2] тоне. Но он ничего вообще не знает ни о ней, ни о других колониях, да и сам говорит, что больше полагается на верхний нюх. По этому его ученому нюху выходит, что колония Горького держится постоянно подвинчиваемой эмоциональностью.

Что мне делать с ними, посоветуйте. Ей богу, хорошо было бы сесть в тюрьму и написать юмористический роман под заглавием «Невука».

Я пишу сейчас в кабинете. Народу здесь видимо-невидимо, и я не могу говорить с Вами как бы хотел. Через каждую строчку приходится разрешать соцвосовские проблемы.

Я-таки кое-кого обдурил с приездом Горького и завтра собираюсь получить 10.000 рублей на ремонт и прочее. Кроме того, ОкрДД[3] обещает 1000, да еще жду ответов от Бухарина[4] и Наркомпроса, куда я понаписывал частные письма.

Коммуну Дзержинского хочу страшно бросить, но поймите мое трагическое положение. Меня ругают, поносят нехорошими словами, а я принужден мучиться совестью, что не найду, на кого бросить коммуну. Среди педагогов там настоящая паника. Соколянский беззастенчиво молол чепуху о том, что нужно пригласить «высоко квалифицированных педагогов». Тимошка[5] ходит сам не свой и рвется в колонию Горького. Даже среди старших хлопцев такое настроение, что довольно дурака поваляли, пора и домой.

Мне из всей этой научной истории нужно выбраться как можно осторожней, чтобы не разбить ничьего счастья.

Играют на рапорты. Кончаю – письмо отдать Липину. Я пишу, а за моим столом сидят два человека и смотрят на бумагу. Я стесняюсь написать Вам разборчиво и поэтому

ухитритесь прочитайте: до свидания, мое единственное, родненькое, прекрасное Солнышко, спасибо, что так хорошо с Вами жить, быть вместе. Желаю Вам поменьше температуры и побольше килограммов.

Ваш А

15/3-28

Вчера ученые наседали на меня вежливо и по старым пунктам. Шпана из уважения к старшим тоже иногда дергала за штаны. Поразил меня Письменный, который, как частное лицо, тоже выступил по вопросу об идеологии. Вообще это было испытание, проделанное Письменным нашим ученым мужьям. Мне пришлось отбиваться на все стороны. Хорошо ли я это делал, не помню. Не следил за собой, потому что было некогда. Понравился мне больше всех А.И.Попов. Это все-таки единственный там серьезный и культурный человек. Он не уступил ни одной пяди, но сделал это как-то по-человечески. В результате выбрали комиссию из Попова, Соколянского и меня для выработки резолюции.

Все это мне нравится. Как будто люди не найдут себе иной забавы, кроме меня.

Первое заседание комиссии состоится в понедельник в 11 часов. Поэтому, Солнышко, в 12 часов, как мы условились, я не могу быть на Сумской[6]. Если Вы разрешите, я зайду туда часа в три. Знаю, что в это время Вам, может быть, будет невозможно быть там, но Вы не смущайтесь, если Вам нельзя, то я зайду, увижу, что Вас нет, и уйду.

Когда я Вас увижу при такой ситуации, прямо не могу себе представить. Это очень плохо.

Пишите, Солнышко, спасибо Вам.

Ваш А. М.

15/3

«Ты научила меня плакать...» Переписка А.С.Макаренко с женой (1927-1939 гг.): В 2 т. – Т. 1, Сост. Г. Хиллиг и С.С.Невская. – М., 1994, с. 35-37.

Галина Стахиевна Салько (1892-1962, впоследствии Макаренко, жена Антона Семеновича, официально с 4 сент. 1935 г.) – предс. комиссии по делам несовершеннолетних Харьковского окрисполкома с янв. 1927 г. по янв. 1929 г. Их личное знакомство – с февраля 1927 г.; близкие отношения – с нач. апреля. Во время объединения интернатных учреждений Харьковского округа (авг. 1927 г. – кон. февр. 1928 г.) помощник А. С. Макаренко, «зав. политчастью». В

«Педагогической поэме» могла быть изображена как И.А.Лосева (см.: А.С.Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания... Часть 1, с. 338).

Далее переписку с Г.С.Макаренко и авторские материалы А.С.Макаренко, отражающие в основном его продолжающуюся работу в трудовой колонии им. М. Горького см.: там же, с. 262-293. В данную Часть 2 включены лишь письма и материалы, относящиеся к трудовой коммуне им. Ф.Э.Дзержинского (которой он заведовал одновременно с колонией горьковцев с 20 окт. 1927 г.).

Переписка с женой – важный источник не только биографических сведений, информации о педагогической и литературной работе А.С.Макаренко, его личной жизни. Это и размышления о человеке и себе самом, отражение его этических воззрений, духовных сил – то, что характеризует социально-психологические основы макаренковской педагогики. Это и новые аспекты неисчерпаемых проблем: Что такое любовь? Что такое счастье? В чем смысл человеческого существования?

[1] Более точно: в НИИ педагогики УССР (возможно, в здании Наркомпроса).

[2] Акафист – молитвенно-хвалебное песнопение в честь Христа, богородицы или святого.

[3] Окружное управление общества «Друг детей».

[4] Бухарин Н. И. – тогда председатель правительственной комиссии по приему в СССР А. М. Горького. В 1918-1929 гг. гл. ред. газ. «Правда»; член Политбюро ЦК ВКП(б) до ноября 1929 г. См. Часть 1 указанного выше издания, с. 252-253.

[5] Т. Д. Татаринов.

[6] Г. С. Салько – жила на ул. Сумской, д. 24.

Письмо Г. С. Салько (Макаренко), 23 марта 1928 г.

Добрый день.

23/3. Утро

Сейчас еду в город. Вчера был у Попова[1] в Институте. Они, бедные, не знают, что им делать, и предложили мне самому составить проект резолюции.

В интимной беседе с Поповым он предложил мне следующий союз – я должен принять участие в работе Института, а за это Институт будет защищать колонию Горького. По словам Попова против колонии готовится новый поход в Окрробосе[2]. Стрельбицкий[3] выдвигает Довгополюка[4]. Так вот Попов и предлагает свою научную защиту.

Чудаки, ей богу.

Черт с ними, если мне удастся открутиться от Дзержинского, куда ни шло, отдам им один вечер в неделю.

Вы звонили в Коммуну и обещали позвонить в 5 часов. Целый вечер вчера ожидал и не позволил никому звонить по телефону. У Вас опять t°? Слушайте, когда же это окончится?

Вот постойте, в субботу Вам здорово попадет.

Буду у Вас ровно в 4.40.

Спешу ехать. Разрываюсь на части. Вчера был в «Народном учителе». В общем, они все здорово плавают[5].

В Наркомпросе страшно растерянное настроение в связи с последними процессами[6]. Роза[7] убита вконец. Доигрались!

Целую Ваши лапки.

Ваш А

«Ты научила меня плакать...» Т. 1, с. 39.

[1] Попов А.И. (1891-1958). На работу в украинский Наркомпрос рекомендован в 1923 г. наркомом просвещения УССР Г. Ф. Гринько. Считал себя педологом, «социо-биологом». Предположительно автор «Декларации Наркомпроса о социальном воспитании детей» (опубл. 1 июля 1920 г.). В 1931-1932 и 1937-1939 гг. в заключении «как участник антисоветской националистической организации». Во время фашистской оккупации занимал руководящие должности в образовании. С 1943 г. протоерей Украинской автокефальной православной церкви. В эмиграции в Чехословакии, Германии, США. В «Педагогической поэме» предполагался к изображению как Ф. К. Панов (см. А. С. Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания,... Часть 1, с. 342). Дается по «Опускуле макаренкиане», № 19, с. 78-110.

[2] Окружной отдел Украинского профсоюза работников просвещения.

[3] Стрельбицкий М.А. – тогда зав. окринспектурой Харьковского окрисполкома. В конце 30-х гг. расстрелян «за участие в националистической террористической организации».

[4] Довгополюк М.Л. – тогда зав. Ахтырским детгородком; в «Педагогической поэме» предполагался как Богатырчук М. Т. (А. С. Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания,... Часть 1, с. 342).

[5] В украинской газете «Народный учитель» тогда, видимо, печатались полемические материалы. Позднее (до 16 мая) там появилась статья Р.Коропа с критикой «командирских систем». А.С.Макаренко в письме Г.С.Салько: «Я написал ответ, но боюсь посылать без совета с Вами – пожалуй черезчур резок» (там же, с. 276).

[6] Весной 1928 г. на Украине возникло «шахтинское дело», встала задача массовой подготовки новой технической интеллигенции. Судебный процесс по «шахтинскому делу» прошел в Москве 18 мая – 6 июля 1928 г. (о саботаже на угольных шахтах Донбасса, под влиянием их бывших владельцев).

[7] Роза Липовна Берлин (1894-1963), председатель Всеукраинской комиссии по делам несовершеннолетних с янв. 1922 г. по ноябрь 1928 г., подруга Г.С.Салько. В «Педагогической поэме» Л.С.Джуринская, «инспектор Наркомпроса».

Дополнения. *Из протокола заседания Президиума Харьковского окрисполкома,* **26 марта 1928 г.: Слушали – О ликвидации колонии «Здравница» и организации на ее территории Детской колонии им.тов.Петровского Г.И. (Доклад зам. председателя ОИКа тов.Канторовича).**

Постановили: Утвердить порядок ликвидации колонии «Здравница» по инструкции, которая прилагается к этому. Предложить Окринспектуре Наробраза срочно составить и подать через Окрплан в Президиум ХОИКа смету на организацию и содержание Детской колонии им.тов.Петровского Г.И. на территории бывш. колонии «Здравница» ...

Назначить на должности заведующего Детской колонией им.Петровского тов.Макаренко.

Адресовано А.С.Макаренко, в колонию им.М.Горького. (Он продолжал ею заведывать до начала июля 1928 г., официально до сент., с учетом отпуска – А.Ф.).

(РГАЛИ, ф.332, оп.4, ед.хр.368, л.3, укр.яз.)

1 апреля 1928 г. в харьковской газете «Пролетарий» напечатан очерк Влад.Соболева о коммуне дзержинцев: А.С.Макаренко говорит об «основных принципах дома-коммуны» (по «Операционному плану»), но вопрос о типе учреждения еще находится на стадии решения. Уже месяц в украинском НИИ педагогики «проводится большая работа по определению форм и условий, в которые должна быть поставлена жизнь коммуны. Работой руководит директор института проф. Попов».

В коридоре лозунг: «Благо революции – основное правило поведения и всего быта трудящейся молодежи». Два «уголка» – В.И.Ленина и Ф.Э.Дзержинского. 8 отрядов: 2 отряда девочек (швейный цех), 2 – слесарный цех, 1 – комендантский отряд («завы» читальни, библиотеки, клуба и др.), 1 – малыши (частично – в комендантском, по уборке здания, в мастерских). Мастерские начали работу по заказам. 2 бригады – по школе и работе. Подъем в 7 час. После 1-го ужина, от 4 до 6 час. вечера – на свежем воздухе: лыжи, коньки, игры. Работают «пункты» (кружки): технических игр, громкие игры, художественного чтения, 32 чел. в оркестре. На каждом «пункте» воспитатель и старший колонист-«организатор». Комсомольцев – 25. Началась «предвыборная компания»; командиры отрядов избираются общим собранием на 3 месяца.

«Приходится удивляться сознательности, с какой относятся коммунары к своим обязанностям. С самого начала не было ни одного серьезного больного...»

12 апреля Правление коммуны дает развернутые указания ее администрации «по организации хозяйственной и учебно-воспитательной работы». Вопросы: целесообразность сельскохозяйственного участка; помещение во дворе для сборочного цеха деревообделочной мастерской и программа ее работ, выделение для ее оборудования 2 тыс. руб.; работа и инструмент слесарно-механической мастерской; прием в мастерские временных рабочих;

предстоящий выпуск, его трудоустройство и новый прием; формы связи ГПУ с коммуной; программа школы на будущий год, работа педсовета; клубная и общественная работа (РГАЛИ, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 373).

27 апреля – выборы совета командиров коммуны II созыва. Общим собранием секретарем совета командиров (ССК) избран И. Боков, «убежденный металлист» слесарной мастерской; вскоре «подал в отставку». ССК избрана Н. Ледак – «очень строгая девочка, а на вид всегда веселая, улыбающаяся». Слесарная мастерская выполняет «сдельный заказ – изготовление ячеек для билетов городской железнодорожной станции». (Цит.: А.С.Макаренко. Перевернутые страницы // Второе рождение. – Харьков, 1932, с. 16-17; далее – Втор. рожд.).

5 мая – второе посещение коммуны Л. М. Кагановичем.

11 мая Правление трудовой коммуны им.Ф.Э.Дзержинского постановило (протокол № 3): «основная установка коммуны – воспитание классово-сознательного и грамотного пролетария со средней производственной квалификацией», срок пребывания – 3 года; комплектование беспризорными, воспитанниками детдомов 14-18 лет; с образованием в объеме 4-х групп трудовой школы, детьми Харьковского округа и при необходимости – других округов. Предс. Правления И. М. Блат, отв. секретарь М. М. Букшпан (РГАЛИ, ф. 332, оп. 1, ед. хр. 52, л. 185).

16 мая – А.С.Макаренко в письме Г.С.Салько: «Сижу в Научно-исследовательском институте... Собственно, над дзержинцами я уже поставил крест – обязательно угробят – можно было бы мне побороться за их спасение, но я решительно не хочу больше дарить себя какому-то пустому месту...» (А. С. Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания,... Часть 1, с. 276).

В итоге А.С.Макаренко удалось отстоять план развития «дома им. Ф.Э.Дзержинского» по типу трудовой колонии им.М.Горького. С 1931 г., после постановлений ЦК ВКП(б) и СНК СССР 1931-1934 гг. о школе его творчество вступило в противоречие с общим направлением развития общеобразовательной школы: она пошла по пути «школы учебы», дидактической педагогики, отказавшись от

идей «социального воспитания», трудовой основы воспитания и обучения.

Несмотря на это, А.С.Макаренко до середины 30-х гг. (окончание его работы в коммуне дзержинцев) продолжал идти в педагогической теории и практике своим путем. Он не последовал за разделением советской образовательной системы на 2 направления: школа привилегированного типа (готовящая к поступлению в вуз) и школа «второго сорта» (готовящая квалифицированных рабочих). Это разделение стало одной из главных причин разрушения «рабоче-крестьянского государства» и его идеологии.

Из письма Г. С. Салько (Макаренко), 27 мая 1928 г.

27 мая 1928

…Когда в какую-нибудь тяжелую минуту я обращусь к океану нашего чувства, для меня не существует уже ничего тяжелого, ничего страшного, ничего горестного. Так прекрасно высоко тогда стоять на ветру, знаете, когда треплются по́лы, свистит в ушах и захватывает дыхание. И ничего не нужно, кроме этой прекрасной чистой бури, и даже прекрасно, что кругом только небо и дали. Когда много ветра и неба, тогда просыпается какая-то «верхняя» философия, какая-то особенная ценность человеческой сущности. Это и есть любовь…

А. С. Макаренко. Пед. соч.: В 8 т. Т. 8, с. 35.

***Дополнения.* 7 июня 1928 г. СНК УССР принял постановление об организации Детской трудовой коммуны им.Ф.Э.Дзержинского, в ведении ГПУ УССР «как самостоятельной организации, переведенной на хозяйственный расчет, с правом юридического лица», с освобождением от «всех республиканских и местных налогов и сборов, от промыслового и подоходного налогов, а также от всех видов надбавок и местных налогов».**

«Предложить ГПУ УССР разработать и утвердить по согласованию с НКпросом УССР Устав,... обеспечив руководство НКпроса делом воспитания детей в коммуне». Секр. СНК УССР Яворский. (РГАЛИ, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 369, л. 16).

8-10 июля колония им. М.Горького и коммуна им.Ф.Э.Дзержинского встречают А.М.Горького на харьковском вокзале, затем в колонии и коммуне. Об этом см.: А.С.Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания... Часть 1, с. 289-291, 315-316.

После этого А.С.Макаренко ушел из колонии им.М.Горького (заявление об увольнении с 1 июня он подал 10 мая), как бы в очередной отпуск; далее официально оставался заведующим колонией до окончания отпуска, 3 сентября. Все связанные с этим события см.: там же, с. 253-293. С этого момента деятельность А.С.Макаренко целиком проходит лишь в коммуне им.Ф.Э.Дзержинского.

В Правление трудкоммуны им. Ф. Э. Дзержинского, 12 июля 1928 г.

Прилагая при сем список коммунаров, подлежащих выпуску на производство, прошу правление не отказать в разрешении следующих вопросов:

1. В каком порядке производить выпуск коммунаров, пользоваться ли для этого общими учреждениями охраны детства и биржи труда, или же правлением будет установлен особый порядок.

2. В каком размере и из каких средств выдавать выпускаемым коммунарам выходное пособие, а также какую им оказывать помощь одеждой и постельными принадлежностями.

3. Как должно разрешить вопрос с квартирами в городе: будут ли наши коммунары пользоваться общежитиями окрОНО, или квартирный вопрос будет разрешен особым порядком.

4. В случае недостаточности первоначальных заработков [выпускников], из каких сумм и в каком размере им будет выдаваться дотация.

5. Какой характер будет иметь вообще патронирование над выпускниками.

Прошу правление при разрешении означенных вопросов предоставить мне возможность дать дополнительные разъяснения.

Зав. коммуной *А. Макаренко*

А. С. Макаренко. Пед. соч.: В 8 т. Т. 1, с. 94.

Дополнения. **12 июля, исполняя постановление СНК от 7 июня 1928 г., НКпрос УССР предложил такое распределение обязанностей: «колонией им. Ф. Э. Дзержинского на общих основаниях руководит Харьковский окрОНО; НКпрос осуществляет «административно-педагогическое руководство: определение целевой установки, подбор детей и педагогов, установление и утверждение педагогического плана, контроль, руководство всем педпроцессом»; ГПУ: содержание колонии, «все административно-хозяйственное руководство»; «отдел народного образования окончательно**

утверждает бюджет детколонии». Зав. упр. соцвосом А.В.Арнаутов. Ст. инспектор детдомов В.М.Дюшен. (РГАЛИ, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 369).

На документе резолюция: «Т. Блату. Вот требования!!! 30/VIII».

25 июля 1928 г. Всеукраинский Центральный Исполнительный Комитет и Совет Народных Комиссаров УССР приняли постановление: «Освободить предприятия Детской трудовой коммуны им.Ф.Э.Дзержинского, действующей на основании Устава о ней, который утвердило ГПУ УССР, согласовав его с НКП УССР, от всех республиканских и местных налогов и сборов, а также от надбавок к общегосударственным налогам и сборам, идущих в местный бюджет». Врид Председателя ВЦИК Бузгалин. Врид Председателя СНК УССР Сербиченко. Врид секретаря ВЦИК Левкович. (РГАЛИ, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 369, лл. 17-18. В этой же описи: список детей работников ГПУ, погибших в Гражданскую войну и после нее, инвалидов, а также находящихся в тяжелом материальном положении, согласных определить детей в коммуну, 16 чел., из всех округов Украины, 5-15 лет.).

О выпуске воспитанников коммуны
при достижении ими 16-летнего возраста

...Мальчик или девочка, выпущенные из коммуны к 16 годам, нуждаются в опеке нисколько не меньше, чем до выпуска из коммуны, а может быть, даже и больше, ибо сумма вредных влияний и материальных затруднений в их жизни даже увеличивается.

До сих пор в практике наших детских домов еще не было случая, чтобы патронирование производилось тем же детским домом, в котором воспитанник жил до выпуска. Таким образом, получалось, что в 16-17 лет юноша попадал в совершенно новую обстановку и почти совершенно терял связь со старой. Благодаря этому даже незначительные результаты соцвосовского воспитания погибали в первый же год. В особенности это плохо отражается на мальчиках: они начинают пить, играть в карты, хулиганить. Очень слабая материальная обеспеченность начинающих работать на производстве еще более усиливает общий разлад в среде наших выпускников.

Патронирование должно производиться обязательно детским домом, в котором воспитанник был до выпуска. Мой проект об этом, представленный в прошлом году в окрисполком, не был даже рассмотрен[1].

Для коммуны Дзержинского патронирование не будет дорого стоить. Правление может, вероятно, те средства, которые отпускаются Помдетом[2] на дело патронирования по числу наших воспитанников, получить в свое распоряжение и, добавив к ним незначительную сумму, организовать собственное общежитие или сеть небольших квартир.

Только при условии такого патронирования можно говорить о выпуске шестнадцатилетних ребят.

А. С. Макаренко. Пед. соч.: В 8 т. Т. 8, с. 151-152. Фрагмент недатированного доклада А.С.Макаренко о дальнейшем развитии коммуны, предшествующий в этом докладе разделу «Сокращение расходов» (см. текст ниже). Ориентировочно относится к июлю 1928 г.

[1] **См. в конце данной книги – «Дополнительный материал...» (исправление даты «О патронировании») и «А.С.Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания ... Часть 1», с. 241-243.**

[2] **Говорится о Всеукраинской (Центральной) комиссии помощи детям, ее филиалах на местах.**

Сокращение расходов

Содержание одного воспитанника в коммуне им. Дзержинского сейчас обходится гораздо дороже, чем в любом детском учреждении округа. Средняя стоимость [содержания] одного ребенка в детских домах, имеющих 100 воспитанников, равняется по Харьковскому округу 400-450 рублей в год, между тем как содержание одного коммунара стоит в год до 600 рублей, считая все расходы по смете.

Правда, положение ребят в детских домах окрисполкома нужно признать просто плохим. Они не обеспечены ни столом, ни одеждой, ни учебой или культурной обстановкой. Отчасти эта бедность объясняется плохим хозяйничаньем случайно подобранного и плохо оплачиваемого персонала; во-вторых, она определяется в очень заметной степени отсутствием дисциплины и порядка, когда много вещей просто портится или раскрадывается. Большое значение имеет также и слишком педантичный порядок распределения средств по параграфам и статьям сметы, что не позволяет закупать предметы потребления в наиболее выгодный момент. Но все же основной причиной остается недостаточность ассигнований, слабость основного капитала.

Наиболее ходячим и совершенно неосновательным критерием, при помощи которого обыкновенно доказывается дороговизна содержания ребенка в детском доме, является ссылка на то, что [содержание] ребенка в семье гораздо дешевле, что во многих

семьях весь заработок главы семьи составляет сумму, которую мы тратим на содержание одного коммунара. К сожалению, в нашей литературе нет ни одного исследования бюджета семьи, которое давало бы нам или кому-либо другому право утверждать, что содержание ребенка в семье действительно так экономно организовано.

Если рабочий получает только 50 рублей в месяц и имеет двух ребят, то, действительно, напрашивается вывод, что содержание одного ребенка в этой семье стоит только 12 рублей 50 коп. Это заключение, однако, нужно истолковать с двух сторон. Во-первых, количество благ, получаемых ребенком в семье, не может быть определено только величиной суммы, которую семья на него затрачивает. Кроме денежных расходов, семья, т. е. по крайней мере отец и мать, работает дома, часто затрачивая на это очень большой труд. Труд матери обычно все время затрачивается в семье, и высчитать сейчас, как велика часть, приходящаяся на долю одного ребенка, почти невозможно.

Во всяком случае, если бы можно было говорить об этом труде в денежном выражении, то пришлось бы прибавить к указанной стоимости содержания одного ребенка не меньше 10 рублей в месяц; эта цифра должна почитаться крайним минимумом. Точно так же нужно учесть и дополнительный труд отца, затрачиваемый на семью. Даже такой, казалось бы, пустяк, как покупка чего-либо из предметов потребления семьи, обеспечивается в ней исключительно дополнительным трудом родителей, между тем как в детской коммуне труд по покупке и доставке продуктов и предметов потребления вообще обязательно оплачивается в виде жалованья тому или другому служащему.

Таким образом, только содержание ребенка в самой скромной семье, пока оно идет за счет труда родителей, уже должно достигнуть цифры 30 рублей в месяц или около этого.

Сверх этой суммы нужно прибавить все расходы, которые несет по отношению к данному ребенку государство или общество: школа, медицинская помощь, отпуск отца по его работе, соцстрах, общие расходы по коммунальному городскому хозяйству. Очень трудно, разумеется, сказать, сколько рублей придется на одного ребенка. Во всяком случае, уже одна школа прибавит на его содержание несколько рублей, если не все десять.

Полученная таким образом сумма действительной стоимости содержания одного ребенка в семье не будет так уж значительно отличаться от стоимости содержания ребенка в детском доме. В колонии им. Горького стоимость содержания одного воспитанника в месяц не более 23-30 рублей. Ясно, что содержание в семье стоит дешевле.

Между тем мы взяли самый исключительный случай, когда рабочий тратит на семью из четырех человек всего 50 рублей в месяц. Прежде всего нужно сказать, что такой заработок семейного рабочего есть самый низкий заработок и положение ребенка в

такой семье должно быть признано самым тяжелым. Обычный заработок семейного рабочего и служащего, конечно, больше. Рабочий самой низкой квалификации получает уже два рубля в среднем, значительное же число рабочих имеют заработок гораздо больший, до 100-120 рублей, и только положение ребенка в такой семье должно быть признано сколько-нибудь нормальным и могущим служить для нас образцом. А в этом случае стоимость одного ребенка в семье выразится, считая и расходы государства, в таких цифрах:

Денежные расходы отца ..... 25 рублей
Труд матери ..... 10 »
Дополнительный труд отца ... 7 »
Расходы государства ..... 15 »

Итого 57 рублей.

Следовательно, если бы мы истратили на одного ребенка в коммуне только эту сумму, 57 рублей, то никто не мог бы иметь к нам претензий, если бы и количество благ, получаемых нашим ребенком, было равно количеству благ, получаемым ребенком в семье.

Если взять коммуну им. Дзержинского, то это сравнение благ просто невозможно. Наш ребенок получает несравненно больше, чем ребенок в семье. Чтобы не претендовать на полный анализ, я перечисляю только то, что явно представляется как дополнительное потребление в коммуне по сравнению с семьей (даже и со школой):

а) лучшее платье;

б) всегда чистая и отдельная постель;

в) организованная и снабженная оборудованием клубная работа;

г) спортивная работа и игры;

д) библиотека;

е) дорогие, прекрасно оборудованные мастерские, хорошие инструкторы и руководители;

ж) оркестр, т. е. регулярное музыкальное воспитание;

з) более разнообразные и регулярные развлечения (например, кино стоит в месяц у нас на одного воспитанника 4 рубля 40 копеек);

и) организованная коллективная жизнь, работа самоуправления и т. п.

Только это одно перечисление, далеко не полное, позволяет утверждать, что содержание одного ребенка у нас должно бы стать дороже. Кроме того, оно дороже должно стать еще по двум совершенно специфическим причинам, а именно:

1. Коммуна принуждена нести расходы, которые совершенно невозможны в семье, как-то: расходы по учету, по командировкам, расходы вообще, вытекающие из официального положения коммуны (печать, переписка, представительство).

2. Гораздо более частая смена ребят в коммуне, нежели в семье, не позволяет использовать многие виды экономии, в особенности в одежде. В семье платье сплошь и рядом переходит от одного ребенка к другому, в семье выпуск юноши заканчивает его двадцатилетнее пребывание дома, между тем как коммуна задерживает у себя воспитанника не больше, как на три года, а средний срок пребывания коммунара в коммуне будет не больше двух лет.

Таким образом, стоимость содержания одного воспитанника в коммуне, естественно, должна составлять даже бóльшую сумму, чем в семье. Иначе говоря, за одни и те же средства в коммуне труднее организовать жизнь детей.

Означенные соображения совершенно опорочивают попытку ревизовать сметы детских домов при помощи ссылки на семью. Это доказывается, наконец, и повседневной практикой. Процессы этого года по поводу применения физических мер воздействия со стороны педагогов выяснили, что главнейшей причиной тяжелого положения детских домов, бездельничанья, слабой постановки работы, плохого подбора персонала, чрезмерной нервной нагрузки заведующих, беспросветной и неинтересной жизни является недостаточность материальных средств. В резолюциях как центрального правления работников просвещения, так и коллегии Наркомата РКИ[1] по поводу отдельных тяжелых случаев в детских учреждениях единодушно подчеркивается необходимость сметных прибавок к содержанию детских домов. И в самом деле, мне известно благосостояние всех детских домов Харьковского...[2]

...то мы будем иметь самую интересную и наиболее советскую форму участия взрослых в воспитательном процессе[3].

Все эти соображения тогда только уместны и нужны, когда мы оставим в коммуне школу. Вопрос о школе является у нас центральным не только с точки зрения образовательного процесса, но и с точки зрения производства. Под влиянием опыта московских коммун[4] (собственно, мало отражающих в своей организации это название) и в правлении [коммуны им.Ф.Э.Дзержинского] и среди членов педагогического совета коммуны появилась соблазнительная мысль настолько расширить производство нашей коммуны, чтобы она почти полностью могла окупать себя. К такой цели может привести одновременное развитие по двум направлениям: увеличение рабочего времени воспитанников и сокращение школьной работы, следовательно, уменьшение расходов на персонал педагогов.

В Болшевской коммуне ГПУ под Москвой школа совсем уничтожена[5], а рабочее время подростков доведено до 8 часов. Производственные результаты в этой коммуне действительно велики, но все же полной самоокупаемости эта коммуна не достигла. Она производит очень много вещей, но чистая прибыль от ее производства все же не настолько велика, чтобы совершенно уничтожить дотацию по госбюджету.

Все же можно допустить, что при дальнейшем развитии Болшевская коммуна будет в полной мере окупать себя. Но это будет значить только одно: что в Болшево организована фабрика, на которой вместо рабочих работают юноши в возрасте от 18 до 25 лет. Полная самоокупаемость там тем более возможна, потому что коммуна очень богата основным капиталом и способна довести рационализацию производственного процесса до очень значительных степеней.

Все же это будет фабрика для взрослых, а не воспитательное учреждение. Совершеннейшее игнорирование школы и книги, учебно-производственного процесса, серьезной работы над бытом может иметь место или в случае фабрики, подобной Болшевской, или в случае вполне сознательного ограничения наших задач простым призрением беспризорных. Если Болшевская коммуна допускает первую крайность, то есть на территории нашего Союза очень много детских учреждений, которые и по воле финансовых возможностей, и по причине никчемности организаторов ограничиваются кое-какой опекой. Но и в том и другом случае нельзя говорить о наличии воспитания.

Правда, огромное большинство наших детских учреждений под влиянием косности нашей интеллигенции не решаются далеко отойти от простых школьных укладок и на производство в лучшем случае смотрят только как на трудовой процесс. Этот трудовой процесс, впрочем, существует только в мечтах: обычно детские дома ограничиваются школьной работой и вся существующая методика детского дома обыкновенно выражается в школьных терминах.

В самом лучшем случае, как, например, в Ахтырском городке, рядом со школой развивается большое хозяйство, но оно совершенно не пропитано воспитательной задачей, оно не дает никакой производственной или хозяйственной подготовки и оно совершенно не увязано со школой. В детском коллективе все-таки доминирует школа, детское самоуправление не отходит от школьного первичного коллектива, а хозяйство только кое-что подрабатывает.

Вся эта чрезвычайно серьезная проблема вообще настолько плохо решена в нашей практике, что надеяться на возможность найти какой-нибудь образец почти совершенно невозможно. Нам нужно самим совершенно самостоятельно искать решения, пользуясь огромным опытом, который у нас имеется, и теми крепко заложенными данными, которые уже проверены коммуной за 7 месяцев ее существования.

Как и везде, истину нужно искать в какой-то глубокой середине. Это, конечно, только в том случае, если мы желаем создать в нашей коммуне образцовое детское трудовое воспитательное учреждение, а я и не предполагаю, что в наших целях создать что-либо иное.

Основные тезисы, при помощи которых мне представляется возможным определить эту соцвосовскую истину, мне думается, таковы:

1. Одновременное и гармоническое развитие коммунара в следующих направлениях:

а) к полной совершенной грамотности в чтении, письме, счете, черчении;

б) к достаточной квалификации в определенном материале и к знанию коммерческой и организационной стороны данного производства;

в) к полному и крепкому комплексу коллективных навыков, к сознательному положению в серьезном производственном коллективе;

г) к самому глубокому воспитанию классового самосознания, выражающемуся не только в знании политграмоты, но и главным образом в наличии основной уверенности в ценности своего класса и отдельных его идей.

2. Параллельное с развитием коммунара развитие производства коммуны в направлении к возможно большей его организованности, доходности, общественной значимости и в то же время к полному соответствию с интересами детей, их здоровья и воспитания.

3. Организация обеспеченного для каждого воспитанника патронирования его коммуной после выхода в самостоятельную жизнь до полного отрыва его от коммуны.

По примеру Болшевской коммуны возникает план такого развития нашего учреждения, при котором коммунары не выпускаются на работу вне коммуны, а остаются работать в ней же в качестве наемных рабочих. Эта система в самой себе несет внутреннюю замкнутость и в воспитательном отношении должна быть признана весьма вредной. То, о чем так много у нас говорится в соцвосе, именно связь коммуны с производственным окружением, лучше всего достигается как раз выпуском воспитанников на внешнее производство. По мере накопления таких выпускников эта связь развивается, усложняется и поддерживается ее живыми носителями.

Оставление воспитанников на работе в этом же учреждении, где они воспитывались, создает в учреждении целый слой людей, почти не знакомых с окружающей их производственной жизнью, привыкающих к постоянной опеке и в то же время вносящих в коммуну совершенно непредусмотренное влияние взрослых людей, влияние которых мотивируется только их близким товариществом, но в то же время совершенно свободно от руководства со стороны педагогического совета. Оставление

таких стажеров может быть призвано полезным только в отдельных случаях, в зависимости от случайных обстоятельств.

Планируя общее развитие коммуны по вышеизложенному плану, мы должны обязательно проектировать в ее составе школу. Положение воспитателя, конечно, не определяется только его школьной работой. Ценность воспитателя в трудовом детском учреждении, как и многое другое в нашей соцвосовской практике, до сих пор представляется неразрешимой проблемой. Пренебрежение Болшевской коммуны к месту воспитателя в коммуне является как раз реакцией, вызванной, с одной стороны, очень плохим качеством наших воспитательских кадров (сорокарублевый воспитатель), с другой – безобразной организацией воспитательского труда, вконец испорченной разными безответственными писаниями и слепой политикой нашего союза (например, до сих пор [проф]союз отстаивает необходимость двухмесячного отпуска для воспитателей, что совершенно не оправдано никакой логикой, является страшно вредным установлением для нашего дела и для самих работников).

Как раз в учреждении интернатного типа возможно достигнуть полной гармонии между школой, производством, отдыхом, культурной работой, политработой, общественной работой, можно достигнуть того, что называется единым педагогическим процессом. Живым объединителем этих отдельных элементов единого педагогического процесса и должен явиться воспитатель. Но для этого он должен прежде всего принять участие и в школе, и в производстве, и в отдыхе, и во всем остальном. Только в таком случае его участие в жизни коммуны будет действительно определяющим.

В этой логике производство, например, может занимать главную экономическую позицию в коммуне, оно может действительно определять почти полную самоокупаемость коммуны, но с точки зрения воспитательного процесса оно все же должно исходить из задач воспитателя и в значительной мере иметь своей базой как раз школу. Только достижение такой гармонии может быть нашей целью. Достижение же только одного производственного эффекта является просто отказом от воспитательной работы, может быть психологически и оправданным нашими постоянными неудачами в воспитательной работе.

Таким образом, школа представляется совершенно необходимым институтом в организации коммуны. Следовательно, она должна потребовать и расходов на персонал и, самое главное, она должна потребовать от каждого воспитанника определенного количества часов в течение дня и тем уменьшить его рабочий день в мастерских.

Благодаря этому, конечно, заметно должны уменьшиться возможности самоокупаемости. Если бы только необходимость в школе приводила к необходимости ограничить самоокупаемость, можно было бы еще бороться со школой как с чем-то

избыточным при нашей некоторой бедности. Но самоокупаемость ограничивается гораздо солиднее и другими соображениями.

Рабочий на фабрике или на заводе окупает себя своим восьмичасовым рабочим днем. В тех случаях, когда фабрика или завод заканчивает год с дефицитом, уже можно говорить о том, что рабочий себя не окупает, и это бывает не так редко. Заметим при этом, что одним трудом на фабрике рабочий себя окупить даже не может. Он обязательно должен приложить какой-то дополнительный труд дома. Поэтому его рабочий день должен быть гораздо больше, чем восемь часов.

Добиться полной самоокупаемости в коммуне – это значит потребовать от мальчика или девочки, чтобы они своим трудом окупили свое потребление точно так же, как и рабочий на фабрике.

Но если мы желаем вести в коммуне серьезную воспитательную работу, то в своем требовании полной самоокупаемости мы уже потребуем от нашего воспитанника, чтобы он своим трудом окупил не только содержание себя, но еще и: обучение в школе, обучение в мастерской; непроизводительные расходы, вытекающие из официального характера коммуны; непроизводительные расходы, вытекающие из нашего культурно-педагогического плана (например, на библиотеку, театр)... много иных расходов, которые за рабочего несет государство.

Таким образом, мы требуем от нашего воспитанника, чтобы он окупил своим трудом гораздо большее количество благ, чем это в состоянии сделать даже рабочий.

При этом мы не должны забывать, что, в отличие от рабочего, наш воспитанник обладает гораздо меньшей физической силой, гораздо меньшей квалификацией, гораздо меньшей трудоспособностью, что по самому своему детскому или юношескому состоянию он гораздо чаще способен стремиться к игре, он гораздо скорее может испортить вещь, поломать что либо, да и в самом процессе обучения порча материала – совершенно естественное явление.

Поэтому какое бы то ни было планирование полной самоокупаемости воспитательного учреждения было бы явлением совершенно противоестественным и безусловно вредным для нашего воспитанника.

К этому нужно еще прибавить вот что. Наше увлечение положительными сторонами труда, как необходимого социального явления, как лучшим способом воспитания, должно быть обязательно ограничено. Влияние раннего труда не только на физическое состояние, но и на психику воспитанника далеко еще не исследовано. Из своего десятилетнего опыта[6] я, впрочем, могу уже сделать заключение, что сколько-нибудь избыточный труд в детстве, особенно труд механический, однообразный, связанный с длительным повторением физического усилия, не оправданный постоянным

присутствием живого интереса, не дающий выхода естественному стремлению каждого мускула подрастающего человека к движению, не дающий выхода естественному стремлению к игре, – чрезвычайно вредно отражается прежде всего на умственном состоянии воспитанника.

Я наблюдал очень много случаев, когда длительное участие в таком труде (в течение двух, трех лет) приводило к тому, что нормальный умственно мальчик обращался в явно умственно отсталого человека. На это было обращено внимание многих работников колонии им. Горького, и об этом серьезно говорилось на педагогическом совете колонии и в Наркомпросе.

Постоянная материальная запущенность той же колонии им. Горького и многие другие причины в самом Наркомпросе не позволили поставить эту проблему во всей ее широте, а между тем это очень серьезная проблема.

В Европе идеи трудовой школы, трудового воспитания давно уже владеют педагогическими умами, но там никогда не рассматривали ребенка как производителя материальной ценности. Эксплуатация детского труда в Западной Европе, достигающая очень большой степени, конечно, никогда не оправдывалась в серьезной педагогике как воспитательное средство. Наше увлечение производственно-трудовым воспитанием, развившееся у нас, конечно, без всякого влияния Европы, тем более не должно доходить до идеи использования нашего детства как производственной силы.

В то же время только труд, приносящий ценности, только производство неубыточное могут рассматриваться как положительное воспитательное средство. Нам нужно найти среднюю линию, на которой можно построить такой труд, без всякого прямого вреда для детства. Поэтому говорить о восьмичасовом труде для ребят с тем, чтобы после восьми часов они еще занимались в школе, решительно не приходится. Общее количество труда для воспитанника не должно превышать восьми часов, считая в этом числе и школу. Не нужно забывать, что сверх этого обязательного и нормированного труда каждый воспитанник обязательно затрачивает довольно значительные силы на игру, на чтение, на подготовку к урокам, на политическую работу и на многое другое.

Какую часть из этих восьми часов отвести на школу, а какую на производственный труд, решается теми же соображениями, что приведены раньше. Серьезный подход к общему воспитательному процессу не позволяет истратить на школу меньше четырех часов в день. В крайнем случае варьирование в этой задаче может идти не дальше комбинации три плюс пять. Окончательно вопрос должен быть решен в зависимости от типа школы.

Значит ли это, что коммуна может или должна совершенно отказаться от стремления к самоокупаемости? Может быть, как раз полный восьмичасовой производственный день для нашего воспитанника окажется наименее производительным.

Я считаю, что правильно организованный четырехчасовой рабочий день[7], освещенный присутствием интересного задания и общим повышенным тонусом жизни коммунара, отсутствием утомления, ясной и надежной перспективой впереди, даст гораздо больше, чем погоня за лишним рабочим часом. Прекрасное оборудование наших мастерских, возможность получить интересные заказы (но ни в каком случае, например, на обувь)[8], серьезный учебно-производственный процесс, позволяющий воспитаннику ощущать свое движение вперед, прекрасные бытовые и культурные условия жизни в коммуне, наконец, некоторая заинтересованность воспитанников в прибыльности производства, – все это должно в совершенстве определить успех работы наших мастерских, успех, который может позволить нам значительную часть наших расходов покрывать собственным заработком.

Я, таким образом, допуская в результате значительную самоокупаемость, хочу, чтобы она была результатом прежде всего наших педагогических достижений, а не следствием прямого нажима на производство.

Нельзя, разумеется, скрыть, что, становясь на этот путь, мы оставляем в стороне наиболее легкий и простой путь, а принуждаемся к некоторому риску, который всегда заключается в поисках новых форм.

Но зато со временем мы можем надеяться достигнуть более совершенных форм соцвоса и в то же время безболезненно достигнуть значительной степени самоокупаемости.

Первым условием для этого я ставлю сохранение чисто воспитательного характера коммуны, и прежде всего полное сохранение работы школы в коммуне.

Необходимость воспитательского персонала в том количестве, которое было указано раньше, остается поэтому необходимостью.

Переходя к цифрам как материалам будущей сметы, нужно сказать следующее.

Если число воспитанников у нас останется прежнее, 100 или немного больше, то потребуется прежнее число воспитателей – 7. При увеличении же числа коммунаров до 150 потребуется увеличение воспитателей на 2, т. е. 9 воспитателей. Сметные ассигнования для этого будут нужны: в первом случае 630 рублей в месяц, во втором 840 (считая 8 воспитателей по 90 рублей и руководитель клубной работой 120 рублей). В настоящем году воспитательский персонал, не считая заведующего, ежемесячно получал зарплату 670 рублей[9].

А.С.Макаренко. Пед. соч.: В 8 т. Т. 1, с. 94-102. Без даты. Ориентировочно: конец июля 1928 г. и позднее. Это раздел № 3 доклада А.С.Макаренко Правлению коммуны по поводу предложений Правления о дальнейшем развитии коммуны. Доклад обосновывает смету на будущий финансовый год (начинаемый с октября).

Материал примечателен, во-первых, сравнением бюджетов семьи и интернатного педагогического учреждения в отношении воспитания. Во-вторых, это предложение начатой А.С.Макаренко в 1925 г. разработки проблемы «параллельности» продуктивного производства и эффективного, как говорится в данном докладе, «единого педагогического процесса» в «трудовом воспитательном учреждении...» (см.: А.С.Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания... Часть 1, с. 157-164). В «едином педагогическом процессе» рассматриваются: школа, учебно-образовательная работа, производство, самоокупаемость педагогического учреждения.

[1] Имеются в виду материалы обследований, проведенных в 1928 г. украинским профсоюзом работников просвещения и Наркоматом рабоче-крестьянской инспекции (см. там же, с. 238, 243-250, 252-256, 261-264, 273, 287-288).

[2] Далее часть текста отсутствует.

[3] Хотя эти макаренковские соображения о «самой интересной и наиболее советской форме участия взрослых в воспитательном процессе» утрачены, чрезвычайно важна сама постановка этой фундаментальной проблемы: взаимодействие старшего и младшего поколений в воспитании. А.С.Макаренко ее решает, преодолевая 2 крайности: безмерная опека детей и молодежи, в духе благотворительности, на грани авторитаризма – и пассивное следование за «свободным проявлением» личности» по данной от природы «программе», обособленная жизнь и деятельность развивающейся личности, на грани своеволия и одичания.

Это вопрос о соотношении в воспитательном процессе числа детей и взрослых, о характере и принципах, организационных основах их связи, о взаимодействии «мира детей» и «мира взрослых».

[4] Речь идет о Болшевской и других подмосковных трудовых коммунах ГПУ. Болшевская трудовая коммуна ГПУ открыта в августе 1924 г. по инициативе Ф.Э.Дзержинского, для несовершеннолетних (до 18 лет) правонарушителей и беспризорных детей; в дальнейшем комплектовалась молодежью 18-25 лет, имеющей судимость на небольшие сроки. Этим она принципиально отличается от педагогических учреждений А.С.Макаренко; ее деятельность стала основой для создания художественного фильма «Путевка в жизнь» (1931 г.).

А.С.Макаренко мог знать о Болшевской коммуне по изданию: Погребинский М.М. Трудовая коммуна ОГПУ (под ред. А.М.Горького, 1928 г.). В 1929 г. вышла книга этого же автора: «Фабрика людей». В 1936 г. издано: «Болшевцы. Очерки по истории Болшевской имени Г.Г.Ягоды трудкоммуны НКВД»; макаренковский отзыв об этой книге: т. 7, с. 9-11.

Коммуна им.Ф.Э.Дзержинского побывала в Болшево в середине июля 1929 г., во время летнего похода в Москву. Фрагменты «Фабрики людей», ее историю и макаренковскую характеристику ее деятельности см.: Хрестоматия по истории социальной педагогики и воспитания. Т. 2 / Сост. А. А. Фролов, Ю. Х. Трушина, Г. Н. Козлова; под общ. ред. А. М. Кушнира. – М., 2007, с. 346-355.

Погребинский М. М. (1895-1937) – ответственный работник ГПУ-НКВД СССР по созданию молодежных трудовых коммун из осужденных; социальный педагог. Организатор Болшевской, Люберецкой, Дивеевской, Понетаевской, Городецкой и др. коммун. К 1929 г. в таких учреждениях было более 10 тыс. молодых правонарушителей.

[5] Позднее коммунары-болшевцы могли учиться в вечерней школе.

[6] А.С.Макаренко здесь имеет в виду и свой первый опыт использования труда в воспитании – организацию в 1919 г. летних садово-огородных работ, «трудовой дружины» в Крюковском высшем начальном железнодорожном училище, где он был инспектором (директором).

[7] Педагогически более целесообразным А.С.Макаренко считал 2-часовой рабочий день: см. т. 8, с. 40; т. 4, с. 24-25.

[8] Речь идет, вероятно, о Болшевской коммуне, где на фабрике спортивного инвентаря при изготовлении коньков применялось много узкоспециализированных операций.

[9] На этом архивный источник обрывается.

***Дополнения.* 1 сентября – выборы СК III созыва. ССК – В. Дашевский – «деревообделочник», человек «покладистый, веселый, и его избрание обозначало усиление демократических начал». (По истечении полномочий попал в «печальную историю»: с С. Шмигалевым «залезли в фруктовый сад Г.И.Петровского», в результате чего «испытал большие неприятности и на общем собрании, и, в особенности, в педсовете». – Втор. рожд., с. 18).**

1-15 сентября – прием в коммуну с улицы и из детских домов 50 чел., из них 20 девочек.

Автобиография

Макаренко Антон Семенович

Родился 14 марта н. с. 1888 г. в гор. Белополье б. Харьковской губ. Сумского уезда в семье рабочего вагонных ж.-д. мастерских.

Учился в двухклассном ж.-д. училище в Белополье с 1896 по 1901 г.

В 1901 г. переехал вместе с родителями в п. Крюков, куда отец перешел рабочим в Крюковские вагонные мастерские.

1901-1904 гг. учился в городском четырехклассном училище в Кременчуге, которое окончил в 1904 г. По окончании училища поступил на одногодичные педагогические курсы в Кременчуге.

С 1905 по 1911 г. работал учителем в Крюковском ж.-д. двухклассном училище. За ссору с заведующим-черносотенцем переведен в Долинское ж.-д. училище на ст. Долинская Юж. ж. д.

В 1914 г. поступил в Полтавский учительский (потом педагогический) институт, который закончил осенью 1917 г. с золотой медалью.

Во время пребывания в институте был призван в ратники 127-й пешей Воронежской дружины неправильно, несмотря на то что был студентом последнего курса и подлежал освобождению по состоянию здоровья (зрение). Тем не менее освобожден был только через 6 месяцев.

По окончании института был назначен инспектором высшего начального ж.-д. училища в Крюкове. С весны 1919 г. из учеников училища организовал с/х. коммуну и за это при Деникине уволен[1]. Поступил зав. нач. училищем в Полтаве, откуда перешел в 1920 г. заведующим колонией им. М. Горького.

Вместе с колонией Горького переехал в Харьков.

С октября 1927 г. принял заведование коммуной им. Дзержинского. Работу в колонии Горького оставил в 1928 г. 3 сентября.

А. С. Макаренко. Пед. соч.: В 8 т. Т. 8, с. 124. Без даты.

[1] Об этом более конкретно см.: Фролов А.А. А.С.Макаренко в СССР, России и мире. Историография освоения и разработки его наследия (1939-2005 гг., Критический анализ). – Н. Новгород, 2006, с. 139.

Письмо Н. Ф. Остромецкой, 18 сентября 1928 г.

18 сентября 1928

Милая Надежда Феликсовна!

Спасибо, что написали. Если в октябре или ноябре в «Народном учителе» что-нибудь появится, хотя бы даже ругательное, будет очень хорошо, это даст возможность поставить здесь ребром некоторые вопросы.

Вопрос о книге[1] не так легко решается, как кажется Вам. Кое-что я мог бы написать, но беллетристические картинки едва ли у Вас сейчас получатся хорошо. Ведь Вы колонии не видели больше двух лет. За это время много воды утекло, и самый быт колонии здорово изменился. Наконец, картинки эти, очевидно, нужно писать в настоящем времени, а настоящего времени в колонии как раз нет. Там уже новый заведующий и новые люди, 90% ребят тоже новые, и, следовательно, новый быт и обычаи. Колония еще недолго проживет совершенно благополучно, получится так, что Ваши картинки будут говорить о покойнике. Вообще же против сотрудничества с Вами я ничего не имею, только боюсь, что из этого ничего не выйдет: мы слишком далеко живем друг от друга. Для того, чтобы я начал писать, нужно, чтобы меня кто-нибудь толкал здесь рядом, иначе я никогда не найду свободного времени.

Я сейчас уже начинаю забывать о колонии [им.] Горького, увлечен работой в коммуне [им.] Дзержинского, здесь получается очень ново и интересно.

Желаю Вам всего хорошего.

А. Макаренко.

Мешает мне работать та травля, которая ведется и сейчас против меня и всех горьковцев. Здесь задумали, кажется, вообще лишить меня возможности работать, моих

коллег по колонии им. Горького просто разгоняют. Это все создает такие условия, когда для писания просто нет свободной души, хочется просто ругаться, ну, а мою ругань никто, конечно, не напечатает.

А. М.

А.С.Макаренко. Пед. соч.: В 8 т. Т. 8, с. 37. Н.Ф.Остроменцкая работала в колонии им. М. Горького летом 1926 г. клубным работником и воспитателем, затем посетила ее в апреле 1927 г. Описала ее жизнь и быт в большом очерке «Навстречу жизни» (Народный учитель, М., орган ЦК Союза работников просвещения СССР, № 1-2, с. 42-77). Очерк подвергли резкой критике Н.К.Крупская и А.В.Луначарский; см.: А.С.Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания... Часть 1, с. 277-280.

[1] Как сказано ниже, Н.Ф.Остроменцкая предложила написать книгу о колонии горьковцев «в сотрудничестве» с А. С. Макаренко.

Письма Г. С. Салько (Макаренко), 23 и 26-29 сентября 1928 г.

Коммуна им. Дзержинского

23 сентября 1928 г.

Сейчас только ушли от меня Фере[1], Липин[2] и Весич[3]. Приехали убеждать меня переезжать в Москву[4], видно, в колонии им уже невтерпеж. Мне теперь на такие темы разговаривать очень трудно. Я, как небожитель, просто не думаю о том, что будет со мною завтра. Я теперь представляю себя только на Ваших путях, Солнышко. Куда Вы поедете, туда и я поплетусь. Подсолнечник. Это очень хорошее для меня название. Я с особенным наслаждением подписываю им свои статьи в нашей стенной газете[5].

Все-таки я с приятелями поговорил о Москве. Во-первых, Вы к Москве отнесетесь, возможно, и одобрительно, во-вторых, никакие разговоры меня ни к чему не обязывают. Я теперь людишкам небольшую даю цену. Попривыкнут в колонии, получат лишнюю десятку рублей и ни в какую Москву их не потянешь через месяц.

Сегодня Совет Командиров принял Леву[6] в коммуну. Вы знаете что? Я никогда не ожидал от ребят такого восторга. Они очень обрадовались, когда я попросил их, «принять моего приятеля Леву Салько», но когда они узнали, что он не «так» вступает в коммуну, а по-настоящему, прямо пришли в восторг.

– Вот это здорово! Он грубой!

Между прочим, они проявили сегодня чудеснейшую мудрость. Я сказал, что за Леву будут платить. Говорят:

– Зачем? Пусть будет такой, как и все.

– А если его мать может заплатить?

– А какое нам дело. Мать себе отдельно, а он, как коммунар. А то будет выделяться.

Это настолько было педагогически правильно сказано, что я сразу даже не мог найти ответный тон, так вопрос и смазался.

К сожалению, с Левой до сих пор я не сговорился. Звонил к нему в пятницу в 11 часов, но к телефону никто не подошел, а вчера с утра мне пришлось просидеть в труд-сессии, и я не мог к нему заехать. А сегодня звонить боюсь Затонского[7] – черт его знает, как поступить. Наверное, созвонюсь завтра в 11.

Вот как будто и все мои дела…

Ночь с 25 на 26 сент.

… Брат[8] мне рассказывал: на час ночи назначена атака на десятиверстном фронте. Идет в атаку целый корпус. Прорыв. Вчера тоже была такая атака. Пошло вперед двадцать четыре цепи и все остались там, никто не вернулся. И вот сейчас через полчаса нужно идти в этот бой, из которого не выходят. Всего человека наполняет ужас перед самой близкой неизбежностью смерти. Но человек связан каким-то законом в своем мозгу и в своей крови. Он не бежит, он не закапывается в землю. Нет, он только ходит вдоль окопа, он сдерживает даже мускулы губ, чтобы не было никакой судороги, он только говорит:

– Ну, что я могу сделать? Ничего я не могу сделать. Господи, ну что я могу сделать?

А через десять минут он идет в атаку и падает мертвым, как только подымает ногу, чтобы перескочить окоп.

Солнышко, ну что я могу сделать? Конечно будет величайшее чудо, если я уцелею, если уцелеет Ваша целомудренная, чистая, девичья любовь ко мне, полная всякого неразумного, неопределенного, невероятного разума…

Ночь с 26 на 27 сент.

… В Наркомпросе мне сегодня тоже все страшно не понравилось. Роза держится дико с каким-то фасоном, не мог разобрать, с каким. Я со злости наговорил много всякой ерунды о нашей школе, попросил выдать мне удостоверение, что я заведовал колонией Горького с 3 сентября 1920 года по 10 сентября 1928. Роза почему-то захотела оказать мне наркомпросовскую милость и предложила устроить мне в этом самом удостоверении хорошую характеристику. В ответ на это я потребовал, чтоб в удостоверении было написано, что уволен вследствие несоответствия системы воспитания колонии Горького советским принципам. Роза сначала попробовала меня отговаривать, но когда увидела, что злее меня бывают только женщины из оппозиции и собаки на пятый день бешенства,

согласилась «устроить» мне именно такое удостоверение. Как будто его нужно еще устраивать. Напишите правду, черт бы вас побрал и годи.

Вы, наверное, будете меня ругать за этот трюк. Так, солнышко, не ругайте. Ну, их совсем, этот самый Наркомпрос.

Вечером в коммуне общее собрание месткома. В присутствии головотяпа из райкома. Тоже выварили воды целое море. Назлили до последней степени[9].

Собственно говоря, до получения Вашего письма я едва ли могу считаться совершенно вменяемым человеком…

Ночь с 27 на 28 сент.

…Я живу плохо. Очень много работаю, очень мало сплю, много злюсь и как-то лишен перспектив. Наркомпрос опять за меня взялся, но меня не это тревожит. Меня тревожит какой-то скучный, будничный тон моей работы. Здорово-таки повредили мой пафос, без которого я раньше не начинал ни одного дня. Боюсь, что его уже невозможно починить.

Дюшен сегодня приезжала такая же, как и всегда: однообразно манерная, неделикатная, ограниченная и страшно некультурная и невоспитанная. Меня это даже уже не трогает.

Сейчас очень много работы в связи с началом школы, и это мешает мне разогнаться в продолжении нашей работы. Кое-что пишу, но страшно мало[10]. Сейчас здорово увлекся разработкой вопроса о коммунистической морали[11]. Совершенно неожиданно находятся замечательные установки и слова. Может быть, по моему обыкновению, иногда слишком размазываю всякое нападение, но я за это не беспокоюсь: Вы исправите. Жаль только, что нет времени и свободной души.

В коммуне много возни из-за недостатка денег. Нужно уже принимать ребят, нужно начинать школу, а мы все топчемся на месте.

Горьковцы уговаривают меня ехать в Москву и их брать с собой. В колонии началось явное гниение, которое, как и полагается, начинается с головы, т.е. с педагогического персонала. Гонение на всех сторонников Макаренко приняло уже вид глупой мании: всех старых горьковцев постановлено выселить с хороших квартир в плохие. Они, конечно, бузят. Начинается жалкая чепуха.

Тем не менее Дюшен приезжала с видом победителя. Она на каждом шагу поджимала губы и нежным тоном произносила какую-нибудь злобненькую сентенцию. Я все время отмалчивался и с подчеркнутой вежливостью открывал перед нею двери. Только когда садилась на извозчика, я в ответ на какую-то каплю желчи, выпавшую из нее, сказал:

– Вы так же мало понимаете в деле, как и раньше. Я думал, что гибель колонии Горького чему-нибудь Вас научит.

Она только спросила:

– Да?

Позеленела и уехала. Ну, и черт с нею. Не стоит Вам писать о такой каракатице.

Во всяком случае, одно определенно ясно: с Украины нужно уезжать. Здесь работать не дадут, здесь просто замучат и меня и Вас простым мещанским подвертыванием губ и погубят самое нужное дело только для того, чтобы вообразить, что они победители. Наркомпрос в руках у такого злобного ничтожества, как Дюшен. Чего тут можно ожидать. Роза рассказывала мне о каких-то реформах в Наркомпросе, но они только доказывают их убогость.

Несмотря на все печальные обстоятельства моей теперешней жизни, я держусь крепко и уверен, что и всегда буду так держаться. С этой стороны я совершенно спокоен. Совершенно уверен и в том, что верх будет на нашей стороне. Сейчас много читаю Бухарина и Сталина[12] и прямо в восторг прихожу. Они тоже на нашей стороне. Можно даже удивляться тому, что сидя там в центре и как будто никуда на живое дело не налетая, они все-таки прекрасно знают, какие головотяпы у нас кругом головотяпствуют. Для нашей книги я очень много нашел прекрасных цитат, в том числе и о рабочей чести и об атрибутике. Нет, это замечательно, когда человек умен.

Солнышко, напишите скорее письмо Левиным хозяинам. Лева прямо не представляет, как это можно устроить, чтобы он перешел в коммуну, и чтобы это не вызвало бури среди его покровителей. Что Вы можете написать, даже не представляю, но, наверное, Вы хорошо придумаете. Мы с Левой поговорили, как американцы, в таких деловых выражениях, что потом не выдержали и засмеялись. Лева, видимо, увлечен идеей перехода в коммуну…

12 час. ночи с 28 на 29 сент.

...Сейчас я почти физически ощущаю Ваше плечо, которое рядом с моим, ощущаю Ваше дыхание, слышу, что Вы шепчете мне «последнюю новость»: – Я тебя люблю, милый.

А ведь такая любовь может окончиться вдруг катастрофой, всемирным падением в бездну. Это бывает тогда, когда начинает казаться, что милый неизящно ест и от него плохо пахнет. Когда звериное разложение начинает заменять собою жизнь. Это мерзко.

А вот моя ревность совсем не мерзко. Потому что я так Вас люблю, что вот заболел. Я знаю, от чего заболел: от случайно пришедшей в голову мысли, что там в Крыму может быть не все благополучно. Я так боюсь Вас потерять, что не способен

критически отнестись ко всяким случайным мыслям. У меня панический ужас перед возможностью Вашего ухода.

Ведь если Вы решите уходить, Вы должны быть со мной безжалостны. И это правильно, так и нужно, такой Вы и были по отношению к Остерману[13].

Я Вас замучил, мое Солнышко?

Я уже и прощения просить не умею. Не сердитесь, пожалуйста, не сердитесь. Пройдет два месяца, и все будет прекрасно.

У меня сегодня день полный событий. Днем мне предложили разработать проект организации на границе в Афганистаном сети колоний беспризорных на 40 000 человек, которых нужно вывезти из Украины. Эта мысль возникла в какой-то комиссии ВУЦИКа. Я пока только принципиально отозвался об этом проекте, как о самом гениальном. Разработка его может еще увеличить все возможности, какие в нем заключаются. Завтра утром я еду в ВУЦИК вести переговоры по этому поводу.

В колонии Горького целая история: кто-то пустил слух, что я возвращаюсь в колонию, и там на этой почве целая куча недоразумений. Все это грозит новыми осложнениями, какому дураку нужно было так шутить?...

«Ты научила меня плакать...» Т. 1, с. 97, 102, 105, 107-109, 114. Печатается с большими сокращениями; здесь и далее в текстах писем Г.С.Салько опущены места, отражающие сугубо личные переживания автора; купюры отмечены отточиями. Г.С.Салько в это время находилась на лечении (туберкулез легких) в Ялте, в санатории «Пролетарий», в течение более 2-х месяцев.

Письмо содержит очень важный факт: принципиальное согласие А.С.Макаренко с проектом организации «сети колоний беспризорных на 40000 человек». Неудовлетворенность работой небольших колоний (100-200 чел.) и стремление расширить рамки своей деятельности он проявил уже летом 1925 г. Тогда он предложил проект «крупного воспитательно-производственного предприятия» на несколько тысяч детей (до 10 тыс.; см.: А.С.Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания ... Часть 2, с. 156-160).

Этот проект частично был реализован путем объединения Полтавской колонии им.М.Горького и колонии в Куряже (в общем 400 чел.). затем был создан Трудовой детский корпус Харьковского округа, под руководством А.С.Макаренко (около 10 тыс. детей; см. там же, с.161, 209-250). В 1932 г. возник план объединения колонии

им.М.Горького с коммуной им.Ф.Э.Дзержинского в виде «федерации», «комбината» (см. далее в этой книге). В 1934-1935 гг. А.С.Макаренко разрабатывал направленный им в Совнарком УССР проект всеукраинской трудовой колонии на 12 тыс. детей (или объединения 12 колоний по 1 тыс. чел.; см. т.1, с.204-210).

[1] Фере Н.Э., в «Педагогической поэме» Н.Э.Шере, агроном колонии им. М. Горького с февраля 1924 г. по январь 1926 г. В период объединения интернатных учреждений Харьковского округа (авг. 1927 г. – кон. февр. 1928 г.) помощник А.С.Макаренко, зав. производством.

[2] Тогда воспитатель-учитель в колонии им. М. Горького.

[3] Весич И. А. – воспитатель-учитель в колонии им. М.Горького с июля 1923 г., затем один из заместителей А.С.Макаренко, перешел в коммуну им. Ф.Э.Дзержинского. В «Педагогической поэме» П.И.Журбин.

[4] К настоящему времени неизвестно, что явилось основанием для возможности этого «переезда в Москву», да еще и с «горьковцами» (см. ниже).

[5] Макаренковские статьи в стенгазетах коммуны, где автором значится «Подсолнечник», не изучены исследователями. В РГАЛИ часть коммунарских газет «Дзержинец», «Шарошка», «Пионер-дзержинец» и многотиражки «Дзержинец» см.: оп. 2, ед. хр. 57, 58, 60; оп. 4, ед. хр. 406, 421.

[6] Салько Лев Михайлович (1914-1957) – сын Г. С. Салько (Макаренко) от первого брака. Отец – Салько М. В. (1887-1938) в 1919 г. зам. наркома просвещения Украины; в 1923-1925 гг. зав. киевским, затем харьковским губнаробразом. В 30-е гг. зав. черниговской окринспектурой образования, член Совета при НКП УССР. Лев Салько принят в коммуну 23 сент. 1928 г. До этого жил в Харькове в семье О. М. Езерницкой, двоюродной сестры Г. С. Салько. Затем на какое-то время из коммуны был взят. Возвращен в семью Езерницких в начале ноября 1929 г., вероятно, по настоянию матери и отца.

[7] Семьи Езерницкого и Затонского жили в одном доме, телефон находился у В. П. Затонского.

[8] Младший брат А.С.Макаренко – Виталий Семенович Макаренко (1895-1983), прапорщик во время Первой мировой войны; после ранения – учитель Крюковского железнодорожного высшего начального училища (которым руководил А.С.Макаренко). С авг. 1919 г. – поручик контрразведки в армии Деникина, затем командир пулеметной роты, был в армии Врангеля, эмигрировал после боев в Крыму, в ноябре 1920 г.

Братья находились в почтовой переписке с конца 1922 г. до осени 1929 г. Дочь В.С.Макаренко, Олимпиада Витальевна (род.1920 г.), с 1928 г. воспитывалась в семье А.С.Макаренко, переписывалась с отцом в 1962-1975 гг. См.: На разных берегах … Судьба братьев Макаренко / Сост. Г.Хиллиг. М., 1997.

[9]Вероятно, речь идет о продолжающихся попытках некоторых украинских педагогических деятелей повлиять на развитие коммуны дзержинцев в нужном для них направлении. 21 сент. («2 ч. ночи») А.С.Макаренко писал Г.С.Салько: «Только что закончили педсовет. Пришлось протягивать, осаживать некоторые шкурные фигуры» («Ты научиля меня плакать…» Т.1, с. 94).

[10] А.С.Макаренко говорит о «нашей», задуманной совместно с Г.С.Салько книге. К этому моменту относится его работа над различными вариантами будущей «Педагогической поэмы» (см.: Фролов А.А. А.С.Макаренко в СССР, России и мире…, с. 17-20; А. С. Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания… Часть 1, с. 321-327). Возможно, речь идет о книге «Беспризорность и борьба с ней». Изд. 1931 г. см.текст далее.

[11] А.С.Макаренко, видимо, в это время изучал книгу В.Н.Шульгина «О воспитании коммунистической морали» (М., 1928-1930 гг., несколько изданий). См.: А.С.Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания… Часть 1, с. 348: «состояние знания и умения» должно стать «стержнем морали в такой мере, в какой это знание и умение должно сделаться главным основанием для положения человека в производственном процессе…» (с. 348). Специальная разработка этой проблемы: лекция «Коммунистическое воспитание и поведение» (1 марта 1939 г.) – т. 4, с. 322-364.

Шульгин В.Н. (1894-1965) – деятель народного образования, социальный педагог, историк. Составитель первого сборника «Маркс и Энгельс в их педагогических высказываниях» (4-е изд., 1925 г.). Статьями 1927-1928 гг. вызвал дискуссию по проблемам связи педагогики с жизнью, социальной средой и производством. Боролся с зарождающейся «школой учебы»; постановлением ЦК ВКП(б) о школе (1931 г.) осужден как сторонник «антиленинской теории «отмирания школы»». См.: Хрестоматия по истории социальной педагогики и воспитания. – Т. 2. – М., 2007, с. 313-318.

[12] Н. И. Бухарин вместе с И. В. Сталиным, Г. К. Орджоникидзе и др. деятелями Коммунистической партии на ее XV съезде (2-19 дек. 1927 г.) участвовал в «разгроме троцкистско-зиновьевского антипартийного блока».

[13] Астерман М.Л. – с 1921 г. ученый секретарь украинского наркомпроса, редактор ж. «Путь просвещения»; с янв. 1925 г. зам. предс. Госнаучметкома. С 1926 г. в Москве.

Письма Г. С. Салько (Макаренко), 2-4 октября 1928 г.

2 окт. 1928 г.

11 ч. вечера

…Был сегодня в колонии Горького. Грязь, запущенность, скука, обычный вид поганенького детского дома. У завкола одно наказание: «Стань в угол». По углам растыкано несколько человек, босые, в трусиках. Воспитатели смеются: «Мы теперь строго по часам».

Удрал оттуда, как от чумы. В автомобиле сказал себе: годи! Больше я вшей обирать не хочу. Ни в какую такую колонию я больше не пойду. Я знаю, что Плетнев[1] теперь совершает подвиг такой же, какой совершал я, никто этого подвига не увидит и, пожалуй, не должен видеть: обществу некогда заниматься такими пустяками…

Сейчас меня ввернули в новое дело. ГПУ открывает новую коммуну в Прилуках – на 400 человек. Пристают ко мне, чтобы я подбирал персонал. Я им, конечно, [предлагаю] всех оставшихся горьковцев, вероятно туда уйдут Фере, Весич, Коваль[2] и часть хлопцев. Это называется: «Я тебе породыв, я тебе и убью». Правильно или неправильно?...

Сегодня хочу поспать, уже несколько ночей недосыпал. Сегодня рано подняли.

Солнышко, напишите скорее. Мое Солнышко!

До свидания, мое Солнышко.

3 октября 1928. 5 ч. вечера

Солнышко!

Единственный период на свете, когда у меня в кабинете никого нет и можно такими громадными буквами написать Ваше имя. Коммуна ужинает. Через 10 минут, когда она налопается, она с новой энергией набросится на меня. Сейчас я, сразу мечтаю: о Вашем возвращении, о поездке в Москву, о нашей книге, о том, как мы будем ходить по Москве, и я буду целыми днями видеть Ваши глаза, о том, что сегодня ночью, когда окончатся все репетиции и стенгазеты, я буду один с Вами здесь в кабинете. Что Вы сейчас делаете? Сейчас Вы заканчиваете мертвый час и получаете мое письмо. Это в том случае, если Вам никто не мешает. Пока.

5.31 м.

Одна секунда, прямо уворованная у коммунаров – я люблю тебя…

11 час. 30 мин.

Только что окончилась репетиция. Я так наговорился, накричался, наигрался, что насилу говорю. «Ревизор» я ставлю, кажется, шестой раз. Раньше я всегда увлекался этим делом. Не было ничего приятнее, как разучивать «Ревизора». Сейчас я это делаю, как будто везу на гору тяжелый воз. Правда, у нас, собственно говоря, и играть некому: нет ни одного артиста и ни одной артистки. Воспитанники играют не хуже воспитателей, или лучше сказать, воспитатели не лучше воспитанников: те и другие одинаково неповоротливы, неинтеллигентны и невежественны. Но и раньше бывало, попадаются разные пентюхи, как-то особенно было охотно с ними повозиться, и смотришь, что-нибудь выходит. А сейчас и возиться не хочется, и почему-то всегда ощущаешь уверенность, что никакие такие Ревизоры никому не нужны, и вся эта затея просто непростительная трата времени, какое-то квалифицированное последствие моей тряпичной честности…

Я на себя немножко злюсь, вероятно потому, что все последние дни страшно занят, много хлопочу, злюсь, хитрю, дипломатствую, делаю много ненужных лишних движений, и при всем том ни на одну минутку не забываю, что я существую на свете. Настоящее дело только тогда делается, когда человек себя самого перестает замечать…

Я думаю сейчас больше о другом, более важном и более широком: я думаю о том, как по неожиданному какому-то новому закону в моей жизни случилось две огромных вещи: я полюбил Вас и я потерял колонию Горького. Об этих двух вещах я думаю очень много и напряженно. Мне хочется, чтобы моя жизнь продолжала вертеться вокруг новой таинственной оси, как она вертится вот уже второй год.

Ничего подобного в моей жизни никогда не было. Дело тут не в том, что я потерпел неудачу или удачу. Удачи и неудачи в моей жизни и раньше бывали, но они были логичны, были связаны стальными тяжами со всеми имеющимися законами жизни и

особенно с моими собственными законами и привычками. Я привык стоять на твердой позиции твердого человека, знающего себе цену, и цену своему делу, и цену каждой шавке, которая на это дело лает. И привык джентльменски посмеиваться над женщинами, жаждущими разговора о любви и замужестве…

Сколько годов создавалась эта моя история? Я уже успел приблизиться к старости, я был глубоко убежден, что нашел самую совершенную форму внутренней свободы и внутренней силы, силы при этом совершенно неуязвимой во всем великолепии своего спокойствия.

А вот пришел 27 год, и все в какие-нибудь две недели полетело прахом. Вы должны хорошо помнить, Солнышко, что это случилось именно в две недели…

Очнулся вот сейчас. Знаете, как это описывается в романах:

– Очнулся он и увидел незнакомую комнату и незнакомое милое лицо, склонившееся над ним.....и т. д.

Очнулся и я сегодня. И увидел незнакомую комнату коммуны Дзержинского, что для меня коммуна Дзержинского?

И надо мной склонилось милое лицо, с огромными нестеревскими[3] глазами. Что это? Сказка? Сон? Страшное приключение?

Конечно же, Ваше лицо для меня незнакомо. Я прожил сорок лет, и не было Вашего лица в моей жизни. Не было такого лица, в котором не написана была бы жажда любовных разговоров и замужества, в котором было бы так много искренней горячей человеческой силы, такого достоинства и гордости знающего себе цену настоящего человека.

Я ни на одну секундочку не привык к Вам, и Ваше лицо для меня ново сегодня, как и в первый день.

И весь этот год, такой же новый, нереальный, неутвержденный опытом, фантастический. Он не только не похож ни на один год моей жизни, но он вообще другого порядка, как будто это год на другой планете, где все законы жизни другие.

Началось это с совершенно сказочного кошмара «Трудового корпуса». Спокойная сорокалетняя гладь моей работы, деревенского пчелиного труда в миниатюрной компании преданных мне, вышколенных мной людей, вдруг оборвалась, и я очутился рядом с Вашим незнакомым, необыкновенно новым Вашим лицом, с совершенно несбыточной сказочной Вашей душой, в такой пахнущей стихии Вашего сердца, ума и вкуса, Вашей искренней страсти к человеческой жизни, и в такой власти Вашей надо мной, небывалой для меня власти ласкового задорного человека.

Какой-то волшебный вихрь для какого-то испытания завертел нас и швырнул в ужасное логово копошащихся чудищ: Сухарев и его Помдет[4], миллиарды заведующих,

Миколюков[5], подростков, просителей, членов горсоветов и Робосов[6], беспризорных, Наумовых[7], головотяпских планов и первобытной культуры. Какие совершенно сказочные рожи. Такие рожи даже сказочные герои видят только один раз в жизни: Сербский, Любимов, Цветкова, Зайчик[8], Дюшен, да сколько их. А самая канцелярия нашего Управления, разве это реально? Вы, может быть, скажете, что и та печка, которую купили Сербский и Липин, тоже была реальна? Вы, конечно, рассмеетесь, потому что Вы прекрасно знаете, что и Сербский, и Липин были только внешними образами Мефистофеля, специально назначенного нас обслуживать. Такой печки во всем мире не было, и сейчас тоже ее уже нет.

А вот те все заседания Комсомола, на которых Вам приходилось бывать, разве они Вам не напоминают некоторых мест из «Пропавшей грамоты»? Нет, мы попали действительно в замечательную историю. История для рождественского рассказа.

И смотрите, как мы мало испугались всего этого. Конечно, нужно только чудом объяснить, что мы остались в живых, что Сухарев и Зайчик не перегрызли Ваше горло, что Наумов не сварил меня в смоляном котле. Чудо, конечно, в том, что мы так радостно, ничего не видя и ничего не понимая, и даже не предчувствуя никакой опасности, взявшись за руки, прошли через этот кошмар. Прошли и не оглянулись. Мы забыли о нем на другой день, как он, обессиленный Вашей улыбкой, выпустил [нас] на свет Божий. И сколько еще длинных рук потянулось за нами, и мы их и не заметили.

А как дальше было значительно, мое Солнышко. Ведь Вы свалились в смертельной болезни, от которой всякий бы другой взвыл, как сумасшедший. Вы сказали недавно в письме, что Вы изящно болели. Это совершенно неточное выражение. Вы не болели, а Вы рассматривали свою болезнь, как что-то совершенно постороннее, Вы, как в сказке, сказали: «Нам нужно живой и мертвой воды». И как в сказке, никто из нас не задумался о диагнозе и прогнозе. Нужно достать живой воды, вот и вся задача. Задача тем более простая, что ни в каких аптеках живая вода не продается. Мы так верили в силу нашей любви и нашего духа, что мы даже не заметили этой нашей уверенности. Нет, это замечательно было, Солнышко. Это было совершенно неповторимо «в мировом масштабе».

И так же, как Вы не заметили боль своей болезни, так же и я не заметил агонии колонии Горького, колонии, которая для меня была всем.

Когда-нибудь мы с Вами не поверим, что можно было в течение полугода сдавать свою колонию, а в то же время напряженно готовиться к приезду Горького, целоваться с ним на вокзале, реветь с ним в самом парадном эффекте, а на другой день сдать СВОЮ колонию и в тот же день быть ошельмованным всенародно газетчиком[9]... и не заметить

этого. Не заметить потому, что и здесь мы шли, взявшись за руки, и не видели ничего, кроме нашей любви.

И что же сейчас осталось от меня прежнего? Ничего…

А вот здесь, сейчас, во дворце коммуны, тоже для меня новой и неизвестно откуда взявшимся, я ни о чем не думаю. Я только ощущаю все то огромное новое, что меня наполняет. Я готов. Я жду.

Если я и не знаю, потому, что в сказке никто ничего не знает, то я уверен и чувствую, что Вы принесли какой-то хаос, нового необыкновенного, прекрасно-богатого и красивого даже в безобразии. Я уверен, что нас ждут такие же замечательные неожиданности, такие же невиданные и непредсказанные дворцы, берега, люди. Сейчас коммуна Дзержинского и этот двухмесячный сон Вашей ялтинской жизни и симфония писем, пришедшая к нам на помощь, потому, что наша природа не терпит страдания и стона…

Мое Солнышко, видишь, как я зачарован? Хорошо это или плохо? В том-то и дело, что это совершенно безразлично. Настоящее счастье в том, что человек теряет понятие о хорошем и плохом. Все прекрасно, все замечательно, все ново и богато, как только может быть богат мир. У нас ничего не может быть относительного. Хорошо и плохо бывает только в мире относительного. А вот любить – это значит покончить с относительным.

Может быть, я много наговорил тебе лишнего? Не утомил я тебя, Солнышко?...

9 ч. утра. 4/10

Доброго утра, Галочка! Сейчас только Зотов ушел на почту, что-то будет, что-то будет?

12 ч.

Нет и нет Зотова с почты. Ну вдруг ничего не принесет? Ну что я буду делать? Честное слово, буду плакать. Пойду в свою комнату, лягу в кровать и буду плакать.

1 ч.

Получил огромное Ваше письмо 28-I[X]. Спасибо, спасибо, Солнышко. О конспирации Вы неправильно поняли. Я вовсе не скрываю моей любви к Вам, иначе я не стал бы посылать через мальчиков письма на Ваше имя. Я только боюсь одного: мальчик приносит письма и кладет на столе. Я могу быть в это время не в кабинете. Письма разбираются кем хотите. Письмо с печатным адресом теряется среди других таких же (официальных) писем, частые же письма с Вашим почерком могут кого-нибудь соблазнить.

Я не скрываю своей любви к Вам, да это и невозможно скрыть, об этом все знают, но я совсем не хочу, чтобы Ваши письма кем-нибудь читались. Я этого просто не могу допустить по мотивам брезгливости. Как Вы могли допустить, что я боюсь кого-нибудь. И

как Вы могли допустить, что я такой дурак, будто допускаю, что наши отношения – тайна. Это не [в] моем характере скрывать, но я решительно не могу допустить, чтобы чей-то посторонний взгляд мог проникать в нашу интимную жизнь. Вы же прекрасно понимаете.

Я сейчас в любую минуту готов открыто сказать всем, что я Ваш муж, т. е. венчаться, записаться, что угодно сделать, но я никогда не поцелую Вас при других и никогда не позволю другим читать Ваши письма. А нами сейчас все интересуются, и я не уверен, что кто-нибудь не захватит писем. Как Вы могли подумать такое?

О Леве не нужно беспокоиться. Я только так и понял то, что Лева переходит в коммуну. Я считаю, что право отца можно бы мне передать, я их выдержу. Если я уйду из коммуны, значит и Лева уйдет со мной. На моей ответственности довести до конца его образование и воспитание. Но из коммуны я не уйду. Это может быть решено только Вами, и интересы Левы, конечно, будут на первом плане. Об этом подробнее вечером.

Крепко целую мое Солнышко.

Твой Тося

2 ч. дня 4/10

…Неужели Вы думаете, что здесь доподлинно не знают, что мы любим? Не знают, что я бываю у Вас – ведь им не нужно было знать, где я пропадаю по ночам, а теперь, когда я каждый день сдаю на почту письма к Вам (а это укрыться не может потому, что ходят разные мальчики, а мальчики у нас тоже интересуются всеми вещами), когда Совет Командиров принял Леву в присутствии чуть ли не всего педсовета, да, наконец, когда всему Наркомпросу известно все, что тут можно скрывать?

Я никогда и не хотел скрывать ничего, но я всегда не хочу, чтобы нас рассматривали и наблюдали. Поэтому я с особенной радостью бываю с Вами на улице и в театре, мне даже нравится, если кто-либо видит нас и злится (Вы это все знаете), но я ни за что не хочу, чтобы кто-нибудь для своего грязненького воображения использовал нас, как зрелище. У меня, может быть, прямо болезненное отношение к этому, но нисколько не похожее на трусость или на конспирацию. Вы это все, Солнышко, хорошо знаете. Разве нет?

Я готов прямо демонстративно подчеркивать перед всеми нашу близость, но я разорвусь на части, чтобы никто не увидел развернутой кровати в моем и вашем присутствии, я ни за что не назову Вас при других на ты, пусть мы с Вами проживем вместе тысячу лет и пусть будем записаны во всех регистратурах. А вы допускаете, что можно давать кому-либо читать наши письма – пусть де злятся. Позлить, если на то пошло, и если это нам потребуется, я найду тысячи способов. А пожалуй, зачем лучше.

Вот теперь они все особенно злятся, когда наверняка знают о нашей близости, но видят, что при них мы с Вами корректны до последней степени.

И чего я мог бояться?...

Именно моя поза:

– Да, был у Салько, может быть даже не один день, но Вам до этого дела нет.

И даже произнесение имени Вашего в этой толпе для меня было бы затруднительным.

Может ли так быть, что это для Вас непонятно. Я, представьте, допускаю, что может быть. И виноваты в этом не Вы, а я. Просто в моей натуре чрезмерное отвращение ко всякому глазу, смотрящему в мое интимное, мое личное, дорогое для меня.

И поэтому Ваши письма я никогда никому не позволю читать и никогда никому не позволю завести со мной разговор о наших отношениях. Я допускаю, что это у меня болезненное.

«Ты научила меня плакать...» Т. 1, с. 116-117, 120-121, 123-128. Примечательны мысли А.С.Макаренко об интимности, «тайне» в любви мужчины и женщины, в семейных отношениях. Далее, в письме от 31 окт. 1928 г. он это определяет как «целомудренность чувства». Сдержанность в проявлении чувств, особенно «на людях», - характерная особенность его этических и педагогических воззрений.

[1] Тогда зав. колонией им. М. Горького.

[2] Коваль Л. Т. – с июня 1925 г. политрук колонии им. М. Горького, направлен Полтавским окружкомом комсомола, организовал колонийскую комсомольскую ячейку в сер. июля 1925 г., ответственный за «политико-просветительную работу» в колонии и окрестной молодежи. Призван в Красную Армию в начале октября 1926 г. Кандидат, затем член ВКП(б). В «Педагогической поэме» Т.Н. Коваль; см. также: А.С.Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания... Часть 1, с. 333.

[3] Говорится о творчестве художника М.В.Нестерова. Его портреты, пейзажи – это поиски просветленной и чистой души, поэзии и красоты в природе, человеческой жизни. Его творчество глубоко эмоционально, включает элемент «озарения».

[4] Сухарев М.А. – зам. предс. межведомственной организации – Харьковской окружной комиссии помощи детям (Помдета) в 1927-1928 гг., главный противник деятельности А.С.Макаренко в колонии

горьковцев и в объединении детских интернатных учреждений Харьковского округа.

[5] Миколюк А. П. – тогда сотрудник Харьковского окрпомдета. В «Педагогической поэме» мог быть изображен как Люлюк (А. С. Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания… Часть 1, с. 341).

[6] Имеются в виду сотрудники украинского профсоюза работников просвещения.

[7] Возможно, речь идет об Арнаутове В. А., тогда зав. Главным управлением социального воспитания НКП УССР. В «Типах и прототипах Педагогической поэмы» Наумов (там же, с. 341).

[8] Зайчик С. Б. – сотрудница Харьковского окрпомдета (там же, с. 349).

[9] Центральный орган КП(б)У, газета «Коммунист» 10 июля 1928 г. вышла с корреспонденцией Ю. Золотарева «Замість вражінь» и карикатурой на А.С.Макаренко – «Чемпион хулиганства» (о его якобы недопустимом отношении к журналистам во время пребывания А.М.Горького в колонии его имени). Ранее, 19-20 января 1928 г. А.С.Макаренко обращался в редакцию этой газеты с «открытым письмом» в защиту заведующих детколониями от обвинений в «истязании детей». Письмо не было опубликовано; 15 февраля А.С.Макаренко был уволен с должности зав. управлением детдомов и колоний. Письмо см.: А.С.Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания… Часть 1, с. 244-248.

Письмо Г. С. Салько (Макаренко), 4-6 октября 1928 г.

12 часов ночи с 4 на 5 октября

…Может быть, мы с Вами разные натуры для любви, может быть, наши любви совсем разные. Все может быть…

Любовь, Солнышко, как и все на свете, мало чувствовать. В душе можно любить, как Ромео, но в жизни с такой великой любовью можно оказаться противной рохлей и мерзавцем. Между прочим, я не знаю ни одного произведения литературы, где бы любовь была свободна от элементов разгильдяйства, глупости и лени, где бы влюбленный не приводил себя и любимую к страданию и горю. В этом, кажется, вся соль литературы. В жизни, наверное, всегда происходит иначе. Для любви нужно организовать мир, иначе самый великолепный Ромео в два дня угробит свою Джульетту и сам от безвыходно глупого положения будет годиться только на свалку.

И любит больше тот, кто каждое движение мира проверяет:

– Не побеспокоит ли оно мое Солнышко?

Впрочем, это относится только к мужчинам. Это наша мужская тайна. И поэтому мы, когда нам любимая говорит:

– Ты меня не [так] любишь, как тебе кажется[1].

Тогда мы не доказываем так, как могли бы доказывать, а, скрепя сердце, молчим и страдаем. И мы, мужчины, этим гордимся.

А вот так, без доказательств: ты не можешь понять, как я тебя люблю, и никогда не поймешь. И имей в виду раз навсегда, что если ты подумаешь: он совершил такой-то и такой-то поступок или сказал то-то и то-то, значит, он не любит, - ты обязательно ошибешься. Это потому, что в нашей любви нет дедукции, нет внешней стройности, а есть постоянный хаос мира, в котором только мы, мужчины, умеем разбираться и умеем, как астрономы, как математики, взвешивать – этот пустяк весит грамм, а эта громада тонну, но это – грамм очень дорогого вещества, вали к черту тонну этого барахла. В глубине души мы всегда знаем, где барахло, и ни на одну минутку не задумаемся его уничтожить.

Вы же не увидите всей нашей логики. Вы увидите только погибающее барахло и будете пищать:

– Ах, смотрите, что он сделал с целой тонной имущества.

В этом вопросе между нами никогда общей логики не будет.

Вы думаете, что это плохо? Ничуть. В этом экономия мира. Если бы Вас не было, или не было Вашей логики, не было бы на свете прекрасного живого случая, который мы, мужчины, обыкновенно не умеем делать, не было бы радости и страдания. Мужчина на свободе обязательно задавил бы радость, потому что она всегда случайна и нелогична. Теперь мы миримся, потому что Вы создаете радость, а мы в благодарность за это создаем человеческий мир вещей и понятий, без которых не было бы и вас и нас.

Ой, какая глубокая философия. Вот это просто глупо так задаваться. Мне не нужно так писать…

Спасибо за все, что ты написала о любви и ревности. Я как раз так люблю, как ты пишешь, и я страшно рад, что ты так замечательно точно выражаешься. Я тебе, Солнышко, всегда верил и буду верить, я только боюсь, что ты уйдешь от меня. И поэтому я ревную. Моя ревность доказывает только одно, как я боюсь тебя потерять. Если я буду с тобой вместе и в этот момент воображу, что когда-нибудь тебя потеряю, мне все равно будет страшно, и я все равно буду в тот самый момент, рядом с тобой, ревновать. И со мною такое уже несколько раз было, только я тебе никогда не говорил об этом и не скажу.

И даже не потому мне страшно, что ты уйдешь от меня, и я буду один, а потому, что ты своим уходом обесценишь всю нашу любовь, сделаешь ее обыкновенным

человеческим приключением, значит, обесценишь и мою жизнь. Ведь ты же должна знать, что теперь для меня вся ценность жизни только в тебе, в твоей любви и в твоей ласке. Это ведь для меня совершенно определенно решено, изменить это даже не в моей власти. Ты же это знаешь.

О Леве буду писать длинно, приготовься.

Ты боишься, ты со страхом решаешься отдать мне Леву. Слушай же. Единственный риск может быть в том, что скоро умру, или что сделаюсь пропойцем или босяком или сумасшедшим. В этом случае Лева попадет в очень тяжелое положение. Но ведь возможности эти не так велики, правда?

Есть, конечно, риск в том, что я могу уйти из коммуны Дзержинского. И ведь ты сама не захочешь, чтобы Лева связывал мое решение о том, где мне работать. И Лева, конечно, этого не захочет, и это просто будет и неестественно и невозможно, и пагубно для нашей жизни и для нашей любви, и для нашего счастья.

Ясно поэтому, что, если я беру Леву, то, собственно говоря, коммуна Дзержинского здесь не при чем. Я это так всегда и понимал. Сейчас коммуна Дзержинского, как работа, мне нравится, но нельзя же ручаться, что здесь всегда будет хорошо, и ты знаешь, что я и сейчас не признан Наркомпросом, значит коммуна у меня в руках до тех пор, пока мне везет в борьбе и в работе. Но и борьба и работа не такие уже верные основания, чтобы можно было считать себя в чем-нибудь гарантированным.

Поэтому и нельзя судьбу Левы строить на коммуне Дзержинского. Ты должна доверить его мне, а я, очевидно, обязываюсь ни в каком случае не бросать Леву. Это именно то, о чем тебя спрашивал Лева. Отцом его, разумеется, я быть не могу, я и не попытаюсь играть на этом, но я могу для него быть чем-то лучшим, чем отец. Очень может быть, что я когда-нибудь попаду в такое тяжелое положение, что некоторый период и Леве придется пострадать. Если он будет моим другом, он со мной и пострадает, что же делать. Но неужели у нас троих не найдется ума и энергии, чтобы из этого страдания не выбраться с честью, а для Левы даже с пользой.

Я думаю, что у меня найдется всегда достаточно и изобретательности, и личных сил, и даже материальных средств, чтобы эти страдания не были губительны для Левы и для тебя. И я никогда не позвал бы Леву в коммуну, если бы не страховал его здесь всей своей жизнью и всей своей силой. И если Лева никогда не встретит во мне отца, то я именно хочу, чтобы он заменил мне сына. В этом огромный смысл не только потому, что у меня нет сына и нет отцовской перспективы, но главным образом потому, что это твой сын. У нас не может быть детей, потому что я не хочу родить детей в сорок лет, и потому что я не хочу твоих страданий, и потому что я не хочу, чтобы у тебя были дети от двух отцов.

Если ты мне в этом разрезе доверяешь сына, то ты не должна бояться.

Но в таком случае никогда ни в чем ты меня упрекать не должна. Если Лева связывает свою судьбу со мной, то, очевидно, он подвергается и всему риску, которому подвержен и я в жизни.

Но риск здесь только кажущийся. Скажи, пожалуйста, какое будущее и какое развитие ты гарантируешь своему сыну в семье чужих людей, которые ему не нравятся, даже и в другом случае, когда он будет жить вдвоем с тобой, в самых неестественных и тяжелых для тебя и для него условиях. Конечно, никакого особенного и, следовательно, очень большой вопрос, в каком случае Лева больше рискует? Ведь правда же?

Поэтому я считаю, что ты не должна ни о чем думать, особенно если ты меня любишь и отдалась мне на всю жизнь. Какие тут могут быть вопросы. Или ты в самом деле думаешь, что я тебе дал расписку только на три года?

Пусть даже мы потеряем коммуну Дзержинского. Ну и что же? В крайнем случае я сам начну заниматься с Левой и, конечно, буду заниматься с ним лучше, чем в 36 школе. Здесь риска нет, Солнышко.

Я только боюсь одного: вдруг Лева не сживется с нашими хлопцами, вдруг окажется, что он уже чересчур избалован интеллигентным окружением. Я с Левой об этом говорил и просил его в таком случае потерпеть, не спешить с выводами, не торопиться ни с каким решением, Лева мне обещал это.

Да, наконец, и в коммуне ребята становятся все интеллигентнее, беспризорных мы почти не набираем, все больше берем детей из семьи, постепенно выживаем и почти уже выжили закваску беспризорного детского дома, и с этой стороны особенных страхов нет. Наконец, Лева будет находиться в лучшем положении, чем коммунары.

Я не постесняюсь объявить его по коммуне своим приемным сыном, не постесняюсь и усыновить его официально, и никому никакого дела не будет, если Лева и поест у меня, и побудет лишний раз, или поедет со мной в театр. Я и маме[2] так скажу, что это мой сын, и пусть его считает внуком.

Так что, Солнышко, не бойся и рискуй.

Я завтра или послезавтра зайду к Езерницким и поговорю от твоего имени.

Спасибо за Левино письмо. Это деловая прелесть.

Спасибо за все, Солнышко, спасибо, голубка. Ничего не бойся, никто не знает, что к лучшему, что к худшему, а во всяком случае нам лучше быть друг к другу, и для Левы это будет лучше. Будь здоровой и не сердись, если в этом письме что-нибудь не так написано. Ты же знаешь, какой я плохой дипломат. Может быть, в какой-нибудь строчке и не так.

Твой Тоська

6/10-8 ч. утра

Солнышко, доброго утра. Честное слово, я в Вашей кровати выспался за целый месяц. Сейчас иду покупать лошадь, пролетку, сани, одним словом, иду обрастать.

Дома сегодня напишу настоящее письмо. Меня там, наверное, ждет Ваш конвертик…

Я лично обрастаю, выражаясь нежно, очень медленно. До декабря, когда мы обязательно поедем в Москву[3], нужно обрасти во что бы то ни стало, я теперь без декабря и Москвы просто не представляю себе жизни.

Мое Солнышко, как хорошо жить, когда два месяца по самому естеству своему должны иметь конец. Вот сейчас осталось дней 40 всего (а помните, в мае мы с этого только начинали).

Меня сейчас страшно удивляет, что мы так уверенно считаем себя самыми счастливыми людьми, в то время, когда мы за полгода с 1 мая по 1 ноября едва ли виделись 30 дней, наверное даже гораздо меньше. Этак можно и вовсе не встречаться, и воображать, что счастливее нас нет никого на свете…

«Ты научила меня плакать...» Том 1, с. 186-190. В философско-этическом и педагогическом отношениях письмо интересно тем, что любовь мужчины и женщины объясятся в контексте всей их общей жизни, как «жизненная ценность». «Для любви нужно организовать мир ...» Теме любви, вопросам полового воспитания посвящены седьмая глава «Книги для родителей» (т.5) и лекция «Половое воспитание» в «Лекциях о воспитании детей» (т.4).

Вторая педагогически важная тема – положение «отчима», другого отца и «приемного сына» в новой, другой семье. Главное - установка на общность их жизненной судьбы.

[1] Цитируется выражение из письма Галины Стахиевны.

[2] А.С.Макаренко говорит о матери, Татьяне Михайловне, проживающей с ним с 1924 г.; скончалась в коммуне им.Ф.Э.Дзержинского 11 сент. 1931 г.

[3] Из последующих писем видно, что поездка в Москву предполагалась как экскурсия, отдых, а также для продвижения в печать «нашей» (с Г. С. Салько) книги.

Письма Г. С. Салько (Макаренко), 10-11 октября 1928 г.

Утро 10 октября

…Этот Ваш Колесса уехал, оставил растрепанные отношения со всеми заказчиками, неожиданные вексельные сроки, случайные моторы у станков…

Меня поразила перемена в отношении к Леве… Если Леве в коммуне будет плохо, … то моя ответственность, т. е. ощущение моей вины и даже наказание, которое на меня будет наложено, совершенно не поправит дело… За Леву я совершенно не боюсь, об этом я писал в письме, послано 4/10…

Ночь с 10 на 11 октября

Добрый вечер, мое Солнышко.

Спасибо, Солнышко, за каждое твое слово в каждом твоем письме. Сейчас разошлись все, перечитал твои последние три письма и сам себе удивляюсь: удивляюсь всему: и тому, что ты меня любишь и что ко мне написаны все эти замечательные ласковые, любящие строчки, и тому, что я не кричу от радости и не делаю глупостей от счастья.

Впрочем о счастье я сегодня думаю целый день. Я поймал себя: иду в столярную, чтобы что-то сказать инструктору, столярная грохочет всеми своими станками, шкивами, трансмиссиями, резцами, благим матом кричит дерево, попавшее в железные объятия какого-нибудь «сверлильного обожателя», ходит ветер от взмахов фрезера, стружки целыми вихрями носятся по мастерской, а я отворяю дверь и почти останавливаюсь, потому что я думаю о счастье и потому что моя мысль о счастье кощунственна и еретична.

Я думаю такой формулой: мое счастье – это не двусмысленная реальность, а счастье человечества, свобода и справедливость, правда и истина – это не больше, как гипотеза. В том, что такое именно отношение между моим счастьем и обществом, конечно же нет ни малейшего сомнения, и так думают все люди, кто пережил счастье, и кого счастье не оскорбило какой-нибудь злой насмешкой. Когда меня Солнышко обманет, когда оно напишет мне, что «мы не сошлись характерами», тогда и я стану служить человечеству во все лопатки. Ибо что же мне останется делать, если я предварительно всех этих служений не сумел застрелиться…

Я думал о том, нет ли в самом понятии счастья какого-то противоречия, т. е. нет ли в нем самом постоянного закона, вроде приблизительно такого: несчастье плюс несчастье, плюс воспоминание о несчастье, плюс надежда на радость, плюс ложь, плюс смерть – равняются счастью.

Я нашел, что некоторое подобие такому закону есть, и от этого счастье стало еще прекраснее и нужнее человеку. Рассказать подробнее об этом я не умею, Солнышко.

Но об этом и не нужно рассказывать. Я это просто чувствую. Если бы не было в нашей любви каких-то страшных напряжений, если бы было все чересчур уверенно и

ясно, может быть, не было бы и радости. И самое страшное напряжение кажется теперь нам пустячком, эпизодом, введенным чуть ли не специально для украшения.

Вся история твоей болезни, если снять с нее все покровы любви и надежды, если забыть все лишения и ограничения, которые она на нас накладывает и которые мы часто даже не замечали, если забыть миллионы человеческих сил, истраченных на преодоление болезни, кажется каким-то страшным сном, о котором, когда проснешься, думаешь чуть ли не с тайной радостью. Вероятно, и впереди у нас еще много будет такого непонятного, и сложного, и опасного, и радостного одновременно.

Одним словом, я только понюхал, чем пахнет тайна любви и счастья, и не нашел никаких законов. Но от этого мне не стало плохо. Напротив, я с радостью подумал, я подумал:

– Господи, как восхитительно, что в счастье и в любви нет никакой математики, и каждый миг моей жизни может быть свободным и неожиданным, может быть прекрасным. Может быть лучшее, что есть в жизни, это мир человеческих противоречий, может быть противоречие это то, что отличает человека от всего прочего и делает его совершенно независимым. Отсутствие противоречий означало бы, что человек весь опутан математической формулой, физикой, химией и биологией.

Меня всегда оскорбляли и возмущали все домогательства последней науки свести человека к капризам углерода, капризам, умещающимся все же в менделеевской таблице. Почему людям так захотелось свести меня к химической формуле? Противнее всего было то, что домогательства эти казались далеко не безнадежными. Нужно полюбить так, как я полюбил, до такого последнего конца, чтобы понять, что никакой опасности в этой науке нет. Если остаются противоречия в жизни человека, если не может не быть этих противоречий, и если на моей воле и моем разуме лежит их разрешение[1], я могу наплевать на все химические формулы. Ибо химическая формула, ежели ввести в нее знаки туберкулеза, одиночества, разлуки и бедности (а мы с тобой беднее мышей), и эти знаки расположить так, что родится формула счастья и радости, химическая формула сдохнет в один момент.

Прости, мое замечательное Солнышко, за эту сухую философию. Для меня она не сухая, но я не умею ее выразить.

Я прочитал твои три последних письма…

У тебя такая изящная душа и такая сильная. Наверное, это самая шикарная комбинация в мире красивого: комбинация сильного и изящного, впрочем, у тебя это даже не комбинация, – у тебя это одно и то же.

Ты так много беспокоишься за Леву. Я, как дубина, просто не понимаю, почему? Почему Леве с 13 лет не начать путешествие по земному шару? Почему ему нужно

привязаться к крепкой 36 школе и очевидно быть уверенным, что это замечательно гарантирует его развитие и его счастье. У меня тоже бывают грешные и бабские мысли, которые так свободно излагает Ксения Модестовна в своем письме. Я смотрю на своих ребят и думаю: а все-таки Левка будет здесь головою выше всех, ах, как это нехорошо. Я иногда под гипнозом этого открытия нахожусь по часу. А потом вдруг с меня сползает логика Ксении Модестовны. Я себя хлопаю по лбу и говорю:

– Жалкий болван, тебе нужно сделаться домашней хозяйкой, если ты и впредь будешь отмачивать такие шутки. Если Левка здесь головой выше всех, то и в своей школе, я уверен, он в таком же положении. Наконец, хотя бы и так, пусть его голова только в коммуне подымется на такую головокружительную высоту, почему это дурно.

Наконец, с каких это пор Оксаны Модестовны стали так замечательно точны в своих воспитательных предсказаниях? Разве не из их рук миллионами выходят серые и неумные мещане, наполняющие нашу жизнь, как мухи конюшню? Разве непросто видно, что Леве нужно дать жизнь вместо того пресного обуча, который он сейчас получает[2]. Лева много потерял бы, если бы в самом деле сделался беспризорным. Но ведь этого не будет: коммуна будет прибавлением к тому, что он уже имеет, такую прекрасную, такую любимую маму, не оскорбившую его ни одним движением в жизни.

Я тысячу раз проверил всю эту задачу и говорю теперь прямо, не боясь самой страшной ответственности. А ответственность у меня может быть только самая страшная потому что я Вас люблю, и потому, что Вы меня любите.

Говорю прямо: Леву нужно взять из его теперешнего окружения, иначе из него выйдет полуграмотный дилетант и советский чиновник, ко всему относящийся с ни к чему не обязывающей иронией. Разве это не так? Что Лева может потерять в коммуне?

Самое опасное, о чем можно было бы говорить, – это образование. Но какое? Не то ли, какое дается в наших семилетках? Мы дадим ему совершенно новый и интересный мир: производства, машины, умения, ловкости и уверенности. В области грамотности, простите, Солнышко, но наша теперешняя пятая группа, куда попадает Лева, гораздо грамотнее его, я сужу по его письмам. Сегодня мы проэкзаменовали человек десять, присланных к нам для поступления в пятую группу из разных мест. И ни одного в пятую группу не посадили…

Ехал я с дочкой Затонского в кино на одном извозчике. И разговаривал с нею. Она в шестом классе. Ну и что же? Приблизительно таким же богатством может и любая девочка из нашего шестого класса похвастаться, если не большим. А между тем она живет с самого детства в интеллигентной семье.

Лева уже получил прекрасную и вечную зарядку интеллигента, которую Вы у него ничем не выбьете. Но не нужно ее душить в собственном соку. Ведь Вы обращали,

вероятно, внимание на то обстоятельство, что инженеры и врачи всегда интереснее и богаче педагогов? Почему? Потому, что они всегда стояли ближе к каким-то вещам, потому, что не плавали всю свою жизнь в словесных морях. Такие же условия развития нужны и для Левы.

Одним словом, я Леву забираю и кончено…

Я разбираю вопрос сам по себе, независимо от тех особенных обязательств, которые я принимаю по отношению к Леве.

11/10 2 ч. дня

…Говорил с Левой по телефону. Он очень удивлен Вашим письмом, в котором Вы ему написали, что он может не переходить в коммуну. И что Вы делаете, ей-Богу, я на Вас буду сердиться. Вопрос совершенно решенный, и никакие номера не пройдут, детка. Лева будет у меня в субботу и воскресенье, м. б. даже останется в коммуне совсем…

Письма теперь буду посылать только заказными, я очень боюсь, что их будут или красть или терять. С заказными то неудобство, что они дольше идут. Это по счету 20-е – пересчитайте.

Сейчас деятельно занялся нашей книгой. Думаю, к Вашему возвращению (напишите, когда это точно будет) представить весь первый текст, отпечатанный на машинке. Вы прочитаете и выправите, я перепечатаю, и вместе отвезем в Москву. Книга получается страшно громадная, боюсь, что такой никто не захочет печатать[3]…

За Леву Вас ругаю и ругаю. Все больше убеждаюсь, что его нельзя оставлять в Ваших нежных руках. Ах, Солнышко, Солнышко…

«Ты научила меня плакать...» Т. 1, с. 132-140. В письме затрагиваются две важнейшие педагогические проблемы: 1) Счастье как этическая категория, определяющая смысл человеческого существования, идеал и цели воспитания; 2) «Школа учебы» – в сравнении с макаренковской «школой жизни», труда, воспитания.

В статье «Счастье» (Известия, 7 ноября 1937 г.) А.С.Макаренко говорит о «новых законах человеческой радости» (т. 7, с. 93-96); эта тема разрабатывается в статье «Судьба» (т. 7, с. 102-108; см. также с. 96-99, 101-102). Ему глубоко чуждо представление о счастье в виде потустороннего «рая, полного святости и бездеятельности». В отношении счастья четко разграничиваются процессы обучения и воспитания: «Научить человека быть счастливым нельзя, но воспитать его так, чтобы он был счастливым, можно» (т. 4, с. 291). Счастье неотделимо от воспитания «нравственно оправданных

потребностей» (т. 5, с. 27). Счастье – это «радость человеческого существования».

[1] Жизненные противоречия, противоречивость социально-педагогических явлений, процесса становления личности А.С.Макаренко рассматривает как основу, источник развития педагогического мышления и действия. Эти противоречия им разрешаются в логике «параллельного действия». Выдающимися являются его положения: «Секрет и прелесть нашей жизни не в отсутствии конфликта, а в нашей готовности и умении его разрешать» (т. 7, с. 164); В «школьном обществе» должна быть «дисциплина движения вперед и преодоления препятствий, в особенности таких препятствий, которые заключаются в людях» (т. 4, с. 49).

[2] А.С.Макаренко на примере своего приемного сына показывает преимущества коммунарской жизни, трудовой школы – в сравнении со школой «пресного обуча», из которой «миллионами выходят серые и неумные мещане», образованные «дилетанты и советские чиновники».

[3] Ниже, в письме А. М. Горькому 22 ноября 1928 г. А.С.Макаренко говорит, что книгу, где описывается «история работы и гибель колонии», излагается его «воспитательная система», – он «почти закончил», как «Педагогическую поэму». Имеется в виду ее 1-я часть, задуманная как «педагогический памфлет», «книга по педагогике» (см.: Фролов А.А. «А.С.Макаренко в СССР, России и мире...», с. 17-18).

Письма Г. С. Салько (Макаренко), 12, 14, 16 октября 1928 г.

Полночь с 12 на 13 октября

…Тут вовсе нет никакого обмана: я просто не в состоянии доказать, насколько ты несравнима со мной, выше и замечательнее меня. Как это доказать? Для этого действительно нужно быть Гамсуном[1], а, может быть, и повыше Гамсуна. А может быть, я это когда-нибудь и докажу.

Меня страшно убивает то, что я могу Вам писать только поздно вечером, обыкновенно не раньше полуночи. Вероятно поэтому я не умею выразить, какая ты и какая у меня благодатная и благоговейная любовь к тебе. Если бы я мог писать тебе по

утрам, когда я не завален всякой чепухой до самой макушки, вероятно, я лучше сумел бы сказать, что я вижу и что я чувствую.

Между прочим, я об этом думаю много, и в этом вопросе у меня сошлись сейчас все философские проблемы.

Ведь говорят обыкновенно, что любимый человек кажется лучше всех. Может быть, это общий закон? В таком случае значит ты не лучше всех, и это только кажется через очки моего случайного увлечения? Ведь так же ставится вопрос.

Я не могу от этого вопроса отмахнуться, сделать вид, будто такого вопроса даже и нет вовсе. И я не могу допустить, чтобы моя любовь была какой-то обычного типа ошибкой, какою ошибаются все люди, даже самые корявые. Не могу и не хочу.

И я уверен, что это не так. Я убежден, что мне дарован особый талант в жизни: знать ценность людей и уметь найти среди людей самого особенного, самого замечательного человека. И в самом деле, почему я полюбил только на 39 году своей жизни. Ведь я всегда был холериком, всегда открыто и искренно шел к жизни и всегда был к ней придирчиво привязан, как хозяин жизни, а не как пришелец откуда-то со стороны.

Я тебе никогда еще не говорил, что я всю жизнь прямо и открыто мечтал: вот, вот придет эта замечательная Царевна, которой захочется поклониться и поцеловать край ее платья и отдать всю свою жизнь со всеми принципами и честью, и разумом, как полномочной властительнице, как Царице. Но я и тогда всегда был уверен, что это никогда не будет обычным ослеплением, обычной ошибкой влюбленного. Я никогда не мог допустить, что моя любовь будет простой игрой биологических случайностей, что мое благоговение будет простой мишурой, в которую принято одевать любовь людей с порядочным вкусом. И, может быть, ничего я так не боялся в жизни, как этого ослепления, и ничто меня так не оскорбляло, как самая мысль об этом…

Мне приходилось поддерживать себя на отчаянной нравственной высоте, на которой дух захватывает и голова кружится. Быть на такой нравственной высоте, значит получать неоспоримое право быть требовательным к жизни и к людям. И я специально взбирался на эту высоту, специально обставлял свою жизнь аскетизмом и проклятым трудом, молчаливым и скромным, самым нравственным трудом, чтобы иметь право молчаливо не замечать человеческого, слишком человеческого страдания.

Вы себе представить не можете, как шикарно я научился пожинать всю прелесть жертвы, отказа, уступки, терпения и потери, всю прелесть свободы, не случайно захваченной, а железной свободы, выбитой змеиной мудростью и утонченным ходом жизни. И вы себе представить не можете, какая сильная концентрация нравственной

энергии собиралась в моих руках и как неожиданно убийственно можно было направить ее на среднего человека.

И что всего удивительнее, я-таки перевоспитал себя. Когда я увидел, что моя жизнь уже проходит и не пришла ко мне особенная замечательная моя Царевна, я ни одной минутки не возроптал и ни на одну секунду не захотел отказаться от своего требования к жизни и к людям. Я просто сказал себе: такой женщины нет и, вероятно, не будет, но на меньшем я не помирюсь, пусть даже окончу всю эту канитель без радости и счастья. Иногда мне приходило в голову, что я чересчур себя заморил, что я уже не сумею полюбить просто потому, что не было у меня опыта доверия к женщине, а в то же время я прекрасно понимал, что прикинуться и обмануть себя я ни за что не соглашусь.

И другие уже стали мне говорить, что я не способен любить, что я могу любить только самого себя и свое дело[2].

Ведь это же совершенно очевидно, что я полюбил Вас с первого взгляда, я, может быть, даже не знал, что это со мной возможно, но я с первого взгляда почувствовал Вашу особенность и почувствовал, что моя жизнь не пропала даром. Я теперь страшно благодарен судьбе, которая помогла Сабатовичу украсть казенные деньги[3]. Я не представляю, как бы скучно и неблагодарно жестоко окончилась моя жизнь, если бы я не встретил Вас. Я очень хорошо представляю свою собственную историю в таком случае. Конечно, я развивался бы и дальше по тому же пути аскетизма и цинизма[4].

А теперь всю нравственную и умственную энергию, всю мудрость жизни и всю гордость человека, накопленные мною за почти 40 лет жизни, так широко и свободно я могу положить к Вашим ногам, к Вашему имени. И это наполняет меня особенным уважением к нашей любви, уважением, которое не вносит оскорбительного прикосновения какого-нибудь быта, которое требует от меня создания особенного, нашего только храма жизни, требует каких-то великих песнопений любви, великой мистерии. Я не хочу, я решительно протестую против всякого чужого пальца, показывающего на нашу любовь, но я же решительно не допущу какой-нибудь трусости или чувства стыдности нашей любви…

Я свою любовь несу, как драгоценный сосуд, я допускаю, что на него могут взирать проходящие, но они прекрасно понимают, что близко к нему приближаться опасно.

Это потому, что они знают, что Вы особенная и любить Вас можно только особенно. Мне это так ясно.

Но мне нужно еще и доказать Вашу исключительность, и мне кажется, что я это могу делать…

Завтра к четырем часам я еду за Левой. Приедем с ним вместе, и он будет здесь ночевать. Может быть, напишем Вам совместное письмо…

3 часа 14 октября

…Сегодня гостит у нас много хлопцев из Горьковской. Рассказывают чудеса – жить, говорят, невозможно стало – грязь, кражи, картежная игра. Вчера видел Фере, он тоже уходит, ребята работать не хотят – за один месяц валовая продукция столярной мастерской упала с 4500 до 1300 рублей. Среди ребят откровенно брошен лозунг «Вы были батраками, теперь вы будете учиться»[5]. На этом основании ни в мастерских, ни в хозяйстве никто работать не хочет. Через три месяца они и в школу перестанут ходить.

Козлова сделала свое дело и ушла в Москву, очевидно, там еще не все развалено.

Я никак не найду линию своей работы. В коммуне сейчас хорошо – все напоминают последние годы в Полтаве, такая же дружная ребячья компания, такое же человеческое отношение между персоналом. Но я очень боюсь, что ГПУ нас просто материально не выдержит. Оно уже сейчас пищит и насилу тянет. Попадет коммуна в Наробраз и пропадет. Но и в Москву ехать не хочу[6]. Вообще я поеду только туда, где будете Вы, а где Вы будете?

Меня очень сейчас занимает вопрос о создании лесной школы для семейных детей, Затонская[7] тогда за эту мысль ухватилась, но, вероятно, тут нужна широкая кампания. Вот бы где мы с Вами заработали. Я уверен, что это была бы замечательная школа. Считаю, что «ребенок» должен в ней находиться 10 лет: семилетка и общий рабфак, после такой школы прямо в вуз. Небольшое хозяйство (десяток коров, 30-40 десятин[8]), мастерские для 2-х часов работы. Воспитанников 400. Построить школу нужно в Чугуеве, там, где вы жили, – близко речка, лес, нет грязи. Правда хорошо?

Постройка и оборудование такой школы будет стоить тысяч 800-900, одним словом, до миллиона. Содержание такой школы в год будет стоить 160.000-180.000 рублей, из этой суммы производство возвратит 50-60 тысяч рублей (по самому скромному расчету). Значит, родителям придется платить за ребенка 25 рублей в месяц. Возможно, что в первый год производство не даст такого эффекта, и поэтому содержание ребенка может стоить дороже.

Сейчас против такой школы будут возражать из тех соображений, что вот-де опять кадетский корпус для дворян. Это, Солнышко, чепуха. В такую школу любой квалифицированный рабочий отдаст сына или дочку, если все его содержание, с одеждой, со всем будет стоить только 25 рублей. (Если даже производство ничего не будет давать, то и то содержание одного ребенка обойдется в месяц 37 рублей, но из этой суммы Наркомпрос должен покрыть часть, ибо он дает же деньги на содержание всех остальных школ).

Поэтому свободно можно агитировать за такую школу или за общество «Лесной школы», состоящее из родителей с небольшим членским взносом.

Самое трудное – достать миллион рублей и построить школу, но если в общество войдут влиятельные товарищи, такую сумму можно достать с рассрочкой на 40 лет. В нашей коммуне сейчас на таких началах строится дом для мастерских – получили 35.000 на 40 лет[9]. Если миллион дадут на 40 лет и в обществе будет 400 членов, то каждому придется в месяц уплачивать на покрытие капитала 5 рублей.

Но можно достать деньги и не в виде ссуды. Теперь такие миллионы часто разбрасываются.

К чему я все это пишу? Я хочу, чтобы Вы подумали над этим вопросом и кого-нибудь дернули вроде Затонского, Косиора[10], Берлин и т. д.

Это было бы настоящее дело во всех отношениях. Первая выгода в том, что у нас было бы настоящее учреждение для социального воспитания, первое в Союзе для нормальных детей. Мы могли бы достигнуть больших педагогических эффектов. Вторая выгода была бы в том, что у нас бы довлел Родительский Комитет, и Наркомпрос был бы маленьким. Самое дело об этом нужно возбуждать не в Наркомпросе, а в Совнаркоме. Почему я об этом пишу сейчас? Я хочу, чтобы Вы мне посоветовали, кому подать об этом доклад. Чубарю, Затонскому, Косиору (только не Скрыпнику[11]). А Вы бы поддержали, написали тому-другому письмо. Это было шикарное бы дело, правда, мое Солнышко?

Я считаю его вполне возможным. Вы только посоветуйте, кому написать доклад. Я бы мог Вам прислать копию.

Простите, что так много говорю о делах, такое деловое у меня настроение. Но Вы же понимаете, что и деловой, я Ваш до конца, и всякое дело не могу не связывать с Вашей душой, этим особенно и полна моя жизнь.

Начинаем собираться к спектаклю. Немного напишу после спектакля. Я играю городничего. Очень жаль, что ты меня не будешь видеть – интересно, правда.

Посылаю Вам газетную вырезку. Посмотрите, что пишут о нашей коммуне. Это почти еженедельно[12].

Целую и люблю (у тебя научился так)

Твой Тоська

11 часов вечера 16 октября

Ты уже спишь, Солнышко? Ты так написала сегодня в письме, что, когда я начинаю письмо, ты девятый сон видишь. Неужели тебе так много снится снов? Вот я теперь совсем снов не вижу, спасает меня на удивление здоровая натура, я мало сплю, зато сплю, как рота солдат «в совокупности». Конечно, я сны тоже вижу, и я знаю, что снится мне все Солнышко, но когда я просыпаюсь, то ничего не помню. Поэтому меня и черти не берут, – ты никогда не беспокойся о моем здоровье…

Третьего дня или вчера, уже не помню, я возвратился из города совершенно промокшим, с полными сапогами воды и грязи, мне пришлось сразу попасть к телефону, а раз зашел в кабинет, то оттуда уже скоро не выпустят. Только в восемь часов, когда ребята пошли ужинать, я остался один, посмотрел на свои сапоги, прислушался к ощущению холода и воды в сапогах, почувствовал маленький озноб во всем теле и подумал:

– Как хорошо, что меня все это не берет и никогда не заберет. Как хорошо, что я сегодня промок и продрог. Это только лишняя закалка для моего здоровья.

И ты знаешь, Солнышко, мне так стало радостно от моей этой глубочайшей уверенности, и сейчас же в моей душе построилась красивая и сильная мысль (ты, наверное, знаешь, что иногда мысль строится не в голове, а в душе и тогда не столько ее понимаешь, сколько чувствуешь ее эстетику)…

«Ты научила меня плакать...» Т. 1, с. 145-155. По этому письму видны: неустанная работа А.С.Макаренко над самим собой; жизненная философия и позиция, определяющие основы его педагогики.

Второе педагогически ценное: представлен по существу его первый развернутый проект школы для «нормальных» детей, основанный на опыте трудовой колонии им. М. Горького. Это не государственное, а общественно-государственное воспитательно-образовательное учреждение, задуманное по типу трудовой коммуны им. Ф.Э.Дзержинского; 10-летняя школа-интернат. Черты обычной школы, построенной с учетом горьковской колонии, А.С.Макаренко впервые обозначил в марте 1923 г., в плане реорганизации Крюковской железнодорожной трудовой школы (А.С. Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания... Часть 1, с. 74-75). К плану «лесной школы» он возвратился в августе 1936 г. (т. 4, с. 24-25).

[1] Гамсун К. – норвежский писатель. Его романы «Пан», «Виктория», «Мистерии» в русском переводе появились в 1901, 1904, 1910 гг. 12-томное собрание сочинений вышло в С.-Петербурге в 1909-1910 гг. Его творчество характеризуется как неоромантизм; герои произведений живут сложной душевной жизнью, противостоят обществу, живут непосредственными порывами своих творческих натур. Художественную силу и оригинальность его лучших книг отмечал А. М. Горький.

[2] Более подробно о морально-психологическом состоянии А.С.Макаренко до 1927 г. (до сближения с Г.С.Салько) и происшедших после этого очень важных изменениях в его жизненном самочувствии см.: А.С.Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания … Часть 1, с.217-219, 267-268.

[3] Сабатович И. Д. занимал должность председателя Харьковской комиссии по делам несовершеннолетних до Г.С.Салько; уволен за растрату государственных средств.

[4] А.С.Макаренко предполагал, что переход от «аскетизма», «растрачивания себя», «одинокого цинизма» к «личному оздоровлению в замечательном детском обществе», к «веселой уверенности, что на свете все прекрасно», под влиянием «вдруг налетевшей любви», – станет кульминационным пунктом его романа в 3-4-х частях (план романа см.: А. С. Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания… Часть 1, с. 319-327). Вероятно, он тогда работал над замыслом этого произведения параллельно с «Педагогической поэмой».

[5] Этим примитивным лозунгом оправдывалось (и по сей день оправдывается) нетрудовая «школа учебы», теория и практика оторванного от жизни «научного образования», узко-профессионального, технократического обучения.

[6] А.С.Макаренко в это и предыдущее время, видимо, располагал каким-то планом работы в Москве.

[7] Речь идет, несомненно, о жене (или сестре) В. П. Затонского.

[8] Десятина – русская мера земельной площади, равная 1,09 гектара.

[9] Кредитование расширяющегося производства коммуны им. Ф. Э. Дзержинского – очень важный фактор ее развития на основе хозрасчета и в последующие годы, при строительстве заводов электрооборудования и фотоаппаратуры.

[10] Косиор С.В. – с июля 1928 г. генеральный секретарь ВКП(б)У. В работах А. С. Макаренко упоминается положительно, как «бритый».

[11]Скрыпник Н.А. – в 1922-1927 гг. нарком юстиции, генеральный прокурор УССР; в 1927-1933 гг. нарком просвещения; с 1933 г. зам. предс. украинского Совнаркома. В первой половине 1928 г. поддерживал руководство ЛКСМУ в критике деятельности А. С.

Макаренко. Позднее, в 1932 г. резко критиковал его статью «Педагоги пожимают плечами» как «противоречие постановлениям ЦК партии о школе» (А. С. Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания… Часть 1, с. 286-287).

[12] Эти публикации еще не все выявлены и изучены исследователями.

Письмо Н. Ф. Остроменцкой, 16 октября 1928 г.

16 октября 1928

Харьков

коммуна им. Ф. Э. Дзержинского

Милая Надежда Феликсовна!

Простите, что не отвечал Вам так долго. Все собирался, но так и не собрался. Теперь вообще страшно занят, хотя вся моя работа состоит в заведовании одной небольшой детской коммуной. Дела у меня здесь идут хорошо, еще никого не бил из ребят, и сам убеждаюсь, что моя система хороша и без побоев. Сейчас у нас хорошее дружное настроение, напоминающее мне последние месяцы в Полтаве. Но работа здесь, конечно, гораздо более углубленная, и я уверен, что не только товарищам из МОНО, но даже и из психоневрологического института есть чему у нас поучиться.

Так что с этой стороны я даже могу быть Вам благодарен за то, что «выперли» меня из колонии [им.] Горького. Зато сама колония [им.] М. Горького в результате объединенных усилий многих более или менее умных и талантливых людей, в том числе и из Наркомпроса, и из Комсомола, и из литературы, сейчас очень быстро идет к гибели.

Там, конечно, закрыли командиров и отряды, бросили лозунг: «Довольно вам быть батраками, вам надо учиться» – и все пошло как по маслу. Теперь все сидят и разводят руками и, кажется, собираются запеть на такую выигрышную тему: все Макаренко виноват, все держалось на его личности, он ушел – и все пошло под гору. Все это замечательно симпатично получается. Ведь там «ушли» не только меня, «ушли» бóльшую половину персонала, «ушли» старших ребят, прикрыли систему рабочего коллектива, сделали ставку на школу и на лодырей, а теперь вспомнили о личности Макаренко.

Серьезно, за такие вещи нужно расстреливать, и если бы это сделали не с колонией, а с какой-нибудь фабрикой или заводом, то и расстреливали бы. А так как детский дом не производство и никаких якобы убытков никто от этого не несет, то и обходится все благополучно.

В прошлом письме Вы предлагали мне «на пару» выпустить книгу. Я к этому проекту отнесся отрицательно, потому что Ваша область, собственно говоря, область

художественного творчества и Вам необходимо иметь свежие впечатления, а между тем Ваши впечатления относятся только к середине 1926 г. Я считаю, что оперировать ими через 2 года не совсем ловко.

А вот Вы приезжайте сейчас в колонию и дайте очерк о ее гибели. Там много очень интересного, и Ваш очерк произведет уж потому фурор, что будет лучшим аргументом против всяких возражений. Кстати, опишите и травлю колонии, которую мы здесь пережили, и отношение Горького, и много другого. Вообще, могла бы получиться очень боевая статья, которую у Вас «Народный учитель» с руками бы оторвал. Кстати, и повидались бы с Вами. Я даже уверен, что «Народный учитель» дал бы Вам аванс на поездку. К тому же тут у нас есть такое интересное зрелище, как продолжение колонии [им. М.] Горького в коммуне [им. Ф. Э.] Дзержинского, в которой 90 горьковцев и горьковская система.

Я бы, конечно, потребовал, чтобы Вы статью писали здесь, чтобы она была подвергнута самой строгой редакции, я даже мог бы дать для Вашей статьи небольшое введение[1].

Чем не деловое предложение? Подумайте хорошенько. Это будет хороший удар по всем нашим врагам.

Будет ли какая-нибудь статья в «Народном учителе»? Вы писали, что она будет в октябре. Правда ли?

Вы на меня не сердитесь, я человек серьезно хороший, только не заражен никакими Вашими предрассудками. Быть не зараженным предрассудками имеет право не всякий, а вот я его имею. Это право я завоевал очень многими путями, какими – не сейчас говорить, когда-нибудь поговорим.

Спасибо, что не забываете. Как окончилось преследование Вас той ведьмой, о которой Вы писали? Напишите.

Пишите так: Харьков, почтовый ящик № 309, коммуна им. Ф. Э. Дзержинского, мне.

Будьте веселы.

Ваш *А. Макаренко.*

А. С. Макаренко. Пед. соч.: В 8 т. Т. 1, с. 37-39.

[1] Из сказанного следует, что в очерке о горьковской колонии Н.Ф.Остроменцкая не сумела хорошо объяснить некоторые моменты ее жизни и быта; это усугубило критическое отношение к педагогике А.С.Макаренко.

Письма Г. С. Салько (Макаренко), 21-23 октября 1928 г.

Ночь с 21 на 22 октября

Радость моя, Солнышко, здравствуй.

…Вчера вечером не писал Вам: возвратились с Колесса из города и попал прямо на именины к его жене, здорово напились, и пришлось мне ложиться спать, не поговорив с Вами. Вы, впрочем, Солнышко, не подумайте, что я с ног валился, нет, все было очень прилично, но я очень много ласковых слов наговорил Вам, пока заснул, и говорил их громко, вероятно, мама очень удивлялась, я, кажется, никогда во сне не разговариваю.

Вчера из-за всех этих дел свидание наше [мысленное – А. Ф.] было совершенно необычно: я ровно в шесть часов сидел в уголку дивана у Балицких, и мне только потихоньку можно было шептать:

– Здравствуй, мое Солнышко. Я тебя люблю, мое родное Солнышко.

Но мне никто не мешал, заседание еще не начиналось, в другом углу комнаты Колесса что-то «наливал» товарищу Букшпану[1], и поэтому я имел возможность под прикрытием своего портфеля написать Вам коротенькую записочку, завернуть ее в три или четыре бумажки и послать Вам тот конвертик, за который, наверное, Вы меня немножко поругали, но это же не в счет всяких писем.

Сейчас только окончилась репетиция. Я ухитрился одновременно режиссировать и подсчитывать, сколько дней еще осталось до нашей встречи. Оказывается, сущий пустяк, 26 дней.

И я еще мечтал: как сейчас трудно мечтать, решительно никаких признаков нет для определения нашего будущего общественного положения, а поэтому мечтается, пожалуй, и свободно, но как-то нереально…

Меня берет зло теперь, что мы с Вами об организации нашей жизни очень мало думали. Нам нужно взять себя в руки и весь наш ум, все наши таланты и всю нашу волю направить на это.

Об этом я сейчас все думаю и думаю, мои мечты дают большую зарядку в таком направлении.

«Сухарі з водою, аби серце з тобою», это мне решительно не нравится. Можно испытать все то счастье, которое мы испытали в Вашей тесной комнатке, но забыть навсегда, что эта комнатка знаменует собою нашу страшную бедность, нельзя. Нельзя в самом деле нам прощаться друг с другом чуть не каждый день. Это ничего не значит, что в нашей любви находятся такие запасы энергии, радости и терпения, что общий тонус нашей жизни не понижается. Решать на этом основании, что у нас все хорошо, и лучшего нам не нужно, было бы просто по-мальчишески глупо. Правда же, Солнышко?

У меня, кроме всяких прочих «наших» соображений есть и еще одно, и притом главное. Я ощущаю свой долг потратить какие-то неистраченные силы для того, чтобы

Ваша жизнь, жизнь моего Солнышка, сделалась спокойной, красивой и интересной. Я очень хорошо знаю, что по Вашей натуре она такой может быть только тогда, когда она будет и общественно ценной…

Ваша жизнь может быть для Вас интересной и глубокой, если она будет иметь свой собственный общественный стиль, если это не будет служба, приносящая какую-то дневную выручку, и общественную, и личную. Вам нужно широкое и просторное дело, в котором можно добиваться не цепи грошевых побед, а большого и яркого успеха, в котором борьба будет не в Окрплане или в Помдете, а на какой-то более чистой арене.

Но это же по такому странному совпадению наших натур нужно и мне.

И нужно сказать правду, что до сих пор мы мало об этом всем думали. В нашей жизни все это стояло, как что-то такое, которое можно отложить на завтра, а на сегодня мы просто раздавали себя направо и налево и воображали, что этически мы выше других. Этого с нас было довольно. Мы приходили к своей постели, уставшие, как лошади, кое-как ели и кое-как отдыхали и были глубоко уверены, что в этом свирепом и безобразном растрачивании заключается какой-то смысл и для общества, и для нас…

Если я признал Вас совершенно особенным человеком, то вовсе не в порядке любовного вдохновения, а только потому, что в Вашей личности нашел невиданный запас духовных и нравственных сил. И совершенно очевидно, это простая математика, что передача обществу этих Ваших сил совершенно не должна принимать форму простого растрачивания Вашего здоровья, потому что как раз в этом случае Вы обществу как раз ничего не дадите своего, и все то огромное, что у Вас есть, останется неиспользованным.

Точно также и со мной. Я вот сейчас как никогда понимаю, что все эти мои репетиции и подсчеты копеек детского дома, несмотря на то, что они от меня требуют много времени и энергии, все же меньшее из того, что я мог бы дать людям, а для меня самого это мертвая хватка, которая только по какому-то чуду не задавила меня до сих пор совершенно.

В том, что такое безобразное расхождение между запасами и характером наших сил, Солнышко, и действительной картиной нашей работы есть, и что оно сейчас самое главное, на что мы должны обратить внимание, у меня сомнений никаких нет.

Дело, между прочим, далеко не так просто. Во-первых, не так легко найти себя, и в особенности нелегко сделать первый шаг в новом направлении, во-вторых, страшно трудно победить привычную проклятую манеру забывать о себе и думать, что это мой долг, в то время, когда это просто моя глупость, и российская беспорядочность, и непривычка к точным расчетам.

Нужно отчасти перевоспитать себя, нужно научиться уважать каждый кусочек своей силы настолько, чтобы понимать, что сбережение этой силы, ее воспитание и правильное использование – это прежде всего мой долг перед обществом.

Я об этом сейчас очень много думаю, и я знаю, что если мы вдвоем об этом хорошенько не подумаем и не как-нибудь, а с карандашиком в руках, то я сам ни до чего не додумаюсь, и все останется по-старому…

Я сейчас не хочу говорить ни о каких деталях, очень многие у меня мерещатся в голове. Нужно сначала пережить общую постановку вопроса, а с деталями мы всегда справимся…

Я теперь буду тебе писать немножко меньше, на самую малость, буду писать каждый день, но немножко меньше. Мне нужно поторопиться с окончанием моей работы[2] к твоему приезду, чтобы мы могли к поездке в Москву совершенно ее закончить…

Если бы я тебя не полюбил, я бы никогда из моих черновок ничего бы не сделал. А сейчас получается гораздо интереснее, чем мне самому казалось, и, может быть, даже чем тебе казалось. По секрету скажу тебе, что в глубине души я очень надеюсь, что эта работа в нашей судьбе должна сыграть очень важную роль…

Работу писать сейчас очень трудно. Я не могу отдать ей подряд даже полчаса, и вся моя голова переполнена страшной массой всяких хозяйственных и педагогических забот, для работы души не останется, нужно писать ее по ночам.

Мое красивое Солнышко, спокойной ночи.

Я тебя люблю, Красавица.

Красавица, покойной ночи.

Целую твои ресницы.

Твой Тося

22/10 28 8 ч. вечера

Милый Галик!

…Сейчас у меня такая лихорадка в работе, что иногда хочется поднять страшную ругань, прогнать всех в шею, запереть двери и усесться за письменный стол писать стихи, посвященные тебе, писать много, много, а потом взять и сжечь их, чтобы ты даже не знала, какие стихи были написаны…

Сейчас начинаю рапорта и собрание, а потом конфликтная комиссия[3]. Сегодня моему Солнышку больше не буду писать. Но, мой голубок, ты же знаешь, что я буду думать только о тебе, только о тебе.

Будь весела, родная, не забывай меня, это страшно нужно для мирового равновесия.

Будь весела, будь, родная, счастлива.

Твой Тося

23-10 утро

Доброго утра, Красавица!

12 часов

…Спасибо, Солнышко, Красавица, за то, что пишешь о твоем беспокойстве и о ребенке. Каждое твое слово – мое слово, я ничего ни одной буквы не мог бы прибавить к тому, что Вы написали…

Но я хочу говорить о решении. Здесь я буду совершенно неумолим, до конца и никакой уступки быть не может. Все должно быть решено соображением о Вашем здоровье. Я прямо умираю от страха. Я страшно боюсь, что тот или другой исход может плохо отразиться на Вашем здоровье. Но я не знаю, что опаснее – аборт или роды. Надо идти на то, что меньше Вам принесет страданий и не будет так опасно. Но кто же мне, Солнышко, скажет? Нужно хорошенько посоветоваться с докторами.

Мое Солнышко, ты прости эти мои страхи, я тебя страшно люблю, но я не хочу больше, чтобы ты мучилась.

Спасибо тебе, любимая. Вечером напишу подробно.

Твой Тося

Сейчас иду в город, пошлю тебе деньги.

Открытки я все получил, разве я не писал об этом?

«Ты научила меня плакать...» Т. 1, с. 159-166.

В письме отражается характерное для А.С.Макаренко понимание социальной сущности личности: «не забывать о себе», «уважать себя»; нужно «найти себя», думать о «предназначении собственной личности», – чтобы в полную меру служить общественному благу, выполнять «долг перед обществом», не допуская «пустого растрачивания сил». Отношение личности к себе, осознание и реализация «ценности человеческой личности», ее индивидуальности – это и исходный пункт формирования личности, и высшая точка в ее становлении, главное в целях воспитания. Так строится макаренковская система «перспективных линий» личности и коллектива (т. 3, с. 396-398).

О необходимости у воспитанников «поднимать веру в себя», воспитывать «чувство долга перед самим собой, перед рабочим классом и человечеством», «чувство человеческой и рабочей чести» – говорится в письме А. М. Горькому 18 апреля 1928 г. (А.С. Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания... Часть 1, с. 264). См.

также: Фролов А. А. Прежде всего – «активное отношение к собственной личности» // Воспитание школьников, 2003, № 3.

[1] Букшпан М. М. – тогда ответственный секретарь Правления коммуны им.Ф.Э.Дзержинского, сотрудник ГПУ УССР. С марта 1932 г. член Правления коммуны. В «ФД-1» А.О.Крейцер, в «Флагах на башнях» М.О.Крейцер.

[2] См. ранее сказанное, в п. 3 комментария к письму Г.С.Салько 11 октября, о работе А.С.Макаренко над книгой.

[3] Одна из форм управления и самоуправления в коммуне, для разрешения возникающих спорных вопросов.

Письма Г.С. Салько (Макаренко), 23-24 и 29-31 октября 1928 г.

Ночь с 23 на 24 октября

Я сегодня первый раз в жизни поцеловал письмо, Твое письмо, Солнышко. Если бы мне сказали еще полгода назад, что я это сделаю и что я сам для себя не буду смешон, я бы не поверил.

У меня сегодня Великий праздник и чудеснейшие похождения, и у меня сегодня день полный радости и тревоги. Я получил сегодня три твоих письма: одно от 18, в котором ты так тоскуешь, второе заказное от 19 и третье от 20, написанное на почте. А четвертое в посылке…

Наконец, мне дали зашитую во что-то коробочку. Я тут же на почте в уголке открыл ее, поднял крышку и увидел вату и что-то завернутое в бумагу. Спрятал все это в карман и пошел искать извозчика, а сам держу посылку в кармане и хочется мне расцеловать каждого встречного оттого, что так прекрасно, и весело, и больно жить на свете…

На самой главной, на Сумской улице развернул бумагу и нашел портсигар и мундштук…

Я теперь перешел на махорку и курю трубку (пожалуйста, не думай, что это я сделал из каких-то меркантильных соображений, просто захотелось курить трубку, а трубочного хорошего табаку у нас нет), и поэтому твой маленький портсигарик замечательно пришелся к делу…

А если бы я не перешел на махорку, и у меня в карманах, как всегда, болталась бы какая-нибудь обыкновеннейшая коробка папирос, твой подарок оказался бы в очень тяжелом положении, ему пришлось бы остаться чистым талисманом, т.е. не участвовать в моей жизни, потому что он маленький, и обслужить мои курительные способности он никак не мог бы…

А для твоего портсигара я сегодня же нашел в городе особые папиросы, самого высокого сорта, без мундштуков, специально для того, чтобы положить их в твой портсигар и курить из твоего мундштука. Папиросы эти называются «Экспорт» и стоят 50 копеек десяток, у них кончики золотые, единственный сорт папирос, который можно допустить в твой портсигар. Все это я хорошо обдумал и привел в исполнение.

И теперь у меня так прекрасно, теперь я так уютно живу с твоим портсигаром. Я курю свою трубку, но, когда я наедине, особенно свободно и радостно могу думать о тебе, и никто не торчит у меня перед глазами, и в твоем присутствии, когда нельзя, конечно, курить махорку, и в таком месте, которое по своему культурному достоинству так же не допускает махорки, тогда я достаю твой драгоценный подарок и из него хорошую экспортную папиросу и достаю твой мундштук и тогда, конечно, никакая сила, по крайней мере на неделю, не посмеет приступить ко мне с ревнивым шепотом. Видишь, Солнышко, как замечательно все устроилось[1]…

Ночь с 29 на 30/10

Солнышко родное!

Сегодня я возвратился из города очень поздно, часов в семь, и Леву уже застал в коммуне. Я еще вчера посылал за ним знаменитого Глупова, но Лева собрался куда-то ехать на велосипеде и поэтому отложил свой приезд до сегодняшнего дня.

Леву я нашел в комнате наших изобретателей. Насилу его вытащил оттуда, но он поздоровался и сейчас же убежал. На общем собрании он много хохотал вместе с 4 отрядом (самый веселый наш отряд): у Левы, видно, есть превратное намерение держаться подальше от меня, чтобы не считали его моим любимчиком. Этого у нас делать не нужно: ребята относятся ко мне с таким хорошим уважением, что никогда не заподозрят меня в несправедливости. Я завтра с Левой об этом поговорю, сегодня уже не хотел мешать ему присматриваться к коммунарам. Я боюсь только за первые дни, как бы он не возроптал против разлуки со старыми товарищами и со старой обстановкой. Буду, конечно, писать Вам ежедневно о его настроении. Я его поместил в четвертый отряд и отдал под опеку Горьковскому…

Вы замечаете, что наша переписка принимает какой-то новый характер: мы уже не удовлетворяемся письмами, своими письмами, и нам пристало бы сообщаться исключительно по телеграфу. Это, конечно, правильная точка зрения, я это чувствую по себе. Если бы вы уехали не на два месяца, а на четыре, то я едва ли смог бы писать Вам во вторую половину этого периода. Едва ли бы я мог выжить без Вас больше полутора месяцев.

Вот и сейчас я чувствую, что еще с неделю-другую я смогу кое-как писать, но уже мне нужна только телеграмма: в ней коротко и быстро пошлешь Вам несколько необходимых слов, но это все не то, что нужно. Нужно Вас видеть, я ничего другого уже вынести не могу. Если бы Вы вдруг написали, что еще задержитесь на месяц, я не знаю, что бы я сделал…

30 окт. 2 часа дня

Лева сегодня второй день в коммуне. Вчера он немного стеснялся в своих хороших штанишках. Я его с утра уговаривал переодеться в коммунарский костюм, он все отнекивался. Тогда я его вызвал через крысу[2] и приказал отправиться в одежную. Когда он переоделся, сразу повеселел. Сейчас он уже в длинных штанах – самый красивый в коммуне. Утром его приняли в кружок изобретателей, а в 10 я его уже нашел с обрезанным пальцем и отправил в больничку. Сейчас только видел его в слесарной – рубит за тисками железо, [в руках] молоток и зубило. Улыбается. Вечером он уже будет на репетиции изображать матроса в «Разломе» – к 7-ому ноября. Отдал ему «под его попечение» одного новенького, изгнанного из первой школы за излишнюю изобретательность. Пока, Солнышко, целую лапку, сам за работу…

Ночь

…Сейчас мне очень даже трудно собрать себя. Я как-то в два дня сварился и сдал, даже говорить и писать разучился. Вы, пожалуй, не поверите: мне трудно сейчас составлять правильные предложения, а хочется выражать себя простыми какими-нибудь звуками, как птица. В несколько дней я себя просто не узнаю. Вот не могу без Вас. Вот и все, что я знаю. Если бы Вы знали, как мне невыносимо трудно сейчас говорить с людьми и делать разные дела, я просто ни к черту не годен…

4 часа 31/10

…Я серьезно хочу просить Вас зарегистрировать наш брак, но и тогда мне будет очень трудно привыкнуть к тому, что всякая свинья будет считать своим правом о нашем браке разговаривать. Повторяю, это у меня маленький идиотизм, но я привык к нему и мне он нравится, и я хочу, чтобы он сделался и Вашим. Я не хочу обыкновенной семьи, я хочу, чтобы мы с Вами были только нашей тайной, я хочу купаться в этой нашей симфонии, но без зрителей и друзей. Перед другими мы будем стоять рядом и улыбаться. Пусть думают, что хотят. Перед другими я с особенным удовольствием скажу Вам:

– Галина Стахиевна, не поддержите ли Вы компанию в театр? – т. е. скажу в такой форме, какая невозможна между привычными для всех супругами.

Я люблю Вам дарить цветы (для этого одного я хотел бы быть страшно богатым), но я не могу «переть» эти цветы на глазах у всех, пусть даже они вообще прекрасно знают о том, что я Вам дарю цветы. Пусть в Вашей комнате они наверняка знают, что эти цветы

подарены мной, пусть об этом пишут в газетах, но пусть они не заглядывают в мое лицо, когда Ваши цветы в моих руках.

Пусть они вообще обо всем знают, я им готов давать письменную информацию, но пусть они ничего нашего, только нашего, не видят.

Я люблю это, как особенное доказательство исключительности нашего чувства, и я буду всегда с Вами за это и буду Вас перетягивать на свою сторону…

Я потому и пишу об этом так много, что это вопрос очень важный. Если Вы допускаете хотя бы на одну минутку, что я устраиваю «конспирацию», чтобы скрыть от людей мою любовь для того, чтобы считаться в их глазах свободным человеком. Вы меня подозреваете в гадости, правда же, Солнышко? Значит в этом Вы меня не подозреваете. В таком случае в чем же? Почему мне должно быть неловко…

Если Вы, Солнышко, по-прежнему останетесь Солнышком и постараетесь поверить всей исключительности моего отношения к Вам, то Вы не откажете мне в разрешении внести в обычную картину общественного отношения к семейным парам кое-что новое…

Тут дело не в конспирации, а в целомудренности нашего чувства…

Будем считать так, что Вы никогда «такого никогда не сказали». Хорошо?... Даже вот эту Вашу иронию от 29 сентября я наверняка через неделю забуду…

«Ты научила меня плакать...» Т. 1, с. 166-183.

[1] Вероятно, этот портсигар, с вензелем «MG», Г.С.Макаренко подарила И.А.Каирову в 1943 г., в день его 50-летия – «серую, целлулойдную коробочку». Тогда он – зав. кафедрой педагогики Московского педагогического института им.В.И.Ленина, где им была создана Лаборатория по изучению наследства А.С.Макаренко, первоначально во главе с Г.С.Макаренко. Затем – президент Академии педагогических наук РСФСР, гл. ред. собр. соч. А.С.Макаренко в 7 т. (изд. 1951-1952 и 1957-1958 гг.).

[2] «Канцелярскими крысами», «кабинетными», называли малышей, исполняющих обязанности связных, дежурных в канцелярии (кабинете А.С.Макаренко и органов самоуправления); были «адъютантами» А.С.Макаренко, исполняли его мелкие поручения.

Письма Г. С. Салько (Макаренко), 1-2, 4-5, 9-10, 24 ноября 1928 г.

Ночь с 1 на 2 ноября

Мое Солнышко.

Здравствуй, Солнышко, здравствуй, родное.

Здравствуй, моя ласковая, моя прекрасная Галенька, здравствуй, моя красавица…

Я тебе лучше напишу о Леве.

Ну тут можно много говорить. В Левином лице я вижу твое лицо. Я не могу каждые полчаса не пойти не посмотреть, где он, я это делаю незаметно, как будто по делу. Я стараюсь не сразу облегчать его положение в коммуне, да это и не нужно.

Сейчас ему интересно, а вот когда все немного приестся, тогда нужно будет прийти ему на помощь более основательно.

Он держится замечательно. Он уже построил аэроплан, вошел в литературный кружок. Сегодня на собрании он взял слово и очень остроумно защищал одного из ребят…

Сегодня уже Леву комсомол пригласил персонально на репетицию живой картины к десятилетию комсомола. Честь невиданная.

Спать. Целую всю тебя и твои слезы.

Будь счастлива, голубка.

Твой Тося

4 /XI 28

Третий день не имею от Вас писем, а вчера и сам не послал. Нахожусь на вершине реорганизации[1], невыносимо занят, много злюсь, кричу, ссорюсь, и даже в ГПУ произношу с особенным вкусом

– Квалифицированная волокита!

Вообще я размахнулся и в работе, и в своем основном – в Вас, так размахнулся, что мне кажется, будто какой-то вихрь поднял меня к самым тучам и завертел между ними…

Простите, голубка, начинаю большой Совет (Совет командиров + Педсовет + Бюро ЛКСМ)[2].

Мое Солнышко, прости.

Твой А

Ночь с 4 на 5 ноября

Я уже тебя и называть никак не могу, и писать тебе, собственно говоря, тоже не могу. Я тебя жду и люблю до последнего крайнего молчания. Ты понимаешь меня, ты не будешь обижаться, я это знаю. Мне сейчас так трудно тебя ожидать. Всего 13 дней…

Ты мне дала еще одну страшную радость: Леву… На всех собраниях я сижу рядом с ним, как-то так это случайно выходит. Он почти по всем вопросам берет слово, но высказывается кратко и основательно. Сегодня он уже выступал на сцене по случаю десятилетия комсомола. Он играл роль комсомольца, при помощи красного флажка посрамляющего какого-то генерала. На завтра он уже назначен командиром сводного

отряда, получившего весьма важное задание – реорганизовать все спальни мальчиков из 5-ти отрядного состава в 11-ти отрядный. Задача очень трудная, так как тут нужно учитывать и величину спален, и принадлежность каждого отряда к той или иной [школьной] группе, к тому или иному производству.

В 10 часов вечера у нас было совещание: я, он, ССК и Секретарь Комсомола, и Левка был самым активным участником нашего совета. В его сводном отряде 8 человек, у них много всякой работы, вплоть до того, что нужно съездить на деревню купить сено на матрасы временной спальни пацанов. Вообще Салько в коммуне заметная персона. Его уже выдвигают в командиры второго отряда (вторая половина первой бригады[3] слесарей, а первая бригада слесарей, это лучшее, что у нас есть в коммуне). Перевыборы 12-го, но я думаю расстроить это дело, командирская работа очень тяжелая и неблагодарная вещь, Леве еще нужно привыкнуть к такого рода заботам.

Сейчас в коммуне я завел систему рабочих точек, получается очень занятно и, кажется, полезно. Лева сейчас попал на точку №5, это обыкновенные тиски, на которых он должен пробыть три месяца, сдать производственный зачет, и только тогда он перейдет на такой же № точки к станку. Только тогда для него появится опасность повредить себе палец, хотя вообще в слесарной мастерской это не так опасно. Станки по металлу работают очень медленно, это не то, что в деревообделочной, у нас есть один такой черт, который вращается со скоростью 4000 оборотов в минуту, от него разлетается вихрь по всей мастерской, и пальцем в случае…[4]

6/XI. 2 часа ночи

Только что возвратились с хлопцами из города – были в Клубе ГПУ на торжественном заседании[5].

Сегодня получил Ваших 5 писем и 1 открытку. Это «героическая симфония». Все замечательно, все богато, красиво и особенно. Я тебя боготворю, ты все в мире, я тебе молюсь. И в этом тоже все. Больше ничего не нужно.

Твой Т

Ночь с 9 на 10 ноября

…В твоих письмах самый гениальный, самый изящный и самый глубокий, и самый простой, простой до последней роскоши синтез любви и радости…

Ты для меня самое огромное обобщение. Я знаю, что я еще этого не умею сказать, но когда-нибудь сумею. Я сумею сказать о том, как в тебе одной, во всем твоем сияющем милом образе больше тайны и больше чудес, и больше абсолюта, чем во всем мире. В мире может быть не больше красоты и смысла, чем в том, что Тютчев назвал: «мотылька полет незримый»…[6]

Будь счастлива. Жду.

Сообщи, каким поездом приедешь.

Т Т

24 ноября

Вечер

…Нашей любви открываются все новые и новые горизонты, все новые шири. Вы правы, до глазниц человечности. Об этом нужно говорить только в стихах и музыке. Я только теперь понимаю, что искусство не ложь, что оно говорит о тех редких подъемах человеческой сущности, которые реальность, но которых нет в быту, в обычных человеческих буднях. Вы моя радость, Вы человеческий праздник, Вы верхний полет человека – это я хорошо знаю.

Я все ждал, что Вы позвоните по телефону. Трудно так без Вас, Вы знаете…

В понедельник надеюсь встретить Вас в 3 часа в парке, а если там не будет, то у Вас.

Ваш А.

«Ты научила меня плакать...» Т. 1, с. 190-203.

[1] Как видно далее, речь идет о реорганизации системы отрядов, в связи с какими-то изменениями в производстве коммуны и размещении коммунаров по спальням.

[2] Такой «большой совет», видимо, не был постоянно действующим органом; применялся лишь при необходимости.

[3] Бригада – это работающие на одном производственном участке. В ее составе 2 отряда, в 2 смены: один отряд работает, другой учится в школе.

[4] Конец данного письма отсутствует.

[5] Торжественное заседание в связи с 7 ноября, Днем Великой Октябрьской социалистической революции.

[6] Фрагмент стиха Ф.Тютчева: Мотылька полет незримый / слышен в сумраке ночном. / Час тоски невыразимой, / все во мне и я во всем!

Сумрак дивный, сумрак сонный, / лейся в глубь моей души, / дивный, томный, благовонный, / все залей и утиши!

Письмо А. М. Горькому, 22 ноября 1928 г.

Харьков

коммуна им. Дзержинского

22 ноября 1928 года

Дорогой, родной Алексей Максимович!

Спасибо, что вспомнили обо мне в Вашем письме к горьковцам. Я давно должен был написать Вам и должен был объяснить Вам причины моего ухода из колонии, но мне все казалось, что моя переписка с Вами внесет новую тревогу и новую нервность в жизнь горьковской колонии. Насколько я дорожил ее покоем и правильным развитием, Вы можете судить по тому, что я уехал из колонии, даже не простившись с ребятами и товарищами, уехал ранним утром, как будто в отпуск, и больше в колонии не был. Я тем более должен был так поступить, что в колонии тогда оставались на работе все мои друзья, с которыми я вел колонию 8 лет. Волновать ребят и проливать слезы мне представлялось вредным для самого дела. По этим же причинам я решил не писать Вам, решил, так сказать, исчезнуть с колонийских горизонтов.

Вся эта моя дипломатия оказалась напрасной: кроме меня, нашлось много охотников приложить руки к колонии. Прежде всего стравили персонал – большинство старых работников не могли выдержать постоянных обвинений в «макаренковщине» и ушли, кто куда мог. На место завкола долго искали педагога, не нашли и назначили неграмотного столяра, человека хорошего, но, разумеется, неспособного справиться с 400 характерами наших горьковцев. Он скоро сделался предметом насмешек со стороны ребят и, вероятно, должен будет скоро уйти. Колония пока что держится благодаря нечеловеческим усилиям Весича, может быть, помните, человека с рано поседевшей головой. Он был при мне заместителем заведующего и остался им и теперь. Много зла приносит в колонии Гойдарь[1], бывший заведующий одной из колоний в Полтаве, уволенный за побои и теперь старающийся восстановить свое реноме в должности заведующего педагогической частью колонии им. Горького.

Колония, благодаря его деятельности, принимает постепенно обычный вид наших детских домов: ленивый шкурнический персонал, кое-как отбывающий свои часы, склочный и вздорный, готовый из-за каждого пустяка утопить товарища, подсидеть, донести. Ленивый, скрытый, сонный ребячий состав, смотрящий на колонию как на временное пристанище, как на «казенный» котел, в котором можно пожить до того счастливого времени, когда можно будет устроиться на какой-нибудь работе, пить водку и носить клеш. Поэтому отношение к колонии у ребят сугубо утилитарное – уже сейчас дошло дело до кражи пассов в столярной мастерской и на электростанции.

Для того чтобы подкупить ребят, откровенно брошен лозунг: «Вас эксплуатировали, теперь вас будут учить». Но учить некому, да и какая учеба без рабочего настроения, без рабочего пафоса, без рабочих традиций[2]. Разрушение этих традиций – главное зло. Их нельзя сделать в неделю, при помощи безответственной болтовни, они создаются годами, в колонии им. Горького они складывались в течение восьми лет.

Для чего нужно было губить нашу колонию, трудно сказать. В самый день Вашего пребывания в колонии туда приехал предглавсоцвоса Арнаутов и поставил мне ультиматум: или перейти на обычную соцвосовскую систему, или уйти. На другой день после Вашего отъезда я сдал колонию, не мог же я серьезно поставить крест и над своей восьмилетней работой, и над самой колонией.

Но интереснее всего то, что вот уже четыре месяца, как я ушел из колонии, а система все-таки держится. Именно то, против чего особенно возражали – отряды и командиры, салюты и рапорта – осталось неприкосновенным. Для гибели колонии никаких серьезных причин вообще не было. Было обычное коллективное головотяпство, в котором и виновных не сыщешь. Отдельные лица, особенно старавшиеся в травле колонии, уже успели бросить свою полезную педагогическую деятельность и даже уехали из Харькова, остальные продолжают жевать свою жвачку за письменными столами и сонно посматривать на гибель колонии – что им такое колония им. Горького, одной колонией меньше, одной больше.

Моя личная трагедия, конечно, меньше всего может занимать даже меня самого – мало ли у кого глупые руки отнимали дело целой жизни. Жаль колонии.

Сейчас я занят книгой, которую почти закончил. В ней я описываю историю работы и гибель колонии и стараюсь изложить свою воспитательную систему. Книга получается большая и кажется интересною, но я боюсь, что ее предварительно отправят на заключение Наркомпроса и там съедят. Называю я ее «Педагогическая поэма».

Я очень надеюсь, что Вы разрешите посвятить ее Вам[3]. Это дело не только моего преклонения перед Вами, как перед великим художником, но и дань чисто деловой благодарности, – в Ваших книгах я нашел для себя педагогические откровения. Не может быть воспитания, если не сделана центральная установка о ценности человека[4].

Я буду Вам без конца признателен, если пришлете две-три строчки. Для меня они принесут запасы сил надолго.

Работаю я сейчас в коммуне им. Дзержинского. Здесь 80% горьковцев[5] и горьковская педагогика. Мы все-таки не умерли.

Мне хочется надеяться, что наша правда восторжествует и мне удастся где-нибудь возродить колонию Вашего имени.

Будьте здоровы, дорогой Алексей Максимович.

Спасибо Вам за любовь и внимание к нашей колонии и за те начала силы, которые мы в своей работе находили благодаря Вам.

Искренне преданный Вам *А. Макаренко*

Харьков.

Почтовый ящик № 309

А.С.Макаренко. Пед. соч.: В 8 т. Т. 1, с. 247-249. В ответ на это письмо А.М.Горький 6 декабря сообщил А.С.Макаренко: «Пишу в Москву, настаивая на необходимости Вашего возвращения в Куряж. В январе будет напечатана моя статья о «беспризорных» в колонии, созданной Вашей энергией. Разрушать такие дела – преступление против государства...» (т. 1, с. 249).

5 декабря он пишет письмо М.М.Погребинскому, шлет его вместе с письмом П.П.Крючкову (многолетнему личному секретарю А. М. Горького) с просьбой «лично поговорить с П.» 12 декабря в письме С. В. Урицкому (отв. секр. ж. «Наши достижения») говорит: «Куряжская колония имени Горького разрушена после 8 лет отличного бытия... Заведующего колонией убрал Украинский Соцвос...». 29 декабря М.М.Погребинский пишет А.М. Горькому: «Ваше письмо я получил и передал свои соображения Петру Петровичу. Я уже Вам сообщал, что Макаренко работает в коммуне Дзержинского... Я бессилен что-либо сделать...» (Дается по изданию: Опускула макаренкиана – Макаренковские работы, № 11 / Под ред. Г. Хиллига, при участии С.С.Невской. – Марбург, 1990, с. 164).

А.М.Горький говорил в письме А.С.Макаренко 6 декабря: «...У меня было обещание т. Б. (вероятно, В.А.Балицкого – А. Ф.) в Харькове «не мешать» Вам в работе Вашей. В Москве я тоже говорил о том, чтобы Вас не трогали, и тоже был успокоен обещанием не делать этого. И – все-таки!» (т. 1, с. 249).

[1] Правильно – Гайдар. Документально подтверждается, что он, будучи зав. Писаревщинской детколонией (Полтавской губ.), весной 1928 г. был судим. Он и агроном колонии «избивали воспитанников, издевались над ними при всякой пустяковой провинности, запирали детей на ночь в кладовку, занимались денежными поборами»; должность зав. педчастью колонии им. М. Горького занимал до мая 1930 г. (Опускула макаренкиана, № 11, с. 162).

[2] Подчеркивается первостепенное значение производственно-хозяйственных отношений, «рабочего пафоса» - в сравнении с отношением к учебе.

[3] В письме 6 декабря А.М.Горький поблагодарил А.С.Макаренко за посвящение ему «Педагогической поэмы» и сказал: «Где Вы

думаете издать ее? Советую – в Москве. Пошлите рукопись П.П.Крючкову, по адресу: Москва, Госиздат. Он Вам устроит печатанье быстро и хорошо» (т. 1, с. 249-250).

В сер. декабря А. М. Горький обратился к П.П.Крючкову: «Макаренко, как видно из его письма, пишет книгу… Я сообщил ему, чтобы он послал рукопись Вам. Книгу нужно издать хорошо и дешево. Половину расходов по изданию – или все? – я бы взял на себя. Нужно дать снимки. И хороший гонорар автору. Так?» (Опускула макаренкиана, № 11, с. 165). А. С. Макаренко этим предложением, видимо, не воспользовался, будучи еще не уверенным в содержании и жанре книги.

Г. Хиллиг отмечает параллель: С.Т.Шацкий в предисловии к книге «История одной школьной общины» (М., 1927) оценил ее так: это «поэтическое произведение – своего рода педагогическая поэма» (там же, № 11, с. 163).

[4] **Макаренковское представление о «ценности человека» (человека вообще и каждого человека), о его высоком предназначении и неисчерпаемых возможностях развития нашло отражение в основополагающем этико-педагогическом принципе: «Как можно больше уважения к человеку, как можно больше требования к нему» (т.4, с.210; см. также с.150).**

[5] **В коммуну дзержинцев «перебежали» многие колонисты-горьковцы; прокуратура Харьковского округа привлекала А.С.Макаренко к ответственности «за развал колонии им. М.Горького». «И только письмо А.М.Горького защитило меня от уголовной ответственности» (т. 4, с. 272).**

В Правление коммуны им. Ф. Э. Дзержинского, 25 ноября 1928 г.

Ноябрь 25 дня 1928 г. № 715

Опыт производственной работы коммуны в течение 11 месяцев показал, что при одном лице в составе бухгалтерии точный учет производства невозможен. Производственная работа коммуны, связанная с одновременным участием и взрослых, и детей, а также и с работой мастерских для самой коммуны настолько сложна, что бухгалтерский учет требует только для одних мастерских не меньше двух человек. Между тем нашей бухгалтерии приходится отдавать значительную часть времени для учёта сметных расходов и расходов материалов и продуктов по детскому общежитию.

Бывшая недавно в коммуне ревизия производственной отчетности выяснила необходимость приглашения второго лица в учетную часть. С этим согласна и учетная часть ГПУ.

Вследствие вышеизложенного прошу разрешения Правления на приглашение счетовода с жалованьем в 60 рублей в месяц за счёт доходов мастерских.

Завкоммуной *А. Макаренко*

РГАЛИ, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 295. Штамп: Детская трудовая коммуна им. Ф. Э. Дзержинского г. Харьков.

Дополнения. **С мая до октября 1928 г. коммуну посетили делегации: шахтеров Брянских и Первомайских рудников, ленинградских пионеров, французская (Конгресса Коминтерна), эстонских рабочих.**

1 января 1929 г.: «Комсомольская ячейка достигла 32 человек. Она уже развернула школу в подшефном хуторе Шишковка и начала руководить работой внутри коммуны. Секретарем избран коммунар Менде» (Втор. рожд., с. 18).

Длительность педагогического коллектива, самодеятельность и ответственность в едином хозяйственно-трудовом коллективе педагогов и воспитанников

Не странно ли это, что нигде – ни в педагогической литературе, ни в наших руководящих циркулярах, ни на съездах, ни на конференциях, – никто и никогда не поднял вопроса о длительности педагогического коллектива.

И в то же время на каждом шагу несчастный организатор детского дома, все тот же великомученик заведующий и все тот же замотавшийся и потерявший давно не только педагогическую, но и обыкновенную человеческую голову инспектор ни от чего так не страдают, как от малой длительности педагогического коллектива.

Вопрос о длительности педагогического коллектива – это, конечно, не только вопрос о временно́м измерении работы педагогов. Это именно вопрос о коллективе. Невозможно даже говорить о коллективе, если не предполагать хотя бы минимальной длительности его работы. Нельзя говорить о коллективе, если с самого начала не допустить, что вот люди для чего-то собрались, для чего-то объединились, больше того – они проводят работу коллективного воспитания.

Но допустите это... пусть даже не в смысле педагогического соображения, а в простом смысле соображающего человека, то как вы можете рассчитывать на какой-нибудь, даже минимальный, толк от работы педагогов, если каждый из них в этом несчастном детском доме только и думает о том, чтобы поскорее удрать куда-нибудь в

город, школу, в кооперацию, в вуз, выйти замуж. Если все эти люди только пересиживают лихую годину, чтобы при первой возможности попробовать свои силы на каком-нибудь новом поприще. Постоянные склоки в персонале, плохая оплата труда, тяжелое моральное состояние детского общества, постоянные оскорбления и издевательства со стороны воспитанников, а также и отсутствие спайки между товарищами – все это вполне законным образом влечет каждого работника при первом же удобном случае покинуть колонию или детский дом и искать более человеческой рабочей обстановки.

Длительность педагогического коллектива должна сделаться одной из главнейших забот наших администраторов и организаторов социального воспитания. Нужно, чтобы эти лица, наконец, поняли, что как раз в этом пункте и решается половина всех вопросов советской педагогики, а вовсе не в разглагольствованиях «о сублимации половой энергии»[1]. Если нет длительного, крепко сбитого коллектива педагогов, то в детском учреждении не только половая энергия не сублимируется, но, «наоборот», всякая иная энергия переходит в половую, да и среди самих воспитателей с этой стороны получается довольно-таки неблагополучно.

Нужно приступить к серьезному изучению этого вопроса и к его регулированию.

Длительность педагогического коллектива может быть легко измерена и в абсолютном, и в относительном значении по сравнению с длительностью детского коллектива.

К примеру возьмем колонию им. М. Горького.

К последним числам августа 1928 г. здесь был такой педагогический персонал:

Воспитателей с 8-летним стажем работы в колонии … 3

» со стажем 7 лет 2

» » » 5 » 1

» » » 4 года 1

» » » 3 » ……..... 1

» » » 2 » 6

» » » 1 год 3

без стажа 2

Всего 19

Нетрудно высчитать, что средний стаж (по колонии) одного воспитателя – 41 месяц. Коллектив воспитанников в то же время давал такую картину:

Стаж 6 лет ...……. 2

» 5 » ……... 3

» 4 года 8

» 3 » …..…… 39

» 2 » ……... 97

» 1 год ……. 171

без стажа ……..... 80

Всего …….. 400

Средний стаж одного воспитанника – 16,23 месяца. Таким образом, отношение между средним стажем одного педагога и средним стажем воспитанника – 2,53.

В августе в колонии оставил [работу] почти весь старый персонал. В настоящее время картина воспитательского стажа воспитателей такова:

С 5-летним стажем …… 1

» 3 » » …… 1

» 2 » » …… 4

» 1-годичным » …… 3

без стажа 11

Средний стаж …….... 12 месяцев

Если принять, что стажное положение детского коллектива осталось прежнее, то среднее отношение между длительностью педагогического коллектива и детского коллектива теперь равно 0,73.

Состояние коммуны им. Дзержинского на 1 января 1929 г. таково:

Воспитателей со стажем 12 месяцев ……..... 6

» » » 6 » …..…… 1

» » » 3 » ……..... 3

Всего …… 10

Средний стаж – 8,7 месяца.

Состояние стажа коммунаров-дзержинцев:

Стаж 12 месяцев – 72

» 9 » – 18

» 6 » – 28

» 3 » – 12

Без стажа – 20

Всего …….150

Средний стаж – 8 месяцев.

Отношение длительности коллективов в коммуне дзержинцев 1,1.

При таком способе подсчета длительности коллектива нас, собственно говоря, должны интересовать относительные цифры, в приведенных примерах для колонии им. Горького цифры 2,53 и 0,73, а для коммуны им. Дзержинского 1,1. Такие числа, показывающие отношение длительности педагогического и детского коллективов, я предлагаю назвать коэффициентом педагогического коллектива [2].

Вероятно, не будет большой ошибкой, если мы признаем, что длительность педагогического коллектива, меньшая по сравнению с коллективом детским, т. е. коэффициент меньше единицы, должна рассматриваться как отрицательная величина.

Действительно, весь коллектив педагогов какой-нибудь колонии, хотя бы и той же, горьковской, в настоящее время даже при небольшом стаже работы по колонии может, допустим, состоять из работников очень ценных, может даже быть крепко спаян, что вполне возможно и при молодом коллективе, если он подобран по системе местного выбора, если он даже воодушевлен для большой работы. Но и при всех этих данных такой коллектив не способен будет преодолеть немедленно многих препятствий, которые возникнут как последствие самого факта его малой длительности[3].

Прежде всего, средняя длительность детского коллектива будет больше длительности коллектива педагогического. Новый коллектив педагогов, попадая в уже сложившееся общество воспитанников, встретит в нем множество привычек, воспоминаний о прежних работниках, традиций, наконец, вполне заслуженное самочувствие «стариков», свободное внимание к новеньким воспитателям. При малейшей оплошности вся эта обстановка обязательно должна привести к конфликтам, разрешение которых требует иногда прямо-таки змеиной мудрости и такта.

Именно поэтому так мало случаев, когда запущенное, совершенно расстроенное детское учреждение поправляется от назначения нового персонала. Ему нужно состоять из слишком способных и тактичных людей, чтобы что-нибудь сделать.

Поэтому длительность педагогического коллектива должна быть всегда предметом особенного внимания организатора. Для тех, кому цифровые отношения не представляются убедительными, можно привести множество иных доводов против той скоротечности педагогических коллективов, которая наблюдается вообще в наших детских учреждениях. Я предпочитаю всяким словесным доводам и утверждениям вышеприведенную систему коэффициентов, поскольку в этой системе для меня наиболее убедительными являются коллективные единицы измерения. Но если нужны словесные изображения, то вот они.

1. В жизни трудовой колонии огромное значение имеет хозяйственно-организационная опытность воспитателя, знакомство с хозяйственным окружением и

хозяйственными условиями данной колонии. При отсутствии у нас какой бы то ни было хозяйственной подготовки воспитателей в детских воспитательных учреждениях, при излишней привычке воспитателей к болтовне эта хозяйственная и организационная опытность, поскольку она слагается в процессе работы в колонии, и притом в процессе работы целого коллектива, имеет огромное значение, которое я бы не променял ни на какие словесные проповеди и фокусы. Колония есть производственная коммуна, обязанная богатеть, и хозяйственно-правильная работа воспитателя есть 50% успеха.

2. Только воспитатель, осевший на месте, переживающий свою связь с колонией как нечто серьезное и длительное, как эпоху в своей собственной жизни, а не только как эпизод, только такой воспитатель способен что-нибудь сделать. Те же гастролеры, которые пересиживают в детском учреждении тяжелые времена (до окончания вуза, или до выхода замуж, или приискания лучшего места), все они приносят только вред. Тогда колония – вокзал, где толпа переселенцев, где все куда-то едут и даже вещей не распаковывают. Кто не видел этих людей, обставленных потертыми чемоданами, свертками в газетной бумаге и не имеющих собственной подушки из принципа. Их энергия тратится на чтение романов, писание длинных писем, беганье в город к знакомым и на разглагольствование. В квартирах у них «парижский жанр» и мухи.

Хороший воспитатель должен обязательно быть оседлым человеком. Только в этом случае он будет иметь некоторую тяжесть, которая надолго «пригвоздит» его к колонийской территории. Он крепко усядется в своей квартире, повесит занавески, откуда-то притащит хорошую лампу и выйдет к ребятам сияющий и довольный, что он так хорошо и основательно устроился. Он уже не может не чувствовать, что он часть колонии. Каждое разбитое в колонии стекло, каждое маленькое происшествие есть происшествие и в его жизни. Тут уж из него веревки вей, выражаясь тривиально.

Гораздо хуже, если он на другой день после приезда, не познакомившись даже как следует с ребятами, спешит в село производить какую-то общественную работу (которая ему нужна для какого-то стажа), через день он не присутствует на вечернем дежурстве, потому что присутствует на каком-то собрании; окончив дежурство, летит (немедленно, без обеда) по каким-то делам в город, а на новое дежурство прибегает усталый и с опозданием на десять минут и сразу же начинает врать, что у него часы расходятся с колонийскими. На заседаниях педсовета его никогда нет, отдельных поручений он просто не исполняет, а через три месяца просит на три дня отпуск (он даже согласен без сохранения содержания) и... не возвращается. В непродолжительном времени иногда можно узнать, что он уже инспектор соцвоса.

3. Только длительно сохраняющийся коллектив создает множество крепких и часто оригинальных связей со старшими колонистами, создает тот единый коллектив,

который так нужен. Не наблюдавши лично, трудно себе представить те полные прелести отношения, которые создаются между воспитателями и воспитанниками с одинаковым трех-четырехлетним стажем. Эти отношения не могут быть замечены никаким ревизором или инспектором, потому что они лишены кричащих форм, подчеркнутых выражений. Эти отношения спокойны, уверены в себе. Пережитый вместе опыт, нужда и напряжение, радости и улыбка – все это роднит людей, так же как и работа. Если такие друзья иногда и поссорятся, то и в ссоре остается уважение друг к другу. Помирить их очень нетрудно.

– Как вам не стыдно, старые колонисты.

Но говоря о длительности коллектива, необходимо отметить и отрицательные явления как последствия чрезмерной длительности.

Конечно, это прежде всего персональное одряхление отдельных работников. Все живое отживает, и какой-нибудь воспитатель с 20-летним стажем по колонии далеко не будет украшать собой коллектив, хотя и отразится самым благоприятным образом на коэффициенте его длительности.

Но в более солидных количествах излишняя длительность коллектива должна отразиться вредно на его качестве.

Прежде всего в сердце отдельного работника излишняя продолжительность работы в одном и том же детском учреждении создает привычку, чрезмерную механизацию работы, наконец, просто усталость. Это можно назвать омертвением живых педагогических тканей. Ниже я буду говорить о механизации педагогического дела как о явлении положительном и полезном, но эта механизация все же должна предполагать присутствие воспитателя как живого деятеля.

Омертвение живых педагогических тканей есть прямое и естественное следствие узкой специализации, складывающейся привычки к ограниченному кругу впечатлений, к точно обозначенным путям реакций.

Трудно определить грань между полезными и вредными явлениями как следствиями механизации, но все же необходимо установить наличие вредных педагогических ферментов, проистекающих из явления длительности коллектива. Это вовсе, конечно, не значит, что каждый работник с большим стажем обязательно приносит с собой вредное действие указанных ферментов. Положительные качества опытного работника будут полезны в колонии, но целый коллектив необходимо должен иметь в своем составе и молодые, пусть даже и совершенно неопытные, силы. Так и в материальном производстве было бы совершенно невыгодным иметь весь состав рабочих только высшей квалификации. В общем процессе производства значительное количество функций требует как раз малоквалифицированной рабочей силы. Так и в педагогическом

коллективе излишнее обилие слишком опытных педагогов будет просто производственно невыгодно.

Правда, у нас еще не установлено разницы в зарплате между опытным и неопытным работником и со стороны финансовой мы как будто не вынуждаемся к такому экономному расходованию квалифицированной рабочей силы, но ведь и в материальном производстве в определении характера рабочего коллектива имеет значение не только финансовая логика: просто высококвалифицированный рабочий на черной работе даст меньше эффекта, чем чернорабочий. В педагогическом же коллективе есть еще и специфические условия, вытекающие из самого характера воспитательного процесса.

Дело в том, что нельзя наших воспитанников подавлять слишком большой опытностью педагогов. Где-то должен быть выход для их стремления руководить, командовать, показывать, решать. Пожалуй, это та самая самодеятельность, о которой давно уже наговорено много хороших слов.

Прекрасная эрудиция педагогов, их умение найти решение, найти и обозначить условия, ничего не пропустить и нигде не переборщить – все эти весьма нужные способности педагогов, если они проявляются в избыточном количестве, создают солидные пределы самодеятельности воспитанников.

Вот иллюстрация.

Дежурный обход. Дежурство в руках старого воспитателя.

Пекарня.

– Почему у вас хлеб запаздывает?

– Дрожжи поздно купили.

– Я не понимаю, для чего вы покупаете дрожжи. Вы каждый день выпекаете по 20 пудов хлеба, вы должны иметь свои дрожжи.

– Да мы давно говорили, но завхоз никак не хочет купить хмелю.

– Как вам не стыдно врать. У нас целый огород хмелю. Слушай, Петро, сейчас же пойди и нарви. Я вам расскажу, что нужно делать.

Приводится в движение вся организация пекарни (15-й отряд), в это движение совершенно механически втягивается и завхоз (воспитанник), кладовщики, агрономы, помагрономов, огородники [воспитанники], многие персонажи колонии, кто переругиваясь, кто весело, кто безразлично, направляют свои действия к единой цели, к созданию постоянного запаса дрожжей.

Когда уже дело приближается к желанной цели, в 15-м отряде начинают сомневаться:

– Это вы придумали, Елизавета Федоровна[4], а оно будет плохо. Дрожжи эти такие будут, что хлебу два дня подходить придется.

Дежурство начинает «входить в запарку».

– Что вы мне рассказываете? Что, я сама не делала этих дрожжей? Вы просто разленились здесь, в пекарне, подумать ни о чем не хотите.

Через некоторое время имеется запас дрожжей. Царит мирное удовлетворение. Командир 15-го добродушно беседует с Елизаветой Федоровной, которая уже не дежурит и вследствие этого может с ним разговаривать «без запарки».

– Хорошо, что вы нас нагнали. Я давно уже думал, что надо сделать дрожжи, а то без дрожжей просто пропадали, каждый день не навозишься: то забыли, то дорога плохая, то денег нет.

Елизавета Федоровна улыбается. Все пришло в равновесие. Есть дрожжи, но самодеятельности, увы, было мало.

Педагогическая наука ничем так не была заинтригована, как секретом самодеятельности. Передовые педагоги столько говорили об этой самодеятельности, она уже всем так приелась, что даже отсталые педагоги в нее уверовали.

На практике эту самодеятельность проводить было прямо геройским подвигом. Педагогическая опытность выпирала из педагога без всякого его намерения, и остановить ее было очень трудно.

Все же многие ухитрялись это делать, правда, при помощи некоторой эквилибристики[5].

Педагог вдруг прикидывается дураком: ничего он не умеет и ничего не знает. Воспитанники тоже воробьи стреляные и охотно идут навстречу педагогической премудрости.

Прикинулся педагог ничего не знающим, и сладко у него на душе. Его наполняет блаженством сознание, что он сейчас будет вызывать самодеятельность. Он не просто делает, как человек, ничего не понимающий в педагогике. У него в руках метод, подумайте, метод, слово какое замечательное. Он хитро улыбается и подмигивает в сторону притаившихся ребят.

Ребята самым самодеятельным образом стараются доставить удовольствие этому чудаку: как ни умело педагог орудует своей физиономией, все же они видят, где притаилось настороженное беспокойство: а вдруг ничего не получится из фокуса.

– Иван Иванович, так нет же дрожжей, Михаил Павлович не купил в городе.

– Ну что ж, нет дрожжей, – значит, колония будет сидеть без хлеба, – с деланным равнодушием говорит педагог, а у самого сердце замирает от радости: вот сейчас начнется самодеятельность.

Хлопцы, угнетенные перспективой сидеть без хлеба, все же решают, что спешить с самодеятельностью нечего:

– А разве нельзя так покупать дрожжи, чтобы они всегда были? Что Михаил Павлович забыл купить, так кто же виноват?

Педагог видит, что наступил момент. Он ходит ферзем.

– А разве нельзя как-нибудь иначе придумать?

Сдаются хлопцы.

– Да, конечно же, можно. Можно самим приготовить. Взять хмель, и все. У нас его сколько угодно растет.

Педагог ничего не слышит. Он высоко, высоко плавает в блаженстве. Таинство самодеятельности свершилось. Наконец он бросает снисходительный взгляд на землю.

– Ну, вот видите? Значит, вы уже сами знаете...

– Хорошо, хорошо, мы уже и сами знаем...

Сидит вечером дома педагог и сладко вспоминает за чаем, как это все хорошо вышло с самодеятельностью. Он пьет чай и не может видеть и слышать того, что делается в этот момент за тридевять земель в тридесятом царстве, на каком-нибудь случайном пункте, на меже между бураком и футбольной площадкой.

Михаил Павлович, заведующий хозяйством, смотрит прямо в глаза командиру 15-го.

– Я тебя, черт бы тебя побрал, как протяну на собрании, так ты у меня захлопаешь глазами по-другому. Сидят, дряни, только и ждут, когда им все из города привезешь. Пальцем шевельнуть лень, лодыри проклятые. Ничего я из города возить не буду. Иди мне сейчас за хмелем, а то, ей богу, на собрании...

Разумеется, этот случай не самый характерный. Здесь энергичное и, как видим, не вполне педагогически выдержанное вмешательство Михаила Павловича здорово помогло успеху хитроумного педагога. Обычно бывает иначе: хмелю, пожалуй, и нарвут, но дрожжей все равно не будет, хотя удовлетворение педагога от этого вовсе не уменьшится: для педагогов дрожжи – что, дрожжи пустяк, главное метод. В большинстве случаев, когда обилие опытных педагогов сопровождается проектированием самодеятельности, реакции бывают такого рода.

Притихшая педагогическая опытность не только не стимулирует желания действовать у воспитанников, но, напротив, задерживает подобные желания. Действовать под критическим взглядом опытного человека не так просто: кто его знает, как оно там нужно делать. Методические ухищрения для развития самодеятельности не могут к ней привести как раз потому, что они – ухищрения, потому, что действительное отношение сил таково, что наиболее уместно действовать и распоряжаться педагогу как более опытному и знающему. Действительное положение вещей не вызывает необходимости действия неопытного воспитанника, собственно говоря, не имеющего никаких оснований

для действия. Присутствие явного авторитета приводит воспитанника к такому состоянию, когда он может действовать только как ученик, только по указке, как бы вы ни прикрывали эту указку хитроумными педагогическими приемами.

Кроме того, и это очень важно, гораздо важнее всего остального, есть еще вопрос об ответственности.

Ваша методическая стойка перед объектом-воспитанником хороша и фасонна, но вы забыли снять с себя шлем ответственности, вы не надели его на воспитанника, да в его глазах и не имели права надеть. Ведь всем известно, все это чувствуют, что вы обязательно все меры примете, чтобы уладить вопрос с дрожжами, с опаздыванием выпечки хлеба.

В наших соцвосовских условиях чувство ответственности служебной, деловой, юридической является пока что главным побудителем труда и инициативы. Чисто нравственный или научный интерес у нас страшно редок, а чувство долга или рабочей чести, как это установлено Харьковским научно-педагогическим институтом, является пережитком капиталистического общества[6]. Это, так сказать, атавизм.

Поэтому у нас естественно: если на человеке не лежит реальная ответственность, никакая сила не подвинет его на почин и на работу. Ну, а что можно говорить о ребятах, биографии которых почти не содержат в себе трудовые моменты. Самодеятельность в таком случае становится действительно делом змеиной хитрости.

Молодые, неопытные воспитатели имеют много хороших сторон, но между ними главная: они составляют естественный здоровый фон для развития не деланной, не показной, а настоящей самодеятельности.

Когда такой молодой воспитатель вступает на дежурство, его беспомощность бросается в глаза прежде всего. Ему так трудно разобраться в сложных и трудных условиях хозяйства и работы, что он жадно хватается за каждую соломинку в надежде не утонуть в одном из многочисленных морей, по которым ему приходится плавать: хозяйственном, организационном, педагогическом, рабочем. Если он человек не глупый и не вздумает корчить из себя начальство, он просто и весело отдастся уже существующей, уже окружающей его стихии хозяйственного опыта, который накопился в коллективе. В таком случае никто и никогда не обвинит его в упущении, если это не будет явная халатность.

И вот:

– Как же это? Хлеб, значит, не будет готов к обеду? – спрашивает дежурная.

– Да мы не виноваты, Елена Григорьевна. Это Михаил Павлович забыл купить дрожжей.

Елена Григорьевна смущенно молчит, потому что не знает толком, не виновата ли и она во всей этой трагедии.

Она молча уходит из пекарни. Ясно, что обед запоздает, виновата она или не виновата.

Где-нибудь в уголке канцелярии, в которой обычно собирается в свободную минутку верхнее колонийское общество, или в клубе вдруг открывается: обед запаздывает на целый час. Кому же в голову придет предъявить иск к молодой дежурной или по крайней мере понадеяться, что она примет меры против дрожжевого кризиса? Вся колония уже чувствует с утра, что колесо в колонийской жизни катится как-то неуверенно. Кое-кто обязательно попытается этим воспользоваться (и не всегда одни воспитанники), но старым колонистам яснее ясного, что ответственность ложится на них, никто с молодого работника не спросит.

В том же углу [канцелярии] уже резкий вопрос:

– А почему у вас хлеб не готов? Дрожжей не купили? А ты сам не можешь в деревню сбегать?

– Да они только носы там задирают, на пекарне. На деревню он пойдет? Ему что? Нет и нет. Не его дело.

– А ты на деревне покупал часто дрожжи?

– Покупал. А если и не на деревне, так что? Сами не можете сделать? Большая хитрость, каждая баба знает.

– Да как же их делать?

– Не знаете? Языка нет?

– А ты у своей знакомой барышни спроси. Будет о чем поговорить при встрече...

Расходятся, ничего не решивши.

Обед запаздывает. Дежурная уже мечется с проклятым вопросом, давать ли сигнал на обед или задержать работу. Ну, а как тогда будет со второй сменой школы? В дежурстве и другие промахи, но чувствуется в воздухе, что где-то совершаются частые удары пульса самодеятельности, что много вопросов уже разрешено, что на местах, в отрядах, пекарнях, конюшнях уже мобилизована хозяйская энергия коллектива. В общем шуме колонийской машины к вечеру прорвется маленький гром.

Вечернее собрание. Рапорты командиров.

– Почему не взяли вовремя сапки?

– Огородника не было, некому было выдать.

– Огородник!

– Меня позвала дежурная.

В зале возмущение:

– Ты еще на кого другого сверни. Три года живешь в колонии, а дураком прикидываешься.

– Бедный.

– Выдай сапки и иди, куда тебя звали.

В пекарне 15-й отряд на общее собрание послал помкомандира, чтобы он отдувался за опоздание с обедом, а сами спешат наверстать беду: готовят дрожжи, а для совета и экспертизы вызвали Елизавету Федоровну: весело, шумно, радостно.

Помкомандир 15-й на собрании кое-как отбивается.

– Ну так что ж! Сейчас наши делают!

– А командир где?

– Да там же, с дрожжами с этими.

Дежурная, уставшая за длинный день, смотрит в веселое лицо помкомандира 15-го, и ей уже не так страшно в этой колонии.

Окончился день.

Руль попал в слабые руки. Его деликатно и по-мальчишески весело поправят колонисты-хозяева. У них озабоченный вид, но эта озабоченность только маска, прикрывающая хорошую человеческую мину. Логика хозяйства требует, чтобы руль был поставлен правильно, и они чувствуют в себе силы его поправить. Чувствуют это и старики, видят и новенькие, и они проникаются уважением к этим горьковцам, которые так охотно принимают на себя ответственность за такое серьезное дело: дрожжи.

Изо дня в день совершается эта узурпация власти и распорядительства. Елена Григорьевна когда-то станет опытной воспитательницей, но те, кто ее учил в первые дежурства, всегда будут улыбаться ей, как опытные морские волки.

Чередование дежурств старых и молодых воспитателей – это лучшая симфония музыки жизни детской трудовой колонии.

Дежурство первых – это четкий и строгий режим серьезной машины. Уверенный в себе, спокойный, дружелюбный, но деловой тон. Две-три нотки придирчивости. Маленькая кому-то выволочка. Короткий деловой спор. Машина бежит по своим рельсам: все смазано, привинчено. Все спокойно, у руля хороший штурман. Он встал в 6.55, а в 7 дал сигнал: «Вставай!» В 7 часов зашумели спальни. Ясно, что вставать надо. Вечером короткий рапорт: по дежурству все благополучно.

Дежурство молодых – это значит, что дежурный встал в 3 часа утра. Еще вчера с вечера было достигнуто соглашение с различными лицами и учреждениями, кто обещает кого будить, кто обещает справиться и без дежурного, кто сам в 5 часов куда-то сбегает. Дежурная все же волнуется. Она везде натыкается на иронические веселые физиономии,

не обещающие, как будто, ничего хорошего. Эти ребята, веселые и вредные, хохочут и успокаивают:

– Да вы не беспокойтесь, будет сделано.

– Ну как тут не беспокоиться? Ах, господи (покраснела, какое там господи), уже без трех минут, где эти трубачи?

Бегом к клубу. Но оттуда в растерзанную дверь клуба уже вылетают звуки сигнала.

В спальнях веселее обыкновенного и строже.

– Ты долго будешь вылеживаться? Что, тебе отдельный сигнал?

Дежурная осторожно заглядывает.

– Идите, идите, и без вас обойдемся!

Нужно пройти на кухню. Но в воротах навстречу громыхает подвода.

– Елена Григорьевна, так мы едем.

– Куда?

– А за доктором? Оставьте же завтрак.

Немножко похолодело внутри. Чуть-чуть все не провалилось. Действительно, вчера говорилось о докторе. А что?

Задрал голову пацан, старается сделать честное лицо.

– Надо голубям корму выписать.

– Голубям? Как же это?

Но уже меняется честное лицо пацана. Рядом с дежурным Костя, старый горьковец и комсомолец, гроза пацанов с честными, но неверными лицами.

– Ты чего здесь брешешь? Какого тебе корму? Вылетай отсюда пока цел! Ну и хитрый же народ! Так и пользуются случаем. У них целые склады. Ты выпиши в дежурство Елизаветы Федоровны.

– Да! Выпиши...

Пацан позорно отступает. Ничего. Третьего дня в дежурство Алексея Григорьевича он получил 10 фунтов. И никто не знал.

Застрекотал молодой неопытный день. Вечером на общем собрании не оберешься разговоров, но днем много смеха, быстрого движения, веселой команды.

На одних таких дежурствах далеко не уедешь, но, серьезно, без них нельзя.

Молодому воспитателю трудно приобрести нужный авторитет, это делается страшно медленно и постепенно, но в молодости много своей прелести, которая очень нужна в детском учреждении, гораздо нужнее, чем авторитет воспитателей[7].

Но как бы ни прекрасна была молодость, все же это не мешает мне утверждать, что без длительного коллектива мы никогда никакого соцвоса не построим. Я считаю, что если коэффициент педагогического коллектива меньше единицы, то дело уже плохо, если

же он меньше 0,5, то дело совсем скверно. Нормальное отношение должно выражаться в пределах от 1 до 2, но с тем, чтобы в составе коллектива были воспитатели и с очень солидным стажем по колонии, и совершенно молодые.

Выражаемая в этих цифрах нормальная длительность коллектива настолько огромное благо, что оно одно должно обеспечить половину полезной работы[8].

А.С.Макаренко. Пед. соч.: В 8 т. Т. 1, с. 102-111. Заголовок, данный при 1-й публикации этого материала, дополнен, более точно отражая его содержание. По содержанию датируется: после января 1929 г.

Возможно, это фрагмент будущей 1-й части «Педагогической поэмы», одна из ее «теоретических глав» (см.: глава «На педагогических ухабах» – т. 3, с. 453-457, тот же стиль). То, что в начале текста значится: I – позволяет также считать, что это может быть часть большой научно-методической разработки, задуманной «книги по педагогике».

А.С.Макаренко здесь ставит и объясняет ряд новых педагогических проблем.

Среди них фундаментальная: объективные основы воспитательного процесса, сочетание в нем объективного (материально–производственного, бытового) и субъективного (человеческого, роли воспитателя) факторов. В центре внимания оказывается «хозяйственная опытность» и энергия единого трудового коллектива педагогов и воспитанников, взаимодействие в нем поколений старших и младших – не только в педагогическом, но и детском коллективе.

А.С.Макаренко показывает, что существуют объективные закономерности педагогической деятельности, они могут быть обозначены математически. Педагогика может приближаться к естественно-научному знанию, способному давать практике точно действующие установки. Возможны «коллективные единицы измерения».

Здесь он продолжает разрабатывать проблему «механизации» педагогической работы, ее технологизации – в сочетании с действием воспитателя как «живого деятеля» (ранее см.: А. С. Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания... Часть 1, с. 168; 146-

147 – влияние «мертвое», «влияние организационных форм»; с. 159 – «система воспитывающих влияний», «механическое влияние» и «влияние живых деятелей». Далее см.: кон. 1932 – нач. 1933 гг. – т. 1, с. 192 – «чистое и практическое влияние», другие типы влияний).

Проблема роли и деятельности воспитателя решительно выводится за рамки «уединенного деятеля», ограничивающего свою деятельность персональными взаимоотношениями в системе «учитель-ученик» (субъектно-субъектными отношениями, «пáрной педагогикой»). Воспитатель – «живой деятель, цель которого служить регулятором внешних по отношению к нему и к воспитаннику хозяйственных и бытовых явлений» (А.С.Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания... Часть 1, с. 168; см. также макаренковскую критику взглядов Н. Н. Иорданского на работу воспитателя – там же, с. 304-308).

Выводы А.С.Макаренко: длительность единого коллектива педагогического учреждения позволяет решать «половину всех вопросов советской педагогики» (коэффициент меньше единицы «должен рассматриваться как отрицательная величина»); «хозяйственно-правильная работа воспитателя» в «производственной коммуне» – это «50 % успеха».

О «разумно составленном» педагогическом коллективе, с учетом его длительности, возраста педагогов, их опытности, способностей, темперамента и т. д. – см. т. 4, с. 174-176.

[1] А.С.Макаренко выступает против спекулятивного отношения к идее З.Фрейда о детской сексуальности, ее определяющей роли в структуре личности, ее поведении и развитии.

[2] Точнее: это коэффициент длительности не педагогического коллектива (коллектива педагогов), а «воспитательного коллектива», единого трудового коллектива педагогического учреждения, его сотрудников и воспитанников вместе. К понятию «воспитательный коллектив А.С.Макаренко подходит позднее.

О применении им в педагогике математических методов («соцминута», среднее отклонение) см.: А.С.Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания... Часть 1, с. 148-150, 152-153.

[3] Отмечается педагогическое действие объективного фактора, он вступает в противоречие с действием людей, воспитателей.

[4] Е.Ф. Григорович (Архангельская, род. 1880 г.) – воспитатель-учитель, фельдшер, секретарь педсовета колонии им. М. Горького со дня ее основания. Еще до революции (1917 г.) окончила 4-летнюю фельдшерскую школу, 2 курса медицинского факультета, Киевский фребелевский институт, затем Полтавский ИНО. Есть сведения, что первоначально ей предлагалось заведывание будущей колонией им.М.Горького. Дочь и жена священника, училась в епархиальной школе. Близкий друг А.С.Макаренко в течение 20 лет, с 1905-1906 гг.

[5] Сущность и средства такой «эквилибристики» А.С.Макаренко рассматривает, критически анализируя книгу В.Н.Шульгина «Основные вопросы социального воспитания» (А.С.Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания… Часть 1, с. 293-297).

[6] Имеется в виду обсуждение доклада А.С.Макаренко в НИИ педагогики УССР 14 марта 1928 г.

[7] Подразумевается, несомненно, авторитет «уединенного» воспитателя, часто гоняющегося за особой любовью к нему воспитанников, что А.С.Макаренко резко критиковал как противоречие концепции социального воспитателя.

[8] Далее в архивном источнике (авторская машинопись) 19 строк, кем-то зачеркнутых; на этом текст обрывается. «Мы очень торжественно и ревниво говорим о коллективном воспитании, но в огромном большинстве случаев у нас из этой декларации не делается никаких конструктивных выводов.

А между тем успех коллективного воспитания решается не благодаря усилиям отдельных лиц, воспитателей или учителей, а исключительно благодаря правильной, остроумной и четкой конструкции всего аппарата воспитания». Важен «специальный метод организации педагогического и детского коллективов». Существуют «законы организации длительного коллектива». Надо «прежде всего создавать педагогический коллектив» и «общее коллективное ядро», добавляя к нему затем новых воспитателей и воспитанников.

Рецензия на рукопись «Руководство для комиссий по делам несовершеннолетних правонарушителей»

I. Вступительная статья «Состояние дела борьбы с правонарушениями несовершеннолетних на Украине»

Вступительная статья должна быть особенно тщательно проработана и иметь совершенно точные формулировки, так как она выражает принципиальную и практическую установку Наркомпроса УССР в деле борьбы и профилактики детских правонарушений.

Между тем статья сделана недостаточно четко. Начнем с определения работы комиссий и их задач. Конечно, совершенно неверно, что задачу комиссии составляет «перевоспитание несовершеннолетних»[1]. На наш взгляд, ее задачи гораздо шире: она устанавливает факт правонарушения, изучает причины, его вызвавшие, намечает план перевоспитания несовершеннолетнего, поручает непосредственное воспитание отдельным учреждениям, организациям или лицам. Перевоспитание только частично входит в функции комиссии (ответственный надзор обследователя), и то эта, собственно говоря, вре́менная функция вызвана главным образом отсутствием достаточного количества детучреждений, слабостью охраны детства и т. п.

Так же недостаточно ясно изложена разница между детским судом и комиссией, а между тем это важный момент, имеющий большое значение для местного работника. Основная разница, конечно, не в том, как сказано в статье, что комиссия является государственным учреждением, детсуд тоже входил в общегосударственную судебную систему и со своей точки зрения царское правительство уделяло достаточно внимания детской преступности. Это была классовая организация, карающая малолетнего преступника как суд особой подсудности. Комиссия – это учреждение педагогическое, находящееся в системе народного просвещения, его задача – организация среды как основы медико-педагогического воздействия.

Неверен, на наш взгляд, анализ причин, вызвавших увеличение количества дел детей из семей. Конечно, суть не в том, что увеличился и углубился охват работы: всюду в комиссиях сильно сокращены штаты, общественность далеко не привлечена к этой работе, при помощи каких живых сил мог увеличиться охват?

Тут дело гораздо глубже: комиссия – это до известной степени барометр состояния детства, а следовательно, и некоторых групп общества как воспитательного деятеля[2]. Значительные группы бывшего «общества», не принявшие искренне Октябрьскую революцию, а только подчинившиеся диктатуре пролетариата, остались без опре-деленного мировоззрения, а следовательно, без уверенной воспитательной системы.

Такая семья перестала быть [необходимой] воспитательной средой. Она не может дать ребенку старой моральной нормы, но в то же время противодействует новой. Выпадение несовершеннолетнего из такой семьи – явление вполне естественное и даже социально здоровое, но в некоторых случаях, под влиянием случайных причин, такое выпадение приводит к правонарушению. Процесс этот был замечен комиссиями в таких семьях года два тому назад: мать торгует, мать машинистка, вдова присяжного поверенного, иногда отец рабочий, а мать торгует.

Процесс этот гибок и серьезен, его должны учесть комиссии в своей работе, а объяснять увеличение правонарушений углублением работы и большим охватом детства просто несерьезно и отдает казенным оптимизмом. В статье это место к тому же неудачно сформулировано, и получается такое впечатление, что большой охват и углубление работы явились причиной увеличения правонарушений.

В таких же розовых тонах рисуется передача [дел подростков] старших возрастов суду. Дело не в том, что не было соответствующих учреждений для перевоспитания подростков старше 16 лет, а в том, что в интересах государства в отношении к [подросткам] старших возрастов, часто участников банд и контрреволюционных выступлений, пришлось педагогическое воздействие заменить мерами социальной защиты.

Есть еще несколько неудачных мест: не нужно, на наш взгляд, говорить о том, что съезды ВКОНа[3] квалифицировали местных работников, эти съезды имели более серьезное значение лаборатории, в которой создавалась теория и методика работы.

Статья производит впечатление незаконченной, необходимо в заключение дать основные положения пятилетнего плана работы комиссий. Особенно важно было бы подчеркнуть новую ориентацию на широкое привлечение к работе комиссий советской общественности.

II. «Законодательный и инструктивный материал для комиссий по делам несовершеннолетних»

Хорошо составлена вводная статья, она дает точные определения коротко, убедительно. Не везде удачно переведено, необходимо сверить с подлинником и исправить неудачные в переводе места[4]. На наш взгляд, каждой группе законодательных актов надо дать короткие вступления, характеризующие этот материал с точки зрения практики комиссий. Нужно дать каждой группе актов подзаголовок и поместить его в оглавлении.

III. «Программа и методика социального обследования и схема врачебного обследования несовершеннолетних»

Вступительная часть программы (с. 63-65), которая должна дать общую установку, изложена неудачно, слабо со стороны языка и небрежно со стороны содержания. Остановимся в первую очередь на самом важном месте вступления – о значении социального и биологического факторов[5], ибо именно это место должно дать основные установки комиссии, всей ее работе, в особенности для сравнения старых и новых методов. Но оно изложено таким образом, что способно привести к недоразумениям.

С одной стороны, утверждается, что для марксистской педагогики недопустимо исходить из положения, что «источник активности – в самом субъекте» (с. 64). Это выражение, оставляющее желать лучшего, а через две строчки после этого такая фраза: «Было бы все-таки неверно вообще отбросить биологический фактор. Мы считаем, что биологические особенности, те или иные дефекты в этой сфере усложняют ее (личности – А.Ф.) поведение» (с. 64).

При таком сложном отношении между социальным и биологическим факторами не мешало бы посвятить этому вопросу более пространное и более убедительное место и дать совершенно точные формулировки, иначе останется неясным, какой из этих двух факторов является решающим, тем более что в дальнейшем изложении программы читаем: «Мы должны указать определенное место для биологических элементов (анатомо-физиологических, внутренних), как и для тех, которые мы назвали окружением, [средой]» (с. 64).

Если мы должны указать только определенное место как для того, так и для другого факторов, то, очевидно, вопрос об их отношениях у нас далеко не решен, потому что может оказаться, что определенное место для биологического фактора будет как раз главным местом. И поэтому совершенно уже без достаточного основания программа вдруг заявляет: «Таким образом, мы должны обследовать в первую очередь это окружение» (с. 64).

Почему же обязательно в первую очередь нужно обследовать окружение? Оба фактора в изложении программы совершенно неаргументированны в отношении друг к другу.

Кроме того, совершенно неверно говорить о биологическом факторе только в том случае, если наблюдается картина каких-либо биологических отклонений. Такое утверждение представлялось бы не совсем грамотным даже по данным нашего опыта; не говоря уже о научной логике. Можно привести в качестве примера два комплекса, наглядно доказывающих, что усложнение социальной обстановки влиянием биологических факторов происходит не только тогда, когда в биологической сфере наблюдается нездоровое уклонение – дефект.

Так, например, повышенное ощущение личности, в общем, явление совершенно здоровое, приводит к слишком энергичному, бурному протесту и часто ведет к правонарушению. Более защитное приспособление личности к той же обстановке скорее нашло бы менее болезненные пути. Особенно любопытно, что автор приводит пример именно выпадения из семьи на с. 160.

Другой пример: физическая сила, ловкость, сообразительность, изобретательность в известном случае закрепляют у несовершеннолетнего антисоциальный уклон, поскольку они приводят к более частым успехам в различных предприятиях – положение вожака, лучшее обеспечение, некоторое удовлетворение властолюбия и славолюбия.

Именно это обстоятельство – возможность социального выпадения при самых благоприятных биологических условиях – позволяет современной советской педагогике считать главным фактором социальный. Поэтому говорить о значении только дефектов [биологической] конституции – значит именно сбиваться на старую дорожку теории о прирожденной преступности[6].

Вообще же говоря, педагогу (а не социологу и не биологу) можно рассматривать поведение только как продукт индивидуального случая в комбинировании социальных и биологических условий. Вступление к программе решительно забывает об этой необходимой гармоничности нашего материала и нашей методики.

Да и весь материал к «Руководству» представляет нечто органически разделенное на две совершенно самостоятельные части. Отдельно написана программа педагогического обследования и совершенно независимо от нее – программа врачебного. Та и другая программы не только не связаны между собой, но в самой своей логике противоречат друг другу, и врачебная программа предлагает изучение совершенно уединенной личности[7] и при этом на базе чрезвычайно оригинальной методологии: «Несмотря на отсутствие специальных рефлексологических методик, можно и с помощью старых психологических методов выявить совершенно объективные моменты» (ст. 111).

Спрашивается, кто и где будет связывать в одно целое эти два совершенно различных наблюдения, одно, основанное на базе новой социологии, а другое – на базе старой психологии? Очевидно, надо рассчитывать только на то, что связывание этих двух совершенно отдельных работ будет произведено только на заседании комиссии. Такой способ может привести и, конечно, приводит на практике к тому, что все эти акты обследования имеют только значение архивных материалов, а дело решается на основании простейшего здравого смысла и реальных возможностей.

Вступление изобилует ссылками на профессуру, а общее впечатление такое: вместо того чтобы сказать несколько десятков необходимых слов о биологических и социальных факторах и сформулировать их точно и просто, приводятся длинные цитаты авторитетных

педагогов, но поданы они составителем вступления чрезвычайно неудачно, например: «Под поведением организма мы должны понимать взаимоотношения с той средой, в которой он находится».

Можно ли так выражаться в популярном руководстве? Взаимоотношение и есть взаимоотношение, т. е. нечто двустороннее, но ни в коем случае не поведение данного одного субъекта. Ничего, кроме путаницы, такое цитирование внести не может.

Дефекты языка в программе, и в особенности во вступительной части, делают еще более темной и без того неясную общую установку уже не только по отношению к биологическому и социальному факторам. Возьмем самое первое определение: «Основная задача комиссий по делам несовершеннолетних – перевоспитание и помощь несовершеннолетнему, которые устраняют причины, вызвавшие правонарушение» (с. 63).

Не будем уже говорить о том, что употребление слишком широкого термина «перевоспитание» лишает все это выражение значения определения. Пожалуй, при помощи такого термина можно определить очень многие вещи, хотя бы, например, работу колонии или антирелигиозного общества. Но ведь не уничтожение причин, приведших к правонарушению, является фактически содержанием работы комиссий. Само по себе уничтожение каких-то причин было бы только отрицательной функцией, а между тем в программах и в методике как раз рекомендуются прямые положительные приемы, заключающиеся, в общем, в создании нового комплекса влияний, так сказать, новых причин нового поведения.

Чрезвычайно запутанное место во вступлении о двух этапах обследования: сперва говорится, что этап обследования можно разделить на две части, и в том же предложении автор заявляет, что этот этап нельзя разделить на две части и нигде он никогда не делится. Кроме того, это место надо читать несколько раз подряд, пока разберешься в этих этапах. Еще: «Без этого комиссия может допустить грубые ошибки, и тогда меры воздействия, которые она выберет, могут не только привести к повторению правонарушения, но так повлиять на несовершеннолетнего, что в дальнейшем он будет непригоден для педагогической работы над ним» (с. 63).

Единственное заключение, которое можно сделать из этой фразы, это только такое: кроме биологического и социального факторов поведения есть еще третий – прикосновение педагога к личности воспитанника, которое наносит такой сильный удар по этой самой личности, что даже дальнейшие педагогические прикосновения становятся невозможны. Разрушительное влияние этого третьего фактора подчеркивается тем обстоятельством, что ни биологический, ни социальный факторы ни к каким подобным катастрофам не приводят.

Такое выражение: «...На фоне этих двух факторов изучать поведение».

Нужно помнить, что все эти фразы заключаются во вступлении, занимающем только две страницы.

Второй раздел той же вступительной части слишком растянут. Не нужны, на наш взгляд, ссылки на съезды комиссий (с. 66-67). Технически очень неудобно, что при чтении этого раздела необходимо все время справляться с планом обследования и искать разделы, подразделы и литеры плана. В книге это будет особенно неудобно, а без этого во многих местах непонятно, о чем идет речь.

Относительно влияний улицы и семьи дано слишком поверхностно: «Яркие впечатления вокзала, знакомства, приобретенные в соседстве с беспризорными, не раз сводили на нет слабое влияние семьи» или: «Ибо чем слабее семья, чем меньше она воспитывает несовершеннолетнего, тем сильнее влияние улицы...» (с. 69).

Можно ли так категорически утверждать, что влияние улицы всегда пагубно? Вероятно, понятие «улица» можно дифференцировать, как и всякие другие понятия, например: улица рабочего района, сельская улица, иллюминированная и украшенная улица революционного праздника.

Влияние этих улиц может быть гораздо полезнее влияния семьи – замкнутой индивидуалистической ячейки[8].

С другой стороны – семья. При чтении такое впечатление, что семья обязательно фактор положительный. «Слабое влияние» хорошей семьи явление отрицательное, а сильное влияние плохой семьи, обывательской, мещанской, кулацкой, – явление очень нередкое. Выходит так, что влияние такой семьи – фактор положительный, особенно в сравнении с улицей. Вот к чему приводят безапелляционные и малопродуманные формулировки. Вообще, со второго раздела, а пожалуй, и от всех материалов, вероятно, против воли авторов, остается впечатление некоторого фетишизма семьи.

Дальше с. 70: «Несмотря на наше стремление максимально конкретизировать программу, остается какой-то почти невесомый элемент, который конкретизации не поддается».

Начнем с того, что при перечислении этих невесомых величин упущена одна очень существенная – слишком большое внимание семьи к несовершеннолетнему, но это так, только к слову, и существенного значения не имеет. Ибо попытка организации учета «почти незначительных элементов» совершенно недопустима в популярном руководстве. Это ставка на ощущение. Почему здесь можно руководствоваться ощущением, а в другом месте нельзя?

Есть отдельные дефекты, по-видимому, просто дефекты языка.

С.68. «Мы начинаем программу обследования широкой неорганизованной с воспитательной целью среды, которая влияет, с педагогической точки зрения, часто в большинстве своем стихийно».

Здесь не только местный работник, а и любой работник споткнется.

С. 73. «Отмечая все изменения и все, что нарушало покой семьи и самого несовершеннолетнего...»

В каком смысле здесь производится ревизия диалектического метода (идеи непрерывного изменения, развития – А.Ф.) и какое участие в этой ревизии должен принимать обследователь, понять трудно. Во всяком случае, отношение покоя и движения[9] в этом месте запутано.

Переходя к самой программе и методике, нужно отметить, что некоторые ее отделы написаны очень подробно и, видимо, человеком, хорошо знающим практику современной работы в комиссии и условия этой работы. К таким отделам мы относим первый опрос и обследование семьи. Но очень многие достоинства, заключающиеся главным образом в указании отдельных приемов опроса и обследования и могущие принести много пользы начинающему обследователю, к сожалению, бледнеют перед самым главным дефектом – невыдержанностью основного подхода к работе с точки зрения советской педагогической логики.

Прежде всего в программе обращает на себя внимание ее индивидуализм. В отдельных местах, конечно, говорится о коллективе, в частности о его обследовании, но это вовсе не делает весны.

Всегда и на каждом шагу авторы имеют в виду уединенную личность несовершеннолетнего, заботятся только о нем. Поэтому вся программа пропитана той особой деликатностью, какая может быть только в индивидуалистической настроенности. Интересы данной личности настолько доминируют в представлении автора, что им в жертву сплошь и рядом приносятся интересы коллектива. Во всяком случае, какой-либо серьезной задачи по отношению к целому обществу или к отдельным его частям в программе не видно.

Приведем несколько примеров:

«...Мальчика, которого обвиняют в убийстве отца, привели в комиссию в день совершения этого тяжкого преступления. Обследователь, который желает получить самые свежие подробности убийства, устраивает несовершеннолетнему тщательный допрос, следствием чего является резко отрицательное отношение к работникам комиссии. Факт правонарушения может быть и хорошо обследован, но несовершеннолетний является утраченным для дальнейшей педагогической над ним работы навсегда» (с. 68).

Опять утрачен несовершеннолетний для педагогической работы, да еще и навсегда. Это романтическое выражение вполне естественно вытекает из общей установки по отношению к несовершеннолетнему. Приведенный пример просто никуда не годится. Такое редкое в нашей практике преступление, как убийство отца, естественно не может быть примером. В этом случае нужно быть на месте обследователя совершеннейшей ханжой, чтобы в опросе мальчика бояться даже того, чтобы характер правонарушения был досконально выяснен. Программа просто запугивает читателя утерей человека для педагогической работы. А между тем бывают случаи, что только определенно требовательное отношение к личности может пробудить в ней хотя бы первоначальные социальные чувства. Во всяком случае, на месте обследователя делать вид, что в преступлении ничего особенного не содержится, что убийца отца заслуживает чуть ли не ласки «хорошего дяди», в данном случае возможно в силу преувеличенного и совершенно не марксистского внимания к личности.

Сама схема обследования приспособлена для обследования и изучения отдельного лица. Очень верная мысль о том, что каждый данный район создает характерный фон в деле развития детских правонарушений, не доведена до конца. Между тем самими материалами подсказывается метод детального изучения целых районов и всех отдельных социально нездоровых образований в каждом районе. Очевидно, что для этого нужна особая методика, которая должна была привести к получению, так сказать, социально-санитарной карты города или округа, к изучению не только коллектива, в котором находится данный несовершеннолетний, но и всех вообще коллективов, могущих обратить внимание комиссии.

В «Руководстве» естественно об этом [надо] было поставить вопрос, ибо такое знание района и всех районов нельзя делать в форме временной эрудиции отдельных обследователей: ушел обследователь – и все его богатство ушло вместе с ним, а новому обследователю придется все изучить сначала. Очень важно, что обследованию личности можно было «посвятить» меньше энергии, а все главное внимание направить на обследование общественных и коллективных явлений.

В рецензии об этом говорится не для того, чтобы предложить какой-то новый метод, а только для того, чтобы показать, что вся работа комиссии ведет к постановке такой работы. А теперешнее модулирование[10] личности в значительной мере представляется растрачиванием энергии работников.

Любопытны высказывания программы по вопросу о правонарушителях-школьниках: «В нашей практике был случай, когда школа предупредила комиссию о том, что один ученик хулиганит, берет чужие вещи и т. п. Обследователь не пошел в школу, не

собрал исчерпывающие материалы, а вызвал несовершеннолетнего в комиссию, тот пришел, но был настолько перепуганным, что беседу с ним пришлось отложить» (с. 84).

Ясно, что в этом случае перед комиссией рядом были поставлены интересы школы как коллектива, с одной стороны, и интересы данного хулигана-ученика, с другой. Школа не может в этом случае рассматриваться как случайный свидетель, указывающей комиссии, где для нее есть работа. Что здесь вниманию комиссии предложены интересы школьного коллектива, доказывается уже тем, что школа обращается к комиссии за помощью и защитой, поскольку школа меньше, чем комиссия, вооружена правом принуждения. За основание нужно взять, во-первых, общее соображение, что в школе работают такие же педагоги, как и в комиссии, и возможность для них ошибиться не больше, чем для работников комиссии.

Интересуется ли программа школьным коллективом самим по себе? Нет, совершенно не интересуется. Для нее важнее всего то, чтобы ученик-хулиган, вызванный на комиссию, не испугался, – не каких-либо кар или угроз или просто неприятных перспектив, а самого факта вызова. И для того, чтобы ученик не испугался, программа рекомендует предварительно приехать в школу и произвести, так сказать, предварительную проверку, правда ли то, что утверждают педагоги.

Спрашивается, почему же в таком случае таким же способом не проверяются предварительно сведения, полученные от милиции? Протоколу милиционера верят настолько, что считают возможным приступить к опросу виновного.

Во всяком случае, не столько важно, правильно или неправильно рекомендуется деликатность по отношению к ученику-хулигану, а полное отсутствие мысли об интересах школы как целого коллектива. Важно только, чтобы не испугался маленький хулиган. Очень важно, что в этом случае комиссии или обследователю нужно было порадоваться, что самый факт существования комиссии имеет значение для маленьких хулиганов. Может быть, и никакого разговора не нужно разводить, и ничего особенного не обследовать, а только сказать:

– Ну вот, хорошо, что пришел. Советую больше не хулиганить, потому что это может кончиться солидными неприятностями.

В практической работе именно так и говорят иногда с ребятами и немало бывает случаев, когда единственным способом является умело припугнуть. Умело, в этом вся суть, и этому умению должно научить «Руководство».

Такой же излишней «деликатностью» пропитаны некоторые советы по обследованию семьи.

Отдельно надо остановиться на вопросе о правонарушителях из детдомов. В «Руководстве» читаем: «Ни в коем случае нельзя допустить привод воспитанников

детского дома в комиссию без предварительной договоренности и получения соответствующих материалов. Детское учреждение должно принять меры, чтобы не допустить правонарушения воспитанников».

Только незнанием самой логики коллективного воспитания можно объяснить всю эту тираду.

Именно в детском доме так часто бывают самые тяжелые случаи грабежей и хулиганства, иногда совершенно откровенного издевательства над педагогами и над всем коллективом. Этот пункт важен не столько по своему практическому значению, сколько по выразительности своей идеологической и педагогической физиономии.

Разумеется, внимательное отношение к детям необходимо во всех случаях, но не надо смешивать принципиальную установку с требованиями сегодняшнего дня, так как тут приходится допускать некоторые компромиссы. В вопросе о порядке ведения дел правонарушителей из детских домов, действительно, на практике пришлось ввести приведенный выше пункт, но это было вызвано не принципиальной установкой, а отсутствием у комиссии свободных в коллекторе мест – просто приведут из детдома детей в комиссию, а их девать некуда. Но вносить этот пункт в «Руководство» как одну из принципиальных установок комиссии совершенно неверно.

Теперь общие замечания:

1. Чрезвычайно трудный язык, может быть, поэтому много совершенно неясных мест: «с. 63 (а), 75 (б), 81 (в), 85 (г), 87 (д)» и т. д.

2. Изложение не разбито на отделы и подано в виде совершенно несистематизированной беседы на свободные темы в несколько фельетонном тоне. Отсутствие системы очень затрудняет чтение, к концу главы совершенно теряется основная тема, например: 4-й раздел – «Применение предварительной меры воздействия», с. 82-85 – трактуют (перечисляя только главные темы): «о формальной стороне первой беседы», дальше: «словарь уличного или преступного жаргона», «протокол допроса взрослого человека», советы, как лучше вызвать несовершеннолетнего в комиссию, и т.д.

Все это к «Применению предварительной меры воздействия» непосредственного отношения не имеет.

Такие же отступления есть во всех главах (5-й, 6-й). Это удлиняет главы, делает их не целевыми, запутывает и утомляет читателя. А ведь «Руководство» составляется для малоподготовленного и занятого работника, который просто не станет читать длинных статей – ему нужен короткий с точным заголовком материал, из которого он мог бы получить нужные ему на сегодня сведения.

Вообще, благодаря пестроте изложения трудно себе представить, на каких читателей ориентируется автор.

3. Укажем еще на одну непонятную деталь – русские слова в кавычках, например: «возмездие», «личная уния», «неустроенные» и т. д.

Это, вероятно, надо отнести за счет перевода.

Отдельно остановимся на разделе 7: «Обследование самовозникших коллективов».

При чтении совершенно ясно, что автор сам очень мало знаком с этим обследованием, в то время как в других разделах чувствуется большой практический опыт и дано очень много ценных указаний, здесь общие места и благие пожелания обследователям, вроде: «если обследователь сможет установить то, что мы называем контактом, дети охотно будут приходить на беседу» (точно это такая [простая] вещь – установить контакт с целым коллективом); «от конкретных обстоятельств и чутья обследователя зависит то, какой из двух путей выбрать в каждом данном случае».

Надо сказать, что в этом самом трудном разделе упущен из виду читатель, наш рядовой обследователь, на которого рассчитана эта книжка. Какую помощь могут оказать ему в практической работе такие общие места?

К тому же и детский «самовозникший коллектив» (по-нашему, термин несколько метафизический, «самовозникший» – это какая-то вещь в себе, но в терминологии, конечно, автор не повинен) подается в классически-педагогическом представлении: шайка блатных людишек с вожаком и с воровским жаргоном, с правилами поведения. А на деле все это и беднее, и проще, и разнообразнее.

Наконец, почему в «самовозникшем» должны быть только «скверные» дети и влияние такого коллектива обязательно дурное?

Своеобразно трактуется «самовозникший» коллектив в детдоме: «самовозникшие коллективы воспитанников в интернатных учреждениях очень близки к коллективу беспризорных детей, вернее, это коллектив беспризорных, который переносится в условия интернатного учреждения» (с. 100).

Думаем, что с этим очень трудно согласиться. В здоровом, хорошо организованном детдоме, с крепкой дисциплиной совершенно не страшен, а иногда даже и желателен незарегистрированный педагогами коллектив, а в том детском доме, который имеет в виду автор, начинать, конечно, надо не с «самовозникшего» коллектива, а с «организованного». Изучение [коллектива] – процесс длительный, и пока изучишь «самовозникший» коллектив, детский дом совершенно развалится. Реорганизации детдомов не входят в компетенцию комиссии, поэтому какое практическое значение для обследования имеет эта часть программы?

Вообще опираться на теорию деления коллектива на «организованный» и «самовозникший» нам представляется несколько преждевременным и опасным [11].

С. 102 этого раздела посвящена общим заключительным указаниям по всей программе: «Остается сделать несколько общих замечаний к порядку сбора материала, отмеченного в отдельных разделах программы», и т. д.

Для того читателя, который не прочтет «Руководство» от доски до доски, это общее замечание останется неизвестным.

IV. «Меры воздействия и показания к их применению»

Глава дает много практического материала, но требует солидного напряжения при чтении благодаря страшной пестроте изложения. О чем только в ней не говорится!

Отсутствие тематизации отдельных подразделов как-то дезорганизовало самого автора, и статья пестрит повторениями и перефразировками. Привожу страницы, где это особенно наглядно, так как выписывать все эти места просто невозможно. В подлиннике страницы отмечены скобками и пронумерованы: 143, 145, 146, 147, 149, 150, 151, 154, 164 и 165.

Никакого цельного впечатления от этой статьи не остается, найти в ней нужное место очень трудно, а ведь «Руководство» – это повседневный справочник, рабочая книга. Если приблизительно [пройтись] по основным темам, в ней затронутым, то получается следующее:

1. Заседание комиссии как часть единого педагогического процесса.
2. Меры воздействия и показания к их применению.
3. Организация среды – клубы, работа в школе и в детдоме и т. д.
4. Работа с родителями.
5. Привлечение общественников и работа с ними.

Все это очень нужно для местного работника, но необходимо самым серьезным образом проредактировать всю статью.

Укажем на некоторые места, неверные принципиально, на наш взгляд.

С. 139. «Не столько само правонарушение, его обследование, сколько личность несовершеннолетнего, условия, в которых он живет, и самое главное – будущая судьба».

В рецензии уже достаточно уделено места индивидуалистическому уклону программы. Не будем здесь больше говорить об этом. Но тут есть другая сторона.

1. Как увязать это со вступительной статьей?

2. Где же тогда разница между нами и детсудом? У них личность, и у нас личность. Выходит, что разница только в подходе: у нас более деликатный подход к той же личности. Думаем, что это не случайная оговорка автора.

Много копий было поломано в свое время в борьбе с правонарушительским уклоном, и вдруг читаем: «дети комиссии все же до некоторой степени заброшены, даже те, которых комиссия оставляет под присмотром родителей» – и дальше: «собранные в

юношеском уголке рабочего клуба, они вольно или невольно будут иметь связь с детьми, которые обычно посещают клуб, и эта связь может иметь плохие последствия». Комментарии излишни.

Странно звучит такое место (с. 162): «Во вспомогательный детдом направляются трудные дети,... которые своими побегами создали невозможность охвата их педагогической работой».

Точно во вспомогательном детдоме педагогическая работа не ведется.

Вот пример очень неудачной редакции: «и поэтому детей, которые направлены в социальные учреждения (по-видимому, специальные, но в подлиннике «социальные») постановлениями комиссии, нельзя переводить или исключать из этих учреждений без постановления комиссии, комиссия, определяя тип учреждения» или «чтобы она (беседа) имела определенный эмоциональный тон».

Подобных мест, к сожалению, много.

V. «Юридическая помощь»

Раздел составлен хорошо.

Общее заключение.

Считаем, что в таком виде, как оно подано на рецензию, «Руководство» пускать в печать нельзя. «Руководство» – это официальный документ НКП, каждое его слово – это директива или совет НКП, и поэтому здесь не может быть неудачных, скороспелых, а тем более идеологически и принципиально неточных мест.

«Руководство» необходимо на местах, в материале есть много ценного, но его необходимо переработать самым тщательным и ответственным образом. Думаем, что такая осторожность при издании официальных руководств необходима, так как было уже несколько случаев выпуска наспех проредактированных и недостаточно проработанных материалов.

Что касается идивидуалистического уклона, то, конечно, это дефект не только «Руководства», а и всей работы комиссий, и при составлении «Руководства» это не могло не отразиться.

Надо сказать, что так небрежно поданный материал, просто не выправленный после машинки, с пропусками букв, описками и т. д., производит впечатление недостаточной серьезности.

А.С.Макаренко. Пед. соч.: В 8 т. Т. 1, с. 111-118. Г. С. Салько (Макаренко) датировала этот материал: 1929 г. С учетом различных источников и биографических сведений он может быть отнесен к периоду: начало 1929 г. – конец октября 1929 г. Документ направила на рецензирование А.С.Макаренко, несомненно, Г.С.Салько

(Макаренко), тогда предс. Харьковской окружной комиссии по делам несовершеннолетних (получив его от Р.Л.Берлин, предс. Всеукраинской комиссии по делам несовершеннолетних).

Отмена дореволюционных «детских судов» (входящих в общегосударственную систему), привела к созданию общественно-педагогических «комиссий по делам несовершеннолетних». Они включали работников разных ведомств; действовали в структуре исполкомов как органов власти.

Рецензирование нормативных социально-педагогических материалов поручалось А.С.Макаренко и ранее, см.: А.С.Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания… Часть 1, с. 113-115 (июль 1924 г.).

Анализируя «Руководство», А.С.Макаренко по существу обозначает и подвергает критике «индивидуалистический уклон» в общей системе педагогики, украинского соцвоса, отмечает в этом документе несколько «идеологически и принципиально неточных мест». Обнаруживается типичное явление – отход от декларируемой «педагогической логики» при разработке конкретных педагогических форм и средств.

Материал ценен направленностью на педагогически целесообразное решение вопросов в сфере законодательных, юридических и административно-управленческих решений.

В рецензии А.С.Макаренко отразился его большой опыт работы в контакте с комиссиями по делам несовершеннолетних правонарушителей (см. оглавление указанной выше книги). Во 2-й половине 1927 г. он участвовал в 10 заседаниях Президиума Харьковского окрпомдета (общественной организации помощи детям, см. там же, с. 221-223 и др.).

[1] Понятие «перевоспитание» в отношении несовершеннолетних правонарушителей и беспризорных детей А.С.Макаренко исключал из своей педагогической практики и ее теоретико-методического обоснования, полагая, что в работе с данным контингентом необходимо мыслить и действовать в соответствии с общими закономерностями воспитания. Этот его принципиальный подход предполагает необходимость элементов перевоспитания в первые месяцы пребывания несовершеннолетнего правонарушителя или

беспризорного в колонии. См.: А.С.Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания... Часть 1, с. 46, 85, 126 и др.

Важно, что эта мера применялась в отношении всех вновь принятых в колонию, где было немало и «нормальных» детей, из семьи. После некоторого срока (2-5 месяцев), когда новички являлись «воспитанниками», они становились полноправными «колонистами». Это различие четко фиксировалось в их положении в коллективе, правах и обязанностях. В дальнейшем в коммуне им.Ф.Э.Дзержинского этот срок стабилизировался: примерно 3 месяца. Новичку совет командиров определял шефа из старших коммунаров, «корешка». (См. т. 1, с. 149-150).

Термин «перевоспитание» А.С.Макаренко применял в сношении с соответствующими официальными органами, которые этот термин считали общепризнанным. В данной рецензии им используются и другие термины, характерные для деятельности указанных органов.

[2] Весьма примечательно это положение А.С.Макаренко: проблема правонарушений несовершеннолетних – это «барометр» состояния детского общества, некоторых общественных групп, в целом общества как «воспитательного деятеля». Главное в работе комиссий по делам несовершеннолетних – педагогическая «организация среды» (см. текст выше).

[3] Всеукраинская комиссия охраны прав несовершеннолетних, занималась и работающими подростками (Комонес).

[4] Говорится о переводе документа с украинского языка на русский.

[5] Новаторское решение проблемы соотношения социального и биологического факторов в воспитании и обучении – фундаментальный вклад А.С.Макаренко в методологию педагогики.

Макаренковский подход противостоит педологическому, включающему два направления: социогенетическое («социогенез», его представители А.Б.Залкинд, С.С.Моложавый, А.С.Залужный) и биогенетический («биогенез» - П.П.Блонский, Е.А.Аркин, И.А.Арямов). В этой механистической теории «двух факторов», по существу действующих стихийно, - не учитывается третий, ведущий фактор –

целенаправленное воспитание. Его умаление или отрицание ведет в педологии к ликвидации педагогики как самостоятельной науки. Такой подход в полную меру проявился у нас в 90- гг. XX в.; он продолжает активно действовать в современной «личностно-ориентированной» педагогике.

[6] Теория, пытающаяся объяснять преступность неизменными природными факторами, влиянием наследственности; основатель – Ч.Ломброзо (1835-1909), итальянский судебный психиатр и антрополог.

[7] Ограничение основ педагогики сферой «уединенной личности», попытка иллюзорного отстранения личности и индивидуальности от социальных условий и действий, от целенаправленного и результативного воспитаня – главный исходный пункт в теории и практике оппонентов А.С.Макаренко, сторонников педологии, индивидуалистической «па́рной педагогики» (системы лишь персональных субъектно-субъектных отношений: «воспитанник-воспитатель»). См. макаренковскую критику такого подхода при рассмотрении книги Н. Н. Иорданского «Основы и практика социального воспитания», 1923-1925 гг. изд.: А.С.Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания... Часть 1, с. 304-311.

[8] Будучи сторонником социальной педагогики, А.С.Макаренко преодолевает взгляд на семью как на «замкнутую индивидуалистическую ячейку», выступает против идеализации и «фетишизации» семьи (см. в конце абзаца).

[9] Необходимость сочетать «движение» («напряжение») и «покой» в диалектике педагогического процесса А.С.Макаренко отмечает неоднократно: А.С.Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания... Часть 1, с. 198 и др.

[10] «Модулирование» (лат. modus - мера) – подразумевается, вероятно, измерение проявлений обособленной личности, характерное для педолого-педагогического направления.

[11] А.С.Макаренко считает несостоятельной теорию о равнозначном положении «самовозникшего» и педагогически «организованного» коллективов в воспитании (в 70-80 гг. XX в. это у

нас в педагогике обозначалось как «формальное» и «неформальное» объединения). Ведущим в воспитании должно стать организационное начало, в рамках которого может быть весьма полезной и «самоорганизованная» группа (см. ниже – «самовольная» стенгазета «Шарошка» в коммуне). Критика идеи самоуправления на основе «самоорганизации», позиций В.Н.Шульгина и С.Т.Шацкого см.: А.С.Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания... Часть 1, с. 293-298.

Следуя концепции социального воспитания, А. С. Макаренко мыслит «единый педагогический процесс» как организационно оформленное объединение воспитательных функций различных институтов воспитания, органов работы с детьми. Он утверждает идею активно-творческого «внедрения» воспитания в процесс социализации детей и взрослых.

Дополнения. **1 февраля: выборы СК IV созыва, ССК Теренин. Этот СК «был вялым и тащился в хвосте». Деревообделочная, слесарная и швейная мастерские «топтались на месте. Делали какие-то шкафы, вручную; они выходили дорого и давали убыток». Слесарная мастерская «не знала, что делать», были «тиски, фрезерный и револьверный станки». Это время «упадка коммунарского самоуправления и общего тона жизни коммунарского коллектива; коммунарская энергия пошла больше на всякие игры, начали случаться кражи». (Втор. рожд., с. 19).**

Письмо Г. С. Салько (Макаренко), 6 марта 1929 г.

6 марта 1929 г.

Дорогая Галенька!

Посылаю Леву прогуляться и побачиться[1] с Вами. Пользуюсь случаем, чтобы попросить Вас об одном страшно важном деле – не забывайте о моем существовании. Я сейчас – угорелая кошка: каждый день делегации, депутации, комиссии, педсоветы, ругня и прочее. Сейчас просто обалдел, страшно хочу к Вам и завидую Леве, что он идет. Завтра я не могу быть – заключение коллективного договора[2] – собираемся уже четвертый раз. Буду в пятницу.

Лева вчера засыпался на махляньи[3] – будет Вам говорить, что ему нужно спешить к 5 часам – это фасон.

Будьте веселы.

«Ты научила меня плакать...», т. 2, с. 5.

[1] Повидаться (укр. яз.).

[2] Говорится, вероятно, о договоре с сотрудниками коммуны, по линии профсоюза.

[3] От слова «мухлевать», «махлевать» (простореч.): плутовать, мошенничать.

***Дополнения.* 5 марта 1929 г. В. Н. Терский в отчете о клубной работе в коммуне за зиму 1928-1929 гг. отмечает работу: тихого клуба, кружков (драматический, изо-кружок, производственная группа изо, учебно-театральная группа, рукоделия, литературный, военный, эсперанто, конкурсное бюро). Число участников в группах – от 16 до 40 чел.**

Итоговые мероприятия: 10 пьес (в нескольких действиях и одноактные, импровизации), экспонаты к выставке в день основания коммуны, военные игры (15, с самодельными игрушками из железа и дерева, усовершенствованными техническими игрушками, см. т. 2, с. 78-79 и фотовкладку), рукописный журнал и стенгазеты, посещение и обсуждение двух опер, шашечный турнир, «ребусник» («стензадачник», «конкурс смекалки»; главу «Клубработа» см. в т. 2, с. 76-80).

Состояние к началу марта: репетиции к 8 марта, спектаклю 24 марта, подготовка альбома «Коммуна в эскизах», задание фотокружку, подготовка шахматного турнира; по «ребуснику» подано решений: верных – 294, не вполне верных – 93, неверных – 118; группа сказок и игр для малышей, лекции о культурной революции, с иллюстрациями и др. (РГАЛИ, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 380). О клубной работе, «ребуснике» см. также: т. 1, с. 307-311.

Телеграмма А. О. Авдеенко

Благодарен тронут не вполне понимаю восхищаюсь не знаю как поступить буду думать возвращу либо очень скоро либо очень не скоро обнимаю привет Любе Макаренко

РГАЛИ, ф. 332, оп. 1, ед. хр. 32. Дата – 29 апреля 1929 г. Речь идет, видимо, о деньгах. Александр Осипович Авдеенко – писатель,

из беспризорных; его романы: Я люблю (1930), Судьба (1936); до этого повесть - «Утро» («Ранок», укр. яз. – о Прилукской трудовой колонии им.В.А.Балицкого).

Дополнения. **5 мая – выборы СК V созыва. ССК – П. Таликов. Он «сразу повернул дело по-новому, да и совет командиров был с ним энергичный. На горизонте встало путешествие в Москву, и это сразу подняло дух коммунаров. Зав. производством – Колесса, так неудачно и часто не по своей вине производящий шкафики и туалетные столики… Но у нас был заказ на театральную мебель для нового клуба строителей в Харькове. Эту мебель – тысячу с лишним мест – мы делали напряженно и страстно. В мастерской деревообделочной работали все: столяры, слесари, девочки и педагоги, работали по 8 часов в день…» (Втор. рожд., с. 19).**

27 мая, понедельник: *Приказ по коммуне*, **№ 147. § 1. Дежурство: главное – Татаринов и Ярошенко (воспитанник), горнист – Жмудский, деж. командир – Анисимов, предс. общего собр. – Фролов С., рабочее дежурство – Коган[1], Дроботова, Терский, Юрченко[2] (воспитатели-учителя).**

§ 3. Согласно постановления СК[3] сторожевой сводный отряд назначается на неделю, из 9 коммунаров, для несения караульной службы в доме и в лагере[4]. Каждому члену отряда быть на посту по 6 часов, в 2 приема, по 3 часа.

§ 4. Сторожевому отряду на дневальстве быть в юнгштурме и трусиках[5].

§§ 6-9. Вход в спальни главного корпуса «по ордерам»[6], уборка спален в обычном порядке; вход в палатки свободный; спать и лежать на койках в спецовках, а также сидеть в спецовках, не отодвинувши постель, запрещается (под ответственность командиров отрядов); утренняя и вечерние поверки – в лагере, отряды выстраиваются возле палаток, где спят. Рапорта и собрание в клубе. (Далее: как застилать постель; 4 и 9 отряды – расположение по другим палаткам).

§ 10. Назначается до 10 августа новая Коллегия дежурных по коммуне[7] под предс. Кодессона, в составе: Певень, Иванов III, Жмудский, Ярошенко, Харланова, Алексеенко, кандидат Дашевский.

§ 11. Столярной мастерской сделать навес для часового в лагере, к 28 мая, ответств. командир 7 отряда.

§ 12. Распределение работ по недельным сводным рабочим отрядам: старшая хозяйка – командир Гонтаренко, 3 чел.; сторожевой – ком. Галицкий, 8 чел. (отряд освобождается от уборки мастерских); комендантский – ком. Чевелий III, 3 чел.; I сводный – ком. Коротков, 6 чел.; II сводный – ком. Соколова Г. (составить), санитар Литвинов; резервный сводный – ком. Котляр, 6 чел.

§ 13. Распределение работ по уборке помещений на неделю, по 11 отрядам[8].

§ 14. На довольствии: коммунаров – 147, служащих на полном платном столе – 17, на платном обеде – 10, бесплатном столе – 14, бесплатном обеде – 1. Снимается с довольствия коммунар Гуляев (уехал лечиться к родным) и Смоляров (отправлен в коллектор по болезни).

Завтраков и ужинов – 179. Обедов – 190.

Зав. коммуной – *А.Макаренко*

ССК – *Таликов*[9]

РГАЛИ, ф. 332, оп. 1, ед. хр. 52, ч. II.

[1] Коган Сара – воспитательница-учительница; в «Педагогической поэме» Р. С. Ландсберг.

[2] Юрченко – «политвоспитатель в коммуне имени Дзержинского, организатор комсомола. Фактически молод и сам идет за комсомолом» (А.С.Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания... Часть 1, с. 340). Как предполагаемый персонаж «Педагогической поэмы» - Юрский Самуил Ильич. Затем политруком стал П.И.Барбаров.

[3] С фразы «Согласно постановления Совета командиров» обычно начинаются почти все параграфы приказа.

[4] Летний палаточный лагерь коммуны располагался возле ее главного здания, в саду.

[5] Юнгштурм – принятая тогда в молодежной среде одежда военизированного типа, с портупеей; трусы типа шортов.

[6] «Ордера» – разрешения, записки, выдаваемые обычно главным дежурством по коммуне.

[7] «Коллегия дежурных по коммуне» – назначаемый на 2 недели состав ежедневно сменяемых старших коммунаров в «главном дежурстве» («в паре» с дежурным воспитателем-учителем).

[8] Далее по отрядам распределены объекты ежедневной утренней уборки: громкий и тихий клубы, лестницы, коридоры, классы, кабинет зава, кухня, столовая, вестибюль, уборная мальчиков. Виды работ: подмести, вытереть пыль, мыть лестницу и др., чистить медные части. Наряд – на декаду, с орудиями уборки. Смена объектов уборки – по жребию, с применением различного числа «очков» по видам работ и с учетом численности отряда. Уборку принимает дежурный член санитарной комиссии (ДЧСК). См.: т. 2, с. 26 и 30.

[9] Приказ составляется ССК и главным дежурством, завершается подписью А.С.Макаренко, зачитывается ССК на общем вечернем собрании (проводится регулярно, приказ заслушивается стоя).

Приказом для всеобщего и обязательного исполнения оформляются решения различных органов коллектива: общего собрания, совета командиров, различных объединений (на это в приказе первоначально делаются ссылки). Приказы часто ежедневные.

Начало июля: «Заказ строителей сдан благополучно. Коммунары получили наличными несколько тысяч рублей. Рассчитались с главными долгами и у нас остались чистыми 4000 рублей. Это – на московский поход» (Втор. рожд., с. 19).

Письма Г. С. Салько (Макаренко), 8-9 июля 1929 г.

[Москва] Утро 8/VII

Выехали мы, красавица, только в пятницу вечером, а до этого сидели на чемоданах и ждали. Доехали благополучно.

Москва сначала ребятам не понравилась – все фыркали и говорили, что Харьков лучше. В особенности на этом настаивал Лева, который, собственно, был зачинщиком этому скептическому направлению. Впрочем, потом, когда великолепие Москвы развернулось в полной силе, скептики притихли.

Вчера были в парке отдыха и культуры. Это действительно вещь, испорченная не больше, чем вообще могут испортить русские. Здесь замечательное соединение реки и парка. Наши и ели, и спали, и глазели, и катались на лодках, и купались. Народу было

тысяч 50, но нам, как гостям, все давали без очереди. Вообще москвичам мы понравились. Вечером мы устроили марш по Тверской и Петровке.

Сегодня предоставил «ребятам вольно», познакомиться с Москвой.

Вечером будем у Ленина[1].

Я страшно занят. Много всяких неувязок и головотяпства.

Кажется, будто не видел Вас 40 веков, очень боюсь всяких событий, которые обыкновенно бывают в отсутствие мужей. Ну ничего, как-нибудь пройдет время – оно всегда проходит.

Целую руки Вам, Мое Солнышко.

Ваш *А. Мак*.

Пишите: Москва, почтамт
до востребования
А. С. Макаренко

9/VII 9 ч. утра

…В Москве все прекрасно. Нам под ноги бросают цветы – розочку, гвоздику, а один какой-то вчера впер под играющий оркестр целый букет роз белых и красных штук 50. Ребята, к сожалению, не могли поднять – играли.

Писать не могу – в толпе, на кровати.

Будьте веселы. Дома будем, вероятно, в понедельник.

Ваш А

«Ты научила меня плакать…», т. 2, с. 5-7.

«Коммунары в Москве. У каждого есть карманные деньги, не больше, однако, 5 рублей, но с непривычки это огромная сумма. Прежде всего посетили Мавзолей Ленина. Притихли под сводами Мавзолея…

Посещение коммунарами детской (точнее: молодежной – А. Ф.) коммуны в Болшево. Перед этим где только коммунары не были! Излазили всю Москву, успели даже на лодках покататься по Москва-реке, а в Болшево их поразило настоящее производство, настоящее промышленное богатство. Болшево – это старший брат – ребята там старше и дело у них серьезней. У них множество машин, строится новая пятиэтажная фабрика… С того дня начали наши коммунары мечтать о заводе…» (Втор. рожд., с. 19-20). Более подробно: т. 2, с. 84-88.

1 сентября. «Кризис в комсомольской ячейке. Менде был бездеятельным секретарем, и работа ячейки замерла. Секретарем

избран в составе нового бюро Сергей Фролов. Это был очень добросовестный человек, но мало активный и без инициативы. Комсомольские дела все же скоро пошли лучше, благодаря назначению политруководителем коммуны тов. Барбарова» (там же; Барбаров П.И. – политрук коммуны, зам. зав. коммуной по янв. 1932 г.; в «Марше 30 г.» Варваров, «молодой и кучерявый»).

1 сентября: «Открытие в коммуне вместо трудовой школы (единого тогда для страны типа школы – А. Ф.) кустпромшколы. Это была пробная затея. Она не принесла хороших результатов и свидетельствовала только о нашей растерянности. Выходило так: производство кустарное, пусть же и школа будет кустарной. Заниматься начали все же с завидным рвением…» (Втор. рожд., с. 20).

Затем произошел возврат к предыдущему, образованы 6 групп (классов) 7-летней школы (при небольшом числе учащихся старших групп начальной школы, т. к. в коммуну должны были принимать имеющих начальное образование).

Протоколы заседаний совета командиров коммуны им. Ф.Э. Дзержинского, **16 июля – 20 авг. 1929 г.: присутствуют 11-12 командиров отрядов, А.С. Макаренко (вместо него иногда Т.Д. Татаринов), секретарь СК (Анисимов), иногда присутствуют и другие (Юрченко). Повестка дня – несколько вопросов, по данным заранее письменным индивидуальным заявлениям. Отражается: Слушали; Постановили: разрешения и отказы. Некоторые постановления:**

перевод из одного отряда в другой, назначения и изменения в составе комиссий (бельевой, одежной), новые назначения («Иванова назначить зав. школой и музеем школы»), снятие с командирства и дежурства по коммуне, о «пошиве шинелей» и выдаче зимних фуражек, выделение 9 старших девочек на работу на фабрике «Динамо», «воскресник по сбору желудей» (в соседнем дубовом лесу), наряды по общей уборке и обслуживанию коммуны (по отрядам), «разрешения курить» (по личному заявлению, достижении 16 лет, справке от врача о состоянии легких, сердца и моральному обязательству препятствовать неразрешенному курению).

Совет командиров решает установившийся круг вопросов жизнедеятельности коммуны, осуществляет оперативное руководство; его заседания (по повестке дня) заранее не планируются. Иногда – «экстренные заседания» СК.

РГАЛИ, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 383.

Письмо Г. С. Салько (Макаренко), 20-21 сентября 1929 г.

Москва 20-IX-29

5 ч. вечера

Только что пришли с Левой из столовой в гостиницу. В кармане у нас билеты на «Блоху».

Исходили сегодня всю Москву. До 12 часов я искал номер, а Лева сидел с вещами в сквере возле Большого театра. Номер нашел только в двенадцатой гостинице. Умылись, позавтракали и пошли по делам. Я – к разному начальству, а Лева – по магазинам, но не в качестве покупателя, а только наблюдающего за витринами…

Я ходил по начальствам. К сожалению, нет в Москве Погребинского, и поэтому по линии ГПУ ничего сделать не удалось. Зато в Наркомпросе и в МОНО[1] встретили меня довольно приветливо. Как завкола Горьковской меня здесь знают. Они прямо мне говорят: «Вы интересный работник». Но у них самих ничего интересного нет, и вообще вид здесь кромешный: закуренный, заплеванный, такой же серый и малокультурный, как и в нашем Наробразе. Познакомился с целой кучей заведующих, и они все в один голос жалуются: скверно – склоки, безденежье, выдвиженцы, местная власть, реорганизации, завирательные идеи.

Ну, об этом подробнее при встрече.

Что мне предлагают? В Наркомпросе на выбор: новая «интересная» трудовая колония с большим производством в Ирбите (знаете, где-то возле Перьми) и уже существующая колония в Крыму, куда я могу идти только помощником. Я взял время думать до воскресенья, но, наверное, откажусь и от того, и от другого. В Крыму бы и хорошо, но это в степной части Крыма – для Солнышка ничего интересного ни в смысле климата, ни в смысле работы. А Ирбит? Черт его знает, что это такое. Что там за места? Не тащить же Вас туда. Как жалко, что Вы не поехали с нами. Без Вас, как без рук. Правда, об Ирбите дадут еще подумать, но в таком случае, как быть с предложениями МОНО. Лева решительно против Ирбита.

МОНО сначала набросилось на меня с разными своими правонарушительскими развалинами. Я им наговорил хороших вещей и выразил целый вагон разных дефективных чувств, но твердо объявил, что больше не могу жить отдельно от жены, а жена работает в

Москве и т.д. А между тем развалины эти самые в 40-50 верстах от Москвы и верстах в 5-8 от железной дороги. Так что я наотрез отказался. Тогда они с довольно кислой миной заговорили от нормальной колонии под самой Москвой, в 12 верстах у самой железной дороги. Я за это ухватился и сказал, что никуда больше не поеду. Но там есть заведующий – только плохой, нужно его снимать. Обещали дать окончательный ответ завтра к 4-м часам.

Никак не могу найти следы Менжинской[2]. Ни в НКП, ни в МОНО не знают, где она работает. Кто-то говорил, что она больна и совсем не работает. Завтра думаю пойти к Горькому – так, на всякий случай.

Настроение в общем у нас хорошее, но у меня есть и несколько бед…

Эх, проклятая бедность! Бедность бьет меня и с другой стороны. У нас с Левой оказывается так мало денег, что вероятнее всего мы в воскресенье вечером отсюда выедем. Мне страшно обидно. Я как хотел доставить Леве удовольствие, а тут приходится каждую копейку рассчитывать. Если мне предложат принимать какую-нибудь колонию, я окажусь банкротом из-за отсутствия какого-нибудь паршивого рубля…

Лева прелесть. Его обуревают всякие заботы обо мне. В вагоне пассажиры обращались к нему приблизительно с такими вопросами: «Ваш папа не хочет ли чаю?» Лева давал ответ, не возражая против ошибки в определении родства. А меня это, конечно, умиляло. Спасибо за одеяло, Солнышко. Без него я пропал бы.

Ну, будь весела. Целую лапки.

Завтра напишу.

Привет от Левы.

Твой А

Лева говорит, что не пишет оттого, что совершенно уверен в моем письме.

Москва 21 сент. 1929 г.

Здравствуйте, дорогие Солнышко, Галенька, Капуцинчик, Володька и Волчик. Как поживаете? Не нарушили ли Вы «сознательную» дисциплину и не загуляли ли на свободе? Ничего: во всяком случае гулять Вам недолго: мы уже имеем билеты в кармане, и во вторник в 1.30 дня будем уже в Харькове.

Сегодня был в МОНО. Идут обычные совещания и согласования по делу о моем и Вашем будущем. Мерзавцы, не чувствуют, что они, собственно говоря, даже недостойны решать подобные вопросы. Все хотят дать мне хорошее дело. Но, разумеется, в два дня этого сделать нельзя. Там для меня неудобно, там заведующий партиец, и скоро его не снимешь, там дело незначительное. В конце концов они все убеждают меня начинать с чего-нибудь, потом все уладится, «у нас всегда что-нибудь открывается новое или организуется».

Остановились пока на небольшой коммуне для трудных, всего на 100 человек возле ст. «Болшево» Северных ж. д. – это возле той самой станции, возле которой коммуна ГПУ, только с другой стороны. От станции версты 2 1/2, но идти дачами. Близко ж. д., и шоссе на Москву, есть кооператив, на р. Клязьме – сосновый лес. Как будто и хорошо, вот только ходить Вам придется много, а Вам ведь нельзя. Но я думаю, что до 1 января можно будет все это еще изменить. Жалованье 170 рублей. Есть квартира. В понедельник поеду посмотрю. Хорошо то, что заведующего отсюда переведут в то место, которое мне предлагали, но от которого я отказался, потому что далеко от ж.д.

Сегодня говорил по телефону с секретарем М. Горького. Завтра в час мне назначен прием. Чего я иду к Горькому[3], и сам не знаю – так.

Сейчас с Левой идем в Большой театр: «Князь Игорь». Вчера Лева от «Блохи» был в восторге. Завтра днем «Синяя птица», а вечером в Камерном «Сирокко». Одним словом, просвещаемся.

К сожалению, не могу Леве поддержать компанию в МХАТ, – буду у этого самого Горького.

Завтра же в 10 часов мне назначено в Наркомпросе, но это, вероятно, чистая беллетристика.

Лева купил себе какие-то фокусы и сейчас занимает меня ими. Он по-прежнему прелесть. Хотел Вам купить брошку, но я его отговорил.

Будь весела, родненькая. Целую руки, целую глазки.

Твой А

«Ты научила меня плакать...», т. 2, с. 7-9, 11. Поиск А.С.Макаренко нового места работы, в Москве или Подмосковье вызван (как видно из его материалов августа 1928 г. и 1929 г.) стремлением обрести качественно новое поприще своей деятельности, в содружестве с Г.С.Салько, а также, видимо, неудовлетворенностью работой в коммуне им. Ф.Э.Дзержинского.

Главную причину этой неудовлетворенности он позднее объяснял так: «... здесь нет хорошей правды, врать не хочу ...(в письме А.М.Горькому 7 марта 1934 г. – т.1, с.257). Он видел, что коммуна дзержинцев похожа на «оранжерею» (А.С. Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания ... Часть 1, с.273; см.также письмо А.М.Горькому 5 окт. 1932 г.). Как социальный педагог он понимал, что коммуна дзержинцев (в отличие от колонии горьковцев) имеет, несомненно, черты привилегированного учреждения, некоторой отстраненности от тяжелого материального положения и социальной

напряженности на Украине, в стране в целом (особенно в 1932-1933 гг.).

[1] Московский отдел народного образования.

[2] Менжинская Л. Р. – предс. Главсоцвоса НКП УССР с сент. 1922 г. по март 1924 г.

[3] Как видно из письма А.С.Макаренко А.М.Горькому (см. ниже), он показал писателю свою рукопись и получил совет, рекомендацию; затем «прибавил несколько совершенно необходимых теоретических глав».

Письмо А. М. Горькому, конец сентября 1929 г.

Дорогой Алексей Максимович!

Простите, что я Вас беспокою. Когда я у Вас был, Вы мне рекомендовали издавать мою книгу не у «Народного учителя», а в Госиздате.

В моей книге выходит к последнему времени, когда я прибавил несколько совершенно необходимых теоретических глав, до 20 листов[1]. Такую солидную книгу мне самому не хочется издавать в «Народном учителе».

Наконец, мне просто хочется поступить так, как Вы советуете. Вы, вероятно, имеете для этого основания.

В связи со всем этим у меня к Вам большая просьба. Не откажите дать для моей книги небольшую рекомендательную записку. Пока что мне нужно только одно: чтобы ее не заложили куда-нибудь далеко и хотя бы прочитали, чтобы судить, годится она или не годится.

Потом, если она будет признана достойной издания, я буду просить Вас просмотреть ее.

Если Вы такую записку пошлете в ГИЗ[2], попросите Петра Петровича[3] мне об этом сообщить.

В моей книге 3 части[4]. Первую я отправлю в ГИЗ немедленно после того, как получу письмо от Петра Петровича.

Преданный Вам и любящий Вас

Харьков, *А. Макаренко*

почтовый ящик № 309

А. С. Макаренко

А.С.Макаренко. Пед. соч.: В 8 т. Т. 1, с. 250. А. М. Горький 10 октября 1929 г. откликнулся из Москвы письмом: т. к. А.Б.Халатов (предс. правления Госиздата в 1927-1933 гг.) «уехал в Сибирь и

пробудет там не менее месяца», «рекомендую Вам передать рукопись в изд-во «Земля и фабрика» Илье Ивановичу Ионову» (в 1922-1932 гг. руководил гос. акционерным издательством ЗиФ). К этому письму А.М.Горький приложил письмо-рекомендацию И.И.Ионову. (Т. 1, с. 250).

А.С.Макаренко воспользовался этой рекомендацией, связался с издательством ЗиФ, но рукопись не представил. 16 ноября 1930 г. из этого издательства В.И.Соловьев сообщил А.М.Горькому (в ответ на его запрос И.И.Ионову): «…Я поручил обратиться к Макаренко с просьбой выслать рукопись. Сейчас мы имеем ответ Макаренко, что рукопись высылается посылкой, но пока что эта посылка не получена. Придется запросить автора вторично, и рано или поздно мы [ее] раздобудем» (Опускула макаренкиана, № 11, с. 166; возможно, ошибка: это не 1930 г., а 1929 г.).

По воспоминаниям Н.Э.Фере: «В декабре 1929 г., возвратившись в Харьков из экспедиции в донские степи, я снова встретился с Антоном Семеновичем… Он, словно между прочим, сказал, что за минувшие полгода работа над его книгой о колонии продвинулась вперед… Я пришел в назначенный день, и он сразу начал читать… Это была первая глава «Педагогической поэмы»… Раз в неделю мы встречались с Антоном Семеновичем… Так я услышал целиком первую часть и некоторые главы второй части будущей «Педагогической поэмы»…

Ее первая часть и очерк «На гигантском фронте» (написанный в соавторстве с Н.Э.Фере и А.С.Макаренко – А. Ф.) были одновременно сданы в Государственное издательство Украины весной 1930 г.… Очерк оно одобрило без всяких возражений, а «Педагогическую поэму» отказалось издать под предлогом ее дискуссионности» (А.С.Макаренко / Ред. колл.: Ф. И. Науменко и др. Кн. 8. – Львов, 1971, с. 113).

В другой публикации воспоминаний Н.Э.Фере отмечается, что А.С.Макаренко пытался напечатать «Педагогическую поэму» (первую часть) весной 1930 г. в Харькове и весной 1931 г. в Москве, но безуспешно, т. к. «Наркомпрос Украины, по словам А.С.Макаренко,

давал отрицательные отзывы» (Опускула макаренкиана, № 11, с. 166).

Далее в переписке А.С.Макаренко с А.М.Горьким наступил перерыв: с конца сентября 1929 г. до 5 октября 1932 г.

[1] Как уже отмечалось ранее (в комментариях к письму Г.С.Салько в ночь с 27 на 28 сент. 1928 г., см. сноски), это «книга по педагогике», «педагогический памфлет», из чего затем была создана первая часть «Педагогической поэмы». Не вошедшие в нее примерно 10 печ. листов сохранились лишь в виде фрагментов, это теоретико-методические разработки.

[2] Государственное издательство художественной литературы, Госиздат, ГИХЛ.

[3] Говорится о П.П.Крючкове, секретаре А.М.Горького.

[4] Несомненно, в данном случае говорится не о тех 3-х частях, в которых вышла «Педагогическая поэма». Ее первая часть А.С.Макаренко передал А.М.Горькому лишь 21 сент. 1933 г. 2-ю часть он закончил, видимо, в августе 1934 г. (до начала сентября). 3-я часть написана в январе-сентябре 1935 г. С июля 1935 г. А.С.Макаренко в Киеве, сотрудник отдела трудовых колоний для несовершеннолетних НКВД УССР.

Записка, 12 октября 1929 г.

Дополнительно на 12/X-29 Фомичеву и Боярчуку завтра с утра поступить в распоряжение Чарского. А. Макаренко

РГАЛИ, ф. 332, оп. 1, д. 48.

Такого рода записки (индивидуальные поручения, разрешения) А.С.Макаренко применял широко. «Разрешаю войти на лекцию Соловьеву II. А.Макаренко. 10/II-34». «На кино Людмиле Захаровне Криворотченко с мальчиком. А. Макаренко. 6/IV-35».

Протоколы заседаний совета командиров, **11-31 октября 1929 г. Постановления, некоторые, разрешения или отклонения, назначения: перевод из отряда в отряд, «отряды по сборке венских стульев»; Алексеенко «за нарушение дисциплины и неподчинение командиру (вероятно, дежурному командиру – А.Ф.) снять с заведования радио и перевести к Каплуновскому». 31 октября: расформирование 11 и 12**

отрядов малышей, их распределение по 2 чел. в производственные отряды; в освободившиеся спальни перевести девочек; определение состава новых 11-15 отрядов; «сводные и утренние уборки назначать только на 5 дней». В СК 14 командиров.

РГАЛИ, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 383.

Из писем Г. С. Салько (Макаренко), 21-24 октября 1929 г.

…Вот сейчас почти круглые сутки вожусь со всякими черными пустяками: столовая, спальни, вешалка, обувь, подготовка к юбилеям, стенгазета, журнал, целый день в мелочах…

А с книгой[1]? Когда я ее пишу, у меня голова лопается от обилия мысли, от материала, страшно для всех нужного, но на это я могу истратить только полчаса в день…

...Я весь себя ощущаю как бесконечную великую стихию любви, благоговения и благодарности всему миру, всему на свете, каждой паршивой козявке, каждому желтому листику за то, что они участвуют вместе со мной в этом замечательном мире...

А.С.Макаренко. Пед. соч.: В 8 т. Т. 8, с. 41. Уточнено по источнику: Балабанович Е. Антон Семенович Макаренко. Человек и писатель. – М., 1963, с. 189-190.

[1] Здесь и далее говорится об интенсивной работе А. С. Макаренко над 1-й частью «Педагогической поэмы».

Письма Г. С. Салько (Макаренко), 1-5 ноября 1929 г.

…В этот раз вы уехали как-то по-особенному. Мне сейчас все кажется по-особенному, но у меня вот сейчас такое воспоминание: были мы вместе, много жили и о многом говорили, говорили и о наших трудностями о нашем прекрасном будущем.

Говорили, говорили, сначала Вы старались поддерживать мою веру и мои сомнения, а потом, видимо, все это Вам надоело, но Вы не захотели меня обидеть, не сказали, что это Вам надоело, а просто сложили вещи и совершенно неожиданно для меня и, может быть, даже для себя, уехали в Крым…

Это все не так, Солнышко, я знаю, что это все не так. Это мой бред, и такой бред у меня был и в среду…

Я все-таки смог как-то мобилизовать свою личность и проделать все, что нужно, как я это проделывал и сегодня. Сегодня у меня было особенно много дела, много всяких решений, реорганизаций, предпраздничной горячки, переговоров, согласования и прочее. Но это все дела я делаю точно и аккуратно, как машина, даже смеюсь и шучу с ребятами, гораздо больше шучу, чем когда бы то ни было, потому что мне больше, чем когда бы

то ни было хочется просто плакать: не рыдать, не реветь, не хныкать, а именно плакать, совсем тихонько, в какую-нибудь подушку, так, чтобы никто по слышал и не обращал на меня внимания.

Вчерашнее письмо на почте я тоже написал Вам в бреду, хотя у меня жары и не было, мне не хотелось писать того, что я писал, вообще мне хотелось только плакать. Вот сейчас в кабинете, когда никого уже нет, я Вам печатаю письмо и плачу, и мне трудно печатать, потому что сквозь слезы я плохо вижу: когда они сбегают, виднее, а когда они опять накапливаются, клавиатура начинает почему-то вся блестеть, и ничего на ней не разберешь.

Я еще плачу и оттого, что знаю: не нужно Вам писать ничего этого, не нужно и писать того, что я плачу, но видно уж мне так страшно хочется, чтобы Вы меня хоть как-нибудь пожалели, поэтому я не могу заставить себя быть по-мужски неискренним. Вот заставил же себя быть неискренним в среду, хотя это и «заставить» и перешло в энергию повышенной температуры, а сейчас не могу. Ну и пусть. Мне терять нечего. До чего это развращает человека, когда ему нечего терять…

Если моя любовь не приносит Вам радости, значит, такой закон моей любви. Для любви нужен какой-то особый талант, и этот талант должен заключаться прежде всего в уменьи организовать вещи, много хороших вещей, без такого уменья люди любить, собственно говоря, не имеют права…

Твой Тоська

Утро 2/XI

Доброго утра, Солнышко. Как спалось сегодня?

У меня все благополучно, но письмо все-таки посылаю.

Вы очень хорошо сказали: как будто зуб болит, а потом перестал, но чувствуешь, что скоро он опять заболит.

АМ

№ 3

11 часов вечера 3 ноября 1929

Слаб человек, особенно влюбленный. Вчера получил две Ваши открытки, сегодня записку, в которой Вы опять блестите замечательным искусством писать письма. И как мне сразу стало хорошо и уютно на свете…

Кроме того, радостно самое главное, что там хорошо, что доехали благополучно, что издали Вам моя поэма кажется замечательной книжкой, вообще страшно приятно, что у Вас находятся силы для хорошего настроения…

У меня много работы. За эти дни со дня Вашего отъезда не написал ни одной строчки поэмы, столько у меня дела, только завтра думаю приняться за книгу, да и то

боюсь, что мне помешают. У меня нехороший человеческий зуд, – мне бы книгу писать да страдать втихомолку без Вас, а я принялся за реформы в коммуне[1]. Сейчас эти реформы описывать Вам не буду, мне, собственно говоря, самому не до них, их производит какая-то отдельная техническая моя душа. Пусть производит…

Был вчера у Оксаны[2] и поговорил с ней по душам… Разумеется, Леву нужно отдать в школу и, разумеется, на первое время нужно пригласить репетитора. В этом пункте соглашение было достигнуто моментально. Следующим вопросом я поставил мое особенное желание урегулировать возможно скорее вопрос о материальных отношениях между двумя странами. Оксана возмутилась и сказала, что считает урегулирование этого вопроса излишним, что она всегда готова прийти на помощь страждущим. Я выразился в том смысле, что никакого особенного страдания в настоящее время не происходит, что мы не настолько бедны, чтобы отягчать родственников…

В заключение я великодушно позволил Оксане проявить родственные чувства и, во-первых, разрешил ей считать Леву гостем до 1 ноября, во-вторых, разрешил ей высказать несколько радостных сентенций о том, что Галочка человек мало практичный, а я (Макаренко) гораздо практичнее. С этими сентенциями я любезно согласился.

После этого произошел короткий обмен мнений с Левой. Лева одобрил внедрение его в школу, но решительно запротестовал против 36 школы и пожелал в первую школу. Рассчитывая, что Вы, Солнышко, против первой школы ругаться не будете, я уже решил идти к заведующей первой школой. Но вчера вечером Лева позвонил по телефону и сказал, что заходил к ним его отец и рекомендовал ему поступить в ФЗУ[3]. Лева очень просит определить его именно в ФЗУ, приблизительно на «Серп и Молот» или ВЭК[4]. Я ему на это ответил, что такой вопрос может быть разрешен только верховным начальством, и что пока я с Вами не спишусь, ничего предпринимать не буду…

В ФЗУ самая атмосфера, пожалуй, узко рабочая. Лева рано приучится к заработку, и потом ему уж едва ли захочется поступать в какой-нибудь вуз…

Вот и покончил с делами. Леве я дал пять рублей карманных денег и объявил ему, что это его, так сказать, полумесячный доход.

Кончил с делами.

Пишу Вам сейчас в ужасной обстановке: в кабинете совершается стрижка воспитанников.

Настроение у меня после Ваших записок покорное и даже радостное: игра природы.

Дней до Вашего приезда еще не считаю и считать не хочу – страшно. Сейчас я замечательно понимаю тех людей, которые в горе удалялись в пустыню. Я бы сейчас с великой радостью переселился в Сахару или Гоби, сидел бы под жарким солнцем, не ел

бы и не пил. Пока-то я ограничиваюсь тем, что нацепил на себя свои старые драные костюмы, пять дней не бреюсь и работаю до 4-5 часов утра. Кое-как задуривает…

Сегодня жду от Вас подробного письма, с нетерпением жду, и в этом нетерпении есть и нетерпение ревности, это очень плохо, Солнышко. Как раз сейчас я хорошо постигаю все несчастье любви – несчастную ее сторону…

Ваш А

Вечер 4 ноября 1929 года

Красавица Солнышко.

…В коммуне все благополучно. Я здоров и сегодня работал над поэмой, настроение для работы мало подходящее…

На душе не все благополучно. По-прежнему какая-то невыразительная комбинация радости и печали. Эти две прекраснее вещи соединены в таком странном сочетании, что даже трудно сказать, что это такое получилось?...

Мне нужно возвратить себе старую рыцарскую установку, нужно все делать для того, чтобы Вы не огорчались, чтобы Вам всегда было весело и уютно на свете, чтобы никакие особенные заботы Вас не тревожили. Такая установка у меня всегда была и все было хорошо…

Нужно кончать, меня выгоняет полотер. Самое главное, это Ваше счастье, и поэтому самое главное, это Ваше здоровье. Если для Вашего покоя и Вашего здоровья нужно, чтобы Вы мне изменили, измените мне, Солнышко, только мне об этом говорить не нужно.

5/XI

Солнышко, здравствуй!

Дождь. Еду в город за деньгами. Завтра праздник, а у нас ничего нет[5].

Будь весела.

Твой Тося

Вечер 5 ноября 1929 года

…Сегодня утром был у Оксаны, они все очень любезны и оставляли меня на какие-то блины. Их отношение к фабзавучу положительное. Как раз сейчас в Харькове предстоит пополнение фабзаучев, и Леву определить туда, надеюсь, будет нетрудно, остановка за Вашим утверждением. Я сам не могу точно предсказать, что к лучшему, что к худшему, а, поэтому, конечно, считаю, что лучше будет сделать так, как хочется Леве.

У меня начинаются страдные дни. Завтра в город, в четверг в город и в пятницу в город. Ничего за эти дни не удастся написать, я уже начинаю забывать, что такое педагогическая поэма. В эти дни страшно устал и измотал нервы со всякими недостатками и заботами. Между нами говоря, работаю в коммуне без всякого удовольствия. Все

вспоминаю, как Вы на извозчике говорили, что Вам хочется жить со мною вместе. Если это правда и если неправда, во всех случаях я только об этом и мечтаю…

Сейчас мне хорошо и радостно, хотя я и знаю, что просто я что-то притушил в себе, притушил от радости, что получил Ваше письмо. В Ваших письмах вы всегда замечательно любите, гораздо больше, чем наяву, и меня поэтому письма Ваши особенно делают счастливым и беззаботным.

Ваш А

«Ты научила меня плакать…», т. 2, с. 12-24.

[1] Частью этих «реформ» стало, видимо, «межотрядное соревнование» – см. ниже.

[2] Говорится об О.М.Езерницкой.

[3] Школы фабрично-заводского ученичества (ФЗУ, фабзауч) действовали с 1921 г. при предприятиях; учащиеся включались в состав работающих, с оплатой труда; принимались преимущественно дети рабочих, подростки. Цель – подготовка высококвалифицированных рабочих для промышленности и транспорта; 4 года обучения позволяли сочетать профессиональное обучение и общее образование.

[4] Завод «Серп и молот»; ВЭК – Всеобщая электрическая компания (Харьков).

[5] Коммуна испытывала острый недостаток финансовых средств как общественно-педагогическое учреждение, находящееся на хозрасчете. Полупроцентные отчисления от зарплаты сотрудников и войск ГПУ Украины и идущие от Коллегии ГПУ УССР средства (всего 6-7 тыс. руб. ежемесячно – т. 2, с. 38) и средства от совхоза «Красные зори» покрывали лишь содержание коммунаров. Мастерские коммуны тогда были еще в основном учебно-производственными.

«Были моменты, когда мы в течение дня ели один хлеб… Я первые 8 месяцев не получал жалованья…» (т. 4, с. 183).

Письма Г. С. Салько (Макаренко), 8-12 ноября 1929 г.

[...] хотел на ХПЗ[1] или «Серп и Молот», но я уговорил его лучше идти на ВЭК. Может быть, к понедельнику получим и твой ответ. Я почти уверен, что с ФЗУ дело устроится хорошо. Сегодня Леву проэкзаменовал по простым дробям довольно сносно, может быть, к экзамену и придется немного подзубрить, но думаю, что и без зубрежки Лева выдержит, тем более, что мы его пустим под флагом дзержинца…

Мне очень не нравится, что ты тратить целое утро на письма. Ни в каком случае ты этого не должна делать. Будь все время на свежем воздухе и пиши мне две-три строчки. Слышишь, я этого настойчиво требую. Я вот тоже займусь книгой и ты от меня много не получишь – две три строчки в день. Еще раз – НЕ СМЕЙ МНЕ ПИСАТЬ ПИСЬМА БОЛЬШЕ, КАК ОДНА СТРАНИЧКА.

Ах, ты моя прелесть, мое замечательное Солнышко...

Спокойной ночи.

Т

Ночь 9 ноября 1929

Солнышко.

Письма от тебя сегодня не получил. Почему-то. Почта.

Сегодня страшно много работал, писал книгу.

Я тебя страшно люблю и без тебя жить тошно. Тошно, понимаешь.

Не видно конца этого «без тебя».

Мир стал осенним, неприветливым. Писем от тебя нет…

Но вообще я хочу тебя любить совершенно бездеятельной и молитвенной любовью. Я бы тогда жил у ворот Харакса, и ты приходила бы со мной поговорить каждый день.

Т. Т.

Ночь с 10 на 11 ноября 29

Галенька родная.

…Только тебе напрасно показалось, будто я хотел сказать, что тебе не нужно было ехать в Крым. Я этого никогда ни одной минутки не думал. Видишь ли, у меня здесь всегда раздвоение, и ты это раздвоение, конечно, понимаешь. Я хорошо знаю, что тебе полезно поехать в Крым, и я бы мог пожертвовать жизнью для того, чтобы эту поездку никто не развалил. Раз полезно для твоего здоровья, то для меня все вопросы решены не только умом, а решены абсолютно, решены и в моем самочувствии. Но в то же время я тебя люблю совершенно неспособной рассуждать любовью, и когда ты уезжаешь, я просто сворачиваюсь, как лист без солнца. Тут я уже ничего не могу поделать…

Я никогда не буду верить твоей любви вполне. Я знаю, что ты замечательно искренний человек, что ты замечательно благородный человек, вот именно поэтому ты и способна меня обмануть, если тебе покажется, что так нужно…

Сегодня я получил письмо из Ленинграда от того же Поповиченка[2], он спрашивает меня, почему я не отвечаю, и настойчиво предлагает приехать, говорит, что есть очень хорошее место, которое мне обязательно дадут – новая колония в Петергофе. Я, ей-Богу, не знаю, что ему отвечать. К сожалению, у нас нет богатых родственников, чтобы заняли мне семьсот рублей, а без таких денег и мечтать – преступление. Ах, какой я получился

все-таки неудачник. Неудачник в счастии. Какой я был удачливый человек, когда мне не нужно было счастье, когда я его презирал. Ты всегда говорила правду, что в жизни за все нужно платить полной монетой.

Ну, хорошо, давай хоть мечтать. Ты начинай дело о Крыме, я буду начинать о Ленинграде[3]. Вот ты мне и напиши, можно ли тебе будет ехать в Ленинград. У тебя там докторов теперь хоть отбавляй, спроси их, проклятых, можно ли тебе ехать в Ленинград…

Ты, Солнышко, не обращай на меня внимания в такие минуты. Я тебе всегда говорю, что меня любить трудно, что я человек страшно тяжелый, со мной трудно жить, вообще ты здорово вхлопалась, здорово ты попалась, бедненькая.

Нет, самое главное, самое наиглавнейшее – это то, что ты будешь здорова. Но, Господи, в этой области ты страшно приучила меня не верить. Ты всегда меня обманывала. Всегда ты мне говорила, что ты уже теперь здорова, а на самом дел ты всегда скрывала от меня какую-нибудь опасность для твоего здоровья. Когда же ты скажешь об этом настоящую правду? Конечно, настоящую правду ты скажешь только тогда, когда действительно будешь совершенно здорова. Как было бы замечательно, если бы это случилось, наконец, в нынешнюю осень, но как я тебе поверю?...

Почему ты не пишешь, требуются ли тебе деньги. Почему ты обо всем этом молчишь? Неужели можно об этом молчать из-за каких-нибудь пятидесяти рублей? Господи, что мне делать, как мне узнать правду, как мне заставить тебя поверить и писать только правду! Я еще подожду недельку и вышлю тебе деньги. Тут и никакого вопроса нет. Не в деньгах дело, а дело в том, что ты о них молчишь.

Если бы ты знала, как я тебя люблю, ты была бы совершенно другая, совсем не такая, как сейчас, может быть, даже для меня было бы еще хуже? Очень возможно…

11-12 ноября 29

[…] 3. Не перечитывай письмо «ночь с 1 на 2». Не нужно перечитывать, но за то, что пожалела меня, ей-Богу спасибо. Честное слово, никогда в жизни не думал, что мне будет нравиться, когда меня жалеют. А вот сейчас радуюсь. Страшно хочу, чтобы ты мены всегда жалела. Это страшно приятно, ласково и тепло становится жить на свете. Ты, впрочем, не бойся, я все-таки буду стараться специально не вызывать к себе жалость, потому что жалость – палка о двух концах. Жалеешь, жалеешь, а потом возьмешь да и прогонишь «на легком катере», как ты, Солнышко, выражаешься. Так что не нужно перечитывать это мое письмо. Мало ли чего в свете не бывает – каждому случается упасть духом.

4. Я же тебе писал уже, Солнышко, об октябрьских торжествах. Больше ничего прибавить не могу. В городе было смертельно скучно. Театры закрыты, потому что и в оперном провалился потолок, хотел ребят повести в цирк, но не добился билетов.

Коммуна маршировала по городу, и все кричали: это колония Горького. Да, одним словом, все то же…

7. Когда ты приедешь, мы не только кутнем с тобой, а я возьму на неделю отпуск, и всю неделю буду лежать у тебя пьяный. Если чуточку протрезвлюсь, опять опрокину с радости стаканчик и так всю неделю. Буду горланить песни, буду лезть ко всем целоваться, ну, одним словом, буду пьяным по-настоящему. Хорошо, Солнышко? Или тебе это не нравится?...

Ты не сердись, голубка, что я тебе часто пишу о ревности. Это миллионная доля того, что есть на самом деле. Как раз о ревности я молчу. Понимаешь, о ревности я храню гробовое молчание. А если бы я стал говорить обо все том, что торчит у меня в голове, ты меня возненавидела бы, перестала бы любить, перестала бы думать обо мне, говорить мне ласковые слова, и я после этого стал бы бросаться на людей…

11. Вот это очень нехорошо, что ты так измучилась из-за этой Оксаны. Я очень печалюсь, что тебе приходится разочаровываться в людях. Но, Солнышко, давай уж навсегда разочаруемся во всех сразу, чтобы не тратить души на разочарований по частям. Люди – это такая штука, которая может в один момент обратиться в гадину, а не только в мещанина. Мещанин – это только самая первая ступень, которая вводится в действие, главным образом, под благотворным действием карточной системы[4].

Кроме того, неужели ты не знала, что ничего мещанистее нашей интеллигенции нет на свете, и не было. Если мне когда-нибудь хотелось быть большевиком, то только тогда, когда у меня особенно развивалась ненависть к интеллигенции, и при этом специально к русской. Я умел видеть мещанина в самых героических бестиях. И если бы и наш большевизм не был создан той же русской мещанской интеллигенцией, то я обязательно сделался бы большевиком.

Так что, Солнышко, ты не сердись на жизнь и не обращай внимания ни на кого. Есть люди, есть очень большие и интересные люди, только их не нужно искать в семейных гнездах нашей якобы интеллигенции. Оксана не хуже и не лучше других. Я ни капельки ею не возмущался и ничего другого и не ожидал, а просто смотрел на нее, как на давно известный мне вид, который успел даже наскучить. Ведь дело совсем не в том, что Оксана скупа или жадна…

Такие гнезда всегда не поверку оказываются страшно неудачливыми. Вся эта постройка целой жизни вообще очень не крепка и разваливается от первого ветра. И это естественно, не может быть никакой удачи у обособившейся от человеческой культуры и человеческого духа семьи. Я не хочу тебе говорить более ясно о тех неудачах, которые ждут семью Оксаны, понимаешь, фатально ждут, от которых ее ничто избавить не может, но, хочешь, я напишу это на записочке, и ты потом проверишь. Я почти наяву вижу все,

что может произойти от этого глупого старания. Я очень много видел таких людей. И поэтому я на нее не только не сержусь, а мне ее даже жалко…

Ты даже понятия не имеешь, сколько в человеческих глубинах наворочено вот этого самого подлого расчета…

Это все обыкновенная история, Солнышко. Пока не было карточной системы, пока ты не нуждалась ни в какой дружеской поддержке, ничего этого, конечно, и не было видно.

Вот и все. Вот и все. О чем говорить? Неужели ты думаешь, что такие, как ты – все. Это было бы и обидно, и страшно скучно.

12. Есть. Обязательно и очень скоро добьемся того, что будем вместе жить и, конечно же, ни от кого не будем зависеть. Будет гораздо лучше даже, чем нам сейчас представляется. А вот больше никогда не говори: «Смотри, только люби меня». Разве я тебя люблю? Я часть твоей жизни, часть твоей души, я тебе отдался до последнего конца и до последнего движения ума. Все отдано тебе. Настолько отдано, что у меня уже и никаких желаний для себя не может родиться…

Будь радостна, будь счастлива, будь верна мне. Это страшно важно, страшно важно. Я тебя люблю.

Твой Т

№ 12

Вечер с 12 ноября 1929

Получил сегодня от Вас, Солнышко, очевидно, 13-е письмо. Номера на письме, конечно, нет. Спешу сейчас ответить, а то после сигнала спать начнется педагогический совет, и писать уже не удастся…

Книгу, детка, родная, пишу регулярно каждый день. Что получается, не мне судить, как будто получается в прежнем тоне, Вы себе можете представить…

«Ты научила меня плакать…», т. 2, с. 12-34.

[1] Харьковский паровозостроительный завод.

[2] Поповиченко В. И. – воспитатель-учитель в колонии им. М. Горького с 1 янв. 1921 г. (до лета 1925 г.), один из помощников зав. колонией. В «Педагогической поэме» В. И. Осипов.

[3] Есть сведения, что одной из причин отказа А.С.Макаренко от работы в Ленинграде стало несогласие тамошнего руководства с переездом его туда вместе с его воспитанниками (или их частью).

[4] Карточная система – это применяемое тогда в стране нормативное снабжение рабочих и служащих продуктами питания и многими промышленными товарами.

Дополнение. Стенная газета «Дзержинец». **Сообщение: «Снят Юрченко, на его место – Петр Осипович Барбаров». Материалы: «Обращение бюро ячейки ЛКСМУ к коммунарам, товарищам рабочим и служащим, товарищам педагогам» (сообщение о предстоящих на днях перевыборах всего самоуправления коммуны; «лучший подарок к XVI съезду»). «План работы комиссии по проведению перевыборов самоуправления коммуны» (стенгазеты, собрания, отчеты командиров, дискуссионные статьи о командирах, СК, «совете заместителей»; схема отчета: время действия отряда, состав, работа на производстве, «взаимоотношения с техперсоналом», работа в школе, общественная активность, быт, отношения, соображения о новом отряде и командире).**

Общий заголовок: «Лучших коммунаров-производственников – в командиры!» Статьи: «Готовься к перевыборам!» (автор Комсомолец); «Первая ударная» и «Как работала I смена» (авт. Анисимов, Куслий). Фото и надпись: «Смотрите, как фашисты готовятся против нас». Заметки («Хроника», «Почтовый ящик»): новости по мастерским; «О парадных костюмах» (не галифе, а бриджи); «Неряхи, стыдно» (авт. Танк, Бузилка); ответ Лазаревой Е. (из Одесской кинофабрики – «как стать актрисой»). Конкурс «Шарошки» («что здесь нарисовано?» – карикатура) и др.

РГАЛИ, ф. 332, оп. 2, ед. хр. 57; нет начала, названия газеты, № и даты. Предположительно – «Дзержинец», двухнедельная газета комсомольской ячейки; дата ориентировочно: октябрь - первая половина ноября 1929 г.

Письма Г. С. Салько (Макаренко), 13-19 ноября 1929 г.

№ 13

Вечер 13 ноября 29

…Сегодня я целый день возился с денежными делами, с бухгалтерскими книгами и со счетами. Только вот сейчас освободился от этой противной работы и сел продолжать свою книгу. Но перед тем, как взяться за работу, хочу сказать тебе всего несколько ласковых слов…

Откуда у тебя такая страшно огромная душа, что ты умеешь видеть весь мир и обо всех вещах в мире ты говоришь так, как будто все они тебе близко знакомы? Как будто все они твои родственники. Ты на все смотришь широко открытыми, немного

удивленными и немного ироническими глазами, и в каждом движении мира ты видишь какую-то правду или неправду, ты видишь что-то такое, отчего все вещи кажутся более теплыми и более ценными…

Скажи, но отчего мне так тревожно и нехорошо сегодня. Что у тебя случилось сегодня вечером? Солнышко, напиши, обязательно напиши, что случилось вечером 13 ноября, в среду. Что-то у тебя случилось такое, чего ты не можешь забыть. Вспомни: между 5 и 12 часами вечера.

Обязательно не забудь, напиши.

11 часов ночи 13 ноября

Письмо мое к тебе, Солнышко, прервали в 6 часов. Сейчас я делаю небольшой перерыв в писании своей несчастной книги специально, чтобы посмотреть на тебя и сказать с особенным значением:

– Здравствуй, Солнышко.

Не разберу, что у меня на душе делается. Все как-то очень тревожно и вообще нехорошо. Немного чего-то боюсь. Если бы боялся основательно, было бы, кажется, легче. А чего боюсь, не знаю. Не могу уловить настоящего содержания своего страха. Может быть боюсь оставлять тебя одну в Крыму, может быть даже и не боюсь, а просто это особенная форма неизвестности, может быть, просто не по себе без тебя, может быть, мое надолго-бесперспективное материальное положение – все это усложняет и обескровливает…

Еще хочется, чтобы вот сейчас что-то такое особенное и таинственное случилось, какая-то нашлась особая форма нашего общения через расстояние…

№ 14

Ночь с 14 ноября 29

Пишу поздно – целый вечер заняли перевыборы Совета Командиров…

Завтра и послезавтра дома, буду работать над книгой. В воскресенье собираюсь поехать к Езерницким.

Будь весела, будь спокойна, поправляйся, родная.

Целую.

ТТ

Ночь с 15 на 16 ноября 1929 года

Моя красавица.

Если бы мы с Вами были писателями, то Вы обязательно были бы Чеховым, или Буниным, или Пушкиным, а я обязательно Шеллер-Михайловым или кн. Волконским, или графом Салиас[1]…

Я могу расхохотаться сейчас: Вы меня ревнуете. Вы знаете, что со времени Вашего отъезда я брился только один раз и то потому, что нужно было к празднику. Брился 6 ноября, сейчас 15-е, Вы представляете, какой я сейчас изящный? Без Вас я анахорет, дикий и невыносимо скучный человек (не скучный ли и при Вас). Моя жизнь сейчас напоминает жизнь часового механизма. Какое-то колесо повернулось на сколько полагается, и часы бьют, а я принимаю рапорта, повернулось как-то иначе, и часы бьют что-нибудь другое, а я печатаю какое-нибудь удостоверение или разговариваю с завхозом. Для коммуны, впрочем, и не стыдно быть машиной, но вот для себя как-то не годится. У меня же совесть совершенно спокойна: пока приедете Вы, я буду только машиной, и это мне даже нравится…

Обо мне разговор знаете какой? Я не хочу никакой специальности. Писание моей книги меня в некотором отношении отравило. Я страшно втянулся в прелесть литературной работы и иногда думаю, что, может быть, если бы я начал писать не в 40 лет, а в 19, из меня бы вышел пишущий человек…

Я не знаю, что будет из моей книжки, может быть и ничего не будет, хорошо во всяком случае то, что она будет написана и что она даст мне хоть небольшой опыт…

Может быть, если Вы теперь найдете для себя работу в Крыму, то через месяц - другой и я там уже буду. Зато Вы не будете рисковать Вашим здоровьем, возвращаясь в Харьков. Тут арифметический расчет: лучше мне в эту зиму потерпеть без Вас два-три месяца, чем потом каждый год по нескольку месяцев мне сидеть в Харькове, а Вам в Крыму мучиться и мучиться…

Я уже знаю, как это делается: хорошо бы уехать куда-нибудь, туда или туда. Но сейчас нам вдвоем хорошо, а поэтому вопрос о переезде отложим на завтра, а бывает и еще хуже, вот как было с моей поездкой в Москву. Начали дело, но доделать не хватило терпения, и додумать тоже не хватило терпения. А мы ведь думали даже о Петергофе, и могли устругнуть такую штуку, за которую платили бы страшно дорого: могли бы оказаться в Ленинграде, а потом увидеть, что это для вашего здоровья никуда не годится…

Чего терять? Проклятую работу в коммуне и 160 рублей в месяц, которые даже и не составляют 160 рублей, а гораздо меньше, как Вы знаете. Вот просто приеду без службы и буду Вам стоить в месяц, даже если не буду работать, – 20 рублей…

Красавица моя, я тебя страшно люблю и все могу пережить и сделать для твоего счастья и для твоей радости, и для твоего здоровья. Если ты будешь в Крыму, я стану перед Блатом на колени и буду просить не только отпустить, но даже устроить меня в Крыму, и я чего-нибудь обязательно добьюсь или допрошусь. Да раз я уже горы собрался поворачивать, что ж там Блат?

Я тебя люблю, мое драгоценное Солнышко, я тебя страшно люблю.

Твой Т

Может быть, о твоей работе в Крыму ты напишешь что-нибудь сейчас В.П.[2]?

Если можно, не изменяй мне!

Ты меня не забывай, пожалуйста.

У нас хорошая погода, но холодно. Я уже надел поддевку…

В моей книге, кажется, хорошо вышли 22 и 23 главы – о райпродкомиссаре и о захвате сеялки[4].

А может быть и плохо…

№ 16

Ночь с 16 ноября, 29

Солнышко.

Сегодня у меня страдательный день. С самого утра ездили всякие посетили и ревизоры, к вечеру набралось разных небольших скандальчиков видимо-невидимо, насилу освободился к полуночи. Только заправил бумагу в машинку, писать тебе письмо, поднялась стрельба – поймали воров, которые давно уже обкрадывают наш лесной склад, звонили в милицию, ругались с граками, ну, комплекс известный…

Отвечать на твои письма невозможно, за твои письма можно только тебе молиться и вообще реветь. К сожалению, и я в последние дни не настроен на слезы, последнее мое воспитание как-то мало сказывается. Ты знаешь, о каком воспитании идет речь. Ты научила меня плакать – вот основной секрет моей жизни – в этом очень много сказано.

Это значит, что я, наконец, вкусил лирику жизни. Вот ты пишешь, что мои письма лиричны. Спроси, откуда взялось, я никогда в жизни не писал ни одного лирического письма. Интересно, что я все больше ловлю в своей книжке лирических чертиков. Еще интересней в моих разных записках проходит черта: до знакомства с тобой записки сухие, точные мысли, как отрезанные, жесткие положения, после 27 года лирика и лирика. До чего ты меня испортило, мое славное Солнышко.

Ты меня, ласковое Солнышко, страшно испортило. Я сейчас совсем сделался князем Мышкиным[4] или даже еще хуже. Мечтаю, мечтаю, утончаю свои переживания до последней степени, на каждом шагу красочные блики жизни, на каждом шагу человеческие ценности. У меня прямо в глазах рябит от этой красочности и разнообразия жизни. О чем только в течение дня я не передумаю, чего только не разделю и не рассмотрю.

А самое главное, ты меня научила соединять последнюю молчаливую тайную до последней глубины мужскую суровость, мужское великое одиночество, с просторным размахом безмерного чувства, с открытым и ясным взглядом. Ты меня приучила понимать

все вещи по-новому[5]. Теперь я уже не могу понять многих вещей, которые понимал раньше и понимаю то, чего раньше совсем не понимал…

Я научился прислушиваться к себе. Ты себе представить не можешь, какой у меня сейчас в душе кавардак. И все-таки этот кавардак мною изучен и точно учтен, и точно распределен по каким-то чрезвычайно сложным системам. Иногда я представляю себе всю его сложность до мельчайших подробностей, а иногда он мне представляется только в двух своих основных линиях: страшном просторе и полете чувства, и в непроходимой моей бедности и бесполезности. Ох, как больно я ощущаю сейчас свою полную бедность, знаешь, какую бедность, когда очень понятным и близким становится слово «нищий». Я еще никогда в жизни не ощущал такой всепроникающей беспомощности, как сейчас, материальной беспомощности…

Сегодня опять из города звонил Колесса. Настойчиво требует, чтобы я сейчас ехал заведующим профобразованием в завод «Коммунар» в Запорожье. Ну, что я могу сделать. Теперь я уже ехать никак не могу, да и не хочу. Крым, и все…

Будь весела.

Твой Ант.

№ 17

Ночь с 17 ноября, 29

Сегодня напишу тебе только коротенькую записочку, мое Солнышко: накрыли неожиданно меня с статистическим отчетом, и если не представляю к 20-му, то грозят штрафом 100 рублей…

Должен кончать письмо. Набилось народу, который должен давать мне разные сведения. Поздно очень…

№ 18

Ночь с 18 на 19 ноября 29

…У меня сегодня целый день новое дело: налет легкой кавалерии. Я впервые так близко наблюдаю это замечательное явление. Страшно интересно и поучительно, приедешь, расскажу. Представь себе, что производить ревизию, скажем, московского балета, присылают компанию телят. Вот приблизительно такая же конъюнктура должна создаться в результате…

Экзамен в ФЗУ будет в последних числах ноября. Сейчас Лева уже занимается с репетиторшей, которой он очень доволен. Боится Левка украинского языка, но я вообще уверен, что он экзамен выдержит. Выглядит Левка прекрасно, очень поправился и похорошел. Ведет он себя у Езерницких, кажется, безукоризненно. Да и вообще он только по отношению к любимой мамочке позволяет себе некоторые вольности, а так он хлопец первого сорта. Тебе о нем беспокоиться не нужно…

О себе самом я ничего писать не могу. У меня сейчас вся жизнь в любви к тебе и в беспокойстве за тебя – одним словом, моя жизнь тебе уже известна. В коммуне все благополучно…

Я сейчас страшно красив – побрился после 6-го первый раз.

Когда же ты будешь нумеровать письма?[6]

Мое Солнышко, страшно хочется взять тебя за плечи и посмотреть в глаза.

Я закончил половину первой книги – 30 глав[7]. Далее дело пойдет быстрее…

«Ты научила меня плакать...», т. 2, с. 35-53.

[1] Шеллер-Михайлов А. К. (1838-1900) – рус. писатель просветительского направления, поднимал проблемы «отцов и детей», участия новой молодежи в общественной борьбе; полн. собр. его соч. в 16 томах (2-е изд.) вышло в С.-Петербурге в 1904-1905 гг. Волконский М. Н. (1860-1917) – автор популярных исторических романов. Салиас-де-Турнемир Е. А. (1842-1902) – автор посредственных повестей на исторические темы.

[2] Говорится, несомненно, о В. П. Затонском.

[3] Главы «Триумфальная сеялка» и «Братченко и райпродкомиссар» в журнальной публикации 1-й части «Педагогической поэмы» (1933 г.) стали 10-й и 11-й главами, т. е. из ее текста 1929 г. выпало 12 предшествующих глав. См. далее: в письме Г.С.Салько 6 дек. 1929 г. говорится о завершении – 41 и 42 главах.

[4] Князь Мышкин – главный герой романа Ф.М.Достоевского «Идиот», болезненно чувствительная, сострадательная к человеческим бедам и наивная, лишенная жизненного опыта личность.

[5] Отражение этого см. в макаренковском плане романа в 3-4 частях (А.С.Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания... Часть 1, с. 320, 324-326).

[6] Нумерацию писем А.С.Макаренко делал из-за боязни их потери на почте.

[7] Если А.С.Макаренко говорит «о первой половине книги», то в ней предполагалось 60 глав. В 3-х частях «Педагогической поэмы», в журнальном издании представлено: 1 часть – 24 главы (в отдельных изданиях 1934-1936 гг. – 29-30 глав); 2 часть – 18; 3 часть – 15 (как и в изд. 1937 г.).

Дополнение. **17 ноября – выборы совета командиров VII созыва. «ССК – Митя Анисимов, улыбающийся, добросовестный и всегда оптимистически настроенный. Митя и его командиры не могли улучшить положения коммуны. Комсомольская организация в это время проявила замечательную энергию, но нас заедала кропачевщина. Кропачева (зав. производством с августа 1929 г. – А. Ф.) крыли на каждом общем собрании, крыло бюро, а он твердил только одно: подождите, все будет прекрасно». (Втор. рожд., с. 29).**

Положение о средствах передвижения
по диаграмме межотрядного соревнования

1. Каждый пешеход проходит столько, сколько внесено отрядом марок в кассу соревнования[1]. Если отряд внесет сразу 50 марок, то он и подвинется сразу на 50 верст.

2. Если отряд покупает какое-нибудь средство передвижения, то он платит за него только один раз и потом движется вперед без какой-нибудь платы.

3. Средства передвижения, их цена и скорость такие:

Собаки……..... цена 4 марки, скорость 7 верст[2]

Олени…….....цена 6 марок, скорость 10 верст

Лошади…….....цена 8 марок, скорость 12 верст

Рысаки…….....цена 15 марок, скорость 22 версты

Велосипед…….....цена 10 марок, скорость 10 верст

Моторная лодка.....цена 25 марок, скорость 60 верст

Пароход…….....цена 50 марок, скорость 40 верст

Паровоз…….....цена 30 марок, скорость 60 верст

Автомобиль.....цена 50 марок, скорость 100 верст

Аэроплан.....цена 90 марок, скорость 150 верст

4. Собаки могут находиться в действии от 20-й версты до 200 версты.

Олени могут находиться в действии от 60-й версты до 280 версты.

Лошади и рысаки могут быть в действии, начиная от 200 версты по всему пути, за исключением моря. Их можно брать и на паровоз и на пароход.

Велосипед находится в действии, начиная от 400 версты по всему пути, за исключением моря. Велосипед можно брать на пароход и на паровоз.

Моторная лодка может быть в действии, начиная от 280 до 500 версты.

Пароход действует только на море от 900 до 1100 версты.

Паровоз действует, начиная от 310 версты по всему пути, за исключением моря. На пароход его брать нельзя.

Автомобиль действует от 400 версты по всему пути. Его можно брать на пароход.

Аэроплан действует, начиная от 500 версты по всему пути и над морем.

5. Уплачивается за топливо за каждый день пути: за бензин для аэроплана 10 марок, для автомобиля – 5 марок. За уголь для паровоза и для парохода в сутки по три марки.

6. При полете на аэроплане за каждую марку штрафа, если такой штраф наложен во время полета, а не во время стоянки, аэроплан считается с испортившимся мотором и стоúт для ремонта одни сутки. Если штраф наложен во время полета над морем, аэроплан возвращается на берег в Одессу и стоит там одни сутки.

7. Если какое-нибудь средство передвижения отряду уже не нужно, отряд имеет право возвратить его в кассу соревнования и получает в возврат половину его стоимости.

8. Все передвижения считаются от 9 часов вечера того дня, за который производится расчет, до 9 часов вечера следующего дня.

9. Количество средств передвижения не ограничено (сколько угодно), но купить их можно только на том пути, на котором они имеют право действовать. Например, аэроплан можно купить где угодно, но не раньше 500 версты, коня можно купить где угодно, но не раньше 200 версты, оленя можно купить где угодно, но не раньше 60 версты.

Утверждено на общем собрании коммуны 20 ноября.

А.С.Макаренко / Ред. колл.: Ф.И.Науменко (отв. ред.) и др. Кн. 5. – Львов, 1963, с. 184-185.

Как видно из письма Г.С.Салько (Макаренко) 21 ноября (см. ниже), межотрядное соревнование в коммуне началось примерно месяц назад, как часть «реформы» (см. письмо 3 ноября), предусматривающей «уничтожение всех наказаний».

В этой дисциплинирующей, длящейся по 1 месяцу игре учитываются «провинности» воспитанников, отмеченные, вероятно, в ежедневных рапортах командиров отрядов (рапорты сдавались устно и одновременно в письменной форме) – см. т. 1, с. 148). В дальнейшем это стало сочетаться с эпизодическим применением наказания, «очень редким», когда требуется «восстановить реальные интересы коллектива» (там же).

С применением «марок», это соревнование, видимо, проводилось недолго (было организованно, несомненно, при участии В. Н. Терского). Затем оно продолжалось в измененной форме, см. т. 1, с. 148, осень 1932 г.

После перехода коммуны на массовое производство продукции (поточный способ производства, пооперационное разделение труда),

когда стали применяться учет стоимости продукции, расценки, зарплата (хозрасчетные отношения), при переходе коммуны на «полную самоокупаемость» (с сер. марта 1930 г.) – развернулось соревнование производственных участков, стал применяться поквартальный «плакат-план» (т. 6, с. 201, 203, 218-219). Подвижная «диаграмма» стала отражать производственно-финансовые достижения, накопление средств для строительства коммунарского завода (пущен в начале января 1932 г.).

[1] О внесении в «кассу соревнования» отрядами «марок», полученных за имеющиеся успехи, см. ниже в письме Г.С.Салько (Макаренко) 21-22 ноября 1929 г.

[2] Верста – русская мера длины, равная 1,06 км.

Дополнение. Протокол № 50 заседания совета командиров **коммуны им. Ф.Э.Дзержинского 20 ноября 1929 г. Присутствовали 14 командиров, А.С.Макаренко, Н.П.Разумовский. Повестка дня: 1.Заявления. 2.Наряды.**

Слушали: зав. производством Чарского и Ребика, Вайсберга, Николютина, Галицкого, чтобы разрешили им столоваться в коммуне. – Отказать.

Заявления Прасова, Назаренко, Мельника, Ширявского, Шмыгалева, Рамнова о том, чтобы разрешили курить. – Отказать, ввиду того, что им не исполнилось 16 лет.

Заявления Щербоченко, Дорошенко о том, чтобы разрешили курить. – Разрешается.

Заявление Топчия о том, чтобы сняли с [должности] конюха. – Снять, назначить Мельника.

Заявление Веховой о том, чтобы сняли ее с [работы в] бельевой. – Снять.

Заявления Пащенко и Яковлевой о том, чтобы сняли с «крыс». – Снять, назначить Иванова и Олексюка.

Назначаются наряды для уборки помещений: классы, кухня, коридоры, кабинеты, клубы, вестибюль, столовые, лестница. Сводные отряды по обслуживанию коммуны…

Зав. коммуной – *А. Макаренко***. ССК –** *Н. Разумовский*

РГАЛИ, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 383, лл. 15-16

Письма Г. С. Салько (Макаренко), 21-30 ноября 1929 г.

№ 21

Ночь с 21 на 22 ноября

Очень поздно, сегодня увлекся своей книгой и очень много сделал. Поэтому, Солнышко мне простит, что так мало пишу. От Вас писем не имею два дня, но это меня не пугает, уже привык получать письма пачками – очевидно, у Вас там в Хараксе почта отправляется не каждый день…

Сегодня у нас день отдыха и торжества: уже с месяц мы проводим межотрядное соревнование, уничтожили все наказания и блаженствуем. Сегодня была торжественная передача знамени отряду-победителю. Таким оказался как раз второй отряд – теперь знамя будет до конца нового месяца находиться у них в спальне. Второй отряд ходит гоголем по коммуне, и все ему завидуют. Сегодня его чествовали вовсю. В общем все это приятно и в значительной мере венчает мою работу.

На новый месяц мы это самое соревнование соединяем с особой интересной игрой: на стене коридора устраиваем диаграмму, показывающую движение отрядов вперед. Движение показано по пути Архангельск – Рим. Можно идти пешком, но можно ехать и на собаках, лошадях, автомобилях, паровозах, аэропланах и т. д. Все это нужно покупать за те марки, которые отряды получают по соревнованию. В коммуне об этом все говорят и страшно увлечены, поэтому и я Вам пишу…

Т Т

№ 22

День 22 ноября, 1929 г.

Солнышко. Только два слова. Сижу один в кабинете и пишу «ПОЭМУ». Только для того и вставил листок в машинку, чтобы сказать тебе, что я тебя люблю. Больше мне ничего тебе сейчас сказать не нужно. Вот только это: я тебя страшно люблю, Мое Солнышко.

4 часа дня.

Ура. Получил целых четыре письма от Солнышка, да какие все замечательные письма. Прямо не письма, а «поцелуй ребенка»…

Пока в кабинете полно. Целую твои глазки. Левка страшно хочет на север, пищал сегодня по телефону. Я еще сам писем не читал, знаю только от Оксаны по телефону.

Ночь 22 ноября 29

Добрый вечер, красавица моя ласковая. Завтра мы все идем в клуб ГПУ праздновать десятилетие КИМа[1]. Туда же обещал прийти и Лева, принести мне письма из Свердловска. Одно письмо – спешное, Оксана распечатала с моего разрешения и

прочитала мне по телефону. Пишет к вам «Юлия», письмо очень ласковое. В нем излагается удовольствие по поводу нашего намерения перебраться в Сибирь. Говорится, что послано «Антону Семеновичу» какое-то предложение, кажется, на работу в Ирбите на заводе-колонии. По этому письму видно, что на этом заводе-колонии будут работать 300 мальчиков и 600 рабочих. Кажется, мне предлагают не место заведующего, а что-то другое…

Конечно, ехать в Ирбит едва ли придется. К этому как будто нет ни одного показания, кроме страшного желания Левы. Прежде всего едва ли можно ехать по условиям для Вашего здоровья. Об этом, конечно, можно поговорить там у Вас с докторами. Во-вторых, Ирбит, разумеется, страшное захолустье, что никакие радости в нем не могут выдержать и обращаются в тоску. Сама Юлия пишет, что Ирбит очень хорош с «обывательской точки зрения» – все дешево и т. д.

Спасибо, Солнышко, за последние письма. У меня еще никогда не было такого спокойствия на душе, как сегодня. Я страшно хочу верить, что все будет хорошо. Страшно радостно было узнать, что с малокровием у Вас нет ничего страшного, страшно радостно, просто не нахожу слов для того, чтобы описать Вам свою радость…

Твой Тося

№ 23

3 часа ночи с 23 на 24 ноября 29

Мое, мое замечательное Солнышко. Только сейчас возвратились с коммуной с празднования десятилетия КИМа из клуба. Насилу перебрались через лес[2], так сегодня темно. Сейчас ребята ужинают, а я вот сел за машинку сказать тебе два слова…

Какой Ирбит… Вероятно, это тот самый знаменитый завод, о котором мне говорили в Московском Наркомпросе. Единственно[е] преимущество всего этого предложения в том, что оно реализуется не сейчас, а через восемь месяцев, и значит, мы не обязываемся к немедленному ответу. Впрочем, самого предложения я еще и не получил, а может быть, и не получу – в России все возможно…

Целый день и вечер всегда кто-нибудь торчит в кабинете и заглядывает в машинку, всякому интересно узнать, что я делаю, некоторых приходится прямо оттаскивать от листа бумаги[3]. Как раз началась серия триместровых[4] и других педсоветов и совещаний, в «поэме» дела тоже продвигаются вперед очень медленно, и видно, тебе не избавиться от неприятности выслушать чтение всей первой части поэмы, когда приедешь. До твоего приезда к тому ж и осталось пустяковое время – 22 дня, выходит, что мы уж перевалили за половину.

Пришли передавать дежурство…

Лева очень мило встретился с коммунарами…

№ 24

3 ч. дня 24 ноября 1929

…Нам с тобой будет везде хорошо, но у нас же хвосты, которые гораздо требовательнее нас с тобой. Ты совершенно права, нужно туда проехать и все такое прочее. Но я заранее предвижу все неудобства Запорожья, как будто и маленькие неудобства, но такие, через которые не перескочишь. Самое главное затруднение, которое там встретится – это квартира. Даже Колесса говорит, что квартирное положение в Запорожье ужасно, это и понятно – ведь строится Днепрострой. Для того, чтобы уладить этот вопрос, надо деньги и деньги, а тут в Харькове с деньгами не так важно…

Нужно нам ехать в Крым. Я уверен, что в этом случае даже денежные затруднения мы покончим и быстро, и совершенно. Я тебя так люблю, что только силы любви помогут мне быть по-настоящему практичным человеком. Я уверен, что только поэтому мы не делали уже глупостей с Москвой или Ленинградом.

Сейчас отправляю на почту. Вечером напишу еще. Сейчас есть оказия. Сегодня посылаю тебе маленькую поддержку в 30 р. Посылаю почтой…

№ 25

Ночь с 24 ноября 1929 года

Мое Прекраснейшее Солнышко.

…Вот твои письма тем и замечательны, что ты просто органически не хочешь страдать. А это страшно важно: страдают только те люди, у которых нет вот такого отвращения к страданию, как у тебя. Ты и меня перевоспитала страшно глубоко. Раньше я не умел страдать, а теперь я уже к страданию чувствую настоящее отвращение…

Аксиома первая… Почему мы не переехали в Москву? Среди многих других причин квартирная была самая главная. Я при этом смотрю на квартиру прежде всего как на условие твоего здоровья. Самый процесс выжимания сносной квартиры из всей обстановки [устройства на новом месте] может довести до болезни…

Аксиома вторая… Для меня сейчас главное возражение против Запорожья заключается только в том, что в первую очередь я считаю необходимой ставку на Крым…

Аксиома третья. Вопросы финансовые… В случае переезда мне придется заплатить разных долгов рублей 750… Надежду на книжку я пока совсем не учитываю. Благоприятный исход с книжкой может вообще повернуть историю не только в материальном смысле… Я и в самом деле никогда не думаю о тех выгодах, которые она может дать в материальном отношении или в каком-нибудь другом…

Аксиома четвертая… При начале нашего переселения куда бы то ни было одному из нас придется, наверное, уехать раньше и там на месте приступить к организации новой жизни. На это нужно решиться, и без этого почти невозможно обойтись…

Харьков Вокзал

Тося

25-XI-29

№ 26

Ночь. 25 ноября 1929

…Был в городе, страшно устал, потом еще писал книгу, страшно хочется спать – насилу сижу возле машинки.

…Я тебе страшно благодарен за то, что ты меня хоть на время освободила от ревности. А поэтому мне и спать хочется. До сих [пор] я всегда засыпал с самыми ревнивыми мучениями, засыпал без желания заснуть.

…И с малокровием ты уж как-то очень по-партизански разделалась: малокровия просто нет. А откуда-то взялось, что гемоглобина только 40%. Что это твои доктора сознательные шарлатаны?...

№ 26

(В предыдущем письме был тоже № 26,
по «стечению обстоятельств» отправленный с № 25)

26 ноября 1929

Моя Прелестнейшая Галенька.

…Сегодня я особенно чутко живу своей любовью к тебе, я совершенно забыл все дела и все соображения, и все планы. Я тебя просто люблю и хотя тебя и нет со мной, у меня удивительно благостно и светло на душе. Я бы сейчас мог плакать самыми счастливыми и благодарными слезами, для этого нужен какой-нибудь самый нежный, самый незначительный толчок.

Сегодня я небывало талантлив, даже гениален, если бы я сегодня писал роман, у меня вышли бы страницы о любви, которые были бы выше всего написанного до сих пор, выше Гамсуна и Келлермана[5], выше кого хочешь. Но я никогда не напишу такого замечательного романа, потому что я люблю тебя, и я никогда не захочу и не смогу захотеть разменять мою любовь на какие-нибудь другие, более мелкие ценности…

И сегодня весь мир кажется мне построенным из особенного, прекрасного, легкого и сияющего материала, страшно обильного и страшно нежного. Даже люди сегодня представляются мне гениально придуманными аксессуарами для того, чтобы этот мир был живым, занятным, красивым и страшно ценным. Если мир создан богом, то нужно

признать, что он сделал его замечательно хорошо. Нельзя было придумать лучше комбинации людей, чтобы твоя прелесть и твое богатство были особенно поразительны и прекрасны.

Я не знаю, отчего именно сегодня я так вольно живу только в своей любви. Я не знаю ни одной прямой причины, почему именно сегодня мир не исчез, а деликатно задвинулся какой-то прозрачной и легкой тканью, страшно красивой и богатой. Ничего сегодня не случилось. А может быть, наоборот, случилось очень много событий, специально назначенных для того, чтобы устроить для меня такой блестящий праздник.

Сегодня я очень сложно и трепетно живу. И что все удивительнее, так же сложно и так же трепетно живет и все вокруг меня. Сегодня передо мною прошли неожиданно очень богатые и прекрасные куски жизни, осколки чьих-то радостей, грустные нежные женские глаза, здоровые нежным детским здоровьем, ясные и ароматные серебряные души наших мальчиков, сегодня особенно одухотворены и горды строгие формы нашего коллектива, они сегодня именно прекрасны этой восхитительной гармонией пружинности и отзывчивости, стали и самого тонкого аромата, строгости и высшей деликатности.

У меня сегодня тысячи таких сопоставлений, все живых и страшно своеобразных и неповторяемых. Каким-то образом я увидел сегодня самые тайные прелести вещей, самые богатейшие хрустальные переливы и страшно огромные ценности, заключенные в едва заметном человеческом движении.

Все меня приводит в восторг[6], и он тем дороже для меня, что его никто не видит, никто о нем не знает, и я переживаю его в моменты самых будничных вздохов жизни, сопровождаю самыми обыкновенными привычными словами:

– … надо еще прибавить стоимость сушки[7]…

– … ваши спинки[8] оказались никуда не годными…

– … пяти пудов[9] рису маловато, ну, да ничего…

А на самом деле мне хочется нежно прижаться к каждой спинке венского стула, к каждому мешку риса, к котлу паровой сушки, ко всем этим замечательно оригинальным и удачным творениям божиим. Они такие прекрасные, все эти милые вещи, которые живут в том самом мире, в каком живешь и ты, мое Солнышко.

ТТ

Сегодня в коммуне гостит Лева.

Он прелесть.

№ 27

Ночь 27 ноября 1929 года

Здравствуй, Солнышко.

…Я страшно занят, занят все маленькими делами, будничными заботами и вообще копейками. За три дня никак не могу окончить важную одну главу в своей книге.

Сегодня был Педагогический Совет, только что разошлись, вчера – производственное совещание и праздник, и так каждый день. Злюсь внутри, но ничего нельзя поделать: получаешь жалование, значит работай – старая истина. Ты написала правду в одном из писем, что в этих колониях никогда нельзя человеку быть человеком.

В то же время не могу настроиться так, что колонию я бросаю, и поэтому особенно стараться и не нужно. У меня просто в мозгу нет таких приспособлений, чтобы это подумать…

У меня в голове вертится все одна неотвязная мысль: рассказать Блату все наше с тобой положение и не только просить его освободить меня от коммуны, но просить и устроить мне какой-нибудь перевод в Крым. Разумеется, до твоего приезда я ничего в этом духе не сделаю…

Сейчас, красавица, пойду спать. Устал, а завтра нужно вставать рано на прием важного заказчика, который просил принять его не позже восьми часов…

№ 28

Вечер 28 ноября 1929 года

…Относительно моей поездки в Крым нужно сейчас прямо сказать: не поеду. О том, чтобы не залазить в долги для такой поездки, и говорить нечего. В ноябре я за всякими вычетами получил только 60 рублей. Нужно ж за месяц отдать Оксане, пальто мое пришлось взять у портного, нужно было и маме дать на расходы, ну, папиросы, то-се, знаешь, как это мало, что и не видно тех денег… Да и едва ли удобно будет просить сейчас билет, а через две недели опять билет в Москву, куда придется отвозить книжку[10]…

Мама очень быстро стареет, и преступлением было бы с моей стороны не взять сейчас прислугу. Я просто не могу видеть, как она работает, насилу передвигаясь по комнате. Во дворе, где ей приходится белье вешать, то пройти за обедом, она падает, зацепившись за травинку, за самую обыкновенную замерзшую травку…

№ 29

Вечер 29 ноября

…Я сейчас немного расстроен по поводу моей поэмы: все не дают работать, прямо, как нанялись, то дела, то делегации – приезжают разные участники октябрьских торжеств в Москве, и некоторые сидят здесь по целому дню, то просто приставания и разговоры, то производсовещания, то еще что.

Может быть, под влиянием этого я в своей поэме опять «заел» и бросился в страшную ругань, будешь на меня недовольна и, вероятно, книгу придется переделывать. К твоему приезду все же, наверное, окончу первую книгу…

«Ты научила меня плакать…», т. 2, с. 54-74.

[1] Международная организация «Коммунистический интернационал молодежи», основана осенью 1919 г.

[2] Коммуна размещалась в харьковской лесопарковой зоне; от конечной трамвайной остановки необходимо было идти лесом.

[3] «Кабинет» – центр коммунарского управления и самоуправления, «канцелярия», кабинет А.С. Макаренко, «педагогический центр коллектива», см. далее в этой книге, глава в «Марше 30 года».

[4] Триместр – треть учебного года.

[5] Келлерман Б. (1879-1951) – нем. писатель, испытал влияние неоромантизма, обращался к социальной тематике, критиковал буржуазную направленность технического прогресса.

[6] Такое восторженно-экстатическое восприятие мира в его противоречивости, напряженное эмоциональное ощущение единства человека и мира, их гармонии и красоты, поэтическое погружение в «сверхчувственное», «надсознательное» – А.С. Макаренко испытывал многократно (см.: А.С. Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания… Часть 1, с. 217-218, 271; это видно и по его «Педагогической поэме» – сост. С.С.Невская, 2003, с. 563 и др.; ранее в письме – ночь с 16 ноября 1929 г.). В данном случае это совпадает с его интенсивной работой над завершением 1-й части «Педагогической поэмы».

[7] Говорится о сушке материала для деревообделочной мастерской.

[8] Имеются в виду изготовляемые в этой мастерской спинки для стульев.

[9] Пуд – русская мера веса, равная 16,98 кг.

[10] Из сказанного следует, что в работе над «Педагогической поэмой» А.С. Макаренко исходил из договоренности с Москвой (вероятно, с издательством ЗиФ) о представлении рукописи к середине декабря 1929 г.

Дополнение. **23 ноября утвержден состав Правления коммуны II созыва.**

Протокол № 51 заседания совета командиров

30 ноября 1929 г.

Заявления: Могилина, чтобы перевести в швейную мастерскую. – Перевести; Грушина, чтобы перевести из столярного цеха в слесарный. – Отказать, т.к. некем заменить; командира 1 отряда о переводе Локтюхова в 11 отряд, а из 11 в 1 Тетеряченко. – Перевести.

Заявления: т. Беленького о предоставлении усиленного питания 13 коммунарам (пофамильно). – Разрешить; Ткаченко о приеме в коммуну. – Отказать, т.к. у нее есть родители; Долинного об отправке домой к брату. – Впоследствии не захотел сам; Ширявского, чтобы разрешили курить. – Отказать, т.к. не исполнилось 16 лет; т. Гладких, чтобы определить время для открытия кладовок и выдачи вещей из бельевой кладовой. – По понедельникам, средам и пятницам от 17 до 10 час.

Поручение Калабалину и Французову: распределить коньки по отрядам (к открытию катка в коммуне).

Наряды для уборки и обслуживания коммуны.

Зав. коммуной – *А. Макаренко***. ССК –** *Н. Разумовский*

РГАЛИ, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 382 (1).

Письма Г. С. Салько (Макаренко), 1-9 декабря 1929 г.

№ 30

Ночь на 1-е декабря

…Взялся вечером за свою книгу, и ничего не выходит – вся эта совершенно необъяснимая история с письмами меня страшно волнует[1]…

Я не могу представить себе любви, которая уживается с таким отношением к любимому…

№ 31

1 декабря 1929

…Ты так прекрасно пишешь о страдании, о ревности, как будто ты знаешь, что сегодня меня нужно лечить, и пришла с лекарством, такая родная, теплая и ласковая…

И еще: может быть, ты даже не будешь меня обесценивать в своих глазах за мою непрактичность, за мою бедность…

Книга моя сегодня стоит, моя муза лежит на кровати и щека у нее перевязана – флюс…

№ 32

Ночь на 3 декабря 29

…Лева страшно торжествует, что он идет на ФЗУ[2] не один, а в компании 6 дзержинцев, в том числе и Черкашина… Сегодня у него получка: я ему сразу после твоего отъезда объявил, что его ставка в месяц 10 рублей…

Теперь много писать не буду, хочу во что бы то ни стало окончить книжку…

№ 33

3 декабря 1929 года…

11.20 утро

…Ходили смотреть печку, печка действительно сделана плохо… Ты должна вплести эту печку в мой сонет, только в этом случае ты сможешь ощутить постоянную поэзию моей жизни. Я люблю тебя, и поэтому я люблю и печника, и его печку, даже испорченную. Люди никогда толком не знают, что такое настоящий пантеизм[3], они в прекрасном солнечном мире презрительно не хотели замечать печек и печников…

Я виноват, прости меня не споря,
Прости стихи в таком плохом уборе,
Прости и старомодную любовь…

У меня сегодня были Весич и Фере. Фере прелесть[4].

№ 34

4-XII-29

…Каким я стал мудрым особенно за последние полтора месяца. Я теперь уже могу улыбаться спокойной улыбкой мудреца, не нуждающейся в том, чтобы ее кто-нибудь разделил, не претендующей на сочувствие не потому, что мудрец одинок, а потому что он знает цену человеческому сочувствию.

…Когда мудрец любит, он любит не только телом, не только духом, он любит всем своим миросозерцанием.

№ 35…

Вечер 5-XII

…Колесса опять звонил из города и настойчиво предлагает ехать на Днепрострой. Новое дело. В воскресенье еду специально с ним повидаться и по-настоящему поговорить.

Ребята затеяли какую-то пьесу, и я должен без дела провести целый вечер…

Ночь

…Я болен от любви к тебе, в этом не может быть никакого сомнения. Я по-настоящему серьезно болен… У меня очень физически болит сердце, и все удивляются моей страшной бледности…

Какую-то часть себя ты где-то от меня скрыла. Какой-то кусок твоей жизни сделался для меня тайной. Ты не хотела его мне показать.

№ 36

Утро 6 декабря 1929

…Мне бы сейчас нужно двинуть книжку. Благо не так много осталось до конца, чтобы к твоему приезду закончить, но у меня ничего не выходит: скучно и страшно напряженно пишется. Вот приедешь, и я тебе прочитаю эти главы: 41, 42. Ты возьмешь в руки тетрадку и набьешь мне морду.

Я теперь понимаю, что такое поэтическое творчество…

5 часов вечера

…Завтра предчувствую мучительный день: твоих писем нет, писать свою книжку не могу, тебе писать прямо боюсь…

№ 37

7 декабря 1929 года

…Ко мне приехал специальный корреспондент из «Наших достижений»[5], остался ночевать, старый старикашка из «Русского богатства»[6], друг Горького и вообще в этом роде, между прочим, очень болтливый…

Я, видишь ли, тебя так люблю, что глубоко уверен: никто в мире так не любит. У меня это совершенно религиозное переживание, при этом в самой высокой степени…

Что за эту неделю, за все эти дни с 30-го пережил: это не было страдание, это была какая-то горячка души, какой-то непостижимый клубок восторга, радости, любви, ревности, покорности… и в то же время какого-то страшно сильного синтеза каких-то непостижимых высших ценностей, перед которыми вся моя мелкая возня с точками и числами просто ничто. И сегодня, может быть, я был в параксизме этой лихорадки, и сейчас она у меня не прошла и не могла пройти…

№ 39

9/XII-29

…Я сейчас прочитал один рассказ Р. Тагора[7]. В нем есть одна записка одного сильного мужчины…

Я больше всего благодарен Тагору не столько за мудрость жизни, сколько за то, что имею возможность послать тебе эту цитату и ты увидишь, что вовсе не с пустяком имею дело…

Твое письмо к маме – это что-то, чему я затрудняюсь найти название. Даже не верится, что может живой человек, на трех страницах так много, так душевно, так искренне сказать старому, уже приготовленному к смерти человеку… Моя мама прекрасный человек и неизбалованный красотой жизни…

Что там у нее на душе делалось: она просто плакала,… Я не помню, чтобы я когда-нибудь видел ее плачущей после смерти отца и драм с Витиными ранениями[8]… Только за ужином вечером она уже разговорилась и то скупо: значит, нам Галя родственница? Я все боялась, что она тебя бросит, что ты ей только для шутки нужен… Напиши ей, что я ее тоже люблю и что могу спокойно умереть, а то я все боялась, что не на кого тебя оставить… Я, наверное, этой зимы не переживу…

Благословляю тот путь, который привел меня к тебе, и тот путь, который предстоит впереди с тобой, благословляю всю мою жизнь, которую ты так облагородила и освятила.

«Ты научила меня плакать…», т. 2, с. 75-108.

[1] От Г.С. Салько ему несколько дней не было писем.

[2] ФЗУ при ВЭК.

[3] Пантеизм – философское учение, отрицающее существование отдельного сверхприродного начала: божественная сущность полностью растворена в природе, тождественна ей.

[4] Возможно, в это время А.С.Макаренко читал друзьям 1-ю часть «Педагогической поэмы», а не в январе-феврале 1930 г., как это говорится в одной из публикаций воспоминаний Н. Э. Фере (см. ранее в комментариях к письму А. М. Горькому в кон. сент. 1929 г.).

[5] Журнал художественно-документального очерка, основан А.М. Горьким, выходил под его редакцией, издавался в Москве в 1929-1937 гг., служил «воспитанию масс на конкретных примерах социалистического строительства». В № 2, 1929 г. в цикле очерков «По Союзу Советов» А.М. Горький напечатал свои впечатления от посещения колонии его имени в начале июля 1928 г.

[6] Научный литературный и политический журнал, издавался в 1876-1918 гг. в Москве, затем Петербурге. С 1879 г. имел либерально-народническую направленность. В 1894-1896 гг. вел теоретическую борьбу с марксизмом.

[7] Тагор Р. (1861-1941) – индийский писатель и общественный деятель. Его поэтические сборники, рассказы пронизаны пантеистическими мотивами, жизнеутверждающим настроением. Сформулировал гуманистический принцип «божество жизни». В 1913

г. лауреат Нобелевской премии. Его сочинения: 1-7, 10 кн. – изданы в Москве в 1914-1915 гг. Стих «Душа народа» стал национальным гимном Индии.

[8] Говорится о тяжелых ранениях, с которыми осенью 1917 г. с первой мировой войны домой вернулся В. С. Макаренко.

Дополнения. *Протоколы заседаний совета командиров:* **экстренного, № 52, 8 дек.; № 53, 10 дек.; № 54, 21 дек. 1929 г. Содержание: заявление Николютина с просьбой дать справку о том, что он вышел из коммуны и нигде не работает. – Разобрать это [дело] в бухгалтерии; заявление Могилина, о том, чтобы снять обязанности командира 3-й группы (очевидно, школьной – А.Ф.). – Отказать, продолжать эту работу как следует до перевыборов.**

Заявления о переводе: Соколова Г. и Скребнева из столярной мастерской в слесарную. – Временно воздержаться; Грушева из механического цеха в слесарную мастерскую. – Отказать, определить себе заместителя; Романова П. из гнуто-мебельной мастерской в швейную. – Временно отказать; Землянского II из гнуто-мебельной в слесарную. – То же самое; Швыдко из механического цеха в сборочную мастерскую. – Отказать.

Заявление тов. Филатова о том, чтобы разрешили работать и учиться в слесарной мастерской. – Разрешить. Заявление командира 5 отряда о переводе Пономаренко, Талисман, Сыромятниковой, Татариновой из швейной мастерской, потому что они там не желают работать. – Командиру принять строгие меры, а если не будут работать, то отметить в рапорте.

Заявление Шмигалева, чтобы разрешили курить. – Отказать, по заявлению доктора. Заявление производственницы Соколовой, чтобы разрешили брать обед себе на квартиру. – Отказать. Предложение тов. Юрченко, как давать читать газеты. – Давать по отрядам. Предложение товарища С.Калабалина выдать коммунарам трусы для спортивных занятий. – Временно отказать, пока освободится громкий клуб.

На заседаниях 10 и 21 дек. – наряды для уборки и обслуживания коммуны.

Зав. коммуной – *А. Макаренко*. **ССК –** *Н. Разумовский*

РГАЛИ, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 383, лл. 17-20 с об.

Протоколы заседаний совета командиров **26, 29 дек. 1929 г. Заявления, постановления. «Тов. Букшпан просит (в его отсутствие на заседании СК – А.Ф.), чтобы все санитарные таблички перевести на укр. яз., а командиры решили не переводить и вообще не вешать их, т.к. все коммунары [правила] уже знают и будут учить новеньких». Покрасить в столовой скамеечки: «не надо, к празднику не высохнут».**

Написать письмо Затонскому В.П., чтобы 29/XII-29 г. приехал в коммуну посмотреть, как мы живем: «поручить это СК и тов. Черкашину». По постановлению Правления коммуны зав. коммуной сделать отчет на общем собрании: «все коммунары должны принять активное участие, задавать вопросы и высказываться». Предложение секретаря месткома Полищука о приглашениях на празднование годовщины коммуны: «принять».

Окружной исполком прислал на празнование 12-й годовщины ВЧК-ОГПУ 3 тыс. руб.: «вынести благодарность за их беспокойство об улучшении коммуны, в области сельского хозяйства и воспитательной работы». Заявления А.С. Макаренко: о выделении 2 чел. для ускорения ремонта – «выделить»; в каком костюме быть коммунарам в праздник? – «в юнгштурме».

Работающих на коммунарском производством (40 чел.) сократить до 16, т.к. не хватает рабочих мест, «оставить давно работающих». Заявление Локтюхова, «чтобы простили наказание, наложенное общим собранием»: простить.

30 дек. Вопросы А.С. Макаренко: о празднике и работе – «31-го не работать, т.к. как раз 5-дневка»; о покупке «12 дюжин венских стульев в столовую» – «купить и никуда из столовой не брать». Заявление Землянского, «чтобы вставить ему несколько зубов» – временно отказать, «т.к. он еще молод, и зубы вставлять нельзя». Предложение Фомичева: купить плевательницы – «не покупать, а купить носовые платки».

РГАЛИ, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 383.

Приказы по коммуне им. Ф.Э. Дзержинского.

27 дек. 1929 г., № 361, содержание: дежурный член распорядительного совета – Козырь, дежурные по коммуне Е.Ф. Григорович и Сторчакова, дежурный сигналист, дежурный командир, председатель общего собрания. Состав праздничной новогодней комиссии. Работы – по приказу № 356.

28 дек.: распорядитель по кино – 9 отряд. «В 11 часов дня состоится общее собрание: отчетный доклад зав. коммуной за 1929 г.». Состав сводного отряда по обслуживанию вешалки.

30 дек.: в 5 часов – совет командиров.

31 дек.: дежурство по тихому клубу – 14 отряд, с 5 час. веч., передача дежурства в обед; распорядители – с белой повязкой на левом рукаве, литер «Р»; у командира повязка – красная с зеленым; обеспечение порядка, выдачи книг и газет, их можно выносить, к 10 час. веч. возвращать; рапорт на другой день.

Зав. коммуной – *А. Макаренко*. **Секретарь СК –** *Н. Разумовский*

РГАЛИ, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 382 (1).

Конец декабря 1929 г.: в коммуне на основе швейной мастерской создан пошивочный цех, расширен деревообделочный цех.

Приказы по коммуне: **январь 1930 г., почти ежедневные, кроме 7, 8, 10, 18-22, 24, 27-29 янв. Содержание: работа по производственным отрядам, по двум 5-дневкам (в эти годы вся страна работала по «5-дневкам»), с повторением предыдущих приказов.**

Согласно постановления производственного совета состав 22 бригад, по I и II сменам, с 1 января: командиры бригад, сколько человек в бригаде, их производственные разряды, от 1-го до 6-го («перетарификация»). На период – 3 месяца, затем «проверка каждой бригады и перетарификация коммунаров». До этого перевод из бригады в бригаду – с разрешения производственного совета и в экстренных случаях – СК. Командиры бригад не сдают ежедневных рапортов, но о благополучии сообщают командирам смен – командирам 1, 3, 5, 6, 7, 9 отрядов.

«Зав. производством не позднее как через 2 дня выработать производственную и учебную программы для каждой бригады и мастерской и представить их на рассмотрение в педсовет и производственный совет». Откомандировываются из бригад для

других работ: Французов – для зав. инвентарем и др., работы в конюшне; Разумовский – для работы в СК; работа «крыс».

«Объявляется благодарность от имени общего собрания комиссии (из 3-х человек – А.Ф.) за хорошо исполненную командировку». «Согласно постановления СК объявляется благодарность столовой комиссии», Вовченко, Григорьевой (мальчик и девочка – А.Ф.). «Все лишения кино, наложенные завкоммуной, отменяются. Наложенные СК – остаются в силе». Согласно постановления СК: «тт. Красная Р. и Беленький прикомандировываются к больной Копыловой».

Всем воспитателям-учителям: по окончании учения «классные дневники» должны быть заполнены; предлагается их держать «в комнате музея».

Выговор кочегару «за принос на работу водки». «Предупреждение для всех: при матерной ругани и непристойной болтовне – увольнение, с уведомлением профсоюза». Командирам, их помощникам, дежурству «строго следить за этими явлениями и отмечать в рапортах». Разрешается взять собаку сторожу Шмигалеву.

Служащим и коммунарам: для мусора есть мусорные ящики и ямы. У квартир служащих «выливаются помои»; назначить комиссию из 3-х человек, чтобы сегодня в обеденный перерыв установить, кто именно это делает». Согласно постановления СК «предупреждаются все служащие: если поведение их детей будет и далее такое же плохое, то они без всяких разговоров будут выставляться из здания коммуны, их не пустят в кино». «Дежурству по коммуне во время утренней проверки осматривать и комнаты производственников, беспорядок страшный». Согласно постановления СК: «дать т. Спидняковой 20 пудов угля, с оплатой».

Демонстрация кино в январе: 12 фильмов, через 1-2 дня. I сеанс кино: для коммунаров, производственников и бывших коммунаров, воспитателей, инструкторов, служащих коммуны, их семей и гостей коммуны. II сеанс, в 9 час. веч. – для рабочих производственной части, совхоза и жителей села; «билеты – в кабинете зава». Дежурный отряд – «распорядители по кино».

«Прекращается выдача табаку коммунарам Фролову и Водолазскому, которые бросили курить по собственному желанию». То же: Никитину, Козырю.

Поход на фабрику «Динамо», с оркестром (18 янв.). Состав комиссий: «для разборки парадных костюмов и их пополнения на складе», «для проверки и просмотра посуды на складе». Согласно постановления общего собрания «назначается штаб по соцсоревнованию» (канд. на рук. – Братухин); по постановлению общего собрания назначается редколлегия (стенгазеты). Изменения и назначения, в том числе командиров, – в сводных отрядах: сторожевой, ст. хозяйки, 1 и 2 сводные, санитар (на две 5-дневки); клубный совет, его дежурные, дежурный отряд по тихому клубу, главное дежурство по коммуне, по составу постоянных отрядов и бригад.

«Согласно постановления СК объявляется: подозрение, которое пало на т. Орлова в том, что он взял сало с воза, оказалось наговором Романова, поэтому данное подозрение снимается. Романов и Ряполов за кражу лишаются права голоса до 15 мая, права отпуска и ходить в кино и на вечера, носить форму коммунара».

«Согласно постановления общего собрания коммунары Ряполов и Грушев за беспорядочное поведение при охране коммуны лишаются права быть в изокружке и назначаться на соответствующую работу; поступают в распоряжение Контроля коммуны и главного дежурства для работ в свободное время». «Изокружок из-за недисциплинированности закрывается на 2 недели, до 19 января». Согласно постановления СК: Ряполов, Бондаренко и Чевелий «лишаются права отпуска и входа в спальни в течение дня, права носить юнгштурм и шинель коммунаров, запрещается входить в кладовки».

«На довольствие зачисляется Куслий Филька, в 4-й отряд и 3-ю группу» (школьную – А.Ф.). Дополнительные приказы – для срочных работ. Периодически, по двум 5-дневкам, – распределение отрядов по уборке жилых помещений. Порядок «купания», по отрядам; распорядители по купанию.

Зав. коммуной – *А. Макаренко***. Секретарь СК –** *Н. Разумовский*

РГАЛИ, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 382 (1).

Конец декабря 1929 г.: в коммуне на основе швейной мастерской создан пошивочный цех, расширен деревообделочный цех.

1 февраля 1930 г. – выборы СК VIII созыва. ССК – Разумовский Н.П. «Николай Павлович большой аккуратист, и его правительство привело коммуну в идеальный порядок со стороны всякой чистоты. Но бедны мы были тогда, как мыши. Убытков становилось все больше и больше, сплошь и рядом в коммуне нельзя было достать рубля» (Втор. рожд., с. 21).

15 февраля: перевыборы бюро комсомольской ячейки. Секретарь – Алексеенко. «Это был второй неудачный выбор. Алексеенко не перенес падения своего авторитета и просил об увольнении...» (там же, с. 21-22).

12 марта: секретарем комсомольской ячейки (70 чел.) избрана Сторчакова. Она «дала работе комсомола более серьезное направление. Этому соответствовали и ставшие перед комсомолом задачи – появление в коммуне настоящих производственных установок. Главным видом работы комсомола в это время сделалось управление коммуной в момент очень трудного операционного поворота» (там же, с. 22).

13 марта: «Коммуна приобрела 3 стареньких токарных станка, старенький литейный барабан. Начали делать кроватные углы и масленки (Штауффера – А. Ф.), делали стандартную мебель, тысячами шили трусики – это во всяком случае было производство» (там же; см. т. 4, с. 183-192).

Более подробно см. «ФД-1» – «История производственного фона» и «Дело при Ваграме и другие дела», т. 2, с. 110-116 и 121-126.

Приказы по коммуне **2, 6, 10-12, 14-18, 20-21 февраля, 5 и 6 марта 1930 г. Содержание: работа по производственным отрядам, по двум 5-дневкам, с повторением предыдущих приказов. Изменения в производственных, хозяйственных и дежурных отрядах. Действует 8 видов ежедневного дежурства. На довольствии коммунаров – 140.**

«По распоряжению Правления коммуны командируются для работы в Прилукской коммуне в составе ударной бригады Татаринов, Камардинов, Ермоленко». По постановлению СК:

организуются сводные отряды № 1 и № 2 для работы в продуктовом распределителе ГПУ, в 2 смены».

Согласно постановления СК «выдать поступившим в ФЗУ коммунарам, кроме обычной одежды, парадный костюм, две смены белья, 25 руб. на приобретение постели и 20 руб. на первоначальные нужды».

Дежурства воспитателей по коммуне производятся через 2 дня на 3-й: 13, 16 и т.д. «Согласно постановлению СК организуется производственное дежурство воспитателей: 2 чел. – швейная, 2 – слесарно-механическая, 1 – машинный цех, 4 - сборный».

«Вместо Черкашина зав. школой назначается Швед». «Членом распорядительного комитета вместо Водолазского назначается Анисимов». Дежурные в распорядительном комитете 8 марта: Пихоцкая, Анисимов, Козырь. Дежурству по коммуне предлагается строго следить за тем, чтобы порядок клубной работы выполнялся полностью; нарушения отмечать в рапорте. Штаб соревнования: «прорывы в мастерских, кроме одной смены: 9^{45}-2^{45}» (данные дежурного по штабу). Создается комиссия из 3-х человек «для проверки имущества коммуны».

«Согласно постановления СК разрешается зав. коммуной помогать производственникам в общежитии только в приобретении топлива и плате за освещение». Инструктор машинного цеха переводится инструктором учебно-сборочного цеха; Попов – старшим рабочим деревообделочной мастерской. «Обращается внимание инструктора Шевченко на слабую дисциплину рабочих и коммунаров в слесарной мастерской». Повар коммуны «штрафуется на 5 руб. за невыполнение распоряжения СК и выдачу коммунарского продовольствия служащим». Сторож коммуны обязуется будить повара по его заявке.

«Согласно постановления конфликтно-расценочной комиссии объявляется выговор за шкодливое поведение на работе и байку в мастерской столяру Ребику с предупреждением об увольнении при первом нарушении дисциплины».

«Объявляется план распределения мебели в помещениях коммуны, запрещается его нарушать» – под ответственность зав. хозяйством, зав. мебелью и ССК.

Зав. коммуной – *А.Макаренко*. **Секретарь СК –** *Н. Разумовский*

РГАЛИ, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 382 (1).

Протокол заседания совета командиров, **№ 76, 28 февраля 1930 г. 14 командиров, А.С.Макаренко, Н.П.Разумовский.**

По «заявлению товарищей Подвеско и Грицах»: просьба дать 10 пудов угля на отопление их квартир. – Отказать, мало угля для отопления главного здания.

Заявление Филатовой Клавы о принятии в коммуну. – Отказать, т.к. «имеет родителей, которые неплохо живут».

Предложение А.С.Макаренко: снять Шведа с зав. школой, т.к. «он стал зазнаваться, плохо относится к своим обязанностям, словом, стал маленьким бюрократом». – Снять, его заменит Торская.

Заявление Ширявского: снять его с браковщика и сортировщика. – Снять. Заявления Костюченко и «обоих Фроловых» о разрешении курить. – Разрешить.

Назначение нарядов для уборки здания и обслуживания коммуны.

Зав. коммуной – *А. Макаренко*. **Секретарь СК –** *Н. Разумовский*

РГАЛИ, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 383, л. 44, с об.

Стенгазета «Дзержинец», **ее часть, без даты; ориентировочно: зима 1930 г. Материалы: О соревновании и ударничестве, автор С.Швед; Резолюция бюро ячейки ЛКСМУ о клубной работе в коммуне; «Школа», авт. Т.Татаринов; «Книга», авт. Терятченко (о библиотеке, Е.Ф. Григорович); «Каток», авт. Футболист; «О Мельнике», авт. Елен; критические заметки о Брегель, Грушеве, авт. Иван, Очевидец.**

Сатира и юмор: Авт. КиП (контрольноизмерительный прибор, один из псевдонимов А.С.Макаренко в стенгазетах: «Власов занимается стенгазетой даже на уроках»); стих «Неряхи»; Телеграммы – об отдельных случаях коммунарской жизни; Частушки, авт. Трюк, реакция на отдельные случаи. Хроника. «При редакции стенгазеты «Дзержинец» организовался Отдел консультации, для ответов на

вопросы по всем отраслям знания, политики и коммунарской жизни».

РГАЛИ, ф. 332, оп. 2, ед. хр. 58, рулон 4.

Стенгазета «Шарошка», **ежедневная газета коммунаров-дзержинцев, № 2, март, 2, 1930 г. Статьи, заметки: «Хроника»: 28-го закончился тур междуотрядного соревнования. Первыми пришли 13 и 14 отряды, далее 5-й, 3-й. В хвосте – те, кто были первыми: 2, 6, 8, 9, 11, 12 отряды. Терский изобрел новую игру (пехота, кавалерия, разведка – увлекательно).**

«Осколки нашей жизни», автор Бизон (кратко о неполадках в коммунарской жизни). «На лету» (о разном в жизни коммуны, критически-юмористически). «Говорят», авт. Бонго, Крэйс (тоже о разном). «Мимоходом», Икс, Бонго (то же). «Мой товарищ Шура», авт. Неизвестный (хорошо о своем товарище, без фамилии). «Как коммунары встретили Шарошку», авт. Фугас.

Стенгазета «Шарошка», **ред. Сопин. Материалы: «Консультация» – на разные темы жизни и деятельности коммуны; объяснение некоторых слов («фетишизм» и др.); «Новый коммунар» (П. Барбаров, о себе, автобиография; вероятно, в связи с присвоением ему звания коммунара – А.Ф.); «За работу!», авт. Русь, стих, упоминание о Кропачеве и Когане; «2+2=48!!!», авт. Мимолетный (об учебе в школе). – Часть стенгазеты, без наименования и даты; ориентировочно датируется началом марта.**

РГАЛИ, ф. 332, оп. 2, ед. хр. 57.

Заметка в стенгазете «Шарошка».

Ответ т. Калабалину

Я не вполне согласен с С.А.Калабалиным. Конечно, нужно признать, что никакой разницы между содержанием «Шарошки» и «Дзержинца» нет. «Шарошка» – это, верно, совершенно серьезная газета, а не только зубоскалка. И «Дзержинец» нисколько не солиднее нашей ежедневки.

Но я боюсь, что приход старших в «Шарошку» разгонит нашу дружную и замечательно энергичную редакцию[1].

Поэтому пусть существуют отдельно.

«Дзержинец» благодаря этому тоже подтянется. Вот уже и сейчас женский номер[2] у них должен выйти очень хорошим. А со временем они найдут новые формы общения и широких статей.

РГАЛИ, ф. 332, оп. 1, ед. хр. 57, л. 33. Стенная газета «Шарошка» появилась зимой 1930 г. «в пику» стенгазете «Дзержинец», органу комсомольской ячейки и совета командиров коммуны (т. 2, с. 37; «шарошка» – особый резец, предназначенный для обработки грубо изготовленных изделий). Датируется: перед 8 марта 1930 г., подписано: А. М. Объединение этих газет произошло в 20-х числах июня 1930 г.

Этот материал, как и последующие в данной книге публикации стенгазет, свидетельствует об их роли в организации жизнедеятельности педагогического учреждения, формировании общественного мнения, об участии сотрудников коммуны в стенной печати. Примечательны лаконичный язык и тон разговора А.С.Макаренко с воспитанниками. Заметка С.А.Калабалина в этом номере «Шарошки» сопровождается ответами на нее А.С. Макаренко и коммунара С.Шведа.

Сохранившиеся стенгазеты. кон. 1929 – апр. 1930 гг. и 1932-1938 гг. см. в полном объеме: РГАЛИ, ф. 332, оп. 2, ед. хр. 57, 58, 60; оп. 4, ед. хр. 406, 421.

[1] Глава редакции – коммунар И. Сопин.

[2] Говорится о номере «Дзержинца», посвященном Международному женскому дню.

Дополнения. *Протоколы заседаний совета командиров*, **№№ 77, 78, 79, 80 – 5, 9, март, 10, 18, 21, 1930 г. 14 командиров, А.С.Макаренко, Н.П.Разумовский.**

О работе в продуктовом магазине ГПУ – назначить два отряда: 1-й сводный (Вовченко, Борисов Ф.) и 2-й сводный (Водолазский, Илюшечкин). О хлебе – «прибавить по ¼ фунта на одного человека». О нижнем белье – «назначить комиссию (Григорьева и Редько) для проверки имущества коммуны». Перевод в другие мастерские и бригады – «Страшельницкого снять с механического цеха, перевести в сборочную мастерскую, из 8-й бригады в 12-ю. Могилина

перевести из швейной мастерской в механический цех, из 21-й бригады в 8-ю».

О слесарной и столярной мастерских – «снять со столярной мастерской для работы в слесарной 14, 15 и 16 бригады; когда откроются эти 2 цеха, 14 и 15 бригады должны работать в механическом цехе, а 16 – в никелировочном цехе». По заявлению зав. производством – «выделить двоих коммунаров для работы в качестве курьеров, Локтюхова до обеда, Яковлева после обеда». Жалобы тов. командиров на Французова, что он плохо относится к своим обязанностям (не выдает щетки, тряпки, ведра и т.п.) – «Французову принять это во внимание и в скором времени все привести в порядок, выдавать все в исправности. Предложение совета командиров: «Французову все зимние спортивные принадлежности сдать».

Предложения А.С.Макаренко: создать комиссию по перевыборам совета командиров. – Избрана в составе: Сторчакова, Чарский, Акимов, Камардинов, Фролов С.; Создать комиссию «для выработки Конституции коммуны, чтобы вновь принятый коммунар знал все правила и порядки, перевыборы самоуправления». – Избрана «из старых коммунаров: Козырь, Красная Р., Сторчакова, Жмудский и Макаренко».

Предложения А.С.Макаренко: «Чтобы разнорядчиков (видимо, имеющих лишь первые тарифные производственные разряды – А.Ф.) назначать на 1 месяц по порядку отрядов, с 1-го до 14-й». – Принято; «Выдать производственникам белье и что есть». – Выдать.

О переводе Семенова из столярной мастерской и слесарную. – Отказать. «Оставить Камардинова и Ермоленко в своих отрядах, а Власова, что находится вместо Камардинова, перевести в 1-й отряд». Заявление Токоренко II о разрешении курить. – Отказать, «нет разрешения от врача».

У служащих взять кровати и матрасы, т.к. «не на чем спать коммунарам».

Наряды для уборки здания и обслуживания коммуны.

По предложению А.С. Макаренко: создать комиссии к празднику 1 мая – по подготовке «костюмов и всего имущества (Козырь,

Тихорецкая), работу начать с 21 марта» и «комиссию по столу (Сычев, Григорьева, Фролов К., воспитатель Черняева Елена Григорьевна)».

Зав. коммуной – *А.Макаренко.* **Секретарь СК –** *Н.Разумовский*

РГАЛИ, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 383, лл. 47-48 об.

Стенгазета «Шарошка», **№№ 2-16, март, 10, 14, 19.**

№ 8. Общий заголовок: «Привет нашим дорогим коммунаркам!» Статьи, заметки: «Привет товарищам», от редакции (приветствие всем женщинам-служащим; «в коммуне одна дружная семья коммунаров и сотрудников»); «5-й отряд», «6-й отряд», авторы Мелинский и Летучий ветер (о хорошем в отряде девочек); «Девочки» авт. Колибри (о некоторых их недостатках, мягко и уважительно); «8 марта» (Марат); «Женщина и Французская революция» (Марат); «Суфражистки» (о борьбе за права женщин в истории Англии); Фото: женщины в мире, в СССР, женщины в рядах «красных фронтовиков» Германии; заметки о недостатках на производстве и в жизни коммуны; «Ответ Шведа» (С. Калабалину, на его предложение закрыть газ. «Дзержинец»: она – «двухнедельный орган», а «Шарошка» – об ежедневных фактах; Швед – отв. ред. «Дзержинца» и «Иголки»); отзывы – о кинофильме «Золотой мираж» (критически), о романе Л. Парфенова «Бруски»; Хроника (о прибытии инженера Когана); извинение редакции перед Агеевым (это информация о Фомичеве).

№ 10: «Бюрократ» (о Французове); «Гнать!» (брак в сборочном цехе столярной мастерской); отзывы: о кинофильме «Дымовка», коммунарском концерте и спектакле, о романе, посвященном М.Ю. Лермонтову, и др.

№№ 11, 12: «Даешь военкружки!» (авт. СВД); «Осовиахим» (о противогазах); «Наш тезка» (о заводе им. Ф.Э. Дзержинского); «В ряды комсомола» (авт. К-о); «Скоро день рождения Горького» (из литкружка); «Пишите!», авт. Шило (как помогает «Шарошка»); «Караул!» – авт. Чанг (нужны гигантские качели); «Читайте!» (что читать); «Изокружок»; фото: объясните, что эти ребята делают?; «Любовь», «Влюбленный» – об этом в драмкружке; «Перевыборы комсомольского бюро» и др.

№ 15-16, 19 марта: о торжественном вечере, посвященном Дню Парижской коммуны (при знамени коммуны, с оркестром, доклад А.С. Макаренко; Юрченко, Редько – о Международной организации помощи борцам революции; вступление коммунаров в МОПР); «О пионерах»; «Разгильдяйство», авт. Коган; «Ответы Наблюдателю», авт. Н. Разумовский (на ст. «Ехидные вопросы»); «Проверьте, ложь», авт. Бобина; о математике (кому подтянуться в школе и др.).

РГАЛИ, ф. 332, оп. 2, ед. хр. 57.

Из приказов по коммуне **10-23 марта 1930 г.**

Дежурные по коммуне (поочередно, по дням недели, на 1 месяц или более – 8 чел., поименно; дежурные сигналисты – 9 чел.; по клубному совету – 7; по штабу соцсоревнования – 8; по распорядительному комитету – 3; председатели общих собраний – 6. Дежурные отряды по тихому клубу – 7; распорядители по кино – отряды. Смена сводных отрядов: сторожевой (6 чел.), хозяйственный, ст. хозяйка, санитар. Места в кино, по отрядам, с их периодическим перемещением (по близости к экрану).

15 марта: «Согласно распоряжения Правления коммуны заведование производством передается от т. Кропачева к т. Когану». 17 марта: командирам 1 отряда, оркестра, знаменному 14-13 отрядам (победителям соцсоревнования), председателю общего собрания Фролову К. «приготовить все к торжественному собранию 18 марта; завтра день не рабочий, но отпуска будут даваться только завтра».

Комиссия по пополнению одежды и обуви на летний период (Козырь, Пихоцкая), по подготовке к празднику 1 мая (Григорович, Черняева и 2 коммунара).

«Школьные занятия прерываются на межтриместровый перерыв с 22 по 31 марта вкл.».

Согласно постановления СК: «разрешается Фомичеву пошить юнгштурм и галифе»; «объявляется выговор Козырю и Шведкому за небрежное поведение за станком в машинном цехе». На довольствии 147 чел.

Зав. коммуной – *А.Макаренко.* **Секретарь ССК –** *Н.Разумовский*

РГАЛИ, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 382 (2).

Письмо О. П. Ракович, 24 марта 1930 г.

24 марта 1930

Харьков

Дорогая Ольга Петровна!

Ваше письмо меня и страшно обрадовало, и поразило, и страшно огорчило. Читаю его несколько раз и своим глазам не верю – неужели это Вы, Солнышко, пишете? Подумайте, я Вас 4 года не видел и не получил от Вас, конечно, ни одной строчки.

Поверьте, я совершенно не помню вашего письма после «сокращения»[1]. Очевидно, я посчитал Вас вправе как угодно меня ругать, я поэтому о нем совсем забыл – вот просто ничего не помню. Вы остались в моей памяти только прелестной улыбчивой царевной, которая так радостно и непринужденно посмеялась над моим искренним и очень глубоким чувством к Вам. Все эти 4 года я с мучительной обидой вспоминал «нашу» историю, которая, собственно говоря, не была Вашей историей. В моем представлении Ваша позиция не может быть осуждена: надо же Вам было как-нибудь отделаться от любви «уважаемого начальника». И Вы прекрасно, остроумно и весело отделались. Может быть, Вы даже думали, что я просто лгу о своей любви.

Вы меня простите сейчас за все то, что пишу. Сами виноваты – зачем написали мне?

Я не могу ни о Вас говорить, ни с Вами говорить иначе, как о любимой. Не хочу ни себя, ни Вас обманывать – в моей жизни Вы были чрезвычайно значительны. В моих записных книжках[2] записано очень много отдельных Ваших слов, шуток, движений, разных печальных и прелестных историй – все, что у меня осталось прекрасного в жизни. Но все это необычайно грустно, Солнышко, и, кажется, совершенно непоправимо.

И скажите; зачем Вы, милая, написали? Что это – новая шутка? В таком случае, почему Вам через 4 года захотелось пошутить именно надо мной? И почему Вы обо мне вообще вспомнили?

Вы писали мне в 1927 г.? Почему? Зачем Вам это нужно?

Если Вы настоящий живой человек, если Вы не шутите просто надо мной, Вы должны ответить мне на все мои вопросы – Вы должны мне написать правду. До тех пор о «моей жизни» я ничего не хочу Вам писать, потому что я не хочу больше, чтобы Вы надо мной так же посмеялись, как в 1925 г.

Это вовсе не значит, что я Вас осуждаю. Вовсе нет – Вы имеете право как угодно поступать, я просто не хочу без всякой нужды растравлять «старые раны» – вы меня простите за откровенность. Дело, видите ли, в том, что я не из тех людей, которые находят

удовольствие в приятных воспоминаниях. Воспоминаниями я жить не хочу и не верю, что Вы хотите жить прошлым.

Для меня было бы счастьем Вас увидеть и поговорить с Вами, но я вполне понимаю, что позволить себе такую радость будет для меня слишком большой роскошью – потом это приведет к очень затяжным и тяжелым вещам.

Как видите, Красавица, мое положение аховое.

Напишите мне проще и правдивее, ответьте мне прямо на вопрос: «Что я такое для Вас, чем был и чем остался?»

Как раз об этом я никогда не имел никакого понятия – в Ваших «приветах» заложены только возможности – и возможности чувства, и возможности насмешки – я в этом уже ничего не понимаю.

Если Вы меня любили или любите, напишите мне об этом. Если никогда этого не было – помогите мне забыть Вас, это будет самое честное и разумное.

При всем том страшно печально, что Вы больны или были больны, по Вашему письму я не мог разобрать, выздоровели Вы или нет.

Будьте радостны. Передайте мой искренний дружеский привет всем Вашим.

Ваш *А. Макаренко.*

P.S. Если захотите написать, то так: Харьков, почтовый ящик № 309, мне.

А.

А.С.Макаренко. Пед. соч.: В 8 т., Т. 8, с. 43-44. Ракович О. П. – агент по снабжению колонии им. М. Горького в Полтаве с марта 1923 г. Переписку А. С. Макаренко с ней с конца 1923 г. по янв. 1925 г. см.: А. С. Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания... Часть 1, с. 97-98, 120-121, 133-134. Он предполагал изобразить ее в «Педагогической поэме» как О. П. Субботину: см. там же, с. 345.

По инициативе О.П.Ракович ее переписка с А.С.Макаренко возобновилась за 2 месяца до его кончины, в сер. марта 1939 г., см. т. 8, с. 114-115.

[1] Говорится об увольнении О.П.Ракович с работы в горьковской колонии летом 1926 г., при переезде колонии в Куряж.

[2] Записи своих жизненных впечатлений и мыслей, увиденного и услышанного, в основном в жизни взрослых, – важнейший инструмент творчества А.С.Макаренко как социального педагога и писателя (записи типа дневника). Записанное в дореволюционный период, во время работы в школе и учебы в Полтавском учительском

институте, работы в колонии им. М. Горького в Полтаве и Харькове (Куряж) – не сохранилось.

Сохранились записные книжки 1929-1939 гг., в отпечатанном виде составляющие примерно 20 печ. листов (РГАЛИ, ф. 332, оп. 5); посмертно публиковались лишь их небольшие фрагменты. В июле 1938 г. А.С.Макаренко говорил, что в его имеющихся записных книжках «собралось около 4 тыс. заметок» (т. 8, с. 179). Записи он нумеровал, затем группировал, при работе по какой-либо теме. См. это в работе над «Книгой для родителей»: т. 5, с. 265-280.

***Дополнение*. С 15 марта 1930 г. зав. коммунарским производством стал С. Б. Коган; позднее нач. снабжения, работник финчасти. Под этим именем – в «Педагогической поэме». В ее «Типах и прототипах» – Соломон Борисович, Борис Самойлович Клямер. В «Марше 30 года» и «ФД-1» – Соломон Борисович Левенсон.**

Мнение «Шарошки»

Секретарем совета командиров назначен Камардинов, как кандидат. Это очень хорошая кандидатура. Он коммунар старый, знающий все правила коммуны и хорошо грамотен. К тому же он очень активен и пользуется авторитетом среди коммунаров.

Кандидатура в КК[1] – самое больное место. На этом посту должен стоять энергичный человек и не шляпа. Он должен вмешиваться во все дела коммуны и проверять все. На эту работу намечено две кандидатуры – Долинный и Никитин. Долинный еще очень молодой коммунар. С этой работой ему будет трудно справиться. Никитин – коммунар старый и человек энергичный. Приветствуем Никитина.

Очень важным органом является совет заместителей заведующего[2]. Он соединяет в себе и распорядительный комитет, и штаб соревнования. Кроме того, мы должны помнить, что в начале лета воспитатели пойдут в отпуск и членам СЗ придется очень часто заменять заведующего. Летом у нас много бывает разных экскурсий, и наших, и заграничных, – их нужно принимать, показывать коммуну.

Намечены все кандидатуры дельные – все ребята хорошие и с этой работой справятся. Мы возражаем только против Фролова С., который уже намечен к выпуску из коммуны и должен много заниматься.

Кандидатуры в дежурство по коммуне. Их намечено 9 человек. Это хорошо, реже будут дежурить и не будут так уставать. Намечены все коммунары хорошие. Мы высказываемся только против кандидатуры Каплуновского. Он еще не знает хорошо всех коммунарских правил, да и без этого о нем много пишут нехорошего: плохо он относится

к девочкам и замечен в похабных выражениях – такой человек не способен будет поднять культуру нашего быта, а в этом главная задача дежурства.

Все предложенные в санкомиссию – чистюльки, а для этой работы такие и нужны.

Что касается кандидатур в командиры, то о них сказать трудно. Как будто отрядам видне[3], во всяком случае, среди намеченных есть и кандидатуры неудачные. Например, Петкова явно командир будет некудышный – совершенно несерьезная особа. Каплуновский, безусловно, не годится в командиры, да еще такого заслуженного отряда, как второй. О Прасове тоже нельзя сказать ничего особенного – парень еще далеко не дисциплинированный и не вполне сознательный коммунар.

А для чего выдвигают Грушева? Можно подумать, что только для того, чтобы в отряде было больше беспорядка и чтобы каждый делал то, что хотел.

Швед, прекрасный парень, но командир будет определенно слабый.

Семенцов до сих пор хамоват немного, пусть бы еще капельку «обкультурился» до следующих выборов. А там для Крыма[4] это будет хороший командир – он человек разбитной и знающий.

Наконец, почему наметили Сычова в бельевую комиссию? Человек меньше всего подходит для такого тонкого дела.

А.С.Макаренко. Пед. соч.: В 8 т. Т. 1, с. 118. Материал без даты; ориентировочно – конец марта-начало апреля 1930 г. Подписано – «Кип» (другой его псевдоним в стенгазетах – «Подсолнечник»).

Отражается кампания перевыборов самоуправления коммуны; до этого они производились через 3-5 месяцев. В этом же номере стенгазеты – «письмо» коммунара Камардинова: «что желательно знать о работе командиров в отрядах». В их отчетах показывать: работа на производстве, отношение к ней, заработок, отношение к клубной работе, политучеба, взаимоотношения в отряде, бережное отношение к имуществу, соревнование, место в соревновании.

[1] «Контроль коммуны» ведал исполнением принятых коллективом решений. См.: т. 2, с. 36.

[2] Коллегия «заместителей заведующего» (дежурных, ДЗ) избиралась из наиболее авторитетных старших коммунаров. О функциях ДЗ (с голубой повязкой на рукаве) см.: т. 2, с. 19, 29, 51, 71-72.

[3] Отряд из своего состава выдвигал кандидатуру командира, она рассматривалась на общем собрании коммуны, на нем происходило избрание. Командир отряда выступал как представитель

общекоммунарских интересов, будучи в общем коллективе представителем интересов своего отряда.

[4] Имеется в виду предполагаемый летний крымский поход коммуны.

Дополнения. *Протоколы совета командиров*, **№№ 82, 83, март, 28, 1930 г. Слушали А.С.Макаренко: «Бывшие коммунары, а теперь служащие у нас на производстве берут расчет без разрешения СК. Некоторые из них то увольняются, то снова приходят в коммуну. Коммуна превращается в какую-то гостиницу». Постановили: «Коммунары, которые вышли на производство и взяли увольнение, в коммуну на службу больше не принимаются. Кто берет увольнение, должен сразу переходить из коммуны на другую квартиру. Без разрешения СК бывшим коммунарам с производства не увольняться».**

29 марта – поход всей коммуной в детский театр. «Работать всем в одну смену, до обеда. Костюм - юнгштурм».

Зав. коммуной – *А. Макаренко***. Секретарь ССК –** *Н. Разумовский*

РГАЛИ, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 383, лл. 50, 51. В этой же ед.хр. – см. все протоколы заседаний СК за февр. – март 1930 г. Решения фиксируются в приказах по коммуне.

Приказы по коммуне, **24 марта – 15 апреля 1930 г. «Согласно распоряжения Правления коммуны зам. заведующего коммуной т.Юрченко увольняется с 25 мая. На его место назначается т.Барбаров, с 15 мая».**

29 марта: выход коммуны в город, «марш с оркестром, при знамени», 5 взводов, командиры взводов, по 6 человек в шеренге. 7 апреля: построение, поход в Клуб ГПУ УССР. 31 марта: воскресник, распределение работ во дворе и в саду, по 14 отрядам (с прикомандированием 1-3 воспитателей), поручение рабочим производственной части (с главным распорядителем). 12 апреля: торжественное собрание, посвященное Дню ленского расстрела (рабочих золотых приисков на р. Лене). Кино: «9 января 1905 г.», «кровавое воскресенье».

2 апреля: Согласно решения общего собрания: состав совета (коллегии) заместителей зав. коммуной – Сторчакова, Ермоленко,

Анисимов, Жмудский, Торская; новый состав совета командиров – 14 чел., ССК Камардинов; Контроль коммуны Никитин; санитарная комиссия – 4 чел.; одежная комиссия – 4 чел.; зав. бельевой комиссией – Бобина; помощники командиров отрядов. Далее в ежедневном дежурстве: ДЗ (деж. заместитель), ДК (деж. по коммуне командир), ДЧСК (деж. член санит. комиссии), рабочее деж. воспитателей, предс. общ. собр. и др. Комендантский сводный отряд – 4 чел.

5 апреля: содержание и порядок работы санитарной комиссии (обслуживание помещений коммуны, двора и квартир служащих); ежедневное дежурство (в белом халате, белая повязка с красным крестом на левом рукаве), прием утренней уборки по специальному трубному сигналу, утренний рапорт об этом дежурному командиру; работа в контакте со сводными отрядами; право «поставить на уборку на 2 часа» (с уведомлением об этом дежурного командира), удалить из столовой за неопрятность.

Согласно постановления СК в начале апреля: перевод Харлановой «с 1Б на 1А курс» (говорится о курсах кустпромшколы – А.Ф.); особый сводный отряд для срочной работы «по переносу слесарной мастерской», 13 чел., во главе с командиром, работа после завтрака до 2-х часов дня; два особых сводных отряда «для окончательной работы в саду».

«Согласно постановления общего собрания объявляется благодарность от имени коммуны 2-му, 5-му и 7-му отрядам за хорошую работу в I квартале 1930 г.». «Объявляется выговор инструктору Шевченко за нарушение распоряжения зав. производством и выполнение частных работ в мастерской коммуны».

В приказах есть приписки рукой А.С.Макаренко (делались при их подписании).

Зав. коммуной – *А.Макаренко.* **ССК –** *Н.Разумовский*

или *В. Камардинов*

РГАЛИ, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 382 (2).

Стенгазета «Шарошка», **№ 25, апрель, 3, 1930 г. Основной материал: «Перевыборы» (авт. К.) – расширенный протокол, описание**

общего перевыборного собрания коммуны. Торжественно: оркестр, знамя коммуны, его передача от 13-го отряда 5-му (победителю соревнования), Акимов открывает собрание. В президиуме: Макаренко, Черняева, Соколов, Ермоленко, Барбаров и др.

Отчеты по отрядам: состав, комсомольцы и пионеры, производство, клубработа, дружба, общий заработок, чистая прибыль, место в соревновании и др. Вопросы-ответы, смех: убытки, отношение к отдельным коммунарам, нарушения дисциплины и др. Оценка: благодарность, хорошо, неудовлетворительно.

Отчет ССК Разумовского: с 15 ноября 1929 г. – 35 заседаний (15 обычных и 20 экстренных), участие в заседаниях педсовета; денежные расходы СК; рассмотрено 83 заявления разного рода. Работа признается хорошей. Выступление А.С.Макаренко («началось с полного провала на производстве» и др.).

Перевыборы по отрядам: отряд выдвигает кандидатуру командира отряда (иногда 2), голосуют все коммунары. Иногда – возражения против кого-то, с мотивировкой (отводят и комсомольцы, А.С.Макаренко), но не все возражения принимаются. 8-й отряд удаляется на совещание, затем предлагается и всеми утверждается командиром А.Соколов. Споры, указания на недостатки.

Выборы в Совет заместителей зав. коммуной и состав различных комиссий.

«Собрание заканчивается торжественным актом передачи командования старыми командирами новым». Результаты выборов затем объявляются в приказе по коммуне. Шаржи на выступающих на трибуне.

Другие материалы: О меди (авт. С.Б.Коган, «продолжение следует»), «Долой папу» (римского) и «его агентуру в УССР»; «агенты капитала, отвечающие сейчас перед пролетарским судом – Чехов, Ефремов и др.» (С.А.Ефремов – А.Ф.). Карикатура на Кропачева (арестован за мошенничество и убытки). О кинокартине «За огнями рампы»: «идиотская…, разряженные дармоеды, мелкие делишки. Для кого в СССР нужна эта картина? Привозят такое из-за границы…».

«Стыдно», авт. Г и К (Шмигалев отстает в учебе). «Зайцы», авт. 5 минус 2 (о курильщиках). «Интеллигент», авт. Пат и Паташонок (стих о Французове). «Спят», авт. Острие (о литературном кружке). Авт. Форд (ответ на обиду на «Шарошку»). Заметки и стихи об отдельных коммунарах, авт. Тит-любитель. «Хроника»: серьезно и шутливо об отдельных событиях в коммуне. «Создается специальная комиссия о стенгазетах», окончательное решение – на общем собрании. «Почтовый ящик»: ответы авторам, чьи материалы не напечатаны; фото, рисунки. Карикатуры из журналов и газет, подходящие для коммуны.

РГАЛИ, ф. 332, оп. 2, ед. хр. 57.

10 апреля 1930 г.: «Введение зарплаты для коммунаров. Это была большая реформа. Усилилась ответственность коммунаров, усилилась производительность».

Состав СК IX созыва. «ССК – Вася Камардинов. Командиры IX созыва сразу начали борьбу с неполадками на производстве, за лучшее качество, своевременное выполнение заказов и т.д.» («Втор. рожд.», с. 22).

Действенное, широкое, ответственное и регулярно сменяемое самоуправление, органически входящее в систему административного управления, – один из главных факторов успешной педагогической деятельности А.С.Макаренко. Он говорил, что его опыт – это «то что сделано в жизни мною и моими коллегами-коммунарами» (т. 4, с. 343). Такое единство и взаимодействие поколений, сташих и младших в реальной созидательной практике – существенный момент в понимании макаренковского «параллельного действия».

От заведующего. Заметка в стенгазете «Дзержинец»

Если под завом разуметь меня, а не заведующего производством, то, очевидно, и отвечать мне.

Если такие разговоры в классе между товарищем Бершетиным и товарищем Скребневым действительно происходили, то, очевидно, им приходится получше раскрыть глаза: на циркулярке предохранители есть. Нужно пойти и посмотреть.

Совсем другое дело, если их во время работы снимают. Так можно и нарочно голову подложить под пилу.

Во-вторых, я никакого разговора с товарищем Бершетиным по поводу циркулярки не вел и ко мне тов. Бершетин не обращался.

РГАЛИ, ф. 332, оп. 2, ед. хр. 58, рулон 2, лл. 21-22.

Машинописная заметка в стенгазете «Дзержинец» («орган комсомольской ячейки и совета командиров»), № 118, апр., 15, 1930 г. Подписано «А.М.».

Написано в ответ на заметку коммунара Скребнева «Это ничего» в том же номере газеты. В его корреспонденции говорилось, что преподаватель коммуны Е.В.Бершетин заметил отсутствие предохранителя на циркулярной пиле в коммунарской мастерской, сказал об этом заведующему, но тот отнесся к данному факту безразлично.

В этой газете: **иллюстрации, вырезки из периодической печати, фото: Днепрострой, Ивано-Вознесенская ткацкая фабрика, Нефтепровод Баку-Батуми и др. «Связьком»: нужно связаться с комсомолом завода «Серп и молот», с ГПУ. Портрет Предс. ВСНХ СССР В.В.Куйбышева.**

«3 вопроса т.Когану», авт. А.Дышло, Акимов (о вольнонаемных рабочих, специалистах: зачем столько, что делают и будут делать?). «Медь», авт. Овод (вопросы Когану). «Работа» (о плохой работе вольнонаемных рабочих). «Шахрайство», авт. Овод (рабочий Гребенок «присваивает работу коммунаров, а кандидат партии»). «Плохо дело», авт. Столяр. «Письмо в редакцию» Каневского (рабочего), опровержение статьи «Это серьезно». Рядом – «Ответ Каневскому» и «От редакции» (таким «товарищам» не место в коммуне).

Ответ С.Б.Когана по всем вопросам, заметкам: статья «Всем будет работа» (детально: состояние производства, развитие, планы).

Школа и клуб: заметки, авт. Вич, Шпага.

Быт: «Коммунар», авт. ДТ (беречь электрический свет, воду, хлеб, они расходуются «без расчета»). «Даю слово!», авт. Белостоцкий (заслужил звание коммунара-дзержинца; ответ на заметку Мимолетного «Элемент»). От редакции: «Посмотрим». «Родители и

дети», авт. РКСК (защита Уткиной от плохого отношения в семье). «Философ» (в защиту новеньких).

Сатира и юмор: сатирические частушки на различные случаи коммунарской жизни. Пионерский уголок: авт. Кавалерист, В, Дело, Мнение.

РГАЛИ, ф. 332, оп. 2, ед. хр. 58, рулон 2, отсутствует начало газеты.

«Кропачевщина». Заметка в стенгазете «Дзержинец»

В сегодняшнем номере я обратил внимание на две статьи. Одна об ужасном браке в литейном цехе, по случаю которого автор закричал:

– Ай, ай, ай, ужас, ужас…

Вторая – письмо к коммунарам товарища Когана, в котором он без всякой злобы описывает, как работают коммунары.

Меня неудача с глиной в ужас не привела. Ошибки бывают во всяком деле, особенно часто бывают и в новом деле, каким для нас и наших условий является литье.

Напротив, все обстоятельства этой ошибки показали мне, что у нас «кропачевщина» среди руководящего персонала производства кончилась. Как только установили, что глина не годится, товарищ Коган и все мастера приняли самые решительные меры к исправлению ошибки. Я прямо говорю: проявленная ими энергия и находчивость могут послужить прекрасным примером прежде всего для коммунаров. В течение всего одного дня им удалось сговориться по телефону с заводом «Свет шахтера», съездить на завод, узнать, где они достают глину, и даже достать у них несколько возов глины, которая оказалась вполне подходящей.

И вот получилось такое, чему коммунары могут позавидовать. Вчера установили ошибку, а сегодня уже произвели отливку с новой глиной, и произвели хорошо.

Почему-то коммунары не заметили и этой энергии, и этой находчивости, не заметили и очевидного мастерства Поляченко[1]. А это нужно было заметить прежде всего для того, чтобы поучиться.

Больше того, мастера-литейщики отказались от своего трехдневного заработка, чтобы не вводить коммунаров в убыток. Это совершенно лишнее: честно совершенная ошибка в начале такого дела не может идти за счет наших рабочих[2]. Я считаю, что рабочим должно быть оплачено время полностью, но то, что они сами предложили им не платить, делает им честь.

Спросим себя прямо: многие коммунары готовы были бы на подобную жертву?

Если в руководящей части производства «кропачевщина» кончилась, то она, кажется, не кончилась среди самих коммунаров.

Во всяком случае, еще и теперь приходится наблюдать отвратительные картины: «клубов» возле кузницы, шатания по коммуне без дела, ухода из мастерских, курения и матерщины в цехах. Многие наши герои при всяком случае готовы симульнуть, но это не мешает им геройски ругаться, нисколько не хуже любого холодногорского[3] кавалера и душки.

«Кропачевщину» надо решительно гнать теперь из рядов самих коммунаров. Мы не должны больше видеть лежащих лентяев на травках и восседающих в пустословных болтаниях языком возле кузницы. Мы также не должны больше наблюдать, что коммунар уходит из цеха и просто шатается по коммуне и мешает другим работать. Все эти штучки, товарищи, надо решительно бросить. Довольно, в самом деле, прикидываться и такими, и сякими – хорошими, а на самом деле просто лодырничать и лежать. Дело о возмутительном поведении бригады Редько[4] передал к расследованию[5].

А. С. Макаренко. Пед. соч.: В 8 т. Т. 1, с. 119. Стенгазета «Дзержинец», № 119, дата – 22 апреля 1930 г., подпись – А. Макаренко. Заголовок им дан по фамилии предшествующего зав. производством. Это синоним бесхозяйственности, неорганизованности, разболтанности на производстве. В пример ставится работа взрослых, квалифицированных рабочих-мастеров.

[1] Поляченко – один из мастеров-инструкторов меднолитейного участка коммунарского производства.

[2] В 1930 г. при 150 воспитанниках (130 мальчиков и 20 девочек, средний возраст не превышает 15 лет, всего от 13 до 17 лет) в коммуне около 50 рабочих и служащих. Соотношение старшего и младшего поколений примерно как 1:3 является характерной особенностью педагогической практики А.С.Макаренко. В даленейшем 1:1 и 3:1 (см.далее).

[3] Имеются в виду завсегдатаи рынка на Холодной горе, молодежь.

[4] В статье С.Б.Когана в этой газете говорится, что несколько членов бригады (смены) слесарно-механической мастерской ушли с работы за несколько минут до окончания смены.

[5] Для рассмотрения серьезных фактов недостойного поведения общее собрание или СК создавали «следственные комиссии» из воспитанников и педагогов, подотчетные общему собранию.

В этой газете: **статья к дню рождения В.И.Ленина. «Брак», авт. Т и К («Пропало более одного рабочего дня, убыток около 100 руб. Куда смотрел мастер Поляченко? Надо было – как предлагал Ганкевич»). «Не надо паники!», авт. С.Коган («Поправлю дело, причины объективные»). «К коммунарам», он же (о трудовой дисциплине).**

РКСМ: письмо с крейсера «Червона Украина». Протокол заседания «легкой кавалерии» (предс. Костюченко, секр. Калабалин). «Поход», авт. Мыслитель (поход в с. Шевченко 20 апреля, на Пасху), стих «Пасха». «МОПР», авт. Пискун (кружок перестал работать).

Школа и клуб: «Прогульщики», авт. Шило. «Платонов» и «Неправильно!» (о дисциплине в школе: улучшать ее, как на производстве). «Литкружок», авт. Швед, староста кружка. Письмо бывш. коммунара П. Дроздюка, рабфаковца, Москва: создали группу молодых писателей-украинцев «Не журысь», выпускают альманах, приглашают к сотрудничеству.

Пионер-страница: «Салют», авт. П. Ан. (разговоры коммунарок на пионерсборе, карикатура). «Гость», стих А. Нефедова.

Быт: «Грязь», авт. С.Коган; «Ответ коменданта», авт. Говорецкая; «На воре шапка» (ответ на ответ Говорецкой); «Не может быть», авт. Острие. «Хлеб», авт. Обиженный («бросаются хлебом»). «Куксов», авт. Острие («нарушение порядка, брань»). «От редакции»: много заметок поступает о плохом поведении Куксова, редакция поговорила с ним, он просил напечатать, что «не будет».

Стих «Утро», авт. Око; «Мой руки», авт. Волга (о Власове); Частушки, сатирические, о Локтюхове, Скребневе, Уткиной, Конисевиче и об отдельных случаях коммунарской жизни. Объявление: «Готовится производственный № «Дзержинца», с участием стенкоров и производственного актива. Будет открытое заседание редколлегии, приглашаются более 50 чел., в т.ч. преподаватели».

РГАЛИ, ф. 332, оп. 2, ед. хр. 58, рулон 1.

Из книги-очерка «На гигантском фронте». Опыт совхоза № 2

…Организационные работы в общих чертах мы закончили уже до весны 1929 года, и «Опытно-показательный № 2» мог приступить к выполнению заданий, которые поручил нам Зернотрест. Эти задания характеризовало само название совхоза…

Нечего замалчивать: у нас часто опытно-показательным учреждением называют такое, где вся работа образцовая и по ней все должны, более или менее завидуя, учиться.

Однако все другие учреждения находятся в таких материальных и моральных условиях, что, вопреки большому влиянию и несмотря на большую зависть, учиться у опытно-показательных учреждений они не могут; они имеют менее благоустроенные постройки, персонал получает меньшую зарплату и вообще все намного хуже.

При таких условиях не удивительно, что опытно-показательные учреждения могут иметь только одно последствие – бессильную зависть учреждений не опытно-показательных, так как они являются недосягаемыми для обыкновенных смертных[1].

Зернотрест имел более реальную и не такую мучительную цель. Дело в том, что Зернотрест никогда не считал, что он знает все законы и секреты работы, и поэтому не мог приступить к созданию какой-то идеальной организации. Наоборот, в Зернотресте всегда ясно понимали, что мы начали совсем новое для нас дело и что мы можем кое-чему научиться хотя бы от буржуев, в частности, хотя бы от американцев.

Одновременно выяснилось, что просто копировать опыт заграничных хозяйств нельзя, по многим причинам. Кроме того, в общих законах развития сельского хозяйства за последнее время вскрылись такие противоречия и несоответствия, что и потенциально думать об идеале было неуместно.

Поэтому задача опытного совхоза была очень сложная. Решить ее наугад, как это у нас часто делается, т. е. сесть к столу, написать несколько совсем безответственных страниц и предложить всем, всем, всем принять их к сведению и исполнению, Зернотрест, ясное дело, не мог, так как при всяких условиях он должен дать стране определенное количество миллионов пудов настоящего хлеба.

Дать вместо хлеба бурьян и делать вид, что это есть наилучший хлеб[2], Зернотрест, разумеется, не мог, так как все люди, даже и неквалифицированные в сельском хозяйстве, очень хорошо могут отличить – где хлеб, а где лебеда.

Основываясь на всех этих соображениях, работа опытного совхоза должна была иметь целью не создание единого идеального участка, а изучить большое количество опытных процессов. Немалая часть этих опытных процессов должна к тому же доказать непригодность чего-то, поэтому иметь не положительные, а отрицательные результаты[3].

Со временем, когда мы все детали с успехом выучим и все несогласованное согласуем, опытный совхоз может и станет идеальным. Однако, во-первых, это может быть еще нескоро, хотя бы потому, что очень нескоро будет возможно применять всякие

изобретения и улучшения. Во-вторых, как только в нашем совхозе будут найдены лучшие методы и формы, их немедленно переймут другие совхозы. Поэтому быть идеальным совхозом нам никогда не придется.

Наши задачи будут целиком ясными из такой небольшой экскурсии в область сельскохозяйственной практики. Прогресс в сельском хозяйстве дает увеличение количества сельскохозяйственных продуктов, в частности, увеличение тех продуктов, которые на единицу веса содержат больше питательных веществ.

В западной Европе это стремление к увеличению продуктивности сельского хозяйства давно уже удовлетворяет его интенсификация, т. е. внедрение более эффективных севооборотов, более эффективных удобрений…

Такой тип сельского хозяйства можно назвать европейским. В нашей стране на путь интенсификации стали еще до революции, но слабость литературы, недостаточное развитие промышленности и отсутствие образованных агрономов не дали интенсификации стать у нас явлением, хотя бы до некоторой степени общим и заметным…

Гигантское развитие промышленности США, в частности машиностроения, дало возможность американцам добиваться общего увеличения сельскохозяйственной продукции, увеличивая количество вспаханной земли и применяя машины. Механизация сельского хозяйства там способствует укрупнению его, а не интенсификация…

Какой тип хозяйства для нас более пригоден: европейский или американский?... Мы в нашей стране обеспечены от случайных явлений стихии частного хозяйства, имея возможность объединить в одном хозяйстве преимущества той и другой систем по предварительно намеченному плану. Какие имеются возможности и какие выгоды дает такое объединение и в какой именно форме – это и должна решить опытная работа совхозов, подобных нашему второму…

В то же время мы всегда должны помнить, что зарубежный опыт получен в условиях частно-собственнического хозяйства… Так один из главных вопросов о рентабельности трактора в сравнении с лошадью в США очень запутан…

Из данной таблицы видно, что в США тракторные работы дороже конных…

Укрупнение тракторных заводов и специализация их удешевили бы стоимость трактора и сделали бы его более рентабельным.

Одновременно механизацию сельского хозяйства нельзя целиком закончить, пока работы, выполняемые лошадьми, не будут механизированы…

Следует сделать вывод, что большая опытная советская работа только начинается, что необходимо внимательно следить за опытом других стран, но в основном искать разрешение вопросов прежде всего на собственном опыте[4].

Нам уже и теперь ясно, что наш опыт не может быть опытом только одного какого-то совхоза, даже всех опытных совхозов, что благодаря характеру нашего хозяйства он может быть только общегосударственным опытом[5] во всех отраслях, связанных с сельским хозяйством, особенно в области сельскохозяйственного машиностроения…

Организация производства химических удобрений является одним из непременных последствий механизации сельского хозяйства…

У нас в совхозе совсем нет знаменитых «Фордзонов». Их маломощность и ненадежность конструкции принудили Зернотрест отказаться, к тому же окончательно, от этой марки тракторов…

С комбайнами и «Катерпиллерами» приехали американцы – представители разных фирм. Недавно дни они устроили своеобразный бой, подобный бою петухов. Поставили одинаковые задания одному «Катерпиллеру» и одному «Клетраку». Оба гусеничные и почти одинаковой мощности. Около одного и другого – представители фирм, инженеры, механики. Обеими машинами предстояло преодолеть пологий, но довольно длинный подъем. Каждый трактор загрузили двумя четырехкорпусными плугами. Как мы и ожидали, «Катерпиллер» легко взял подъем, а «Клетрак» капризничал, капризничал и, наконец, позорно застрял. Представитель фирмы волновался, сердился, кажется, ругался, должно быть доказывал, что дело не в машине, а в «варварах» на ней…

Вообще с июня в совхозе американцев развелось очень много: инженеров, механиков, представителей коммерческих фирм. Здесь был даже профессор Вильсон, известный авторитет американской сельскохозяйственной экономики…

Возможно, в отношениях между нами и американцами мы не сумели найти общий язык, тем более, что в буквальном понимании этого слова говорили мы на разных языках. Нужно отметить, что американцы все время относились к нам очень сдержанно и в какой-то мере презрительно.

Жили они отдельно, пользовались персональными машинами, в работе ограничивались только крайне необходимым лексиконом, в частной жизни старались с нами не встречаться. Даже к руководящему персоналу они относились холодновато, и видно было, что его авторитета не признавали.

Очень возможно, что в их американских душах что-то корчилось и визжало от нашей некультурности и неумения обращаться с машиной, когда они смотрели на нашу неуверенную работу, а может им органически был отвратителен сам характер нашего поведения, нашей логики, нашей веры в ценности, которые измерялись непонятными для них мерками: общественной прибылью, сознательной дисциплиной и вообще так называемыми высшими соображениями. Может их «долларовые души» просто не

способны были без судорог замечать движения, не обозначенного непосредственной заинтересованностью.

А может, в глазах американцев, мы в работе действительно были отвратительны и ленивы, слишком разговорчивы, слишком самоуверенны. Во всяком случае, употребление грязных ведер для керосина, естественно, могло не то что американскую душу возмутить. А у нас с этими ведрами, нельзя правду скрыть, были грехи: как водится, механику лень было, поручил рабочему, а рабочему тоже охоты нет и т. д.

Бесспорно одно, в чем-то основном многое у нас для американцев осталось непонятным. Сама жизнь наша кажется им частицей иной стихии, разительно отличной от той, в которой течет их жизнь. Вот профессор Вильсон в разговоре с нашими агрономами несколько раз говорил, что, дескать, русские имеют очень много ненужной и лишней теории, много всяких научных изучений, научных опытов, комиссий, кабинетов и очень мало настоящего практического опыта, хозяйственной проверки и навыка.

В какой-то части соображений профессора, быть может, и был резон. Часто нам от теории и вздохнуть нельзя. В одном нашем совхозе всегда присутствовало несколько ученых фигур, представителей разнообразных учреждений и институтов. Несомненно, лишняя теоретизация в большой мере связывает инициативу на местах, правильную организацию и учет разнообразного опыта, которого нам еще недоставало[6].

Отдавая должное нашим теоретикам, мы все-таки окончательное слово оставляем за практической проверкой и опытом. Наконец, вся жизнь наша, особенно экономическая организация и хозяйственная, построены скорей на опыте и остром взгляде рабочего, чем на книжной мысли того или иного автора. Даже если бы американские упреки и были до конца правильны, нам особенно впадать в отчаяние рано.

Бесспорно, та капитальная перестройка, которая теперь у нас происходит, не может быть организована иначе, как начиная с дедуктивного, четкого плана[7]. Наше от нас не уйдет, а мы не уйдем от опыта. Год за годом мы будем уточнять наши планы необходимыми опытными измерениями. Иначе и быть не может, другого пути нет. Не начинать же нам, правда, с американского опыта. Но самое главное: мы уверены, что вопрос решается совсем не в части отношения теории к практике, а в самом качестве, как практики, так и теории[8].

Не спорим, США имеют право гордиться своими техническими достижениями и своей практикой. На основании этой практики американцы имеют уже и теорию. Во всяком случае, это теория, когда профессор Вильсон говорит: поменьше научных исследований и разговоров, больше хозяйственного присмотра и опыта. Эта теория хорошо согласована с американской практикой, т.е. в действительности у них за океаном хозяйскому присмотру даны широкие возможности и просторы.

Недавно вышла книжка Розе и Сутулова «Сельскохозяйственное машиностроение и механизация сельского хозяйства Америки» (Сельхозгиз, 1930), авторов, которые были в Америке, видели практику и хорошо ознакомились с тамошней теорией. Книжка эта вовсе не страдает излишним советским патриотизмом и стремится отдать должное по-настоящему широкой и новой работе. В этой книжке мы найдем много поучительного.

Хозяйский глаз и хозяйский опыт развернулись за океаном действительно широко. А для хозяйского глаза и особенно для хозяйского кармана прежде всего необходимо удешевление производства…

«Вообще систему хозяйства США, – говорят Розе и Сутулов, – нужно признать не только экстенсивной, но и хищнической». Тот же профессор Вильсон об этом сказал: «Кто знает, может наша технология так разовьется, что сможет экстрагировать азот из воздуха». Одним словом, американские хлеборобы не очень беспокоятся о том, чтобы поддержать плодородие почвы.

Дело, как видим, понятное и ясное. Вся теория профессора Вильсона помещается в слове «может». Допустим, что оно не далеко ушло от нашего «авось». Но наше «авось» употреблялось преимущественно к явлениям индивидуального типа. На западе оно, из всего видно, является фундаментом капиталистического хозяйства. «Авось ученые что-то придумают, а пока на наш век хватит». В этом лежит и теория, и практика.

Все приведенные тут размышления, понятно, не обозначают, что нам у американцев учиться нечему. Этот самый хозяйский глаз и хозяйский карман во многих случаях могут быть нашими воспитателями[9]. К примеру, стремление наиболее удешевить производство обнаруживается не только в расточительности естественных богатств, но и в более четком и экономном отношении к машине и вообще к имуществу[10].

А. С. Макаренко. Ред. колл.: Ф. И. Науменко и др. Кн. 8. – Львов, 1971, с. 116-124; Кн. 9. – Львов, 1974, с. 115-121. Издано в Госиздате Украины, г. Харьков, летом 1930 г., на укр. яз.; сдано в изд-во весной 1930 г. Авторство отмечено инициалами: Н. Ф. и А. М. (Н. Фере и А. Макаренко; авторство второго полностью не обозначено, т.к. он, понятно, не мог выступать в качестве специалиста сельского хозяйства, экономиста; в определенной мере это касалось и Н. Фере). Хронологически текст здесь размещается по времени сдачи его в печать.

Перед отправкой «в экспедицию» в опытный зерносовхоз № 2 (РСФСР, на Дону, Северный Кавказ) Н. Фере встречался с А. С. Макаренко, получил от него совет внимательно отнестись к этому

делу; он предложил свое участие в литературном оформлении материала об этом опыте. В декабре 1929 г. они встретились вновь и сообща начали готовить материал к печати.

«Собранные мною наблюдения и материалы, – говорит Н. Фере, – были мастерски литературно обработаны Антоном Семеновичем, оживлены поэтическими описаниями степной природы, обогащены очень ценными сравнениями и глубокими замечаниями по экономическим и политическим вопросам» (Кн. 8, с. 113).

«Опытно-показательный совхоз № 2» располагался рядом со знаменитым совхозом «Гигант» (отсюда наименование книги-очерка), но с гораздо меньшей земельной площадью – 40 тыс. га (половина целины и половина нерегулярно обрабатываемой земли). Начало работы – зима 1928-1929 гг. Летом 1929 г. на этой земле построены 10 трехэтажных домов, несколько коттеджей, ремонтные мастерские, электростанция, водопровод, складские и хозяйственные помещения; начали строить 2 элеватора, 7-летнюю школу, поселок на 250 га, более 100 км. грунтовых дорог типа «американок».

Четыре участка (отделения) совхоза отделены друг от друга на расстоянии примерно 20 км. Штат отделения – около 80 чел. (60 трактористов и обслуживающий персонал: механики, учетчик, слесарь, кузнец, конюх, кухарки, сторож, уборщицы), это «табор вагончиков и палаток». Грузовой автомобиль отделения развозил тракторные смены вдоль пахоты по загонам длиной до 7 км. Полевой стан 1 раз в неделю обслуживало «автокино», здесь проводилась клубная работа, были гости – крестьяне из хуторов; рабочие совхоза посещали местные клубы.

Внимание А.С.Макаренко к этому опыту ярко характеризует его как социального педагога-реформатора, который впервые глубоко разрабатывает проблему производства в новаторской педагогической теории и практике. Он опирается на свой 7-летний опыт сельскохозяйственного производства (включая животноводства) в колонии им.М.Горького, где были найдены некоторые «совершенно новые формы трудовой организации,

которые могут понадобиться и взрослым» (1925 г.), см.: А.С.Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания… Часть 1, с. 142.

Он рецензировал проект нового «Устава детской трудовой сельскохозяйственной колонии» (1924 г.), создал проект «крупного воспитательного предприятия», где первостепенное значение придается педагогической организации их хозяйственно-трудовой основы (1925 г.), см. там же: с. 113-115, 156-164. В 1927 г. он (видимо, по своей инициативе) получил возможность «ознакомиться с постановкой сельскохозяйственной и организационной работы в совхозах Харьковского округа» (т. 8, с. 123).

Н.Э.Фере впоследствии – кандидат экономических наук, проф. Всесоюзной сельскохозяйственной академии. Автор популярного издания: Мой учитель. Воспоминания об А.С.Макаренко. – М., 1953.

[1] Здесь А.С.Макаренко, несомненно, имеет в виду опытно-показательные учреждения Наркомпроса РСФСР (действовали в 1918-1937 гг.) и УССР, их стремление создать «образцово-идеальные» педагогические учреждения, умаляя при этом необходимость строгой практической проверки предлагаемых идей и решений.

[2] А.С.Макаренко прибегает к такому сравнению результатов педагогической работы (что вырастает: «коммунистическая личность или обыкновенный полевой бурьян») в «Педагогической поэме» (т. 3, с. 390).

[3] Установка на педагогический результат, в его закономерной связи с педагогическими целями и средствами, – главное в практико-ориентированной педагогике А.С.Макаренко, основа его «педагогической логики» как «логики педагогической целесообразности». Ее антипод – логика умозрительно-декларативной педагогики, где вера в самодовлеющую и безусловную ценность каких-то целей и средств как бы «снимает» проблему их критической проверки экспериментальной практикой. А.С.Макаренко утверждает педагогику как опытно-экспериментальную науку, способную приближаться к точности естественно-научного знания.

[4] Весной 1928 г. А.С.Макаренко отказался от возможной заграничной годичной научной командировки, полагая, что принципиально новая педагогика рождается на нашей земле

(А.С.Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания... Часть 1, с. 257). Она «рождалась на всей территории Союза, но не везде нашлись терпение и настойчивость, чтобы собрать ее первые плоды», – писал А.С.Макаренко за несколько дней до своей кончины (т. 6, с. 100, 370).

[5] А.С.Макаренко считал, что и из его 15-летнего социально-педагогического опыта можно сделать убедительные выводы, «еще проверив его не раз и не два» (т. 4, с. 343).

[6] Преобладание умозрительно-декларативной, регламентирующей теории над опытно-экспериментальной работой в педагогике А.С.Макаренко объясняет как проявление догматизма и бюрократизма; см. его работу 1924 г.: А.С.Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания... Часть 1, с. 114-115.

[7] Соотношение дедуктивной и индуктивной логики в методологии педагогики А.С.Макаренко обстоятельно рассматривает в работе, относящейся к кон. 1932 – нач. 1933 гг. (см. там же, с. 180-182).

[8] Положение А.С.Макаренко о связи теории и практики: важно прежде всего «качество как практики, так и теории», – имеет фундаментальное значение в освоении и разработке его концепции социальной, жизненно-ориентированной педагогики.

[9] В нач. марта 1939 г. А.С.Макаренко сказал: «Хозрасчет – замечательный педагог», – еще раз подчеркивая первостепенное значение объективного фактора, материальных условий жизнедеятельности в духовно-нравственном воспитании (т. 4, с. 346).

[10] Отношение А.С.Макаренко к «деловой Америке» см. также по его отзыву на рукопись книги С. М. Соловьева, дек. 1936 г.: т. 7, с. 15-16.

Дополнения. *Приказы по коммуне*, **19-30 апреля 1930 г., ежедневные (за исключением нескольких дней). Дается выборочно, с обозначением некоторых новых и значительных сведений.**

19 апр. – «поход в совхоз, Шевченковское». (Возможно, имеется в виду совхоз им.Т.Г.Шевченко, на базе которого в ноябре 1926 г. была создана первая на Украине машинно-тракторная станция, МТС – А.Ф.). Совет командиров – «назначение по новым цехам: швейный,

машинный, сборный, литейный, обрубочный, кузнечный, токарный, слесарный, никелировочный». «Командирам иметь сведения, кто в какой цех желает».

20 апр. Согласно постановления СК – «расформирование прежних отрядов» и назначение новых, 12 отрядов. Отряды – с включением работающих на разных производственных участках; I и II смены, командиры отрядов и помощники; №№ спален. 2 запасных бригады, по 5 чел., с командирами – «в распоряжение зав. производством».

23 апр. «Предлагается зав. школой т.Татаринову принять все меры, чтобы ни один урок не был пропущен группой. В случае болезни кого-либо из воспитателей замещать уроки другими лицами по этому же или др. предмету».

25 апр. «Согласно постановления специальной комиссии по карманным деньгам всем коммунарам на 1 мая будут выданы карманные деньги в размере 10 коп. за каждый месяц коммунарского стажа с прибавкой 25 %». Уменьшено 8 коммунарам от 50 коп. до 2 руб. 90 коп. «за кражу, нетоварищеское поведение, неопрятность, некультурность и нарушения дисциплины» (пофамильно и за что – каждому). «За активную жизнь в коммуне и за работу» 5 человекам добавлено от 20 коп. до 1 руб. 80 коп. (пофамильно).

Репетиция парада коммуны с оркестром и знаменем – перед зданием коммуны.

26 апр. Благодарность С.Калабалину (организатору физкультурно-спортивной работы –А.Ф.) и всем коммунарам «за хорошую строевую подготовку к 1 мая».

28 апр. и.о. зав. коммуной П.И.Барбаров.

29 апр. Поход пионеров «в клуб ГПУ на детскую выставку. Выдать по 20 коп. на карманные расходы. Парадный костюм, красные галстуки, без белых воротников; фуражки, ботинки, гамаши с зеленой кантовкой – музвзвод, 1 и 2 взводы, с красной – 4 и 5 взводы. Особый командир группы и помощник. Командиру сдать особый рапорт дежурному заместителю [зав. коммуны] по возвращении из города».

30 апр. Поход коммуны в город, «парадный, с оркестром и знаменем, для встречи с Прилукской коммуной». Для самообслуживания – «сводные отряды: комендантский (взять спецодежду и вещи для уборки помещения [при ночевке]) и сводный хозяйственный [питание и др.], они «поступают в распоряжение первомайской комиссии».

Зав. коммуной – *А. Макаренко*. **ССК –** *В.Камардинов*

РГАЛИ, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 382 (2).

Стенгазета «Дзержинец», **1 мая 1930 г.**

«1 мая», ст. без авт.: достижения коммуны, показатели, диаграммы. «1 мая», авт. Куток (история). «1 мая», авт. Мыслитель, стих. «Интернационализм», авт. С. Фролов. «Дзержинский», авт. Швед.

«Привет товарищам и братьям, в Прилукской коммуне – дзержинцы». «Производство» – показатели по цехам: литейный, токарный, кузнечный, швейная.

Сатира и юмор.

РГАЛИ, ф. 332, оп. 2, ед. хр. 58, рулон 5. Часть газеты, без конца.

Приказы по коммуне, **7-31 мая 1930 г. Дается выборочно.**

8 мая. 7-10 отряды в новом составе. 9-й – запасной отряд, 2 бригады, в распоряжении СК, по его нарядам, на две 5-дневки. Распорядок дня, сигналы: 6^{00} – вставать, 7^{30} – на работу, 11^{30} – кончай работу, 11^{45} – обед, 13^{00} – на работу, 15^{00} – кончай работу, 19^{00} – ужин, 20^{00} – на рапорта или общее собрание, 20^{30} – в спальни.

12 мая. «По согласованию с производственной частью с сегодняшнего дня приказ по коммуне будет даваться один - за подписью зав. коммуной, зав. производством (С.Б.Коган – А.Ф.) и ССК». (Такой порядок в дальнейшем сохраняется лишь при объявлении важных изменений на производстве – А.Ф.). Создается комиссия по проверке производственного инструмента.

15 мая. Создаются «комиссии по крымской экскурсии: финансовая, одежная, продовольственная, культурная, маршрутная, по 3-4 чел., с педагогом». «Вся коммуна объявляется на подготовке к крымской экскурсии» (походу).

«Разрешается курить коммунару Агееву». Столовая комиссия: «Куски хлеба оставлять на столе, а не бросать в тарелки». «Механиком

всего производства считать т.Ткаченко… Склоки не должно быть на нашем производстве. Склочники будут немедленно сняты с работы… Всем мастерам: ежедневно давать ведомости табельщику о количестве выполненной за день работы по каждому цеху».

16 мая. «Комиссиям по крымской экскурсии на своих собраниях определить свои планы, для подготовки доклада Правлению коммуны».

19 мая. Назначение «комиссий для определения [производственных] разрядов каждому работнику и коммунару, по цехам: деревообделочный, арматурная и кузня, швейная». Увольнение механика в отпуск.

22 мая. Дополнение к списку дежурств: дежурный секретарь общего собрания, деж. секретарь финансовой комиссии. Всего 9 наименований дежурств. Несколько коммунаров «выбывают к родным». На довольствии 141 чел.

24 мая. Перевод некоторых рабочих с временной работы на постоянную. 26 мая: «Категорически запрещается на территории коммуны играть в карты, азартные игры». За нарушение – «немедленное увольнение, без компенсации».

27 мая: распределение работ по разбивке цветочных клумб и строительству палаточного лагеря во дворе коммуны. 28 мая: для 3-х коммунаров – «освобождение от работы на 2-3 пятидневки, дополнительное питание – 2 яйца, 60 гр. сала, 1 стакан молока».

«Козырю, Пихоцкой, Р.Красной. В 5 час. прошу в кабинет для составления [финансовой] сметы крымской экскурсии. А.Макаренко».

31 мая: очередная смена распределения коммунаров по цехам, работам, дежурству. (До этого – 21 мая). «Коммунар Семенцов назначается пом. зав. машинным цехом деревообделочной мастерской». Об инструкторах, старших мастерах, кузнецах, бухгалтере, электрике – прием на работу, перевод на др. работу, оплата труда. «Объявляется замечание коммунару Сучкевичу за грубое поведение на спортплощадке».

Зав. коммуной – *А. Макаренко*

Зав. производством – *С. Коган* ***(подпись не всегда)***

ССК – *В. Камардинов*

РГАЛИ, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 382 (2).

«1 июня. Переход коммуны на полную самоокупаемость. В коммуне сразу появился капитал – необходимое следствие производительного труда» («Втор. рожд.», с. 22).

«1 июня. Начало постройки сборного цеха деревообделочной мастерской. Он был выстроен из всякой чепухи – дикта, обрезок, тряпок и земли, но имел колоссальные размеры. Коммунары в шутку называли его «стадионом». В связи с этим цехом много драм было в коммуне. Но этот цех все же дал возможность выпускать массовую продукцию. Коммуна стала выбрасывать на рынок тысячи столов, стульев, чертежных столов и прочее. Ежедневный выпуск продукции достиг суммы в 3000 рублей». (Там же).

Художественное изображение постройки и работы сборного цеха см. в макаренковском юмористическом литературно-сценическом обозрении: Постройка «стадиона» (РГАЛИ, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 37; его фрагменты – т. 2, с. 146, 506-508; т. 6, с. 205-206).

Приказы по коммуне, **4-24 июня 1930 г. (выборочно).**

4 июня: «Всем отрядам 5 июня перебраться в лагерь». (Завершение этого – 12 июня). Освобождение от лагеря – по справке врача, представляется ССК. 6 июня: «Сторожевой отряд расформировывается, охрана коммуны передается всем коммунарам по очереди, в свободное время, по 2 часа каждому. Разводящий Русаков, его обязанности: смена караула у главного входа и в лагере, следить за исправностью винтовок (учебных – А.Ф.), за дежурством, чтобы на карауле коммунары были одеты по форме».

Часть оркестра направляется на завод «Большевик», в детдом.

6 июня: коммуна принимает участие в демонстрации к XI съезду КП(б) Украины. Объявляются сборы штаба соревнования, каждую пятницу, после завтрака. Собрания всех производственных комиссий – для отчета штабу соревнования. Коммунаров – 140.

9 июня: «Согласно избранию на общем собрании отправляются к председателю горсовета т. Бородаю делегация в составе 12 чел. (вкл. П.Барбарова – А.Ф.), командир группы Камардинов, выйти в 8 час., одежда парадная».

13 июня: «С 16 июня вводится следующий учет работы: цеховой мастер принимает и ежедневно рапортичкой уведомляет контору, отдельно по рабочим и коммунарам, через табельщика, он заполняет карточку работника и коммунара и сдает ее в бухгалтерию, для начисления зарплаты, с пометкой о заказах дважды в месяц». Периодически – о смене по производственным и хозяйственным работам, дежурству, приему на работу, переводам и отпускам мастерам и рабочим.

19 июня: «Согласно постановления педсовета по окончании учебного года коммунары переводятся в следующие группы, кроме остающихся: в 3 группе – 9 чел., $4^{а}$ – 1, $4^{б}$ – 2, $1^{а}$ курс – 1, $1^{б}$ – 4, 2 курс – 2; на осень – Ермоленко. В составе школы 2 подразделения: старшие группы начальной школы и 4 курса кустпромшколы».

22 июня: «Зам. зав. коммуной Барбаров в связи со срочной ежедневной работой в городе по реорганизации коммуны переводится со стола служащих на полный стол коммунаров с уплатой за каждый день».

Разное, в разное время: Объявляется благодарность коммунару П.Романову за выполнение ударной работы; Разрешается курить Мельнику и еще 2 чел.; Создается «пожарная комиссия», ее доклад на СК 19 июня; Организуется сводный отряд «для постройки душа». Поливка клумб – отрядами, по 5-дневкам.

Зав. коммуной – *А.Макаренко*

Зав. производством – *С.Коган* **(периодически)**

ССК – *В.Камардинов*

РГАЛИ, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 382 (2).

Стенгазета «Дзержинец», **№ 125, июнь, 24, 1930 г. – «орган комсомольской ячейки и совета командиров». «Перевыборы бюро ЛКСМ», под лозунгом: «Лучших комсомольцев-ударников – в бюро!» – статья, редакционная, содержание: «за ударничество, коммунистический труд – основное в комсомольской работе».**

«Боевыми темпами к XVI съезду ВКП(б)», авт. С.Швед: «против углановцев»; Угланов – член ЦК, наркомтруда; «Балицкий на XI съезде КП(б)У – против Угланова», о «перегибах в коллективизации». «За здоровую парторганизацию», авт. С.Фролов. «Как работало бюро»,

авт. С.С. «Объединение «Дзержинца» и «Шарошки»», ред. С.Швед. «Изжить недостатки», авт. Мишурис. «Недавно газ. «Дзержинец», бывшая органом всех коммунаров, была передана комсомольской ячейке».

Другие статьи: «Когда прекратятся неполадки в столярном цеху?», авт. С.; «Легкая кавалерия на боевом посту». «Прорыв в пионерской работе», авт. Мимолетный; «Перевыборы бюро – смотр комсомольской работы».

РГАЛИ, ф. 332, оп. 2, ед. хр. 58.

Приказ по коммуне, **29 июня 1930 г. «Согласно постановления СК обращается внимание зав. производством т.Когана на беспорядочное положение с распределением работ и учетом сил коммунаров в литейном и токарном цехах».**

«Построение в парадной форме для выступления с приветствием динамовской эстафеты, которая пройдет на XVI партсъезд».

Сменяемый состав дежурства: ДЗ (деж. заместитель), ДК (деж. командир), ДЧСК (деж. член санкомиссии), ДО (деж. отряд), ПС (деж. предс. общего собрания), ДЧКС (деж. член контрольного совета), рабочее дежурство воспитателей, 4 чел. (очевидно, в вечернее время).

Зав. коммуной – *А.Макаренко*

Зав. производством – *С.Коган* **(периодически)**

ССК – *В.Камардинов*

РГАЛИ, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 382 (2).

Протоколы заседаний СК **в апреле – авг. 1930 г. см.: там же, ед.хр. 383 (1,2); решения фиксируются в приказах по коммуне. Некоторые решения, выборочно:**

С.Б. Коган – о подарке Прилукской коммуне (30 табуреток, 6 столов, 6 партий шахмат, альбом коммуны); расширение ниточной мастерской (возможная прибыль – 7 тыс. руб. в мес.); состав комиссии по производственной калькуляции; как убирать мастерские; производственные расценки (приняты с уточнением); «в мастерские не работающим ходить можно, но разговаривать нельзя»; спецпитание перевыполняющим производственные нормы: «не давать, а если давать, то всем»; вдвое уменьшить расценки

(продукция увеличилась вдвое, результат рационализации и др.); научились: на формовочной машине можно 1 чел.; коммунары на формовке делают больше мастеров, поэтому «платить не как ученикам, а больше».

«Ушла уборщица – организовать комендантский сводный отряд». Заявление Галицкого о приеме на работу в мастерских: «принять, но т.к. уже уходил, а таких правление потом не разрешает принимать, – дать на утверждение т. Блата»; прием из коллектора: «не принимать: уже был, но «подорвал», «убежал»; о выдаче денег из сберкассы, дополнительно, отдельным коммунарам: выдать, по 5 руб.; о невежливом обращении командиров с С.Б. Коганом: обратить внимание, случаи записывать в рапорт; комнату кружку натуралистов: дать совместно с радиокружком.

А.С. Макаренко: о поездке в Крым, о комиссии по летнему походу; об обуви в летнем походе: завхозу купить сандалии, всем коммунарам сообщить размеры обуви, в трехдневный срок; 9 июня «Макаренко читал конституцию по зарплате коммунаров, все принято единогласно, с возражением по § 3 (за простой не платить), постановили: «хоть и по вине производства, – не платить, бороться с простоями оргмерами (1 против)»; только 70 билетов во МХАТ, на 2 коммунаров 1 билет: решать самим, остальным билеты в цирк.

О походе в Клуб ГПУ на «Синюю блузу»; об однодневном походе в лагерь под Чугуев; на экскурсии: в Асканию-Нову – 2 чел., на Днепрострой – 2 чел. 26 июня, о летнем походе коммуны, в Крым или Ленинград: «где лучше будет с питанием, туда и ехать, послать письма в Крым, Ленинград, на Кавказ». О распределении вещей, выигранных по лотерее в клубе ГПУ (портфель, книги и др.).

Барбаров, «политвоспитатель»: в распределителе ГПУ не дают хлеба для коммуны, надо снять работающих там коммунаров – «не снимать, до разбора дела». Гладких: хлеба столько же, а не хватает – «Камардинову разобраться и доложить на СК». Харланова: Пересмотреть решение СК о перевыборах самоуправления – «не с 1/VII, а к 7/VII». Камардинов: сторожевой отряд расформировать, всем сторожить по очереди, по 1 или 2 часа; Макаренко: «воздержаться».

«На общее собрание: кому и когда, сколько давать денег сверх того, что (далее неразборчиво – А.Ф.)». О «карманных деньгах: для Крымского похода коммунарам будет выделяться в среднем по 25 коп. за месяц пребывания в коммуне – «создать комиссию для точного определения суммы каждому». Командирам сторожевого отряда, 2 чел. – «по 24 руб. в месяц». При выпуске из коммуны – «по 25 руб. и все, что дается всем коммунарам». «Бывшему коммунару Менде – помочь купить ботинки».

«Доклад докторши об охране труда и здоровья в мастерских (очки, перчатки и др.) – за нарушения снимать с производства». В швейной мастерской «оставить только 4 рабочих (вольнонаемных – А.Ф.)». «Нанять сторожа – для сада (на территории коммуны – А.Ф.)».

«О реорганизации СК во время Крымской экскурсии – по взводам (с учетом возраста, роста, заслуг и др. – А.Ф.)» – 4 взвода и взвод оркестра. Оркестр командируется в совхоз (вероятно, Шевченковский – А.Ф.) «для выполнения ударной работы». Фомичев: «как будто его не послушал Юдин, не пошел на раздачу в столовую». Тот: «я был ДЧСК, дежурил»; постановление: «за неправильное распоряжение Фомичеву выговор в протоколе СК».

На заседаниях СК присутствуют иногда П. Барбаров, В. Левшаков, С. Швед, 7-10 коммунаров.

Зав. коммуной *А. Макаренко*

Зав. производством *С. Коган* **(периодически)**

ССК *В. Камардинов* **С начала июля** *К. Харланова*

«6 июля. Выборы совета командиров X созыва. ССК – Харланова. Это был серьезный совет командиров. Он продолжал политику Камардинова, но борьба шла уже за лучшее будущее. На горизонте появился будущий завод – еще неизвестно какой, но не кустарный. Ближайшая перспектива украсилась крымским походом. Средства для этого у коммуны уже были.

12 июля. Посещение коммуны чехословацкой рабочей делегацией.

29 июля. Выезд коммунаров в крымский поход. Отправились тремя эшелонами».

«Втор. рожд.», с. 22-23.

«Каждый коммунар вносит из своего месячного заработка на пополнение расходов по содержанию коммуны 80% (но не более 35 рублей). Всего внесено коммунарами в мае 1,5 тысячи, в июне 2,400 и в июле 4 тысячи»; появилась возможность «вкладывать большие суммы в расширение нашего производства, в постройку новых мастерских, мы смогли на эти деньги покупать новые машины.

…Производственные комиссии в каждом цехе, общекоммунарский штаб соцсоревнования, совет командиров, сами коммунары – все это сумело органически слиться в работе.

…Наш решительный разрыв с псевдонаучными и потребительскими уклонами детских домов действительно оздоровил и нашу производственную работу, и наше воспитание» (т. 2, с. 39-40).

К концу 1930 г. изготовлены: для Харьковской железнодорожной станции – кассовые кабины; для клуба Союза строителей – мебель для зрительного и лекционного залов, кабинетов; для Дворца культуры Союза химиков в Донбассе – оборудование театрального зала (на 2 тыс. мест); для харьковских студенческих общежитий – тумбочки, стулья, табуретки; для Института патологии и охраны труда, поликлиник, Харторга, клуба ГПУ и клуба Фельдъегерского корпуса – мебель, оборудование (т. 2, с. 34-35). Выполнены заказы Харьковского тракторного завода, Института рационализации (т. 2, с. 124). Оборудован зрительный зал клуба Союза металлистов в Харькове, изготовлена мебель для квартир сотрудников ГПУ УССР (см. далее, в «Докладной записке члену правления коммуны им.Ф.Э.Дзержинского»).

Из письма Г. С. Салько (Макаренко), лето 1930 г.

…Без малейшей судороги сожалений я похоронил в папку большой труд, вложенный в план[1], и без всяких эмоций расстался с коллизиями сильной личности, – у меня свой путь и свои задачи. Глупо это или умно – «история рассудит», и я остаюсь им верен».

Е. Балабанович. Антон Семенович Макаренко. Человек и писатель. – М., 1963 (1-е изд. – 1951), с. 208-209.

[1] Имеется в виду план автобиографического романа в 3-4 частях, над замыслом которого А. С. Макаренко работал, начиная с конца

1928 г. (или с начала 1929 г.), параллельно с написанием 1-й части «Педагогической поэмы». Этот материал, составляя как бы фон «Педагогической поэмы», вносит много нового в восприятие ее социально-педагогического содержания. Текст см.: А. С. Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания… Часть 1, с. 319-327.

Дополнения. **30 июля. «Коммунары прибыли в Севастополь. Последний эшелон прибыл в Севастополь в 2 часа ночи; ночевать коммунарам было негде, поэтому построились и двинулись в ночной поход. (В походах коммуна имела повзводную организацию, взводы формировались по возрасту, росту – А. Ф.). В 7 верстах от города остановились в горах и заночевали.**

1 августа. Прибытие коммунаров в Байдары. Смычка (встреча, обмен опытом – А. Ф.) с байдарским комсомолом.

2 августа. Знамениты переход коммунаров через Чертову лестницу и 40-верстный марш в Симеиз. В Симеиз пришли в 10 часов вечера и разбудили публику громом своего оркестра. Ночевали в рабочем клубе.

3 августа. Прибытие коммуны в Ялту. Остановились лагерем на самом берегу моря». (Втор. рожд., с. 23-24. Краткое описание этого похода: Марш 30 года; т. 2, с. 100-102).

Письма Г. С. Салько (Макаренко), 3 и 6 августа 1930 г.

Байдары

Полдень 3 августа

…Наш третий эшелон опоздал на 20 часов и прибыл в Севастополь в 2 часа утра 2/VIII. Мы промучились целый день на вокзале и, как только приехали музыканты, тронулись в путь. У нас есть 12 фонарей. Ночевали в 5 верстах от Севастополя в поле. Спали только 3 часа, тронулись в путь и остановились на дневку на 15-й версте. Вечером еще прошли 10 километров.

Вторая наша ночевка у д. Варнаутка – ужасно было холодно. Сегодня встали в 6 часов и в строю, с оркестром и знаменем сделали переход еще в 10 верст. В Байдарах нам дали школу, все коммунары сейчас спят.

Сегодня дальше не идем. Ночью в 2 часа выходим из Байдар и делаем переход в 23 километра до Кикенеиза, а вечером еще 10 до Симеиза, Ночь с 4 на 5 ночуем в Симеизе и утром 5 будем в Ялте.

Ребята идут хорошо и жалуются на медлительность. Нет ни одного больного. Во время остановок лазят по всем горам. Вот только многие уже испеклись и сейчас мажутся вазелином. Я тоже испек физиономию.

Вот фактическая грань нашего похода. Я им живу мало. Уж очень катастрофична и тревожна вся эта история с Левой…

Все нужно сделать, чтобы восстановить здоровье Левы – это наша программа… Ничего особенно серьезного у Левы нет, и он здесь быстро поправится. А в Харькове он замучится в разговоре с докторами и в скуке…

Спасибо тебе, красавица, за корзину и за папиросы, за заботу, ведь тебе сейчас не до меня…

Твой Тося

Ялта 6/VIII 30 г.

Солнышко!

…Негде писать и не на чем. Вчера днем прибыли в Ялту пароходом из Симеиза. 4-го августа сделали прямо знаменитый переход в 36 километров, в том числе переход по Чертовой лестнице и через Кошку. Впрочем, ребята совершенно не устали. Зато я окончательно допекся и ночью солидно температурил. Температурил и вчера. Устал не столько от похода, сколько от неудачного спанья и всякого беспорядка, разложенного на нашем пути, как будто нарочно…

В лагерях жить плоховато. Днем страшно жарко – и в палатке, как в бане, а вечером темно – ничего нельзя делать. Народу в Ялте как будто поменьшало. С пищей плохо, впрочем, не хуже, чем в Харькове – масло 6 рублей.

«Ты научила меня плакать…», т. 2, с. 109-111.

***Дополнения*. 31 августа. «Возвратились в Харьков, отдохнули, покупались, поправились и с новой энергией набросились на новую работу. Главным событием в коммуне в это время стало открытие собственного рабфака» («Втор.рожд», с.24).**

Во время отпуска в коммуне выстроен новый сборный цех, длиной 70 метров. Заканчивается постройка новой литейной. Оборудуются физический и химический кабинеты, пополнена библиотека. «В нескольких местах возводятся стены новых домов – общежитий (для рабочих и служащих – А. Ф.), контор, складов и цехов. Все планы, намеченные перед отъездом в Крым, Соломоном Борисовичем выполняются». ССК – «Коммуна Харланова, особа выдержанная, серьезная и образованная. Теперь Соломону

Борисовичу еще меньше будет свободы в совете командиров». (Т. 2, с. 102).

Возвращение в коммуну, ее состояние к этому времени – см. «ФД-1», т. 2, с. 104-107. Главные новые здания: «сборный цех для деревообделочной мастерской длиной в 60 метров и шириной в 20 и жилой дом, в котором строительная мудрость Соломона Борисовича вместила и квартиры для многих рабочих, и столовую, и швейную, и бухгалтерию, и кухню, и даже «красный уголок»» (т. 2, с. 106).

В педагогический совет трудкоммуны им Ф. Э. Дзержинского

О направлении и формах клубной работы

(на 1930-1931 гг.)

1

Клубная работа в наступающем году не может располагать достаточным временем, так как открытие в коммуне рабфака предполагает гораздо большую занятость коммунаров образовательной работой. Поэтому нужно ожидать, что особенного тяготения коммунаров к клубной работе не будет, в особенности в тех формах, в которых была работа в истекающем году. Так, работа кружков языка, художественного кружка, радиокружка, вероятно, будет пополняться теперь работами школьного типа или работой ответственных организаций коммуны.

2

В то же время в согласии с общими директивами о постановке клубной работы и в согласии с общей логикой настоящего времени совершенно необходимо подумать о большем приближении клубной работы к производству, придав ей характер мобилизации общественных свободных сил на дело улучшения производства. Этой основной идее нужно подчинить организацию клубной работы у нас в возможно большей степени.

3

Одновременно с этим мы должны не упускать из виду тяготение коммунаров к зимнему спорту, вполне правильное и законное. Спортивная работа имеет, конечно, огромное значение, и ни в каком случае мы не должны особенно ее урезывать, чтобы не обратить наших коммунаров в комнатных людей[1].

4

Таким образом, клубная работа должна строиться у нас по трем линиям:

1. Клубно-производственный уклон.
2. Спортивный уклон.
3. Уклон отдыха и общего развития.

5

По первому уклону мы предлагаем организацию следующих кружков:

А. Кружок коммунарского станка.

Б. Материальный кружок.

В. Кружок рационализации.

Г. Кружок организаторов.

Д. Кружок экономики производства.

6

По второму уклону мы предлагаем такие кружки:

1. Лыжного спорта.
2. Конькового спорта.
3. Военно-стрелковый.
4. Подвижных зимних игр.

7

По третьему уклону мы предлагаем такие кружки:

А. Драматический.

Б. Кружок писателей.

В. Природоведческий.

Г. Библиотечный.

К этому же отделу мы относим внекружковую работу, направляемую состязаниями и турнирами: шахматным, шашечным, подвижных игр, ребусника и пр.

8

Работа каждого из тринадцати кружков должна быть строго регламентирована как в вопросах содержания, так и в вопросах организации. Для упорядочения работы мы предлагаем усилить, с одной стороны, элементы дисциплины, с другой стороны, элементы заинтересованности.

9

В каждом кружке обязательно должен быть руководитель из числа педагогов, ответственный за работу и успешность кружка и ответственный в порядке оплаченного труда.

10

Дисциплина в клубной работе должна быть выражена:

1. В соблюдении расписания.
2. В посещаемости.
3. В учете и ответственности за материальные ценности.

11

В согласии с этим вопрос об общем расписании должен быть поставлен как общий серьезный вопрос. Ни в каком случае расписание не должно быть нереальным, только для декорации. Оно должно быть так составлено, чтобы его можно было выполнить, и поэтому обязательно должно быть выполнено.

12

Вопросы заинтересованности должны располагаться вокруг стержней идейного и материального. Идейная заинтересованность должна выбираться вами из общей суммы интересов и устремлений коммунаров. Мы должны направлять эти интересы и так организовать работу, чтоб она сама по себе была привлекательна. Так, например, работа в производственных кружках должна исходить из естественных устремлений коммунаров как будущих инженеров[2]. Эту тему нужно всегда будировать и в кружках, и в общем собрании, а самое главное, нужно в самой работе показать, что действительно в ней удовлетворяются указанные интересы.

13

Материальная заинтересованность должна выражаться в предоставлении каждому кружку средств денежных и материальных, чтобы он мог как следует развернуть свою работу. В производственных кружках эти средства должны предоставляться отчасти из сумм производства как на покупку литературы, так и на расходы по опытной работе, и в особенности на выдачу премий как целым кружкам, так и отдельным работникам за особенные достижения и помощь производству.

14

Работа кружка коммунарского станка должна заключаться в следующем:

А. В общем изучении станкового дела, в чтении соответствующей литературы, в особенности по истории машины.

Б. В экскурсиях на фабрики и заводы для изучения отдельных типов станков и сравнения с нашими.

В. В придирчивом наблюдении за работой наших станков, в организации общественного внимания к ним и сбережении их в работе.

Г. Изобретательская работа по улучшению и приспособлению станков, по замене старых станков новыми.

Д. В изучении чертежей и в небольшой работе по черчению деталей, в особенности в связи с изобретательской работой кружка.

Е. В ведении специального отдела по станку в стенной газете коммуны.

Ж. В выявлении лучших работников коммуны на станках и в представлении их к премированию.

15

Работа кружка материального должна заключаться в следующем:

А. В общем изучении материальной схемы производства коммуны.

Б. В чтении литературы о материалах, о новых идеях и практических усовершенствованиях в области замены и употребления материалов на Западе и у нас.

В. В наблюдении за правильным и экономным расходованием материалов в коммуне, за правильным снабжением коммуны материалами.

Г. Изучение вопроса о материальном снабжении производства Союза по пятилетнему плану.

Д. В изобретательской работе по улучшению материальной сферы.

Е. В экскурсиях на заводы и фабрики для изучения положения с материалами.

Ж. В выявлении отдельных лиц и цехов коммуны, наиболее бережно относящихся к материалам, и в представлении их к премированию.

З. В ведении специального отдела по материалам в стенгазете коммуны.

И. В участии в приобретении материалов для производства.

16

Кружок рационализации работает в таких разрезах:

А. Изучение литературы по рационализации, ее истории и основных теорем и проблем.

Б. Изучение постановки рационализации на советских заводах и фабриках.

В. Инициативная работа и практическая работа по рационализации производства в коммуне.

Г. Ведение специального отдела в стенгазете коммуны.

Д. Выявление работников коммуны, наиболее отличающихся в рационализаторской работе, и представление их к премиям.

Е. В устройстве дискуссий по вопросам рационализации в коммуне.

17

Кружок организаторов имеет работу по таким темам:

А. Изучение вопросов по управлению производством.

Б. Изучение схем организации производства на заводах, законов сечения предприятия по цехам и бригадам, организации отдельных сфер производства.

В. Сравнительное изучение вопросов организации у нас и на Западе.

Г. Практическое изучение организации управления нашего производства и внесение практических указаний по его улучшению.

Д. Изучение вопроса о качествах организатора и руководителя производством.

Е. Практическое вмешательство в производство коммуны по всем вопросам руководства.

Ж. Устройство дискуссий по отдельным вопросам организации управления производством.

З. Ведение специального отдела стенгазеты в коммуне.

И. Выявление лучших организаторов в коммуне и представление их к премиям.

К. Изобретения в области организации управления.

18

Кружок экономики производства:

А. Изучение вопросов калькуляции предварительной и исполнительной.

В. Изучение основ бухгалтерского учета.

В. Знакомство с вопросами себестоимости вообще и в коммуне.

Г. Практическая работа по улучшению калькуляционного дела в коммуне.

Д. Ознакомление с договорами производства коммуны.

Е. Выявление непроизводительных расходов в производстве коммуны и условий, порождающих их.

Ж. Экскурсии на другие производства по вопросам калькуляции и экономики.

З. Сравнительное изучение вопросов о расценках и зарплате, о различных ее системах.

И. Выявление данных о прибылях производства и о расходовании прибылей.

К. Ведение специального отдела в стенгазете.

Л. Выявление товарищей, отличающихся [работой] по улучшению экономики коммуны, и представление их к премиям.

19

Кружок лыжного спорта имеет своими работами:

А. Организацию лыжного спорта в коммуне с монопольным правом участия в нем.

Б. Чтение литературы по лыжному спорту и знакомство с постановкой лыжного спорта в организациях Харькова.

В. Ответственность за покупку лыжных приспособлений и их выдачу и хранение.

Г. Ведение специального отдела в стенгазете коммуны.

Д. Выявление наилучших лыжников в коммуне и организация спортивных состязаний.

20

В таком же порядке организуется и кружок конькового спорта.

21

Кружок писателей (можно назвать его и иначе) имеет предметами своей работы следующее:

А. Объединить товарищей, интересующихся литературой и литературным трудом.

Б. Изучение явлений современной литературы, литературных объединений и направлений.

В. Практическая работа в области литературного творчества, писание очерков, рассказов и стихов.

Г. Усвоение основных законов литературного письма и стихосложения.

Д. Регулярное издание литературного журнала и ведение литстраницы в стенгазете коммуны.

Е. Пробы писания пьес из коммунарской и общей жизни для коммунарского драмкружка.

22

Кружок природоведческий должен принять на себя изучение не только рыб, но и окружающей природы в области ботаники и зоологии.

23

Библиотечный кружок должен иметь такой план:

1. Работа в библиотеке, учет читаемости и работа по пополнению библиотеки.
2. Организация коллективного чтения.
3. Ознакомление коллектива коммуны с важнейшими новинками литературы и устройство диспутов по темам, затронутым этими новинками.
4. Организация исследования коммунара-читателя специальными способами.
5. Ознакомление с работой других библиотек.
6. Составление рекомендательных списков книг.
7. Организация чтения между рабочими коммуны.

24

Драматическому кружку должен быть передан в полное распоряжение весь «громкий» клуб. Предоставить кружку право организовывать внутри себя отдельные секции и учебные занятия.

Необходимо драмкружку передать все дело кино, театра и распорядительство в зале, а также всю работу по составлению киноплана и доставанию картин.

В задачи этого кружка должны входить и организация посещения членами кружка театров и кино в городе, и устройство отчетов и дискуссий по вопросам театра и игры вообще.

Одной из задач драмкружка должно стоять открытие при коммуне своего запаса париков и своих костюмов, а также организация выездов нашего театра в другие клубы.

25

Для общего управления клубной работой необходимо иметь только один орган, подобный совету командиров, – совет старост, которому передать все функции

управления и координирования клубной работы. К совету старост нужно придать выбранного на общем собрании председателя-секретаря, которому поручить кроме общих задач еще и руководство работой «тихого» клуба: шахматами, шашками, настольными играми и ребусником.

26

Для специальных задач по клубной работе выбирать на каждый раз отдельные комиссии: комиссию по турнирам, по ребуснику и пр.

27

Выделить из средств учебной части и из средств производства деньги для организации премиальной системы по клубной работе. Совету старост принадлежит все руководство клубной работой, а также представительство перед другими органами коммуны и зав. коммуной.

Совет старост собирается один раз в декаду в часы собраний совета командиров по тому же сигналу.

Командиры отрядов не могут быть старостами кружков.

28

Ответственность за поведение коммунаров в клубах и за исправность здания и мебели возлагается по-прежнему на дежурный отряд.

29

Секретарь совета старост ежедневно сдает рапорт ДК в общем порядке.

А.С.Макаренко. Пед. соч.: В 8 т. Т. 8, с. 153-159. Докладная записка, направлена в педсовет коммуны для обсуждения. По содержанию относится к сентябрю 1930 г., предполагает работу в 1930-1931 учебном году. Впервые опубликовано под названием «О направлении и формах клубной работы» в т. VII Соч. А.С.Макаренко, с. 473-479.

Подписано В.Н.Терским; подготовлено, несомненно, с А.С.Макаренко, о чем свидетельствует стиль, язык материала (в частности, выражение: «сечение предприятия» – «сечение общины», «сечение коллектива», т. е. его структура, подразделения; см.: А.С.Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания... Часть 1, с. 100-101, 147).

Как это видно по материалу, организация всех направлений и форм клубной работы предусматривает (в отличие от кружков «школьного типа»): сочетание дисциплины и заинтересованности, идейно-моральных «устремлений» и материально-денежного расчета,

знаний и практического опыта, деятельности своей организации и других, аналогичных; «вмешательство» в практику работы коммуны, выявление лучшего, участие в развитии общественного мнения (в стенной печати, организация обсуждений), единый орган в самоуправлении, включение в ежедневную систему рапортов.

Развиваются организационно-методические установки, ранее положенные в основу этой сферы педагогической деятельности (см. «Вроде методического плана клубной работы», в начале этой книги, янв. 1928 г.).

Включая производственное воспитание и обучение в систему клубной, «внеклассной» работы, «дополнительного образования» (см. пп. 4, 5, 12, 13-16), – А. С. Макаренко основательно реформирует эту сферу педагогической деятельности. Ее органической частью становится направленность на воспитание организаторских способностей рабочего (п. 17), экономическое воспитание и обучение (обращение к вопросам хозяйствования, рентабельности, производительности труда, его моральных и материальных стимулов – п. 18).

Это делает развитие личности действительно всесторонним и социально-полноценным, создает широкие условия для реализации индивидуальных способностей детей.

[1] «Комнатные люди», работники закрытых помещений, – продукт «школы учебы».

[2] «Воспитание будущих инженеров» – существенная корректировка цели «воспитания культурного советского рабочего» (т. 1, с. 138 – 1932 г.), высокообразованного и хорошо подготовленного к жизни и труду человека-гражданина. Конкретизация этой цели – см. ранее, в «Операционном плане...» («Цель воспитания») и позднее, 1932 г. – т. 1, с. 138-139.

Дополнения. **9 сентября1930: «Перевыборы бюро комсомола. Секретарь ячейки ЛКСМ – Акимов. Акимов – хороший производственник и ударник (передовик производства – А.Ф.) Производственный рост коммуны правильно выдвинул его во главу комсомола. Комсомол принял самое деятельное участие в производстве. Нужно отметить вообще большое оживление**

комсомольской работы в это время – и по связи с селом и городом, по работе рабфака и политучебе. Именно в это время комсомол в коммуне стал действительным руководителем коллектива» (Втор. рожд., с. 24).

Протоклы заседаний СК: **сент. 1930 г. – до 12 сент. вкл. (Выборочно). Макаренко: «о составлении финансовой сметы на год: если я составлю один, то я могу многое не учесть, предлагаю выбрать комиссию». Избирается «комиссия по питанию», 4 чел. и «комиссия по одежде», 5 чел. (с включением воспитателей).**

Протокол № 121, 3-6 сент. 1930 г. Присутствовали 12 командиров, А.С. Макаренко, К. Харланова и 10 коммунаров. «О празновании МЮДа (Международного юношеского дня – А.Ф.): 4 сентября идти в Клуб ГПУ, 2 сентября – на демонстрацию. О Пономаренко: «т.к. она хорошо себя ведет, решили отправить ее в другой детский дом». Об Орлове: «выпустить его не можем, без квартиры; когда будет квартира – выпустить». О поваре: «Антону Семеновичу пригласить повара».

Протокол № 122, 12 сентября. 12 командиров, Харланова, Макаренко и 15 коммунаров. Доклад Макаренко: о состоянии общежития рабочих, постановили: «Ввиду того, что в рабочих комнатах и около дома большая грязь, производство передает все комнаты коммуне. Совет командиров выбрал комиссию «по культурной революции» в составе Волченко, Камардинова, Харлановой, Макаренко и одного члена месткома, выбрана по 1 ноября, с заданием: смотреть за чистотой и распределением квартир между служащими и рабочими».

Комсомольская ячейка просит передать ей освободившуюся комнату – «разрешить». Фомичев: о снятии его с должности – «снять, вместо него назначить Боярчука». Заявление Беленького, Иванова и Акимова о принятии в коммуну – «принять». Еще одного нового коммунара – в 8-й отряд». Макаренко о клумбах и зимнем катке, коньках: «Совет командиров считает, что мы цветники можем вскопать вокруг дома и посадить цветы летом. Всем коммунарам новые коньки покупать нельзя, есть еще старые. Комиссии в составе Долинного и Шмигалева дается право распределения коньков».

Зав. коммуной *А. Макаренко*

ССК *К. Харланова*

РГАЛИ, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 402, лл. 80-85, с об.

Из книги-очерка «Марш 30 года»

…Копейки и мальчики

В никелировочном цехе работают два отряда: одиннадцатый – до обеда и двенадцатый – после обеда. В каждом по десять человек. Командирами здесь старые коммунары – Крымский и Жмудский, но большинство членов этих отрядов – новички. Однако эти новички уже справляются со своим положением хозяев на производстве. Недавно они даже одержали крупную победу над Соломоном Борисовичем.

Никелировочная мастерская разделяется на два отделения: в одном стоят шлифовальные, полировочные станки и так называемые щетки. На всех этих приспособлениях медные части, вышедшие из токарного цеха, приготовляются к никелировке: шлифуются и полируются. В другом отделении они опускаются в никелировочные ванны, но и перед ванными проходят очень сложную процедуру промывок и очисток и бензином, и известью, и еще каким-то составом. Одним словом, в никелировочном цехе очень много отдельных процессов, и общий успех работы зависит от слаженности и согласованности.

Почему-то Соломон Борисович держал здесь двух мастеров: один заведовал шлифовальным отделением, второй – собственно никелировочным. Мастера эти отчаянно конкурировали друг с другом, подставляли один другому ножку, сплетничали и втягивали в эту глупую борьбу и рабочих, которых там человека четыре, и ребят.

Вообще никелировочный цех у нас один из самых неудачных: всегда в этом цехе что-нибудь ломается, останавливается. И Соломон Борисович, и мастер, и члены производственного совещания, и остальные коммунары на каждое заседание совета командиров приходят с взаимными претензиями. Начинается разговор в очень корректных выражениях, но кончается бурно. Раскраснеются физиономии, размахаются руки, голоса повысятся на пол-октавы. Голос секретаря совета командиров, называемого чаще ССК, переходит в фальцет, но тщетны все попытки сколько-нибудь охладить Соломона Борисовича. Соломон Борисович горячится ужасно.

– Что вы мне рассказываете? Кому вы рассказываете? Я работаю на производстве девятнадцать лет, а мне такой, понимаете, малыш говорит, что здесь число оборотов неправильное. Так разве я могу так работать? Я требую, чтобы со стороны коммунаров было ко мне другое отношение.

Тут Соломон Борисович сам доходит до такого числа оборотов, что уже не замечает, как начинает рассказывать своему соседу, политруководителю коммуны товарищу Варварову[1], о каких-то еще более возмутительных проявлениях неуважения к его производственному опыту. Варваров, молодой и кучерявый, что-то у него спрашивает. Соломон Борисович ерзает на стуле и роется в глубочайших карманах своего пиджака-халата, очевидно, разыскивая документальное доказательство.

ССК пищит:

– Соломон Борисович, а Соломон Борисович! Соломон Борисович, говорите всему совету. Чего вы шепчетесь?..

Соломон Борисович оглядывается на сердитого Ваську и расцветает в улыбке:

– Ну, вот видите?

Но, несмотря на все эти столкновения, Соломон Борисович любит ребят и часто приходит в неожиданный восторг от напористости коллектива.

Этот восторг, он выражает на каждом шагу, но и на каждом шагу он с этим коллективом ссорится и устраивает конфликты. Коммунары платят ему таким же сложным букетом. С одной стороны, они видят его энергию и знания, но в то же время они не склонны слепо подчиняться его авторитету и прекрасно разбираются в отрицательных свойствах его как организатора: бывает, что Соломон Борисович погонится за дешевкой, любит сделать что-нибудь, как-нибудь, только бы держалось, из-за копейки часто не только поспорит, а и разволнуется.

Коммунары умеют собрать самые подробные сведения о какой-нибудь детали у мастеров и неожиданно ошеломляют своей эрудицией Соломона Борисовича.

– Вот в Киеве на производствах везде платят по полкопейки за такую-то деталь, а я вам даю три четверти.

– Э, и хитрый же вы, Соломон Борисович! Так в Киеве платят же только за формовку, а есть еще и чернорабочие…

Соломон Борисович наливается кровью, размахивает руками и сердится:

– Откуда вы все это знаете? Я девятнадцать лет работаю на производстве, а он будет мне толковать о чернорабочем!

Когда был поднят вопрос о ненужности двух мастеров в никелировочном, Соломон Борисович сначала попробовал обидеться, потом стал взывать к милосердию и, наконец, сообразил, что предложение производственной комиссии оставить одного мастера на два отделения – предложение дельное. Принужден он был согласиться и с другим предложением производкомиссии: платить коммунарам за работу на ванне не одну с четвертью копейки от стана, а две копейки. Но на совете командиров Соломон Борисович вдруг стал на дыбы:

– Постойте, как же так? – Соломон Борисович даже вспотел. – Вы говорите, прибавить три четверти копейки с первого июня, а сейчас пятнадцатое. Я же не могу уволить второго мастера с первого июня, а могу только с пятнадцатого, значит, и ваша прибавка, – он повернулся к членам производственной комиссии, – может быть только с пятнадцатого.

Председатель производственной комиссии – командир двенадцатого Жмудский, поддерживаемый внушительным урчанием половины всего своего отряда, расположившейся прямо на полу, вероятно, в знак того, что они не имеют права голоса на совете командиров, вытянул удивленную черномазую физиономию.

– Так причем же здесь мастер?

Маленький востроносый ССК Васька даже лег на стол, устремившись всем телом к расстроенному Соломону Борисовичу.

– Так поймите же, Соломон Борисович! Мастер-то относится к рационализации, а то совсем другое дело – расценки.

– Что вы мне, молодой человек, рассказываете? Кому вы это говорите?..

Полный, круглый, красный и клокочущий, завернутый в широчайший и длиннейший, покроя эпохи последних Романовых пиджак, карманы которого всегда звенят ключами, метрами, отвертками, шайбами и т. п., Соломон Борисович вскакивает со стула и вдруг набрасывается на меня, хотя я решительно ни в чем не виноват. Я мирно подсчитываю в это время, сколько метров сатина нужно купить на парадные трусики для коммунаров, принимая во внимание, что девчонкам трусиков не нужно, что в кладовой имеется сто одиннадцать метров и что…

– Вы, Антон Семенович, распустили ваших ребят. Они теперь уже думают, что это не я инженер, а они инженеры. Они будут мне читать лекции о рационализации... Я пойду в Правление, я решительно протестую!

Соломон Борисович брызжет слюной и отчаянно машет руками.

– Да ведь они же правы, Соломон Борисович.

– Как правы? Как правы? Как правы? Я должен где-то брать деньги на никелировку? И мастеру платить, и три четверти копейки...

– Да причем же здесь мастер? – спрашивает Жмудский.

– Как причем? Как причем? Вы слышите, что они спрашивают? Причем мастер? А мастеру платить нужно за две недели? По-вашему, так можно выполнять промфинплан?

– А какое нам дело, что вы держали мастера, который не нужен? Вы и еще бы держали, если бы мы не придумали, а теперь вы хотите, чтоб за наш счет…

Соломой Борисович начинает чувствовать, что Жмудский не так уж далек от истины, и перестает вертеть руками, растерянно всматривается в лицо Жмудского:

– Как вы говорите?

Жмудский смущен неожиданным замешательством противника. Он даже подымается со своего стула и заикается:

– Мастер же, это был убыток. Мы вам посоветовали...

– Нам премию нужно выдать! – перебивает Жмудского кто-то из командиров сзади Соломона Борисовича.

Соломон Борисович резким движением поворачивается на сто восемьдесят градусов и… улыбается. На него смотрят плутоватые глаза Скребнева, которому он очень симпатизирует. Соломон Борисович находит выход:

– Мастер, говорите, убыток? У Соломона Борисовича никогда не бывает убытка.

– Как это не бывает? А ведь был лишний мастер, – раздается со всех сторон.

– Эх, нет, товарищи!

Соломон Борисович вытаскивает из кармана платок, который кажется бесконечным, потому что до конца никогда не вытягивается, затем снова усаживается на своем стуле и забывает, что имел намерение вытереть трудовой пот на инженерском челе. Платок исчезает в кармане, и Соломон Борисович уже сияет и по-отечески, по-стариковски ласково и любовно говорит притихшим коммунарам:

– Двух мастеров нужно было иметь, пока вы учились работать. Вот теперь вы выучились, и двух мастеров не нужно, нужен только один. Если бы вы и не предложили, я его и сам бы снял. Пока вы учились, конечно, нужно было переплачивать на мастерах, поэтому и расценки были ниже. Вы работали не самостоятельно, а с мастером.

– Э-э-э, Соломон Борисович!.. Нет... Это что ж...

– Ишь, хитрый какой!

– Смотрите! Учились... А когда мы научились? Сегодня? Сегодня? Да?

На Соломона Борисовича один за другим сыплются вопросы, но чувствуется все же, что он нанес гениальный удар.

Когда шум немного стихает, серебряный дискант Скребнева вдруг звенит, как колокольчик председателя:

– Это вы сейчас придумали? Правда ж?

Весь совет заливается хохотом. Соломон Борисович снова наливается кровью и с достоинством подымается с места:

– Нет, товарищи, я так не могу работать...

Снова Соломон Борисович начинает кричать:

– Кончено! Довольно! Кто я здесь такой? Инженер? Или я буду у этих мальчишек учиться управлять производством?..

Коммунары в общем не обижаются даже за «мальчишек». Они улыбаются в уверенном ожидании моего ответа. И я улыбаюсь.

– Да ведь как же не согласиться? Тут ведь дело не в копейке, Соломон Борисович. Нельзя предъявлять коммунарам такую логику, нельзя так связывать эти два пункта.

Соломон Борисович опять выступает с достоинством, складывает бумаги в портфель и говорит:

– Хорошо. Значит, дело это переносится в Правление.

– В Правление? – ССК таращит глаза.

– Да, в Правление, – обиженно угрожает Соломон Борисович.

– Посмотрим, что Правление скажет, это интересно. Вот смотри ты, в Правление! – удивляется ССК.

Соломон Борисович вылетает из кабинета, и еще виден в дверях его пиджак, а Васька уже вещает:

– Следующий вопрос – заявление Звягина о приеме в коммуну…

Кабинет

«Кабинет» в коммуне имени Дзержинского – место, о котором необходимо поговорить серьезно, потому что эта небольшая комната имеет в коммуне огромное значение.

В кабинете стоят два стола – заведующего, то есть мой, и секретаря совета командиров, три шкафа – мой, секретаря совета командиров и редколлегии стенгазеты, несколько дубовых стульев и два диванчика. Есть пишущая машинка.

Кабинет никогда не бывает пустым – в нем всегда люди и всегда шумно. Пока наше производство еще не развернулось и было много свободных коммунаров, в кабинет назначался специальный дежурный. На его обязанности было держать кабинет в чистоте, исполнять обязанности курьера и, самое главное, время от времени освобождать кабинет от лишней публики. В настоящее время специальных дежурных для кабинета выделить невозможно и поэтому удалять из кабинета лишнюю публику некому.

Откуда набирается в кабинете лишняя публика? Дело в том, что в нашем коллективе существует старая традиция – все коммунарские дела разрешать не на квартире у заведующего, как это принято в соцвосовской практике, а только в кабинете, и ни одного дела, в чем бы оно ни заключалось, не делать секретно.

В полном согласии с этой традицией каждый коммунар имеет право в любое время зайти в кабинет, усесться на свободном стуле и слушать все, что ему выпадет на долю. Коммунар, понятно, не упустит случая зайти в кабинет. Он всегда найдет какое-нибудь дело, часто самое пустяковое: попросить отпуск, доложить, что возвратился из отпуска, попросить бумаги или конверт, спросить, нет ли для него писем, что-то сверить у ССК,

наконец, принести забытую кем-то в саду тюбетейку или пояс. Под такими благовидными предлогами, а иногда и без всяких предлогов коммунар задерживается в кабинете. Но, разумеется, коммунару тихонько сидеть на стуле даже и физически невозможно. Он вступает с кем-нибудь, таким же случайным гостем, в негромкую беседу в уголке. К ним присоединяется третий, и беседа разгорается.

Кроме того, в кабинет все время заходят и особы более дельные: ежеминутно забегает дежурный по коммуне с разными вопросами, ордерами, «запарками» и недоумениями, председатель столовой комиссии ругается по телефону с соседом-совхозом: утреннее молоко оказалось прокисшим, и председатель кричит что есть мочи:

– Что у нас кони – казенные? «Отвезите!»... Давайте теперь ваших коней.

Иногда у стола собирается целый консилиум: девочки хотят сшить себе юбки «модерн» и демонстрируют покрой. Я с сомнением смотрю на узкую выгнутую юбочку и говорю:

– Мне кажется, мало подходит для коммунарки.

Инструктор швейной мастерской, маленькая, худенькая добрая Александра Яковлевна, виновато поглядывает на девчат, а девчата уступать и не собираются.

– Почему не подходит? Это вам все мальчишки наговорили?

Присутствующие тут же мальчишки поднимают перчатку:

– Тогда и хлопцы начнут модничать. Вот нашьем себе дудочки...

– Разве мы модничаем? Какая ж тут особенная мода?

– Вы их балуете, Антон Семенович, – говорят мальчишки. – Сколько уже у них платьев?

– Сколько ж у нас платьев? Ну, считай...

– Ну вот, смотри, – начинает откладывать пальцы «мальчишка». – Парусовое – раз?

– О, парусовое! Так это же парадное... Смотри ты какой!

– Парадное не парадное, а – раз?

– Ну, раз.

– Дальше: синее суконное – два?

– Что ты! Смотри, так это ж парадное зимнее. Что ж, мы в нем ходим? Надеваем два раза в год.

– Все равно, хоть и десять раз в год. Два?

– Ну, два.

– Дальше: серенькое вот, которое такое, знаешь...

– Ну, знаем… это же спецовка.

– Спецовка там или что, а – три?

– Ну, три.

– Потом с цветочками разными – четыре.

– А что ж мы будем в школу надевать спецовку, что ли?

– Все равно – четыре. Потом синее, рябое, полосатое, клетчатое и вот то, что юбка в складку, а кофточка...

– Что вы все выдумываете? Разве это у всех такие платья? У одной такое, у другой такое.

– Рассказывайте – такое да такое! Вот пусть об этом совет командиров поговорит, а то одна одежная комиссия, а там девчата – что хотят, то и делают.

Девочки побаиваются совета командиров – народ там всегда очень строгий. Но и у девочек есть чем допечь мальчишек.

– Смотри ты, какие франты! Сколько у них костюмов! Парусовый – раз.

– Да что ты, парусовый! Это ж летний парадный.

– Все равно – раз?

– Ну, раз.

– Суконный синий – два.

– Ну, еще будешь считать! Сколько же мы его раз надеваем в год? Разве что седьмого ноября.

– Все равно – два?

– Ну, два.

– Черный – три. Юнгштурм – четыре.

Мальчики начинают сердиться.

– Да ты что? А что ж нам в спецовках ходить в школу?..

Споры эти – настоящие детские споры. За ними всегда скрывается робкое чувство симпатии, боящееся больше всего на свете, чтобы его никто не обнаружил.

Попробуй та же девочка показаться в клубе в слишком истрепанном платье – со всех сторон подымается крик:

– Что это наши девочки ходят, как беспризорные. Что, им лень пошить себе новое платье?

Иногда у стола заведующего возникают дела посложнее. Виновато разводит руками инструктор литейного цеха:

– Вчера не было току, это верно.

– А сегодня?

– А сегодня этот лодырь Топчий не привез нефти из города.

– Какое нам дело до вашего Топчия! Вы отвечаете за то, что литье начинается в восемь часов, когда выходят на работу коммунары.

Инструктор бессилен снять с себя ответственность. Коммунары лежачего не бьют – только разве кто-нибудь вставит:

– Поменьше бы в карты играл у себя в общежитии.

Особый интерес возбуждают приезжие заказчики. Какой-нибудь технорук раскладывает на столе чертежи и торгуется с Соломоном Борисовичем, а из-за их плеч просовывают носы коммунары и нюхают, чем тут пахнет.

Вообще много интересного бывает в кабинете, и зайти в эту комнату всегда полезно.

В рабочие часы в кабинете почти никого нет, разве задержится больной или дежурный зайдет по делу.

Но как только затрубили на обед или «кончай работу», так то и дело приоткрывается дверь и чья-нибудь голова просовывается в кабинет, чтобы выяснить, есть смысл зайти или можно проходить мимо. Если я занят бумагами, ребята накапливаются в кабинете понемногу и начинают располагаться совсем по-домашнему. Вероятно, мой занятой вид импонирует им в высшей степени. Подымаю голову. Они не только расселись на всех стульях, но уже и в шахматы идет партия на столе ССК, а рядом – кто читает газеты, кто роется в каких-то обрезках стенных газет, кто оживленно беседует в углу. В кабинете становится шумно. Иногда я начинаю сердиться:

– Ну, чего вы здесь собрались? Что это вам – клуб? Я у вас не играю на станках в шахматы!

Коммунары быстро скрываются и бросают недоконченную партию, но на меня никогда не обижаются.

Их можно выдворить и гораздо более легким способом:

– А ну, товарищи, вычищайтесь!

– Вычищаемся, Антон Семенович!

Но ровно через пятнадцать минут я отрываюсь от работы и вижу: другие уже набились в кабинет, опять – шахматы, опять – чтение, опять – споры…

Бывают дни, когда я забываю о том, что они мне мешают. За десять лет моей работы я так привык к этому гаму, как привыкают люди, долго живущие у моря, к постоянному шуму волны. И поздно вечером, когда я остаюсь в кабинете один, в непривычно молчаливой обстановке работа у меня не спорится. Я нарочно иду в спальню или в лагери и отдыхаю в последних плесках ребячьего говора.

Но иногда от переутомления делаешься более нервным; тогда я дохожу даже до жалоб общему собранию:

– Это же ни на что не похоже! Как будто у меня в кабинете нет работы. Каждый заходит, когда ему вздумается, без всякого дела, разговаривает с товарищем, перебирает мои бумаги на столе, усаживается за машинку.

Все возмущены таким поведением коммунаров и наседают на ССК:

– А ты куда смотришь? Что, ты не знаешь, что нужно делать?

Два-три дня в кабинете непривычная тишина. Но уже на третий день появляется первая ласточка. Оглядываюсь – под самой моей рукой сидит маленький шустрый Скребнев и читает мой доклад Правлению о необходимости приобретения хорошего кабинета учебных пособий. Его локоть лежит на папке, которую мне нужно взять.

– Товарищ, потрудитесь поднять локоть, мне нужна эта папка, – говорю я с улыбкой.

Он виновато краснеет и быстро отдергивает локоть:

– Простите.

Я беру папку, а он усаживается в кресле уютнее, забрасывает ногу на ногу и отдается чтению важного доклада. В дверь просовывается чей-то нос. Его обладатель, конечно, сразу догадывается, что эпоха неприкосновенности кабинета пришла к концу. Он орет во всю глотку:

– Антон Семенович! Вы знаете, что сегодня случилось в совхозе?

Так как я занят, то он начинает рассказывать последние новости Скребневу и еще двум-трем коммунарам, уже проникшим в кабинет.

При всей бесцеремонности по отношению к моему кабинету коммунары прямо не могут перенести, если так же бесцеремонно в кабинет заходят новенькие. Тогда со всех сторон раздается крик:

– Чего ты здесь околачиваешься? Тебя просили сюда?

Новенький в панике скрывается, а коммунары говорят мне:

– Ох, этот же Тумаков и нахальный! Смотрите, он уже здесь, как дома.

Все поддерживают:

– Это верно. Сегодня ему говорю: «Чего ты стены подпираешь?» А он: «А тебе какое дело!»

– В столовой разлил суп, я говорю ему: «Это тебе не дома. Аккуратнее», – так он спрашивает: «А ты что – легавый?»

Ребята хохочут.

Но через месяц, когда все раскусят новенького до конца, приучат не подпирать стены, не разливать суп и окончательно, раз навсегда забыть о том, что есть на свете «легавые», его присутствие в кабинете никого не удивит.

Коммунары, очевидно, считают кабинет своим центром, считают, что каждый настоящий коммунар вправе в нем присутствовать, но что для этого все-таки нужно сделаться настоящим коммунаром.

Когда в нашу кабинетную толпу входит посторонний человек с явно деловыми намерениями, ему вежливо дают дорогу, еще вежливее предлагают стул, каким-то особым

способом уменьшают толпу в кабинете на три четверти нормальной и тихонько слушают, если интересно. А неинтересно, все гуртом «вычищаются» в коридор.

Совет командиров

В кабинете собирается и совет командиров. Очередные заседания совета бывают в девятый день декады, в половине шестого, после первого ужина. Обыкновенно об этом совете объявляется в приказе, и коммунары заранее подают секретарю совета заявления: о переводе из отряда в отряд, о разрешении курить, о неправильных расценках, об отпуске, о выдаче разрешения на лечение зубов и пр.

Гораздо чаще совет командиров собирается в срочном порядке. Бывают такие вопросы в жизни коммуны, разрешение которых невозможно откладывать на десять дней.

Собрать совет командиров очень легко, нужно только сказать дежурному по коммуне:

— Будь добр, прикажи трубить сбор командиров.

Через четверть минуты раздается короткий сигнал. Я не помню случая, чтобы между сигналом и открытием заседания прошло больше трех минут.

Мы стараемся созывать совет командиров в нерабочее время, чтобы не раздражать Соломона Борисовича. Да и ребята не любят отрываться от работы.

По сигналу в кабинет набивается народу видимо-невидимо. Командиры приводят с собой влиятельных членов отряда, бывших командиров и старших комсомольцев, чтобы потом не пришлось «отдуваться» в отряде. Приходят и все любители коммунарской общественности, а таких в коммуне большинство.

У нас давно привыкли на командира смотреть как на уполномоченного отряда, и поэтому никто не придирается, если вместо командира явился какой-нибудь другой коммунар из отряда.

Заседание начинается быстрой перекличкой:

— Первый.

— Есть.

— Второй.

— Есть.

— Третий.

— Есть.

И так далее.

— Объявляю заседание совета коммунаров открытым, – заявляет ССК. – У нас такое экстренное дело. Пришло приглашение окружного отдела МОПРа провести с ними экскурсию в чугуевский лагерь. Условия предлагают такие...

Начинается самое подробное рассмотрение всех условий, предложенных МОПРом. Коммунары – все члены МОПРа и все гордятся своими мопровскими книжками, но это не мешает им с хозяйской недоверчивостью обсуждать каждую деталь предложения.

Черномазый Похожай – добродушный и умный командир девятого отряда новеньких, уже комсомолец и общий любимец, хоть ему еще и пятнадцати не стукнуло, – сверкает глазами и басит:

— Знаем, чего это они к нам с приглашением. Наверное, у них оркестра нет. Вот они и просят: давайте ваших семьдесят коммунаров. А мое предложение такое: что нам делить коммуну? Если ехать, так всем ехать, а не ехать – так никому не ехать.

На полу под вешалкой сидит Ленька Алексюк из десятого отряда, политбеженец из Галиции, самый младший и смешливый коммунар. Его командир Мизяк долго соображает что-то по поводу предложения Похожая, а Ленька уже сообразил:

— Ишь, хитрые какие! Семьдесят человек… А если и мы хотим ехать?

Ленька – человек опытный и знает, что если дойдет дело до выбора, то ему скажут: «Успеешь еще, посиди в коммуне, заснешь там ночью…»

Командир третьего Васька Агеев о чем-то шепчется с непременным своим спутником Шведом, и я слышу обрывки разговора:

— Ну, так что?

— В копейку влетит, если все…

Берет слово Волчок, помощник командира первого. Волчка Фомичев почти всегда посылает в совет в трудных случаях.

— Да что тут говорить? Конечно, всем ехать...

Васька, секретарь, обращается ко мне:

— А как у нас с деньгами?

— Слабо, – говорю я.

Васька оживляется.

— Ну, так что ж тут говорить! Значит, предложение будет такое, как тут высказывались: едет сто пятьдесят коммунаров, проезд на «их» счет, и чтобы был обед в Чугуеве. Голосую...

В таких случаях решение бывает единогласным.

Но иногда разгораются страсти, в прениях принимают участие и гости и даже вся толпа не успевших занять стулья или присесть на полу. Тогда Васька «парится» и кричит:

— А ты чего голосуешь? Ты командир?

— Наш командир в городе, я – за него.

— Ты за него, а почему голосует Колька?

— А это он за компанию.

— Голосуют только командиры! – разрывается секретарь, и Ленька Алексюк опускает руку. Он всегда голосует, хотя его руку давно уже привыкли не замечать под вешалкой.

В особенности часто разделяются голоса в тех случаях, когда затрагиваются вкусы. Недавно решали, что покупать на лето – фуражки или тюбетейки. Народ поменьше стоял за тюбетейки, старшие настаивали на фуражках; вышло поровну. В таком случае дает перевес голос председателя. И Васька начинает важничать: долго думает, морщит лоб и отмахивается от недовольных комсомольцев, которым тюбетейка почему-то кажется несимпатичной.

— Да ну же решай, чего там морщишься? Все равно никто носить не будет.

Васька сейчас же в «запарку», поддерживаемую большинством собрания:

— Как это не будешь? А если постановят? Ты мне такие разговоры не заводи, а то в бюро придется с тобой разговаривать!

Васька и сам комсомолец и член бюро, но ему только пятнадцать лет, поэтому ему мила тюбетейка. Теперь же, после угрозы не подчиниться постановлению, он решительно переходит на сторону золотой шапочки и подымает руку.

— За тюбетейку!

Бывает часто, что и мне приходится оставаться а меньшинстве. В таких случаях я обычно подчиняюсь совету командиров, и тогда ребята торжествуют и «задаются»:

— Ваша не пляшет!

Но бывает и так, что я не могу уступить большинству совета. У меня тогда остается один путь – апеллировать к общему собранию коммунаров. На общем собрании меня обычно поддерживают все старшие коммунары, бывшие командиры и почти всегда – комсомольцы, способные более тонко разбираться в вопросе.

Благодаря такой конъюнктуре командиры очень не любят, когда я угрожаю перенести вопрос на общее собрание, и недовольно бурчат:

— Ну да, конечно, на общем собрании за вас потянут. А вы здесь должны решать, а не на общем собрании. Им что, поднять руку!

В прошлом году стоял вопрос о летней экскурсии. Совет командиров настаивал на Крыме, я предлагал Москву. В совете о Москве и слышать не хотели:

— В Крыму и покупаться и отдохнуть...

— У нас мало денег для Крыма, а в Москву дешевле, – возражал я.

— Мы и в Крыму проживем дешево.

— В Москве больше увидим, многому научимся, увидим столицу.

— А Харьков не столица разве?

Я все же не помирился с советом и перенес вопрос на общее собрание. Все командиры агитировали против меня, яркими красками рисовали прелести Крыма и отмахивались от моей поправки: «В этом году – в Москву, а в следующем – в Крым».

На общем собрании решение ехать в Москву было принято большинством трех голосов, и это дало основание в совете командиров поднять вопрос о пересмотре. При новом голосовании в совете я остался уже не в таком позорном одиночестве, а на новом общем собрании мне удалось собрать больше двух третей голосов благодаря единодушной поддержке комсомола. Только тогда оппозиция успокоилась.

Такие случаи объясняются тем, что в командирах ходят не обязательно самые авторитетные коммунары. Командир командует отрядом три месяца и на второй срок избирается очень редко. С одной стороны, это очень хорошо, так как почти все коммунары таким образом проходят через командные посты, а с другой стороны, получается, что командиры сильно ограничены влиянием старших коммунаров. Последние, в особенности комсомольцы, умеют подчиняться своим командирам в текущем деле, на работе, в строю, но зато независимо держатся в общественной жизни и в особенности на общем собрании. Здесь коммунары вообще не склонны разбирать, кто командир, а кто нет.

Исключительное значение имеет в коммуне ячейка комсомола, объединяющая больше шестидесяти коммунаров. Она никогда не вмешивается в прямую работу совета командиров, но очень сильно влияет на общественное мнение в коммуне и через свою фракцию всегда имеет возможность получить любое большинство в совете. Поэтому в вопросах, имеющих принципиальное значение, совету командиров часто приходится только оформлять то, что уже разобрано и намечено в разных комиссиях, секторах, бюро ячейки и, наконец, в общем собрании комсомола.

Но зато в повседневной работе коммуны, во всех многообразных и важных мелочах производства совет командиров всегда был на высоте положения, несмотря на свой переменный состав. Здесь большое значение имеют традиция и опыт старших поколений, уже ушедших из коммуны. Вот мы сейчас собираемся уезжать, и в совете командиров все хорошо знают, что нужно подумать и о котлах, и о ведрах, и о сорных ящиках, о правилах поведения в вагонах, о характере работы столовой комиссии, о санитарном оборудовании похода. Во всех этих делах ребята не менее опытны, чем я, и быстрее меня ориентируются. Только поэтому мы могли в пять часов вечера окончить работу в мастерских, а в шесть выступить в московский поход.

Из особенностей работы совета необходимо указать на одну, самую важную: несмотря на все разногласия в совете командиров, раз постановление вынесено и объявлено в приказе, никому не может прийти в голову его не исполнить, в том числе и

мне. Может случиться, что я или старшие комсомольцы будем разными путями добиваться его отмены, но мы совершенно не представляем себе даже разговоров о том, что оно может быть не выполнено.

В начале этого лета одно из постановлений совета прошло незначительным большинством и при этом наперекор общему настроению. Дело касалось охраны лагерей. Зимой сторожевой отряд освобождался от работы в мастерских – иначе было нельзя: коммунары занимались в школе, а из школы мы никогда ребят не снимали. Но когда настали каникулы, совет командиров возбудил вопрос об охране лагерей в порядке дополнительной нагрузки. Большинство в совете набралось очень незначительное – один или два голоса. Вся коммуна была недовольна. Еще бы: нужно вставать ночью и становиться на дневальство на два часа, и это приходится делать раз в пятидневку. Но другого выхода не было.

Дня два мы не решались объявить постановление в приказе, я даже побаивался: а вдруг не выполнят?

Наконец, решились с Васькой: чего там смотреть! Объявили в приказе давно известное всем решение.

И ни одного голоса не раздалось против, ни один человек не опоздал на дневальство и не проспал. Вопрос был исчерпан. И мы этому не удивились. Васька, подписывая приказ, недаром говорил:

— Кончено! Подписали!...

Общее собрание

После второго ужина в коммуне наступает час, когда вся дневная программа считается законченной, все обязанности исполненными. Но кое-где еще бьется пульс дневного напряжения.

В столовой еще ужинают: дежурства, подавальцы, опоздавшие.

У парадного входа балагурят старшие в ожидании общего собрания. Здесь же собираются и инструкторы и рабочие, любители наших общих собраний. Образуются группы вокруг наиболее веселых и говорливых товарищей. Если сегодня была сыгровка оркестра, то веселее всего тем, кто толпится вокруг Тимофея Викторовича, нашего капельмейстера. Ему шестьдесят лет от роду, но в то же время он самый здоровый, энергичный и общественный человек в коммуне, никогда не устает ни от работы, ни от толпы. Он пользуется огромным авторитетом не только среди музыкантов, а решительно у всех коммунаров. Тимофей Викторович – человек полный, у него подстриженные усы и нос картошкой. Он был и на японской, и на империалистической, и на гражданской войнах, побывал чуть не во всех частях света. Этот умный и жизнерадостный человек любит порассказать о своих приключениях и наблюдениях.

В кабинете яблоку упасть негде. Командиры приготовляют рапорты и передают дежурному по коммуне для подтвердительной визы. Любители кабинета в этот момент собраны в наибольшем количестве. Да и трудно не зайти в кабинет, когда здесь и Соломон Борисович с последними производственными новостями и планами, восторгами и обидами, здесь и наш клубник, оригинал и фантазер Перский, всегда занятый неким изобретением, подозрительно похожим на перпетуум-мобиле; возле Перского непременный штаб, состоящий из самых недисциплинированных, самых дурашливых, предприимчивых и способных коммунаров – Ряполова, Сучкевича, Боярчука, Швыдкова.

В этот час только и можно выпросить у меня денег на какие-нибудь приспособления для изокружка, у Соломона Борисовича – дикт и гвозди, у ССК – бумаги и резинок. На диване или на полу поспешно заканчивают шахматную партию наши маэстро. Среди них – физкультурник Карабанов, старый мой товарищ по горьковской колонии, когда-то вместе со мной закладывавший камень за камнем фундамент горьковского здания, до того – беспризорный и бандит, а теперь – один из самых влиятельных дзержинцев, по-прежнему упорный и огневой, наш чемпион в шахматах. Тут же и какой-нибудь заночевавший гость, чаще всего из учителей. Он не может постигнуть, каким образом в этом невероятном шуме решаются дела, пишутся бумаги, выдаются деньги, производятся расчеты и утверждаются акты.

В вестибюле в это время, то и дело поглядывая на циферблат наших главных часов, стоит дежурный сигналист.

Ровно в половине девятого сигналист поправляет рубашку и пояс и трубит сразу два сигнала – старая наша традиция – «сбор командиров» и «общее собрание». Как и все остальные сигналы, этот играется четыре раза: в вестибюле, на парадном крыльце и на двух углах здания. Когда до меня долетают последние звуки, я оставляю свой пост и выхожу из опустевшего кабинета. В конце коридора при входе в «громкий» клуб я вижу сбегающихся по сигналу коммунаров.

В «громком» клубе чинно сидят коммунары, а поперек зала стройно вытянулись в две шеренги командиры. Против них, у самой сцены – дежурный по коммуне с красной повязкой. Когда шум постепенно стихает, раздается голос дежурного:

— К рапортам встать!

Начинается церемония рапортов. Каждый командир подходит к ДК, держа в руках рапорт. Командир вытягивается в салюте сегодняшнему старшему, за ним вытягивается и весь зал: коммунары салютуют командиру и в его лице всему отряду. В зале полная тишина, и все ясно слышат рапорт:

— В седьмом отряде все благополучно.

— В девятом отряде все благополучно. Заболел Васильев.

— В десятом отряде все благополучно. В цехе было три рабочих часа простоя.

— В пятом отряде все благополучно. Во время работы поссорились Лазарева и Пономаренко.

— В одиннадцатом отряде все благополучно. В командировке Богданов.

После командиров отдают рапорты дежурный член санитарной комиссии, старшая хозяйка и командир сторожевого отряда. У ДЧСК обычные замечания: за столом четвертого отряда было грязно, Романов не чистил утром зубы. У старшей хозяйки тоже обычное: Тетерятченко разбил чашку. А у командира сторожевого: Семенов не вытер ноги, девочки не прикрывают двери, Уткина была в спальне без ордера.

Дежурный по коммуне в ответ на рапорт говорит:

— Есть[2].

Рапорты окончены, все опускаются на стулья, а на месте ДК появляется очередной председатель, назначенный вчерашним приказом, и секретарь.

— Объявляю общее собрание коммунаров открытым.

Председатель заглядывает в кучу рапортов с особыми замечаниями, специально отложенных ДК.

— Тетерятченко!

Тщедушный Тетерятченко выходит на середину зала. На блестящем паркетном полу под главным фонарем он становится в позу «смирно».

— В рапорте старшей хозяйки отмечено, что ты разбил чашку, – говорит председатель.

Наиболее распространенный ответ коммунаров на такое обвинение:

— Я ее не разбил. Она стояла, а я подошел к ней и хотел взять в руки, а она распалась.

Коммунары всегда помнят, что еще в прошлом году я предложил им отвечать так:

— Я посмотрел на чашку, а она распалась.

Чашек у нас уже не хватает. Многим в столовой приходится ожидать, пока освободятся чашки. Я умышленно не покупаю пополнения, и все ребята догадываются почему: бейте, значит, – посмотрим, чем это кончится. Неудобство от недостатка чашек огромное, но все знают, что меня лучше не трогать, потому что я скажу: «Чашки были пополнены три месяца назад. Денег на новое пополнение нет». Поэтому никто и не заикается о пополнении.

Волчок просит слова:

— Я думаю, что с чашками как-нибудь нужно что-то сделать. Каждый день бьют. Или не давать таким, как Тетерятченко, – он где ни повернется, так испортит что-нибудь. Надо греть таких раззяв.

Собрание склонно последовать этому совету, но у каждого на совести есть чашка или тарелка, поэтому прения не развиваются.

Я вношу предложение: придется купить алюминиевые, эти не будут биться. В зале начинают сердиться. С места говорят:

— Ну, алюминиевые!

Председатель строго говорит Тетерятченке:

— Садись ты. Да смотри, в другой раз осторожнее поворачивайся вокруг посуды.

Тетерятченко, довольный, что дешево отделался, салютует председателю и отправляется на свое место.

Председатель снова заглядывает в рапорт.

— Лазарева и Пономаренко.

На середине две небольшие девочки, однако они умеют уже кокетливо жеманиться и демонстрируют сразу и смущенную застенчивость и пренебрежение к собранию. Они – новенькие, их только недавно прислала к нам комиссия по делам несовершеннолетних. Жили они еще совсем недавно в какой-то наробразовской колонии и своим «поведением» и решительным нежеланием подчиниться авторитету педагогов заслужили удаление из колонии.

Пономаренко – постарше, у нее выцветшие прямые волосы, челка почти закрывает глаза. Она задирает голову и все время вертится.

С краев зала несколько голосов кричат:

— Стань смирно! Что ты танцуешь?

Пономаренко вихляет ногой и бурчит:

— А вам не все равно?

На сцене, где всегда заседают самые активные пацаны, кто-то не выдерживает и, не получив слова, приступает сразу к речи:

— До каких пор это будет продолжаться? Они даже на собрании вести себя не умеют.

Председатель строго осаживает горячего оратора:

— А ты чего кричишь? Тебе давали слово?

— Ну, так дай слово.

— Говори.

Со стула подымается небольшой кучерявый Гершанович и начинает говорить, жестикулируя правой рукой над головами сидящих впереди товарищей:

— Я думаю, что с Пономаренко нечего возиться. Сколько уже раз она давала слово, а все равно каждый день на середине, да еще выйдет и ломается, как будто она барышня какая. Надо отправить ее, откуда пришла. На что нам такие?

Пономаренко, окинув Гершановича сердитым взглядом, намеренно резко говорит:

— Ну и отправляйте! Что ж, подумаешь, нужно очень!

В зале подымается возмущенный шум. Со всех сторон раздается:

— А что ж, на твою челку смотреть будем?

— Да, конечно, отправить ее в комиссию!

— Пацанов сколько в коллекторе ждет вакансии в коммуне, так тех не берем, а эту держим, не видели ее ужимок!

— Пусть едет в Волчанск и там ужимается, сколько хочет!

Председатель с трудом наводит порядок в зале:

— Вот спросим, что ее командир скажет. Вехова, что сегодня случилось?

Вехова, румяная девочка лет шестнадцати, аккуратненькая и приветливая, как всегда склонив голову немного набок, подымается со стула:

— Да сегодня они с утра в мастерской все грызлись из-за какой-то катушки. Их несколько раз и я останавливала, и Александра Яковлевна, и все девчата. Перестанут, а потом опять начинают. А сегодня после обеда, когда только что пришли на работу, они вцепились одна другой в волосы и такое подняли, что пришлось дежурного по коммуне вызывать.

В зале хохот. Сам председатель смеется. Из-под экрана кто-то из малышей старается всех перекричать:

— Их надо остричь, остричь надо, тогда не за что будет хвататься!

Слово берет Редько:

— Я думаю, что тут все девчата сами виноваты...

У девчат:

— О, придумал, уже мы виноваты!

— Да, виноваты! Как это можно не справиться с ними? Пусть у нас в цехе попробуют драться! А если у вас нет силы их примирить, так держите всегда под рукой ведро с водой или огнетушитель повесьте.

Взрыв смеха настолько заразителен, что и сами обвиняемые смеются. Редько раздражается:

— Вот смотрите, они еще смеются!

Председатель отмахивается от Редько рукой и дает слово Воленко.

Воленко всегда старается встать на сторону «униженных и оскорбленных»…

— Чего все так напали на девчат? Чем они виноваты? Только недавно прибыли, никакой культуры не нюхали. Нужно было им разъяснить.

Из угла девочек возмущаются:

— Мало им разъясняли! И мы сколько раз, и здесь на общем собрании, и воспитатели сколько уже с ними разговаривали да уговаривали, и в комсомол их вызывали, да и сам Воленко брался.

— Надо все-таки и дальше продолжать, пока они не станут культурнее, а то они еще совсем, как дикари.

Пономаренко быстро оборачивается к Воленко:

— Сам ты дикарь! Нужны кому твои разговоры!

В зале опять смех.

— Садись, Воленко, пока цел.

Слово получает Сопин. Он сегодня серьезен:

— Довольно уже с ними возиться! Я считаю, что разговаривали довольно. Надо с ними построже. Нужно запретить им работу в мастерской – вот что, раз они там себе прически только портят. Не пускать их в мастерскую, пускай уборкой занимаются.

— Правильно! – кричат со всех сторон.

Председатель видит, что вопрос выяснен.

— Можно голосовать? – спрашивает он дежурного заместителя.

Наложить взыскание имеет право и сам ДЗ единолично, если проступок не представляет собой ничего необыкновенного, но всегда считается полезным передать карательные полномочия общему собранию. Для голосования наказания все-таки необходимо согласие ДЗ.

— Не возражаю.

Предложение Сопина принимается единогласно. Пономаренко и Лазарева направляются к своим местам, но председатель останавливает:

— А салют?

Они нехотя салютуют.

На другой день они убирают в саду и в коридорах, но уже к вечеру приходит ко мне Вехова и говорит:

— Там Пономаренко и Лазарева просят, чтобы их простили. Говорят, что никогда так не будут делать.

— Так я же не могу, ведь общее собрание постановило.

— И я им говорила, а они все-таки просят.

— Ну вот, сегодня на собрании поговорим.

Вехова уходит, а через пять минут в кабинет потихоньку просовываются Пономаренко и Лазарева и, увидев, что в кабинете никого нет, шепчут:

— Если вы нас не можете простить, так не нужно на общее собрание ставить вопрос.

— Почему?

— А ну их! Эти хлопцы опять смеяться будут.

— Ну, а в самом деле, разве не смешно, что вы в мастерской в драку вступаете, как петухи? Что же делать! Общему собранию трудно не покориться. Я советую вам все-таки сегодня как-нибудь помириться с собранием.

Они молча уходят.

На собрании я сообщаю после выяснения всех очередных вопросов:

— Вчера мы довольно строго наказали двух девочек. Сегодня они хорошо работали на уборке и просили меня и командира шестого, чтобы с них наказание сняли. Больше драться они, конечно, не будут.

— Ну что ж, можно и амнистировать, – спокойно басит Похожай, командир девятого.

Волчок хлопает по плечу сидящую рядом с ним Пономаренко и говорит:

— Такая славная девочка, только бы на басу играть, а она – в прическу.

В зале улыбаются.

Председатель мирно спрашивает:

— Так что ж, может, и в самом деле на этот раз?..

Редько со смеющимся, всегда довольным лицом поворачивается во все стороны:

— Оно и не следовало б прощать, да так уже, для хорошего вечера...

— Возражений нет?

— Нет! – кричит весь зал.

Председатель обращается в ту сторону, где спрятались за спинами товарищей виновницы торжества:

— Ну, смотрите, собрание вас прощает. Ну, а если еще такие драки будут...

— Ладно, – говорит Пономаренко.

Редько серьезно поправляет:

— Не ладно, а есть.

— Ну, есть.

В зале смех.

Почти каждое общее собрание начинается с вызова бенефициантов на середину. Но большей частью их бывает очень немного и притом с пустяковыми провинностями. А бывает не раз, что командиры только быстро чеканят салюты:

— Все благополучно.

— Все благополучно.

— Все благополучно...

Я налагаю наказания очень редко. Чаще всего – по рапортам дежурных заместителей. Последние довольно строги, но возможности у них ограниченны: «два

наряда[3]», «без киносеанса», «без отпуска». Попавшие «в наряд» записываются контролем коммуны в его блокнот и по требованию дежурного по коммуне посылаются на дополнительные работы: им приходится убирать в день отдыха здание, отправляться в командировку в город, подметать в саду.

Наиболее легко отделываются назначенные «без кино». Когда должен начаться киносеанс и все коммунары собрались уже в зале и выслушивают очередной короткий политобзор, оставленные без кино вертятся у дверей и окон коридора и делают вид, будто они интересуются вечерним пейзажем. Это действует на меня или на того заместителя, который их наказал.

— Ты чего здесь вертишься? – спрашивает дежурный.

— Мы без кино.

— Ну так и идите спать.

На это предложение угрюмо отмалчиваются.

Я кричу в дверь залы:

— Никитин этих пусти, пусть в последний раз посмотрят картину, все равно завтра снова попадутся!

— А может, и не попадемся!

После разбора рапортов каждый коммунар может поднять на собрании любой вопрос: о пище, об одежде, о производстве, о работе кружков, о распределении занятий, да и мало ли о чем. Главным толчком здесь бывает всегда комсомол …

А.С.Макаренко. Пед. соч.: В 8 т. Т. 2, с. 43-47, 55-62, 67-73. Хронологически размещается по времени окончания работы над книгой: 11-12 сент. 1930 г. Видимо, считая завершенной 1-ю часть «Педагогической поэмы», он продолжил описание своего педагогического опыта, в новом жанре, в форме документальной книги-очерка.

В ней описывается история возникновения и развития трудовой коммуны им. Ф.Э.Дзержинского (преемницы трудовой колонии им. М. Горького) с конца 1927 г. до сер. сентября 1930 г. Это документ, запечатлевший реальные события и лица, с сохранением подлинных имен (за исключением 4-х лиц) и хронологии событий. В описании опыта превалирует изображение организационно-методической основы воспитательного процесса и его технологической оснащенности. Широко представлена индивидуализация воспитания, галерея портретных характеристик воспитанников (82 чел.) и сотрудников коммуны (24 чел.).

В структуре книги: Вступление, Как мы начали, Первые дзержинцы, Первый отряд (токарно-слесарный цех первой смены), Пацаны (от 12 лет, около 30 чел.), Утро в коммуне, В машинном цехе, Сборный цех, Куда мы идем?, Хозяева (на производстве), Копейки и мальчики, Из книги о культурной революции (о культуре поведения, в т.ч. взрослых), «Делегации», «Окружающее население», Кабинет, Совет командиров, Дела комсомольские, Общее собрание, Половая проблема, Клубработа, Походы (в город, праздники), Москва, Филька («артист»), Сявки (бессильные существа, без чести и достоинства, уважения к себе), Юхим (подсобный рабочий), Вечер, Заключение.

Возвращение коммуны из крымского похода и общая характеристика ее «марша тридцатого года» - см. в начале книги-очерка «ФД-1», т.2, с.104-106; о «производственном фоне» жизни коммуны тех лет – там же, с.10-146.

В направленной в ГИХЛ в конце 1930 г. рукописи было немало полемики, критического отношения к общепринятой педагогической теории и практике. Сотрудник редакции литературовед Я.З.Черняк в письме А.С.Макаренко писал: «Редакция Гос. Изд-ва художественной литературы, принципиально принимая Вашу книгу «Марш тридцатого года», считает необходимым просить предварительно Вашего согласия на некоторые редакционные поправки и изменения в рукописи.

Основная ценность Вашей работы в том, что она дает развернутую картину практического применения методов коллективного воспитания и с большой силой рассказывает о сложившемся в колонии крепком, сплоченном коллективе.

Но именно это основное содержание работы противоречит обилию полемики, к которой Вы прибегаете в тех случаях, когда опыт проделанной работы Вы стремитесь обобщить и сделать нормой социального воспитания вообще.

Есть в Вашей работе с этой стороны недостаток, который, на наш взгляд, легко устраним: нет необходимости сохранять в ней часть полемики, несомненно, «перегибающей палку» и выкидывающей вместе с «человеками в футляре» и ту часть наших работников коммунистического воспитания, которая не подлежит

тому огульному осуждению, как и ханжеская педагогика мелкой буржуазии или мертвечина «циркулярных» педантов.

Было бы очень хорошо, если бы Вы лично просмотрели Вашу работу с этой стороны и устранили бы (путем простого сокращения) излишние с этой точки зрения выпады.

С другой стороны, некоторую неясность оставляет та глава Вашей работы, где характеризуется комсомольская организация колонии, ее роль в жизни всего коллектива. Здесь, кроме того, характеризуется мировоззрение колонистов и процесс превращения «стихийного материализма», принесенного б[ывшими] беспризорными с улицы, в подлинный теоретически осмысленный и освоенный материализм чуть ли не как чисто количественный процесс. Сюда надо бы внести бóльшую ясность и точность...

Мы надеемся, что наши дружеские замечания будут приняты Вами во внимание и что Вы, либо по Вашему экземпляру лично, либо с Вашего согласия здесь в редакции в ближайшие две недели после получения Вашего ответа...» (РГАЛИ, ф. 2208, оп. 2, ед. хр. 121, лл. 1-8, без даты, без конца, с пометкой: «3 экз. На бланке». Там же: ф. 611, оп. 2, д. 243, л. 39, с об. Публикуется с небольшим сокращением).

Рукопись переходила от одного редактора к другому, каждый вносил в нее изменения. Примерно через полтора года, в начале 1932 г. редактор Ю.Б.Лукин взялся за восстановление текста, запросил у А.С.Макаренко копию рукописи, но ее у него не было, сам он прибыть в Москву не мог. В конце лета 1932 г. он приехал в Москву, работал над версткой книги; в сентябре она была подписана к печати; вышла в свет поздней осенью 1932 г. тиражом 5 тыс. экз.

Этому содействовал А.М.Горький. 14 декабря 1931 г. он писал из Сорренто А.Б.Халатову: «История с «записками» Макаренко о Харьковской колонии беспризорных темна и загадочна. Почему книга, одобренная редакцией, не появляется вот уже более года? Почему на запросы автора ГИХЛ не отвечает?» (Архив А.М.Горького. Т. X. Кн. 1. – М., 1964, с. 254).

В письме 17 дек. 1932 г. А. М. Горький поздравил А. С. Макаренко с этой книгой, он читал ее «с волнением и радостью» (т. 1, с. 253). В ответном письме 1 янв. 1933 г. А. С. Макаренко сказал, что

горьковский отзыв – это «самое важное событие в моей жизни» (там же).

В опубликованном тексте «Марша 30 года» о «полемичности» первоначального варианта книги можно судить по ее 2-й главе, где развенчивается идея развития у детей «инициативы и творческого опыта», полной «самоорганизации, самообслуживания, самооборудования», когда дети все «сами сделали» (т. 2, с. 10-13).

Книга не вызвала интереса литературной общественности, а до педагогов она, видимо, просто «не дошла». В ж. «Художественная литература», № 4, 1933 г., рецензент Л. Гессен (наверное, педагог), в целом положительно оценивая «Марш 30 года», указал на «ряд неясных мест и весьма спорных положений» автора и на то, что в книге не уделяется должного внимания школе, учебно-образовательной работе, непосредственной связи труда с обучением, преувеличивается роль самоуправления, оно вызывает критику. Советское воспитание тогда уже полным ходом шло по пути «школы учебы», «воспитывающего обучения», решительно отказавшись от хозяйственно-трудовой основы воспитания.

[1] В действительности П.И.Барбаров.

[2] Ответ «Есть!» и салют применяются в системе деловых отношений, коллективных и индивидуальных.

[3] «Наряд» – определение на дополнительную работу (обычно срочную, по распоряжению дежурного по коммуне), в свободное время, обычно на 1-2 часа.

***Дополнения.* 15 сентября. «Торжественное открытие рабфака при коммуне I и II курсов рабфака вечернего отделения Харьковского машиностроительного института, по постановлениям НКП и ВСНХ Украины, 70 человек».**

«Это был чрезвычайно важный шаг вперед. Открытие рабфака машиностроительного института сообщало коммуне характер серьезного политехнически-гармонированного учебно-производственного комбината и открывало большие перспективы в поисках нового, более совершенного производства» («Втор. рожд.», с. 24). Историю создания рабфака – см. «ФД-1», с. 109-110; не имеющие

начального образования составили «группы, подготовительные к рабфаку».

Сер. сентября. «На текущем счету уже лежат 200 тыс. рублей. Взяли еще в июле заказ на оборудование Энергетического института, заказ стоит полмиллиона» (т. 2, с. 102).

23 сентября. «Посещение коммуны пограничниками».

15 октября. «Начало постройки дороги к Белгородскому шоссе (1 км. 250 м. – А.Ф.)… Коммуна много страдала от отсутствия дороги. При малейшем дожде, особенно осенью и весной, добраться до коммуны было невозможно. От этого особенно страдало производство, нельзя было доставить материалы, нельзя было просто поехать в город. Шоссе строилось при большом участии коммунаров». (Строил Коммунхоз; «выемку длиной до полуверсты сделали коммунары», по отрядам, за 5 с пол. дней, отменив производственную и учебную работу; подробно см. т. 2, с. 155-156).

В это время отменено дежурство по коммуне избираемой для этого частью командиров отрядов, они все стали дежурить в порядке очередности – с. 157.

16 октября. «Уничтожение в коммуне должностей воспитателей. Коммунары уже настолько выросли и настолько выросло их самоуправление, что они уже могли в дальнейшем сами вести коммуну». (В дальнейшем А.С.Макаренко отмечал «недостаточное влияние взрослых», ослабление их роли в общем развитии и воспитании коммунаров).

Протоколы заседаний СК, **20 сент. – нач. ноября 1930 г. Протокол № 123, 20 сент. Присутствовало 12 командиров, Харланова и 12 коммунаров: назначение отрядов по уборке здания «наряды»; о генеральной уборке – распределение работ по отрядам; СК «составить очки» (определить трудоемкость отдельных мест уборки числом «очков», равное их число для каждого отряда, выбор конкретных мест уборки – по жребию – А.Ф.).**

24 сентября, протокол № 124, присутств. 12 командиров, Харланова, Макаренко и 19 коммунаров: рапорт старшей хозяйки о пропаже в столовой 24 порций – «Антон Семенович берется сам оставлять обед, завтрак и ужин в тех случаях, когда их некому

оставлять… Выдавать обед тогда, когда зав. коммуной будет подан список на оставление». «Коммунар, который уходит в отпуск (обычно в выходной день – А.Ф.), должен брать отпуск у командира отряда с подписью зав. коммуной и ССК». Просьба совхоза помочь копать картошку – «отказать, т.к. нет одежды».

25 сент., № 125, присутств. 12 командиров, Харланова, Макаренко, коммунары. Заявления: товарищей Мельника (перевести в другую мастерскую), Шершнева (без очереди получать еду), Козыря (принять в коммуну). Заявление А.С. Макаренко и педагогического совета о том, что рабфаковцы занимались в одну смену – «тов. Коган доложил, сколько ему нужно в каждую мастерскую коммунаров, и так совпало, что все рабфаковцы составляют одну смену».

2 окт., присутств. также С. Коган, Барбаров, рабочие Поляченко, Озырянский, Шнейдер, многие коммунары (в дальнейшем участвуют С. Калабалин, Акимов и др.). Могилин, Звягин: просят прибавить расценки, «тогда обещают увеличить норму выработки»; постановили: «за их рвачество на производстве вывесить на черную доску, поручить Дорошенко каждый день проверять литейный цех».

Коган: распределение производства по новым номерам отрядов, по цехам – «утвердить, дать в приказ по коммуне». Случай пожара в слесарной мастерской: создать комиссию, из 3-х чел. и пожарную дружину. Коротков курил в мастерской, без разрешения – «удержать жалованье за 2 месяца, передать на сбережение». По заказу ХЭТИ на столы, задержка с выполнением заказа – «дать точные задания». О постройке дороги (к Белгородскому шоссе) – «строить, вместо работы в мастерских».

«Ходатайствовать перед Блатом о поставке 10-15 вагонов угля (для отопления зимой – А.Ф.), послать письмо от имени СК». Оркестр направить в больницу (на какое-то мероприятие – А.Ф.). Заявления Черняевой, Строкань, Татаринова, Приемченко о столовании при коммуне – «поставить на полный обед по одному пайку». Заявления Калабалина, Терского, Татаринова – «поставить на полный стол коммунаров, по два пайка». Много отказов от приема в коммуну: «нет мест».

4 октября: «Гершанович украл 2 шинели и часы, другие их принимали и продавали. Ярошенко и Гершановича направить к Букшпану, чтобы он отправил их на Соловки. Остальных оставить в коммуне, дать наказание, по приказу № 279». Позднее пересмотрено: «оставить в коммуне, с уплатой за украденные вещи, согласно приказа № 283».

5 октября, протокол № 127, присутств. 21 командир, т. Балицкая, Макаренко, Дорошенко. О пошивке 35 шинелей – «шить в 2 очереди, по приказу № 249». О питании коммунаров – «за неимением времени этот вопрос отложить на следующий раз».

10 октября, протокол № 128, присутств. 21 командир, С.А. Калабалин, Акимов, А.С. Макаренко, Дорошенко. О пожаре в столярной мастерской – «комиссии в составе тт. Калабалина, Козыря и Акимова выяснить причины». Заявление т. Древаля, чтобы еще дали комнату – «передать заявление в комиссию «Культурной революции»». О зарплате слесарей – «считать неправильным, что одному Каплуновскому уплачено по средней зарплате токарей, а остальным нет; ССК Дорошенко выяснить это дело». Зарплата Козырю, которого коммуна направляет учиться на шофера – «установить зарплату, 45 руб.» О разбитых неизвестно кем шишках (производственных изделий – А.Ф.) Торского и Куслия – «уплатить им за испорченную работу». Заявление т. Карецкой о принятии ее племянника в коммуну – «отказать, нет мест».

Заявление т. Сергиенко, чтобы разрешили курить – «разрешить». О переводе по мастерским – «Мельника из механического цеха в токарный, Червенко из токарного в механический». Заявление т. Ермоленко об отправке домой – «отпустить». О катке и коньках – «поручить С.Л. Богдановичу нанять рабочих для разравнивания клумб и подготовки катка; насчет коньков и ботинок поручить т. Макаренко А.С. по отъезду в Москву все это закупить там». Распределение нарядов – «по приказу № 253».

Зав. коммуной *А. Макаренко*

ССК *К. Харланова*, **затем** *Дорошенко*

РГАЛИ, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 402, лл. 85 об. – 88 об.

17 октября. «Выборы совета командиров XI созыва. ССК – Дорошенко. Это был совет командиров, состоящий из интеллигентов. Полукустарное производство перестало удовлетворять коммунаров, они на нем добросовестно работали, но увлеклись рабфаком. Школа и образование стали наиболее притягательным приложением энергии». (Втор. рожд., с. 24-25).

Кража Ивановым радиоприемника у Мизяка. На совете командиров: объявление этого. При постановлении голоса разделились: «выгнать» и «оставить». Решение перенесли на следующее заседание СК, постановили «снять с дежурства по коммуне».

На следующих *заседаниях СК*, **окт. – дек. 1930 г. (некоторые данные). Заявление Французова, о вставке ему золотых зубов, – «разрешили». То же – Шмигалеву. Заявление т. Козыря об увеличении ставки – «увеличить до 75 руб.» О годовщине коммуны, подарке т. Балицкому – создание комиссии; подарить альбом со снимками коммунаров. Декабрь: заявления коммунаров 9 и 10 отрядов, об увеличении производственных расценок – «комиссии из 3-х чел. рассмотреть, совместно с мастером; в других случаях – увеличение расценки до 50 коп.» Заявление бывших коммунаров об оказании им денежной и др. помощи – «удовлетворить».**

РГАЛИ, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 383.

Приказы по коммуне, 1930 г., 1 июня – 31 дек. – см.: РГАЛИ, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 386 (в данном издании не учтены).

Докладная записка члену правления коммуны им. Ф.Э. Дзержинского

Я Вас прошу считать этот доклад попыткой изложить мои взгляды человеку, который не хочет ограничиваться по отношению ко мне одним нажимом. Я сильно и глубоко убежден, что моя педагогическая работа всегда была и есть настоящая советская работа. Я при этом совершенно не склонен падать ниц перед многими утверждениями и положениями так называемой соцвосовской педагогики только потому, что они высказаны от имени советской доктрины.

Я позволяю себе затруднить Ваше внимание некоторыми общими педагогическими соображениями.

Я убежден (я так себе представляю, что я это ясно вижу, у меня никаких сомнений нет), что такая «педагогика» на самом деле есть в значительной мере безответственная выдумка интеллигентщины. К этому я приходил очень медленно и сам в двадцатом году начинал работу, будучи убежденным ее сторонником. В настоящее время я не только в своем опыте нашел много доказательств правильности моих сомнений, но уже могу наблюдать, как и советское общество и, в особенности, партийная мысль начали разбираться в непроходимом клубке предрассудков, созданных педагогическими писателями и писаками...[1]

Плохие детские дома не оттого таковы, что там плохие работники или что мало денег дают на их содержание, а исключительно потому, что они отравлены дамской педагогикой, в существе своем не имеющей никакого отношения ни к идее социализма, ни к пролетариату, ни к труду, ни к Советской власти, ни просто к здравому смыслу...

...Отдельные интеллигентско-российские идеи настолько живучи… что сейчас многие люди, вопреки фактам и действительной логике нашего развития, продолжают верить в спасительность большинства соцвосовских средств и продолжают настойчиво рекомендовать их употребление.

Интеллигентская педагогика как раз и характеризуется совершенно тупой верой в действительность средства только на том основании, что это средство стройно вытекает из разных идеальных положений[2]. Так, например, среди интеллигентщины искони была вера в полезность и высокую моральную ценность бесплатного труда, в помощь бедному, в милостыню, в непротивление «злому», в спасительность душевных разговоров, в какое-то особенное значение «любимого» учителя, в сверхъестественное значение интереса и в так называемую доминанту[3]…

Я с 1920 г. организовал и заведовал колонией им. Горького сначала в Полтаве, затем под Харьковом, сделал ее известной всей Украине и РСФСР, и в значительной мере и за границей[4]; результаты моей работы и работы подобранного [мной] педагогического коллектива были по меньшей мере удовлетворительны, и все-таки это не мешало в течение всех восьми лет травить меня и нашу работу разным совершенно бездельным людям, которые занимались исключительно тем, что выигрывали на высказывании разных похвальных взглядов и педагогических премудростей.

Окончилось все это тем, что меня заставили уйти из колонии и при этом почти сознательно пожертвовали ценностью учреждения. Немедленно после моего ухода начали применять в работе разные шаблоные патентованные средства, и в последнем счете сейчас эта колония стоит на границе развала и безусловно через год ли полтора будет расформирована.

Вся эта поучительная история имеет только потому значение, что я никогда не подстраивался под педагогическую интеллигентщину и всегда открыто высказывался против нее и настойчиво и упорно проводил свою систему организации, с моей точки зрения более соответствующую нашей нужде и нашему идеологическому кредо[5].

Очень многое из того, что было мною сделано в области метода и что было мишенью для возмущения и травли, потом в общесоветском масштабе было проведено как положительное средство.

К примеру, могу указать на некоторые элементы военизации, которые я предлагал еще с 20-го г. и за которые получал названия Аракчеева, жандарма[6] и пр. Как известно, элементы такой военизации, даже в большей степени, были введены в практике пионерработы, а в настоящее время признаются желательными в детских домах.

...Даже в коммуне им. Дзержинского в прошлом году целая комиссия комсомола, увидев на стене у нас подвижную диаграмму междуотрядного соцсоревнования, изображавшую движение отряда вперед при помощи картинного указания на различные способы передвижения (аэроплан, лошадь, авто, пешком), пришла прямо в ужас и категорически запретила мне употреблять такую диаграмму.

В педагогической области чиновники боятся каждого нового живого слова и, как только оно кем-нибудь сказано, начинают крыть его при помощи различных рацей, введенных в употребление нашими безответственными педагогическими мудрецами. Вот почему для этих юношей, комсомольцев было совершенно ясно, что такая диаграмма принесет обязательно вред и нужно ее непременно и поскорее убрать. А между тем вот на днях в последнем номере «Прожектора» описывается такая же точно диаграмма (даже еще более сильная, ибо в ней едут уже и на коровах), которая употребляется на Нижегородском автомобильном заводе.

В самом положении о соцсоревновании, поскольку оно намечено в постановлении ЦК партии, прямо рекомендуется давать простор начинаниям на местах и отдельным формам, которые могут быть выбраны на местах. А вот все-таки среди наших педагогических деятелей никакого простора нет: знают все, что должно быть соцсоревнование, но при этом стараются его вогнать обязательно в те формы, в которые его уже где-то вогнали: признается законной только кривая, изображающая повышение или понижение процентов промфинплана, а самое существо соревнования уже рассматривается только как функция промфинплана[7].

В коммуну ГПУ я переходил с радостным ощущением той необходимой свободы, которую я буду иметь в области создания нового советского воспитательного метода. И действительно, у нас в коммуне мне такая свобода представлена, и только поэтому наша коммуна может претендовать на одно из первых мест в Союзе. Но и здесь, в коммуне, на

каждом шагу на дороге становится все та же логика «педагогической теории», сделавшаяся почему-то достоянием буквально каждого охочего человека.

Я меньше всего хочу сказать, что вот мне одному известны секреты работы, больше их никто не знает и поэтому никто не имеет права рассуждать о моей работе. Я только один из многих людей, находящих новые, советские пути воспитания, и я, как и все остальные, собственно говоря, стою еще в начале дороги. О нашей работе обязательно нужно высказывать суждение, иначе мы обязательно заблудимся. Но это высказывание ни в коем случае не должно принимать характера навязывания методов и средств, которые только «кажутся» хорошими и революционными, кажутся потому, что наскоро и совершенно по-дилетантски безответственно выведены из некоторых хороших понятий, а еще чаще даже не понятий, а слов и терминов. Например, сколько совсем пустых слов наговорено вокруг так называемой общественно полезной работы детей. Только потому, что в словах «общественно полезная работа» содержатся признаки положительного содержания, только поэтому с детскими коллективами производят манипуляции, которые ведут прямым путем к развалу коллектива и к полной неудаче воспитания.

Нисколько не претендуя на звание великого изобретателя, я хочу только одного, чтобы о ценности метода судили по его результату, а о ценности системы судили по общему результативному итогу.

Сейчас же получается такая картина: плох там я или хорош, но я работаю с беспризорными больше десяти лет. За это время я ни одного дня не болел и никогда не был в отпуске. Мой рабочий день не меньше 15 часов. Это – больше 50 тысяч рабочих часов работы непосредственно в детском коллективе. Я уже не считаю моей работы дореволюционной, которая тоже дала мне некоторый опыт, так как мне посчастливилось все время работать в рабочей школе[8]. Работа моя была все время более или менее успешной. За это время, представьте себе, сколько я передумал, перепробовал, сколько видел чужих опытов, сколько приобрел навыков почти механических. За это время я научился очень многому, и сейчас я отдаю это до конца искренне и воодушевленно советскому воспитанию.

Представлять себе воспитательную работу как простую цепь логических категорий, разумеется, просто неграмотно. Сказать, что вот в этом случае нужно поступить обязательно так, а в этом иначе, просто будет безобразием. Товарищ Букшпан, например, без возмущения не может говорить о том, как это можно вычесть из зарплаты коммунара стоимость разбитой чашки 15 копеек. И он глубоко убежден в том, что он орудует с методической логикой, что взять из зарплаты вообще всегда недопустимо. Совершенно понятно, что вся его логика строится на некотором представлении некоторого идеала:

ребенок, деньги, насилие. Разве может советская педагогика базироваться на таком идеальничании, ведь это в идеологическом и методическом смысле позорно.

Все подобные соображения идут от очень стареньких интеллигентско-буржуазных философских положений о свободе личности, от индивидуалистических убеждений в том, что ребенок безответствен, просто от положений дамского доброго сердца. А чаще всего они идут от случайно пришедшей в голову мысли, что так, дескать, нужно и так будет хорошо.

Вы должны войти в мое положение. Ведь никакой такой простой и короткой логики в моей работе нет. Моя работа состоит из непрерывного ряда многочисленных операций, более или менее длительных, иногда растягивающихся на год, иногда проводимых в течение двух-трех дней, иногда имеющих характер молниеносного действия, иногда имеющих, так сказать, инкубационный период, когда накапливаются потенциальные силы для действия, а потом оно вдруг приобретает характер открытый.

Всякая такая операция представляет очень сложную картину: прежде всего она должна преследовать главную цель – воспитательное влияние на целый коллектив, во-вторых, она должна иметь в виду влияние на данную личность, а в-третьих, она должна в какое-то гармоническое положение поставить и меня, и коллектив воспитателей, потому что «амортизация» педагогического коллектива – самое ответственное дело, какое у нас есть, и вообще к этому вопросу нужно относиться чрезвычайно осторожно.

Кроме этих трех главных целей в каждой операции присутствуют еще и второстепенные: сохранение материальных ценностей, удешевление воспитательного процесса, влияние на окружающую среду, доброе имя коммуны.

Конечно, идеально проведенной операцией будет считаться только такая, при которой все указанные цели достигаются в наиболее оптимальном виде. Но как раз в большинстве случаев задача принимает характер коллизии, когда нужно бывает решить, какими интересами и в какой степени можно пожертвовать и полезно пожертвовать. Для того чтобы такая коллизия благополучно разрешилась или даже приняла характер гармонии, нужно бывает пережить колоссальное напряжение. В таком случае задача требует от меня прямо какой-то сверхъестественной изворотливости и мудрости, требует широкого развертывания приема и иногда сложной игры с детским коллективом, настоящей сценической игры[9].

Если уж Вы пошли на то, чтобы истратить на чтение моего письма изрядное количество времени, то разрешите проанализировать случай с Гершановичем[10].

Кражи, подобные кражам Гершановича, имеют особенное значение в жизни детского коллектива, и при этом очень сложное. Гершанович мальчик очень гнилой. Тов. Букшпан представил его как продукт несчастного влияния Ярошенко. На самом деле это не так.

Гершанович очень развит, умен, циничен, нахален, своекорыстен, смел и, самое главное, имеет возмутительный моральный опыт: он никого не уважает и ничего не уважает. Это представитель редкого типа, который я называю типом неоправданного действия[11]. Такие люди ставят себя против общества совершенно сознательно, не пытаясь никакими признаками логики как-нибудь оправдать свою позицию.

Я знаю происхождение такого типа и знаю, что перевоспитание их дается очень тяжело. Оно вообще возможно только в том случае, если перед такими людьми поставлена сильная воля, которая на них регулярно давит, которая приучает их к сопротивлению общества. Манипуляции с убеждением приносят только вред, ибо только дают простор для упражнений в циничной логике, что же касается «влияния доброго сердца», то оно производит прямо противоположный эффект по отношению к ожидаемому.

Гершанович крал в коммуне регулярно. Удалось выяснить только кражу двух шинелей и часов, но с уверенностью можно сказать, что целый цикл краж, прошедший по коммуне в течение полутора месяцев, не обошелся без Гершановича. В детском коллективе кражи не так страшны своими материальными последствиями. Пропадают вещи, в коллективе бродят подозрительные соображения по адресу очень многих коммунаров, говорятся укоряющие и обвиняющие речи, заводятся ссоры, создаются целые стихии ненужных разговоров.

Когда обнаружился совершенно неожиданно виновник краж, общее негодование против него явилось естественной реакцией. Это негодование, конечно, не должно было определять характера мер против Гершановича, но такую или иную уступку общественному мнению нужно было все-таки сделать. Нужно было вообще сделать так, чтобы воспитательное влияние на весь коллектив всей этой истории было наибольшим. С такой точки зрения истории, подобные кражам Гершановича, бывают сплошь и рядом весьма полезными толчками в развитии всего коллектива, и, если бы подобных историй не было, общий воспитательный процесс мог бы получаться более замедленным.

Коллектив выковывается на явлениях, имеющих общественное значение, хотя бы даже и на таких, как кража. Это положение представляется, разумеется, парадоксальным и, пожалуй, может послужить темой для шуток. Однако тем не менее оно остается справедливым в такой степени, в какой здесь говорится о пользе для коллектива предпочтительно перед пользой для отдельной личности. Во всяком случае, гневное напряжение нашего коллектива, вызванное кражами Гершановича, нужно было переключить в полезные комплексы переживаний для наибольшего числа членов коллектива.

Независимо от этого отдельной задачей стоял вопрос о судьбе самого Гершановича и о наиболее полезном влиянии наших мероприятий по отношению к нему. Я принужден был в этом вопросе не считаться, конечно, со своим представлением о Гершановиче как о мальчике тяжелом и открыто поставленном против коллектива. Если бы я ударился в сторону наименьшего сопротивления, мне как раз не нужно было обращаться к совету командиров для суда над Гершановичем, а нужно было собрать педсовет, который по всем правилам педагогической науки мог бы определить невозможность для Гершановича оставаться в коммуне, явно для него малоприспособленной как тип учреждения. Ибо по педагогическим правилам для Гершановича нужно учреждение с более суровым режимом[12].

Я обратился в совет командиров и потому, что мне нужен был выход для коммунарского гнева, и потому, что только в таком случае можно было рассчитывать на оставление Гершановича в коммуне. Первое постановление совета командиров меня совершенно удовлетворило, так как после такого сурового постановления, с одной стороны, разрешались многие комплексы настроений в коммуне, с другой стороны, Гершанович вводился в сферу суда детколлектива и можно было рассчитывать после недолгого остывания на амнистию по отношению к Гершановичу.

Такая конъюнктура, с моей точки зрения, была одинаково полезна и для коллектива, и для Гершановича. Коллектив переживал свою «мощь», переживал волну негодования против кражи, должен был пережить и настроение снисхождения и ответственности за самого Гершановича, все то, что для меня было как раз нужно во всех отношениях[13]. Гершанович же, так открыто поставивший себя против коллектива и так же нахально и пренебрежительно державшийся на совете командиров, должен был испытать и ту же силу коллектива, и его негодование, и его амнистию. Таким образом, по моему плану достигались обе цели.

Подобные операции для меня были далеко не новыми. В моей практике, в особенности по колонии им. Горького, их было много приблизительно такого типа (с индивидуальными уклонениями в ту или другую сторону)[14]. Только при помощи таких приемов и создается тот бодрый и дружный тон коллектива, который отличает и нашу коммуну, и отличал колонию им. Горького и который пока что является нашим главным достижением.

И вот в такую сферу моих намерений вдруг вплетаются мысли и приемы, направленные исключительно представлениями о правах человека и гражданина[15], представлениями, разумеется, идеалистическими, но никакого отношения не имеющими к педагогической технике. Тов. Букшпан приехал в коммуну как защитник угнетаемого Гершановича от коммунаров и этим сбил меня со всех позиций. Коммунары остались в

положении виноватых, Гершанович – в положении несчастного страдальца, которого коммунары хотели незаслуженно выгнать, и только защита члена правления позволила ему остаться. Его оставление в коммуне и в глазах коммунаров, и в глазах самого Гершановича не было актом коммуны, и даже не было суждения о Гершановиче, а было суждение о неправильном постановлении совета командиров.

Этот случай сам по себе незначителен. Никаких особенных бед у нас не произошло, несмотря на то что мой план не был проведен. Хуже всего вышло для Гершановича: он остался в коммуне на прежней позиции аморального стояния против коллектива, и на этой позиции его укрепил приезд товарища Букшпана, коллектив пережил неясную напряженность действия, а т. Букшпан попал в положение, не выгодное для члена правления, – положение неожиданного тормоза.

Я этот случай разобрал только для того, чтобы характеризовать возможность ненужного и логически чуждого советской педагогике вмешательства случайных соображений и коротких формул. Таких примеров можно из моей практики привести очень много, даже из практики коммуны им. Дзержинского, в которой, как я говорил, мне представлена исключительная свобода педагогического действия по сравнению с другими детскими домами. И в коммуне им. Дзержинского не менее половины моей энергии уходит на преодоление ненужных трений и сопротивлений случайных мыслей и случайных формул.

И благодаря этому в работе нашей коммуны мы никак не можем достигнуть того, на что мы в самом деле способны. Это очень печально: мы не можем достигнуть наибольших успехов только потому, что все к этому успеху стремимся и все его жаждем. Но в нашей работе нет цельности системы и нет доверия к одному ответственному лицу, и, не будем греха таить, и мы еще не освободились от педагогических предрассудков, раздирающих на части детские дома наробразовского соцвоса.

Очень много соображений, высказанных выше, нужно было бы, конечно, развить и сделать достоянием всех практических работников, но у меня для этого нет времени.

Но я буду считать положительно счастливым, если этот мой доклад хоть в небольшой степени позволит мне познакомить Вас с некоторыми моими планами и мыслями, если благодаря этому Вы меня поддержите своим доверием и позволите произвести последние усилия в нашем опыте.

Те общие положения об условиях работы, которые описаны выше, касаются решительно всех областей работы, комкают всю нашу систему целиком и не позволяют нашей коммуне приобрести настоящее четкое лицо.

Я позволю себе в следующем изложении коснуться некоторых проблем, которые, по моему мнению, должны быть разрешены в скором времени и которые отчасти затрагивались на правлении [коммуны].

Общий вид коммуны

В наших условиях – это тоже проблема. Как-то так получается, что общее представление о коммуне сложилось у многих сотрудников ГПУ и во всем нашем обществе почему-то неблагоприятное. Можно, пожалуй, доказывать, что раз такое представление сложилось, значит, что-то в самом существе коммуны организовано неверно, нужно это неверное искать и искоренить.

Никогда ни одной минутки я не представлял себе, что перед этим общим представлением нужно обязательно преклониться.

Я затрудняюсь назвать ту тенденцию, которая приводит к подобным представлениям о нас, но я ее очень хорошо понимаю. Она ясна и показывает свое существо на каждом шагу. Откуда-то в нашем обществе взялось чисто романтическое отношение к идее детского дома, честное слово, недалеко ушедшее от темы о рождественском мальчике[16].

[Во-первых], если в коммуне более или менее счастливо живут полтораста ребят, если они получили от общества чистые постели и хороший дом, это всем кажется каким-то прорывом. Необходимо обязательно, чтобы эти дети были педерасты, чтобы они были обязательно изъяты из притоков разврата и преступления, чтобы они предварительно немножко порезались финками. Во-вторых, необходимо, чтобы они жили в условиях первобытной бедности, чтобы в коммуне не было паркета и хорошей мебели, чтобы таким путем они приучались к какой-то специально для них назначенной жизни.

Сколько раз мне приходилось слышать упрек по моему адресу, заключающийся в том, что большинство наших детей не было на улице. Уличный стаж в данном случае требуется тоже в порядке романтической настроенности. Как это так? Мальчик не прожил на улице и месяца, а имеет дерзость воспитываться в нашей коммуне и этим самым лишает нас необходимых лавров, лишает нас возможности вокруг нашей работы иметь беспризорно-лирический ореол?

Многие идут еще дальше: ни разу не побывав в коммуне и увидев ребят только в клубе ГПУ на каком-нибудь празднике в чистом и хорошо сшитом платье, они все-таки довольно громко утверждают, что наши коммунары панычи, белоручки, барчата. Само собой [разумеется], все убеждены, что наши ребята страшно легкие и их далее не нужно воспитывать, никакого труда не стоит с ними возиться, все это замечательно хорошие дети.

Ко всему этому присоединяется откуда-то идущее в нашу работу противопоставление нашей коммуны Прилукской, которая рисуется в самых радужных

красках: и ребята там преступные, и живут проще наших, в Харьков приезжают в более или менее неуклюжей одежде, все не только были на улице, но побывали некоторые и в Соловках, а в то же время они все страшные труженики и из них обязательно вырастут настоящие цветы беспризорного воспитания.

Я в Прилуках не был, но были не один раз мои помощники и коммунары, несколько раз были у меня воспитанники-прилучане и очень искренне делились со мной своими жизненными впечатлениями. И поэтому романтические одежды Прилукской коммуны для меня малодействительны. По крайней мере до весны 30-го г. положение в Прилуках было таково, что о педагогических лаврах говорить было, пожалуй, преждевременно. Как теперь – не знаю, но знаю, что упорядочение детского коллектива дело очень сложное и довольно длительное. Кстати сказать, я решительно не верю утверждению, что из Прилукской коммуны за год убежало только сорок человек. У меня почему-то другие сведения.

Между прочим, я считаю педагогическим безобразием вот то культивирование отрыжки прошлого, которое практикуется как в московских коммунах ГПУ[17], так и в Прилукской коммуне. Сколько я ни видел воспитанников той и другой коммуны, все они носятся со своим прошлым и кокетничают им без отдыха. В торжественных речах они обязательно скажут: вот мы были преступниками, ворами, бандитами, а вот из нас делают людей. Их руководители, в том числе и Погребинский, совершенно зачарованы этим самым прошлым и на каждом шагу о нем говорят и воспитанникам, и посетителям, и в литературе. Недавнее письмо ко мне воспитанников Болшевской коммуны с предложением организовать сборник произведений бывших беспризорных тоже говорит, что у них есть много материала, но все это материал из прошлого, преступного прошлого детей.

Прежде всего – это бесчеловечно по отношению к ребятам. Что это за воспитание, которое берет такую дорогую плату с ребят: мы вас воспитываем, но помните, такие-сякие, какие вы были скверные и какими становитесь под нашими руками. Во-вторых, это в последнем счете технически просто безграмотно: зачем тратить человеческую энергию, в данном случае ребяческую, на все эти ненужные переживания, зачем лишать человека той свободы развития[18], которую на самом деле должна представить ему Советская власть, зачем делать из мальчика надорванное существо, всегда сознающее свою ограниченную человеческую ценность? И именно благодаря этой работе в таких случаях никогда не может получиться сколько-нибудь интересных результатов – продукты работы, в лучшем случае, будут только средними по ценности.

Идеологически это тоже безобразие. Мы давно отказались от представления о прирожденной преступности, и гордиться, что мы из преступника сделали человека, –

значит именно утверждать, что мы что-то в нем переделали. Этим гордиться не нужно. Само собой понятно, что одна перемена условий жизни подростка уже и значит, что он перестает быть преступником. Вся эта возня с прошлым воспитанника имеет целью показать в [пре]увеличенном виде так называемые достижения и оправдать некоторые недочеты в общем тоне коллектива и в его жизни.

Для того чтобы успешно состязаться с Прилукской коммуной, мне нужно было бы тоже стать на такую же линию. Поверьте, что это сделать было бы совсем не трудно.

Но мы практикуем другую установку: в нашей коммуне никто никогда не вспоминает своего прошлого, в педколлективе положительно запрещено его касаться как в разговорах, так и в официальных вопросах. Мы совершенно сознательно отказались от всякого учета и всякой регистрации преступных элементов прошлого, и благодаря всему этому оно у нас уничтожено до конца. Его просто нет.

Наши коммунары буквально не тратят на свое прошлое ни одной минуты своей жизни. И я этим горжусь. Я горжусь тем, что в коммуне никогда не произносится слово «беспризорный» и коммунары считают его обидным словом.

Значит ли это, что у наших воспитанников нет прошлого и что они так легки для воспитания?

Для красоты слова еще можно в литературном произведении раскрашивать детские преступления такими яркими красками, какими их описал Погребинский в своей книжке[19]. Но зачем это делать перед такими [реалистическими] людьми, как Вы или, скажем, я? Зачем выдумывать легенды о поголовной преступности нашего беспризорного детства и его трудности? Ведь это значит как раз играть в тон тем западноевропейским болтунам, которые нашу беспризорщину тоже раскрашивают.

«Ужасы» нашей беспризорщины почему-то преувеличивают именно у нас. Не могу понять, для чего это делается. Ведь, пожалуй, так можно убедить все наше общество в том, что наше детство действительно поставлено в такие возмутительные условия.

Прилукская коммуна существует два года. Когда не было этой коммуны, кто воспитывал этих «ужасно преступных» детей? Как же тогда обходились без Прилукской коммуны?

Я восемь лет заведовал колонией им. Горького, специальной колонией для правонарушителей. В этой колонии собирался, собственно говоря, гораздо более трудный элемент, чем в Прилуках, потому что туда мог быть прислан только мальчик, на самом деле совершивший преступление, удостоверенное судебным актом[20].

И все-таки я скажу: ничего ужасного там не было, все же это были более или менее нормальные люди, с которыми работать было трудно по причинам, пожалуй, от них менее всего зависящим, а зависящим исключительно от наробраза.

И при таких условиях, да еще в условиях большой бедности, процент действительно тяжелых, запущенных ребят едва ли был больше пяти.

И в Прилуках собрано обычное наше беспризорное общество: конечно, запущенное, конечно, состоящее из людей, усвоивших навыки и украсть, и нахальничать, и хулиганить. Но привести это общество в порядок при известном труде далеко не так сложно, как это рисуется. Все эти ребята в подавляющем большинстве вовсе не поклонники беспризорного несчастья, все они хотят учиться, все хотят работать, все хотят спать в чистых спальнях, все хотят быть настоящими людьми. Я утверждаю, что это совершенно нормальные люди, уличные привычки которых ликвидируются довольно быстро при хорошей работе педколлектива...

Наши ребята, побывавшие в Прилуках, также и наши педагоги – все говорят в один голос: ребята там хорошие. И это верно, в этом нет никакого сомнения. Я и сам видел этих ребят и говорил с ними. Такие же ребята и у нас. Откуда это взяли, что у нас ребята более легкие, чем, скажем, в Прилуках? Ведь такие точно дети собраны в других детских колониях (Буды, Валки, Волчанск).

Во всяком случае, у нас более сорока переведенных из колонии им. Горького, т.е. бывших правонарушителей, присланных туда по суду. Утверждение, что у нас легкие, совершенно легкие дети, делается только потому, что в нашем коллективе благополучно, – других оснований нет. А я говорю, что и в Прилукской коммуне может быть так же благополучно, и готов это доказать, и несколько раз предлагал это.

И в нашей коммуне есть очень солидное число достаточно трудных детей, с которыми справляться вообще не так просто. Ведь недаром же я работаю 15 часов в сутки без выходных дней, и вот оканчивается третий год, а я не мог поехать в отпуск. И среди моей работы хозяйственные усилия занимают сравнительно незначительную часть времени. Таких ребят, с которыми менее опытный заведующий не справился бы, у нас человек 25-30, из них с некоторыми и я справляюсь с большим напряжением. Такие, как Гершанович, могут в Прилуках составить довольно заметную точку.

Сказки о каких-то особенных трудностях в Прилуках и о каких-то особенных «легкостях» у нас – это именно сказки. Все дело в том, что у нас больше сделано в коллективе, и поэтому он в среднем благополучнее. Был же в Харькове ВУЦИКовский детский дом и дом им. Артема, составленный из так называемых нормальных детей. Ведь разнесли и тот и другой дом ребята? И нашу коммуну разнесут, если не работать в ней педагогам как следует.

И получается действительно странно: то именно, что составляет результат нашей работы, вдруг делается основанием для какого-то почти упрека[21]. В Прилуках занимались педерастией, значит это, что в Прилуках лучше? А я утверждаю, что занимались

педерастией только потому, что ни к черту не годны те педагоги, которые там были в то время. При правильной работе в детском доме о педерастии никому в голову не придет.

Такие же сказки рассказывают о наших ребятах, как о барчуках. Если считать рабочим человеком только того, кто небрежно одет, или не умеет причесаться, или не умеет обращаться с носовым платком, или матерно выражается, тогда, пожалуй, и такая сказка к месту. Чисто внешняя культура самое легкое, чего можно достигнуть в детском доме, и она совершенно необходима. Она уже поднимает человека в собственных глазах и помогает ему держаться прямо на ногах. Привычка к чистоте, к аккуратности, к почищенным зубам, к вежливости – это то, с чего в крайнем случае даже можно начинать. Вот о чем приходится говорить. А костюм? Да, в коммуне есть суконные парадные хорошо сшитые костюмы, которые коммунары надевают четыре-пять раз в год. Ведь вот в течение трех лет мы их даже не износили, они еще проносятся года три, в таких костюмах нас видят в обществе и на этом основании заключают, что дзержинцы – панычи. А товарищ Элькин[22] до сих пор повторяет старые утверждения: все для внешности. Нужно было привести в клуб ГПУ толпу полудиких, малокультурных ребят, тогда, очевидно, все были бы довольны. И здесь явно результаты нашей работы обращаются в основания для упрека.

И еще сказка: наши ребята только теперь начали работать. Простая выдумка, называемая иначе ложью. С первого дня существования коммуны ребята работали четыре часа в день, и никогда ни один коммунар не мог быть без работы. Совсем другой вопрос, к чему приводила эта работа: делали вручную шкафы и кассы. Вручную это делать долго и невыгодно, но все же делали, и половина квартир сотрудников ГПУ обставлена нашей мебелью, за которую до сих пор не заплачено больше 2 тысяч рублей. Самый клуб ГПУ оборудован работой коммунаров, оборудованы клубы союза металлистов в Харькове, союза химиков в Донбассе на 2 тысячи мест, да и многие другие менее заметные учреждения. Повторяю, все это делалось вручную при небольшом участии машин. Никогда я не мог упрекнуть коммунаров в лени или в плохой работе – они свои обязанности исполняли добросовестно, хотя и не получали платы.

А почему говорят, что коммунары дармоедами были? Просто потому, что не отвечают за свои слова, а говорить для чего-то представляется выгодным.

И еще одна сказочная мысль: у ребят малый уличный стаж. Вы даже представить себе не можете, до чего легко было бы для меня сделать этот уличный стаж более солидным: взять и написать, да еще в ярких красках, об уличных подвигах бывших беспризорных. Кто проверит и какими способами? И ведь так и делают: для доброго имени детского дома необходимо, чтобы его воспитанники обязательно имели уличный стаж.

Как будто уличный стаж что-то определяет. Семейные дети нисколько не легче уличных, т.е. совершенно такие же, как и на улице. Количество морально отсталых среди семейных детей вовсе не меньше, чем на улице. Вот наш Гершанович из семьи. Возьмите статистику комиссий по делам несовершеннолетних, и Вы увидите, что количество преступлений семейных детей до конца подавляет преступления беспризорных, а ведь они живут в гораздо лучших условиях. Среди коммунаров самые тяжелые именно семейные дети[23]. Они тяжелее еще и потому, что меньше дорожат коммуной. Не бывает дня, чтобы в коммуну не приезжал или не приходил какой-нибудь товарищ и не просил как-нибудь устроить его сына или дочку в коммуну, потому что он крадет, хулиганит, пропадает на улице. Бывают дни, когда таких просителей бывает по нескольку. Все это случаи, не зарегистрированные даже статистикой комиссий.

Наконец, что же делать, если количество уличных детей в СССР не так велико, как это нужно для педагогического романтизма? Ведь не даром же столько денег тратится на борьбу с беспризорностью? Того мальчика или девочку, который, очутившись в нужде, был немедленно отдан в детский дом, не могу же считать бывшим на улице.

Все дети голода[24], которых и сейчас много в коммуне, большей частью не были на улице. Все девочки не были на улице, это общее правило не только для нашей коммуны. Во всех детских домах, в том числе и в Прилукской коммуне, биографии большинства детей не заключают в себе уличного стажа, если не считать двух-трех недель. Обычное правило, что мальчик или девочка, оставшиеся без родителей, кем-либо пристраиваются в ближайший детский дом. В этом и заключается настоящая ценность нашей борьбы с беспризорностью. Если мальчик даже и попадает на улицу, для него представляется очень нетрудным попасть в детский дом, и только заядлые бегуны скоро убегают из детского дома, большинство же в нем остаются. Для меня никогда не представлялось нужным уменьшать значение этих мер в борьбе с беспризорностью и обесценивать в чьих-нибудь глазах нашу борьбу с беспризорностью.

Даже и для увеличения наших достижений это невыгодно делать... Постоянные переводы мальчика из одного детского дома в другой, постоянные расформирования и переформирования детских домов – это настоящее зло... Поэтому мальчик, прошедший через все мытарства педагогической премудрости, бывает нисколько не меньше запущен, чем уличный, да еще снабжен специальной потребительской психологией[25], которую специально в детских домах воспитывают.

И наконец о побегах. Три случая в год. Это для всякого понятливого человека – рекордная цифра. Я никогда не наблюдал подобной цифры и горжусь ею, тем более что ни один коммунар не убежал на улицу[26]. Нужно нарочно чрезвычайно несправедливо и возмутительно относиться к работе коммуны, чтобы три побега в год сделать базой для

каких бы то ни было разговоров. Во всяком случае, это совершенно неприлично. Может быть, и не столько много моей заслуги в том, что у нас так мало побегов, но того, кто добился этого, весь наш коллективный труд, в том числе заботы и труд правления, можно только отметить как заслуживающие положительного отношения.

Я совершенно не понимаю, как может член правления, собственно говоря, так неосторожно и явно нарочито чернить работу собственного детского учреждения? Для меня нет никаких сомнений, что товарищ Элькин враждебно относится к нашей коммуне, и пользы от такого отношения для коммуны не будет никогда.

По существу о побегах. В известной мере число побегов, конечно, определяет положение детского дома, но прямо связывать эти две вещи ни в коем случае нельзя. Я видел детские дома совершенно развалившиеся, в которых педперсонал потерял всякую власть над детьми, и из них мало бежали – привольно жить в таком доме, можно безнаказанно воровать и обкрадывать даже педагогов. Крепкий, дисциплинированный детский коллектив иногда отпугивает мальчиков, привыкших к полной анархической свободе, и, если для такого мальчика представляется случай где-нибудь устроиться, он уходит из дома, а чтобы можно было с собой унести одежду, он уходит тайно. Положение наших мастерских, дающих в известном числе случаев слабую квалификацию, свободно может повести к побегу тех мальчиков, которым уже по 16 лет и они имеют возможность пристроиться где-нибудь на работе.

При таких условиях три побега в год, даже для непросвещенного внимания, – настоящее чудо. В моей практике это рекордная цифра, и за большие достижения я при настоящих условиях ни в каком случае ручаться на будущее не могу.

При этом я знаю, что нужно сделать в коммуне, чтобы уменьшить до последней степени возможность побегов, но пока что это не в моей власти.

Точно так же я совершенно не могу отвечать за возможные рецидивы среди выпущенных воспитанников. Есть ребята, которые могут нас всегда «порадовать» рецидивом через год или два после выпуска. Это обязательно народ умственно отсталый, а таких в коммуне всегда имеется процентов 10. С интеллектом вообще педагогика до сих пор не знает средства справляться. Если человек глуп, то это надолго. Слабый интеллект, соединенный со слабостью воли, – комплекс настолько ненадежный, что в известной среде рецидив почти неизбежен. Конечно, в редких случаях наш выпускник попадает под дурное влияние, и поэтому в редких случаях возможен и рецидив, но вообще он возможен, и за него я отвечать не могу. И сейчас в коммуне есть несколько человек, судьба которых после выпуска их из коммуны не представляется обеспеченной морально.

А нужно еще заметить, что по отношению к нашим выпускникам правлением решительно ничего не сделано, чтобы жизнь их была хоть на первое время сносной. Вот

те девочки, которые работают в «Динамо» и которых т. Элькин обвиняет в кражах. Сколько времени они должны были жить на 30 рублей в месяц?

Правление совсем не знает, как мне трудно пришлось с выпускниками без квартир и без каких бы то ни было ассигнований для первоначальной помощи выпускаемым.

При таком положении возможны рецидивы. Правда, что касается девочек с «Динамо», то рецидивы тут едва ли установлены. Поскольку я был в силах проверить заявление т. Элькина, в кражах этих можно основательно сомневаться. По рассказам коммунаров и бывших коммунаров, некоторых девочек подозревали в краже пальто у работницы и даже арестовали и отправили в район[ную] милицию (между прочим, всех). Подозрение на них пало только потому, что они раньше кончают работу и раньше уходят. Разумеется, сыграло роль и то обстоятельство, что они беспризорные. Девочки уверяют меня, что в краже они не участвовали, что из района их скоро выпустили, что пальто украдено уборщицей, которая за это и уволена. Проверить эти данные я не мог, так как местком, к которому я обратился с вопросом, ответил мне через бывшего коммунара Бокова, что с такими вопросами я должен обращаться в угрозыск. О других случаях никто ничего не знает.

Политвоспитание

Признаюсь Вам откровенно: в постановке этого вопроса т. Барбаровым я ничего не могу понять. Вопрос ставится в форме по меньшей мере странной. Никто не спрашивает, насколько политически воспитаны наши коммунары, насколько они быстро идут вперед по пути политического развития. Спрашивают о другом: применяются ли вот такие-то и такие-то политические средства, якобы обеспечивающие политическое воспитание. Барбаров глубоко убежден, что политическое воспитание проводит он, а так как он сравнительно мало бывает в коммуне и так как коммунары чрезвычайно заняты, чтобы лишний раз посидеть на заседании, то он и делает вывод, что политическое воспитание поставлено слабо.

Но я имею дерзость думать, что политическое воспитание вовсе не проводится товарищем Барбаровым, который, собственно говоря, и не умеет его проводить, ибо для этого тоже нужно иметь и специальные знания, и специальные способности, и подготовку. Я вовсе не склонен уступить товарищу Барбарову честь политического воспитания коммунаров до конца и безраздельно. И если учитывать не только работу товарища Барбарова, а учитывать работу и всего персонала, и мою собственную, а самое главное, всю работу коммуны, весь цикл напряжения и тона, работу всех коммунарских органов, то даже с точки зрения «метода средств» политическое воспитание будет найдено.

По Барбарову выходит так: начались занятия на рабфаке, не стало хватать времени у коммунаров для заседаний – и исчезло политическое воспитание. Но ведь рабфак

существует только с 1 октября? А до 1 октября что было? Ведь коммунары в течение двух месяцев вовсе не работали в школе, а в течение всей зимы работали гораздо с меньшей нагрузкой, чем на рабфаке. Наконец, половина коммунаров не состоит на рабфаке[27].

И во все эти времена политическое воспитание проводилось если не Барбаровым, то кем-нибудь другим.

Если бы я полагался на товарища Барбарова и ожидал только от его работы каких-либо эффектов, я был бы круглым дураком и самым последним заведующим.

Я очень уважаю т. Барбарова, и он хороший работник, но как работник на рабочем фронте, [непосредственно] с ребятами – он уступит многим нашим педагогам. Барбаров, собственно говоря, никогда и не был постоянным работником в коммуне. Для того чтобы с ребятами что-нибудь сделать, нужно проводить с ними все время. Барбаров вовсе не политрук и вовсе не мой заместитель. Он постоянный представитель правления в коммуне, пользующийся доверием правления в большей степени, чем завкоммуной (что вполне естественно). И как представитель правления, как участник общих организационных усилий, он принимал участие и в организации политического воспитания.

Главный процесс политического воспитания в коммуне организован мной, и я за него отвечаю, если судить по результатам, а не по применяемым средствам.

...Я совершенно не могу понять, как можно говорить о воспитании в Советском Союзе, предполагая, что оно поставлено правильно, и думать, что политическое воспитание где-то отсутствует. Каждый воспитательный шаг у нас должен быть проникнут политическим воспитанием, и если это не так, то все наше воспитание просто вредительство и никуда не годится[28]. Политическое воспитание – это не отдельный участок в коммуне, а это именно и есть наше воспитание. Если мне говорят, что у меня все хорошо, но нет политического воспитания, то я должен понимать это так, что вся работа вообще ничего не стоит...

В таком случае спрашивается, о чем же говорят?

Если говорить о политическом образовании[29], то и сам Барбаров признает, что коммунары очень быстро идут вперед в своем политическом развитии; для этого достаточно, впрочем, прочитать зачетные работы коммунаров по предмету Барбарова на рабфаке. Если говорить о политическом настроении, то оно для всех явно и ясно.

При этом вовсе неправильно было бы думать, что коммунары слабо осведомлены о всех явлениях текущей политики. Они много читают газет и книг, они в курсе событий и очень активно их обсуждают и относятся ко всем вопросам с большой страстью. Если

говорить о коммунарах как о будущих членах нашего общества, то я ручаюсь за них, ручаюсь за их первосортность.

О чем же тогда говорят?

Говорят о том, что такие-то и такие-то средства политического воспитания не применяются. Какие средства?..

Вот одно из них: общественно полезная работа... Сам термин «общественно полезная» работа говорит много, и как будто называется им полезное дело. На практике работу эту сводят к тому, что воспитанники должны потерять огромное количество времени для разного хождения, должны принять участие в работе, которой они не знают, и при этом обязательно они должны что-то упустить в той работе, которую им на самом деле с большой (политической) пользой для себя нужно было сделать и можно было сделать[30].

Никаких методик «общественно полезной работы» нет, технически получается дилетантство или головотяпство.

Мальчик должен ходить в Шишковку и ликвидировать неграмотность. Но он не умеет этого делать, для этого нужна хотя бы небольшая методическая подготовка, он не имеет времени этого делать, эта работа вызывает у него отвращение, потому что он с ней не знаком. При этом этот самый бедный мальчик и так загружен по горло, но он все-таки должен ходить только потому, что кому-то когда-то пришло в голову, что для него эта работа воспитательно полезна.

Или он должен читать лекции в совхозе. Читать он их не умеет, слушатели спят и расходятся, сам он раздражается, но кто-то сказал, что это очень хорошее воспитательное средство. А кто наблюдал результаты применения такого средства? Я сколько ни наблюдал, но результаты всегда получались плачевные. Хорошо еще, если тот же мальчик не научится пьянствовать в Шишковке или просто ухаживать за девицами.

Все такая общественно полезная работа основана почему-то на принципе благотворительности и почти не имеет именно общественного характера. Это обычные индивидуальные работы, только плохие. Общественное же усилие всей коммуны на таком фронте, конечно, мало возможно по причинам, от нас не зависящим.

Общественная работа политических организаций в коммуне нисколько не страдала от присутствия рабфака. Я сказал бы даже, что здесь недостатки в работе происходили исключительно по причинам, не зависящим ни от коммунаров, ни от организации коммуны в целом. Дело в том, что в самой организации коммуны столько выходов общественной мысли, что они вполне удовлетворяют [наши] потребности вести общественную работу. Разве совет командиров не политическая организация, а ведь у нас, кроме совета командиров, есть еще много органов, направляемых комсомолом и

состоящих из комсомольцев. Закрывать глаза на это обстоятельство – значит видеть в общественной работе исключительно внешнюю сторону вопроса.

Если говорить о времени для собраний бюро или общих собраний комсомола, то они всегда возможны. Вот сейчас я организовал в коммуне литературный кружок, в который записалось так много членов, что пришлось разбить его на три секции и с каждой работать отдельно, и для всех находится время, и все хотят почаще собираться. Значит, при желании всегда можно собрать любое собрание и любой орган. Каких-либо непреоборимых препятствий для этого никогда не было и не может быть.

Вот я подсчитал работу общественных органов коммуны за последние десять дней. Было:

Общих собраний коммунаров	4	Собрание с Краснофронт[ом]	1
Совета командиров	3	Поход в город	1
Собрание комсомольского актива	1	Лекций общих	2
Хозяйственное совещание	1	Квартирная комиссия	1
Контрольная комиссия	2	Штаб соцсоревнования	1
Клубных организаций	24	Бюро	1
Комиссия по празднику	4	Общее комсомольское	1
Спектакль	1	Всего	[48]

В этом списке можно переставить любые цифры, и, следовательно, бюро или комсомольское собрание можно собрать сколько угодно раз. Во всяком случае, общее собрание коммунаров мы собираем всегда, когда появляется хоть одна тема, и никогда из-за этого у нас не было недоразумений.

Общая стихия коммунарского коллектива и без того достаточно общественная. Если идет разговор о необходимых внешних формах, их функционирование всегда в наших руках.

Это вовсе не значит, что нам некуда дальше идти. Мы идем вперед, и мы будем развиваться.

Но заметный шаг вперед мы можем сделать только при том условии, если производство коммуны будет в руках коллектива. Так как с Вашим приходом в правление, очевидно, вопрос о самоокупаемости перестал быть актуальным, то, собственно говоря, ничто не мешает этому переходу. Риск тут небольшой: все равно сейчас в производстве все связано веревками и еле держится. Пусть коммунарский коллектив серьезно станет на путь улучшения производства[31]. Для будущих инженеров это совсем не плохо, а ребята наши для этого достаточно серьезны. Во всяком случае, строить воспитание на одном сдельном заработке далеко не завидно. А мы, кажется, к этому идем.

Только в таком случае можно будет говорить, что у нас не только настоящее политическое воспитание, но и настоящее диалектическое, так как развитие нашей индустриализации требует людей, привыкших к организационным усилиям. Разве мы можем сказать, что наш рабочий класс достаточно воспитан в этом отношении или что воспитано наше инженерство.

Отделываться от этого вопроса при помощи слова «делячество» нельзя. Мы вовсе не интересуемся прибылями[32], если ими не заинтересовано правление.

Простите за длинное письмо. Я еще всего не сказал, у меня очень мало времени.

А.С. Макаренко. Пед. соч.: В 8 т. Т. 1, с. 119-135. По содержанию и смежным документам датируется: начало ноября 1930 г., в ходе обследования коммуны ее правлением. Написано в связи с «нажимом», который А.С. Макаренко испытал со стороны некоторых членов правления. Они считали, что педагогическая работа в коммуне не вполне «советская». Адресовано, видимо, Бачинскому.

Материал ценен как программное изложение «общих педагогических взглядов» А.С. Макаренко, притом не в абстрактно-теоретической форме, а на основе анализа конкретных фактов педагогической практики, в их столкновении с иными педагогическими представлениями и оценками.

Это важно для понимания его научного метода, «педагогической логики», органически связывающей педагогическую теорию и практику. Критикуя «так называемую соцвосовскую педагогику», он указывает на главное: отступление от идей «социализма, труда, советской власти, здравого смысла». Характерный и парадоксальный факт: оппоненты А.С. Макаренко, оперируя догматическими идеологическими соображениями, свое отступление от «советской доктрины» переносят на его педагогику.

[1] А.С. Макаренко здесь, несомненно, имеет в виду педагогическую дискуссию 1928-1930 гг., развернувшуюся после XV съезд ВКП(б), который показал необходимость усиления борьбы в области идеологии и культуры. В ходе дискуссии критике подверглась ограниченная трактовка связи школы и педагогики с жизнью (в деятельности А.Г.Калашникова, П.П.Блонского, А.П.Пинкевича), а также тенденция к растворению педагогики в

политике и социологии, производственной деятельности (позиция В.Н.Шульгина, М.В.Крупениной и др.).

На Украине дискуссия проходила в 1930-1931 гг. В работах И.А. Соколянского, В.П. Протопопова, А.С. Залужного, В.А. Арнаутова отмечались «пережитки биологизаторства, аполитичности и педоцентризма».

[2] А.С. Макаренко продолжает критиковать «основанную на дедукции» умозрительно-декларативную педагогику, ее слепую веру в некоторые педагогические идеи и средства, без необходимости их оценки по практическим результатам.

Ниже текст см.: «навязывание» кажущихся хорошими методов и средств, которые «по-дилетантски безответственно выведены из некоторых хороших понятий, а еще чаще даже не из понятий, а слов и терминов». Далее: а нужно, «чтобы о ценности метода судили по его результату, а о ценности системы судили по общему результативному итогу». Воспитательную работу нельзя представлять «как простую цепь логических категорий». Ниже в § «Политвоспитание»: о нем нельзя судить лишь по тому, применяются ли такие-то «средства».

[3] Доминанта – стойкий очаг возбуждения нервной системы, определяющий поведение организма в течение некоторого времени; явление, открытое физиологом А.А. Ухтомским.

[4] В период с 28 авг. 1926 г. по 11 дек. 1927 г. колонию им. М. Горького в Куряже посетило 32 иностранных делегации (см.: А.С. Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания... Часть 1, с. 234-235). В сентябре 1927 г. с колонией ознакомилась Л.Вильсон, автор нескольких книг по вопросам образования в разных странах. Ее впечатления – в кн. «Новая школа в новой России» (Нью-Йорк, 1928, с. 104-107): успехи этой колонии «основаны на принципах разумной, ответственной свободы»; у А.С. Макаренко «любящее, мудрое и всепонимающее сердце»; его работа «напоминает работу инженера, который владеет педагогической техникой».

[5] Об этом подробно см.: А.С. Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания... Часть 1, с. 244-293.

[6] Говорится о статье педагога-дефектолога П.Г. Бельского: «Новейшая» система перевоспитания беспризорных (в сб.: Вопросы изучения и воспитания личности // Педология и дефектология, 1928, № 2), – где сказано, что методы воспитания в колонии им. М. Горького напоминают практику аракчеевских военно-воспитательных учреждений.

[7] А.С. Макаренко отмечает негативное социально-педагогическое явление: отождествление экономического успеха с педагогическим. Его педагогика «параллельного действия» стремится к «чисто педагогической системе хозяйства» в воспитательно-образовательном учреждении, где педагогические цели «превалируют» над производственно-хозяйственными (см.: А.С.Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания... Часть 1, с. 157-158).

[8] В 1917-1919 гг. А.С. Макаренко был инспектором (директором) Соединенного железнодорожного училища (объединявшего высшее и начальное железнодорожные училища) в Крюкове, пригороде г. Кременчуга; в 1905-1911 гг. – учителем Крюковского, затем Долинского железнодорожных училищ. Они давали начальное образование повышенного уровня с профессиональной ориентацией на железнодорожного рабочего. Высшее начальное училище (7-летняя школа) давало право поступления во 2-й или 3-й классы средней общеобразовательной школы.

А.С.Макаренко говорил, что он был «народным учителем», работал в «заводской школе»; училище в Крюкове располагалось на территории крупного предприятия (вагоноремонтных мастерских), было частью «рабочего общества» (т. 4, с. 11, 32, 287).

[9] А.С.Макаренко формулирует здесь, пожалуй, впервые еще одно важнейшее для основ его педагогики положение – пооперационная организация воспитательного процесса. Введенное им в педагогику понятие «педагогическая операция» является центральным на технологическом «этаже» его воспитательной системы.

Это понятие используется по аналогии с военной или медицинской операцией, пооперационным подходом к производственной деятельности (операцию «завоевания Куряжа» см.:

т. 3, с. 278-398; «операцию воспитательной работы» коллектива и «индивидуальной обработки» – т. 8, с. 173). Таким образом, осуществляется общая «механизация воспитательного дела», она органически включает «индивидуальную обработку в руках высококвалифицированного мастера», педагога (с. 390-392).

Использованный А.С. Макаренко в данном фрагменте текста технический и экономический термин «амортизация» применительно к педагогическому (воспитательному) коллективу означает необходимость «смягчения ударов» по нему, а также его способность «изнашивания», перенесение его ценности на воспитанников, «вырабатываемую продукцию».

[10] В «ФД-1» Оршанович (т. 2, с. 143).

[11] Выделение «типов» личности воспитанников – проблема, которую А.С.Макаренко разрабатывал, но не оставил по ней какого-либо специального материала. Набросок см.: т. 3, с. 273.

[12] А.С.Макаренко предполагал необходимость иметь несколько взаимозаменяемых типов учреждений для «трудных» подростков, в том числе «реформаторий», учреждение закрытого типа, для временного пребывания. См.: А.С. Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания... Часть 1, с. 211.

[13] Особое внимание в социальном опыте воспитанников к их «переживаниям», внутреннему миру, мотивации – основополагающий аспект педагогики А.С. Макаренко (отрицание «муштры»).

[14] Фиксируя «типы педагогических операций», А.С.Макаренко не оставил специальной разработки по этому вопросу. Но они хорошо просматриваются и могут изучаться на материале его художественно-педагогических произведений.

[15] Подразумевается документ французской революции 1789 г. «Декларация о правах человека и гражданина».

[16] Имеется в виду популярная в прошлом сентиментальная песня о сироте, которого «приютили и согрели» в рождественский вечер.

[17] Ссылка прежде всего (см. ниже) на молодежную трудовую коммуну в Болшево, под Москвой.

[18] Это еще одно подтверждение фундаментальной установки А.С. Макаренко на подлинную «свободу развития» личности и

индивидуальности. Он достигал ее не в устранении целенаправленного воспитания, а в его построении на основе «параллельности» воспитания и жизни в педагогическом учреждении, единства процессов воспитания и развития личности.

[19] Погребинский М.М. Фабрика людей. – М., 1928.

[20] В «правонарушительской» колонии им. М.Горького были и беспризорные дети, в том числе пришедшие в нее добровольно; у многих были живы родители. (см.: А.С. Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания... Часть 1, с. 32-35, 47-48, 53, 123, 142). Важен сделанный ниже вывод: «действительно тяжелых, запущенных ребят» едва ли было больше 5%. В коммуне дзержинцев (см. ниже: 25-30 чел. – при 150 воспитанниках) «достаточно трудных» тогда было также не более 5 %.

[21] Отсутствие элементарной педагогической логики А.С.Макаренко отмечал в характерном факте: нет дисциплины – плохо; есть хорошая дисциплины – тоже плохо, «говорят – муштра».

[22] Элькин – тогда сотрудник ГПУ УССР, новый член правления коммуны дзержинцев.

[23] Вероятно, это одно из первых сделанных А.С. Макаренко заключений при сравнении беспризорных и детей из семьи. Вывод о «семейных детях» как более «трудных», по сравнению с беспризорными, он повторял не раз. «Семейные дети в тысячу раз труднее беспризорных» (т. 7, с. 195).

[24] В 1929-1930 гг. неблагоприятные погодные условия привели в некоторых областях Украины к сокращению посевных площадей. К январю 1930 г. на Украине коллективизировано 15,8% крестьянских хозяйств. В целом по стране к февралю 1930 г. коллективизацией охвачено 50% хозяйств.

[25] Характеристика советского воспитания как «потребительского воспитания», даже в «трудовой школе» (особенно в условиях детдома), пронизывает работы А.С.Макаренко, начиная с середины 1926 г. (см.: А.С. Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания... Часть 1, с. 193, 254, 264; в данной Части 2 – см. ранее «Контртезисы»).

[26] Как и колония им. М. Горького, все учреждения данного типа в 20-х гг., коммуна им. Ф.Э.Дзержинского были «открытыми учреждениями», т.е. воспитанники имели возможность «свободно уходить» из них. Подробности см.: Школа жизни, труда, воспитания... Часть 1, с. 142, 144-145; т. 7, с. 96.

[27] Эта часть коммунаров – учащиеся старших групп (классов) начальной школы.

[28] На примере политического воспитания видно, что А.С.Макаренко отдельные направления воспитания (нравственное, эстетическое, физическое и т.д.), их содержание воплощал прежде всего в общих основах жизни, быта педагогического учреждения. Так обеспечивается единство воспитательного процесса, необходимое для становления целостной, всесторонне развитой личности.

[29] Разделяя политическое образование (обучение) и политическое воспитание, А.С.Макаренко, несомненно, проводил это разделение и в других направлениях воспитания. В них он четко выделяет «собственно воспитание» и обучение (образование).

[30] Принципиально важно: «общественно полезной» А.С. Макаренко делал прежде всего деятельность самого педагогического учреждения. Оно должно приобретать реальную социальную значимость, быть примером лучшего жизнеустройства, «радости человеческого существования».

[31] Из сказанного выше и ниже ясно, что для А.С. Макаренко «производство в руках коллектива» – это основа основ политического воспитания, всего воспитания в целом. Советский рабочий для него – это и организатор производства, обладающий знаниями и навыками инженера и хозяйственника.

[32] Прибыль (выше – самоокупаемость) в педагогическом учреждении для А.С.Макаренко – не самоцель. Это то, что необходимо учитывать, подчиняя педагогическим целям.

Дополнения. **«***Резолюция правления коммуны им. Ф.Э. Дзержинского* **о состоянии работы в деткоммуне» – 28 ноября, подписано: «Предс. правления Бачинский; Члены правления Балицкая, Элькин; Секретарь Букшпан». Подведены итоги работы коммуны за 11**

месяцев 1930 г. Резолюция принята по докладам А.С. Макаренко и С.Б. Когана.

«Ряд достижений: общее моральное состояние детколлектива удовлетворительное; существующие формы самоуправления себя оправдали; в коммуне создано стабильное доходное производство, в производственно-трудовые процессы втянуты все коммунары, коммуна в значительной степени перешла на самоокупаемость, отказавшись от субсидий сотрудников ГПУ УССР, введена зарплата коммунаров, они в течение 6 месяцев внесли в счет сметы на свое содержание 16.295 руб. 17 коп. Возросла политическая сознательность коммунаров, возрос их общекультурный уровень».

«Целый ряд существенных недочетов, вредно отразившихся на работе деткоммуны в целом»:

1. «Производство носит случайный и полукустарный характер, не обеспечивает ни правильной организации труда, ни повышения производственной квалификации коммунаров, *ни роста их производственной активности*... **Ниточная мастерская ничего общего с системой коммуны и нормальным производством не имеет.**

2. ...Политическая работа недостаточно удовлетворяет требованиям воспитания политически грамотных пролетариев и слабо отражает боевые политические вопросы дня».

3. Соцсоревнование, ударничество, стенгазета «Дзержинец», популяризация решений XVI партсъезда, клубная работа, выписка газет и др. – «сведены на нет». «Политическая ошибка» – запоздалое обсуждение обращения ЦК ВКП(б) от 3/IX, «непроведение кампании по реализации займа «5-летка в 4 года» среди коммунаров».

4. Открытие рабфака с 3-летним обучением «имело своим следствием перегруженность коммунаров и резкое ослабление всей общественно-политической работы».

5. «Не проведены в жизнь постановления о связи коммунаров с заводами и окружающими селами, культурной связи с совхозом ГПУ, соревнования с Прилукской коммуной ГПУ, согласование с органами Наркомпроса учебных планов рабфака и подготовительных к нему групп, своевременной и систематической информации правления о всех принципиальных вопросах жизни коммуны».

6. «Не выполнена директива правления об отчислениях из зарплаты коммунаров в сберкассу и допущена выдача на руки коммунарам значительных сумм из заработка».

7. «…За последнее время отмечены случаи побегов и краж, которые при сознательном реагировании коммунаров все ж свидетельствуют о наличии отклонений от правильных методов воспитания детколлектива».

8. «Самокритика не стала еще орудием подъема активности коммунаров».

9. Профорганизация «не стала еще воспитательным фактором, не повернулась лицом к производству».

Наличие «этих недочетов и болезненных явлений правление относит на счет: отсутствия партийной и слабости пролетарской прослойки среди работников коммуны, засоренности обслуживающего персонала классово чуждыми людьми, отсутствия достаточного чекистского влияния, бездеятельности правления коммуны,… ряд принципиальных вопросов правлением решен не был, правление в течение 11 месяцев не провело ни одного заседания, слабого реагирования на выявленные искривления со стороны зав. коммуной т. Макаренко, недоучитывания последним всей важности политической стороны воспитания коммунаров».

«Предложения». Созданные стихийно производственные единицы ликвидировать. «Немедленно переработать план организации мастерских с точки зрения воспитательно-учебной и производственной доходности», пополнения мастерских новым оборудованием, изменения самого характера производства, «увязав его с учебной программой рабфака». Комиссия для этого: Коган, Барбаров, Макаренко и представитель отдела хозпредприятий ГПУ. Срок – 1 мес.

Макаренко и Барбарову: выработать план политработы на 3 мес., представить на утверждение правления; газету «Дзержинец» выпускать не реже 3 раз в месяц; договор соцсоревнования с Прилукской коммуной оформить к 3-летию коммуны; согласовать с соответствующими организациями срок обучения на рабфаке, представить это на утверждение правления; Бачинскому

договориться с партбюро ГПУ о связи его общественности с коллективом коммуны.

Макаренко: своевременно информировать правление «о жизни коммуны, всех недочетах, отрицательных явлениях. Считать невозможным удаление из коммуны ребят за совершение проступков. Пересмотреть положение о заработной плате коммунаров,... немедленно приступить к организации сберкассы при коммуне, где хранить всю свободную наличность, включая заработок коммунаров».

«Заседания правления коммуны проводить не реже 1 раза в месяц. Запретить т. Макаренко осуществление каких-либо принципиальных вопросов без санкции правления или предс. правления».

РГАЛИ, ф. 332, оп. 2, ед. хр. 29, лл. 21-22, с об.

Эта Резолюция (как и критические материалы о деятельности колонии им. М. Горького 1926-1928 гг.), направленная на подчинение деятельности А.С. Макаренко стандартному набору «патентованных» воспитательных средств, игнорирует существо его новаторства. Такого подхода, видимо, придерживался П.И. Барбаров.

3 декабря: «Посещение коммуны красными фронтовиками Германии» (Втор. рожд., с. 25).

Конец декабря 1930 г.: празднование 3-летия коммуны. Его описание, с юмористическим эстрадным представлением: Постройка «стадиона» – см. далее: Из книги-очерка «ФД-1», глава «Праздник». Показ в этой «феерии», в присутствии председателя правления коммуны, демонстрация «производственной заброшенности» и «кустарщины», – содействовали энергичному и коренному пересмотру отношения правления к коммуне. Уезжая, председатель правления сказал: «Молодцы коммунары, это они здорово сегодня критикнули...» (конец главы «Праздник»).

Письмо М.М. Букшпану, 29 декабря, 1930 г.

29 декабря 1930

Глубокоуважаемый Михаил Маркович!

Очень прошу Вас пересмотреть вопрос о Весиче[1]. Для меня этот вопрос имеет не столько даже практическое, сколько принципиальное значение.

Когда открывалась коммуна им. Дзержинского, единственным резервуаром, из которого можно было черпать сносные педагогические силы для детского дома, была колония [им.] Горького. Это совсем не преувеличение и пустая похвальба. Педагогический коллектив колонии [им.] Горького был единственным ценным педагогическим коллективом в детских домах всей Украины. Он был подобран мною в течение 8 лет работы.

Когда я брал на себя заведование коммуной им. Дзержинского, я поставил в известность правление [коммуны], что отвечать за коммуну могу только в том случае, если мне будет предоставлена известная свобода в подборе педагогического коллектива.

Эта свобода вообще и не особенно стеснялась в течение 3 лет работы в коммуне.

С самого начала из колонии [им.] Горького было переведено в коммуну 4 работника, из которых до сих пор работают трое (Терский, Татаринов и Григорович). Дальнейшее «извлечение» работников из колонии в коммуну я должен был прекратить, так как Наробразом было возбуждено против меня дело в РКИ. Было возбуждено оно как раз в связи с моим настойчивым предложением перейти в коммуну Весичу. Из всего горьковского коллектива Весич был самым сильным, дисциплинированным и способным работником. Одновременно со мной Весича перетягивала и Прилукская коммуна ГПУ. Он не ушел туда только по моему настоянию.

В Наробразе Весич был последней надеждой на здоровое существование колонии [им.] Горького. После моего ухода там переменилось трое заведующих и постоянным их заместителем был Весич, который был фактическим заведующим.

Я хотел перевести Весича в коммуну с первых дней и не мог этого сделать только потому, что на нем держалась вся колония, и Наробраз к его переходу относился очень ревниво.

Весич прекрасно известен в педагогических кругах Харькова и Наркомпроса как один из самых способных работников в детских домах.

Приглашая Весича, я был уверен и теперь уверен, что делаю ход, имеющий самое важное значение для коммуны. Работников, равных Весичу по ценности, удается получить раз в 5 лет. К тому же положение коммуны в деле снабжения педперсоналом, в особенности достаточно образованным и работоспособным, чрезвычайно тяжело. Если Вам или правлению кажется, что с этой стороны все хорошо, то это большая ошибка. У нас в коммуне есть много слабых педагогов. Другие детские дома сплошь из них состоят, в том числе и пригородные, и положение этих детских домов в общем скверное. Нам бросаться такими работниками, как Весич, совершенно невозможно.

Сейчас пойти работать в детский дом может лишь определенное барахло. Только наша дисциплина позволяет педагогам идти в коммуну без особого страха, но вы уже видели, что делают с дисциплиной такие учителя, как Строкань, а это еще не самые худшие.

В ценности Весича я не сомневался: я с ним работал почти с основания колонии им. Горького, и в значительной мере благодаря ему колония тогда процветала.

Сейчас в коммуне сам детский коллектив держится только на мне одном. И это очень плохо. Татаринов силен в своей области – школьной, Терский увлекается только клубом и только в клубе может дать эффект, Григорович истрепана до последней степени и уже оканчивает свою педагогическую дорогу. Мне сейчас невыносимо трудно. Вот уже в течение 3 лет я не имею отпуска. Мне нужен в коммуне такой человек, как Весич: умный, умеющий замечательно ладить с ребятами и держать их в руках, много знающий и трудолюбивый. В противном случае и мне придется [свои позиции] сдать.

Я знал, что Весич где-то там был в 1918 или 1919 году и, разумеется, прекрасно понимал, что это само по себе может быть препятствием. Но известно мне также и то, что во многих случаях это обстоятельство не ставится человеку в строку, если он своей работой и своим отношением к Советской власти доказал, что у него совершенно выветрились всякие остатки старины.

По отношению же к Весичу это тем более имеет значение, что он был командиром Красной Армии, сейчас командир запаса. Уж если ему в Красной Армии доверяют командование, то, значит, он действительно это заслужил и что-нибудь это стоит. Наконец, он, конечно, имеет право голоса, старый член профсоюза. Командирует его в коммуну официальный отдел кадров ВСНХ после специальной подготовку, к которой допускаются люди с разбором.

Пожертвовать таким работником, как Весич, можно было бы только при условии замены его равноценным лицом. Никакой надежды на это, даже самой отдаленной, нет. Никакой уважающий себя серьезный педагог сейчас работать в детский дом не пойдет. Никому нет охоты за 100 рублей бросать город, отправляться в наше бездорожье и обрекать себя на довольно тяжелое существование в наших неважных квартирах.

И Весич пошел в коммуну только потому, что здесь я. Ни в каком случае нельзя думать, что работа в коммуне устраивает именно Весича. Весича возьмет с охотой любой рабфак, и он заработает в городе несколько сот рублей в месяц без особого напряжения.

В коммуне сейчас только 7 декадных уроков физики, т.е. месячный заработок преподавателя всего 58 руб. Даже и за гораздо большее жалованье никто в коммуну на уроки ездить не будет, и, наконец, такие приезжающие преподаватели вообще ничего не стоят.

Снимая Весича сегодня, мы рискуем остаться без преподавателя физики на всю зиму, а без хорошего работника очень надолго.

Такое же случилось и с математиком. Я вот уже 2 года пробавляюсь таким барахлом, как Бершетин. Недавно можно было получить хорошего преподавателя – Зарка, но он был осужден на 1,5 года за халатность или за превышение власти и поэтому нам оказался не подходящим. Ну и что же? Его нарасхват берут во все рабфаки, а мы так и остались при Бершетине, а это значит, что может быть очень плохим положение наших студентов с математикой в вузе. В городе треть рабфаков сидит без математиков, и получить работника невозможно.

Вообще работников приходится брать наощупь и часто получать слабых, вроде Строкань. Тем более мы не имеем права швыряться такими определенно ценными работниками, как Весич.

Наконец, если я говорю Вам, что работал с этим человеком несколько лет и очень высоко его ценю, то это что-нибудь для Вас, вероятно, значит. Не допускаете же Вы мысли, что я могу легкомысленно отнестись к такому факту, как «белое» прошлое. Вы же понимаете, что в случае какого-то вредного отражения этого прошлого на работе мне грозит большая беда, ибо я никогда не забываю, что работаю в ГПУ. Следовательно, я действительно уверен в действительной советской ценности этого человека.

А Вы хотите, чтобы я получил случайного кандидата, которого никто не знает, который не был у белых, но по своему настроению может быть в тысячу раз хуже и вреднее.

Мое право подбирать персонал, в особенности пользоваться работниками, которых я уже раньше испытал, это право только и может определить успех коммуны[2]. Если до сих пор есть такой успех, то им мы обязаны на 80 % подбору персонала, по крайней мере подбору ядра персонала. Если Вы меня такого права лишите, коммуна обязательно будет падать, иначе быть не может – наши педагогические кадры слишком засорены.

Мое право подбирать персонал само собою уравновешивается моей ответственностью за персонал, и в деле этой ответственности я никогда не буду малодушным.

При всем том, положение с персоналом становится очень напряженным, и, если такие счастливые назначения, как назначение Весича, нами не будут использованы, мы обязательно «сядем».

Отвечать за это придется мне, ясно, что для меня конъюнктура получается далеко не завидная.

Несмотря на то что Весич был в «белых» или в «желтых», я все-таки убедительно прошу Вас утвердить его, совершенно отвечаю за него как за человека мне известного со

всех сторон. Политически Весич не только лоялен, но и активно по-советски настроен, гораздо более по-советски, чем многие работники-педагоги, у которых на 90 % поповского мещанства и обывательской злобы. Весича Советская власть давно простила и дала ему хорошее положение, мы не должны его выбрасывать из коммуны по узко биографическим данным.

Я хочу надеяться, что Вы доверите мне в том, что настойчивая просьба о Весиче определяется у меня исключительно соображениями дела. Устраивать самого Весича никакой нужды нет, ибо сейчас нужда в хороших педагогах слишком везде чувствуется.

А. Макаренко.

P. S. Барбаров мне говорил, что Весич производит на него хорошее впечатление. Не успел представить Весича предварительно потому, что в отделе кадров ВСНХ пришлось выбирать [работника] в течение одного дня.

А. М.

А.С.Макаренко. Пед. соч.: В 8 т. Т. 8, с. 44-47. В конце письма резолюция: «Т. Макаренко. Все же бывшие беглые и петлюровцы в нашей коммуне ни в коем случае работать не могут. Весича немедленно увольте. Букшпан. 31/XII 30 г.»

[1] Весич В.А. – воспитатель-учитель в трудовой колонии им. М. Горького с июля 1923 г. С 1925 г. один из помощников (заместителей) заведующего колонией. Прототип П.И. Журбина в «Педагогической поэме». В Типах и прототипах «Педагогической поэмы»: Журбин Павел Иванович (Иван Иванович), «бывший штабс-капитан».

[2] Принцип личного подбора, приглашения основных педагогических работников колонии-коммуны А.С. Макаренко применял неукоснительно. См.: А.С. Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания... Часть 1, с. 23-24, 111, 188-189 и др. Это существенный элемент создания целостного педагогического процесса. Применялась также 2-месячная стажировка новых работников (там же, с. 116).

Дополнение. **«***Доклад правления детской трудовой коммуны имени Ф.Э. Дзержинского* **о состоянии работы в коммуне за 1930 год». Составлен, видимо, в начале 1931 г., после дня 3-летия коммуны.**

Изначальная «установка» коммуны: «воспитание классово сознательных и грамотных пролетариев из среды беспризорных со

средней производственной квалификацией»; комплектование «детьми в возрасте от 14 до 18 лет».

Состав коммунаров: **к 1 мая 1928 г. – 95 детей, к 1 сент. 1928 г. – 120, к 1 дек. 1928 г. – 150. К 3-летию коммуны (29 дек. 1930 г.) – 149, мальчиков – 119, девочек – 30. 12 лет – 1, 13 лет – 9, 14 лет – 26, 15 лет – 42, 16 лет – 34, 17 лет – 19, 18 лет – 10, 19 лет – 6, 20 лет – 2. Основной возраст: 15-16 лет. Преимущественно украинцы и русские, преобладают дети рабочих, большинство имеет родственников (в основном дальних), были на улице – 63, не были – 86. Поступили преимущественно из других учреждений (из коллектора – 40, из комиссии по делам несовершеннолетних – 8, из органов наробраза – 5, принято органами коммуны - 26).**

В 1930 г. прибыло 24 чел., убыло 22: на производство – 9, к родным – 5, в детдома – 2, в комиссию по делам несовершеннолетних – 2, в военную школу – 1, убежало – 3.

Производство, **мастерские: металлическо-арматурная (с цехами – медно-литейным, токарно-слесарным, никелировочным и кузницей); деревообделочная (с цехами – машинным и сборным); швейная. Ниточная мастерская закрыта 25 дек. Распределение коммунаров по цехам: литейный – 19, токарно-слесарный с кузницей – 34, никелировочный – 9, машинный – 14, сборный – 39, швейный – 30. Вне мастерских – 4. Производство реорганизовано в мае 1930 г., до этого было убыточно, отсутствовала плановость.**

Стоимость выпущенной с мая до 31 октября продукции: металло-арматурный – 80.215 руб.; деревообделочная – 64.367 руб.; швейная – 9.776 руб.; ниточная – 15.417 руб. Всего за 5 мес. – 151.776 руб. Общая прибыль – 84.409 руб. Выполнение промфинплана: май – 56 %, июнь – 90, июль – 111, авг. – 129, сент. – 125 (июль, авг. – труд «наемных рабочих»).

Расходование прибыли – 97.101 руб., в основном: на постройку новых помещений для кузницы, сборного цеха и жилого дома, на закупку оборудования и материалов, а также «на уплату долгов» и ремонт, переоборудование производственных помещений.

Общий заработок коммунаров: май – 2.246 руб., июнь – 3.476 руб., июль – 4.067 руб., сентябрь – 4.820 руб., окт. – 5.185 руб.,

ноябрь – 4.470 руб. В 1929-1930 гг. личная зарплата коммунара в среднем 26 руб. 70 коп. в месяц. Запланировано ее повышение до 33 руб. 25 коп. С мая по ноябрь коммунарами внесено на содержание коммуны 19.562 руб.

Успехи в производстве – 5 пунктов. Недостатки – 14 пунктов, в том числе: отсутствие руководства производством со стороны правления коммуны; не осуществлены многие решения производственных совещаний; «некоторые искривления» в выдаче зарплаты: нарушение установленного правлением порядка выдачи коммунарам на руки только 5 руб. (остальное – на сберкнижку), «авансирование ряда коммунаров небольшими суммами в счет зарплаты».

«Первоочередное мероприятие – реорганизация существующего производства», создание «учебно-показательного производства», обеспечение воспитанникам должной квалификации, соблюдение «принципов самоокупаемости и хозяйственного расчета». Выбор типа производства «требует особо серьезной проработки с привлечением специалистов соответствующих отраслей». В основу должен быть положен «принцип единства производства»; его база – «обработка металлов».

«... Точные технические обоснования и расчеты, необходимые капиталовложения будут представлены в первой половине февраля с. г.»

Учебная часть. **До нач. 1929-1930 гг. в коммуне существовало 4 курса по программе кустпромшколы. Она «не определяла перспективу выпускаемому коммунару». «Все предыдущие выпуски направлялись на производство или в рабфаки».**

В настоящее время: младшая подготовительная к рабфаку группа – 38 чел., старшая – 39 чел.; I курс рабфака – 39 чел., .; II курс – 26 чел. Это – включая 6 детей работников коммуны. На организацию рабфака выделено: правлением коммуны – 4.000 руб., Центральной комиссией Помдета – 2.000 руб. (на оборудование учебных кабинетов). Целесообразнее было иметь не 3-летний рабфак, а 4-летний. «Правление намечает провести обследование учебной части коммуны».

Работа самоуправления: **на основе производственных отрядов с командирами во главе; высший орган – совет командиров и общее собрание; коллегия дежурных, которой переданы «дисциплинарные права»; комиссии – одежная, столовая и др.; 21 отряд, из них 2 – девочек. В 1930 г. «ломки в производстве» вели к неоднократной реорганизации отрядов.**

«Самоуправление по-прежнему играет главную организационную и воспитательную роль. Оно охватывает большое число коммунаров, вовлекая их в активную общественную жизнь». В дисциплинарной практике ранее имели место «система нарядов, оставления без отпуска и кино и даже удаление из коммуны». В настоящее время «остался только учет проступков по линии соцсоревнования». «В целом ряде важнейших вопросов самокритика коммунарской общественности отсутствует».

Культработа. **В последнее время в ней «произошел перелом», аккуратнее стали выходить стенгазеты «Дзержинец» и «Пионер-дзержинец», хорошо работает оркестр; работают кружки: драматический, литературный – 2, игр, осовиахим, ребусник.**

Во время крымского похода: агитационная кампания «по подписке на заем», посещение парусника «Товарищ» и миноносца «Петровский», лагеря московских пионеров; экскурсии на кинофабрику, посещение музеев и дворцов. На поход, «помимо сметных текущих расходов», использованы средства Харьковского горсовета – 3.000 руб.

Работа комсомола. **Ячейка – 60 чел. Она – «инициатор и организатор соцсоревнования и ударничества», провела «проработку решений XVI партконференции», перевыборы самоуправления и месткома, организацию «производственных троек, крымской экскурсии и др.» Но активна лишь «небольшая группа актива»; основная масса «в комсомольскую работу не втянута».**

«Со стороны зав. коммуной имеется некоторая недооценка, временами даже игнорирование комсомольской работы, что выражается в его тенденции «свернуть комсомольскую работу»... Пионерработа в свое время встречала сильное сопротивление».

Отсутствует парторганизация. Ячейка в общем представляет собой здоровую политическую организацию».

Моральное состояние коммуны **«в общем удовлетворительное. Коллектив – хорошо спаянный, дружный… В последнее время зарегистрировано 3 случая краж, которые не являлись симптоматичными».**

Материально-финансовое положение **коммуны укрепилось. «Правление полностью ликвидировало долги: по постройке и оборудованию коммуны (за исключением долгосрочной ссуды, 106.300 руб.) и образовавшиеся за 2 последних года, ввиду прошлой убыточности мастерских коммуны. С 1 ноября [1929 г.] коммуна отказалась от дотации Коллегии ГПУ УССР и отчислений сотрудников». Приходная часть «особого квартала»: от коммунаров – 3.500 руб., от совхоза – 4.000 руб., от дохода мастерских и предприятий коммуны – 2.500 руб.**

«Средняя стоимость содержания одного коммунара: 1928 г. – 79 руб. 09 коп.; 1929 г. – 45 руб. 43 коп.; 1930 г. (до 1 октября) – 59 руб. 52 коп. Последнее удорожание относится за счет удорожания питания, некоторого увеличения обслуживающего персонала и учебных расходов».

Работа правления **за истекший год «не может быть признана удовлетворительной. С момента утверждения состава правления Коллегией ГПУ УССР в декабре 1929 г. правление заседало 3 раза; последние 11 месяцев ни разу не собиралось. Руководство осуществлялось отдельными членами правления персонально. Только в ноябре 1930 г. правление приступило к работе… В ближайшее время произойдет сдвиг в сторону устранения указанных недочетов…»**

Председатель правления трудкоммуны им. Дзержинского Бачинский.

Член правления и секретарь Букшпан.

РГАЛИ, ф. 332, оп. 2, ед. хр. 29, лл. 2-20.

Сравнение данной ранее «Резолюции» (28 ноября) и «Доклада правления» (кон. 1930 г. – нач. 1931 г.) показывает, что правление коммуны со временем пришло к более «взвешенной» оценке

деятельности А.С. Макаренко, учитывая, видимо, его соображения. Правление хорошо сориентировалось в потребностях дальнейшего развития производства и учебной части коммуны.

Из книги «Беспризорность и борьба с ней»

…Во всех этих расспрашиваниях, во всем этом внимании к прошлому ребенка нет ничего, кроме обычной обывательской заинтересованности, воспитанной буржуазной теорией преступных типов.

Колония им. Горького практиковала полное игнорирование этого прошлого, и практиковала полностью, открыто, до конца. В колонии не только не расспрашивали мальчика о его прошлом, не только не напоминали об этом прошлом, а не написали даже ни единой «справки», просто не знали, за какие правонарушения мальчика отправили в колонию[1].

В колонии само слово «беспризорность» считали за невежливое и его не выговаривали ни в коем случае: колонисты всегда были уверены, что беспризорные на улице, а они колонисты и хозяева, ничем не хуже остальных людей[2].

И вот один раз, когда эта колония в полном составе приветствовала какой-то съезд, проходя торжественным маршем площадь, кто-то из толпы крикнул:

— Да здравствуют беспризорные!

Было больно смотреть, как оживленные лица детей вдруг стали серьезными и суровыми, замкнулись в одиноком чувстве обиды.

Главное орудие нашей борьбы с беспризорностью – это детский дом. Наши детские дома часто не разработаны и не имеют даже полной, уверенной, обязательной формы организации работы. Мы можем найти на территории нашего Союза самые разнообразнейшие виды и типы детских домов, начиная от небольшого дома, где живут 40-50 воспитанников, которые пользуются какой-нибудь соседней школой и ничего общего, кроме общежития, не имеют. И есть большущие и сравнительно богатые детские городки, где численность детей достигает до 2500 человек, они имеют чудесные собственные школы, даже целые концерны школ, прекрасно оснащенные мастерские или богатые полевые и животноводческие хозяйства.

Так же отличаются детские дома и в качестве своей работы. Тут мы наталкиваемся на целую цепь учреждений, начиная от наиболее четких и интересных и кончая «приютами», где полно тех же уличных беспризорных, где настоящий преступно-анархистский быт и не менее распущенный персонал.

И чрезвычайно интересно, что качество работы детского дома почти что не зависит от количества денег, которые тратит то или иное учреждение. Довольно часто отмечается,

что качество работы детского дома, очень мало обеспеченного, гораздо выше, нежели в детдоме, устроенном почти что роскошно, где на его содержание тратят огромные суммы.

Причины всего этого разнообразия заключаются в том, что детский дом нашего советского типа – учреждение целиком новое и на Западе не имеет себе подобного.

Поэтому наша страна не успела подготовить к работе в детском доме достаточно большое число педагогических кадров, и педагоги не успели еще выработать уверенных методов работы. Поэтому теперь ни в одной другой области успех работы так не зависит от таланта, энергии и знаний персонала, как в детском доме. Пока что можно просто сказать: лишь тот детский дом хорошо работает, где способный и энергичный персонал.

Мы считаем нужным отметить, что работа в детском доме – работа чрезвычайно деликатная. Небольшая ошибка, недостаточная продуманность того или иного мероприятия или решения, излишняя медлительность или излишняя поспешность, самые малые отклонения от нормы могут привести к очень плачевным, иногда даже пагубным последствиям.

Одновременно работа в детском доме требует безусловно героического напряжения. Как бы ни был добрым, старательным и энергичным педагог, но если он работает, жестко придерживаясь времени, если в нужную минуту все же не пожелает отдать свое время детдому, если работники в общем стараются лишь честно исполнять свои обязанности – провал такого детского дома неминуем.

Здесь работать надо неутомимо, целиком отдавая себя детям и их интересам, нужно совсем забыть собственное самолюбие, а иногда и свое здоровье. Обычно не все работники способны на это, и тем паче их трудно найти, потому что за эту работу платят у нас очень мало.

Все сказанное не означает, что в детском доме нет и не может быть охраны труда. Природный закон ограниченности человеческих сил и человеческий закон уважения своих сил тут нужно применять лишь в очень своеобразной форме: чем больше педагог отдает себя детскому дому, чем меньше он обращает внимания на время и свою собственную жизнь, тем легче ему трудиться. Детдом, который организовал настоящий педагог, развивает за короткое время такую массу активных детских сил, такую громадную энергию детского самоуправления и такую мощь детского коллектива, что работа в этом доме становится наслаждением и почти развлечением, но... до тех пор, пока педагоги не вздумают почивать на лаврах и не забудут про свою героическую бдительность.

Советский Союз все больше воспитывает именно таких необходимых педагогов. Дальше расширяется сеть удачных, здоровых, крепких детских заведений, которые трудятся как чудесно налаженная машина, крепко связавшись с рабочим классом, с

крестьянством, с общественными организациями, и которые идут нога в ногу со всеми нашими силами, строящими социализм…

Эта пятилетка решит и один из главных вопросов методики работы самого детского дома. Одна из главных его погрешностей – это то, что в нем отдельно собраны лишь только беспризорные дети, т.е. такие, которые благодаря несчастным случаям оторваны от взрослых и от здорового ребенка в семье. Как бы мы ни старались приблизить детский дом к обществу и внушить нашему воспитаннику, что он такой же самый ребенок, как и все дети, – это лишь слова. На деле же он видит, что его жизнь не такая, как у всех детей, он всегда имеет основания завидовать детям, живущим в семье, он всегда вспоминает это проклятое несчастье, которое толкнуло его в социальную яму. Так утверждается своеобразный анархизм детского дома, постоянная наклонность к протесту, что особенно затрудняет воспитательную работу детского дома. Переход на систему домов целого нашего воспитания не обязательно надо представлять себе как что-то чересчур великое и неосуществимое с точки зрения материальных возможностей. Уже теперь можно считать за довод, что в хорошо организованном и обеспеченном детском доме содержание одного ребенка будет намного дешевле, нежели содержание ребенка в семье[3].

Речь идет о том, что социалистическая педагогика лишь в последнее время начинает вплотную подходить к марксистскому положению, что детский труд должен быть не только трудом учебного типа, как это имеет место в буржуазных дорогих школах[4], но он должен обязательно быть и продуктивным и давать всему обществу полезные веши, и, выходит, оплачивать свое собственное содержание.

Детский дом, организованный по типу небольшой фабрики, не только увеличит богатство всей страны и разрешит все проблемы подготовки кадров, но и удешевит содержание самого детского дома, может быть даже – до полной его самооплатности, [самоокупаемости][5]. Такая организация детского дома, если она будет вовлекать в себя главным образом ребенка из семьи, будет окончательным разрешением и дошкольного вопроса, и беспризорности.

Мы видим, что беспризорность приходит к нам из семьи, приходит на наши улицы только потому, что семья как первичный воспитательный коллектив не способна уберечь ребенка ни от голода, ни от одиночества, ни от плохого влияния. Мы видим, что когда семья все же старается это сделать, то женщина там лишь кухарка, нянька, прачка, «затурканная», дикая и обессиленная домашняя работница. Никогда женщина не будет полностью свободна там, где семья подменяет педагогическое заведение. И никогда ребенок не будет гарантирован от падения на самое дно социальной ямы, когда его воспитание зависит от того педагогического заведения. Беспризорность – это продукт ужасного кустарничества в деле воспитания, ибо семья есть кустарная организация

воспитательного процесса. Как наша пятилетка рушит кустарные магазинчики и прилавки и вместо них сооружает из бетона и стали громадные города-фабрики, точно так же она разрушит и кустарное воспитание в семье, построит взамен него фабрики воспитания, полные света и воздуха, внимания к ребенку и заботы, коллективной силы и творческого труда[6].

И эта фабрика будет не только перевоспитывать беспризорного хулиганишку, взятого с улицы, но и будет предупреждать саму беспризорность; из такой фабрики ребенок уже не окажется на улице и девочка 10 лет не попадет в грязные лапы какого-нибудь двуногого мерзавца.

Главное в воспитании совершается на протяжении первых 10 лет[7].

Ныне же воспитание в сути не есть воспитание, а лишь исправление того, что испорчено в семье. Воспитание, правильно налаженное с самого начала, будет намного более легким делом: тогда не нужно будет искать самоотверженных героев на должности педагогов. Мы быстро приближаемся к этому чудесному будущему нашего детства. Уже и теперь очень активно перед всеми нами встал вопрос о новом быте, а новый быт первым делом требует уменьшить у семьи право прибегать к кустарному воспитанию ребенка.

Это совсем не означает, что ребенка нужно оторвать от матери, что он должен расти как ничейный ребенок, почти что как теперешний беспризорник. Те, кто кричит о полном разрыве матери с ребенком, о полном забвении сыном своих родителей, – это просто чудаки и «бузотеры». Именно в полной гармонии между организационной силой воспитательного детского дома и природной родственностью в семье лежит секрет будущего воспитания...

Стремясь к будущему социалистического воспитания, мы одновременно должны усердно заботиться и о том, чтобы теперешнюю беспризорность у нас по возможности уменьшить и обезвредить.

Детские дома, которые собирают беспризорных и воспитывают их в тяжелейших условиях бедности и изоляции беспризорного, несмотря на все свои недостатки, все же проводят работу, и благодаря этой работе наши беспризорные чаще всего не доходят до социальной гибели. Но этого недостаточно. Нам нужны не только люди, которые не погибли, – нам нужны активные работники новой эпохи, могучие строители новой жизни, новой семьи, нового человека.

У нас много общественных организаций, имеющих целью помочь беспризорному ребенку: «Помощь детям», «Друзья детей» и др. Они объединяют многочисленных членов, но многие из них ограничиваются лишь взносом небольшой суммы денег. Правда, и это большое дело: эти гривенники спасают не одну тысячу детей.

Но можно сделать еще больше. В детском доме приезд шефской организации – всегда праздник, даже когда она и не привозит подарков. Тут немного и надо: пускай только организация чаще проверяет детский дом, а ее представители не мучают детей сборами и речами. Без этого можно обойтись: достаточно, когда вы раз в месяц сядете около мальчика или девочки и просто с ним поговорите о своих и его делах. Этим вы ему докажете, что вы уважаете в нем человека, что вы не приехали лишь похвалиться перед ним своей добродетелью.

Поразговаривайте с ним, о его и своей работе, о дисциплине на вашем заводе, о том, как проходят у вас социалистическое соревнование, какой у вас требовательный секретарь ячейки, о вашем мастере, который вам нравится, о вашем инженере или рабочем-изобретателе. Расскажите, какие у вас дети и какие у вас с ними удачи и неудачи. Расспросите его о том, что он думает делать, когда выйдет из детского дома, посоветуйте ему что-нибудь. Разговаривайте о чем хотите, но только о том, что и вас интересует. И никогда не говорите: «Старайся исправиться. Не надо воровать...» И без вас много найдется охотников такой науки. И итого достаточно.

Если можете, попросите только одного мальчика проведать вас. Можете его не угощать, когда он придет к вам, во сяком случае, не приучайте его к этому.

Не можете этого сделать – не делайте, но в таком случае подарите ему иногда какую-нибудь мелочь. Этим вы докажете ребенку ваше уважение. Может, вам посчастливится встретить потом этого мальчика или девочку на вашем же производстве. Может быть, вы даже поможете ему устроиться в одном цеху с вами и сделаете его своим «подручным».

А когда и не его встретите, то встретите другого бывшего беспризорного. Вы даже представить себе не можете, какую большую пользу ему этим даете, почти что без всяких усилий. Уже само то, что вы, квалифицированный рабочий, разговариваете с ним, – это превозносит его в собственных глазах. А если вы поможете ему и указанием, то это еще лучше. Имейте в виду, ни в коем случае не надо быть «сладким» к мальчику. Будьте самим собою: когда вы строги – будьте и с ним строги, когда вы веселы – то и с ним обращайтесь весело и не вдавайтесь во что-нибудь поучительное, потому что для такого мальчика нет ничего лучшего, достойного и поучительного, как хорошо знакомый мастер.

Женщины особенно очень много могут дать пользы девочкам, которые только что вышли из детского дома. Каждая женщина найдет, чем помочь, нужно лишь делать это просто и естественно. А это самое и нужно, чтобы расположить девочку к себе. Тогда уже не так трудно будет привлечь ее к работе вообще и к общественной в частности.

Но, понятно, главной помощи надо требовать от общества, чтобы избежать беспризорности. Здесь в каждом квартале внимательный взгляд всегда найдет опасные места.

Может быть, товарищ, работающий с вами, уже выращивает в своей семье будущего беспризорного. Может быть, вашего соседа постигло горе. И вот именно в этом момент наименьшая помощь может определить все будущее ребенка. Может, нужен лишь выходной день, чтобы отвести мальчика в Окрпомдет[8]. И этого достаточно. Предотвращая беспризорность, нужно использовать все формы помощи, потому что и небольшое усилие отдельного человека тут станет большой пользой.

Иногда действие отдельного человека может быть и ошибочным. Так вот – дать милостыню беспризорному кажется добрым делом. Напротив, эта милостыня задерживает мальчика на улице, приучая его попрошайничать, портит его психику. Нужно всегда помнить, что народное образование никогда не отказывается принять детей в детский дом. Просят милостыню только те, кто убежал из детского дома и стоит на пути к преступлению. Ваша милостыня – горький подарок: едва ли она не приближает ребенка к допру[9].

А когда вы в вагоне дачного поезда чувствительно слушаете пение «пацана» и вместе с жалостливыми торговками даете ему 3 коп, вы совершаете настоящее преступление, потому что ничего более сквернейшего, чем эти вагонные гастроли, в воспитательном отношении нельзя себе представить: все такие певцы – почти готовые мошенники и лодыри, с ними воспитательная работа – наитяжелейшая работа на свете.

Эта самая жалость иногда на улице подбивает человека вмешаться в поступки милиционера, задерживающего беспризорного. Нет ничего более дешевого, чем эта жалость. Милиционер исполняет часть большой работы, а жалость случайного прохожего требует, чтобы эта беспризорность развивалась свободно, как бурьян на поле у плохого хозяина.

Отдельные усилия людей в деле предотвращения беспризорности не будут очень полезны, если они не превращаются в общественное дело. Организация жилкоопа[10] и в нем организация помощи семье в отношении воспитания – это чрезвычайно нужное дело, и каждый человек, каждый сознательный работник должен принимать в нем активное участие. В особенности такую организованную помощь можно оказать тем «няням», которых самих еще нужно нянчить.

Наше общество много сделало в деле помощи беспризорным, сделало гораздо больше, нежели богачи на Западе, но оно может сделать еще больше.

Помогая в этом деле, мы должны стремиться к скорейшему претворению в жизнь нового воспитания, нового семейного быта и нового детского общества[11]. Мы всегда должны помнить об этом и знать, что хорошо организованная детская коммуна будет одним из первых достижений в нашей борьбе за новый быт, за культурную революцию.

А.С. Макаренко. Пед. соч.: В 8 т. Т. 5, с. 314-317. Это часть книги-брошюры: Салько Г.С. Беспризорность и борьба с ней. – Харьков, Гос. медиц. изд-во УССР, 1931 (укр. яз.) – часть материала ее III и IV глав. Текстологический анализ позволяет считать, что эти главы написаны А.С. Макаренко или с его участием.

Хронологически материал здесь печатается по времени написания: 1930 г. См. в тексте: «Эта пятилетка решит...» (первый 5-летний план официально принят в конце апреля 1929 гг., завершен досрочно – 1932 г.).

Основные темы и идеи публикуемого фрагмента: решительное отрицание «врожденной преступности»; исходным в работе с беспризорными детьми является не их прошлое, а жизнь в настоящем и будущем; развитие детского дома в совершенную форму социального воспитания; связь проблемы «трудных» детей с перестройкой семейно-бытовой культуры, с проблемами семьи и семейного воспитания; общественно-педагогическое шефство.

Признавая закономерным ослабление педагогических функций семьи (в значительной степени в связи с утратой ею хозяйственно-трудовой основы), – А.С.Макаренко показывает объективную необходимость компенсации этого явления развитием общественного (социального) воспитания, усилением его социально-экономической эффективности. Он высказывался против «фетишизации семьи», идеализации семейного воспитания.

[1] Этот подход осуществлялся в русле «параллельного действия»: игнорирование прошлого в обращении с беспризорными сочеталось с знанием и учетом этого прошлого (что хорошо видно по художественно-педагогическим произведениям А.С. Макаренко).

[2] Специфика работы с беспризорными, «трудными» не абсолютизировалась, но и не отрицалась. Она практически проявлялась в первые 3-4 месяца пребывания новичка в колонии, коммуне (см. т. 4, с. 123-124, 365). После 1924-1925 гг. в колонии был уже не «правонарушительский коллектив», а обыкновенный, «нормальный коллектив» и начался период «нормальной работы» (т. 4, с. 139-140).

[3] Макаренковские расчеты сравнительного содержания детей в семье и в коммуне им. Ф.Э. Дзержинского см. ранее: «Сокращение расходов».

[4] Производительный труд в основном «учебного типа» («нейтральный в воспитательном отношении») А.С. Макаренко определяет как характерную черту западной и советской «трудовой школы» (см.: «Русская трудовая школа... в настоящее время она по идее буржуазна». – А.С. Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания... Часть 1, с. 41). В таком же плане направленности преимущественно на обучение он критически воспринимал и идею «политехнической школы», «политехнического образования».

[5] Обобщая различные высказывания А.С.Макаренко по этой проблеме, можно заключить, что он считал возможным и необходимым «элемент самоокупаемости» в деятельности педагогического учреждения, но не его «полную самоокупаемость».

[6] Относящиеся к 1928-1929 гг. размышления и выводы А.С. Макаренко по этому поводу см.: А.С.Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания... Часть 1, с. 299-302. Он составил два проекта детского дома («лесной школы») для «семейных детей», в 1928 и 1936 гг., см. в этом издании письмо Г.С. Салько, 14 окт. 1928 г. и т. 4, с. 24-25.

См. здесь далее по тексту его фундаментальный тезис: «Именно в полной гармонии между организационной силой воспитательного детского дома и природной родственностью в семье лежит секрет будущего воспитания».

[7] Позднее А.С.Макаренко указывал: 5 лет. Учитывая важность воспитания в раннем детстве и непродолжительность пребывания подростков в его педагогическом учреждении, он отмечал недостаточность сделанного, трудности в достижении общих и устойчивых педагогических результатов.

[8] Окружная комиссия помощи детям.

[9] Дом предварительного заключения.

[10] Жилищный кооператив.

[11] «Детское общество» как социальное явление, необходимый элемент в организационной структуре всего общества, молодое поколение в его относительной самостоятельности – одно из

капитальных понятий А.С.Макаренко как социального педагога-реформатора. Поиск содержания и форм «детского общества», трудового сообщества детей и взрослых в педагогическом учреждении («воспитательного коллектива») является глубинной основой его новаторства в педагогике.

«Признаки детского общества: нет образца, возможны многие варианты. Но все они должны как можно дольше стоять как от нынешней практики воспитания потребителей, так и от предрассудков педагогической литературы», – ответственно заявлял он осенью 1926 г. (А.С. Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания... Часть 1, с. 198).

Дополнения. *Приказы по коммуне* **1931 г., №№ 1-37, 1 янв. – 6 февр. (выборочно). Дежурство по коммуне: деж. командир, деж. член сан. комиссии, деж. сигналист, деж. отряд (17-й), деж. по школе (ДК, ДЧСК, ДС, ДО, ДЧШ). 21 отряд. Старшая хозяйка, санитар – на неделю. Сторожевой сводный (6 чел.). Коллегия дежурных по коммуне, ДК. ДЧШ – Татаринов. Дежурство в тихом клубе отменяется; выдача игр – кружком игр. 20 янв.: сводный отряд по заведованию катком, командир Семенов, 7 чел.**

22 янв. – переформирование отрядов, всего 11, по 13-14 чел. (есть и 9, 17). 24 янв.: сводный отряд по поливке катка, до 27 янв., командир Камардинов, 7 чел. 31 янв.: порядок уборки здания – на декаду; ст. хозяйка и санитар – на месяц, сторож. отряд – на декаду.

4 янв.: «Согласно распоряжению правления с 5 янв. тов. Богданович освобождается от заведования хозяйством коммуны, назначается Степан Акимович Дидоренко. Для передачи хозяйства – комиссия: Татаринов, Калабалин, Дорошенко». С 4 янв. от работы освобождаются воспитатель Весич и бухгалтер Весич (жена В.А. Весича).

Мастерам всех цехов – давать главному бухгалтеру «рапорты о выпуске продукции». Работница посудомойки – в отпуске по соцстраху до 30 апреля. Хозчасти – «немедленно приступить к шитью школьных костюмов из материала, указанного зав. коммуной». Объявляется выговор мастеру деревообделочной мастерской «за плохое отношение к охране труда в машинном цехе».

Объявляется предупреждение «за игру в карты в рабочем общежитии». С 6 янв. «все служащие снимаются с коммунарского стола на стол по производству».

2 янв. «Сегодня коммуна начинает празднование 3-летия коммуны», распорядок праздника, гостевая комиссия. «Приглашаются все работники коммуны, вход по гостевым билетам. Окончание работы – в 4 часа».

9 янв. коммуна «со знаменем и оркестром – на собрание по переизбранию горсовета».

15 янв. «коммуна празднует 3-летие своего существования». Парадные костюмы с белыми воротниками, зал, «знамя у 8 отряда». 17 янв. «объявляется благодарность всем сотрудникам коммуны и коммунарам, принявшим участие в подготовке праздника, за хорошую работу».

1 янв. и далее. Дорохов назначается раздатчиком коммунарской почты, оплата как за 1 раб. час. Жмудскому и Вовченко «из счета фонда СК – по 50 руб. в мес.» По постановлению СК, согласованному с ответств. секретарем правления коммуны, «из личных денег коммунаров выдавать на руки только 50%, но не меньше 10 руб.» 19 коммунарам – «выдача спецснабжения – по ½ литра молока или другого равноценного продукта».

Согласно постановлению Коллегии ДК: двум коммунарам «запрещается вход на 2-й этаж без командира отряда и отпуск в город или село – на 6 мес»; «Разумовский лишается парадного костюма»; Старченко – «домашний арест на 3 дня». Привести в исполнение – Контролю коммуны. Порицание командирам 9 и 15 отрядов «за неряшливое состояние спальни», Землянскому – «за поломку замка»; Агееву – «за плохое командование отрядом»; 2 коммунара «за плохое поведение в мастерской – на черную доску и на декаду – обрубщиками (на производстве – А.Ф.)».

8 янв.: «всем кружкам в трехдневный срок составить план работы на I квартал, завести дневники, что делал кружок каждый день, записи должны быть засвидетельствованы дежурным по коммуне». Согласно постановлению СК «разрешить курить Клюшнику и Редько».

РГАЛИ, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 388 (1).

7 февраля 1931 г. «Выборы совета командиров XII созыва. ССК – Никитин. Началась эпоха реализации давней мечты о новом заводе. В коммуне появилась группа инженеров – началась напряженная работа мысли: какой нужен нам завод? Скоро мы решили, что будем строить завод электроинструмента. На многих заседаниях правления и совета командиров обсуждались детали этого завода, материальные возможности и возможности рабочие» (Втор. рожд., с. 25).

Приказы по коммуне, **1931 г., 7 февр. – 9 марта (выборочно). Согласно решению общего собрания назначаются командиры отрядов – 11, ССК – Никитин, товарищеский суд – Каплуновский, Дидоренко, Вовченко (Кандидаты – Конисевич, Редько), комиссия исполнения – 3 чел., хозкомиссия – 5, санкомиссия – 6, клубсовет – 4 (включая Терского), редколлегия – 6 (включая Татаринова), штаб соцсоревнования – 4 (включая Татаринова), исполнительное бюро рабфака – 4 чел. «Передачу командования произвести при знамени, в 12 час. дня. Фактически вступить в командование немедленно». Комиссия рабочего контроля, по цехам: токарный, швейный, сборный, машинный, литейный – по 2 чел.**

«С 7 февр. освобождается от работы воспитатель Бершетин. Преподавателем математики и физики назначается Мартыненко, с месячным испытательным сроком». «Воспитатель Калабалин освобождается от должности с 7 февр. Назначения и увольнения рабочих по мастерским, машинному цеху; конюху – выговор. Комиссия по передаче швейной мастерской Когану, закройщику (4 чел.). Комиссия по приему парового котла со склада – 4 чел. «Предлагается производственной части все простои по мастерским оплачивать по среднему сдельному заработку и соответствующие суммы вносить в фонд совета командиров. Ответственность за это возлагается на глав. бухгалтера Сербренко».

«Уроки физкультуры на I курсе [рабфака] временно передаются т. Терскому по предмету графграмоты, а военного дела т. Мартыненко по предмету физики. На II курсе уроки физкультуры передаются

Мартыненко, а уроки военного дела – Терскому. Другие переводы по работе сотрудников коммуны, пом. бухгалтера и др.

4 марта: «После 1 ужина – общее собрание коммунаров и работников для заслушивания доклада С. Когана «Перспективы завершения первого квартала» [по производству].» С 5 марта инструктор физкультуры – Фомин, с окладом 180 руб.

«Коротову за порчу подшипника заплатить, передать комиссии исполнения». Постановление СК: дежурные по спальням, ответственные за чистоту спален в течение дня; «право дежурным командирам выводить из столовой тех, кто плохо ведет себя». Распорядители по бане, дополнительный приказ по купанию. Постановление СК: «Яковлев назначается техническим секретарем СК». 18 февр.: «Предлагается всем отрядам получить школьные костюмы. На усмотрение хозяйственной комиссии: что оставить, отдать в стирку и т.д.» Сторожевой отряд – не в парадных, а школьных костюмах. 3 марта: «Поручается 3 отряду принять по точному учету громкий клуб, проверить всю мебель и составить акт о недостатках и поломках, акт передать зав. коммуной».

11 февр. коммуна отправляется «на вечер смычки с молодежью оружейной мастерской, марш со знаменем». «На 26 февраля назначаются маневры военизированного отряда коммуны в составе одной роты. На отряд возлагается задание оборонять территорию коммуны от противника, в особенности от молодежи оружейных мастерских ГПУ УССР, которые, кроме иных, имеют и военно-воздушные силы. К участию в маневрах привлекаются все коммунары, рабочие и служащие коммуны. Командир военизированного отряда – Барбаров, нач. штаба – Луций, адъютант – Никитин, командиры 6 взводов, командир химвзвода и посредник от коммуны – Дидоренко. Их приказы подлежат безусловному и немедленному исполнению. Выходной день переносите на 26 февраля».

Согласно постановлению СК, подтвержденному постановлением общего собрания, самовольный выход из оркестра не допускается. По пост. СК: Акимов допускается к выпуску из коммуны 1 мая, снимается с рабфака; его работа на производстве 8 часов, весь

заработок к выдаче на руки, без каких-либо удержаний. Раздатчик почты: вместо Дорохова – Белостоцкий.

14 февр.: «отдаются под товарищеский суд за плохое поведение в классе» – 6 чел. 1 марта: согласно пост. СК: «отдаются товарищескому суду за сжигание в мастерской полуфабриката и порчу инструмента» – Локтюхов и Пахно. Обвинителями назначаются, командир 5 отряда Захожай по делу Соколова и командир 7 отряда Дорохова по делу Куслия. 4 марта «отдается тов. суду Куслий Ф. за оскорбление учителя в классе», обвинитель – командир 4 отряда Клюшник. «Комиссии исполнения поручается произвести в коммуне чистку всех «курцов» (курящих – А.Ф.).

7 марта: 2 коммунара «за нарушение дисциплины в цеху во время работы арестовываются домашним арестом на час в кабинете зав. коммуной 7, 8 и 9 марта».

4 марта: на довольствии коммунаров – 152 и кухонных рабочих – 6, всего 158. Советы командиров обычно в 5 час. 30 мин. 7 марта – приказ № 66.

Зав. коммуной *А. Макаренко* **ССК** *Никитин*

РГАЛИ, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 388 (1).

Из протоколов заседаний совета командиров, **7 февр. – нач. марта 1931 г. 7 февр., протокол № 1. Выступление А.С. Макаренко: «он говорит о том, что совет командиров должен укрепить коммунарскую дисциплину, добиться аккуратного обращения с одеждой и имуществом и улучшить товарищеские отношения. Предлагалось переименовать дежурного по коммуне в дежурного командира, причем дежурный командир должен все факты нарушения дисциплины выявлять и учитывать. Лучше не переименовывать, дежурным обратить серьезное внимание на дисциплину и порядок, а не ограничиваться внесением в рапорт одних малышей».**

Строительство дороги закончить к 1 мая – по докладу прораба комхоза.

От коммуны в члены горсовета выдвинуты Бачинский и Фомичев.

Постановления по клубной работе: драмкружок, «бригада театральной импровизации», кружок игр, аквариум; комнату пионер-отряда и природоведческий кружок перевести в учительскую, а учительскую – в комнату химкабинета; комната для лыж. Комиссия – «по покупке шапок».

«О дисциплине в мастерских и др.» – «ввести наказания за нарушения дисциплины». «Поведение Короткова в сельской школе» – «исключить из коммуны, отправить в коллектор».

Зав. коммуной *А. Макаренко* **ССК** *Никитин*

РГАЛИ, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 383 (1).

13 марта. «Утверждение проекта строительства нового завода, общежития, клуба и гаража».

22 марта. «Посещение коммуны делегацией рабочих-ударников харьковских предприятий».

20 апреля. «Организация комсомольских цеховых ячеек».

1 мая. «Посещение коммуны коллективом ГПУ УССР».

10 мая. «Положено основание в коммуне парторганизации, основана партгруппа. Первым руководителем стал Барбаров».

13 мая. «Торжественная закладка корпуса новых спален и завода электроинструментов. Коммунары выстроились при знамени и оркестре, и Ленька Алексюк, самый молодой коммунар, заложил первый камень».

(Втор. рожд., с. 25-26).

«В последних числах мая 1931 года правление коммуны им. Ф.Э. Дзержинского предложило небольшой группе инженеров ознакомиться с производством коммуны и наметить пути реорганизации и реконструкции с таким расчетом, чтобы сделать его интересным для коммунаров со стороны технологии, полезным для страны, показательным для других подобных организаций и обеспечивающим самостоятельное хозяйственное существование и развитие коммуны…

Ознакомившись с существующим тогда производством масленок Штауффа (их изготовление началось на базе кроватных углов – А.Ф.), увидев, какие чудеса энергии, ловкости и быстроты проявляют коммунары в работе и какую громадную

производительность показывают они, увидев далее коммунаров в быту и общественной работе, мы… пришли к единодушному мнению, что в условиях коммуны можно создать прекрасное производство».

Его основы: учебно-воспитательные цели, рабфак (подготовка во втуз), подготовка квалифицированного рабочего, срок обучения 4 года. Число учащихся и работающих – 300, в т. числе 50 девочек. Работа в 2 последовательных 4-часовых смены. Средний возраст – от 15 до 20 лет.

Общее задание проектанты дополнили инженерно-техническими положениями, подвергли анализу большой перечень различных объектов производства, имея в виду и педагогические соображения: «производство должно охватить широкие технологические процессы», «должно быть трудоемким», «поточным», обладать «предельным калибром высокого класса точности», объект «должен представлять собой законченный механизм», «предполагать многообразие навыков в процессе испытания и контроля качества», быть «дефицитным для советского рынка, импортного класса».

Объектом производства признана переносная электросверлилка, с собственным двигателем, работающим от осветительной сети. «За образец принята электросверлилка австрийской фирмы Петравиц». Разработка и уточнение производственного проекта шли одновременно со строительством завода. Основное оборудование, около 50 единиц (половина – импортного) «было подобрано и закуплено в Москве в течение одного месяца, со сроками поставки в течение октября и ноября».

(П. Силаков, инженер: Рождение марки «ФД» – Втор. рожд., с. 67-69).

Из приказов по коммуне, **1931 г., 14 марта – 22 апр. Приказы по мастерским, вольнонаемным рабочим: приемка оборудования, командировки, порядок выдачи инструмента и др. Переводы коммунаров по цехам.**

На декаду определяются: ст. хозяйка, санитар, порядок уборки помещений (по отрядам), новые дежурства; на месяц – сторожевой отряд (6 чел.) – согласно постановлению СК. То же – комиссия по

выработке правил коммунарского обмундирования и ношения одежды (3 чел.), комиссия по празднованию 1 мая (7 чел.).

«Согласно распоряжению правления коммуны назначается членом товарищеского суда член правления т. Броневой». «Отдается под товарищеский суд командиры Орлов и Шатаев за ругань и антисиметизм. Командиру 6 отряда Захожаю произвести предварительный опрос обвиняемых и представить его зав. коммуной не позднее 16 марта». 18 марта – «под тов. суд коммунар Землянский-II за то, что (неразборчиво – А.Ф.) и разорвал сорочку, следствие провести командиру Швыдкову Т.».

«Коммунар Локтюхов арестовывается на неделю за матерную ругань, без права выхода во время [школьных] занятий и работы». «Согласно распоряжению зав. коммуной коммунар Королев за спор в цеху с инструктором назначается на месяц на работы меньшей квалификации». «Объявляется замечание коммунаркам Страховой, Яковлевой и Ивановой за невыполнение распоряжений инструкторов».

«Предлагается всем руководящим коммунарским организациям, как-то: штабу соцсоревнования, исполбюро рабфака, комиссии исполнения, хозкомиссии, клубсовету, производственным совещаниям и тройкам, всем временным комиссиям – оповещать зав. коммуной о своих собраниях и месте их проведения не позднее чем за час до собрания».

15 апреля «в коммуне состоится районный пионерский слет, распорядители – коммунары пионерского бюро». Согласно постановлению СК – «разрешается курить Французову». По постановлению общего собрания – командир 1 отряда Шмигалев за серьезное нарушение дисциплины снимается с должности командира; временно, до избрания отрядом и общим собранием командование 1 отрядом поручается т. Зорину.

«Рабфаковцы, имеющие студенческие билеты, пользуются правом уходить в город без пропусков. Но они, уходя в город, обязаны явиться к дежурному командиру и рапортовать [об уходе]. Если ДК имеет основание запретить отпуск, он должен уведомить об

этом студента. Учащиеся подготовительных групп пользуются отпуском на прежних основаниях».

Зав. коммуной *А. Макаренко* **ССК** *Никитин*

РГАЛИ, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 388 (2). Далее приказы в данном издании не учтены до окт. 1931 г. (там же – 2-3).

Из протокола заседания СК коммуны, **1931 г., 2 апр. «Просить правление коммуны, т. Букшпана разрешить принять в коммуну сверх комплекта воспитанника колонии им. Горького Кузнецова и просить зав. этой колонии его отпустить» – по заявлению командира отряда Вовченко: коммунары знают его как старого товарища, он в плохом положении, там не учат квалификации, просьбу поддерживает весь оркестр, он хороший баритон.**

П. Барбаров: «это было бы нечестно по отношению к колонии». А. Макаренко рекомендует «сначала узнать в колонии, нет ли с ее стороны возражений»; «во всяком случае принять его мы можем только с разрешения Букшпана, т.к. у нас нет ни одного свободного места». Коммунары говорят о необходимости помочь Кузнецову как товарищу. То, что он будет «сверх нормы», предлагается не учитывать, т.к. «все согласны поделиться с ним».

РГАЛИ, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 383 (2). Далее протоколы СК отсутствуют, до 22 сент. 1931 г.

14 июля 1931 г. «Кавказский поход давно значился в плане – еще осенью прошлого года. Сейчас нужно было выезжать поневоле. Все корпуса коммуны были разорены – началась перестройка и приспособление коммуны для нового большого коллектива 300 коммунаров. Коммунары после прощального вечера в ГПУ отправились ночью на вокзал и выехали утром на юг».

16 июля. «Прибытие коммуны во Владикавказ. Кавказ нас встретил проливным дождем. Нельзя было организовать обоз, нельзя было просто выйти из вагона. Только на другой день –

17 июля выступили в поход по военно-грузинской дороге, сопровождаемые обозом из 6 парных арб. На 8 километре вышли из дождя и весело зашагали по направлению к Тифлису. Ночевали в тесной школе, в Ларсе».

19 июля. «Уже подходили к станции Казбек, в 50 километров от города, как вдруг обнаружилось, что дорога вконец разбита Тереком и переправиться через разлив невозможно. Общее собрание у замка Тамары небольшим большинством постановило направиться в Тифлис через Баку. Отошли к деревне Чми, в 25 километрах от города, и остановились на ночевку, а во Владикавказ послали разведку позаботиться о поезде».

21 июля. «Только на другой день нам обещали вагоны, но обещания не выполнили, и колонии коммунаров со всеми вещами и провизией, заготовленной на всю дорогу до Тифлиса, пришлось садится в переполненный поезд. Эта трагическая история известна в истории коммуны под названием «Посадка в Беслане».

21 июля. «Утверждение нового состава правления. Утверждение проекта реорганизации производства. Утверждение набора в коммуну 150 человек».

23-25 июля. «Коммунары в Баку. На промысле Биби-Эйбат коммунары хорошо познакомились с нефтяниками и их делом. Салютовали знамени Биби-Эйбата, подаренному Харьковским горсоветом. Вечером были в рабочем парке, провели смычку с рабочими».

26-28 июля. «Тифлис. Древности Тифлиса, музеи, вечера в клубе ГПУ».

29 июля. «Коммунары в Батуме. Здесь нас особенно ласково приняли, угостили катанием на озере. Ночью просидели на пристани, а утром были на борту «Абхазии», чтобы плыть в Сочи».

31 июля. «Прибытие коммунаров в Сочи; разбит лагерь; целый месяц коммунары купались, отдыхали, дружили с обитателями домов отдыха и санаториев, ловили медведей, лазили по горам и с горячим интересом читали письма из коммуны, в которых описывались дела строительные. Эти дела определенно затягивались, и коммунары уже начинали нервничать. Выходило так, что возвращаться в коммуну некуда».

(Втор. рожд., с. 27-28).

Письма Г.С. Салько (Макаренко), 12 и 17, 18 августа 1931 г.

Сочи утро 12 августа 1931 г.

… Я все время в горячей работе, и поэтому мне трудно так отвечать на Твои письма, как бы этого хотелось. Сегодня после обеда целая куча наших матчей, куда нужно вести всю коммуну, а завтра утром я и Дидоренко[1] выезжаем на машине в Гагры и в Красную Поляну, чтобы разведать дорогу для предполагаемого марша. Думаем завтра же вечером и возвратиться…

Я Тебя страшно, восхитительно страшно люблю, но сейчас я в этом деле мало понимаю, я только люблю…

17/VIII 1 ч. дня

Красная Поляна

Приехали. Ребята пошли в лес «ловить медвежонка». Через час обед, уезжаем обратно. В Красной Поляне ничего нет, но дорога – чудо. Здесь какой-то благословенный рай… Между прочим, все смотрел, смотрел, выбирал место для нашей дачи…

18 августа 1931

… На обратном пути разговорились с Колькой Шершневым[2]. Он мне напомнил давнишнее (прошлого года) предложение группы старых горьковцев (Семен, Павлушка, Агнивцев, Супрун, Колька)[3] приобрести для этой группы и для меня дачу в Крыму или на Кавказе. Они, помнится мне, об этом говорили и даже рассказывали, что есть на примете разрушенная старая дача в Хосте. Сейчас мы этот план возобновили.

Ты не думай, что это просто мечты. Завтра мы собираемся идти в райземотдел и просить передать нам место для постройки дачи и передать нам остов одной дачи для приведения ее в порядок. Эту дачу мы с Колькой видели: не старое здание, в два этажа, каменное, но ничего кроме каменного остова нет. Нужно сделать остальное: полы, двери, окна, отопление. В ней найдется пять-шесть хороших комнат и, кроме того, общая столовая и кухня… Дача рассчитана на семейных жильцов, иначе говоря, ребята собираются приезжать туда с женами…

Это должно быть сразу после того, как мы станем с тобой на узколитературный труд, то есть на путь свободной профессии; в этом теперь и должна заключаться наша главная цель…

Горьковцы сейчас все народ денежный, и особенных затруднений насчет денег не будет. Если у кого немного не хватит, другой даст. Нужно будет приблизительно с каждого внести рублей восемьсот-тысячу…

Будь радостна

Твой А

«Ты научила меня плакать…», т. 2, с. 112-113, 117-120. Адресовано в Теберду, где Г.С.Салько находилась в санатории.

[1] Дидоренко С.А. – сотрудник ГПУ УССР, завхоз коммуны с начала января 1931г. С 27 июня 1935 г. – нач. уч.-восп. части коммуны им. Ф.Э. Дзержинского (после перевода А.С. Макаренко в Киев, до 31 июля 1936 г.).

[2] Шершнев Н.Ф. – воспитанник колонии им. М. Горького с 14 марта 1921 г. Окончив Харьковский медицинский институт в 1930 г., работал врачом в коммуне им. Ф.Э. Дзержинского. До этого в колонии им. М. Горького был фельдшером, в летнее каникулярное время.

[3] Упоминаются выпускники колонии им. М. Горького: С. Калабалин, П. Перцовский, П. Агнивцев, Г. Супрун, Н. Шершнев; см.: Именной указатель… // А.С. Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания… Часть 1, с. 350-353.

Письма Г.С. Салько (Макаренко), 20-22 августа 1931 г.

20 августа 1931 г. Сочи

… Я никогда не болею, Ты же знаешь, даже зубы у меня не болят. Левка тоже здоров, да иным и быть не может, раз под моим наблюдением. Мои медицинские методы. Ты же знаешь, они очень просты, зато люди от них не болеют. Плавает ли Левка далеко, не знаю, но не беспокоюсь – не утонет.

Сочинской спасательной станции с нашими пацанами сплошное несчастье. Целый день лодки гоняются за коммунарами, чтобы далеко не заплывали, а для коммунаров от этой погони одно наслаждение. Поймают одного, вытащат на лодку и везут. А ему того и надо – сидит, греется на солнце, а чуть к берегу подъехали, – прыг, и снова в воде…

Сейчас Лева ушел на экскурсию в Мацесту и на какие-то водопады в компании в шесть человек. Завтра утром возвращается. У нас сейчас вообще увлечение экскурсиями. Тратить деньги негде больше. 23-го выезжает человек тридцать в Сухум. Я наверное не поеду, а если поеду, дам Тебе об этом телеграмму…

Запросил Харьков, как там с ремонтом, ничего не отвечают, а нам уже нужно заказывать вагоны. Я так думаю, что к первому ехать некуда, надежд очень мало, что к первому будут окончены спальни и столовая, но и здесь оставаться тоже уже нельзя, кормить нас едва ли будут, и сейчас насилу держимся…

Сочи, 21 августа 1931

… Левка вчера возвратился с горной экскурсии. Загорел, только глаза блестят, и без конца рассказывает о горных чудесах…

22 августа 1931. Сочи

… Возвращение в Харьков откладывается до 15 августа (сентября – А.Ф.). В последние дни я почти не выходил из телеграфа. Здешний Горт[1], не получая от нас ни денег, ни продуктов, таки снял нас с довольствия. Я дал несколько телеграмм Когану с требованием денег. Вчера, наконец, дал молнию уже с требованием объяснений и получил в ответ молнию тоже: «деньги приготовлены, шлите Кавказа, требует Мазо»[2]. Если бы Коган вчера попался, я бы ему набил морду. Знает же, что мы на волоске со снабжением, и все-таки путает.

А путает только потому, что до сих пор не способен разобраться в наших финансовых отношениях. Я взял у него на экскурсию 30 000 рублей и столько же выплатил приблизительно по требовательным ведомостям коммунарам зарплаты, но он совершенно не способен отличать выдачи по зарплате от выдач из прибылей и за всякую тысячу лезет к начальству и кричит о том, что у него отнимают деньги. Пришлось разговаривать молниями с Мазо. Это стоит только за вчерашний день сто рублей, а мою злость не вымеряешь никакими мерами. Сегодня от Мазо получил сообщение, что деньги высылаются и что мы должны остаться до 15 сентября.

У нас немедленно возродилась идея ехать в Одессу. На стороне Одессы стоят решительно все. Сейчас запросили Одесское общество туризма об условиях приема коммуны, и завтра надеемся получить ответ. Потом придется согласовывать этот вопрос с правлением [коммуны]. Букшпана уже здесь нет – уехал в Одессу… Лагерь думаем отправить в Харьков, а в Одессе жить уже в помещении…

Без Тебя в коммуне я буду только полмесяца, да и те, наверное, истрачу на поездку в Москву…

На днях вышлю тебе сотню. На телеграммы. Покупай фрукты, Солнышко, не жалей денег, достанем.

Солнышко мое!...

«Ты научила меня плакать…», т. 2, с. 120-129.

[1] Городской отдел торговли.

[2] Мазо С.С. – тогда нач. ГПУ Харьковского округа (в это время председатель правления коммуны им. Ф.Э.Дзержинского).

Письма Г.С. Салько (Макаренко), 26-28 августа 1931 г.

26 августа 1931 г. Сочи

… Вчера в Харьков выехал Мартыненко с письмом к Мазо, в котором мы уговариваем его разрешить нам поход в Одессу…

Для того, чтобы этот поход не был опротестован Мазо, мы с Одессой связались раньше и вышло очень оригинально. Мы послали молнию в Одесское ОПТЭ[1] с вопросом,

на каких условиях они могут принять коммуну Дзержинского. Вместо ОПТЭ нам почему-то ответил горком: «питание обеспечивает ГПУ ждем будем встречать».

Не ожидая ответа Мазо, мы сегодня уже отправили Дидоренко в Одессу подготовить помещение и столовую…

Когда нет от тебя писем, день обращается в какое-то орудие пытки… Я, наверное, тогда похож на нашего медвежонка. Он еще не привык к неволе и страшно страдает. Задирает голову и смотрит на верхушки деревьев, ничего на верхушках не видит, смотрит на нас красными от тоски глазами, вдруг застонет тихонько и ляжет на землю, и вдруг вскакивает и с остервенением начинает рыть землю, разбрасывает колья, тряпки, кружки и всякий инвентарь, его окружающий. Это все он делает потому, что сегодня не получил письма…

Человек все-таки умнеет от собственного опыта. В это лето я постиг одну замечательную истину, которую раньше почему-то серьезно не занимала мои мысли. Эта истина: нужно дорожить каждой секундой общения с Тобой…

27 августа 1931 г. Сочи

… Как ни приходится тратить деньги в [этой] экскурсии, все же она обходится нам дешевле Харькова, а еще же прибавилась Твоя пенсия. Кроме того, я уже договорился с Букшпаном, что я получаю сейчас за неиспользованный отпуск. Значит, все далеко не так плохо.

Кроме того, я уверен, что скоро что-то такое определится с книжкой. Вот почему-то мне так кажется.

Кроме того, вчера у нас в лагере был корреспондент ПРАВДЫ. Конечно, пришел в восторг, называл меня гением. Говорил, что в Сочи все рассказывают о коммуне как о сказке, и пристал ко мне с вопросом, почему я не описываю своего опыта. Я ему рассказал о Марше тридцатого года. Он обещал в Москве поднять историю и тут же утешил меня, что это обыкновенная история. Что теперь даже такие писатели, как М. Горький, стонут от головотяпства и неразберихи. Уверяет меня, что книжка, конечно, будет издана, только вот волокита. А что Горький передал ее в ГИХЛ, это только доказывает, что он признал ее как художественное произведение…

В семь часов [вечера] все коммунары расходятся гулять. Многие идут в кино, многие в разные дома отдыха, где их принимают с радостью. Дидоренко идет к женщинам – их у него много, и он, кажется, не очень переборчив. У Кольки Шершнева тоже завелась «сестра». Левшаковы[2] в своей палатке варят чай. В красном уголке десяток ребят играет в домино и кричат на весь город. В нашей палатке Сенька Марголин[3] подводит какие-то счета, группа старших коммунаров договаривается с ним о разных хозяйственных мелочах…

Я свожу свои денежные выдачи за день, привожу в порядок счета, иногда что-нибудь зашиваю и завожу порядок в своих чемоданах. Потом выхожу к морю… А потом нужно устраиваться спать. Спать в палатке надоело: твердо и без Лисички скучно. Я все-таки вытягиваюсь на своем одеяле и тороплю Марголина тушить свет…

Завтра нам с Колькой назначили прийти для переговоров насчет Хосты. Здесь решим вопрос принципиально, а потом поедем в Хосту и посмотрим внимательно на дачу. Хорошо это будет или плохо, покажет дело. Во всяком случае пожить здесь август-сентябрь, а может быть и май, будет неплохо. Я держу затылок на свободную профессию…

Сочи, 28 августа 1931 года

… Сейчас идем в дом отдыха Совнаркома, а только что вернулись из Горта, в котором с самого утра торговались за наше питание. Все-таки выторговали 4000 рублей. Целый день у нас была паника – поздно вечером должен был прийти пароход, начали уже сворачивать лагерь, но так и не получили из Харькова разрешение на выезд в Одессу и потому отложили. Если получим разрешение, то выедем в ночь с первого на второе…

«Ты научила меня плакать…», т. 2, с. 129-138.

[1] Общество пролетарского туризма и экскурсий.

[2] Левшаков В.Т. – капельмейстер оркестра коммуны, автор мелодии коммунарского сигнала «знаменный салют» (1926 г., одновременно сигнал «на работу»), сочинил музыку и оркестровал марш «Дзержинец»; ноты и слова марша см.: Макаренко А.С. Марш 30 года. – М., 1967, с. 182-184. В «Типах и прототипах» – Левченко В.И.: А.С.Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания… Часть 1, с. 342.

[3] Марголин С. – киномеханик коммуны, выполнял и другие обязанности.

***Дополнение.* 1 сентября 1931 г. «Месяц в Сочи кончился. Решили поехать в Одессу, пожить там недельку и познакомиться с этим городом. Ночью погрузились на теплоход и 3 сентября были уже в Одессе. Пребывание в Одессе было испорчено плохой столовой, а самое главное – плохими вестями из коммуны. Наконец коммунары заявили, что они все равно едут домой, чтобы скорей помочь окончанию строительства».**

(Втор. рожд., с. 28).

Письма Г.С. Салько (Макаренко), 4-9 и 11-12 сентября 1931 г.

«Армения» 4 сентября. Утро

…После Ялты прошло всего четыре часа, и мы уже вошли на севастопольский рейд – ночь, я и проспал, благо Барбаров как-то выпросил каюту второго класса…

Мы своими завтраками, обедами, ужинами злим весь пароход… Столовая II класса занята коммунарами…

Больше всех злятся педагоги, их на теплоходе достаточно.

Публике наши пацаны очень понравились, но целый день на палубе и в каютах ведутся споры. Педагоги стараются найти разные недостатки, о которых мы с тобой слышали тысячи раз: дневальный, рапорта, салют, «есть». Я на одного всерьез разозлился:

— Чего нам спорить? Вы же ничего не понимаете!

— Ошибаетесь, товарищ. Я тоже педагог!

— Вот это говорит как раз против вас. Педагоги в деле воспитания разбираются совершенно неграмотно.

Публика хохочет.

— Но ведь вы сами педагог!

— Это случайное совпадение, не больше…

На пароходе отдохнуть не пришлось. Барбаров каким-то образом достал бесплатный билет, надел свой белоснежный костюм и больше всего наслаждается сознанием, что он пассажир первого класса. Даже обедать не выходит. Это тоже о твоей повести[1]…

3 часа

Обедали в столовой II класса. Хлопцы тихие и грустные, боятся скатертей и салфеток После обеда мечтали о заграничной поездке в следующем году и хохотали на всю палубу.

Одесса 6/IX

… Пишу в самой сложной обстановке – на улице – наши строятся на киносъемку…

7 сентября 1931. Утро

Одесса

… После завтрака идем в кино, «Красные дьяволята», 2 серии. Это нас угощает комсомол. Ребята кривятся, но угощение нужно принять.

После кино нас снимает сам Пудовкин[2], а вечером сразу после обеда идем в санаторий ГПУ в гости. Вот и весь день. А те немногие минуты, которые остаются в моем распоряжении, пока ребята переодеваются, мне надоедает целая куча людей – разные организации, приглашающие в гости, другие организации, просящие оркестр, киносъемщики, беспризорные, репортеры и, наконец, 156 коммунаров.

2 ч. дня.

Вот и есть у меня часок. Пудовкин прибежал и на коленях просил отложить на завтра. Он здесь снимает картину «Теплоход пятилетка»[3]. Третьего дня на улице он

влюбился в наши белые костюмы и в звуки нашего оркестра. Снимает он звуковую картину и потому аж дрожит от такого невиданного сочетания зрительной красоты и хорошего оркестра. А наш оркестр действительно против всех одесских – чудо. Сейчас Пудовкин плачет – в Одессе нет ни одного порядочного автомобиля, с которого можно было бы снимать, – все дрожат и портят картину.

На днях будем сниматься и для другого звукового фильма (Ленинградское Совкино), «Музыкальная Олимпиада»[4]. Главную роль здесь тоже играет все тот же наш оркестр…

Нужно в этом что-то упорядочить, и нужно мне быть трудолюбивее. А самое главное, разгрузить себя от коммуны. Сейчас она меня прямо губит.

А ведь у меня планы и материалы готовы – нужно окончить «Педагогическую поэму», а потом я буду писать большую книгу «Дисциплина», книга об отношении коллектива и личности[5]. Это не будет ученая книга или роман – это будет просто книга, где будет только то, что нужно сказать людям…

Одесса 8 сентября 1931

Утро

… Вчера провели вечер в санатории ГПУ. Самое сильное впечатление – плотно поужинали.

Торчание в Одессе становится просто глупым. Все примелькалось, все как будто видели, смычки сделались привычным надоевшим ритуалом с одними и теми же речами. Заводов никаких в Одессе нет. Одним словом, пора по-настоящему ехать домой…

Не знаю, удастся ли мне вырваться в Москву, разорвусь на части, а постараюсь это сделать до Твоего приезда…

Я долго-долго смеялся над потугами этой артистки. В час ночи мы маршировали по сонным улицам, а я все смеялся.

3 ч. дня. Почта

… Поговорил с Коганом, к 15 можно приезжать…

5 ч. вечера

… Должны были идти в детский городок им. Коминтерна[6], но что-то там такое замялось. Наши ребята уже немного познакомились с воспитанниками городка – они оборванные и грязные, цепляются на трамваи по окраинам города…

Ты мне не изменила?

9 сентября 1931 г.

Одесса

… Я по-настоящему тоскую и похож на доберман-пинчера, которого бросил хозяин. Нам в Сочи подарили доберман-пинчера, хозяин привязал его к нашей палатке и ушел. Собака сначала рвалась за ним, потом улеглась на мешке и плакала на весь лагерь до

позднего вечера, а на другой день она не ела, не пила, а молча простояла у входа в палатку целый день, не отрываясь глядя в ту сторону, куда ушел хозяин. Никто лучше меня не понимал доберман-пинчера, и я ему очень сочувствовал. Сегодня я и сам такой…

Вечер 9 сентября 1931

Сейчас идем в рабочий клуб. Холодно. Я Тебя люблю, Лисичка.

11/IX 31 Одесса

3 часа дня

Сегодня получил две телеграммы от Когана. Первая от 9-го – «мама сильно больна», вторая – «мать умерла»…

Это неожиданно. Коган 8-го говорил, что была нездорова и уже ходит. Это меня успокоило. Но тремя днями раньше Левшаков получил письмо от жены, в котором она написала, что мать плоха, я это письмо прочитал 6-го, но еще 5-го приехал Марголин из Харькова и сказал, что она совсем поправилась…

Еду сегодня вечером. Завтра вечером буду в Харькове. Надеюсь, что меня подождут. Очень боюсь, что Ты вернешься в Харьков раньше времени – этого ни за что нельзя делать…

Мудрой будь, как всегда, мое Солнышко. Мы с тобой знаем цену жизни и смерти…

12 сентября 1931

Кременчуг

… Проехал Крюков – родину, все запущено, запылено, видел крышу нашего дома…

Ты права, я не хочу никакого возврата – наше настоящее даже и при нашей бедности и глупости неизмеримо прекраснее прошлого, пусть даже оно и жестоко, а все-таки прекраснее. В прошлом не было и не могло быть тебя. Ты не могла быть такая…

О матери жалею больше, как о живом человеке, с которым рядом жили. Мучительно жалею ее, перенесшую старость, страшную старость без надежды и силы. Это самое тяжелое. Спасибо Тебе, ты принесла не только твою любовь, твою ласку и богатейший мир духа – мне. Ты принесла матери заслуженное ее трудовой жизнью – тихий закат, беззаботность, чистую рубаху и отдых, а, самое главное, Твое человеческое внимание…

Не знаю совершенно ничего, как так устроить с похоронами, просил Когана в телеграмме все приготовить…

Полтава

Тут кругом такие замечательные уютные поля, такие, как были в 1927 году, когда мы с Тобой ходили по зеленому земному шару, взявшись за руки…

Нет тебя и меня. Во мне половинка моя, половинка Твоя, и в тебе так. Наверное, и для матери это было понятно. Во всяком случае ее вечный страх, что она оставит меня одиноким, должен был у нее исчезнуть, ибо она успела увидеть Солнышко…

«Ты научила меня плакать…», т. 2, с. 139-153.

[1] О какой «твоей повести» говорит А.С. Макаренко, исследователям неизвестно.

[2] Пудовкин В.И. – советский кинорежиссер и теоретик кино; по роману А.М. Горького «Мать» создал фильм (1926 г.), который, наряду с кинофильмом С.М. Эйзенштейна «Броненосец Потемкин» (1925 г.), признан выдающимся достижением советского и мирового киноискусства. В его фильмах «Конец Санкт-Петербурга» (1927 г.), «Потомок Чингисхана» (1929 г.) звучит тема революционного преобразования человека, доминирует поэтический образ борющейся массы.

[3] Художественный фильм В.И. Пудовкина, вышел под названием «Дезертир» (1933 г.).

[4] Художественный фильм режиссера, сценариста и актера Е.В. Червякова.

[5] Есть сведения, что эту книгу А.С. Макаренко начал писать в Одессе («Ты научила меня плакать…», т. 2, с. 274).

[6] В Первом одесском детгородке им. III Интернационала А.С. Макаренко выступил в нач. окт. 1926 г. с докладом «Организация воспитания трудного детства», на Первой Всеукраинской конференции детских городков и колоний. В Одессе действовал также детгородок им. Октябрьской революции, его деятельность отражена в книге «Опыт коммунистического воспитания. От школы-коммуны к детскому городку имени Октябрьской революции», авт. С.М. Ривес и Н.М. Шульман. – Л., [1924]. С.М. Ривес – один из первых педагогов-ученых, кто стал пропагандировать идеи и опыт А.С. Макаренко (1941 г.).

Письма Г.С. Салько (Макаренко), 14-17 сентября 1931 г.

14 сентября, вечер

… Вчера хоронили маму. С самого утра шел проливной дождь, и так до самого вечера… Были Езерницкие[1], Коган, Татаринов, Шмигалев[2]…

На другой день я зашел в ГПУ, и там меня так захвалили, что освободился я только к позднему вечеру. Сложная путаница и с коммуной, и с ее приездом. Много напутал и запутал Барбаров, страшный специалист на всякую истерику и беспорядок. Благодаря его глупости коммуне придется пробыть в Одессе лишних два-три дня…

Мама заболела заметно 2-го числа: у нее расстроилось с желудком, что-то вроде дизентерии. Были врачи, Коганы сбили даже консилиум. К 5-му ей стало лучше, и доктора сказали, что она должна поправиться… Сама мама была уверена, что она больше не встанет, она говорила об этом открыто и сделала все распоряжения на случай своей смерти…

Удивительно, сколько нравственной силы нашлось у такой старухи: убедить всех людей, что меня нужно обманывать. На самом деле она надеялась дожить до моего возвращения… В 9-м часу приезжал доктор, и она умерла при нем, не приходя в сознание…

Фаня Довыдовна[3] была при ней часто. Аннушка[4] же от нее почти не отходила…

Когда поеду в Москву, не знаю, сейчас до приезда коммуны сообразить что-нибудь трудно. Надеюсь на Дидоренка и на коммунаров, придется назначить на хозяйственную работу Марголина, он оказался чрезвычайно способным парнем. Надеюсь в недельный срок выбраться из хаосов, и тогда можно будет вырваться…

Вчера вечером устроили поминки по маме, пригласил Коганов, Тимочку[5], Шмигалева и Анну Харитоновну. Спасибо Коганше, предоставила квартиру…

15 сентября

… Первый вывод такой, что никакого сногсшибательного темпа в открытии новой коммуны не будет, даже и ребят придется принимать постепенно, чтобы не кормить дармоедов.

Завтра еду на доклад к Мазо и все вопросы постараюсь поставить ребром, чтобы не было никакой недоговоренности.

Зато выясняются хорошие перспективы насчет будущей заграничной поездки. За эту поездку уже высказывались три члена правления [коммуны], хотя решаться вопрос будет, конечно, не нашим правлением…

Мы же на полтора месяца зафрахтуем «Армению», капитан «Армении» сам готов об этом хлопотать, а на «Армении» 400 спальных мест… Считай, там будет 300 коммунаров, человек 10 бывших коммунаров, человек 30 персонала, одна Лисичка, человек 70 иных пассажиров, изъявивших желание участвовать в нашем путешествии, это, конечно, будут большей частью чекисты.

Коммунары уже и места распределили: каюты первого класса персоналу, второго класса рабфаковцам и третьего класса молодым коммунарам. Ну, ясно, мы с Тобой получим двухместную каюту первого класса. На пароходе только специальный и машинный персонал будет от Совторгфлота, а остальные все наши повара, уборщики, наши хозяйственники. Продукты на всю дорогу, чтобы не тратить валюты, мы берем свои

– на пароходе есть холодильники. Капитан «Армении» как раз оборудовал и снабжал в Ленинграде «Украину» для ее рейса с ударниками…

Без всяких виз мы имеем право заходить во все порты, можем сходить на берег, только ночевать нельзя… Заходить будем в такие порты: Константинополь, Афины, Геную, Лондон, Гамбург. Может быть, к тому времени, говорил капитан, будет разрешено заходить и в Марсель. Марш коммунаров с красным знаменем по Парижу, это, оказывается, не такая уж далекая мечта.

Завтра с Мазо буду говорить о твоей работе в коммуне…

Такая поездка будет иметь огромное политическое значение – не только покажем Европе коммуну беспризорных, но еще покажем и дрессированную Лисичку – это достижение так достижение…

Мне, собственно, нужно говорить о твоем ненормальном партийном положении[6]…

Пожалуйста, будь здорова.

Твой Т…

[17 сентября 1931 г.]

… Для меня Лисичка и есть именно жизнь, поэтому мне всего четыре года, я умею ценить такую неожиданную находку, как родиться неожиданно в мире, уже будучи раз рожденным. Это значит религия. Ну, что Лисичка может понять в психологии религиозного человека…

В противном случае наша любовь была бы обычным скучнейшим парованием двух людей, и только…

… Сегодня приехали коммунары. Их встречало правление в полном составе, рабочие и наши строители. Сейчас они лазают по всей коммуне и все обнюхивают свежими носами.

Левка весел, здоров и бодр, сейчас моется и примеривает все свои костюмы. Не знаю, где его поселить: в бабушкиной комнате ему, видимо, не по себе, а в столовой у нас разорение – проводят дымоход новой кухни… На днях у нас в квартире произведут побелку, к твоему приезду все будет готово…

17 сентября 1931 г.

… Приехала коммуна…

Что ты понимаешь в интересности Лисичек, и в особенности в интересности моей Лисички. Ну, что Ты в этом понимаешь? Не больше, чем Твоя Мария Ивановна[7] в Бабеле[8] или Пильняке[9]…

Ведь так, пожалуй, многим людям слова какого-нибудь истасканного романса кажутся приятными по сравнению с Пушкиным…

«Ты научила меня плакать…», т. 2, с. 151-162.

[1] Езерницкие: О.М., двоюродная сестра Г.С. Салько и ее семья.

[2] Шмыгалев В.Д. – коммунар с 1927 г.

[3] Вероятно, жена С.Б.Когана.

[4] Анна Н., Аннушка – домработница в семье А.С. Макаренко (видимо. приходящая), Анна Харитоновна.

[5] Т.Д. Татаринов.

[6] Г.С. Салько была исключена из ВКП(б) как «механически выбывшая». 22 апреля 1930 г. ячейка профсоюза Работников просвещение обратилась к аппеляционной парттройке Харьковской окружной контрольной комиссии с объяснением: «3 года не работает по болезни (туберкулез)», «до болезни была активным членом партии, чуткий и хороший товарищ, интересуется партийной жизнью» (цит.: «Ты научила меня плакать...», т. 2, с. 274).

[7] Мария Ивановна, Маня, Марфа, Марфуша – домработница Г.С. Салько, затем в семье А.С. Макаренко.

[8] Бабель И.Э. – советский писатель; в циклах рассказов «Конармия» (отд. изд. 1926 г.), «Одесские рассказы» (отд. изд. 1931 г.) изобразил события гражданской войны в России как школу мужества и революционного самосознания, создал образы людей с экзотическими чертами характера, темпераментных, сильных духом.

[9] Пильняк Б.А. – советский писатель, один из первых бытописателей революции; в произведениях «Голодный год» (1921 г.), «Метель», «Иван да Марья» (1922 г.), «Машины и волки» (1928 г.) смело обнажал ее коллизии, в трагическом столкновении революционного взрыва и патриархального быта.

***Дополнения.* 17 сентября. «Возвращение коммуны в Харьков. Спать негде, учиться негде; расположились прямо на полу в столовой.**

Утверждение проекта строительства дома ИТР (инженерно-технических работников – А.Ф.) коммуны. Установлен срок выпуска первой электросверлилки на 1 апреля 1932 г.

18 сентября. Объявлен первый коммунарский штурм – окончанию строительства. Во главе штаба штурма – т. Броневой (Броневой А.О. – тогда пом. нач. Экономического управления, нач.

транспортного отдела ГПУ УССР, зам. предс. правления коммуны им. Ф.Э.Дзержинского – А.Ф.). Штурмовые колоны коммунаров бросились на непривычную работу: бетонирование, подноска кирпичей, разборка лесов, планирование площадок, устройство цветников. Конец работы был назначен на 7 ноября, но в успехе многие сомневались.

22 сентября. Выборы совета командиров XIII созыва. ССК – Швед. Это был самый энергичный, самый боевой и самый победоносный совет. Очень трудная работа по строительству была еще более отягчена приемом новеньких, которых нужно было подготовить к работе на заводе.

30 сентября. Посылка вербовочных комиссий по Украине для набора новеньких.

1-18 октября. Прием в коммуну первой полусотни новых коммунаров.

7 ноября. На торжественном заседании коммуна рапортует об успешном окончании строительства завода и монтаже станков.

13 ноября. Массовый набор под руководством т. Букшпана беспризорных с вокзала. Взвод беспризорных встал в строй коммунаров и маршем (с оркестром и знаменем – А.Ф.) был приведен в коммуну. Здесь было совершенно торжественное сожжение их одеяний и они вступили в коммунарский коллектив. (Художественное описание этого: т.6, с.101 - А.Ф.).

27 ноября. Посещение коммуны председателем ВЦСПС тов. Шверником и народным комиссаром труда тов. Циханом».

(Втор. рожд., с. 28-29).

Протоколы заседаний совета командиров коммуны, **22 сент. 1931 г. – 1 янв. 1932 г. (выборочно, только о новом в содержании его работы). В заседаниях периодически участвуют Дидоренко, Барбаров («политрук»), С. Коган и др. 27 сент. с участием «членов правления коммуны». 28 сент. Макаренко отмечается не как «зав. коммуной», а «нач. коммуны».**

Назначение помощников командиров отрядов. Макаренко: «Сергиенко не может командовать отрядом, и в крайнем случае –

передать командование помощнику, а за плохой разговор с зав. коммуной и товарищами – строгий выговор в приказе».

4 окт.: предложение А.С.Макаренко «послать в Деткомиссию при ВЦИКе открытое письмо о наших предложениях по ликвидации беспризорности» – принято. (Документ может быть выявлен исследователями. Новая волна беспризорности возникла в СССР в результате засухи, неурожая на Украине и в некоторых районах России, что до крайности обострило продовольственную проблему в стране, осуществляющей индустриализацию. – А.Ф.).

7 окт.: «Распределение всех добровольцев-коммунаров в штурмовую колонну и избрание начальников постов (командиров)». Распределение работ по отрядам на строительстве.

11 окт.: «присутствует инженер Векат; доклад инженера Харьковского электромеханического завода Горбунова об изготовлении ручной электросверлилки» – принято к сведению. Прием в коммуну – по 1-2 чел.

28 окт.: «О работе 10 отряда сверхурочно, без разрешения нач. коммуны, ССК и Совета командиров. Макаренко считает, что это самое позорное для коммунаров. Предлагает их не наказывать, а вынести общественное порицание, в приказе» – принимается.

30 окт.: «присутствуют А.Броневой, зам. наркома СССР М. Хлопянкин, М. Букшпан». Об окончании строительства; постановили: «Мобилизовать все силы коммунаров, обратиться к рабочим, чтобы помогли в строительстве. Заявление А. Броневого о присылке 100 допровцев (содержащихся в Доме предварительного заключения – А.Ф.) отклонить. Сами справимся, сами пустим завод».

А.С. Макаренко – о выполнении промфинплана за октябрь: «пока ничего; прорыв из-за строительства покрыть после его окончания».

5 ноября: присутствуют А.Броневой, М.Букшпан. О приеме в коммуну Цукермана, отпуске на 3 дня Фомичева и др. 6 ноября: «Премировать Дидоренко, Лейтеса и Серого. Наградить званием почетного коммунара Броневого А.О. и Букшпана М.М.»

9 ноября: «Выборы штабов отрядов. Штаб 19 отряда, 3 чел., и 20, 21 отрядов. Плата на строительстве: «по 1 руб. в день, кроме явных симулянтов» (19 чел., пофамильно).

«Послать письмо в Общество старых большевиков» – поручить С. Шведу. Назначение штабов 22-25 отрядов (по 3 чел.).

19 ноября, присутствуют Козельский, Георгиевский. С. Коган: о снабжении нового производства материалами – принимается к сведению. К 1 февр. планируется закрыть столярно-механическую мастерскую. О пожарной команде (инструктор, комендант здания и 6 коммунаров). «Просить т. Козельского поставить в правлении вопрос о воде из города и о постах милиции. Дидоренко просить об инструкторе пожарной команды».

24 окт. и далее – «Информация пожарной комиссии, т. Марголин». Прием Л.Салько в отряд. Предложение правления: «связаться с другими колониями» – немедленно приступить к этому. Доклад общезаводской производственной комиссии и штаба соцсоревнования – «признать работу неудовлетворительной». Отчет командиров 15-18 отрядов – «признать работу хорошей, объявить благодарность в приказе, Торской поставить на вид».

29 дек.: «о генеральной реорганизации отрядов» – Макаренко и Шведу предложить составить проект новых отрядов, т.к. будет 31 отряд, – «выделить из состава СК президиум». Будет штатный пожарник, дежурство пожарных прекратить. Бюро ЛКСМ предлагает СК «за добросовестную и энергичную работу наградить Макаренко званием почетного коммунара» – принимается.

1 янв. 1932 г., протокол № 36, заседание СК в новом составе. Президиум СК – 5 чел. (С.Швед и др., без А.Макаренко). Зам. СК – Землянский. Проект А.Макаренко о спальнях – принимается. «Станки старого производства отдать Гиевской колонии им. Петровского» – по определению комиссии, 7 чел., (Макаренко, Швед, Дидоренко и др.).

«Предс. правления коммуны т. Мазо С.С. уезжает в Москву, его надо провожать» – предложить общему собранию избрать его почетным коммунаром и образовать делегацию, 3 чел., на проводы. Распределение билетов в театр. О связи с ХЭМЗом – «устроить вечер смычки, 29 янв.»

В рассматриваемый период – традиционные вопросы: распорядители по театру коммуны, на 1 месяц; поручить 1 отряду

выработать «правила порядка в театре»; «посты – у обоих парадных»; «Студецкий не сдал 7 зачетов – предложили к 1 дек. сдать»; реакция на плохое отношение отдельных коммунаров к своим обязанностям (выговор в приказе, Сопина оставить командиром отряда; Козыря, Скребнева и Гете снять с командиров отрядов и др.); Швед: «установить утреннюю проверку чистоты помещений»; перевод из отряда в отряд и др.

Нач. коммуны *А. Макаренко*, **ССК** *С. Швед*

РГАЛИ, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 383 (2).

Приказы по коммуне, **1931 г., 23 окт. – 15 дек. Приказ № 242, 23 окт.: «Выражается благодарность коммунарам Бондаренко М., Боярчуку и Дорохову за добровольную ударную работу по приведению в порядок столовой. Предлагается всем коммунарам являться в столовую не позже 10 мин. после сигнала в столовую».**

«Разрешается играть на рояле коммунарам Вовченко, Жмудскому и Соколовой; им оповещать дневального каждый раз о начале и конце игры». При коммуне 3 медведя; «назначаются к медведям 3 коммунара, с оплатой из фонда СК: 16 и 6 руб. в месяц». На этом приказе и некоторых других далее вверху или внизу, рядом с подписью А.С. Макаренко и СК, – удостоверяющая подпись, неразборчива (но явно – не Максимова и не Судакова). Далее приказы до 3 дек. отсутствуют.

3 дек., № 281: сводные отряды, временные, производственные, со сдачей вечерних рапортов; назначение инструкторов, монтера, уборщицы, «консультанта по организации производства». «Коммунар Гете за побои арестуется домашним арестом в кабинете нач. коммуны на полные 2 дня отдыха, 5 и 10 декабря». «Пом. командира 21 отряда снимается, за побои», назначается другой.

7 дек., № 286: согласно постановлению СК – «новый порядок утренней проверки»: за 5 мин. до сигнала на завтрак – сигнал «общий сбор», в спальнях, встреча «смирно» нач. коммуны, ДК и ДЧСК, с обычными приветствиями (посещение на выбор одной-двух спален), проверка – умывание, прическа, костюм, коммунарский значок, уборка спальни, застилание постелей.

По сотрудникам коммуны: назначение, оплата, уход в отпуск и возвращение из него. «По охране коммуны устанавливается с 2 дек. пост милиции».

10 дек.: перевод коммунаров из одного отряда в другой; отряды – 1 и 1 бис – 24чел.; в отрядах по 6-17 чел., с наличием «свободных мест» – от 2 до 5, состав отрядов поименно (есть Иванов – IV, Братин – II, Куслий – II, Конисевич – II, Соколова - II, Никитин – III, Романов – II, однофамильцы или родственники).

«Согласно постановлению СК объявляется благодарность за хорошую работу в отряде новеньких: по 15 отряду – командиру Землянскому и его помощникам Камардинову и Буряку, с донесением о их работе правлению коммуны; по 16 отряду – командиру Долинному и его помощнику Гапееву; по 17 отряду командиру Красной и ее помощникам Сидоренко и Крендясовой; по 19 отряду командиру Пихоцкой и ее помощнику Павловой; ставится на вид пом. командира 18 отряда Торской за плохую работу в отряде».

«Предлагается всем мастерам цехов старого производства представлять нач. коммуны ежедневные сведения о выполнении норм коммунарами на работе». Зачисляются на довольствие и в отряды, школьные группы вновь прибывшие коммунары: «в 9 отряд и старшую А группу, в 5 отряд и старш. А. гр., в 6 отр. и ст. Б гр., в 19 отр. и I курс рабфака»; снимается с довольствия, отправляется в коллектор Линник; на довольствии 285 чел.»

12 дек.: «строгий выговор за халатное отношение к своим обязанностям» – кочегару. «Командиру сторожевого отряда т. Агееву ставится на вид за халатное отношение к обязанностям». «Выноска лыж из спортзала разрешается только через ход спортзала». На довольствии 295 чел. 15 дек.: согласно пост. СК «объявляется строгий выговор за некоммунарское и вздорное поведение на производстве» – 10 коммунарам. «За неявку на важный совет командиров арестуются на один полный выходной день командиры отрядов тов. Пивень, Семенов и Сопин». Отдельные переводы коммунаров по тем же рабочим сменам, цехам и участкам. Снятие с производства (как наказание) отдельных коммунаров.

«Оплата на новом производстве впредь до введения сдельной системы: во время учебы – 1 руб. 50 коп. в день, на производстве – 3 руб. в день».

Нач. коммуны *А. Макаренко*, **ССК** *С. Швед*

12 дек. – подпись не А. Макаренко. 12 дек. – «за нач. коммуны – Ард...» С 10 дек. – 3-я подпись (неустановленного лица, см. ранее).

РГАЛИ, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 388 (3).

7 января 1932 г.: Празднование 4-летия со дня основания коммуны. А.С. Макаренко преподнесен Приветственный адрес (в кожаном переплете, с золотым теснением (1927-1931гг. Эмблемы коммуны. Дорогому Антону Семеновичу Макаренко от коммунаров-дзержинцев); приветствие написано от руки, печатными буквами, с первой заглавной буквой-заставкой):

«Дорогой Антон Семенович,

Разрешите Вас, в 4-ю годовщину коммуны, поздравить с достижениями, которые имеются в коммуне благодаря Вашему твердому и умелому руководству.

Заветы Ильича, директивы партии в борьбе против беспризорности, за политехнизацию, за кадры социалистической промышленности претворяются Вами в жизнь.

Ваше желание – видеть в беспризорном человека, умеющего работать и могущего стать полезным членом общества, Ваша уверенность в том, что нет таких ребят, которых нельзя перевоспитать, подтверждаются результатами Вашей долголетней работы.

Ваши воспитанники теперь уже врачи, инженеры, литераторы, квалифицированные рабочие.

300 коммунаров поставлены Вами на верную дорогу.

И сейчас наша коммуна, единственная из всех детских коммун, воспитывается самим же коллективом коммунаров. Воспитателей у нас нет – есть коллектив.

Четкость в работе, строгое выполнение ее, ответственность за работу, воспитываемая советом командиров и общими собраниями, под идейным руководством партии и комсомола, является верным залогом воспитания здорового коллектива...

Вы, Антон Семенович, с первых дней существования коммуны поставили цель дать образованные кадры культурных и честных рабочих, которые будут полезны на всех фронтах нашего социалистического строительства.

Вы для нас – лучший друг и товарищ.

Вы сумели влить в нас чувство дружбы, радости, желание работать и учиться, ценить коммуны и любить ее как родной дом, как очаг культуры и воспитания новых людей, уважающих и ценящих труд.

Вы бичуете наши недостатки и умеете учить нас делу чести и доблести.

За это мы любим Вас и стараемся всегда внимательно относиться ко всем Вашим указаниям и замечаниям. Больно слушать Ваш укор, но зато всегда приятно заслужить Ваше одобрение.

Желаем Вам сил для дальнейшей упорной работы по воспитанию нового человека.

По поручению общего собрания
Совет командиров и Бюро ВЛКСМ
7 I 1932»

Далее на 2-х страницах 99 подписей-автографов воспитанников и некоторых педагогов коммуны. Различаются: Тулецкая, В. Клюшник, В. Токаренко, Панов, Харланова, Вехова, Векслер, Сопин, Бондаренко, Марусиченко, Яковлев, Готман, Белостоцкий, Куприй, Ефименко, Оноприенко, Сторчакова, Татаринов, В. Терский, Бобина, Джуринская, Литвинова, Соколова, Белянова, Липова, Дроздова, Сидоренко, Носик, Мороз, Теслин, Акимов, Лазарева, Н. Пащенко, В. Жмудский, В. Козырь, Герцкович, Клямер, Мельник, Беляков, Демьяненко, Глоба, Ткачук, Яновский, Анисимов, Костин, Кирюхин, Павлова, Власов, П. Куслий, Алексюк, Гуртовенко, Семенов, В. Камардинов, С. Коган. Тут же – Приветственный адрес сотрудников коммуны, с их подписями.

(Макаренко А.С., Пед. соч.: В 8 т. Т. 8, с. 124-125).

7 января 1932 г. «Торжественный пуск Г.И. Петровским первого в Союзе завода электросверлилок коммуны им. Ф.Э. Дзержинского.

11 января. Выпущена первая электросверлилка.

18 января. Объявлен второй коммунарский штурм по случаю неудовлетворительного выпуска продукции.

20 января. Число коммунаров достигло 300 человек.

(Втор. рожд., с. 29).

Из протоколов совета командиров коммуны, **1932 г., 20 янв. – 30 февр. 20 янв.: С. Швед обратил внимание на ссоры в некоторых отрядах; постановили «заслушивать отчеты командиров этих отрядов». Есть «сигналы о кражах» – установить вход в спальни [индивидуально] только по ордерам (разрешениям – А.Ф.) ДК. «В коммуне развелись парочки» – с 11 часов не позволять «шататься» по территории; «всем коммунарам побольше делать замечаний мальчикам».**

Далее: Выпускается Токаренко, с обеспечением одеждой и 100 руб. О выделении делегации к тов. Ред... (неразборчиво – А.Ф.) – определено 3 чел. Отчет 25 отряда, последнего в соцсоревновании – перевести одного коммунара в другой отряд, вместо него Конисевич, помощником командира. Отчет командира 14 отряда: мешает С.; оставить его без отпуска на 1 месяц. Жмудскому, не командиру, – «обратить внимание на свой отряд». Другой коммунар: «плохо ведет себя, курит в цеху» – «отправить к родителям».

Сторожевой отряд, 18 чел. – на 1 мес. Старшая хозяйка не справляется – назначение другого. О помощниках командиров. Макаренко: об обязанностях новых командиров – принимается к сведению.

Нач. коммуны *А. Макаренко*, **ССК** *С. Швед*

РГАЛИ, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 383 (2).

2 февраля. Утверждение годовой программы выпуска 7.000 штук электросверлилок.

21 февраля. Посещение коммуны делегацией писателей, литераторов и поэтов Москвы и Ленинграда».

(Втор. рожд., с. 29).

Из приказов по коммуне, **1932 г., 18 февр. – 11 марта. 18 февр. «Работы производятся по приказу коммуны № 25». Согласно постановлению СК – переводы из отряда в отряд. Отдельно – переводы по производству. 26 февраля: среди дежурных еще «ДП –**

Гапеев» (деж. пожарник). «Адамовский назначается на должность счетовода с месячным испытанием и жалованием 100 руб., с 25-II». То же – о должностях токаря-инструментальщика, конструктора. Изменение расценок на детали. На довольствии 304 чел.

28 февр.: «Подтверждается старое правило коммуны: никто не имеет права приказывать сигналисту давать какой-либо сигнал, кроме дежурного командира… Распоряжение о сигнале, данное хотя бы начальником коммуны, не должно выполняться, если оно дается непосредственно сигналисту». «Подтверждается распоряжение совета командиров, что вечерняя уборка коридоров сдается обязательно начальнику коммуны».

«Инженера Андреева считать назначенным инженером по организации нового производства, с 15 июля по 1 XI , с окладом 350 руб. в месяц». Увольнение посудомойки. «Т. Иткин снимается с заведования столовой служащих и назначается зав. клубом коммуны, с 28 февр. 32 г.»

2 марта, № 39. «С утра все по нарядам командиров, по приказу № 39». «Распределение работ по уборке помещений – на март; 31 отряд; сторожевой отряд под командованием коммунара Шведа, 18 чел. (вкл. девочек). Ст. хозяйка – Борисов, санитарка – Колесникова.

«Согласно постановлению пед. совета – перерыв занятий в подготовительных группах и на рабфаке, 1-6 марта».

«Согласно постановления общего собрания коммунаров второе знамя коммуны (полученное, видимо, в связи с ее 4-летием – А.Ф.) передается 20 отряду как имеющему лучшие показатели по дисциплине и быту за февраль. 25 отряд, имеющий самые слабые показатели, получает рогожное знамя, которое обязан держать в спальне на видном месте». Назначение собрания II курса рабфака – «о дисциплине и успешности».

5 марта: «Согласно постановлению совета командиров все отряды коммунаров распускаются, организуются новые, хозрасчетные отряды», 12 отрядов, по 8-16 чел. Указание на командиров и №№ спален (отряд – обычно в 2-3 спальнях). «В новые спальни – после 2-го ужина, под руководством комиссии (из 3-х человек). Разрешается переносить только одежду, постели, книги».

11 марта: «Совет командиров приветствует тов. Чарского с тем, что он добровольно идет в ряды РККА (Рабоче-Крестьянской Красной Армии – А.Ф.) и наказует везде и всюду не забывать, что он был коммунаром-дзержинцем»; из фонда СК ему выделяется 100 руб.

Согласно постановлению СК «за некоммунарское поведение, за курение в цеху Конисевич – II отправляется домой к родителям; за курение без разрешения СК Волошину выносится строгий выговор с предупреждением: при повторении не получит карманных денег».

«О допуске (без ссылки на СК – А.Ф.) к исполнению обязанностей инструктора, чернорабочего, слесаря-инструментальщика» (на 2, 4 недели, с какого числа), а также «строгальщика вечерней смены, учетчика, токаря нового производства, токаря-инструментальщика, агента». Особо – «о зачислении в штат», в т.ч. преподавателя – с какого числа и с каким окладом.

«Всем коммунарам на вредном производстве (литейная, кузница) – спецпитание, с 13 марта». На довольствии 300 чел.

Об опозданиях на работу инструкторов, инженерно-технического персонала и служащих коммуны: «под личную ответственность начальников частей – строгий учет своевременного прихода на работу, сообщать о разгуливаниях коммунаров в часы работы».

Нач. коммуны *А. Макаренко*, **ССК** *Швед*

11 марта: «Врид нач. коммуны *Букшпан* **(замена А.С. Макаренко в связи с его отъездом в Москву – А.Ф.).**

Секретарь коммуны *Назаренко* **ССК № 22** *Швед*»

РГАЛИ, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 388 (3). Далее приказы за 1932 г. отсутствуют.

11 марта: общее собрание ячейки ВКП(б)У и ЛКСМ колонии им. М. Горького постановило:

«… Имея в коллективе до 400 человек бывших беспризорных, организованных по типу производственно-бытовой коммуны, колония не имеет перспектив по усваиванию этим коллективом [производственных] квалификаций…

Колония Горького однотипна с коммуной имени Дзержинского как в отношении детского контингента, так и в плоскости организационных форм.

Принимая во внимание все вышеизложенное, а также то обстоятельство, что инициатива исходит из недр самого детского коллектива обоих учреждений в части федеративного объединения, а также принимая во внимание желание бывших горьковцев (ныне дзержинцев) иметь одну систему управления, – собрание постановляет:

Поручить треугольнику (зав. колонией, секретарям ячеек КП(б)У и ЛКСМ – А.Ф.) поставить перед ГПУ УССР вопрос об организации комбината из двух детских коллективов – коммуны имени Дзержинского и колонии имени Горького – под общим руководством Правления коммуны имени Дзержинского...

Секретарь ячейки КП(б)У – подпись

Секретарь ячейки ЛКСМ– подпись».

(Макаренко А.С. Пед. соч.: В 8 т. Т. 8, с. 159-160).

Письмо сотрудников и воспитанников колонии им. М. Горького правлению коммуны им. Ф.Э. Дзержинского:

«...Учитывая, что колония имени Горького и коммуна имени Дзержинского имеют одинаковые задания и целевые установки и одинаковый контингент детей, что оба эти детских учреждения имеют много общего в своей истории и традициях в воспитательной работе, коллектив сотрудников и воспитанников детской колонии имени Горького считает наиболее целесообразным объединение с детской коммуной имени Дзержинского.

В соответствии с таким решением вопрос об объединении двух колоний был поставлен перед отделом наробраза Харьковского горсовета. Со стороны последнего эта идея встретила сочувствие и согласие. Теперь мы ставим этот вопрос перед Правлением детской коммуны имени Дзержинского с просьбой рассмотреть его по существу и принять под свое руководство колонию имени Горького...

Зав. колонией – подпись

Секретарь ячейки КП(б)У – подпись».

(Там же, с. 250).

Письмо 11-му отряду дзержинцев

Товарищу Черному и 11-му отряду.

Спасибо, товарищи, что пишете письма, и в особенности товарищу Черному. Получил ваши два письма и очень рад, что в коммуне все благополучно. Только не понимаю, как это начальника коммуны отделили от Шведа и зачем?

Прямо замечательно, что вы держите хорошо дисциплину, я так и знал, да и при мне дисциплину больше держали вы, чем я.

Отчего вы не пишете, что слышно про колонию им. Горького, как скоро будет соединение двух колоний и на каких правах?

Я здесь целый день работаю – пишу книги о дзержинцах[1]: о вас можно написать много интересных книг, и их с охотой будут все читать.

Целый день пишу, а вечером гуляю – хожу в театры. В Москве замечательные театры и замечательно играют. В кино не был ни разу.

Здесь настоящая весна, снег лежит только по дворам, а на улице его вывезли или сварили. Я первый раз в жизни видел, что снег варят. Поставят большие такие чаны и целый день варят снег, он растапливается и водой просто сбегает по улицам.

В Москве сейчас поражает большое движение на улицах, через улицу перейти довольно трудно, нужно ожидать, пока милиционер остановит поперечное движение.

Мне из коммуны никто из пацанов не пишет, а обещали писать многие, не пишет и Швед, не пишут и девочки.

Если еще будете писать, то напишите:

Начали ли шить белые парадные костюмы?

Что слышно нового о летней экскурсии? (Летнем походе – А.Ф.).

Все ли коммунары здоровы?

Начали ли работать внутришлифовальные и автомат Самсон Верке[2]?

Как работает четырехшпиндельный Гильдемейстер?

Как налаживается сборка?

Какой отряд идет первым по дисциплине[3]?

Началось ли соцсоревнование по производству?

Как проходит весна в коммуне?

Как ведет себя Томов? Завьялов? Шаронова?

Как идут дела в новом оркестре[4]?

Пишите, буду очень благодарен.

Пишите.

Будьте здоровы. Крепко жму ваши руки.

Ваш *А. Макаренко*

22/III 1932 г.

Макаренко А.С. Пед. соч.: В 8 т. Т. 1, с. 135-136. Послано из Москвы, где А.С. Макаренко, будучи в отпуске с начала марта 1932 г., писал книгу-очерк «ФД-1». Перечень заданных им в этом письме коммунарам вопросов говорит не только о том, чем интересовался он в своей педагогической работе, но и о том, каков был круг забот, интересов коммунаров в их повседневной жизни.

[1] Слово «книги» указывает на то, что он работал в это время и над «Маршем 30 года», учитывая замечания и предложения редакции Гос. изд-ва худож. лит-ры.

[2] Здесь и ниже говорится об импортных станках той или иной марки.

[3] Из сказанного становится ясным, что «междуотрядное соревнование» – это в сущности соревнование по дисциплине.

[4] Имеется в виду второй духовой оркестр коммуны, «маршевый».

Дополнение. **Письмо Букшпана М.М. Макаренко А.С. 26 марта 1932 г.: «Дорогой Антон Семенович! Ваше письмо меня поразило. Нет вопроса о «снятии» Вас. Некоторые изменения в составе правления [коммуны]: председателем [стал] Карл Мартынович (Карлсон – А.Ф.). Соломон Самойлович (вероятно, С.С. Мазо – А.Ф.) совсем отошел от коммуны. Зам. – Александр Осипович (Броневой – А.Ф.). Букшпан – в правлении, членом. Повседневным руководителем, врид. начальника [коммуны] мы ввели Максимова, который только из любви к коммуне согласился на эту работу...**

Учитывая, что при коммуне большой завод, с огромными зданиями, а также переход строительства 1932 г. непосредственно к коммуне, рост [численности] коллектива и пр., как Вам известно, - обстоятельства, которые требуют во главе всего поставить старого члена партии и хорошего чекиста, который бы являлся идейным руководителем всего этого дела...

Максимов, возможно, к этому подходит. Без Вас проводить все это не станем. Даже если будем, то при одном непременном условии: права, обязанности, опыт, знания, умения и практицизм Антона Семеновича ни в коей мере не будут и не могут быть ущемлены. В этой части, организационных форм, мы с Вами договоримся и безусловно сладим.

Ваши письма коммунарам не могут вносить нездоровые элементы в общую обстановку коммуны.

Готовимся к перевыборам СК. Коммунаров – 308, комплект полный. Кочубиевский (инженер – А.Ф.) прикомандирован на 2 месяца к производству. Георгиевского (инженера – А.Ф.) освобождаем, взамен него Горбунов. Удалил из коммуны через СК двух братьев. Один – «застрельщик пацанов-курильщиков» в деревообделочном цеху.

Приезжал фельетонист Рыклин из «Правды», напишет очерк для «Октября» (журнал – А.Ф.). Готовим коллективный очерк в «Комсомольскую правду».

Швед развинтился, ужасно демобилизационно настроен, Вы должны его прибрать к рукам, он ужасно избалован.

О горьковцах – прилагаю документы. Вопрос пока не решен.

Ваш *М.М. Букшпан*

Харьков 26/III-32

После Вашего отъезда я усиленно и активно взялся за коммуну, бывая там часто и много. Через несколько дней выяснилось, что мне не удастся повседневно руководить коммуной, ввиду большой служебной загрузки и частых разъездов».

(РГАЛИ, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 309, лл. 1-2).

Коммунару Черному

14 апреля 1932

Дорогой товарищ Черный!

Спасибо тебе и Матвееву, что не забываете меня. Благодаря Вашим письмам я знаю все, что делается у нас в коммуне, и задаром не беспокоюсь.

Хлопцы наши молодцы, что держат дисциплину и порядок, я за это им страшно благодарен.

О колонии им. Горького интересно: как же это устроили праздник и не сумели удержаться от пьянства?

Тимофей Денисович[1] писал мне, что у нас плохая весна, а Вы пишете, что хорошая. Как же так? А в Москве весна прямо на ять: солнечные дни, уже кругом сухо, почти как в Крыму.

Спасибо, что пишете. Скоро буду в Харькове.

Передай привет Матвееву, Богдановичу, Коломийцеву, Студецкому, Анисимову, Сычеву и всем коммунарам.

По коммунарам соскучился.

Передай привет этому ленивому Степану Акимовичу[2], который не хочет со мной переписываться.

Твой *Макаренко.*

Макаренко А.С. Пед. соч.: В 8 т. Т. 8, с. 47-48.

[1] Т.Д.Татаринов, в это время, видимо, зав. учебно-производственной частью коммуны.

[2] С.А.Дидоренко.

***Дополнение.* С 15 апреля 1932 г. А.С.Макаренко не нач. коммуны, а начальник ее педагогической (учебно-воспитательной) части коммуны. И.о. начальника коммуны – Максимов. Затем нач. коммуны – И. Судаков. (1933 г. – Тепер, далее – Марусинов, Тихонов, Берман).**

Весной 1932 г. **группа коммунаров, члены бюро комсомольской ячейки коммуны: А.Гапеев, В.Камардинов, А.Оноприенко, Л.Тулецкая, Л.Конисевич – в парадной форме, на автомобиле (шофер коммунар Т.Боярчук) посетили ответственных лиц: заместителя председателя ОГПУ УССР К.М.Карлсона, председателя правления коммуны; командующего восйсками Украины и Крыма И.Э.Якира; председателя Всеукраинского ЦИКа Г.И.Петровского; председателя ОГПУ УССР В.А.Балицкого – и вручили им рапорты о выпуске продукции заводом коммуны, передали подарочные коробки с электросверлилками (В штабе командующего их принял его адъютант; Министерство обороны участвовало в создании коммунарского производства).**

О выполнении этого задания коммунары доложили А.С.Макаренко; о замечании К.М.Карлсона (заметившего небольшой дефект на корпусе электросверлилки) он сказал: «Это всем нам хороший урок. Собираемся конкурировать с западными фирмами, а брак не видим...». (Дается по кн.: Конисевич Л. Нас воспитал Макаренко. Записки коммунара. – Челябинск, 1993, с. 257-259).

Из книги-очерка «ФД-1»

… 3. История производственного фона

Когда-то, в первой молодости, я написал рассказ[1] и послал его Максиму Горькому. Получил от Горького письмо, в котором между прочим было написано:

«...рассказ написан слабо: не написан фон...»

Тогда письмо Горького отбило у меня охоту заниматься художественной выдумкой. Но и теперь, когда мне выпало на долю описывать художественную правду, я всегда со страхом вспоминаю:

— Стой... А фон? Написан ли фон?[2]

Действительно, жизнь ста пятидесяти коммунаров-дзержинцев осенью 1930 года рисовалась на определенном фоне, мы все этот фон замечали. Только этот фон не торчал отдельно на заднем плане картины, а выпирал вперед, расплывался по лицам переднего плана и вдруг начинал играть на первых ролях, оттесняя в сторону специально назначенных для этих целей персонажей.

Привез этот фон из Киева все тот же Соломон Борисович.

Очень жаль, что Ильф и Петров истратили но пустякам прекрасный термин: «великий комбинатор»[3]. Их герой имел гораздо меньше права на это звание, чем Соломон Борисович, и занимался он какими-то стульями, между тем как Соломон Борисович – прежде всего производственник.

Соломон Борисович в нашей поэме играет не последнюю роль. По всем правилам нужно рассказать о нем подробно, не мешало бы даже остановиться на его предках. Но предков у Соломона Борисовича не было. Не было у него и прошлого. Соломон Борисович родился после 1917 года. Некоторые товарищи, правда, утверждали, что Соломон Борисович имел раньше в Киеве маленький заводик, жил хорошо, была у него квартирка…

По поводу таких предположений Соломон Борисович всегда говорит:

— Заводик, скажите пожалуйста, заводик… может, имел фабрику, магазин готового платья? Всем до этого дело, а никто не спросит, сколько часов в сутки спал Соломон Борисович... Подумаешь, фабриканта нашли…

После такого отзыва заводик и квартирка и в самом деле начинают представляться в далеком тумане: может быть, было, а может, и не было.

Если бы Соломон Борисович имел более спокойный характер, то и тумана никакого не было бы. Но иногда в совете командиров, когда коммунары доведут его до белого каления, раскричится в обиде:

— Вы понимаете? Много вы понимаете в производстве. Он, смотрите, носа вытереть не знает, а в производстве он все знает. Вы это говорите мне? Эти ваши мастерские, подумаешь, завод! Я имел получше дела, и спросите, как я их делал. Я не видел этой вагранки?..

Говорили также, что Соломон Борисович окончил Политехнический институт в Германии, но когда к нам приехали немцы-рабочие и на собрании в «громком» клубе просили Соломона Борисовича переводить, он сказал:

— Забыл, знаете, товарищи коммунары.

Коммунары мало интересовались его прошлым, ибо настоящее Соломона Борисовича слишком основательно было установлено вереД их глазами и отвернуться от него нельзя. Вот вы отвернулись. Но Соломон Борисович, несмотря на свою толщину и некоторую бесформенность фигуры, несмотря на тяжелую седоватую голову и обрюзгшее лицо, перемещается с места на место с быстротой удивительной и при этом настойчиво избегает прямых линий. Не было случая, чтобы Соломон Борисович, желая пройти из деревянного сарая в каменный, просто прошел бы это расстояние по прямой дорожке. По пути он обязательно сворачивает несколько раз в какой-нибудь цех, обходит зачем-то вокруг сарая, снова направляется к прежней цели, но вдруг что-то вспоминает и озабоченно делает зигзаг по направлению к лесному складу, из которого не выходит в дверь, а укоризненно вылезает в одну из дыр, которыми лесной склад изобилует. И в конце концов он подходит к каменному сараю с противоположной стороны или даже вовсе к нему не подходит, а подходит к Шнейдерову в другом конце двора и кричит:

— Если будет дальше такая никелировка, то я вам спасибо не скажу. Что это вам – кустарная мастерская на еврейском базаре или государственное производство?!

И наконец, Соломон Борисович оказывается как раз перед вами, а вы ведь только что от него отвернулись.

Соломон Борисович привез в коммуну производственный фон. До Соломона Борисовича, до марша тридцатого года, положение с фоном у нас было очень тяжелое. Специалисты об этом говорили так:

— Нет производственной базы.

И в самом деле, какая могла быть в коммуне производственная база? Было две комнаты, в которых стояли несколько деревообделочных станков, два токарных по металлу, шепинг и револьверный. В этих комнатах насилу помещалось десятка два коммунаров и никак не оставалось места для материалов и фабрикатов. На всю производственную базу было два инструктора, которые большей частью занимались составлением учебных программ. При таком положении с производственной базой коммунары хоть и работали в мастерских и даже кое-что выпускали на рынок, но больше сидели в долгах и в постоянных конфликтах с заказчиками. Размах наш в то время не достигал 10 тысяч в год. Коммуна никогда не состояла на государственном или местном бюджете. Сотрудники ГПУ Украины, построившие наш дом, принуждены были и в дальнейшем отчислять от своего жалованья 2-3 процента для того, чтобы коммунары

могли жить, питаться и одеваться. Правда, и в то время забота чекистов была достаточна, чтобы мы не испытывали особенной бедности. Коммунарский коллектив был всегда весел и полон надежд, всегда у коммунаров была хорошая дисциплина, и мы не переживали никаких страданий. Но двухлетняя совершенно безнадежная борьба за производственную базу, постоянные убытки и неприятности, вечная смена инструкторов, заведующих производством и производственных установок достаточно издергали нам нервы.

Все мы понимали, что на наших случайно собранных станках в двух комнатах никогда не родится производственная база.

К нам часто приезжали комиссии из разных специалистов, составляли планы более рациональной расстановки станков, обещали рекомендовать хорошего инструктора, при отъезде сочувствовали:

— Нельзя без оборотного капитала. Нужно не меньше десяти тысяч оборотного капитала.

Вновь назначенные старички завпроизводством привозили к нам в портфеле дощечки для настольных зеркал и говорили:

— Будем выпускать вот эту продукцию – дело не трудное, и на рынке есть спрос.

— Что, зеркала? – удивленно спрашивали коммунары.

— Нет, зачем же зеркала, вот досточки...

Мы уже совсем потеряли надежду выбраться на производственную дорогу. И в этот самый момент появился на горизонте Соломон Борисович...

Горизонт тогда помещался приблизительно на линии нашего Правления в ГПУ УССР. Соломон Борисович пришел в Правление, показал короткий доклад с приложением калькуляции и сказал:

— Я там был, в коммуне, такие хорошие мальчики, очень хотят работать, почему им не делать замки?

— Замки? Почему именно замки?

— Разве я сказал, что нужно обязательно замки? Можно делать и что-нибудь другое. Нужно что-нибудь делать и продавать государственным организациям. Зачем давать деньги коммунарам, когда они могут давать деньги Правлению.

— Как это?

— А вот видите – калькуляция? Вы же видите, что здесь показано сто тысяч чистой прибыли?

Соломона Борисовича просили зайти вечерком. Вечером в заседании Правления, где были я и два коммунара, и родился Соломок Борисович послереволюционный, не имеющий предков и прошлого.

Калькуляция Соломона Борисовича не вызывала у нас доверия, но нам понравилась глубокая уверенность в возможности нашего производственного оздоровления.

— На чем же будем делать замки?

— Не замки, а французские замки. Важно, чтобы вы решили их делать, а потом вы дадите мне командировку в Киев, и я привезу вам станки и все оборудование по последнему достижению техники.

— Почему в Киев?

— В Киеве меня всякая собака знает, а здесь меня никто не знает.

— Но... видите ли, у нас нет денег ни на станки, ни для оборотного капитала...

— Если бы у вас был оборотный капитал, чего бы я к вам приходил? Разве приятно человеку, когда его выгоняют через двери и через порог? Нельзя же спокойно смотреть на такое дело: это – детское учреждение, налогов не платит, все для мальчиков, а не делается никакого дела... Нам не нужно денег, нам нужно работать, а когда люди работают, у них бывает много денег, и у нас будут. А какая у мальчиков будет квалификация, ах! Токари, слесари, никелировщики, сборщики...

В Правлении разрешили Соломону Борисовичу съездить в Киев и использовать знакомых «собак» для приобретения в кредит оборудования и материалов. Список всего этого Соломон Борисович прочитал нам с совершенно артистической дикцией. Для коммунарского уха музыкой были такие нерифмованные строки:

токарных станков	14
шлифовальных станков	4
эксгаустеров	2
вагранок	1
прессов	3
револьверных станков	1
опок	30 пар ...

Это целое богатство после наших двух токарных и шепинга. Мы возвратились домой, во всяком случае, в приподнятом настроении. Однако наш доклад в совете командиров встретили с недоверием:

— Замки? Буза какая-то...

— Замки, наверное, такие будут, что только собачники запирать.

— Это вроде как тот чудак приехал: досточки для зеркал, на рынке сейчас спрос!

— А черт с ним, пускай хоть станки привезет, а там видно будет. Только зачем столько токарных станков, что ж замки на токарных будем делать?

Через три недели в коммуну влетел Соломон Борисович, оживленный и по-прежнему уверенный в себе. В моем кабинете в окружении всего коммунарского актива он разложил на столе какие-то блестящие штучки и сказал:

— Вот! Мы будем делать не французские замки, а кроватные углы, имейте в виду, мы их сами будем никелировать, а спрос? С руками оторвут...

Начало тридцатого года было до краев напихано непривычными для коммунаров событиями. Соломон Борисович с четырех часов утра убегал в город и потом в течение целого дня свозил в коммуну разные вещи... Сначала были привезены Шнейдеров, Свет, Ганкевич, Островский и два Каневских. Для них в коммуне не было свободных помещений, и Соломон Борисович сказал:

— Ничего, они поживут у меня, пока жена приедет...

— Но ведь у вас только одна комната...

— Это ничего, не пропадать же людям... Ах, вот вы узнаете, какие это мастера...

Вслед за мастерами начали прибывать станки. Их свозили к нам во двор крестьянские подводы и сваливали у дверей нашего столярного цеха. По некоторым признакам можно было догадаться, что это токарные станки, мастер Шевченко смог даже определить их возраст:

— Эти станки, хлопцы, старше меня с вами. Им лет по семьдесят.

Вместе со станками был привезен и знаменитый литейный барабан, составивший эпоху в истории коммуны имени Дзержинского. Наконец, два грузовика высыпали посреди нашего двора целую кучу чрезвычайно странных вещей: между различными решеточками, обрезками, пластинками, подсвечниками, шайбочками торчали церковные кресты, иконные ризы[13] и даже венчальные короны, в которых наши пацаны несколько дней гуляли по коммуне, вызывая осуждение Соломона Борисовича:

— Вам все играться... Это же не игрушки, это медь, вы думаете, мне легко было достать это в Киеве?

Прибыл из Киева и вагон глины и несколько возов железных рамок. Все это увенчивалось множеством всякого лома, назначение которого было покрыто мраком неизвестности. Была здесь между прочим и небольшая железная бочка, но с одним только колесом – она, кажется, и до сих пор где-то валяется в коммуне, никуда ее не пристроил Соломон Борисович, хотя и говорил мне:

— Это же дорогая вещь!.. Попробуйте сделать такую бочку!..

Соломон Борисович не был сторонником старого письма – фон наносился на полотно широкими мазками, и иногда даже трудно было разобрать отдельные его подробности. В течение двух недель мастера Соломона Борисовича перетаскивали и устанавливали на новых местах различные приспособления. Соломон Борисович

одобрительно отнесся к нашей столярной и швейной, и вообще он не был склонен к пессимизму и придирчивости:

— Столярная? Разве это плохо?

— Вы еще не знаете, что можно делать в швейной мастерской? Можно делать трусики, не нужно никаких платьев, трусики всем нужны, и каждый может их купить.

Все это богатство трудно было разместить в наших производственных помещениях, и по этому вопросу Соломону Борисовичу пришлось часто ссориться с советом командиров, но он оказался большим мастером находить уголки, щели и закоулки, которые через два-три дня называл уже цехами и обставлял привезенным из Киева оборудованием.

Две комнаты в главном доме, от природы назначенные под производство, он занял деревообделочной мастерской, в красном кирпичном доме расположил токарные по металлу, подвесив к шаткому потолку длинную трансмиссию. Рядом пристроил небольшой деревянный сарайчик – это литейная. В подвальном помещении он разыскал три вентиляционные камеры и, убедив всех, что у нас и без того воздух хороший, организовал в них никелировочный и шлифовочный цехи, перепутав их привезенными из Киева эксгаустерами, целой системой труб длиной в несколько метров. Эта сложная система, впрочем, с первого дня отказалась вытягивать опилки и пыль, как было ей положено по должности.

В один прекрасный день зашумел барабан в литейной, и желтый тяжелый дым повалил из низенькой жестяной трубы, полез в окна классов и спален, квартир служащих. Мы закашляли и зачихали, кто-то выругался, старушки в квартирах потеряли сознание на десять минут, коммунары хохотали и вертели головами в знак восхищения:

— Вот это так химия!..

В это время в коммуне уже работал доктор Вершнев, один из лицедеев горьковской истории, получивший медобразование с нашей помощью, наш общий корешок[4], именуемый обычно Колькой.

Колька Вершнев в ужасе хватал термометр и тыкал его литейщикам под мышку, что-то штудировал в словаре о литейной лихорадке. Но Соломон Борисович был весел и доволен:

— У вас что, санаторий или производство? Скажите, пожалуйста, – вредно для здоровья. Поезжайте в Ялту и кушайте виноград – тогда будет полезно для здоровья, а всякое производство для здоровья вредно. Никто не умер?

— Не умер, так заболеет.

— Ну, когда заболеет, тогда будем говорить.

Два Каневских, Шнейдеров, Свет и Ганкевич летали по коммуне, развевая полами пиджаков, кричали в кладовых, распоряжались в цехах, доказывали Соломону Борисовичу, что они больше его понимают, иногда вступали с ним в настоящую перебранку и в таких случаях переходили даже на еврейский язык. После этого Соломон Борисович прибегал ко мне и кричал:

— Разве с этим барахлом можно работать? Они привыкли к своей кустарной мастерской и никак не могут понять, что такое большое производство...

— Надо выгнать...

— Выгнать! Легко сказать... А с кем я буду работать... А как же я их выгоню, если станки ихние, барабан ихний, даже медь ихняя?

Коммунары сначала не очень ссорились с Соломоном Борисовичем, только смеялись много. Все же много внес Соломон Борисович нового в коммуну: всем нашлось место у станка, всех захватили наполненная материалом и фабрикатом работа, понравилось, что коммунары получают зарплату.

Отряды коммунаров: машинистов, сборщиков, формовщиков, токарей, никелировщиков, шлифовальщиков – в две смены проходили рабочий день, вечером на собраниях осторожно говорили о недостатках и пустых местах, но на другой день убегали в цехи и радостно ныряли в волнах непривычных предметов и терминов: опока, суппорт, оправка, анод, катод, шкив, вагранка...

Еще в самый первый день, как только Соломон Борисович положил на мой стол никелированный кроватный угол, его спросили в совете командиров:

— А на Крым заработаем?

— А сколько вам нужно на Крым?

— Пять тысяч, – с трудом выдохнул кто-то...

— Так это же пустяки, – сказал Соломон Борисович. — Пять тысяч, разве это деньги?

Кто-то отвернул листки моего настольного календаря и сказал Соломону Борисовичу:

— Напишите, вот – первого июля: «Даю пять тысяч на Крым».

— Хе-хе... давайте и напишу...

— Нет, вы и распишитесь...

Коммунары долго собирались в Крым... Это было венцом нашего трудового года, это было непривычно восхитительно – всей коммуной в Крым. Ежедневно к моему столу на переменах и вечером подходили коммунары и перелистывали мой календарь, чтобы не прочитать, а полюбоваться надписью красным карандашом...

С трудом собрал Соломон Борисович пять тысяч... Это было первое наше достижение, достаточно нас восхитившее...

А теперь рабфак бросил наши ряды на неожиданно заблестевшие просторы. Кроватный угол, меднолитейный дым и мастера Соломона Борисовича шли рядом с нами на каком-то фланге, уже явно отставая от нашего движения…

6. В пучине педагогики

Сложное производство Соломона Борисовича отвлекло нас от проблем педагогических. А ребячий коллектив – это прежде всего коллектив, который воспитуется. Следовательно, мы обязаны рассказать, как у нас организуется педагогический процесс и какое место занимают в нем элементы социальные и биологические. Осенью тридцатого года наш коллектив подвергался очень сложным влияниям, которые определили и его поведение в целом и поведение отдельных коммунаров.

Мы были дружны, здоровы, дисциплинированны... но у нас были и недостатки, и несимпатичные характеры, и жили среди нас маленькие дикари, воображающие, что они одиноки и что они враги нашей культуры. Кое-кто топорщился против железных обручей коллектива, но у коллектива не было сомнений – через полгода он перестанет топорщиться и сам при случае сильной рукой придет на помощь этим обручам.

Были у нас и биологические элементы. У наших правоверных соцвосников вошло в моду недавно смешивать биологические элементы с ведьмами и водяными и доказывать, что этой нечисти просто не существует.

Биологические элементы существуют: мы, например, серьезно подозреваем, что у Болотова не все благополучно с биологией.

Болотов[5] – первый коммунар. Еще не было закончено наше здание в 1927 году, а он уже сидел в соседнем совхозе и поджидал нашего открытия, привезенный откуда-то с курорта председателем нашего Правления, которому понравился своей беспризорной выдержанностью. Болотову тогда было двенадцать лет, а теперь шестнадцать. С той поры много коммунаров пришло в коммуну, порядочно и вышло. Каждый принес с собой не только вшей и отрепья. У каждого было много и привычек, и рефлексов, довольно непривлекательных, умели ребята и похулиганить и «стырить», если что плохо лежит, умели щегольнуть анархистской логикой по привычной формуле:

— А что ты мне сделаешь?..

Но почти не бывало, чтобы через три-четыре месяца пацан не признал могучего авторитета коллектива и не покорился ему открыто и бесповоротно. Оставались привычки, но не было у них корней, и с ними он первый начинал борьбу.

Один Болотов каким пришел, таким и посейчас выпирается в коллективе, беспокоит его то в том, то в другом месте и всегда стоит как тема в коммуне.

Болотов никогда не крал и не способен украсть, ему как-то это и в голову не приходит, но он пакостник, всегда упорный, терпеливый и изобретательный. В коммуне ему живется хорошо, и он это знает и никогда не уйдет из коммуны, если его не выгонят, но он всегда враждебен коммуне, всегда стоит на дороге. Его не увлекают ни штурмы, ни марши, ни развлечения, он никого не любит, и нет у него товарищей, но он ко всякому лезет с улыбками и усмешками, а где можно, в каком-нибудь темном углу, то и с кулаками. Ущипнуть, толкнуть, испортить пищу, написать скабрезную записку девочке, сочинить и пустить самую мерзкую сплетню – на все это он великий мастер. За четыре года он единственный занялся надписями в уборной, единственный раз и сразу же попался. Он угрюм, хоть и улыбается, умен и развит, много читает и много разговаривает с учителями, но ни к чему у него нет искреннего интереса, ко всему он подходит с каким-то гаденьким планом, мелким и легкомысленным.

Он давно привык подрабатывать на ханжестве и выражении преданности, и даже теперь, когда его все знают и никто ему не верит, он старается понравится старшим.

Четыре года сварившийся в стальную пружину коллектив дзержинцев бил по этому характеру и... безнадежно. Алеша Землянский, один из замечательных людей, отважный, прямой, честный и всегда просто и искренно пылающий каким-то ароматнейшим человеческим благородством, умеющий видеть насквозь каждого нового пацана, на совете командиров один раз сказал:

— Дайте мне Болотова. Я с ним повожусь.

Сколько было целых отрядов, развалившихся, склочных и неверных, которые отдавались Алеше в работу, которые принимали его несмотря на это с восторгом, всегда эти отряды через месяц уже были впереди и гордились своим командиром. Сколько было пацанов, малость свернувших с коммунарской дороги, и Алеша незаметно для глаза творил с ними чудеса. А с Болотовым ничего не вышло.

В какой-то мере личность свободна в проявлении своих биологических особенностей, в какой-то не свободна. Там, где биологические аппетиты против линии коллектива, там начинается борьба. Плохо это или хорошо, но это должно делаться даже бессознательно – коллектив отталкивает всякое поведение, социально не ценное.

Нам поэтому нет никакого дела до болотовских биологических предрасположений, мы не будем с ними считаться и равняться по ним. Болотов отбрасывается коллективом в каждом моменте, где он является вредителем. Мы ничего не изменим в его биологической структуре, но мы сообщим этой структуре привычку встречать сопротивление в определенных местах. Если эта привычка не достигнет достаточно крепкого выражения, Болотов погибнет во взрослом состоянии – ничего не поделаешь. Но наш путь единственный – упражнение в поведении, и наш коллектив – гимнастический зал для

такой гимнастики. Биологические элементы, даже самые несимпатичные, в течение целого дня тренируются, и Болотов вместе со всеми.

При этом мы не склонны придавать так называемому сознанию какое-то особенное, превалирующее значение – сознание не должно предшествовать опыту. Самое упорное натаскивание человека на похвальных мыслях и знаниях – пустое занятие, в лучшем случае получится ханжа или граммофон. Сознание должно прийти в результате опыта, в результате многочисленных социальных упражнений, только тогда оно ценно.

По нашему глубокому убеждению, широко принятое у нас словесное воспитание, то есть бесконечное разглагольствование о разных хороших вещах, без сопровождающей гимнастики поведения, есть самое преступное вредительство. Сознание, не построенное на опыте, хотя и выражается в многословных формах, на деле прежде всего слабосильно, во-вторых, одиноко, не способно творить никакую практику – это то, что для нашего общества наиболее опасно.

Поэтому мы не будем придираться к болотовскому сознанию до тех пор, пока не организуем его опыт.

Как никакое сознание о необходимости чистоты не принесет пользы, если не создана привычка к чистоте и умение ее поддерживать, так невозможно никакое сознание о дисциплине, если не было никогда самой дисциплины.

Приведенное длинное рассуждение имело целью подготовить читателя к восприятию истории нашего коллектива в 1931 году.

Обстановка, в которую иногда попадал наш коллектив, приводила сплошь и рядом к неудобным и даже тяжелым условиям, и тогда биологические элементы становились сильнее, а сила коллектива теряла свою общепризнанную мощность, останавливающую вредные движения в самом их начале.

Таким тяжелым временем оказалась для нас осень 1930 года. Необходимо было пристальное внимание, чтобы заметить, что у нас не все ладно. Мы возвратились из Крыма с бодрым настроением, поздоровевшие и отдохнувшие. Внешним образом в коллективе было все благополучно, как всегда, вставали в шесть часов, убирали коммуну, завтракали и расходились к работе в школу и цехи. В пять часов вечера заканчивали рабочий день и набрасывались на новую работу: политическую, клубную, книжную... Было мало событий, мало потрясений, такие, как Болотов, переваривались, так сказать, в порядке плана и никого не удивляли.

Но уже в это время явно ощущались какие-то неправильности в нашем кровообращении. Рабфак, такой новый и такой увлекательный, еще не сделался привычным, многие коммунары еще не приспособились к положению студентов. Производство Соломона Борисовича, наполненное стандартным трудом с массой

материала, тоже как будто увлекало коммунаров. Это была непривычно дельная разрядка энергии, но у многих коммунаров она переживалась как погоня за заработком. Коммунары отмечали появление так называемых хищников, которые приходили в цех за полчаса до сигнала на работу и угрюмо начинали отбрасывать с верстака деталь за деталью, однообразно, механически, упорно, совершенно не интересуясь, что за деталь, какого она выходит качества и что рядом делает товарищ.

Жизнь коммуны катилась, как совершенно налаженный механизм, без хрипов и перебоев, но где-то в воздухе ощущались признаки приближающейся непривычной слабости. Коммунары доверчиво и приветливо встречали меня утром и прощались вечером, но днем и после работы меня все время подмывало узнать, а что делает Петька Романов или Гришка Соколов, а какое самочувствие у Фомичева? Оказывалось, что Петька с Гришкой сидят на крыше, приделывают антенну. Этих антенн в виде разнообразной величины палок, палочек и даже прутиков на крыше стояло видимо-невидимо. К зиме завхоз насчитал их до семидесяти. Они придавали нашей крыше оригинальный вид какого-то странного огорода. В каждой спальне было несколько радиоаппаратов, у многих были дорогие – двухламповые, трехламповые.

Петька Романов к этому времени подрос и стал смелее, выявляя черты будущего боевого работника, но иногда с ним случались истории, приводящие его по-прежнему на середину в общем собрании. Поводом к этому было большей частью вмешательство в личную жизнь того или другого коммунара, выраженное при помощи кулаков или подножки. Петька был драчун по природе – только его двенадцать лет спасали нас от серьезных драм.

Фомичев – теперь уже студент второго курса рабфака –далеко ушел вперед и начал заметно для всех играть в коллективе роль вождя. Только привычка спать до «без четверти поверка» у него осталась, да в оркестре его дела были очень плохи. Коммунары про него говорили:

— Был два раза в оркестре и оба раза ушел только по усиленным просьбам Левшакова (капельмейстера).

Итак, и с Фомичевым все было благополучно; в оркестре его заменил Стреляный, приведший Левшакова в восторг несравненными баритонными способностями.

С кем же было неблагополучно?

Как будто все хорошо. Все работали, все умели отдыхать, и каждый чем-нибудь развлекался – почти у всех были билеты Автодора, и все мечтали о грандиозных выигрышах, во всяком случае, не меньше мотоцикла.

В кружке природников тоже теплилась жизнь. В то время он имел у нас рыбоводческий уклон, тон задавал Гуляев. Гуляев почти не покидал помещения кружка. Сопин объяснял так:

— Боится расстаться с африканским циклозоном, чтобы кто-нибудь не съел циклозона…

Я, наконец, понял, что мне не нравится. Это было явно обозначившееся стремление к личной игре, к обособлению и копанию в своем уголке. Каждый это делал с веселой рожей, что-то напевая, с прекрасным настроением. Не было никакой угрюмости, никакой враждебности к товарищу, но это было все же превалирование личной жизни. Радиозайцы располагались по своим уголкам и наслаждались какими-то звуками, Гуляев по целым часам наблюдал африканского циклозона, в изокружке каждый копался над своей моделью, ничем не связанной с моделями других. В бибкружке просто «кохались» в книжке, зачитывались до одурения и ходили сонные, обращаясь в объекты физкультурных упражнений даже девочек. Миша Борисов, человек серьезный, с лицом средневекового философа, назначенный советом командиров заведовать лыжами и коньками, устроил на верхней площадке черной лестницы отдельное жилище и три раза строил печку, регулярно разрушаемую по постановлению совета командиров.

После чая в пять часов все вдруг куда-то исчезали и проваливались по своим делам, даже таким хорошим, как приготовление уроков. На общее собрание сходились немного неохотно, и по всему было видно – во время собрания мечтали тоже о циклозонах, мотоциклах, пятиламповых приемниках.

Первого октября были перевыборы совета командиров. Результаты показались мне симптоматичными. Старый совет, комплект энергичных, бодрых и ехидных коммунаров, проведших крымский поход и открытие рабфака, ушел почти целиком. На его место пришла новая группа, состоявшая большей частью из так называемых интеллигентов – людей, преданных книге и литературному и драматическому кружкам. Старики-командиры откровенно предоставили командные места представителям демократического принципа. В совет командиров вошли: Шура Агеев, единственный коммунар в очках, «Гарри Ллойд», в самом деле похожий на этого артиста, председатель литкружка и поэт. Ваня Григорьев[6] – первый любовник, на самом деле отнюдь не склонный к донжуанству, человек, в свои шестнадцать лет впитавший уже какую-то житейскую мудрость, немного вялый, но всегда приветливый и вежливый. Стреляный – человек, играющий на баритоне и, кроме баритона, пока что не признающий иных ценностей.

Шмигалев – страстный и неудачный футболист, всей своей недлинной жизнью доказавший страшный вред физкультуры, ибо всегда ходил с какой-нибудь перевязкой –

то на голове, то на руке, то на ноге. Борисов Миша, о котором уже говорилось по поводу печей…

Каплуновский – единственный коммунар, употребляющий тогда бритву, будущий инженер, добросовестный и точный, преданный науке и книжке. Вехова Женя – самая горластая девочка в коммуне, но употребляющая свой голос исключительно в борьбе с преобладающим влиянием хлопцев. Миша Долинный – самый сильный, самый добрый и самый покладистый коммунар, тип славянского богатыря в мирное время.

Увенчал эту группу секретарь совета командиров Дорошенко, при выборах которого всем было ясно, что выбирают его специально для того, чтобы было спокойнее. Вася Дорошенко – прекрасный формовщик, но не ему было суждено формовать коммуну имени Дзержинского.

Всякое явление он сопровождал несколько запоздалым вздохом удивления – как это так вышло, что оно случилось! Провалы в дисциплине вызывали у Васи пассивное страдание и тоже удивление:

— Ну, смотри ты!.. Ну, кто ж мог такое думать?..

Демократический состав совета командиров позволил зато восстановить пацанью власть в их отрядах. Никому не пришло в голову проследить за соблюдением старой конвенции, по которой у пацанов командиры были старшие. Неожиданно в одиннадцатом и двенадцатом отрядах оказались на командирских постах Филька и Васька Бородков – сторонники пацаньей автономии. Это были люди убежденные и сильные волей, доктрина пацаньей свободы была ими давно закреплена в борьбе хотя и полной поражений, но славной. Эпоха Дорошенко поэтому сделалась эпохой вольности пацанов, не верящих ни в сон, ни в чох и в глубине души не признающих никаких авторитетов. Изодранные костюмы, испачканные физиономии, поломанная мебель, всякие проявления анархизма сразу омрачили наши дни, и дежурства по коммуне сделались чрезвычайно хлопотливым делом.

Только пятерка дежурных по коммуне сохранила волю и не бросала коммунарский руль. Между ними выделялся Воленко[7], выдвинувшийся еще до похода на первое место и открыто сейчас перехвативший власть у слабого и вялого секретаря совета командиров…

11. Праздник

……

Пацаны бегом по всей лестнице – ужасно оживленные и храбрые, но только до дверей «громкого» клуба, а здесь хвосты поджали и тихонько, бочком пробираются в клуб мимо председателя Правления и еще тише салют:

— раст...

А потом все собрались и смотрят на гостя, глаз не сводят и молчат.

Правда, нужно сказать, что главные пацаньи силы в это время намазывались всеми возможными красками и наряжались в каморке за нашей сценой – готовились к постановке. Перский, на что уж человек изобретательный, а и тот «запарился»:

— Да сколько вас играет?

— Ого, еще Колька придет, Шурка, две девчонки, Петька и Соколов, да еще ни один кустарь не гримировался, а кустарей трудно будет, правда ж?

Коммуна украшена: везде протянулись плакаты, столовая, сцена и бюст Дзержинского в живых цветах. Много потрудилась художественная комиссия. Много поработали и остальные. Все-таки наиболее поражает всех Миша Долинный, который со своей комиссией – человек двадцать, кажется, и праздника не видели – протолкались на дворе до часу ночи. Зато ни один гость не заблудился. На повороте к нашим тропинкам на белгородском шоссе стоял Мишин пикет и спрашивал публику:

— Вам в коммуну Дзержинского? Так сюда.

И указывал на линию огней, протянувшихся через лес и через поле до самой коммуны. Огни были сделаны самым разнообразным образом: здесь были и электрические фонари, и факелы, и разложенные на поворотах и трудных местах костры. Вся Мишина территория курилась дымом и пахла разными запахами наподобие украинского пекла.

Коммуна была тоже в огнях, а над главным входом в огненной рамке портрет Дзержинского.

В семь часов всех гостей пригласили в клуб, коммунары расположились под стенками. Когда все собрались, команда:

— Под знамя встать! Товарищи коммунары – салют!

Левшаков загремел салют. Может быть, читатели еще не знают, что такое знаменный салют коммунаров. Это наш сигнал на работу, обыкновенный будничный сигнал, который играется в коммуне два раза в день. Он оркестрован Левшаковым еще в 1926 году в колонии Горького и сейчас и у нас и у них является не только призывом к труду, но и салютным маршем, который мы играем, когда выносим наше знамя, когда проходим мимо ЦК партии, ВУЦИКа, когда встречаем очень дорогого гостя и когда встречаемся в городе с колонией Горького...

Дежурный по коммуне идет впереди, подняв руку над головой, за ним знаменная бригада шестого отряда – три девочки. Шестой отряд уже второй месяц владеет знаменем. Гости стоя встречают наше знамя…

Началась торжественная часть. Нас приветствовали с тремя годами работы, нам желали дальнейших успехов…

После торжественной части концерт оркестра. Левшаков сыграл гостям:

1. Марш Дзержинского – музыка Левшакова.
2. Торжество революции – увертюра.
3. Увертюра из «Кармен».
4. Кавказские этюды Ипполитова-Иванова.
5. Военный марш Шуберта.

Закончил он шуткой[8]. Вышел к гостям и сказал:

— Быть хорошим капельмейстером очень трудное дело. Нужно иметь замечательное ухо, нельзя пропустить ни одной ошибки. Чуть кто сфальшивит, я сейчас же услышу, и поэтому я могу управлять оркестром, стоя к нему спиной. Вот послушайте.

Он обратился к музыкантам:

— Краснознаменный.

У музыкантов заволынили:

— Довольно уж.

— Уморились...

— Праздник так праздник, а то играй и играй...

— В самом деле...

У публики недоумение. Мало кто понял сразу, что здесь какой-то подвох. В зале отдельные замечания:

— Ого, дисциплинка!..

Левшаков стучит палочкой по пюпитру и говорит:

— Хочется в совете командиров разговаривать? Краснознаменный…

Наконец волынка в оркестре понемногу утихает и музыканты подносят мундштуки к губам. Раздается один из громких и веселых советских маршей. Левшаков дирижирует стоя спиной к оркестру. Но уже на третьем такте часть корнетов поднимается с мест, машет руками и уходит за кулисы. Марш продолжается, но за корнетами удаляются альты, тенора, волторны и так далее. Остаются: Волчок с первым корнетом, Грушев с басом, Петька Романов с пиколкой и барабаны... Левшаков продолжает дирижировать, стоя лицом к публике, и даже строит какие-то нежные рожи, показывающие, что он переживает музыку. Но вот уже убежал и Волчок, последний раз ухнул Грушев, наконец, и Петька пробирается в зал, пролезая под рукой Левшакова. Остался один Могилин на большом барабане. Только теперь Левшаков «понимает», как его подвели музыканты, и сам убегает. «Булька» последний раз гремит барабаном и хохочет. Хохочет и публика, все довольны, что это простая шутка и что с дисциплиной у дзержинцев не так уж плохо.

Настало время и пацанам показать, к чему они так долго и так таинственно готовились. Оркестр, их союзник, усаживается в соседнем классе, из класса дверь в зал открыта, и Левшаков уже с кем-то перемигивается у сцены.

Открывается занавес. В зале кто-то из коммунаров громко говорит:

— Ой, и вредные пацаны, дали им волю...

На сцене Филька в коммунарском парадном костюме. Он говорит:

— Сперва пойдет пролог[9].

……

Все гонят, все клянут меня,
Мучителей толпа,
Правителей несправедливых
И мальчиков неукротимых…
Безумным вы меня прославили всем хором
И от начальства до юнца
Покрыли детище мое позором.
Вы правы, тут не разберешь конца:
И строить вредно, и не строить плохо,
Построил вот, а теперь охай.
Я в Кисловодск теперь ездок,
Бегу, не оглянусь, пойду искать по свету,
Где оскорбленному есть чувству уголок…
Каре... Эй, Тончий, запрягай, пожалуйста, до автобуса[10]…

Левенсон удаляется, а на сцену выходят три пацана с фанфарами, играют какой-то сигнал и объявляют, что феерия «Постройка стадиона» окончена.

Их место занимают три коммунарки в белых передниках и просят гостей ужинать, за их спиной Волчок играет наш призыв «все в столовую».

Гости расходятся только часам к двенадцати. Дежурные отряда коммунаров приступают к уборке всего здания, в кабинете делятся впечатлениями.

Соломон Борисович взбешен пацаньей проделкой:

— Разве я могу теперь работать в коммуне? Какой у меня будет авторитет?

— При чем тут ваш авторитет, Соломон Борисович? – спрашивает Клюшнев.

— Как при чем? Как при чем? Что это за заведующий производством, когда он освещается какими-то синими фонарями, а руки складывает, как Демон? Бегает по сцене и кричит, как сумасшедший? После этого будет авторитет?

— Вот вы, значит, не поняли, в чем тут дело. Эту пьеску пацаны здорово сделали. Теперь Правление задумается...

Действительно, феерия пацанов била не столько по Соломону Борисовичу, сколько по Правлению. Как ни комичен был Соломон Борисович, перемешанный с Борисом Годуновым, Демоном и Ленским, но его комизм был показан как необходимое следствие

нашей производственной заброшенности. Жалкие цехи, размещенные по подвалам и квартирам, жалкие диктовые постройки, засилие кустарей и кустарщины были представлены пацанами в неприкрашенном виде. И председатель Правления, уезжая от нас в этот вечер, сказал:

— Молодцы коммунары, это они здорово сегодня критикнули…

12. Пожары и слабости

Не успели ребята отдохнуть после праздника, убрать цветы, снять иллюминационные лампочки и спрятать плакаты, как приехал в коммуну Крейцер[11] и сказал в кабинете:

— Ну, товарищи, кажется, с весны начнем строиться…

Дорошенко сонно ответил:

— Давно пора.

Сопин не поверил:

— А долго так будет казаться? Строиться, строиться, а потом скажут – денег нет. За какие деньги строиться?

— Да что вы, объелись чего? – сказал Крейцер. — У нас сейчас на текущем счету тысяч триста есть?

— Ну, есть, так это ж мало, смотря что строить...

— А вот об этом подумаем. А что, по-вашему, нужно строить?

— Мало ли чего, – сказал Фомичев. — Вот это все расчистить нужно, а на чистом месте построить завод. Новый завод…

Соломон Борисович из-за спины Крейцера моргал всем коммунарам. Это значило: построятся, как же... Но вслух он сказал:

— Надо строить маленький заводик, чтобы производить токарные станочки. Хорошая вещь, а спрос? Ух!..

— Токарные не выйдут, – сказал Фомичев. — Какой это завод на сто пятьдесят коммунаров? Нужно что-нибудь помельче...

— Надо прибавить коммунаров, – протянул Крейцер, усаживаясь за столом ССК.

— Ой, сколько же прибавить? – спросил Дорошенко.

— А сколько ж? Удвоить нужно.

Сопин задрал голову и показал на Крейцера пальцем:

— О, сказали, и все за триста тысяч: завод построить, новые спальни и классы ж нужно, а столовая наша тоже, выходит, тесная будет, а клуб?

— Так вы же работаете?

— На этом бузовом производстве много не заработаем, а тут, видно, миллионом пахнет...

Но вечером Сопин рассказывал пацанам уже в другом освещении:

— И что? И можно, конечно, построить, тут тебе такое будет – завод, во! И не то, что сто пятьдесят коммунаров, а триста, во! Это дело я понимаю.

— Вот обрадовался: триста... – кивает на Сопина Болотов, — как придут новенькие, от коммуны ничего не останется...

— Чего не останется? Ты думаешь, если беспризорные, так и не останется? Это ты такой...

— Я такой... скажи, пожалуйста. А вот ваш актив – Григорьев – вот хороший оказался.

— И то лучше тебя, – сказал Сопин.

— А я теперь что? Я теперь ничего, никто не обижается – надувшись окончательно, сказал Болотов, и Сопину стало жалко его; он потрепал Болотова по плечу:

— Как придут сто пятьдесят новых, мы тебя обязательно ССК выберем.

Болотов улыбнулся неохотно:

— Выберете, как же!

Весть о том, что на лето предполагается постройка, в коммуне никого не взволновала – мало верили словам коммунары. Но все же появилась серьезная задача – надо побольше собрать денег.

Соломон Борисович предъявил одному из общих собраний промфинплан первого квартала. Коммунары о нем недолго думали:

— Это выполнить можно, если в цехах хоть немного наладится. А если выполним, то сколько у нас денег будет?

Соломон Борисович считал такие вопросы неприличными:

— Вы сделайте, а деньги будут.

— Не забудьте ж, и на Кавказ поехать нужно.

— И на Кавказ поедете.

— А все-таки, сколько будет денег, если выполним план?

Соломон Борисович развел руками:

— Ну, что им говорить?

— Тысяч сто прибавим на текущий счет, – сказал я коммунарам.

Промфинплан обсудили на цеховых собраниях[12]. Встречный выдвигали без большого разгона – цифры Соломона Борисовича были и без того жесткими; встречный план коммунаров на первый квартал был такой:

Арматурный цех

Масленок	51 840 штук
Ударников для огнетушителей	12 000 »

Шестеренок для тракторов	600 »
Деревообделочный цех	
Столов аудиторных	780 штук
Столов чертежных	700 »
Табуреток к ним	1 100 »
Стульев аудиторных	1 100 »
Швейный цех	
Трусиков	18 000 штук
Юнгштурмов	1 100 »
Ковбоек	2 300 »

Всего по себестоимости на сумму 170 000 рублей.

Металлисты наши очень обрадовались, что выбросили из плана эти отвратительные кроватные углы. Их не любили коммунары:

— Это что за такая продукция? Кроватный угол... Это самая легкая индустрия, какая только есть. Подумаешь, кому нужен кроватный угол? Покрась себе кровать хорошей краской и спи. А то: никелированный кроватный угол. Всякая, понимаете, охота пропадает...

— Масленка – это, действительно, груба! Это для машины для всякой нужная вещь. Это уж не такая легкая индустрия: масленка Штауфера. Видите – не сразу даже придумали, Штауфер такой нашелся...

— Серьезно, – говорили уважающие себя токари, — в масленке и резьбу нужно сделать, и все так пригнать, чтобы крышка правильно навинчивалась, и дырочку просверлить.

Колька Вершнев торжествовал – закрывали-таки никелировочный цех. Колька считал, что ничего вреднее для пацанов быть не может.

С первых дней января работа сразу пошла веселее в цехах, да и весной запахло – коммунары умеют на большом расстоянии чувствовать весну и ее запахи.

Соломон Борисович часто заходил ко мне и радовался:

— Молодцы коммунары, хорошо взялись! А я им план закатил, ой, будут меня ругать. Ну, ничего, все будет хорошо.

Соломон Борисович оживился в январе, забыл громы Декина[13] и сарказмы пацанов в «Постройке стадиона». Его поднимало сознание, что коммуна нуждается в больших деньгах, что эти деньги коммунары заработают только под его руководством. Соломон Борисович прибавил стремительности в своих движениях и до позднего вечера летал по производственной арене. Одно его смущало со времени приезда Декина – боялся Соломон Борисович пожара. Пожар ему мерещился ежеминутно, он не мог спокойно лечь спать и

приходил ко мне иногда часов в двенадцать ночи, извинялся, что мешает, о чем-нибудь заговаривал, как будто спешном, а потом сидит и молчит.

— Чего ты не спишь? – спрашиваю его: мы с ним перешли на «ты» после праздника.

— По правде сказать, так боюсь ложиться – пожара боюсь.

— Вот глупости, – говорю ему, — откуда пожар возьмется, все уже спят.

— Там же, в стадионе, печки еще топятся, – с трудом выговаривает Соломон Борисович, — я вот подожду, пока закроют трубы, и пойду спать.

Он уже и сейчас почти спит, голова его все падает на лацканы пиджака, он тяжело отдувается и протирает глаза:

— Уф... Уф...

— Да иди спать, вот придумал человек занятие – пожара ожидать.

В дверях стоит с винтовкой дневальный, которому веселее с нами, чем в одиночестве скучать у денежного ящика. Дневальный улыбается:

— Пожар никогда не бывает по заказу. Вы ждете пожара, а он загорится в другое время, когда спать будете...

— Почему ты думаешь, что он обязательно загорится? – спрашивает Соломон Борисович.

— А как же? Это и не я один думаю, а все пацаны так говорят...

— Что говорят?

— Что стадион непременно сгорит, ему так уже от природы назначено...

Дневальный решил, что довольно для него развлечений, и побрел к своему посту. Соломон Борисович кивает головой в его сторону:

— Пацаны говорят! Они все знают!.. Загорится стадион, пропало все дело: будем гореть, а мы будем смотреть, это правильно сказал Декин. Все ж дерево, сухое дерево, сколько там дуба, сколько там лесу, ай-ай-ай, пока пожарная приедет...

В первом часу я отправляюсь домой. Бредет рядом со мной и Соломон Борисович и просит:

— Зайди в стадион, скажи этим истопникам, чтобы были осторожнее, они тебя больше боятся… зайди, скажи…

Однажды рано утром, только что взошло солнце, наш одноглазый сторож Юхин поднял крик:

— Пожар!

Прибежали кто был поближе, никакого пожара нет, солнце размалевало окна стадиона в такой пожарный стиль. Посмеялись над Юхиным, но в квартире Соломона Борисовича обошлось не так просто: услышал Соломон Борисович о пожаре – и в

обморок, даже Колька бегал приводить его в чувство. Дня три ходил после этого Соломон Борисович с палочкой и говорил всем:

— Если загорится, я погиб – сердце мое не выдержит, так и доктор сказал: в случае пожара у вас будут чреватые последствия.

И вот настал момент: только что проиграли спать, кто-то влетел в вестибюль и заорал как резаный:

— В стадионе пожар! Пожар в стадионе!..

Захлопали двери, пронеслись по коммуне сквозняки, залился трубач тревожным сигналом, сначала оглушительно громко здесь, в коридоре, потом далеко в спальнях. Как лавина слетели коммунары по лестницам, дробь каблуков, крики и какие-то приказы вырвались в распахнувшуюся настежь парадную дверь – снова тихо в коммуне. Соломон Борисович тяжело опустил голову на бочок дивана и застонал.

Я поспешил в стадион. Подбегаю к его темной массе, а навстречу мне галдящая веселая толпа коммунаров.

— Потушили! – размахивает пустым огнетушителем Землянский.

Он хохочет раскатисто и аппетитно:

— Как налетели, только шипит, как не было!

— Что горело?

— Стружки возле печки. Эта раззява Степанов в кочегарку пошел «воды попить», у них в стадионе и воды нет…

Говорливой торжественной толпой ввалились мы в кабинет. Соломон Борисович изнемог на диване. Он с большим напряжением усаживается и стонущим голосом спрашивает:

— Потушили? Какие это замечательные люди – коммунары… Стружки, говорите? Большой огонь?

— Да нет, только начиналось, ну, так, половина кабинета костерчик, – говорит Землянский. — А куда теперь эти банки девать? – показывает он на разряженные огнетушители, выстроившиеся в шеренгу в кабинете.

Соломон Борисович поднимается с дивана.

— Сколько вы разрядили?

Он начинает пальцем считать.

— Да кто их знает, штук двенадцать…

— Двенадцать штук? Двенадцать штук? Нет, в самом деле? – вертится сердитый Соломон Борисович во все стороны. Он протягивает ко мне обе руки:

— Это же безобразие, разве это куда-нибудь годится? Это же… Двенадцать на такой маленький пожар. Ты им скажи, разве можно так делать? Где я могу набрать столько огнетушителей, это разве дешевая вещь?

Коммунары притихли и виновато поглядывают на шеренгу огнетушителей.

— Нет, в самом деле… – даже раскраснелся Соломон Борисович.

Я серьезно говорю коммунарам:

— Слышите? Больше одного огнетушителя в случае пожара не тратить.

Коммунары хохочут:

— Есть! Соломон Борисович, пропал ваш стадион… Сегодня разве потушили бы одним?..

— Как ты сказал? Как ты сказал! – пораженный, обращается ко мне Соломон Борисович.

— Я исполнил твою просьбу…

— Разве я говорил – один? Я же не сказал один. Надо с расчетом делать…

После этого Соломон Борисович стал бояться всякого крика, всякого бега по коммуне. Только с приходом весны он несколько успокоился и стал смотреть веселее на мир.

Принимал Соломон Борисович разные противопожарные меры. Ему сказали:

— Полагается в цехе держать бочки с водой и швабры при них.

Соломон Борисович выпросил у заведующего хозяйством несколько старых бочек и действительно налил их водой. Это ничего не стоило. Но швабры оказались дорогой вещью, и Соломон Борисович втихомолку заменил их палками, на концы которых были привязаны пучки рогожи. Когда приехал пожарный инспектор, Соломон Борисович с гордостью повел его к кадушкам, но здесь он был незаслуженно посрамлен.

— И швабры есть, как же, – говорит он пожарному инспектору.

Он с гордым видом вынимает палку из бочки и видит, что на конце ее нет ничего, торчат одни хвостики рогожные.

Когда уехал пожарный инспектор, Соломон Борисович произвел расследование, и оказалось: бабы-мазальщицы, которым поручил Соломон Борисович что-то выбелить в системе своих цехов, отрезали рогожные пучки от пожарных приспособлений и обратили их в щетки.

— Разве это люди? – сказал Соломон Борисович. — Это звери, это некультурные звери.

Много страдал Соломон Борисович от пожарной опасности, и, наверное, его сердце не выдержало бы всех волнений, если бы не коммунары. Коммунары не позволяли Соломону Борисовичу сосредоточиваться……

……

……

— Вы посмотрите, что утром делается! Не успели окончить завтрак, а некоторые даже и не завтракают, а бегом в литейную. Каждый захватывает себе масленки и ударники, а кто придет позже, тому уже ничего не остается, жди утренней отливки, жди, пока она остынет.

— Соломону Борисовичу жалко истратить тысячу рублей на новые опоки, а сколько он тратит на доставку глины из Киева? Сколько стоит вагон глины? А формовочный песок возле самой коммуны, сколько хочешь, и сушить формовку не надо, не то, что эта глина.

Соломон Борисович обещал, оправдывался, снова обещал, придумывал разные причины, говорил, что нет железа, что опоки будут тяжелые, что коммунары их не поднимут.

— Поднимем, вы сделайте...

На одном собрании он, наконец, взмолился:

— Что вы мне покоя не даете с этой глиной? Что, я сам не понимаю, что ли? Опоки будут скоро сделаны.

— Когда? Срок? – шумят в зале.

— Через две недели...

Редько с места:

— Значит, будут сделаны к первому февраля?

— Я говорю, через две недели, значит – к двадцать пятому января.

— Значит, к первому февраля будут обязательно?

— Да, к двадцать пятому января обязательно, – гордо и неприязненно говорит Соломон Борисович.

Он становится в позу, протягивает вперед руку и торжественно произносит:

— К двадцать пятому января – ручаюсь моим словом.

В зале припадок смеха. Хохочет даже председатель.

Соломон Борисович краснеет, надувается, плюется, размахивает руками. Он уже на середине зала:

— Вы меня оскорбляете. Вы имеете право оскорблять меня, старика? Вы? Мальчишки?

Хохот стихает, но вежливый румяный и веселый Клюшнев говорит негромко:

— Никто вас не хочет оскорблять. Но я перед всем собранием утверждаю: вы говорите, что новые опоки будут готовы к двадцать пятому января, а я утверждаю, что они не будут готовы и к двадцать пятому февраля.

В собрании тишина внимания: что ответит Соломон Борисович? Но он молча поворачивается и уходит. Все смущены. Кто-то говорит Клюшневу:

— Ты все-таки чересчур. Разве так можно с человеком? Он ручается словом.

Клюшнев спокойно:

— И я ручаюсь словом. Если я окажусь неправ, выгоните меня из коммуны.

В первых числах февраля на мой стол оперся локтями Синенький, поставил щеки на собственные кулачки, долго молча наблюдает, чем я занимаюсь, и, наконец, осторожно пищит:

— Сегодня ж шестое февраля?

— Да, шестое.

— А новых опок еще не сделали...

Я улыбаюсь и смотрю на него.

— Не сделали.

— Значит, Клюшнев Вася правильно говорил...

— Выходит, так.

Синенький срывается с места и вылетает. Только в дверях он оборачивается и делает мне глазки:

— А Соломон Борисович, значит, не сдержал слова...

Но Синенький произвел эту рекогносцировку неофициально. Ни в общем собрании, ни в совете командиров не вспоминают о состязании Соломона Борисовича и Клюшнева. Соломон Борисович недолго обижается. Он оживлен и энергичен и первого марта с торжеством говорит общему собранию:

— Ваше желание, коммунары, выполнено: сегодня готовы новые опоки, и мы переходим на формовку в песке.

Коммунары шумно аплодируют Соломону Борисовичу. Я ищу в зале Клюшнева. Он прячется от меня за чьей-то головой и хохочет, хохочет. Перед ним стоит Синенький и быстро бьет ладонью о ладонь, широко отставив пальцы. Смотрю – и многие коммунары заливаются, но так, чтобы не видел Соломон Борисович.

А Соломон Борисович высоко поднял руку и говорит звонко:

— Видите, что нужно и что можно сделать для производства, я всегда сделаю.

В зале взрыв аплодисментов и уже откровенный взрыв смеха. Смеется и Соломон Борисович…

17. Тоже первые километры

Утром проснулись рано. Всех обрадовал ясный день и знакомый со вчерашнего дня шум Терека. Побежали на горку к ключу и через полчаса уже построились. Проиграли один марш, и снова «вольно» замелькали тюбетейки по Военно-Грузинской. Сегодня

особенно радостно на душе: на каждое впечатление отзываются коммунары бесконечным птичьим гомоном, писком удивления и стремительным бегом. Природа здесь как будто нарочно построилась в нарядные цепи, чтобы встретить дзержинцев, прибежавших сюда побаловаться после утомительных скрипов и визгов ржавого производства Соломона Борисовича. Вот нашли старую дорогу и минутку постояли возле нее, вот влезли в какую-то поперечную речушку, благо сегодня трусики не выходные, вот остановились возле коровы, спустившейся к воде с зеленого склона.

— Ну и корова ж, как коза, а не как корова, – говорит Алексюк, и вокруг него на мгновение замирают пацаньи голоса, чтобы немедленно разразиться:

— Отчего, как коза? Это такая у них и есть корова. А ты лучше посмотри на вымя. Ты видишь, сколько молока?

— Ну и что же? Сколько молока? Три кувшина!

— Три кувшина? Как бы не так. Здесь кувшинов десять будет, а то – три!

— Десять, какой ты скорый!

Старшие идут небольшими группами и солидно делятся впечатлениями. Только такие, как Землянский, не могут идти по дороге, а карабкаются по кручам и откуда-то из-за кустов перекликаются.

Скоро вошли в Дарьяльское ущелье. Оно не поразило ребят ничем грандиозным, но здесь все сложнее, и Терек сердитее.

Остановились возле замка Тамары.

— Так что? Она здесь жила, Тамара эта самая?

— Не жила, называется так...

— Нет, жила!..

— Да как же тут жить? С голоду сдохнешь...

— Чудак ты какой! Она же была царица!..

— Это ты чудак! Если царица, так чего ей сюда забираться? А может, она была того... Без одного винтика? Ну, тогда может быть...

Навстречу по шоссе грузовик, и на нем толпа рабочих. Нам вдруг бросают записку:

«Дальше ходу нету, размыло дорогу, остановляйсь, десятник».

Оглянулись, а грузовика и след простыл. Через два километра натыкаемся на целое происшествие: автомобили, группы туристов сидят на краю дороги и скучают. Коммунары облепили всю горку над дорогой. Расталкиваем толпу и видим: карниз шоссе вдруг прерывается сажени на две и зияет пустотой. Внизу метрах в десяти Терек. Через разрыв переброшена доска, и по ней бегают наши пацаны. К нам подходит человек в замасленном пиджаке и говорит:

— Я дорожный инженер. Вы заведующий этой детской колонией?

— Я.

— Дорогу мы восстановим только дня через три. Но я уже говорил с вашими мальчиками. Можно перебраться по досточке, только, вот, говорят, у вас обоз...

— Да, что же делать с обозом? Другой дороги нет?

— Другой дороги нет.

— А вот что сделаем, – говорит из-за моего плеча Фомичев, — разберем возы, разберем обоз и все перенесем...

— Как же вы возы перенесете? – спрашивает инженер.

— Да как? Колеса отдельно, оси отдельно, а лошадей переведем, у нас еще доски найдутся.

Подошел и наш обоз, вмешались в разговор возчики:

— Вэрна говорит маладой чилавэк...

— Это вам на день работы, – улыбается инженер.

— На день? – поднял брови Фомичев. — Через час уже пойдем дальше...

Думать долго не приходится. Я уже хотел трубить сбор командиров, чтобы распределить работу, как на меня налетел вспотевший и взлохмаченный грузин.

— Ты будешь начальник? Коммуна Дзержинского? Ты телеграмму давал, чтобы хлеб был и обед был?

— А ты кто такой? – спрашиваю.

— Я заведующий базой Казбек! Пойдем поговорим!

— Куда пойдем?

— Иди сюда, чтобы народ не слышал! Тебе нужно назад! Я тебя через Баку отправлю, на Тифлис нельзя идти...

— Да брось, товарищ, мы здесь переберемся.

— Здесь переберешься, дальше не переберешься. А тебе чего надо? – набросился он на коммунаров, уже обступивших нас.

— Да это свои, говори.

— На Тифлис не дойдешь. Это что? Это пустяк! За Млетами Арагва, ай, что наделала, что наделала! Пассанаур нет, Пассанаур поплыл, дороги нет тридцать километров, я оттуда бегом прибежал...

— Да врешь ты все...

— Зачем мне врать? Какой ты чудак! Вот смотри. Видишь, вот люди, видишь? Эй, иди сюда! Вот пускай он тебе расскажет.

Четыре человека подошли к нам. Это артисты из Ростова. Они тоже отправились пешком по Военно-Грузинской. Они рассказали, что чудовищный разлив Арагвы не только размыл дорогу, но и совершенно изменил карту местности. Арагва идет по новому

руслу, частью покрывая шоссе. Пассанаур значительно пострадал. Горы во многих местах подмыты и завалили проходы. Они не могли пройти пешком, возвращаются во Владикавказ. О колесном обозе нечего и думать.

Мы с Дидоренко задумались: что делать?

— Да врет, может, черт чернявый.

— Так вот же артисты!..

— А артисты откуда, может, тоже из Казбека?

— Из Ростова.

Все-таки Дидоренко попробовал:

— Может, у тебя обед не готов, так и выбрехиваешься! И хлеба, наверное, не приготовил!..

— Хлеба не приготовил? А ты думаешь, можно приготовить хлеб? Когда такое горе? Ты знаешь, сколько народу пострадало? А откуда я хлеб привезу. Здесь, видишь, какое дело? А в Пассанауре Арагва, какой тебе хлеб?

— Что же делать?

— Иди назад! Я тебя отправлю через Баку! Я тебя не пущу, я не имею права!

— Как же ты меня через Баку отправишь?

— Я тебе дам бумажку.

— А печать у тебя есть?

— Печати нет…

— Ну, так и убирайся!.. Он меня через Баку отправит.

Я распорядился: всем коммунарам возвращаться обратно. Но коммунары в крик:

— Это все брехня! Наши возчики говорят.

Возчики что-то горячо доказывали в толпе коммунаров.

— Что вы тут говорите?

— Ны правда назад! Впырод можна, назад нэ нада.

— А вы откуда знаете?

— Наш чилавэк пришол, наш чилавэк гаварыл.

— Когда пришел? Когда говорил?

— Тры дня прышол.

— А чего ж ты молчал? – спрашивает Дидоренко.

— Нечиво гаварыть. Впырод можна...

Колька Вершнев подбегает красный, заикается до полного изнеможения.

— В-в-в-верно, н-н-н-адо идти!

Ребята взбудоражены, взволнованы, никому не верят и готовы лезть в какие угодно пропасти. Кто-то разговаривает с заведующим базой в таких горячих выражениях, что я посылаю туда дежурного командира. На Кольку я прикрикнул:

— Ты доктор, черт тебя забери, а поднимаешь глупую волынку.

— А я г-г-г-говорю...

— Ничего не смей говорить, молчи!

— А к-к-к-как же?

Я приказываю Волчку трубить общий сбор. Когда все сбегаются, я приказываю:

— Становись!

— Куда становись?

— Стройся по шести лицом к городу.

Неохотно, надутые, злые коммунары разыскивают свои места в строю, оглядываются и все спорят, но я даю уже следующую команду:

— Равняйся! В оркестре!..

Удивленный Левшаков подымает палочку.

— Шагом марш!

Мы проходим с музыкой километра полтора до замка Тамары. Здесь на полянке, обставленной огромными камнями, у самого Терека, мы устраиваем общее собрание. Председательствует дежурный командир – Роза Красная.

Я доложил собранию, как обстоит дело. Как быть?

Высказывались почти исключительно сторонники продолжения похода. Кампанию проводят Колька и Землянский. Колька несколько успокоился и уже не так заикается.

— Сколько будет стоить дорога в Тифлис через Баку? Четыре тысячи рублей – это раз. Военно-Грузинской не увидим – это два, а провизии зачем набрали на десять дней – три. А пройти наверняка можно. Не пройдем по Военно-Грузинской, пройдем по какой-нибудь другой. Нужно идти – и все. А то через Баку. А как мы в поезд сядем – сто пятьдесят человек, а? А вагоны кто нам даст?

Ребята одобрительно галдят. Все в один голос:

— Врет этот заведующий, наши осетины говорят: можно пройти. И пройдем, вот увидите, пройдем!

Мы с Дидоренко почти в одиночестве – сторонники отступления почти не высказываются.

Я, наконец, попросил слова.

— Не могу, по совести, не могу вести коммуну на такой риск. Я верю заведующему и верю артистам. А что будет, если мы заберемся к Пассанауру, а оттуда ни вперед, ни назад? Хлеба мы сейчас нигде не достанем, потому что сообщение прервано. С нами

пацаны и девочки. Можно разобрать обоз и перенести на расстояние пяти сажен, но этого невозможно сделать на протяжении нескольких километров. Продолжают идти дожди, и мы не знаем, какие еще будут размывы завтра. Может быть, и сейчас мы еще будем отрезаны от Владикавказа. Возвращаются все туристы, у которых нет обоза, а вы хотите идти к Пассанауру, до которого шестьдесят километров, а там засесть на месяц или возвращаться обратно, только время потратим. Мы прошли пятьдесят километров, видели Военно-Грузинскую, не такая большая беда, если вернемся. Зато увидим Баку.

Коммунары недовольно бурчат:

— Опять в вагоны!

— А нарзаны, значит, улыбнулись.

Они мечтали об этих нарзанах как о каком-то необыкновенном счастье – нарзаны ожидали нас почти на перевале.

— А на что вам эти нарзаны?

— А как же? Панов говорил, аж кипят...

— Зато увидим нефтяные промыслы...

— Ну, голосуем, – говорит Красная.

Мы с Дидоренко со страхом ожидаем голосования. Если постановят идти вперед, придется нарушить конституцию и отменить постановление общего собрания.

— За «вперед» 76 голосов, за «назад» 78 голосов, – говорит Красная.

— Что же? Поровну, – говорит Колька.

— Ну, так что же?

Колькина компания вносит предложение:

— Голоса разделились. А может быть, мы правы. Пускай колонна идет к городу, а нас отправьте на разведку. Нас вот пять человек, мы проберемся в Казбек, там все узнаем подробно. Где вы будете ночевать?

— Наверно, у деревни Чми – двадцать пятый километр.

— Мы к ночи вас нагоним. Если окажется, что в Пассанауре ничего страшного нет, вся коммуна пойдет снова в Тифлис.

Кое-кто протестует: до Чми нужно пройти двадцать пять километров... Давайте здесь ожидать разведку.

Я на это не согласился. Все равно из разведки ничего не выйдет, даром потеряем день. Есть постановление, и кончено. Можете идти в разведку, мы вас ожидаем у Чми.

Колька с компанией быстро собрались, взяли у меня несколько рублей и побежали к прорыву.

Через час после обеда мы двинулись на север. Еще через час последние клочки подавленного настроения слетели с коммунаров, и они снова засмеялись, завозились, запрыгали.

Солнце заходило, когда мы в строю и с музыкой подходили к деревне Чми. При входе в деревню небольшая площадка и немного повыше ключ. Здесь расположились на ночлег: распределили площадку между взводами, расставили корзинки, разостлали одеяла. Загорелось пять костров, каждый взвод варил на ужин яйца и чай. Пацаны верхом поскакали поить лошадей.

Все жители деревни сошлись к нашему лагерю. В деревне Чми большинство русских, между ними оказался и дорожный техник. Он подтвердил сведения о пассанаурской катастрофе и сказал, что идти на Тифлис ни в каком случае нельзя и что Военно-Грузинскую дорогу придется закрыть месяца на два.

Уже отдали рапорты командиры и проиграли «спать», когда вернулись наши разведчики из Казбека с опущенными носами:

— Такое делается в Казбеке!.. Народу тысячи, вертаются все. Идти нельзя – это правильно...

С первым проходящим грузовиком ремонтной организации Дидоренко уехал во Владикавказ. Завтра он должен устроить вагоны и возвратиться к нам.

Утром на другой день коммунары занялись приведением в порядок своих корзин, стиркой носовых платков и полотенец. Часть полезла на горы.

Левшаков вызвал охотников перебирать яйца – из ящиков шел сильный запах. Охотников набралось человек двадцать.

На лужайке в сторонке настоящий хоровод. Каждое яйцо идет по кругу, его рассматривают на свет, пробуют на нюх и определяют, куда оно годится. Совершенно исправные укладываются в чистый ящик и пересыпаются опилками, совсем плохие отбрасываются в другой ящик... Свежие, но разбитые сливаются в кружки, таких кружек стоит на горбике целая линия.

— Это наши трофеи, – говорит Левшаков. — Достанем сковородку и зажарим яичницу.

Над нами развернулся в полном блеске тихий жаркий день. Далеко видна дорога на Владикавказ, и по ней бродят пацаны, ожидают Дидоренко.

Дидоренко приехал на извозчике в двенадцать часов.

— Поезд есть на Баку в шесть часов вечера. Я звонил в Ростов и Грозный, сговорился, может быть, уже сегодня для нас пригонят вагоны. Нужно спешить, а я поеду еще звонить...

Он уехал снова в город. Нам нужно пройти двадцать пять километров и к пяти быть в городе, чтобы успеть погрузиться.

Обоз уже готов, построились молниеносно, коммунары уже знают, что волынить нельзя. Местные жители выскочили из своих хат и стоят в дверях, предвкушают музыкальное наслаждение.

— Шагом марш!

Всегда после этой команды ожидаешь удара оркестра, но сейчас моя команда повисла пустым словом в жарком воздухе...

— В чем дело, Тимофей?

Левшаков показывает на бабу, стоящую на пороге первой хаты:

— Сковородки пожалела... буду я для нее играть!

Баба метнула подолом и скрылась в сенях.

Коммунары хохочут, смеются и жители. Левшаков подымает руку:

— Раз, два...

Мы покрываем Чми раздольным полнокровным маршем – у нас в оркестре все-таки сорок пять человек.

Прошли деревню, распустили строй и бросились в город быстрым шагом. Это был очень тяжелый марш – по всей дороге ни капельки тени. Шеи, руки, носы, ноги пацанов здорово подгорели за сегодняшний день. Забавляться по сторонам дороги теперь некогда, коммунары идут, как будто работают: упорно, настойчиво и почти молча. Только пацаны пролетают мимо нас бегом и занимают авангардные места, чтобы через полчаса снова оказаться в арьергарде.

Особенно тяжелы последние пять километров, прямая, как луч, дорога и безлюдные скучные площади предгорий по сторонам. Вот, наконец, и первый километр. Строимся и принимаем в строй знамя. Через город проходим таким же быстрым маршем, почти не замечая тротуаров и только раздраженно отмахиваясь от тучи мальчиков, налетевших на нашу колонну, как комары, влезающих в ряды, галдящих невыносимо.

К вокзалу подошли ровно в пять часов, молча и устало замерли. У Дидоренко нет ничего утешительного – вагонов сегодня не будет, может быть, завтра.

Маршрутная комиссия предложила место для ночлега – сад начальника станции. Сад не сад, но есть и деревья, и травка, и весь он обнесен каменным забором с решеткой. Расстались с возчиками и потащили в сад ящики с консервами, с яйцами, с колбасой... Устроились, приготовили постели, можно отдыхать, обедать, чай пить. Славный теплый вечер, и решетка забора до самого верха забита зрителями.

— Мы – как в зверинце, – говорят коммунары.

По углам сада стали часовые.

Следующий день весь истратили на телефонные разговоры. Только к пяти часам вечера добились толку. Телефонограмма из Грозного гласила, что три вагона прицепят для нас к поезду, который пройдет через Беслан в девять часов вечера, – к поезду № 72.

Я заплатил в кассе за 156 билетов до Тифлиса 4037 рублей.

Беслан – станция на линии Ростов-Баку, а от Беслана к Владикавказу – ветка в двадцать один километр. До Беслана нам нужно дотащиться дачным поездом. Это целая история. Снова грузимся в вагоны, а в Беслане снова выгружаемся. Станция Беслан забита пассажирами, всех согнала сюда Арагва своим истерическим припадком.

Уже темно. Нашли отдельную площадку, на которой еле-еле можем поместиться стоя. Но коммунары умеют очень быстро навести порядок. Через пять минут уже можно жить: у каждого взвода некоторое подобие квартиры, ящики изображают квартирный уют, корзинки сложены правильными стопочками, коммунары беседуют, улыбаются, что-то рассматривают и совершенно спокойны. Хозкомиссия в углу раздает ужин. Дидоренко приносит потрясающее известие.

В телефонограмме Грозного была ошибка: три вагона для коммунаров были прицеплены к поезду № 42, который прошел два часа назад, а к поезду № 72 никаких вагонов не прицеплено, и поезд идет переполненный...

— Так…

— Надо все-таки садиться...

Никто не верит такой возможности.

Начальник станции в панике. Он может дать телеграмму в Минеральные Воды, чтобы для нас освободили один вагон, а остальным придется следующим поездом.

— А когда следующий поезд?

— Завтра утром. Но он тоже будет переполненный...

Если бы не бесчисленное количество наших вещей, если бы не оркестр, если бы не тяжелые ящики...

Командиры взводов высказываются единодушно: разделяться нам нельзя, надо всем вместе ехать.

— Сядем, только нужно, чтобы не было паники.

— А долго стоит поезд?

— Десять минут.

Собираем всех. Я говорю коммунарам:

— Товарищи, нам нужно сесть в переполненный поезд в течение десяти минут. С этого момента никаких разговоров, никакого галдежа. Слушать только команду. Никаких движений без команды. Считайте себя, как будто вы в бою.

— Есть! – кричит все собрание.

На темном перроне все забито людьми, сундуками, чемоданами, мешками. Я вывожу взвод за взводом и выстраиваю коммуну в одну шеренгу по всему краю перрона. Возле каждого коммунара – корзинка, а кроме того, ящик, или труба, или сверток. Публика начала было ворчать, но наша суровая решимость и на нее произвела впечатление. Она состоит почти исключительно из туристов, а это народ настолько культурный, что не будет драться с коммунарами. По всему фронту начинаются знакомства и разговоры.

Через десять минут, обходя фронт, я слышу сочувственные призывы:

— Нет, товарищи, пусть они усаживаются, а мы подождем. Они сами не хотят разбрасываться по всему поезду, это правильно, им нужно три-четыре вагона, и нам останется.

Тем не менее в некоторых точках фронта давление на нашу тонкую линию довольно тяжелое, здесь становится несколько стрелков охраны. Дидоренко взял на себя левый фланг. Он в форме, и это сейчас имеет значение.

Хуже всего то, что мы не знаем, какие вагоны будут менее наполнены и где будет вагон, оставленный для нас в Минеральных Водах. Выделяем разведку из пяти человек: Акимов, Землянский, Оршанович, Семенов и Гуляев. Разведка должна быстро пробежать по вагонам и приблизительно установить наиболее выгодные пункты.

Разведчики сказали: «Есть!» – и исчезли. Я догадался – побежали навстречу поезду, хотел погнаться за ними, но потом махнул рукой – народ бывалый.

Наконец показались фонари паровоза. Коммунары спокойны, пацаны даже о чем-то мирно беседуют, почти шепотом. На станции торжественный порядок, даже публика загипнотизирована и не колышется, не бросается никуда. Поезд подходит медленно, мимо нас мелькают окна вагонов, перерезанные поднятыми полками и спящими телами.

Подошел Дидоренко:

— Плохо, поезд полон...

Поезд остановился, но и мы стоим, совершенно невозможно сообразить, куда бросаться. Начальник станции топчется возле нас:

— Это очень трудное, это невозможное дело...

Подбегает ко мне Акимов.

— Задний вагон свободен...

Теперь уж можно давать команду.

— Второй, четвертый взводы, басы, тенора, баритоны, барабан – в задний вагон.

Второй взвод повернулся и гуськом двинулся к хвосту поезда. Но девочки еле-еле поднимают ящики и корзинки.

— Из первого взвода десять человек в помощь второму!

Бегом прибежали десять коммунаров: сильные, пружинные, ловкие. Я их узнаю – два первых ряда. Второй взвод исчез в тумане едва мерцающих станционных фонарей. Ага, хорошо, вот и пацаны прочапали туда же, у каждого в одной руке корзинка, в другой буханка хлеба, последний – Алексюк, у этого еще и флаг с золотой надписью, значит, все благополучно – взвод в порядке...

— Акимов, наблюдать за посадкой в заднем вагоне!

— Есть!

У Степана Акимовича какая-то новость. Он спешит ко мне с Землянским.

— В пятом вагоне можно кое-как человек двадцать.

— Берите оркестр.

Землянский бросился на далекий правый фланг. Через полминуты музыканты уже у пятого вагона. Эти проклятые вещи страшно замедляют наши движения. Я вижу, что посадка в пятый вагон происходит с трудом, и радуюсь, что отправил с девочками громоздкие инструменты.

Начальник станции гоняет по перрону, как на ристалищах:

— Во втором вагоне можно немного...

Но у Оршановича сведения более точные:

— Во второй вагон можно половину третьего...

— Есть, забирай половину.

Ну, думаю, как будто налаживается. Что там в последнем вагоне делается? Вот и вторая половина третьего убежала к вагонам. Я спешу к голове поезда, посадка здесь страшно трудна, ребята проникают больше через переходные площадки. Когда у ступеньки вагона остается три-четыре коммунара, можно вздохнуть свободно. Свободно вздыхает и начальник станции.

— Кажется, можно давать второй?

Мне и самому так кажется, только и скребет в душе:

— А как там девочки и пацаны?

Я бегу к хвосту поезда. Ударил второй звонок, и вместе с его звуком я с разбегу налетаю на кошмарное видение: первый взвод стоит нетронутый, окруженный тяжелейшими ящиками, а над ним еле поблескивает верхушка знамени. Клюшнев улыбается:

— Как там, все благополучно?

Налетают на первый взвод и начальник станции и Дидоренко. Начальник станции кому-то истерически орет:

— Стой, стой, подожди!

Но возле нас запыхавшийся маленький Гуляев.

— В первый вагон, там никто не садился, там все спят, там можно.

Начальник станции орет:

— В первый вагон, в первый вагон!..

— Идем, – спокойно говорит Дидоренко.

Разрезая толпу пассажиров, бросившихся к вагонам, первый взвод начинает движение: но у каждого корзинка, а ящик с консервами в одну руку не возьмешь. Клюшнев нагружает одних корзинками, а на более сильных взваливает тяжелые ящики. Но уже завертелись между первовзводниками явно посторонние фигурки... прибежали коммунары из третьего взвода на помощь... Здесь можно спать спокойно. Я бегу к пацанам. Девочки и пацаны все в вагоне, но войти в него невозможно. Кое-как проталкиваюсь и соображаю: здесь восемьдесят человек. Колька-доктор навстречу мне и ругается:

— Б-б-б-узовый в-в-вагон, к-к-к-какое-то к-к-купе...

В вагоне шесть купе. Коридор заполнен корзинками, басами, хлебом, ящиками.

Поезд тронулся…

19. Лагери

Коммунары уже успели выспаться в каютах, а «Абхазия» все еще стояла в Батуми. Только после полудня мы отчалили. Пацаны украсили тюбетейками оба борта и радовались, что море тихое, потому что в глубине души пацаны здорово боялись морской болезни. Девочки боялись не только в глубине, а совершенно откровенно, и пищали даже тогда, когда море походило на отполированную верхнюю крышку аудиторного стола. Пацаны, отразив свои физиономии в этой крышке, стали презрительно относиться к сухопутным пискам девчат и говорили:

— Вот чудаки!.. Всегда эти женщины боятся морской болезни.

Но полированная крышка имеет свои границы. Как только мы вышли из батумской бухты, пацаны эту границу почувствовали, побледнели, притихли и незаметно перешли на чтение книг в каютах, спрятавшись подальше от взоров и девчат и старших коммунаров.

А между тем Дидоренко приготовил для коммунаров сюрприз – заказал обед в столовой второго класса. Если читатели ездили на теплоходах крымско-кавказской линии, они знают, что столовые этих теплоходов замечательно уютные и нарядные штуки: большие круглые столы, мягкие кресла, чисто, красиво и просторно. Коммунарам было предложено явиться на обед в парусовках, в первую смену девочкам и музыкантам, а остальным во вторую. Все начали готовиться к обеду, а пацаны и девчата еще больше побледнели: морская болезнь обязательно нападет по дороге в столовую. Спасибо, кто-то пустил слух, что лучшее средство от морской болезни – хорошо пообедать. По сигналу сошлись все, но девчата сидели за столом бледные и испуганные, а Наташа Мельникова,

так недавно и так неустрашимо победившая горячее сердце человека в папахе, сейчас совсем оскандалилась, заплакала и выскочила на палубу. Колька заходил между коммунарами с бутылкой и стаканчиком. К сожалению, я не знал, что он в роли знахаря, и напал на него:

— Ты что же это – босиком и без пояса…

— От м-м-морской болезни, п-п-понимаете...

Дежурный командир Васька Камардинов спросил у Кольки:

— А ты имеешь право без халата капли прописывать? Иди надень хоть халат, а потом приходи с каплями.

Неудача доктора сильно отвлекла внимание коммунаров от морской болезни, даже девочки выдержали испытание геройски. А пацаны, прослышав о таком замечательном влиянии столовой на морскую болезнь, прибежали на свою смену розовыми и радостными и не оставили ни крошки на своих столах. Васька хохочет:

— Вот пацаны, это они, знаете, от морской болезни лечатся – побольше есть, им один матрос сказал.

Колька пришел уже в халате и предлагает пацанам капли, но они гордо отказываются:

— Что мы, женщины, что ли?

После обеда они уже спокойно лазили по теплоходу и заводи между собой мирные обычные беседы:

— Ты думаешь, что это такое?

— Это веревочная лестница.

— Веревочная лестница, ха-ха-ха-ха!

— Веревочная, а какая же?..

— Ванты! Это ванты, а не веревочная лестница.

— Ох, важность какая, а можно сказать и веревочная лестница, тоже будет правильно. А вот скажи, что это?

— Это?

— Ага.

— Ну, и радуйся...

— Бушприт.

К вечеру хлопцы на теплоходе свои люди. Море совершенно утихло, и все вообще соответствовало тем мирным мелодиям, которые разливал над Черным морем Левшаков с верхней палубы, по уверению пацанов называемой спардеком.

Утром следующего дня мы остановились у берегов Сочи.

Я показал коммунарам маяк, возле которого должны расположиться наши лагери. Синенький посмотрел пристально и закричал:

— О, палатки наши видно! Смотрите, смотрите!

Ребята бросились к борту и обрадовались:

— Вот здорово, наши лагери!

Заинтересованные пассажиры тоже радовались:

— В самом деле замечательно, они еще здесь, а там уже квартиры готовы. Вы, наверное, никогда не боитесь квартирного кризиса.

Посмотрел и Левшаков и сказал серьезно:

— Конечно, это наши лагери, вон и Марголин ходит по берегу.

Старшие засмеялись, а пацаны даже обалдели от удивления. Они воззрились на Левшакова, а он прислонил два кулака к глазам и подтвердил:

— Конечно, Сенька, я же его по глазам узнал...

Только тогда пацаны пришли в восхищение.

— Хитрый какой, за три километра и глаза увидел...

На лодки коммунары грузились первые.

— Четвертый взвод, в лодку!

Не лодка, а большая корзина голоногих пацанов, как будто на рынок их вывезли. Поплыли со своими корзинками и малым флагом. С ними и дежурный командир для порядка на берегу.

С последней лодкой оркестр и знамя. Как ни тесно в лодке, а нельзя ехать без марша. На теплоходе закричали «ура» и замахали платками.

На деревянной площадке пристани начинается длинная цепь, ребята передают на высокий берег вещи, мы давно уже привыкли в таком случае обезличивать груз – бери, чья попадется. Я иду по цепи и в конце ее вдруг наталкиваюсь на Крейцера.

— Коммуна имени Дзержинского прибыла благополучно. В строю сто пятьдесят коммунаров, больных нет!

Ребята рады Крейцеру, как родному отцу, держат его за пояс и спрашивают:

— Вы тоже в лагерях с нами?

— Чудак, разве ты не видишь, я больной, мне лечиться нужно.

— Мы вас вылечим, вот увидите.

А вот и Сенька. Он в каких-то петлицах и с револьвером на боку.

— Ты чего это таким Александром Македонским?

Крейцер смеется:

— Да, Сеня имеет вид воинственный...

— Нельзя иначе, понимаете, тут столько бандитов...

Вещи все уже наверху, и маршрутная комиссия побежала за грузовиками.

— У коммунаров и здесь свои правила, – показывает Крейцер.

На берегу столб с надписью: «Купаться строго запрещается», а море кипит от коммунарских тел.

Через полчаса нагрузили машины и сами тронулись с развернутым знаменем. Оркестр гремит марш за маршем, почти не отдыхая. В Сочи переполох, духовая музыка, да еще какая: с фанфарами, тромбонами и целой шеренгой корнетистов. Коммунары, как завоеватели, занимают всю ширину улицы. Автомобили сзади нас кричат и просят. Пацаны в этом случае беспощадны. Сопин, дежурный командир, с которым я иду рядом в строю, говорит мне:

— В Харькове трамваев не пускали, а тут какой-то автомобиль.

На расширенной части улицы одна машина обгоняет нас, и кто-то стоя протестует, ему отвечают смехом:

— Чудак...

Навстречу нам по улице на велосипеде Панов. Он в трусиках и еле-еле достает до педалей. Слез, отдал салют знамени и снова на машину – поехал впереди в качестве гида.

Наконец мы свернули в раскрытые ворота в легкой изгороди и вошли на широкую площадку, заросшую травой, обставленную лимонными деревьями и пальмами. Справа церковь, слева за оврагом школа, а прямо синеет над линией берега море. К берегу тянется в две линии лагерь. Деревянные клетки уже готовы, на них наброшены палатки. Их остается только натянуть и укрепить.

— Стой! Товарищи командиры взводов!

Вышли командиры. Панов вынырнул откуда-то с блокнотом.

— Три палатки оркестра. Палатка для инструмента, три палатки второго взвода…

— Разойдись...

И сразу же застучали молотки, завертелись коммунары в работе. Мы с Крейцером опустились на травку, хватит начальства и без нас. К нам долетают распоряжения Сопина:

— На постройку штабной палатки по два человека от каждого взвода.

— На помощь девочкам от оркестра три человека.

Против нас как раз строятся девочки. У них не хватает сил натянуть бечеву и выравнять все крылья палатки. Прибежал Редько из оркестра и с ним двое.

— Без нас пропадете!

Первый взвод уже расставил часовых по краям лагеря. На часовых наседает публика, заинтересовавшаяся лагерем завоевателей.

Начался месяц в Сочи.

Жить в лагере с коммунарами – мало сказать, наслаждение. В коммунарском лагере есть какая-то своя особенная прелесть, не похожая ни на какую другую. Нас живет здесь сто пятьдесят шесть человек, наша жизнь вся построена на стальном скелете дисциплины, многих правил, обязанностей, само собой понятных положений. Но этот скелет так для нас привычен, так привычно удобен, так органично связан с нами, что мы его почти не замечаем или замечаем только тогда, когда гордимся им. Молодой радостный коллектив живет так, как не умеют жить взрослые. Наша жизнь лишена всякого трения и взаимного царапания, мы здесь действительно сливаемся с природой, с морем, с пальмами, с жарким солнцем, но сливаемся легко и просто, без литературных судорог и интеллигентского анализа и не переставая помнить, что мы дзержинцы, что нас в Харькове ожидают новые напряжения и новые заботы.

Я помещаюсь в штабной палатке с Дидоренко, Колькой и Марголиным. Мне отведена четвертая часть нар. На нарах стоит пишущая машинка, ящик с печатью и бумагой, лежит портфель с деньгами и небольшая библиотечка. В первый же день Марголин и Боярчук провели по всему лагерю электрическое освещение, шнур и лампочки предусмотрительно были привезены из Харькова. Жить можно.

Сигнал «вставать» играют в лагере в семь часов. Через пять минут после сигнала наш физкультурник Бобров уже командует:

— Становись!

Начинается зарядка. После зарядки мальчики галопом летят в море, девочки еще повозятся с купальными костюмами.

Нельзя сказать, что коммунары умеют плавать. Быть в воде для них такое же естественное состояние, как для утки. Они могут сидеть в море целый день, укладываться спать на самых далеких волнах, разговаривать, спорить, играть, смеяться, петь и не умеют, кажется, только тонуть.

В первый же день их неприятно поразила плоская доска, поставленная на якоре для обозначения границы купальной зоны. Дальше этого знака плавать нельзя – от берега метров тридцать. Пробовали не обращать внимания на эту доску, но за нею ездит на лодке дед, уполномоченный идеи спасения на водах, и возвращает хлопцев к берегу. Коммунары произвели героические усилия, чтобы переставить знак подальше. Они всем первым взводом старались выдернуть якорь, но это оказалось трудным делом, главное, не во что упереться, нет той самой знаменитой точки опоры, отсутствие которой не нравилось еще Архимеду. Провозившись несколько часов над этим пустяшным препятствием, кончили тем, что привязали к нему камень и утопили его. На душе стало легче, но на деле проиграли. Спасательная станция обозлилась за уничтожение знака и почти все свои

лодки поставила против нашего берега. Началась война, которая окончилась и моральной и материальной победой коммунаров. Иначе и быть не могло.

До самого горизонта море покрыто коммунарскими головами. Раздраженный спасатель гоняется за ними и приказывает:

— Полезай в лодку!

Коммунары охотно взбираются на спасательное судно и тихонько сидят. Дед выгребает к берегу и начинает злиться:

— Что, я нанялся возить вас? На весла, греби!

Коммунар, улыбаясь, садится на весла. Через пять минут его сосед шепчет:

— Петька, дай я погребу.

Но лодочник не может перенести такой профанации идеи спасения да водах и орет:

— Кататься вам здесь? Прыгай все в море!..

Коммунары, улыбаясь, прыгают и плывут к горизонту.

Дело кончилось тем, что спасательные деды предоставили коммунарам лодки и право заниматься спасанием утопающих и просили только об одной: посторонних не пускайте в море. Посторонние – это все остальные люди, кроме дедов и коммунаров.

С этого момента коммунары разъезжали на спасательных лодках и спасали посторонних. Впрочем, посторонние не весьма стремились в запретные воды, и хлопот с ними было немного. Поэтому коммунары могли на свободе заняться усовершенствованием спасательного флота. Несколько дней Левшаков в компании с Грунским, Козырем, Землянским сидели на корточках возле разостланных на траве простынь и готовили парус. В один прекрасный день они и уехали на парусе.

Из всех коммунаров не могли плавать только двое: Швед и Крейцер. Шведом занялась вся коммуна, а Крейцером – четвертый взвод.

Шведа скоро перестали дразнить, вероятно, он приобрел нужные знания.

Крейцера пацаны поймали, окружили плотным кольцом и потащили к морю. Крейцер уверял, что он и сам может научиться, что не считает пацанов хорошими учителями, но они показывали Крейцеру старую автомобильную камеру и уверяли, что такого хорошего приспособления он нигде не найдет. Несмотря на энергичные протесты, Крейцера ввергли в море и заставили лечь на надутую камеру.

— Теперь руками и ногами… руками и ногами…

Но Крейцер не имел времени думать о руках и ногах, потому что его внимание было сосредоточено на голове. Увлеченные добрыми намерениями пацаны, собравшиеся вокруг камеры в полном составе, действовали довольно несогласованно, поэтому голова Крейцера все время опускается в воду. Не успеет он прийти в себя, его снова окунули и

напоили морской водой. Наконец, он взбеленился и потребовал, чтобы его тащили к берегу. Пацаны послушались, но потом очень жалели:

— Так никогда не научитесь плавать. Поучились полчаса и струсили…

Крейцер от дальнейшего учения отказался.

— Так и запишите: я не умею плавать.

— Теперь будет так: вы едете на пароходе, а пароход тонет, вот тогда пожалеете…

— Надеюсь на то, что такая катастрофа на пароходе еще не скоро будет, а так вы меня завтра утопите. Не хочу!

— Не утопим... Вот увидите!

— Нет, спасибо.

Так Крейцера и не выучили плавать.

Утром ребятам долго купаться нельзя. В половине восьмого с высокого берега трубач трубит «в столовую». Это означает, что все коммунары могут свободно отправляться в городской парк, где нас ожидает завтрак. До парка от лагерей нужно пройти километра полтора, но если идти прямо с пляжа, то гораздо ближе.

В городском парке – открытый павильон столовой и при нем небольшая кухня. Этим учреждением пользуемся только мы по договору с северокавказским ГОРТом, поэтому нас не пугают никакие очереди и никакая толпа. В павильоне может поместиться сразу не больше восьмидесяти человек, поэтому мы едим в две смены. Сигнал, который играли на берегу, – сигнал предупредительный, коммунары располагаются на скамейках и откосах парка. Между ребятами считается дурным тоном заглядывать в столовую и стоять у входа в нее. В столовой вертится только дежурный командир со своим трубачом. Когда накрыты столы и все готово, трубач играет, и по этому сигналу собираются в столовую коммунары. Вторая смена будет приглашена приблизительно через полчаса, поэтому взводы второй смены могут дольше купаться или бродить по лагерю. В столовой каждый коммунар имеет свое закрепленное за ним место. Есть свое место и у меня в «левофланговой смене». Со мной сидят Синенький, Лазарева и Харланова.

Лазарева одна из младших девочек, но она с большим трудом досталась нашему коллективу. Года два назад она жила в детском городке. За плохое поведение и разлагающее влияние педагогический совет детского городка отправил ее в комиссию по делам несовершеннолетних правонарушителей, а эта комиссия прислала Лазареву к нам. Лазаревой сейчас тринадцать лет. Это черноглазая девочка, серьезная и неглупая, но с капризами. Дисциплина для нее понятие абсолютно не священное, поэтому она всякое распоряжение и всякое правило считает для себя обязательным только в том случае, если оно ей нравится. А если не нравится, она за словом в карман не полезет. Слово же у Лазаревой смелое и ядовитое. Вот уже два года Лазарева в постоянной войне с советом

командиров, с общим собранием и со мной. В совете она грубиянит, поворачивается спиной и вспоминает отдельные проступки самих командиров. В общем собрании отмалчивается, а в разговорах со мной плачет и говорит:

— Вы меня почему-то не любите и все придираетесь. Для вас инструкторша что ни скажет, так правильно.

Я ей говорю:

— Да помилуй, ты же и сама не отрицаешь, что работу бросила и ушла из мастерской...

— Бросила потому, что она мне нарочно дает все петли метать, все петли да петли...

— Ты должна об этом заявить в совете командиров, а не бросать работу.

— Вот еще, буду в совет командиров с петлями... А в совете командиров что ни скажи, все не так...

Совет командиров иногда обрушивается на Лазареву со всей силой власти, отстраняет ее от работы, назначает в распоряжение дежурного командира, лишает отпуска, парадного костюма. Но я давно заметил, что репрессии для Лазаревой вредны, они только укрепляют ее протестантскую позицию. Нужно подождать, пока с возрастом у нее придет забвение о каких-то причудах первого детства, а может быть, и детского городка. Дело в том, что Лазарева очень мила, добра и послушна, пока ее что-нибудь не раздразнит. И еще у нее хорошая черта: она быстро забывает все обиды и все угрозы совета командиров.

Я подружился с ней еще в крымском походе. В пешем марше «вольно» мы с нею всегда идем рядом, а она может болтать о чем угодно, не уставая и не требуя от меня особенно глубокомысленных реплик. Она охотно вступает в спор и в таком положении, но это……...

……..……

Макаренко А.С. Пед. соч.: В 8 т. Т. 2, с. 110-121, 126-131, 177-189. При его жизни не опубликовано. Впервые напечатано в 4-й книге Избранных пед. соч. А.С. Макаренко (М., 1949); фагментарно – в ж. «Советская педагогика»; 1944, № 5-6. В пояснительной записке Г.С. Макаренко говорится: «Текст повести «ФД-1» Антон Семенович написал в Москве, в гостинице «Маяк», в марте-апреле 1932 г. во время своего отпуска... Текст этот он написал в трех экземплярах, начисто, без черновиков, на машинке. Часть рукописи он уничтожил, некоторые страницы употребил для черновиков... Составлена настоящая рукопись из собранных мной при жизни Антона

Семеновича первого, второго и третьего уцелевших экземпляров» (т. 2, с. 503-504).

Отсутствуют главы: 10. Трагедии и комедии; 14. Положение на фронте; 26. Поворот оверштаг. Из 27 глав в 18 недостает того или иного числа страниц. Это отчасти объясняется тем, что работая с весны 1937 г. над «Флагами на башнях», А.С. Макаренко пользовался текстом «ФД-1». В общей сложности в нем отсутствует 26 страниц. Отмеченные в публикуемом здесь тексте строки-точки указывают на отсутствующие страницы.

На титульном листе (автограф А.С.Макаренко) «ФД-1» характеризуется как третья часть «Педагогической поэмы» (первая ее часть была завершена в августе 1933 г.). Затем от такого плана А.С. Макаренко отказался. Историю создания «ФД-1» см. более подробно: т. 2, с. 504.

Рукопись была направлена автором в ГИХЛ и там «принята к печати», как А.С.Макаренко сказал в письме А.М. Горькому 5 окт. 1932 г. (т. 1, с. 251). Рецензировал ее Ю. Лукин; в отзыве 7 окт. 1932 г. он писал: произведение в 15 печ. листов, как продолжение «Марша 30 года», представляет «интерес для советских и зарубежных читателей», написано участником событий, публицистично; «ценный материал о своеобразном учебно-воспитательном учреждении», нуждается в сокращении «эпизодов местного значения, мелочей (кавказский поход)», в стилистическо-редакторской правке; «заключить договор на 11-12 печ. листов». Резолюция: «Надо заключить договор. 8/X 32». Подпись неразборчива. (РГАЛИ, ф. 611, оп. 2, д. 243, л. 47, с об.).

«ФД-1», как и «Марш 30 года», – цикл документальных очерков; фамилии коммунаров, других действующих лиц здесь, как правило, не изменяются, нет изменений в датировке событий.

Произведение начинается описанием возвращения коммуны из крымского похода, затем ретроспективно изображаются главные события 1930 года (т. 2, с. 128-153), далее описывается 1931 год: реконструкция производства, кавказский поход, окончание нового строительства, пуск завода электросверлилок, освоение производства (период до марта 1932 г.). Обобщено о 1931 годе – с.

106. Глава «Симфония Шуберта» отличается от других: это предполагаемый фрагмент «Флагов на башнях», изображается «колония имени 1 мая», в преддверии пуска завода.

Наименованием произведения стала производственная марка в виде инициалов «Феликс Дзержинский» и цифры 1 – номера модели. Это продукция первого в СССР завода точного машиностроения, электроинструмента. Но главное – это люди «новой марки», способные бороться и строить, любить жизнь, находить счастье в организованности, созидании и творчестве.

В художественную ткань произведения вплетено решение фундаментальных проблем педагогики: воспитание и жизнь, ее производительно-трудовая основа; становление нового образа жизни в делах и поступках молодого поколения, в его взаимодействии со старшими; сочетание труда, образования и культурного отдыха, оздоровительной работы; многообразие индивидуальных проявлений личности в коллективе.

Особое место занимает глава, имеющая теоретическую направленность, – «В пучине педагогики». Она посвящена основополагающей проблеме: связь природно-биологического и социального начал воспитания; четко излагается макаренковский тезис о приоритете практики, жизненного опыта в воспитании, в формировании сознания и системы действенных знаний; острой критике подвергается «словесное воспитание».

Публикуются 6 глав; опущены главы: Похоже на вступление, К теории мутаций, Арифметическая поэзия, Дело при Ваграме и другие дела, Часы и дни, Чудеса техники, Трагедия, На дороге, Четырнадцатое июля, Первые километры, Почти туристы, Люди и медведи, В Харьков, Кое-что о коэффициентах, Первые атаки, На боевых участках, Симфония Шуберта, Похоже на эпилог.

В опущенных главах есть правка: «Соломон Борисович гордился «стадионом» до приезда в коммуну Всеволода Апполоновича Балицкого» – рукой Г.С.Макаренко заменено: «председателя правления»; «Степан Акимович Марголин» – исправлено рукой А.С.Макаренко: «Семен Моисеевич»; «Броневой» – исправлено рукой

Г.С.Макаренко: «Крейцер», с добавлением: «один из молодых педагогов» (ошибочно).

О ведущих членах правления коммуны А.С. Макаренко говорит как о «четырех Г.»; в действительности «четыре Б.»: Балицкий, Блат (Блатт), Броневой, Букшпан.

Макаренкоские письма Г.С. Салько (Макаренко) этого периода, из Москвы, не обнаружены.

[1] Тема рассказа «Глупый день» (1914 или 1915 г.) – семейно-бытовая драма, характерная для социальнополитической атмосферы России 1905-1917гг. Прототип главного персонажа рассказа – Елизавета Федоровна Григорович, тогда близкий друг А.С.Макаренко (в «Педагогической поэме» Елизавета Федоровна; см. т. 4, с. 12; т. 7, с. 177). Ее муж (от которого она ушла в 1905-1906гг., на учебу) – Д.И. Григорович, священник Покровской церкви в Крюкове.

В «Приказе по временному генерал-губернаторству г.Кременчуга» №9, 23 декабря 1905г., говорится, что он принял участие в состоявшемся 6 декабря на территории Крюковских железнодорожных мастерских собрании, имеющем «анархически-революционный характер» (около 6тыс.чел., «со знаменами красного и черного цвета», с призывами «открытого восстания»). Д.И. Григорович «совершил там молебствование, но многолетия перед образом Св.Чудотворца Николая не возгласил». Губернатор предотвратил «демонстративно-революционное движение» по посаду Крюков и г.Кременчуге, угрожая встретить его «градом пуль и штыками». Д.И. Григорович был активистом Союза русского народа.

Обращение А.С. Макаренко к данному событию показательно для его «мироощущения» в период между русскими революциями 1905 и 1917гг. (Дается по материалу, предоставленному Н.Н. Оксой).

[2] На оборотной стороне листов рукописи после слов «Написан ли фон?»следует 2 абзаца:

«Я начинаю рассматривать нашу советскую жизнь и ищу фон. Пробовал учиться у великих мастеров – ничего не выходит. У них все это было легко. Небеса, темные и прохладные дубравы, тихие и сонные мещанские будни. Можно накрепко укрепить мольберт на

одном месте и писать, писать… Можно даже лечь, отдохнуть, проснуться и продолжать писать все тот же фон.

Попробуйте теперь подойти к окну с таким философским спокойствием. Ну, никаких небес, а есть зарево иллюминаций, курьерские скорости вихрей и облака, перемешанные с дымом заводов. Даже и слова такого нет. Наш человек если и представит такую дубраву, то обязательно со столбиком какого-нибудь отдела пятилетки – либо лесное хозяйство, либо осушение, либо дорога. Поэтому по вопросу о фоне, на котором рисовалась бы коммунарская жизнь, мне приходилось говорить чрезвычайно осторожно, ибо наша жизнь совсем иная, и нельзя…»

[3] Персонаж романа И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев» – авантюрист Остап Бендер охарактеризован авторами как «великий комбинатор».

[4] Старшие дзержинцы шефствовали над малышами, называли их «корешками» (от жарг. слова «кореш», близкий друг).

[5] Фамилия «Болотов» внесена в текст рукой А.С.Макаренко вместо фамилии – «Колтюхов».

[6] «Ваня Григорьев»: вписано рукой А.С.Макаренко вместо «Ваня Иванов».

[7] Здесь на полях помета А.С.Макаренко: «Ермоленко – Воленко».

[8] Художественное изображение этой шутки в повести «Флаги на башнях»: т. 6, с. 232-233.

[9] Здесь в рукописи отсутствует 5 страниц, где было дано юмористическое обозрение в стихах «Постройка стадиона», написанного и поставленного под руководством А.С.Макаренко. Этот текст входит в материал «Литературные обозрения для эстрадных представлений» (РГАЛИ, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 37).

Пролог начинается с монолога С.Б. Когана (в исполнении коммунара Агеева), где перефразируется монолог Бориса Годунова из одноименной трагедии А.С. Пушкина:

… Мне счастья нет. Я думал коммунаров
в цехах и производстве успокоить,
зарплатою любовь их всех снискать,
но отложил пустое попеченье…

Далее идут драматические сцены производственных неудач коммуны, приезд С.Б.Когана, танец приехавших с ним кустарей, торжественный марш коммунаров, пантомима постройки «стадиона», посещение строительства членами правления коммуны. Использованы текст «Евгения Онегина» А.С.Пушкина, музыка из опер «Евгения Онегина», «Риголетто», «Кармен».

[10] Этими стихотворными строками заканчивается обозрение «Постройка стадиона». Его художественное изображение – в «Флагах на башнях»: т. 6, с. 205-207.

В 1933 г. ставилась «Коммунарская феерия в одном акте с музыкой, танцами и повышением производительности труда». Ее действующие лица – коммунары, инженеры и Электросверлилка и Лейка (продукция коммунарских заводов электроинструмента и фотоаппаратов), см. указанный выше архивный источник.

Юмористические и сатирические обозрения ставились и на другие темы, в том числе и международные: «Дзержинцы в Европе» («Паровоз»), Red Army. Во «Флагах на башнях» – т. 6, с. 205; т. 2, фотовкладка.

[11] В рукописи – Букшпан. Исправлено здесь и далее рукой А.С. Макаренко: Крейцер. Беседа Крейцера с коммунарами: «Флаги на башнях», т. 6, с. 173-175.

[12] Выполнение этого промфинплана – далее в т. 2, с. 153: арматурный цех – 86%, деревообделочный – 108%, швейный – 130%, коммуной в среднем – 102%. Всего выпущено продукции по себестоимости на сумму 174 000 рублей. О «плане первого квартала» и производственном соревновании, его отражении в «диаграмме» – во «Флагах на башнях», т. 6, с. 202-203, 218-220, 233-234, 288-289.

[13] Говорится об обследовании правлением коммуны ее производства, особенно в противопожарном отношении.

В конце книги (т. 2, с. 214) после слов «... чуткий руль коммуны», до слов «Впереди еще много...» – текст, зачеркнутый А.С.Макаренко: «А сейчас страшно интересное дело – помощь колонии им. М. Горького.

Четыре года прошло с того зимнего дня, когда шестьдесят колонистов-горьковцев, запушенные снегом, маленькие и бодрые,

перебрались в нашу коммуну и положили основание нашему коллективу. После этого почти еженедельно дзержинцы и горьковцы встречались друг с другом. Вместе встретили и вместе проводили Горького. Но потом разошлись наши пути в разные стороны.

По колонии Горького прошли новые люди, прошли со своими точками зрения и педагогическими убеждениями, прошли «с верой в человека» и с «идеальной чистотой души»... – и ничего не осталось от старых горьковских традиций.

В последнее время приходили в коммуну беглецы из горьковской, последние остатки старых горьковских кадров, и плакали. Так перебрались к нам Звягин и Дорохов, и Гетте, и Павлова.

В феврале Колька Шершнев, Волошин, еще несколько старых горьковцев, наши коммунары-старики подняли вопрос о возрождении горьковской колонии.

Вопрос этот прошел огни, воды и медные трубы и подвигается к победному решению. У нас свободны старые мастерские, есть свободные деньги. Предполагаем одно управление в двух коммунах – нечто вроде дивизии.

Забегали грузовые и легковые [автомобили] между нами и колонией, замелькали уже перед нами новые будущие дни, новые усилия и новые победы. Что, хвастовство? – Нет, обязательно победы.

Соломон Борисович говорит:

— Что четыреста мальчиков? Ну так что? Можно иметь продукции на 2 миллиона. Вы думаете, это плохо?

— Это хорошо, Соломон Борисович».

Следовательно, А.С.Макаренко в это время предпринял еще одну, третью попытку создания «крупного воспитательного предприятия». План, возникший осенью 1925 г. (см.: Макаренко А.С. Школа жизни, труда, воспитания... Часть 1, с. 156-164), был реализован летом 1926 г. в виде объединения Полтавской трудовой колонии им. М. Горького и Харьковской (в Куряже) колонии им. 7 ноября. Вторая попытка осуществления этого плана – организация Трудового детского

корпуса Харьковского округа (весна 1927 г. – февраль 1928 г., см. там же, с. 209-255).

Третья попытка: объединение колонии горьковцев и коммуны дзержинцев «на началах федерации», под «общим руководством» А.С.Макаренко – не удалась, т.к. этого не захотели «шефы коммуны» (т. 1, с. 251-252). Четвертая попытка – лето 1934 г.: план создания детской колонии с «серьезным производством» и «школой на разные вкусы и способности», на 12 тыс. человек или 12 колоний по 1 тыс. человек (т. 1, с. 207-210, 258).

Дополнения. **10 мая 1932 г. «Выборы совета командиров XIV созыва. ССК – Землянский.**

28 мая. В первый раз заводом выпущено 50 электросверлилок в день.

29 мая. Новый подбор на вокзале 50 новых воспитанников.

2 июня. Начало проектирования производства фотоаппаратуры типа «Лейка» (ФЭД). Организатор – тов. Броневой.

21 июня. Введение в учебный план коммуны военизации коммуны.

21 июня. Постановление правления о начале проектирования электрошлифовалки и более мощной электросверлилки типа «Блек и Деккер» (америк. производства – А.Ф.).

Организация специального экспериментального бюро по разработке пленочного фотоаппарата типа «Лейка».

Перевод завода на хозрасчет.

Утверждение строительства бани-прачечной, водопровода и канализации.

6 июля. Постановление о переходе цехов на хозрасчет.

16 июля. Начало 3-го коммунарского штурма за 1000 сверлилок в июле.

30 июля. Выпуск в июле 1002 сверлилок.

31 июля. Выезд коммунаров в отпуск в Бердянск» (вблизи г.Бердянска Запорожской обл., на берегу Азовского моря, с приморскими курортами и домами отдыха. Лагерная стоянка, экскурсии на предприятия (консервной промышленности,

нефтеперерабатывающей и др.), выход в море с рыболовной флотилией, театральное представление на берегу моря и др.

(Втор. рожд., с. 29-30).

Письмо М.М. Букшпану, середина августа 1932 г.

Дорогой Михаил Маркович!

Простите, что пишу карандашом, мы в походе и еще не устроились, стараюсь как можно разборчивее.

Сегодня получили Ваше письмо – на него отвечаю подробно.

Токаренко меня не удивляет – это страшно отставший тип, и я никогда не дал бы ему отдельного отпуска, если бы моя воля. Коммунары его, наверное, будут выгонять, по совести говоря, мне не хочется выступать в его защиту. Помните историю 1930 г., когда тот же Токаренко участвовал в продаже пальто и часов с Гершановичем? Тогда Вы здорово защищали виновных, и я под Вашим влиянием и по Вашему наущению[1]…

В этом пункте основной вопрос советской педагогики, и в письме его не решить. Личность или коллектив? Я хочу орудовать большими числами и доказывать, что выгоднее жертвовать отдельной личностью и воспитывать коллектив, чем возиться с отдельным человеком, хотя бы и с некоторой надеждой на успех, но с явными травмами для коллектива.

Для меня сейчас этот вопрос имеет прямо жизненное значение.

Токаренко нужно выгнать еще и потому, что коммуна теряет и свое воспитательное значение и свою воспитательную силу и уже не может рассчитывать на особенный успех в трудных случаях.

Я это мог бы предсказать заранее и мог бы это доказать теоретически, но ведь достаточно и фактов. С такими, как Токаренко, Белостоцкий, Лазарев, Жуков, Яковлев, можно справиться только при помощи самого энергичного поднятия культурного уровня и обязательно на фоне действенного, полного достоинства и уверенности коллектива.

По отношению к воспитательной работе коллектива мы сейчас поступаем прямо самоубийственно и очень быстро скатываемся на позиции Болшева и Прилук, совершенно безграмотные с точки зрения воспитательной логики.

Утверждение, что никакого воспитания не нужно, что воспитывает только работа на производстве, – одна из завиральных идей, которыми так полна педагогическая кустарщина. Подобных, скороспело изобретенных, на вид даже революционных, а на самом деле затасканных мещанских «педагогических» афоризмов я в последние 4 месяца наслушался довольно. Заменять четкую и до конца продуманную воспитательную систему

случайным набором «педагогических взглядов» – значит быстрыми шагами приближаться к обычному типу детского дома, и никакой завод нас от этого не спасет.

Тов. Максимов[2] не силен был в педагогической логике, да он ничего и не решал, решали другие, а иногда даже и никто не решал, а решали обстоятельства, как будто не имеющие никакого воспитательного значения. Но была надежда, что он постепенно научится разбираться в воспитательных вопросах. Теперь новый человек, значит, новые установки и мнения.

За зиму и весну 1932 г. коммуна очень мало продвинулась вперед в воспитательном отношении. Был бесконечный штурм, закончившийся июльской горячкой. Скажите, кому нужна была именно 1000 сверлилок, если для этого нужно ввести 12-часовой рабочий день, разрушать всю коммунарскую организацию, покончить с книжкой и всякой другой культурной работой, перемешать день с ночью, а некоторых прямо вогнать в туберкулез. А впереди какая-то «основная рабочая» смена или 6-часовой рабочий день. Ажитация, хотя бы и производственная, разве это здоровые условия для воспитания?

Самый лучший выход, какой намечается, чтобы использовать станки, – это прием приходящих коммунаров – тоже не очень блестящ. Это обратит коммуну в вокзал, в проходной двор, и от нашей воспитательной четкости, конечно, ничего не останется. Представьте себе только раздачу пищи в 4 смены.

Явно коммуна направляется к определенному пункту: это завод для несовершеннолетних с общежитием и столовой для рабочих и с кое-какой учебной установкой. Для того чтобы держать этих молодых рабочих в повиновении, нужен такой какой-нибудь Макаренко – старший надзиратель[3]. Вот и всё.

И не заметили того, что самое замечательное, что есть в коммуне, – это коммунарский коллектив. Его не заметили, как не замечают здоровье.

А этот коллектив – плод огромной филигранной работы целого десятилетия. Это огромный и, может быть, единственный в Союзе педагогический опыт, а мы к нему отнеслись так расточительно и легкомысленно, просто начали его потреблять с жадностью и не оглядываясь, как пришлось по аппетиту Кочубиевского[4]. А как раз этот коллектив и интересует всех окружающих, только он и славен и у нас, и за границей.

Только работа этого коллектива над собой, только школа и книга могут определить наше движение вперед. Завод только часть общей работы над коллективом. А у нас раздали награды за копию немецкой шлифовалки и не заметили первого в Союзе выпуска рабфака беспризорных. Да и как могли заметить? Я 5 лет работаю в коммуне, и мне никто ни разу не выразил официальной благодарности, педагоги в коммуне – это парии, которые заслуживают только одного – «выгнать», с которыми даже не здороваются при встрече.

Истратить 1000 рублей на школу – целое событие, наша школа живет больше подачками ЦКПД[5] и Наркомпроса.

Я совершенно не хочу разливаться в скорби. Очевидно, моя роль в коммуне просто закончена. Я воспитатель, я потратил 12 лет на уточнение и практическое воплощение идеи коммунистического воспитания, я создал для этого с большим трудом опытный коллектив, который оправдал все мои положения. Уже сейчас я могу писать теорию. Я имею, наконец, имя, хотя бы в пределах Союза. Какое я имею право похерить всю свою работу и отказаться от всех выводов моего опыта, совершенно необходимых для Советского Союза, и обратиться в надзирателя, в «помощника» случайных меняющихся людей, хотя бы и заслуженных и почтенных, но не имеющих никакого отношения к проблеме советского воспитания?

Второй раз у меня вырывают работу из рук – первый раз в колонии им. Горького в 1927 г., когда наркомпросовские дамы испугались командира, и второй раз, сейчас, когда Кочубиевскому захотелось употребить и дисциплину, и мощь, и культуру нашего коллектива для производственного марафета. В первый раз мне посчастливилось отступить к Вам с отрядом в 60 человек, а теперь и отступить некуда. Кроме того, тогда я был холост, а теперь я связан с семьей, с квартирой и прочими сложностями. Только потому я в апреле и согласился сделаться помощником Максимова.

А теперь я вижу, что совершил преступление и перед собой, и перед своим делом.

Я хочу одного, чтобы Вы лично меня поняли, больше мне ничего и не нужно. Никого не попытаюсь убеждать или жаловаться. По возвращении из отпуска коммунаров буду просить об увольнении по семейным обстоятельствам. Где-нибудь начну новую работу, а где, еще и сам не знаю, мне бы хотелось в Крыму, этого требует здоровье моей жены[6].

Я очень Вам благодарен за то человеческое, понимающее отношение ко мне, с которым Вы были всегда на протяжении 5 лет. За все время моей работы Вы единственный человек, который понимал глубину нашего опыта и умел видеть единственную ценность, заслуживающую внимания, в нашем пацане, в его человеческом росте. Я настолько дорожу Вашим отношением, что мне хочется мечтать...

А.С.Макаренко. Пед. соч.: В 8 т. Т. с. 48-50. Написано в два приема; последняя страница 2-й части письма не дописана, половина ее чистая. Адресовано в Одессу, где М.М. Букшпан был в санатории. Без даты; по содержанию датируется началом августа 1932 г.

Реагируя на это письмо, М.М.Букшпан 20 авг. писал начальнику коммуны И.П. Судакову: «Между прочим: Макаренко хочет уходить. Сейчас его отпускать нельзя. Нужно подобрать соответствующую замену, нужно тебе освоиться. Пока нужно создать ему максимум

условий для работы, а если он будет настаивать – отпустить» (цит.: Опускула макаренкиана, № 11, с. 169-170).

А.С.Макаренко заостряет принципиальный вопрос о приоритете коллектива в воспитании: право коллектива на свою защиту; обеспечение защиты личности в коллективе; работа с личностью, «выпадающей из коллектива». Он считает: «для меня этот вопрос имеет прямо жизненное значение».

Выдвигая коллектив как главную ценность воспитательного процесса и его основной фактор, А.С. Макаренко выступает против самодовлеющей роли производства в педагогическом учреждении. «Параллельность» производственного и воспитательного процессов предполагает «превалирование педагогических целей», об этом он писал еще в 1925 г., осмысливая «чисто педагогическую систему хозяйства» (производства), а также факт «нейтральности трудового процесса», не мотивированного социально, в воспитательном отношении (А.С.Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания… Часть 1, с. 158, 167 и т. 3, с. 454).

Для него главное: не человек для производства, а производство для человека. «Завод только часть общей работы». Глубинная сущность макаренковского опыта – «в нашем пацане, в его человеческом росте» (конец письма), в полноценном социально-нравственном развитии личности.

А.С.Макаренко в это время, несомненно, писал письма Г.С.Салько (Макаренко), но они неизвестны.

[1] Далее часть письма отсутствует. Его продолжение – на той же бумаге, другим почерком, со сбитой нумерацией страниц.

[2] Максимов М.А. – до этого времени и.о. начальника коммуны им. Ф.Э. Дзержинского (с 10 марта 1932 г.). Затем – И.П.Судаков.

[3] Уже в это время, летом 1932 г., А.С.Макаренко увидел в своем опыте опасную тенденцию: педагогически неоправданное расширение производства ведет к тому, что «коммуна теряет и свое воспитательное значение, и свою воспитательную силу» (см. выше).

[4] Кочубиевский – инженер, ответственный за организацию коммунарского производства с марта 1932 г.

[5] Центральная (украинская) комиссия помощи детям, межведомственная организация.

[6] 6 августа 1932 г. сектор кадров Наркомпроса Крымской АССР направил А.С. Макаренко приглашение заведовать организационно-учебной частью трудовой колонии в Тавеле (РГАЛИ, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 360, л. 6).

Дополнения. **31 августа 1932 г. «Возвращение коммунаров из Бердянска.**

8 сентября. Перевыборы бюро комсомольского коллектива. Секретарем избран Швед. Коммуна имела уже три цеховых ячейки и общее число комсомольцев достигло 180 человек. Комсомольская организация уже имеет опыт большой производственной и организаторской работы.

15 сентября. Пять коммунаров поступили в военно-инженерные институты и 13 в Харьковский машиностроительный институт.

20 сентября. Выборы совета командиров XV созыва. ССК – Волченко. Этому созыву выпала честь праздновать 15-летие Октября и 5-летие коммуны. В коммуне снова большие планы впереди».

(Втор. рожд., с. 30).

Письмо А.М. Горькому, 5 октября 1932 г.

Харьков, 5 октября 1932 г.

Дорогой Алексей Максимович!

Вместе с коммунарами-дзержинцами я приветствовал сорокалетие Вашей работы, и наше приветствие было напечатано в «Правде» в номере, посвященном Вам[1]. Заметили ли Вы его?

А сейчас у меня появилась надежда, что Ваш юбилей поможет возродиться идее горьковской колонии, правда, уже в другом месте. Третьего дня в московских газетах было напечатано, что МОНО[2] решил открыть образцовую коммуну для беспризорных Вашего имени[3]. Мне показалось, что я имею преимущественное право просить поручить эту коммуну мне. Кого просить? Может быть, в Москве меня мало знают. Я решился затруднить Вас напоминанием о себе.

Это письмо, вероятно, выйдет длинным, простите за это, но мне думается, Вы не будете сердиться за мой рассказ, если вспомните, что мы с Вами долго переписывались.

После Вашего посещения колонии им. Горького[4], если Вы помните, я из колонии должен был уйти, так как не хотел поступиться ни одним словом из своих педагогических

верований. Вы тогда выступили на мою защиту, но даже Ваше слово не пробило толщу наробразовских предрассудков и завирательной болтовни. Я спас остатки своего дела в коммуне им. Дзержинского, куда вместе со мной перекочевала сотня горьковцев и часть персонала. Они и до сих пор еще называют себя «старыми горьковцами».

Мне кажется, что Вам коммуна им. Дзержинского не совсем понравилась[5]. Вас, вероятно, смутило кажущееся внешнее богатство. Но за этим богатством скрывался хороший рабочий ребячий коллектив, воспитанный в горьковской колонии. За прошедшие с тех пор четыре года дзержинцы многого достигли: давно уже перешли на полную самоокупаемость, открыли у себя рабфак, построили новый, во всех отношениях замечательный завод, приняли много новых беспризорных. Сейчас это во всех отношениях интересное учреждение, красивое и культурное, делающее большую и нужную работу. В этом году мы выпустили в вузы двадцать четыре человека.

Я не спускал глаз с горьковской колонии, она пережила много тяжелых дней. В ней несколько раз менялись заведующие, это было плохо. Еще хуже было то, что наробраз провел настоящую победоносную войну против всех остатков «макаренковщины», разогнал всех моих помощников, а многие ребята и сами ушли[6]. В результате всех этих мероприятий к весне этого года колония страшно обеднела и упала во всех отношениях: побеги, воровство, пьянство, об этом писались целые страницы в харьковских газетах.

В марте «старые горьковцы», и живущие в коммуне, и давно вышедшие в самостоятельную жизнь, врачи, агрономы, педагоги, поставили вопрос о возрождении колонии. Горьковские ребята, а они все знают о старом блеске колонии, встретили эту мысль с настоящим энтузиазмом. Было несколько встреч и общих собраний дзержинцев и горьковцев, побывал и я в колонии. Намечалось объединение двух колоний на началах федерации под моим общим руководством. В наробразе давно исчезли старые противники моей системы, давно уже признаны достижения коммуны им. Дзержинского, возражений с этой стороны не было. Но не захотели такого объединения мои теперешние шефы. Мне пришлось отказаться от продолжения горьковской истории.

Сообщение в московских газетах об открытии новой коммуны Вашего имени меня снова взволновало. Я предъявляю мое право на работу в колонии Вашего имени и считаю, что это право никто оспаривать не может: с 20-го г. я, кажется, один во всем Союзе стоял во главе коллектива горьковцев. Ведь нас объединяло не только официальное Ваше шефское имя, но и реальное объединение наше вокруг Вашей личности, жизни и Вашей мысли. Много моих воспитанников сейчас работают в Союзе, и они до сих пор с гордостью называют себя горьковцами и не теряют связи ни со мной, ни друг с другом. И вот мы, горьковцы, считаем, что организация новой коммуны горьковцев должна быть нашим делом.

Нас интересует в данном случае не только желание снова работать в горьковской колонии, но и чисто деловые соображения: ни для кого не секрет, что детские дома и колонии у нас плохо живут и работать в них до сих пор не умеют. А колония Вашего имени должна быть во всех отношениях образцовой. Мы чувствуем за собой и силу и опыт такую колонию создать. И есть какая-то красота в том, что новую Вашу колонию создадут не бюрократические деятели, а Ваши старые друзья – горьковцы.

Важно еще одно обстоятельство: в той же телеграмме из Москвы сказано, что создается и техникум им. М. Горького для подготовки работников внешкольного типа – педагогов. Прямо не пойму, почему именно внешкольного, когда у нас совершенно нет работников для детских домов, а готовить их наши педвузы не умеют. Я считаю, что при коммуне им. Горького надо иметь техникум для подготовки работников таких коммун. Я не хвастун, но ручаюсь, что такой техникум могу создать только я, и, может быть, еще три-четыре человека в Союзе, ведь для этого нужно иметь огромный опыт работы с беспризорными, а у нас этот опыт редко кто выдерживал больше двух-трех лет. Для подготовки таких работников нужна совершенно особая программа. В глубине души я думаю, что эта программа пригодится вообще для создания советской школы воспитания, но это пусть так и будет в глубине.

Я Вас прошу: помогите сделать это большое и нужное дело, помогите это дело сделать нам, горьковцам. Сколько их я смогу насобирать, я еще хорошо не знаю, но за успех я ручаюсь.

Никаких своекорыстных мотивов у меня, конечно, нет. В коммуне им. Дзержинского меня ценят и любят, хорошо платят, и дело способно удовлетворить работника, но здесь уже все сделано, осталось наводить последний лоск. Правда, и здесь не дают мне полной свободы творчества, и здесь находятся охотники потребить то, что добыто огромным моим напряжением, но ведь от этого нигде не избавишься. И еще одно – мне надоела Украина, ибо я всегда был просто русским человеком, а Москву люблю. Но это все соображения второстепенные.

Я знаю, что первые годы в новой коммуне для беспризорных всегда каторга, но к этому влечет по привычке, а ведь в Москве пахнет горьковской колонией – вот, даже странно как-то представить, что колония им. Горького – и вдруг без меня.

Я, наверное, слишком многословен, а Вы и так уже увидели и почувствовали мою правду.

Я не знаю, как это сделать, мне кажется, что Вы имеете право выбирать заведующего Вашей коммуной. Мне бы хотелось участвовать в самом проектировании колонии, потому что тогда легче всего наделать всяких глупостей.

В МОНО меня когда-то знали[7], о коммуне им. Дзержинского знают наверняка. На днях выйдет в ГИХЛе моя книга «Марш тридцатого года», которая о коммуне много расскажет интересного[8]. Может быть, и это поможет.

Кстати, о моей литературной деятельности: в ГИХЛе принята и вторая рукопись «ФД-1», большой очерк листов на двенадцать, а самая дорогая для меня работа, «Педагогическая поэма», изображающая не сладкие достижения, а тяжелейшую борьбу в горьковской колонии, полную не только пафоса, но и преступлений, между прочим моих собственных, книга, посвященная Вам, лежит у меня дома: как-то страшно выворачивать свою душу перед публикой с такой щедрой искренностью.

Все-таки простите за такое длинное письмо. Но если Вы его прочитали, я почему-то уверен, что колония им. Горького будет в моих руках, серьезно, иначе быть не может, это было бы просто недопустимо.

Преданный Вам

А. Макаренко

Харьков, 54,
коммуна им. Дзержинского,
А.С. Макаренко

А.С.Макаренко. Пед. соч.: В 8 т. Т. 1, с. 251-253. Примечательна отмеченная здесь установка: работа А.С.Макаренко с беспризорными детьми и несовершеннолетними правонарушителями неотделима от «создания советской школы воспитания». Такую позицию он занял уже летом 1921 г.: переориентация на «трудовую колонию для нормальных детей» (А.С. Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания... Часть 1, с. 23; см. также с. 46 и др.). Важно и то, что А.С.Макаренко высказал готовность руководить подготовкой работников трудовых детских коммун.

[1] «Правда», 25 сент. 1932 г.: «Приветствие бывших беспризорников» – напоминание горьковцев о себе, кратко говорится о коммуне, ее достижениях. «Мы строим и будем строить вместе с рабочим классом социализм под руководством славной партии Ленина». «Мы очень просим Вас 29 декабря этого года, в день 5-летия нашей коммуны, приехать к нам».

[2] Московский отдел народного образования (вероятно, областной).

[3] «Правда», 2 окт. 1932 г.

[4] О посещении А.М. Горьким колонии его имени и коммуны им. Ф.Э.Дзержинского см.: А.С.Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания... Часть 1, с. 282-293. В Книге посетителей коммуны А.М. Горький написал: «Коммуна им. Дзержинского – прообраз построения бесклассового общества».

[5] А.С.Макаренко, видимо, учитывает очерк А.М.Горького «По Союзу Советов» (Наши достижения, 1929, № 2, с. 28-29), где он, говоря о коммуне дзержинцев как о задуманном «идеале», считает, что «этой колонии многому можно научиться устроителям таких учреждений».

[6] Вскоре после ухода А.С.Макаренко из колонии им. М.Горького ею руководили: Т.У.Плетнев, Я.Д. Федоров (с начала 1929 г.), далее Я. Зеленин (кон. 1929 – нач. 1930 гг.), потом Животков (1931 – нач. 1932 гг.), опять Зеленин (с лета 1932 г.). В конце 1928 г. «систему командиров упразднили», создали 5 бригад-коммун, каждая во главе с «советом», под общим руководством «Детского центрального исполнительного комитета» (Опускула макаренкиана, № 11, с. 168).

Произошло механическое перенесение в педагогическое учреждение существующей организации власти (исполкомы), отменена макаренковская система: совмещение административного управления и самоуправления (на основе трудового хозяйства и взаимосвязанных полномочий, см.: А.С.Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания... Часть 1, с. 167-172), создание оперативно действующего исполнительного органа (совет командиров), в форме прямого представительства первичных коллективов (производственных отрядов), его регулярные перевыборы, выборы командиров отрядов на общем собрании коммуны (через 4-6 месяцев).

[7] В МОНО А.С.Макаренко обращался в 1929 г., в связи с поиском нового места работы (см. в этом изд. письма Г.С. Салько-Макаренко, 20-21 сент. 1929 г.).

[8] А.М. Горький прочитал «Марш 30 года» 16 дек. 1932 г. На другой день он написал А.С.Макаренко: «... Читал с волнением и радостью... На каждой странице чувствуешь Вашу любовь к ребятам, непрерывную Вашу заботу о них и такое тонкое понимание детской

души...» (т. 1, с. 253). Экземпляр книги с пометами А.М. Горького – в его личной библиотеке (Музей А.М. Горького, Москва).

20 декабря он написал видному журналисту М. Кольцову, предложил ему ознакомиться с «Маршем 30 года» и написать очерк о коммуне им. Ф.Э. Дзержинского (как бы в продолжение его очерков в «Правде», 1931 г., о трудкоммунах ОГПУ в Болшеве и Люберцах). – Опускула макаренкиана, № 11, с. 170).

Коммуна им. Ф.Э. Дзержинского (1932)

Трудовая коммуна им. Ф.Э. Дзержинского основана в конце 1927 г., через год после смерти Ф.Э. Дзержинского. Строилась и организовывалась коммуна заботой и на средства коллектива сотрудников ГПУ Украины. Ассигнований от государственного или местного бюджета она никогда не имела[1].

Эти обстоятельства, которые делали коммуну продуктом исключительно общественной инициативы, имели очень важное значение как в истории коммуны, так и характере ее организационных форм.

Организаторы коммуны не ставили перед собой очень широких планов. Они хотели сделать памятник Дзержинскому – детскую колонию, которая по своему качеству соответствовала бы его имени.

Забота о качестве выявилась, во-первых, в самом характере строений и оборудовании. Кажется, что это был первый дом в Союзе, который специально построен для беспризорных.

В доме – паркетные полы, разрисованные потолки, ванны, души. Специальный, основательно продуманный и проверенный план позволил рационально разместить все помещения, сделать их светлыми и удобными. Такая забота была проявлена и к оборудованию. Все вещи новой коммуны: мебель, посуда, школьное оборудование – приобретены доброкачественные, по возможности хорошие и крепкие.

Но насколько продумано и хорошо организовано общежитие коммунаров, настолько мало было обращено внимания на производственную часть. Здесь организаторы коммуны равнялись на так называемые учебные мастерские, собственно говоря, мастерские кустарные. Поэтому в коммуне им. Ф.Э. Дзержинского на 100 человек коммунаров было лишь четыре мастерских: столярная, слесарная, швейная и сапожная. Эти мастерские в то время не были приспособлены к какому-нибудь определенному производству. Сапожная могла лишь чинить обувь или шить новую самым примитивным способом. Столярная мастерская имела несколько хороших верстаков, но не было ни помещения, ни оборудования для сборочного цеха. Еще менее ясно обстояло дело со слесарной:

несколько верстаков не имели подходящих к ним тисков. Вполне понятно, что с начала истории коммуны не могло быть ни находящегося в обращении капитала, ни запаса материалов. В производственном отношении коммуна повторяла все ошибки детских домов.

Зато в комплектовании коммуны первым воспитанникам этих ошибок посчастливилось избежать, что в значительной мере обеспечило успех коммуны. Отдать дорогой дом в распоряжение сборища неорганизованных уличных жильцов основатели коммуны не хотели. В коммуну было переведено 60 воспитанников из колонии им. Горького с частью персонала. Новые коммунары пришли в дом организованным, дисциплинированным коллективом, и уже через полчаса после их прихода организационный период в детском коллективе был закончен. Через месяц взяли пополнение из коллектора, оно нашло в коммуне сильный и бодрый коллектив, и им оставалось одно: идти путем этого коллектива.

100 коммунаров – норма, но уже через 8 месяцев стало возможным увеличить состав коммуны до 150 человек, и это число было неизменным до осени 1931 г. Из 150 коммунаров было 120 хлопцев и 30 девчат. Начальный состав и первое пополнение были из беспризорных 13-16 лет.

Внутреннее строение коллектива, его быт и тон были унаследованы от предшествующего опыта колонии им. А.М. Горького. Форма коллектива, разумеется, все время совершенствовалась и развивалась, и сейчас очень трудно найти большое сходство между формами горьковской колонии 1927 г. и коммуны им. Ф.Э. Дзержинского 1932 г. Но основные принципы строения жизни коллектива в коммуне остаются те же. Мы видим результат 12-летнего развития одного коллектива, состав которого постоянно изменяется.

Теперешний коллектив дзержинцев имеет коллективные традиции, которые складывались на протяжении всей истории коллектива. С первого дня своего существования коллектив дзержинцев был всегда здоровым и способным к активной деятельности и борьбе. Коммуна не знала неорганизованного дня. Между тем этому сильному коллективу пришлось очень долго и напряженно бороться за существование и качество работы.

Основав коммуну в декабре 1927 г., сотрудники ГПУ должны были в дальнейшем продолжать отчисление от своей зарплаты, чтобы содержать коммунаров. Мастерские коммуны были очень слабые, новые [для нас] коммунары совсем не умели в этих мастерских работать. Поэтому первые годы истории коммуны были в определенной мере трудными. То, что давали сотрудники ГПУ, составляло не более 3 тысяч рублей в месяц. Этого не хватало даже на повседневные расходы – было трудно сберечь хоть небольшие

средства, чтобы приобрести верстаки и материалы для создания производственных помещений.

Очень медленно коммуне удалось приступить к такому накоплению. В начале 1930 г. все же посчастливилось развернуть деревообрабатывающую мастерскую, приспособив ее исключительно для производства дубовой мебели. Были построены дешевые и примитивные, но достаточно просторные цехи для массового производства. К 1930 г. коммуна уже выпускала в месяц сотни дубовых столов, столов для черчения и т.д. Далее специальностью этой мастерской стала театральная и аудиторская мебель.

Для того чтобы мастерская давала прибыль, пришлось ввести разделение труда и стандарт. Это приводило к снижению квалификации столяра-коммунара, но сейчас тип столяра-ремесленника уже отживает. Из коммуны появилась возможность выпускать хороших столяров-машинистов.

Для слесарной мастерской также приобрели два десятка старых токарных станков, оборудовали небольшую и примитивную литейную – так возник небольшой заводик медной арматуры. Номенклатура вещей, которые выпускались коммуной, была очень небольшая: кроватный угол, машинная масленка и ударники к огнетушителям. Квалификация у коммунаров была очень узкой и неглубокой. В швейной мастерской такая же узкая специальность – трусы и ковбойки для «Динамо». Сапожную мастерскую ликвидировали еще в 1928 г.

Производство оставалось полукустарным, оборудование было примитивнейшим, строения – неудобные, а производственного обучения, собственно говоря, не существовало. В общем, эта картина была достаточно неприятной, особенно с педагогической стороны. Между тем это «производство» вывело коммуну на верный путь. Коммунары поняли, что лишь производственная работа даст возможность коммуне существовать и развиваться. Уже к концу 1929 г. коммунары поблагодарили чекистов за помощь, отказавшись от дотации, и перешли на полную самоокупаемость.

Дальнейшая цель коммунарам была ясна: нужно приобрести для коммуны новый и более подходящий завод.

В конце 1930 г. в коммунарских мастерских ввели зарплату. Это в значительной мере подняло производительность труда, а также значительно укрепило материальное положение коммуны. В кассе коммунаров создались сбережения. К середине 1931 г. они уже приближались к полмиллиону рублей, и управление коммуны поставило вопрос о строительстве нового завода.

Характер нового производства был выбран после обстоятельного обсуждения этого вопроса специалистами. Было решено строить завод электроинструмента, остановившись на электросверле как первом типе изделия. До этого времени электросверло, как и другие

инструменты с электрическим мотором, привозилось из-за границы. Строя завод электроинструментов, коммуна имела в виду не только интересное производство, но и то, что она тем самым вступала в ряды активных борцов за экономическую независимость Советского Союза. Завод было решено строить из расчета на 330 коммунаров, а поэтому надо было строить и новые помещения для коллектива коммунаров. До ноября 1931 г. строительство завода и корпуса на 330 человек было закончено. Завод был оборудован и готов к выпуску к 15 января 1932 г., когда он и был открыт Г.И. Петровским. В это время приняли 180 коммунаров.

Новый завод коммунаров нисколько не похож на старое производство. Завод имеет чудесный двухсветный цех с балконом. Он имеет больше сотни станков, среди которых большая часть заграничные. Механический цех представляет собой лучшую в Харькове лабораторию по холодной обработке металла. Но коммуна имеет и литейную с вагранкой для чугуна и тиглями для алюминия.

Еще в 1930 г. коммунарская школа была реорганизована в рабфак, приписанный к Харьковскому машиностроительному институту. Рабфак коммуны весной этого года сделал первый выпуск студентов в вуз.

Сейчас завод электроинструмента работает полным ходом, уже выпущено несколько тысяч электросверл, сконструирована и скоро будет выпускаться электрошлифовалка.

II

Сейчас коллектив коммунаров организован так: все коммунары поделены на 32 отряда по производственному принципу, по 10-13 коммунаров в каждом. Отряд в коммуне является первым и основным коллективом, в этом отличие от обычного типа детских домов, где этим первым коллективом является школьный класс или спальня. Отряд объединяет в себе мальчиков или девочек, работающих на определенной группе станков и выполняющих более или менее общие задания. Тем самым отряд коммунаров есть вместе с тем и производственная бригада. Но так как в коммуне есть, например, 8 отрядов токарей, то это дает возможность в пределах одной профессиональной группы вводить еще возрастное подразделение: некоторые коммунары-токари младшего возраста таким образом составляют отдельные отряды.

Девочки в некоторых случаях составляют отдельные отряды, в других они находятся в одних отрядах с мальчиками.

Как правило, отряд имеет отдельную спальню, ряд столов в столовой, имеет свое хозяйство (мебель, гардероб, посуду). Полуотряды мы имеем лишь как исключения, например: девчата-фрезеровщики в одном отряде с мальчиками, но имеют отдельное хозяйство и спальню.

Во главе отряда стоит командир, которого выбирают общим собранием коммунаров на 6 месяцев. Командир отряда имеет для коммуны большое значение, особенно с того момента, когда устранены должности воспитателей (1930). То, что командир отряда выбирается не отрядом, а общими собраниями, делает его авторитетным не только в своем отряде, но и в других. Боязнь, что командиры в коммуне будут злоупотреблять своей властью, – безосновательна, потому что (по традиции колонии им. Горького) командир на другое полугодие выбранным быть не может.

Каждый коммунар имеет право и обязанности командира на протяжении 6 месяцев. Правда, есть много коммунаров, которые за 5 лет пребывания в коммуне ни одного раза не были выбраны командирами, но почти не было случаев, чтобы один и тот же был избран второй раз. Эта традиция, во-первых, дает нам возможность большинство коммунаров пропускать через функцию организаторов, во-вторых, приводит к демократии в отряде, не уменьшая роли единоначалия командира. В каждом отряде половина членов, а то и больше уже были командирами. Это актив отряда, который помогает новому командиру.

Что касается отрядов новых коммунаров, то тут командир находится на особом положении. Он не выбирается, а его назначает совет коммунаров; ему назначают двух помощников: один – по хозяйству, другой – по политической части. Такой штаб отряда очень быстро и четко приводит в порядок и подготавливает к нормальному положению в коммуне каждую группу детей, пришедших с улицы. В этот штаб обычно бывают собраны бывшие командиры, люди, которые умеют организовать членов коммуны.

Все командиры вместе составляют совет командиров, который представляет собой главный орган коммунарского самоуправления, имеющий в коммуне большое значение. Удачен или неудачен состав совета командиров, он руководит работой все полугодие. Поэтому кампания перевыборов в коммуне очень важна и бюро комсомольского коллектива уделяет ей много силы и внимания. Вместе с советом командиров избираются также на полгода санитарная комиссия, хозяйственная комиссия, производственные цеховые тройки и заводская производственная комиссия.

Работа коммуны в течение рабочего дня четко очерчена дневным распорядком. День «ведется» дежурством, куда входят: дежурный командир, дежурный член санитарной комиссии, дежурный сигналист. Лишенные опеки воспитателей коммунары давно выработали необходимые внешние формы распорядка рабочего дня и не изменяют их без особой необходимости.

Коммунары встают по сигналу в шесть часов утра. Сразу же начинается уборка помещений коммуны: спален, клубов, классов, коридоров, лестниц и т.д. Уборка выполняется по плану, который вырабатывает совет командиров на месяц. Уборка должна

быть сдана дежурному члену санкомиссии, иначе она считается невыполненной. Задержка хотя бы в одном месте ведет к задержке всего рабочего дня.

По окончании уборки – проверка. Каждый отряд в своей спальне встречает дежурство салютом и приветствием. Дежурные имеют право не допустить к завтраку неумытых и неаккуратно одетых.

Завтрак в столовой дается в две смены. Техперсонала в кухне мало, подают еду коммунары сами по очереди. До 7.30 завтрак должен быть закончен, и обе смены идут на работу: одна смена – на завод, другая – в школу. В 11.30 завод прекращает работу, а в 12.00 заканчивает работу и школа, и в течение часа – обед. В столовой каждый коммунар имеет закрепленное за ним место.

В распоряжении коммунара есть три костюма: рабочий, школьный и выходной – каждый для соответствующих случаев. В рабочем костюме, например, нельзя заходить в столовую.

После обеда, от 13.00 до 17.00 коммунары снова на работе, причем смены меняются местами. В 17.00 рабочий день заканчивается, и коммунары свободны, но это время до 20.30 все же заполнено до краев. На это время положено много всякой работы: политработа, комсомольская и пионерская, клубная, спортивная, работа органов самоуправления и, наконец, работа оркестров.

В коммуне два духовых оркестра. Один большой – до 40 человек (один из лучших оркестров на Украине), другой еще молодой – маршевый. Зимой работает до 10 кружков.

В 20.30 подается ужин, а после него сразу же общее собрание. Собрание начинается с рапортов командиров. Каждый командир [коммунар][2], отмеченный в рапорте, должен дать объяснения общему собранию. Эти объяснения являются главной формой коммунарского дисциплинарного влияния.

Вопрос поведения решается главным образом в ходе междуотрядного соцсоревнования. Оно проводится очень давно. Каждая провинность учитывается, и на конец месяца определяются первый и отстающий отряды. Передовой отряд владеет коммунарским знаменем. Но, не считая достаточными чисто общественные формы воздействия, к коммунарам допускаются и чисто внешние меры, когда нужно восстановить реальные интересы коллектива.

Наказания в коммуне применяются очень редко, не обращая внимания на то, что большая часть коммунаров в коммуне недавно. Способствует этому общий тон коммуны, очень большая нагрузка и необычайно сознательное, напряженное, боевое отношение ко всем вопросам коммунарской жизни: заводу, промфинплану[3], бригадному плану, браку, школе, дисциплине.

Всю коммунарскую жизнь и работу организует комсомольская организация, которая состоит из 200 человек. Комсомольский коллектив делится на 4 цеховых ячейки. Пионерская организация охватывает 100 коммунаров.

III

Работая на заводе, коммунары получают зарплату по подрядному расчету. Работая 4 часа в день, коммунар в месяц зарабатывает от 20 до 200 рублей. Из своего заработка коммунар оплачивает свое содержание за прошедший месяц. В том случае, когда его зарплаты для полного расчета не хватает, коммунар расплачивается лишь частью необходимых денег, недостаток же покрывается производственной прибылью. Содержание школы и культурных учреждений коммуны также идет за счет дохода, который дает производство (обычно коммунару приходится платить 60-70 рублей в месяц). Оставшаяся часть зарплаты делится на две равные части. Одна вносится на сберегательную книжку коммунара, и ее он не может получить до выхода из коммуны, другая – выдается ему на руки[4], и на эти деньги он может купить что хочет (кроме спиртных напитков и одежды).

Финансовое положение коммуны сейчас хорошее. Годовой промфинплан завода 7 тысяч машин – это 3,5 миллиона рублей, не считая дополнительной продукции производства. Эта программа дает возможность рассчитывать доход за год до 1 миллиона рублей[5], готовое же содержание коммуны составляет 400 тысяч рублей и в значительной мере покрывается заработком коммунаров.

Все вышесказанное дает возможность коммуне бодро смотреть вперед. Уже разработан план нового расширения коммуны до 600 человек. Строится новый завод, где будут производиться фотоаппараты типа «Лейка». Это расширение можно будет сделать к осени 1933 г.

А.С.Макаренко. Пед. соч.: В 8 т. Т. 1, с. 144-149. Это первая макаренковская публикация в центральной украинской педагогической печати, после 11 лет педагогической работы в колонии-коммуне, при советской власти (ж. Коммунистична освита, орган Наркомпроса УССР, 1932, № 10, укр. яз.).

А.С.Макаренко обращает внимание на то, что коммуна дзержинцев как продукт «исключительно общественной инициативы» породила много нового «в характере организационных форм» воспитания, прошла определенный путь их развития, вышла на «значительный» уровень самостоятельности, внесла определенный вклад в строительство современного заводского предприятия, стала применять денежную оплату труда воспитанников, нашла способы

сочетания общедемократического способа управления и единоначалия, обходиться без штатных воспитателей.

Сказано, что общеколлективное первичное звено организации и управления коммуной строится не на базе «школьного класса или спальни», а по производственному принципу. Таким образом в фундамент жизнедеятельности личности, процесса ее становления и развития кладется не учеба или быт, а продуктивный, производительный труд (это «основание человеческой жизни и культуры», говорил А.С.Макаренко).

[1] С 1931 г. коммуна для создания нового производства и на благоустройство стала получать от государства долгосрочные кредиты.

[2] В тексте, несомненно, опечатка: должно быть «коммунар». По установившейся традиции, командир отряда давал объяснение «на середине» лишь в том случае, если отвечал за себя лично, а не за отряд.

[3] Промфинплан предусматривал показатели не только производственные (количество продукции), но и экономические (себестоимость продукции).

[4] Со временем порядок таких расчетов изменялся, учитывая новые производственно-финансовые условия и педагогические соображения. До этого, 1930 г., см. т. 2, с. 39.

[5] Приведенные цифры отражают экономические показатели коммуны суммарно, с учетом и квалифицированных рабочих, мастеров, инженерно-технического персонала. В 1930 г. соотношение числа воспитанников и производственного персонала выражалось как 3:1 (150 детей и около 50 взрослых, см. т. 2, с. 8, 49).

Дальнейшее превращение этого показателя в 1:1 можно, наверное, считать оптимальным в педагогически целесообразном соотношении рабочей молодежи и старшего поколения. Изменение этого соотношения в коммуне на 1:3 в конце 1934 г. вело к ее превращению в придаток производства. А.С.Макаренко стремился предотвратить это уже с лета-осени 1932 г. соответственно увеличивая число воспитанников.

Письма Г.С. Салько (Макаренко), 20 и 23-25, 27-29 октября 1932 г.

20 октября 32

… В коммуне откуда-то налетело работы, еле управляюсь, со дня твоего отъезда не написал ни одной строчки своей книги[1], а сейчас даже и просвета впереди не видно, не знаю, когда буду продолжать.

Из Москвы ничего не пишут, ни от Горького, ни от редакции[2]. Вчера приезжал в коммуну заместитель редактора «Известий» Медведев, который в 1928 году гостил в колонии вместе с Горьким. Он говорит, что у Горького прежний секретарь Крючков, значит, мое письмо обязательно дошло до Горького. Черт знает, о чем они там думают…

Все торжествуем. Сейчас переизбираем [Харьковский] горсовет, отмечаем это важное событие митингами, агитпоходами и музыкой. Приступили уже к подготовке к пятнадцатилетию[3], тоже хлопот по уши.

Затруднили в коммуне положение с выпускниками, у Правления новая завирательная идея, выселить их в какое-нибудь общежитие и заставить их жить исключительно на свои средства. Кажется, дело приходит к тому, что они все бросают институт. Руководит всем этим безобразием одно глубокое убеждение: это не такие дети, как **МОИ**, это беспризорные. Обыкновенное хамство…

[23 (?) октября 1932]

… Пишу записку потому, что разрываюсь на части, целый день какие-то гости, срочные дела, черт их знает, откуда набрались, сейчас только отправил Карлсона[4] и приехал уже Броневой…

Гостит у меня заведующий коммуной ГПУ на Урале, друг Горького. Уговаривает меня переходить в Россию…

24-X-32

… Сам я сейчас загрузился как чернорабочий, всякие юбилеи, перевыборы, выпуски и все такое. Ничего не пишу, правда, ничего и не получаю. Молчание Москвы начинает меня серьезно удручать. Дело в том, что нужны деньги, такая у меня, видишь ли, жадность.

Дома все благополучно. Левка уже работает на токарном станке во вторую смену. По совести говоря, я его почти не вижу. Бабушка[5] здорова…

ГПУ выбрасывает нас из кооператива[6], надежды на Антоновича оказались надеждами тщетными, что будет дальше, гадаем, но кажется, будет неважно. Строителей уже сняли с хлеба, Дидоренко бегает по городу и кое-кого убеждает, а ему отвечают: заготовляйте хозяйственным способом…

Хочется тебе писать длинные письма, но это блажь. Мало ли чего хочется. Ты же знаешь, что мне хочется иметь кабинет и в кабинете целый день писать мудрые вещи. Ну, это еще посмотрим, правда?...

25 октября 1932 г.

… Обязательно как можно больше ешь виноград. Деньги, может быть, даже завтра я тебе вышлю телеграфом…

Насилу вчера выпроводил трудкоммуновца с Урала. Надоел мне до смерти – страшно чувствительный человек и педагог до мозга костей. Между прочим, я начинаю догадываться, почему мне не отвечает Горький: оказывается, ему подарили особняк, и поэтому он переменил адрес, какая-то Малая Никитовка. Если будет сегодня время, напишу ему второе письмо…

В коммуне сейчас, когда нет тебя дома, особенно сильно чувствую свое чернорабочее положение, целый день убиваешь на работу, работу мелкую, монотонную, на попытки филигранной отделки того, что завтра все равно [будет] испорчено… У меня много сил, но я их чувствую только в потенциале, а на деле они даже не используются, хоть и работаю много…

На дворе туман, начинается осень. Ну, и черт с ней, пусть скорее начинается, раньше придет зима, а зимой поедем с тобой в Ленинград.

Хуже всего то, что я ничего не пишу, не написал ни одной строчки. Во-первых, некогда, а во-вторых, я думаю, что если бы не было Тебя, я никогда ничего и не написал бы. Это путь Макаренко…

Утро 27/X

Лисичка, красавица, доброго утра!

Сегодня встал рано – нужно возиться с новыми группами для взрослых[7]. С ними труднее, чем с коммунарами…

Кланяются Тебе Лева, бабушка, Надя[8] и Кот.

27-X-1932

Глубокая ночь, хочется Тебе сказать несколько слов, а сказать их сейчас, пожалуй, не сумею, страшно устал.

Сегодня, наконец, приступил к продолжению работы над книгой, но приступил уже поздно, затянули совет командиров.

Книга пойдет хорошо, это я чувствую, но времени страшно мало, начинаешь писать, когда уже устал до последней степени.

Почему-то в последние дни стало трудно в коммуне, болеют преподаватели, не ладится на заводе, все злые, нервные и порют глупости. Наши члены Правления по обыкновению блещут завирательными идеями и портят дело буквально на каждом шагу…

Завтра я перевожу тебе деньги, перевел бы сегодня, но во всей коммуне их не было…

Если ты не поправишься, значит все наши мечты о переезде и о хорошей жизни останутся мечтами. Ты об этом всегда должна хорошо помнить…

Харьков 28-X-32

… Из Москвы, черт бы их побрал, ничего не пишут. В «Молодую гвардию» не хочу писать, у меня такое предчувствие, что если напишу, то дело сорвется. Сегодня написал Лукину самое ругательное письмо.

Книгу понемножку пишу и страшно на себя злюсь. Какой я все-таки дурацкий человек. Я специально приспособлен к тому, чтобы меня потребляли. Вот и сейчас почти круглые сутки вожусь со всякими черными пустяками: столовая, спальни, вешалка, обувь, подготовка к юбилеям, стенгазета, [литературный] журнал, кружок, целый день в мелочах…

А с книгой? Когда я ее пишу, у меня голова лопается от обилия мысли, от материала страшно для всех нужного, но на это я могу истратить только полчаса в день. Все это непроходимая глупость и почти преступление. И глупость оттого, что в каждой мелочи хочу быть честным, потому что не могу выносить чего-то недоделанного, чего-то требующего работы… А вокруг на моем же деле собралось всяких проходимцев и дармоедов…

Ты, Лисичка, поскорей поправляйся и нужно спасать себя от этой глупости. Нужно, наконец, нам понять, что есть что-то главное, а что-то второстепенное, и чем-то второстепенным нужно пожертвовать…

Вечер 29 [28] октября

Завтра обещал быть у Езерницких, но боюсь, что не придется, уже объявлено – приезжает какая-то аджарская власть, придется встречать. Сегодня и вчера шляются ученые с менделеевского съезда, говорят: люди с мировыми именами[9]…

29-X-32

… Да, Лисичка, новости: кажется, нас оставят в распреде, бабушка по этому поводу торжествует…

«Ты научила меня плакать...», т. 2, с. 163-173. Адресованы в Симеиз, где Г.С. Салько (Макаренко) находилась на лечении в санатории.

[1] Это начало работы А.С. Макаренко над «Педагогической поэмой» (ее первой частью) в том ее виде, каком она затем будет опубликована.

[2] В Гос. изд-ве художественной литературы находились «Марш 30 года» и «ФД-1».

[3] Имеется в виду 15-летие ВЧК-ОГПУ, Октябрьской революции.

[4] Карлсон К.М. – тогда зам. предс. ГПУ УССР; предс. правления коммуны им. Ф.Э. Дзержинского до сент. 1932 г.

[5] Вероятно, родственница Г.С. Салько, жила в семье Макаренко до своей кончины 23 апр. 1935 г.

[6] Говорится о потребительской кооперации работников ГПУ, ниже – «распределитель».

[7] Речь идет, вероятно, о предварительной работе А.С. Макаренко с контингентом принимаемых на коммунарское производство рабочих.

[8] Домработница семьи А.С. Макаренко в коммуне.

[9] В это время в Харькове проходил VI Всесоюзный менделеевский съезд.

***Дополнения.* 26 октября. «Выпуск первых трех фотоаппаратов.**

31 октября. Экспертизой профессионалов и специалистов по фотоаппарату «ФЭД признан хорошим, не уступающим заграничному образцу, с некоторым преимуществом в оптической части» (исследование ГОИ)».

(Втор. рожд., с. 30).

Письма Г.С. Салько (Макаренко), 4-5 и 7-9 ноября 1932 г.

4-XI-1932

Лисичка!

… У нас невыносимая горячка. Букшпан затеял выставку на весь тихий клуб, а ничего нет, ни дикта[1], ни материи, ни гвоздей. Да и работать никто не хочет, все распоряжаются и высказывают мнения.

Праздник[2] идет трудный. Коммунары оборванные, персонал расстроен выдачей праздничного пайка. Там и пайка того немного, но порция достаточная, чтобы одних замучить завистью, других неловкостью.

С Судаковым[3] начинаю ссориться. Он постепенно начал расходиться, и о каждом пустяке требует рапорт. Дело в том, что ему страшно нравится писать резолюции на

уголках [рапортов]. Вчера в приказе [по коммуне] он перечеркнул распоряжение, проведенное мною через бюро комсомола, совет командиров и общее собрание, и написал: «Пересмотреть и доложить мне». И я, и Волчек, и Швед отказались пересматривать.

А я подал ему еще один рапорт, в котором написал, что если ему хочется проводить свои педагогические взгляды, пусть остается на общем собрании, а я такого перечеркивания допустить не могу и поэтому прошу подыскивать на мое место более послушного человека.

Сегодня мы молчали. Надоело. Вчера до того обозлился, что хотел сегодня не выйти на работу. Сегодня вечером он снова уверял меня, что это все недоразумение, что мне предоставлена полная свобода. С ним говорить об этом не стоит, слишком он все-таки необразован.

Тут даже дело не в Судакове. Вся стихия коммуны становится иная. Дело, может быть, решается в пустяке. Я слишком много времени трачу непростительно, просто не успеваешь сделать все, что нужно. Это много значит, оказывается. Коммуна в своем качестве должна обязательно падать, и нужно поэтому уходить.

Все-таки, Лисичка, ты не думай, что у нас какая-нибудь трагедия, все хорошо, у меня прекрасное настроение, и все будет хорошо. Вероятно, самое худшее то, что со дня Твоего отъезда я ни разу не брился. Нужно хоть завтра управиться…

5 ноября, 1932 г. Утро 7 ч.

Солнышко, здравствуй!

У меня первый урок, я взял себе три урока в неделю экономгеографии…

1 час дня

… Приехала делегация прилучан[4]. Возимся…

7-го/XI. Утро

… Легли сегодня в 5 часов утра, а сейчас спешим строиться на парад…

Да, вчера получил от Лукина первый экземпляр «Марша 30 года». Книгу сейчас же отнял Букшпан. Внешний вид ее ничего – в переплете, но бумага неважная.

Играют сбор…

8 ноября 1932

… Мы выдыхаем праздники, сегодня все ребята в городе, вчера легли тоже около трех часов ночи, потому что по обыкновению сразу все: и торжественное заседание, и премирование, и концерт, и ужин, и кино…

Сейчас все почему-то передо мной ходят на ласковых лапках. Судаков вчера целый день убеждал меня, что ты должна обязательно взять работу [в коммуне] с девочками. А вчера вечером Броневой откровенничал и все торопит со вступлением в партию. Чем это

можно объяснить? Может быть, появлением моей книги, которою, между прочим, все здесь очень взбудоражены, теперь уже и во вторую верят. А, может быть, и не этим: Броневой все-таки строится. Уже через две недели приступают к постройке нового завода фотоаппаратов. Коммуна на 650 человек и тому подобное.

А пока что отопления нет, и не знают, чем эта отопительная история кончится…

Вчера были на вечере у нас Барбаровы и без конца о тебе расспрашивали…

Как у тебя дела с продлением срока в санатории? Ей-Богу, выпорю, если ты даже не попытаешься это сделать…

Писать, по-прежнему ничего не пишу. Жаль и обидно так писать. Только наладишься, сконструируешь целую цепочку интересной мысли, и вдруг на три дня все откладываешь. Опять с начала надо раскачиваться. Тут от разного этого писания не будет проку.

Вчера Броневой рассказал мне много интересного и годного для романа о своих приключениях с фотоаппаратом. Уговаривал меня все это описать. Тема действительно увлекательная. Но когда же писать, если у меня уже начаты три вещи[5] и все стоят на месте…

[9 ноября 1932 г.]

… Праздники кончились – хорошо. Написал в ГИХЛ целую кучу писем.

Сегодня начинаем готовиться к 5-летию коммуны…

«Ты научила меня плакать…», т. 2, с. 173-180.

[1] Сорт фанеры.

[2] Празднование 7 ноября.

[3] Судаков И.П. – начальник коммуны им. Ф.Э. Дзержинского с авг. 1932 г., вначале и.о.

[4] Говорится, вероятно, о делегации Прилукской детской трудовой коммуны.

[5] А.С. Макаренко тогда начал работу над «Педагогической поэмой», пьесой «Мажор» и книгой «Опыт методики работы детской трудовой колонии».

***Дополнения.* 9 ноября. «Начало постройки жилого дома для инженерного и рабочего коллектива завода фотоаппаратуры».**

(Втор. рожд., с. 30).

Письма Г.С. Салько (Макаренко), 11-13, 15-16, 19 ноября 1932 г.

11 ноября 1932 г.

Здравствуй, Лисичка.

Сегодня получил из журнала «Молодая гвардия» такое письмо:

«Дорогой тов. Макаренко.

Ваша повесть «ФД 1» несомненно интересная и может быть напечатана отдельной книжкой при условии доработки и некоторого сокращения.

В журнале «Молодая гвардия», в связи с ограниченным листажем и чрезмерной загруженностью литературно-художественного отдела, повесть напечатать не сможем.

Для использования с соответствующим отзывом пересылаем ее в литературно-художественный отдел издательства «Молодая гвардия» (Москва, Новая пл., 6).

Привет. Редакция».

Теперь только для меня стало очевидным, что книжка эта слабая…

Книжка может быть слабая, и даже это вполне естественно, что «ФД 1» должна быть слабая, потому что писалась она в какой-то горячке. Плохо не это, плохо то, что я сейчас не понимаю, в чем ее слабость. В первых трех-четырех главах, пожалуй, есть длинноты, ну а в остальных я не представляю себе, в чем дело. Это очень плохо. Это значит, что для меня невозможно совершенствование.

Читаю я сейчас «Соть» Леонова… Книга скучная, страшно растянутая, размазанная, и в последнем счете никому не нужная, в значительной мере и явно надуманная…

Над «ФД 1» надо поставить крест. Меня бы эта необходимость не так смущала, как какой-то неприятный привкус от собственного бессилия…

Бабушка старается меня кормить, покупает даже водку и прячет от Левки какие-то полужитные коржики, правда, довольно вкусные…

У нас в коммуне каша самая настоящая. Удивительное дело, со мной сейчас невыносимо хорошо обращаются и говорят комплименты, но в самом деле столько трещин, что уже не успеваю их замазывать…

Отопление обещают через десять дней…

13 ноября 1932 г.

… Готовимся к пятилетнему юбилею, и я всеми силами сопротивляюсь, чтобы меня не премировали часами…

Это Макаренко стал стар и стал уставать от всякой житейской черной работы, и ему от этого уже достаточно стыдно…

15-го вечером

… Только что уехал Букшпан, было заседание юбилейной комиссии. Сейчас в кабинете толпа. Мои призывы «очистить кабинет на 30 %» приносят мало пользы, а я сегодня почему-то добрый. А у меня еще работы, работы!

Правление отдало распоряжение закупить в Харькове весь тираж «М 30 г.» Значит, понравилось! Почему «ФД 1» никому не нравится?

Трубят на рапорта…

16/XI

… А я запарился: сейчас и обедать нужно, и делегация приезжает, и вечером правление, и кроме этого еще миллион дел…

19-XI-1932

Лисичка! Милая!

… Сейчас приезжает бригада «Комсомольской правды»[1], и я чувствую, что на несколько дней я стану даже не лошадью, а грузовым автомобилем, пятитонкой. А кроме того Цейтлин – «московский» кинооператор[2].

Я вчера за один присест написал сценарий на 5 частей – настоящего большого фильма со всякими фокусами – бегущими ногами и в этом роде. Сценарий вышел хороший[3]. Броневой в восторге, и лишний раз доказано, какой я дурак. Всякий другой взял бы за это работу 500 рублей, а я даром, да еще свою работу закладываю. Ну ничего, все равно не поумнею…

Ничего не пишу, оказывается, без тебя я писать не умею…

«Ты научила меня плакать…», с. 180-189.

[1] Бригадой «Комсомольской правды» в составе И. Бачелиса, С. Шаховского и Л. Гольдфабра был подготовлен к печати сборник «Второе рождение», с надзаголовком: «Трудовая коммуна им. Ф.Э. Дзержинского, Харьков».

[2] Цейтлин – сотрудник Союзкинохроники.

[3] Фильм в жанре кинохроники, по этому сценарию был снят. О нем говорил (с критическими замечаниями) Н.А. Скрыпник на заседании Наркомпроса УССР «О работе коммуны им. Ф.Э. Дзержинского» 23 янв. 1933 г. (опубликовано как его статья «Путевка Дзержинского» в укр. журнале «Политехнична школа», 1933, № 3, с. 20-32).

К 5-летию коммуны фабрикой Союзкинохроники (Москва) выпущен фильм «Именем железного большевика. Один день коммуны» («Работа Ник. Боброва, оператор Цейтлин», 1932 г.). Кадров, о которых говорят А.С. Макаренко и Н.А. Скрипник, в нем нет. Возможно, они вырезаны (о необходимости этого говорил Н.А. Скрипник). Всего 31 кадр (сюжет).

С титрами: «Живут, работают и учатся 342 бывших беспризорника», «Своими руками сделана дорогостоящая продукция», «Коммунары на занятиях в классе», «Свой клуб, свои музыканты» и

др. (Рос. архив кино-фото-фонодокументов, 1-2297, 0-2297, СКЖ № 53-462 – 1932 г.). См.: Фролов А.А. Кинодокумент о коммуне им. Ф.Э. Дзержинского // А.С. Макаренко. Кн. 9. – Львов, 1974.

Дополнения. **14 ноября. «Начало изготовления технического проекта завода пленочного аппарата типа «ФЭД» производительностью 30.000 аппаратов в год.**

18 ноября. Утверждение новой схемы управления электроинструментального завода. Тогда же организация Оргбюро по постройке завода пленочной фотоаппаратуры.

27 ноября. Утверждение контрольных цифр промфинплана на 1933 год:

Электросверлилок «ФД 1» – 7.000 штук, электрошлифовалок «ФД 2» – 1.500, электросверлилок «ФД 3» – 1.000, штативов «ФД 1» – 1.750, штативов «ФД 3» – 250.

13 декабря. Организация в коммуне ИТС (инженерно-технической службы – А.Ф.).

(Втор. рожд., с. 31).

Протокол № 5 заседания педсовета **при Деткоммуне им. Ф.Э. Дзержинского, 21 дек. 1932 г. Присутствовали: Макаренко, Черняева, Рубан, Магура, Татаринов, Березняк, Тренева, Денисенко, Мартыненко, Григорович, Смола, Добродицкий. 1. О работе в I триместре – Магура (преп. укр. яз.): I курс рабфака, 1а – отстающих нет; 1б – отстающие Таран, Жилина; 1в – один отстает по учебе и дисциплине; как лучший – коммунар Виноградов.**

Мартыненко – по математике, по курсам, отдельным коммунарам; Черняева – по нем. яз., об отстающих и дисциплине; Каркишко – по биологии; Омельченко – по социально-экономическим дисциплинам.

Макаренко: «Суммируя впечатления всех преподавателей первого курса, приходится отметить, что курс I В один из самых отставших, что и следовало ожидать, т.к. он состоит из наименее подготовленных коммунаров и с такими же способностями. Считаю необходимым Глобу, Жилину, Таран и Плачковского перевести в старшую подготовительную группу рабфака. От остальных, кто

отстает, потребовать выполнения заданий, с помощью тех, кто овладел курсом по той или иной дисциплине».

Сообщения преподавателей старших подготовительных групп А и Б, по отдельным учащимся: их дисциплина, учебная успеваемость, отношение к учебе, способности и т.д.; кто проявляет себя хорошо; что предпринять, использование домашней работы. То же – II курс рабфака, А и Б; III курс А; младшая подготовительная группа. Макаренко: о борьбе «с лайкой» и др.

Постановили: на рабфаке 3 чел. перевести со II курса на I; 8 чел. перевести с I курса в старшую или младшую подготовительные группы рабфака. По III курсу «обстоятельно изучить работу каждого студента; в самое ближайшее время на специальном педсовете определить средства борьбы за качество учебы».

Разное: о проверке знаний поступающих в коммуну, определение для них учебных групп – создана комиссия, 3 преподавателя.

Об участии преподавателей в подготовке празднования 5-летия коммуны: обращение Макаренко. Произведено включение преподавателей в комиссии: гостевую, столовую, подготовки выставки, художественного оформления, по быту, премированию, по аудиториям – по 1-2 человека.

Секретарь педсовета *Черняева*

Усиление в коммуне внимания к всеобщему образованию, качеству обучения соответствовало постановлениям ЦК ВКП(б) 1931-1932 гг. о школе.

РГАЛИ, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 374.

26 декабря 1932 г. «Выпуск в СССР первой серии пленочных фотоаппаратов типа «ФЭД» (начало оптического производства в стране – А.Ф.).

29 декабря. Пятилетие коммуны».

(Втор. рожд., с. 31).

А.С. Макаренко награждается Грамотой ГПУ УССР, именными золотыми часами. Грамота – в кожаном переплете, с золотым тиснением.

«Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

В.Ч.К.-О.Г.П.У. 1917-1932

Грамота

Дана Коллегией Государственного Политического Управления Украинской Социалистической Советской Республики товарищу Макаренко Антону Семеновичу в том, что он за преданную и энергичную работу в Трудкоммуне им. т.Дзержинского награждается золотыми часами.

За председателя ГПУ УССР *Карлсон*

Основание: Приказ ГПУ УССР № 392, 1932 г.

Харьков. 20 декабря 1932 г.»

(Макаренко А.С. Пед. соч.: В 8 т. Т. 8, с. 125).

Золотые часы с гравировкой: «За энергичную и преданную работу в Детской трудовой коммуне им. Ф.Э.Дзержинского, от Коллегии ГПУ УССР. 20.XII.32».

Он награжден также «Грамотой ударника»:

«Грамота ударника.

Дана тов. Макаренко А.С. в том, что постановлением Правления Трудкоммуны имени Ф.Э.Дзержинского за энергичную и преданную работу в Коммуне премируется настоящей грамотой, значком и званием лучшего ударника.

Правление Трудкоммуны им. *Дзержинского*

29 декабря 1932 г. *А. Броневой*

Судаков

М.М. Букшпан».

(Макаренко А.С. Пед. соч.: В 8 т. Т. 8, с. 126).

А.С. Макаренко награжден Грамотой Наркомпроса УССР (укр. яз.):

«Грамота

Народный Комиссариат Просвещения – за большую работу по борьбе с детской беспризорностью, за умелую организацию работы в Коммуне по воспитанию активных и сознательных строителей социализма – награждает тов. Макаренко Антона Семеновича, помощника начальника Коммуны им. Ф.Э.Дзержинского по педчасти, почетной грамотой.

Зам. Наркома Просвещения *Карпеко*

Член Коллегии НКП,

руководитель Сектора Соцвоса *Барун*».

(РГАЛИ, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 397. л. 4).

Он награжден Грамотой Харьковской областной комиссии по борьбе с детской беспризорностью:

«Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Ведь когда смотришь на детей, так не можешь не думать – все для них, плоды революции – не нам, а им.

Ф.Э. Дзержинский

Грамота

Областная Чрезвычайная Комиссия по борьбе с детской беспризорностью при Харьковском Областном Исполнительном Комитете награждает настоящей грамотой тов. Макаренко, нач. педагогической части ком. им.Дзержинского, за удачную, самоотверженную работу по ликвидации беспризорности в Харьковской области.

Председатель Чрезвычайной Комиссии *Ал. Броневой*

(РГАЛИ, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 397. л. 3).

26 дек. 1932 г. подписан к печати сборник «*Второе рождение*» **(с надзаголовком «Трудовая коммуна им. Ф.Э.Дзержинского, Харьков»), с посвящением: «Славному боевому ГПУ УССР – руководителю «дзержинцев» – «Комсомольская правда» (напечатано 3.000 экз. на книж. фабрике Партиздата КП(б)У, Харьков).**

Содержание: Из беседы Ф. Дзержинского с А.Луначарским – 1921г. (о создании Комиссии ВЦИКа по борьбе с детской беспризорностью и включение в эту Комиссию аппарата ВЧК); Всем начальникам и сотрудникам местных органов ГПУ Украины (о создании Совета по делам Детской трудовой коммуны им. Ф.Э. Дзержинского, обращение председателя этого Совета В.Балицкого – 18 янв. 1928 г., Харьков); статья А.Броневого «Пятилетие»; хроника истории коммуны, 1927-1932 гг. «Перевернутые страницы (вехи, события, факты)» (авт. А.С.Макаренко, без указания на это); «Конституция страны ФЭД» (то же); статья А.Макаренко «Педагоги пожимают плечами»; документальные материалы «Один день коммуны» (подборка А.С.Макаренко, без указания на это); статьи: Т. Татаринов – Командиры станков; инженер П.Силаков – Рождение марки «ФД»; С.Швед – Мы в комсомолии живем; Мих. Букшпан – Дела

и люди; Бывшие – будущие. Автобиографии коммунаров; Дзержинец. Марш. Музыка В. Левшакова (ноты и слова).

Иллюстрации: портрет Ф.Э.Дзержинского и 29 фото, с объяснениями: Нач. инструментального цеха инж. Бегельфер и коммунар Панов. Он еще недавно работал на подставке, а сейчас комсомолец-рабфаковец III курса; Гордость дзержинцев – электросверлилка «ФД 1» (2 модификации); Коммунар Глебов – командир бригады по сборке сверлилок (у станка). На него выпала честь ежедневно рапортовать: сегодня выпущено 84 сверлилки... сегодня 93... сегодня 102; Вышел очередной номер газеты «Дзержинец» (4 коммунара у стенгазеты); Крольчатник коммуны и Шура Чевелий – коммунар с 5-летним стажем, агитмасс спортячейки;

Солисты оркестра коммуны: баритонист Стрелянный, восторгающий капельмейстера своим тоном, командир оркестра Жмудский и Волчок, он же секретарь совета командиров, «эсный» корнет Володя Козырь (с музык. инструментами); Фанфаристы оркестра коммуны (4 чел., с трубами, на них вымпелы); Сдача дежурства в 10 час. веч. Принимает рапорт т. Судаков (сдает рапорт девушка, взаимное приветствие салютом); Урок немецкого языка, II курс Б (группа класса, с учительницей); Гриша Левченко из вокзального поколения, работа в заготовительном цеху на опиловке; Группа коммунаров-рабфаковцев (5 чел.) в физическом кабинете; Иванов III, коммунар из вокзального поколения (работа у станка);

Сватко Афанасий, лучший ученик младших курсов (работа у станка); Гриша Фишбейн, работает на изготовлении сверлилки «ФД I», пом. командира отряда; Коммунары Клочковский и Шпых (обработка деталей); Корпус электроинструментального завода (внутренний вид, нижний этаж); Суля Швед, секретарь комсомольского коллектива (портрет); Коммунар Орлов III за проверкой детали; Коля Братчик и т. Букшпан играют в шахматы в тихом клубе (в окружении 7 коммунаров); портреты: Шура Захожай, Володя Козырь; Коммунар Голубенко за «Шепингом-Кейстон», старый коммунар, славится шалостью на уроках и веселым характером, по клубной работе – зав. сценой;

Портреты: Шура Чевелий; Вовченко («Волчок» - А.Ф.), секретарь совета командиров; Клава Борискина, командир группы обмотчиц, лучшая ударница; Лена Пихоцкая (у токарного станка); Лиля Гулецкая, командир лучшего краснознаменного отряда; Алеша Землянский, самая популярная личность в коммуне, прозванный «Робеспьером». Подписи под фото составлены, несомненно, А.С.Макаренко; его фота в сборнике нет.

Перевернутые страницы (вехи, события, факты)

……

……

Содержание представлено в этом издании разрозненно, по хронологии, в комментарии, со ссылками: Втор. рожд., с. … Последовательно дано: т.1, с.157-163.

За время существования трудкоммуны им. Ф.Э. Дзержинского ее посетило 214 делегаций:

СССР – 87, Германия – 37, Франция – 16, Англия – 17, Южная Америка (Перу, Чили, Мексика, Аргентина, Бразилия, Уругвай, Парагвай) – 11, САСШ – 8, Испания – 7, Чехо-Словакия – 4, Бельгия – 3, Польша – 3, Галиция – 2, Швеция – 2, Дания – 2, Швейцария – 2, Венгрия – 1, Китай – 1, Индокитай – 1, Голландия – 1, Норвегия – 1, Австралия – 1, Филлипины – 1, Египет – 1, Эстония – 1, эсперантисты – 4.

(Макаренко А.С. Пед. соч.: В 8 т. Т. 1, с. 157-163).

Книга отзывов посетителей коммуны, охватывающая период от 29 дек. 1927 г. по 10 мая 1938 г., см.: РГАЛИ, ф. 332, оп. 2, ед. хр. 1. К концу 1935 г. в ней сделано 350 записей (индивидуальных и коллективных, многие на иностр. яз.). В коммуне были экс-премьер-министр Франции Э.Эррио, чешский журналист Ю.Фучик, А.Пик (сын будущего Президента ГДР В.Пика), другие видные общественные деятели, поэты А.Жаров, А.Безымянский, корреспондент «Правды» Г.Рыклин, рабочие делегации, представители профсоюзных, партийных, общественных организаций.

Тексты записей в Книге отзывов, в том числе в переводе с иностр. яз., – РГАЛИ, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 370. Некоторые тексты, рус. яз. и в переводе с иностр. яз., а также публикации посетителей коммуны в отечественной и зарубежной печати – в книге: Фролов А.А. А.С.Макаренко в СССР, России и мире: историография освоения

и разработки его наследия (1939-2005 гг., критический анализ). – Н. Новгород, 2006.

Конституция страны ФЭД

На общих собраниях коммуны им. Ф.Э. Дзержинского, в органах комсомола и самоуправления, в быту и практике в течение пятилетней работы коммуны выработались правила и нормы, которые составляют как бы неписаную нашу конституцию, они определяют весь распорядок и ход жизни в коммуне.

Основные из них состоят в следующем.

Каждый вновь прибывающий в коммуну товарищ впредь до особого постановления совета командиров не имеет звания коммунара и считается воспитанником коммуны. Воспитанник по прибытии в коммуну не может быть допущен в спальни и на работу до осмотра его врачом, купания в бане и получения свежего белья и коммунарской одежды.

Воспитанник вступает в отряд коммунаров, и командир отряда должен немедленно назначить к нему одного из старых коммунаров для ознакомления его с коммуной, правилами коммунарской жизни и для помощи новичку на первое время. Независимо от этого, бюро комсомольского коллектива в свою очередь назначает к новичку товарища для руководства его поведением до получения новичком звания коммунара, для наблюдения за его первоначальным ростом в коммуне и развитием.

Воспитанник, в отличие от коммунара, может уходить из коммуны только с письменным отпуском; он может получать деньги на руки из своего заработка каждый раз только с разрешения совета командиров; он не имеет права заходить в спальни в течение дня без письменного разрешения; он не может быть избран ни в один орган коммунарского самоуправления и не может быть членом сторожевого отряда в коммуне.

Однако в общем собрании коммунаров воспитанник участвует с правом решающего голоса.

Совет командиров или бюро комсомольского коллектива имеет право перевести в воспитанники товарища, уже имеющего звание коммунара, за проступки, лишающие его доверия коммунаров, за грубое нарушение интересов коммуны, за всякий поступок, позорящий коммуну и звание коммунара.

Коммунар имеет право уходить из коммуны в отпуск в свое свободное время, но должен предварительно доложить об этом начальнику коммуны, или его помощнику, или ССК [секретарю совета командиров]. Уход в отпуск без такого доклада считается самовольным оставлением коммуны.

На производстве, в быту, в школе, во всех видах работы и в поручениях начальника коммуны, его помощника, преподавателей, мастеров и начальника завода, ССК, своего

командира и его помощника каждый коммунар должен всегда быть исполнительным и точным, он должен всегда строго и точно выполнять правила коммуны и в каждом деле прежде всего отстаивать и наблюдать интересы всей коммуны, а потом уже свои собственные или отдельных товарищей. Всякое приказание, законно изданное, коммунар должен немедленно выполнить, в знак чего, получая приказание, должен салютовать и отвечать «есть».

Получая на заводе зарплату, коммунар обязан вносить ежемесячно определенную часть ее за свое содержание в коммуне; половину остатка вносить в сберкассу на свое имя до окончания коммуны, а оставшиеся деньги, как карманные, он может расходовать по своему усмотрению, исключая покупку вина или покупку одежды, нарушающей коммунарскую форму.

Общее собрание коммунаров собирается каждый вечер, после второго ужина, в клубе коммуны. Присутствие всех коммунаров и воспитанников на собрании обязательно. Председательствует на общем собрании секретарь совета командиров или его заместитель.

Собрание начинается рапортом всех командиров дежурному командиру. Немедленно после рапортов председатель собрания должен предложить слово всем отмеченным в рапорте, как нарушившим дисциплину.

Каждый коммунар может возбудить на общем собрании любой вопрос, но обсуждение его может быть поставлено или не поставлено председателем, передано совету командиров или другой организации.

Ведению общего собрания подлежат все вопросы коммунарской жизни, его решения считаются окончательными и могут быть изменены только правлением коммуны.

Общее собрание имеет право накладывать на коммунаров в случае особенно тяжелых поступков взыскания: лишение отпусков, лишение звания коммунара, лишение карманных денег, выговоры, замечания, дополнительные работы, снятие с работы и с производства, снятие с командирской работы, наконец, ходатайствовать об увольнении из коммуны перед правлением.

Все коммунары делятся на отряды. Число отрядов и число коммунаров в каждом отряде, а также вопрос о принципе подбора коммунаров в отряде решается общим собранием по представлению совета командиров.

Отряду предоставляется несколько или одна спальня с точным по числу членов отряда количеством постелей и шкафов.

Отрядом командует командир отряда, у которого может быть один или несколько помощников. В каждой спальне должен быть один помощник на правах старшего по спальне.

Командир отряда избирается на шесть месяцев на общем собрании коммунаров (на специальном общем собрании). Каждый отряд выдвигает своего кандидата в командиры отряда.

Помощники командиров избираются советом командиров из состава отряда по представлению командира отряда на срок, равный сроку выбора командиров.

В случае надобности совет командиров имеет право отстранить командира от командования отрядом и избрать на его место другого коммунара с последующим утверждением этого на общем собрании коммунаров.

Командир отряда имеет право приказания в отряде в течение рабочего дня в школе, в спальне, в быту. Он отвечает за дисциплину в отряде, за чистоту спален, классов, постелей, одежды, лица, рук, за проветривание помещений и за сохранность оборудования спален и классов.

Он заботится об отряде, следит, чтобы все полагающееся отряду было выдано в срок и нормального качества, представляет все требовательные списки по заказу хозяйственной части.

Он назначает в совете командиров на работу [коммунаров и воспитанников]. Каждый командир состоит членом совета командиров. Каждый день он обязан сдавать рапорт дежурному командиру. В начале месяца командир должен составить распределение труда коммунаров по общей уборке, в течение месяца следить за правильным выполнением этого распределения. Он должен наблюдать за поведением отдельных коммунаров, беседовать с ними в случае их ошибок, следить за успехами их в школе и помогать им не отставать путем личной помощи или назначения отдельных старших товарищей из отряда [для оказания помощи].

Отряд, если он избран по принципу школьной группы, отвечает за определенный класс, его чистоту и сохранность оборудования.

На производстве все коммунары разделяются на бригады согласно производственной расстановке коммунаров. Бригада объединяет коммунаров, работающих на определенной группе станков в первую и вторую смену.

Бригада выделяет из своей среды бригадира, согласовывая его избрание с администрацией завода. Бригадир является руководителем бригады на производстве в области порядка и дисциплины.

Группой бригад на определенном производственном участке завода руководит командир группы, избираемый на тех же основаниях, как и командиры отрядов. Он участвует в совете командиров и сдает ежедневные рапорты на общих основаниях.

Командир группы отвечает за работу группы, и прежде всего за выполнение промфинплана.

Командир отряда и командир группы не освобождаются от производственной и школьной работы и несут свои обязанности дополнительно и бесплатно.

На каждый месяц совет командиров избирает сторожевой отряд с отдельным командиром.

В совет командиров кроме избранных командиров входят с правом решающего голоса: начальник коммуны, помначальника коммуны, начальник хозяйственной части, начальник завода, врач, секретарь комсомольского коллектива, члены правления коммуны.

Председательствует в совете командиров секретарь совета (ССК), избираемый общим собранием коммунаров вместе с командирами на шесть месяцев.

Совет командиров является главным руководящим органом коммунарского самоуправления, и все остальные органы обязаны перед советом отчетом и руководятся его указаниями и постановлениями.

Секретарь совета командиров (ССК) освобождается от работы на производстве и получает зарплату, равную его среднему заработку на производстве в момент его выборов.

ССК обязан проводить в исполнение все постановления совета командиров, наблюдать за работой дежурных командиров, издавать приказы от имени совета командиров и участвовать в решении всех текущих вопросов вместе с начальником коммуны. [С] СК 485 имеет право единолично накладывать взыскания и давать отпуска коммунарам и воспитанникам, посещать уроки всех курсов, имеет право приказания в течение дня.

Все командиры отрядов и бригад дежурят по коммуне по порядку номеров своих отрядов, по двое каждый день. Дежурный командир (ДК) на день своего дежурства освобождается от работы на заводе и получает зарплату в размере среднего дневного за данный месяц. ДК ведет весь рабочий день коммуны. ДК поднимает коммуну в 6 часов утра, принимает рапорт ДЧСК (дежурного члена санитарной комиссии) о проведенной уборке коммуны, проводит проверку коммунаров, дает распоряжение о сигналах «на работу», «кончай работу», «в столовую», «на рапорта», «в клуб» и пр.

Он следит за своевременным приготовлением пищи, в столовой наблюдает за порядком, за правильным распределением пищи и ее подачей на столы.

ДК наблюдает за поведением коммунаров в течение дня, принимает гостей и делегации, наблюдает за порядком вечером в клубах и в классных помещениях, принимает рапорты командиров отряда и отдает рапорт начальнику коммуны или его помощнику о прошедшем дне.

Все распоряжения ДК должны беспрекословно выполняться всеми коммунарами. Он имеет право снять с работы, с классной группы и удалить из столовой, клуба и другого помещения коммунара, нарушающего порядок и не подчиняющегося его приказаниям. ДК должен всегда находиться в парадной форме и иметь на левом рукаве красную повязку.

Санитарная комиссия избирается общим собранием коммунаров одновременно с советом командиров в составе семи членов. Она устанавливает правила поддержания чистоты в коммуне, чистоты одежды и тела коммунаров, порядок уборки, порядок смены белья и пользования баней, делает выводы о санитарном состоянии целых отрядов, отдельных коммунаров и помещений в коммуне. Все члены санкомиссии дежурят по очереди в течение одного рабочего дня. Дежурный член санитарной комиссии свое дежурство проводит вместе с ДК и является главным его помощником.

ДЧСК принимает утреннюю уборку коммуны и классов после конца занятий каждой смены, принимает станки после конца работы, наблюдает за сохранением чистоты в коммуне, в столовой, отдает вечером обычный рапорт ДК. ДЧСК носит повязку на левой руке с красным крестом. Утренняя уборка коммуны распределяется в совете командиров на месяц вперед между отрядами коммунаров; распределение ее между членами отряда производится самим отрядом.

Столовая комиссия избирается общим собранием коммунаров в составе трех коммунаров вместе с советом командиров сроком на шесть месяцев.

Столовая комиссия вместе с начальником хозяйственной части устанавливает сметы расходов на пищу, устанавливает меню на каждый день, следит за его выполнением. Руководство свое столовая комиссия проводит через каждый месяц. Старшая хозяйка освобождается от работы на производстве и получает зарплату по среднему сдельному за прошлый месяц.

На обязанности старшей хозяйки лежит: наблюдать за правильным получением продуктов на кухне, правильным их использованием и за выдачей пищи в столовую.

Каждый коммунар должен приходить в столовую в свою смену и занимать принадлежащее ему место, ожидая, пока ему подадут пищу.

Хозяйственная комиссия избирается общим собранием коммунаров вместе с советом командиров сроком на шесть месяцев в составе трех командиров. Хозкомиссия вместе с начальником хозчасти, комендантом и кастеляншей ведет учет и ведает заготовлением и распределением одежды коммунаров, следит за правильностью ее носки и вынесением в расход. Она ведет учет мебели в коммуне, ведает ее распределением в помещениях коммуны, ее целостью и сохранностью, вовремя отдает ее в ремонт или чистку.

Клубный совет, ведающий всей клубной самодеятельной работой, избирается общим собранием на шесть месяцев в составе пяти коммунаров. На каждый день клубный совет

выделяет дежурного члена клубного совета, на обязанности которого лежит наблюдение за дневным течением клубной работы и отдача рапорта вечером ДК.

Оркестр выделен из ведения клубного совета и непосредственно подчиняется совету командиров. В оркестр коммунары входят по своему добровольному желанию, но, один раз записавшись в оркестр, коммунар не имеет права оставить его до своего выхода из коммуны. Во главе оркестра стоит командир оркестра, который отвечает за дисциплину в оркестре, за исправность инструментов, за порядок в музыкальной комнате и помогает капельмейстеру в его учебной и концертной работе.

Штаб соцсоревнования избирается общим собранием коммунаров сроком на шесть месяцев в составе трех лиц. Штаб соцсоревнования вырабатывает нормы измерения успехов соревнования по школе, быту и дисциплине и в постоянном согласовании с педагогическим советом, учетным аппаратом производства и советом командиров ведет учет показателей по всем линиям соревнования, отображает их на специальной диаграмме, вырабатывает модусы премирования и список премируемых лиц и представляет их в правление коммуны. Лучшие отряды по быту и школе в порядке премирования получают одно из двух коммунарских знамен. Первого числа каждого месяца заканчивается цикл премирования и передача знамен.

Макаренко А.С. Пед. соч.: В 8 т. Т. 1, с. 144-149. Выражение «страна ФЭД» ярко характеризует А.С. Макаренко как социального педагога-реформатора, стремящегося в своей деятельности отразить прогрессивные тенденции общественного развития, создать педагогику, «обгоняющую общество в его человеческом творчестве», «педагогику завтрашнего дня».

Характерно и слово «Конституция», т.е. установка на систему социальных прав и обязанностей, которая воплощала бы идеалы их единства, гармонического сочетания свободы и дисциплины, демократизма и единоначалия, социального управления и самоуправления – на базе «суверенитета» коллектива педагогического учреждения, его относительной самостоятельности.

В жизненно-ориентированной педагогике А.С. Макаренко, где уклад жизни и деятельности педагогического учреждения – это главный фактор воспитания, – на первый план выходит структура единого коллектива этого учреждения, его организация, органы управления, их субординация. Объединяющим центром единства детей и взрослых является совет командиров, «главный руководящий орган коммунарского самоуправления», куда входят

нач. коммуны, помнач. коммуны, нач. хоз. части, нач. завода, врач, секретарь комсомольской организации, все командиры постоянных отрядов, члены правления коммуны.

Общее собрание рассматривает все вопросы коммунарской жизни, «его решения считаются окончательными и могут быть изменены только правлением коммуны». Принципиальное значение имеет дифференциация членства в коллективе, различие коммунаров и воспитанников по их правам и обязанностям.

Сравнение «Конституции страны ФЭД» и «Конституции» трудовой коммуны им. Ф.Э. Дзержинского – проект (1928 г., см. ранее в этом издании) показывает, что А.С. Макаренко вольно или невольно отступил от трактовки «Конституции» как единой для «воспитанников, воспитателей и служащих», обратив внимание в основном на детский коллектив и его самоуправление. В стороне осталось то, на чем он еще в сер. 20-х гг. настаивал в регламентации образа жизни педагогического учреждения: четкое определение его юридического статуса, финансово-экономических и административных полномочий (А.С. Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания... Часть 1, с. 114, 186, 198).

Педагоги пожимают плечами

Педагоги – самые уважаемые работники у нас в Союзе. Задача педагогов самая почетная – создавать людские кадры для всех отраслей нашей жизни. Нашей педагогикой, советской педагогикой, мы уже можем гордиться.

И все-таки пожимали плечами по поводу работы нашей коммуны, представьте себе, педагоги!

Пожимали плечами не все педагоги. О, нет! В подавляющем своем большинстве это народ смелый, чуткий, интересующийся всяким хорошим почином. В таком же подавляющем большинстве это народ героический, во всяком случае, работу он проделывает трудную и большую, и поэтому пожимать плечами по случаю нашего хорошего дела они никогда бы не стали.

Пожимала плечами небольшая кучка, самая маленькая. Эта кучка обитает на Олимпе[1]. Эта кучка состоит из людей, которые, может быть, не воспитали ни одного живого, даже собственного ребенка, но которые зато сочинили много педагогических принципов.

Практика невозможна без теории, теория невозможна без практики. Но пожимавшие плечами педагоги на существующую практику смотрели с презрением и осуждением и поэтому старались завести свою собственную, так сказать, клиническую практику. С другой стороны, и презираемая педагогическая практика волей-неволей должна была теоретизировать как-то свой опыт и выводы, должна была таким образом создаваться особая, так сказать, партизанская теория.

И недаром ЦК партии пришлось взять на себя и теоретическую и практическую заботу о нашем деле[2].

У нас в теории дошло, например, до того, что, с одной стороны, отрицали всякую биологическую предрасположенность моральной сферы, считали, что все от среды и воспитания, и одновременно с этим, с другой стороны, все воспитание человека хотели подпереть рефлексологией и рассчитывали дать нового человека исключительно на основании изучения условных рефлексов. У одного из подобных теоретиков коллектив, например, определяется так: «Коллектив есть группа взаимодействующих лиц, совокупно реагирующих на те или иные раздражения»[3]. Для всякого непредубежденного человека очевидно, что это определение коллектива лягушек, обезьян, моллюсков, полипов, кого хотите, но только не коллектива людей.

Но и практика не всегда была лучше. Пролетарская педагогическая установка с боями прокладывала себе дорогу, пробивалась в жизнь, откликаясь на живые требования и потребности нашей промышленности нашей новой культурой. Разве не характерно, что лучшей школой воспитания является комсомол, производство, армия? Здесь пролегают пути подлинного классового воспитания – здесь и в школе; так были созданы фабзавучи и рабфаки, многочисленные и разнообразные курсы. Здесь дело делалось самыми быстрыми темпами, часто без специально разработанного теоретического фундамента, без практических кадров, ощупью, со многими ошибками, но спасали классовое чутье и живые требования жизни.

Но в области собственно воспитания не было такой сильной живой струи. Кроме того, воспитательная область, так сказать, нежнее и неуловимее. А в нашей рабочей, комсомольской и партийной интеллигенции много еще существует воспитательных предрассудков, на веру воспринятых от старой педагогической теории и просто от бродячей интеллигентской мысли, от литературных образов и идеалов. Путь нового ленинского воспитания, путь воспитания коммунистического – это путь напряженной борьбы со многими врагами. Враги эти: осколки старой российско-интеллигентской идеологии, сильные толщи буржуазного индивидуализма. Эти враги на каждом шагу окружали нас, новых работников просвещения, стремящихся воплотить требования, предъявленные к нам нашей эпохой и революцией, в живом, настоящем деле.

Самым удобным местом для борьбы был детский дом. Во-первых, это был действительно новый тип детского учреждения, где меньше всего можно было бояться остатков старой практики; во-вторых, здесь не вмешивалась родительская власть. Это были выгодные стороны детского дома. Но были и неудобства. Первое: именно в детском доме оторванная от жизни, начетническая теория старалась организовать свою собственную «новую практику»; во-вторых, детский дом предлагал невероятно трудный состав детей, почти сплошь воспитанный улицей. Поэтому работа в детском доме всегда обращалась в боевой фронт.

В дни начала коммуны им. Дзержинского было уже много товарищей, знающих цену новой воспитательной пролетарской практике, много было людей, на опыте убедившихся в возможности большого прямого опыта, – поэтому коммуна начинала жить смелее, чем ее предшественники. Но бороться приходилось и тогда, а больше всего пришлось наблюдать недоверие и вот этого самого пожимания плечами.

Сейчас коммуна победоносно закончила пятилетие. Теперь нужно говорить о принципах нашего воспитательного опыта. Это именно те принципы, по поводу которых были пожимания плечами.

В 1927 г. мы явились перед педагогическим Олимпом со своим скромным идеалом культурного советского рабочего. Нам ответили:

— Культурного рабочего?.. А как?

Самое главное: как? Мы изложили свои взгляды на педагогическую технику, которую уже нам удалось испробовать в одном из медвежьих углов, далеком от больших педагогических дорог[4].

— Мы желаем воспитать культурного советского рабочего[5]. Следовательно, мы должны дать ему образование, желательно среднее, мы должны дать ему квалификацию, мы должны его дисциплинировать, он должен быть политически развитым и преданным членом рабочего класса, комсомольцем, большевиком. Мы должны воспитать у него чувство долга и понятие чести, иначе говоря – он должен ощущать достоинство свое и своего класса и гордиться им, он должен ощущать свои обязательства перед классом. Он должен уметь подчиниться товарищу и должен уметь приказать товарищу. Он должен уметь быть вежливым, суровым, добрым и беспощадным – в зависимости от условий его жизни и борьбы. Он должен быть активным организатором. Он должен быть настойчив и закален, он должен владеть собой и влиять на других; если его накажет коллектив, он должен уважать и коллектив и наказание. Он должен быть веселым, бодрым, подтянутым, способным бороться и строить, способным жить и любить жизнь, он должен быть счастлив. И таким он должен быть не только в будущем, но и в каждый свой нынешний день.

«Олимпийцы» ужаснулись:

— Наказание? Наказание воспитывает раба![6]

— Долг – буржуазная категория!

— Честь – офицерская привилегия!!

— Это – не советское воспитание!!!

Это происходило действительно так: у нас сохранился стенографический отчет.

Мы работали пять лет. Вместе с нами почти не работали педагоги, но с нами работали коммунары-дзержинцы. Они делали стулья, арматуру, сверлилки, новую свою жизнь, нового человека, – и они еще делали новую, советскую педагогику[7]. На нашем небольшом участке мы были не в состоянии сделать много, и с нашим небольшим «участковым» опытом нас не пускали на страницы педагогических журналов. Но то, что мы сделали, – уже не страница журнала.

Коммуна им. Дзержинского за пятилетие «отточила» свои методы до достаточной точности. Только еще небольшие остатки идеализма и индивидуалистической педагогики до сих пор отравляют наше торжество. Но и с ними мы рассчитываем справиться в кратчайшее время.

Коммуна им. Дзержинского не знает пропасти между умственным и физическим трудом. Рабфак машиностроительного института подводит нашего коммунара непосредственно к втузу, но он входит в него не только подготовленным студентом – он уже и мастер высокой квалификации.

Поэтому вступление во втуз для коммунара может быть и необязательным. Уже сейчас на коммунарском заводе работает несколько инструкторов-коммунаров, путь которых, очевидно, путь младшего комсостава промышленности. Давая коммунарам высокую квалификацию, связанную со средним образованием, мы в то же время сообщаем ему многие и разнообразные качества хозяина и организатора. Нужно побывать на коммунарском общем собрании, чтобы в этом убедиться. Вопросы пром-финплана, технологического процесса, снабжения, работы отдельных деталей, приспособлений, рационализации и контроля, норм и расценок, штатов и качества персонала ежедневно проходят перед коммунарами, проходят не как перед зрителями, а как перед распорядителями, которые не могут отмахнуться ни от какого вопроса, иначе их дело на другой же день начнет давать перебои. В решении этих вопросов для коммунаров находится прежде всего место приложения их общественной энергии, но это не энергия людей, отказывающихся от личной жизни, это не жертва подвижников, это разумная общественная деятельность людей, понимающих, что общественный интерес – это есть и интерес личный[8].

В этой общей установке, подчеркнутой во многих деталях нашего дела (например, в сдельной зарплате), мы находим все точки отправления и для принципов нашей педагогической техники.

В чем эти принципы?

Прежде всего мы отстраняем воспитательную работу специально над отдельным лицом, над пресловутым «ребенком», составляющим заботу педагогики. Мы считаем, что влияние отдельной личности на отдельную личность есть фактор узкий и ограниченный. Объектом нашего воспитания мы считаем целый коллектив и по адресу коллектива направляем организованное педагогическое влияние. Мы при этом уверены, что самой реальной формой работы по отношению к личности является удержание личности в коллективе, такое удержание, чтобы эта личность считала, что она в коллективе находится по своему желанию – добровольно, и, во-вторых, чтобы коллектив добровольно вмещал эту личность[9].

Коллектив является воспитателем личности. В практике коммуны им. Дзержинского, например, проступки отдельной личности, какие бы они ни были, не должны вызывать реагирования педагога предпочтительно реагированию коллектива. Педагог в коммуне постольку может влиять на отдельную личность, поскольку он сам член коллектива, и не больше, чем всякий другой член коллектива.

Это вовсе не значит, что мы, педагоги и вообще взрослые руководители коллектива, стоим в стороне и только наблюдаем. Как раз нам приходится каждую минуту мобилизовывать нашу мысль и опыт, наш такт и волю, чтобы разобраться в многообразных проявлениях, желаниях, стремлениях коллектива и помочь ему советом, влиянием, мнением, а иногда даже и нашей волей. Это очень сложный комплекс рабочих напряжений. Но как бы много мы ни работали, мы никогда не можем стать педагогическими авгурами[10] изрекающими законы воспитания. Законы эти вытекают из общей жизни Советского Союза[11] и, в частности, из жизни нашего коллектива, и они настолько сами по себе убедительны, что мудрить над ними нам уже не может быть дано.

Таким образом, педагогическая установка коммуны в общем формулируется так: создание правильного коллектива, создание правильного влияния коллектива на личность[12].

Разрешая вопрос жизни коллектива, мы не можем рассматривать коллектив как «группу взаимодействующих и совокупно реагирующих индивидов». Мы видим не «совокупность» и не отвлеченный коллектив, а конкретный живой коллектив мальчиков и девочек – часть советского рабочего общества в эпоху строительства социализма, классовой борьбы и перехода нашего к бесклассовому обществу. И мы видим прежде всего, что наш детский коллектив решительно не хочет жить

подготовительной жизнью к какой-то будущей жизни, он не хочет быть явлением только педагогическим, он хочет быть полноправным явлением общественной жизни, как и каждый другой коллектив.

Отдельные члены коллектива не рассматривают себя как «зародыш будущих личностей». Естественно и нам стать на такую точку зрения и считать наших воспитанников полноправными гражданами советских республик. Как полноправные граждане, они имеют право на участие в общественном труде – по своим силам. Они и участвуют, и участвуют не в педагогическом порядке, а в рабочем, т.е. не портят материал, а производят нужные вещи не из идеалистических соображений альтруизма и нестяжания, а из стремления к заработку и своего, и коллектива, и за свою работу они отвечают по всей строгости производства – отвечают прежде всего перед коллективом, который является поглотителем и частного вреда, и частной пользы.

Из этого основного нашего взгляда на детский коллектив проистекают и все наши методы. Мы даем детскому или юношескому коллективу рабфак, завод, инженеров, промфинплан, зарплату, обязанности, работу и право ответственности. А это значит – даем дисциплину.

Пожимающие плечами «олимпийцы» могут много говорить о необходимости дисциплины, могут с радостью наблюдать уже готовую дисциплину и даже умиляться по поводу ее красот, но совершенно не в состоянии без истошного крика наблюдать процесс дисциплинирования. Дзержинцы же ничего особенного в самой дисциплине не видят, по их мнению, это естественное и необходимое состояние каждого коллектива. В самом факте дисциплины нет для них никакой проблемы. Они видят только процесс дисциплинирования и считают, что проблема именно в этом процессе.

Если коммунар не убрал станок и он покрылся ржавчиной, коммунарское собрание, пожалуй, даже не подумает о том, что виновника нужно дисциплинировать, но все будут говорить и кричать:

— Ты испортил станок, понимаешь? Ты знаешь, сколько станок этот стоит? А что завтра будем делать, если из-за тебя не хватит детали пятнадцатой? На тебя будем смотреть – какой красивый, да?

И вовсе не решая проблемы наказания, а только оберегая заводское оборудование как общий коллективный интерес, такого коммунара снимут со станка и поставят на простую работу.

Это, может быть, и жестоко, но это жестокость необходимая. И только потому, что коллектив от нее не отказывается, нам почти не приходится ее применять.

Точно так же в коммуне почти не бывает воровства, потому что всем хорошо известен закон коммуны: украсть нельзя, за кражу можно в полчаса очутиться за бортом коммуны. Для коммуны это вовсе не проблема воспитания личности, это проблема жизни каждого коллектива, и иначе жить коллектив не может.

Педагогические теории, доказывающие, что хулигана нельзя выгнать в коридор, а вора нельзя выгнать из коммуны («вы должны его исправлять, а не выгонять»), – это разглагольствования буржуазного индивидуализма, привыкшего к драмам и «переживаниям» личности и не видящего, как из-за этого гибнут сотни коллективов, как будто эти коллективы не состоят из тех же личностей!

Коммуна им. Дзержинского запрещает воровство совершенно категорически, и каждая личность это хорошо знает и не станет рисковать ни интересами коллектива, ни своими собственными. Поэтому в коммуне почти не бывает воровства, во всяком случае, за воровство у нас уже не наказывают. Если случай воровства происходит с новичком, еще не способным ощущать интересы коллектива как свои собственные, новенькому скажут: «Смотри, чтобы это было в последний раз». А если воровство случится еще раз, коллектив обязательно поставит вопрос об увольнении. Эта суровость есть самая большая гуманность, какую можно предъявить к человеку. Эта проблема решается с арифметической точностью. Оставить вора в коллективе – это значит обязательно развить воровство, это значит во много раз увеличить случаи краж, увеличить бесконечные конфликты, связанные с подозрениями на невинных товарищей, это значит заставить всех членов коллектива запирать свои вещи и подозрительно посматривать на соседа, это значит уничтожить свободу в коллективе, не говоря уже о том, что это означает еще и растаскивание материальных ценностей.

Насколько падает и разлагается коллектив при узаконенном и допущенном воровстве, настолько он крепнет в другом случае, крепнет только от одного общего переживания силы коллектива и его права. Тот мальчик, который хоть один раз голосовал за изгнание товарища за воровство, с большим трудом сам идет на воровство. Обращаем внимание и еще на одно обстоятельство: те, кого коллектив выбросил из своих рядов, испытывают чрезвычайно могучую моральную встряску. Обыкновенно коллектив не выгоняет в буквальном смысле на улицу, а отправляет в коллектор. И мы знаем очень много случаев, когда такой «изгой» приходил к положительным установкам в вопросах социальной нормы [поведения]. Бывали случаи, когда он вторично присылался в коммуну и уже навсегда забывал о своем воровском опыте.

Категорическое требование коллектива применяется не только по отношению к воровству. В коммуне им. Дзержинского такое же категорическое требование предъявляется и к выпивке, и к картежной игре. За выпивку – безусловное изгнание. И

именно поэтому, несмотря на то что в коммуне есть много ребят 18 и 19 лет, что большинство из них имеет довольно большие карманные деньги, коммунары никогда не пьют и чрезвычайно нетерпимо относятся к пьянству взрослых.

Такая дисциплина вытекает как осознанная необходимость, из условий всей жизни коллектива, из того основного принципа, что коллектив детей не готовится к будущей жизни, а уже живет. В каждом отдельном случае нарушения дисциплины коллектив только защищает свои интересы. Эта логика совершенно недоступна пониманию «олимпийцев» и вызывает с их стороны наибольший протест. А между тем эта логика больше направлена в защиту интересов личности, чем всякая другая.

Защищая коллектив во всех точках его соприкосновения с эгоизмом личности, коллектив тем самым защищает и каждую личность и обеспечивает для нее наиболее благоприятные условия развития. Требования коллектива являются воспитывающими главным образом по отношению к тем, кто участвует в требовании. Здесь личность выступает в новой позиции воспитания – она не объект воспитательного влияния, а его носитель – субъект, но субъектом она становится, только выражая интересы всего коллектива[13].

Это замечательно выгодная педагогическая конъюнктура. Защищая каждого члена коллектива, общее требование в то же время от каждого члена ожидает посильного участия в общей коллективной борьбе и тем самым воспитывает в нем волю, закаленность, гордость. Уже без всякой специальной педагогической инструментовки в коллективе развивается понятие о ценности коллектива, о его достоинстве. Именно в этом пункте лежит начало политического воспитания. Коллектив дзержинцев осознает себя как часть великого классового пролетарского коллектива, связанную с ним в каждом своем движении. Это и есть политическое воспитание, отличное от политического образования.

В этом же ощущении ценности коллектива заключается и начало понятий чести и долга – категорий, которые «олимпийцами» назывались соответственно «офицерской» и «буржуазной привилегией».

Наше воспитание дает стране квалифицированного культурного рабочего, способного быть командиром в любой отрасли нашей работы, но способного и подчиниться товарищу. Еще не так давно «олимпийцы» описывали ужасы, проистекающие от нашего командира (отряда, группы), который, по их мнению, обязательно душит инициативу, обязательно насильничает. А наш командир только выборный единоначальник, правда, обладающий большой властью и влиянием, но связанный по рукам и ногам во всех тех случаях, когда он начинает представлять

[узко]личное начало. Отряд командиров – это тоже коллектив, и командир есть только его уполномоченный.

Насчет инициативы коммунары никогда не станут слушать пустую болтовню, какой бы она ни казалась заманчивой, но без лишних слов примут всякое предложение, которое дает путь к решению поставленной общей задачи.

Мы также протестуем против воспитания деятельностью, построенной только на «интересности». Любопытно послушать прения в совете командиров, когда разбирается заявление какого-нибудь новичка:

— Мне в этом цехе работать не интересно, переведите меня в механический.

Такому «ребенку» сурово отвечают:

— Может, собрать оркестр? Может быть, для тебя интересно послушать музыку?

— Где ты был, когда мы строили завод и целый месяц носили землю на носилках? Думаешь, нам было очень интересно?

— Может быть, для тебя и уборные убирать не интересно?

Новый коммунар, впрочем, скоро начинает понимать, в чем дело. Он приобщается к «буржуазной категории» долга. Коллектив требует от личности определенного взноса в общую трудовую и жизненную копилку. Рабочий класс, великая Советская страна собирают личности не по договору, не по найму, не по [узколичному] интересу. И коммунары к вопросам долга относятся просто и уверенно – это естественная позиция пролетария по отношению к своему классу.

И если этот класс, и наш коллектив, и сам индивид представляются человеку ценностями, в которых он не сомневается, возникает понятие о классовой пролетарской чести[14].

Нам остается коснуться одного вопроса, наиболее жгучего в наших педагогических спорах; а как же педагог? Выходит, что все делает коллектив, а педагог для чего? И что может гарантировать, что коллектив будет поступать как раз так, как нужно?

Вопрос уместный. Коммуна им. Дзержинского в 1930 г. вовсе отказалась от воспитателей, но это не значит, что у нас их нет. Только здесь мы будем говорить о коллективе педагогов. Нашим воспитательским коллективом являются учителя, инженеры, мастера и инструкторы, чекисты, члены нашего правления и в первую очередь и главным образом – партийная и комсомольская ячейки.

И воспитание коммунаров достигается не путем чьей-нибудь проповеди или нравоучений, а исключительно из жизни, работы, стремления самого коллектива. Эта работа и стремления определяются тем, чем живет коллектив, т.е. нашей революцией, нашими пятилетками, нашей борьбой за экономическую независимость, нашим стремлением к знаниям, нашим рабфаком, нашим упорядоченным, вымытым,

вычищенным коммунарным бытом, нашей дисциплиной, каждой минутой нашего напряженного, полного усилия, смеха, бодрости, мысли дня. И поэтому – пусть педагоги пожимают плечами! Эта «физкультура» уже немного запоздала.

Мы смело глядим в будущее. Образованный, знающий, умеющий мастер-коммунар, сознательный хозяин Советской страны, комсомолец и большевик, организатор и командир, умеющий подчиняться и приказывать, умеющий бороться и строить, умеющий жить и любить жизнь, – вот наше будущее, наш вклад в грядущие кадры, какой вносит коммуна им. Дзержинского.

А если нам еще удастся перевоспитать нескольких педагогов – это уже дополнительная, внеплановая победа...

А.С. Макаренко. Пед. соч.: В 8 т. Т. 1, с. 136-144.

Это блестящее, полемически заостренное изложение макаренковской концепции «воспитательной педагогики», специфики «собственно воспитания» и «школы жизни», социальной педагогики, – в столкновении с педагогами-учеными, сторонниками дидактической и индивидуалистической педагогики, «школы учебы» и «воспитывающего обучения».

Раскрывается основа этой концепции – проблема цели воспитания: становление нового поколения рабочего класса в государстве трудящихся, воспитание «качеств хозяина и организатора». Вторая проблема: коллектив педагогического учреждения как главный фактор воспитания, его положение в обществе как производственного коллектива, где дети в позиции «полноправных граждан» не просто «готовятся к жизни», а уже живут, приобщаясь к социально полноценной жизнедеятельности.

Это макаренковская педагогика «параллельного действия» воспитания и жизни, труда и воспитания. Их связь здесь осуществляется не непосредственно, а через уклад жизни педагогического учреждения, в котором своеобразно проявляются все основные направления жизни взрослых. Молодое и старшее поколения в едином трудовом коллективе, во взаимодействии, успешно «творят новые формы жизни и быта», черты лучшего мира и «нового человека». Они вместе «делают новую педагогику».

Четко формулируются фундаментальные положения макаренковской педагогики: воспитание, которое основывается на жизни, работе, стремлениях учащейся молодежи; такой коллектив,

где общественный интерес выступает как личный; право защиты этого коллектива и защита личности; воспитательный коллектив, включающий профессионалов производства и управления; личность как «субъект воспитательного влияния» в социально ответственном и дисциплинированном коллективе, где демократия проявляется и в единоначалии уполномоченных коллективом.

Статью резко критически охарактеризовал Н.А. Скрыпник на заседании Коллегии НКП Украины 23 янв. 1933 г., посвященном работе коммуны им. Ф.Э. Дзержинского (по итогам ее обследования). Он, признавая несомненные заслуги Макаренко-практика, категорически отверг его теоретические положения.

Воздействие на личность через коллектив Н.А. Скрыпник расценил как принижение роли педагога в воспитании, а тезис «коллектив не готовится к будущей жизни, а уже живет» – как отступление от идеи строительства коммунизма. Использование оплаты труда в качестве одного из средств воспитания – это «мелкобуржуазные разговоры», противоречие таким мотивам труда, как «преданность революционным идеям пролетариата» (Скрыпник Н.А. Путевка Дзержинского // Политехническая школа. – Харьков, 1933, № 3, с. 25-29 (укр. яз.).

[1] Среди «богов педагогического Олимпа» А.С. Макаренко в данном случае имеет в виду прежде всего ведущих сотрудников Украинского НИИ педагогики и НКП УССР. С их участием 13-14 марта 1928 г. проходило обсуждение макаренковских проектов организации коммуны им. Ф.Э. Дзержинского (см. ранее в данном издании «Операционный план...», «Конституция...», «Контртезисы», «Доклад на секции социального воспитания...»). Данная статья А.С. Макаренко – его ответ оппонентам, по результатам педагогической практики.

[2] Имеются в виду постановления ЦК ВКП(б) от 21 авг. 1931 г. «О начальной и средней школе» и от 25 авг. 1932 г. «Об учебных программах и режиме в начальной и средней школе».

[3] Приводится высказывание А.С. Залужного (сб. Педология и воспитание. – М., 1928, с. 76), которое содержит характерное для

педологов (сторонников «биогенеза») рефлексологическое определение коллектива.

[4] А.С. Макаренко имеет в виду свою творческую педагогическую деятельность в трудовой колонии им. М. Горького под Полтавой в 1920-1926 гг.

[5] Выдвигая в центр педагогической теории и практики цель «воспитания культурного советского рабочего», образованного и профессионально подготовленного, - А.С. Макаренко по существу противился начавшемуся во 2-й половине 20-х гг. в СССР разделению образования на два направления: общее образование вне условий производства, дающее право поступления в вуз, – и профессиональная подготовка квалифицированных рабочих, не имеющих общего среднего образования.

[6] Здесь А.С. Макаренко вспоминает главным образом Н.К. Крупскую, которая, ссылаясь на очерк Н.Ф. Остроменцкой о колонии им. М. Горького, в докладе на VIII съезде ВЛКСМ подвергла деятельность А.С. Макаренко уничтожающей критике за применение наказаний (см. Макаренко А.С. Школа жизни, труда, воспитания... Часть 1, с. 278). Вплоть до сер. 30-х гг. в советской школе существовал категорический запрет на «какие-либо наказания», крайне ограничивались поощрения; необходимо было всецело полагаться на развитие «сознательности».

[7] Тезис о том, что в творчестве новой педагогики активно участвуют и дети, молодое поколение, заложен в основах педагогической концепции А.С. Макаренко.

[8] Стремление к такому социально-нравственному идеалу освещает глубины макаренковского педагогического новаторства.

[9] Принцип добровольности – важнейшее проявление установки А.С. Макаренко на свободное развитие личности в коллективе.

[10] Авгур – предсказатель, наделенный сверхестественной силой.

[11] Этот тезис отражает макаренковское представление о приоритете социального фактора в педагогических закономерностях.

[12] Вскоре А.С. Макаренко разовьет эту мысль в формулировке: необходим метод, «который, будучи общим и единым, в то же время дает возможность каждой отдельной личности развить свои

способности, сохранять свою индивидуальность, идти вперед по линии своих наклонностей» (т. 1, с. 170).

[13] Личность, выступающая в позиции субъекта воспитания, будучи его объектом, – фундаментальное проявление макаренковской педагогики «параллельного действия», единства «парных оппозиций» в его теории и практике воспитания.

[14] Принципиальное внимание А.С. Макаренко к этическим категориям долга, чести, человеческого достоинства обусловлено направленностью его педагогики на духовнй мир личности, преодоление «муштры» в воспитании, развитие внутренних, психологических основ личности.

Один день коммуны

Приказ по коммуне № 189 1 октября 1932 г.

1

Дежурные командиры — Ширявский и Пихоцкая.

Дежурный член санитарной комиссии — Клеточкина.

Дежурный член клубного совета — Илюшечкина.

Дежурный сигналист — Пащенко Николай.

2

С утра все по нарядам командиров.

3

Согласно постановлению совета командиров распределение работ по уборке коммуны на октябрь месяц следующее:

1-й отряд — математический кабинет, верхний коридор корпуса рабфака.

2-й отряд — мостик АБ, лестница к больничке, верхняя уборная корпуса спален.

3-й отряд — главная лестница корпуса спален, вестибюль и помещение вешалки корпуса спален.

4-й отряд — физический кабинет, зрительный зал и сцена.

5-й отряд — кабинет черчения и физкультурный зал.

6-й отряд — балкон зрительного зала, лестница к уборной учебного корпуса и уборная.

7-й отряд — кабинет языка и «тихий» клуб.

8-й отряд — нижний коридор корпуса спален утром и вечером и нижняя уборная корпуса спален.

9-й отряд — парадная лестница, нижний коридор и вестибюль корпуса рабфака.

10-й отряд — кабинет природоведения и верхний коридор корпуса спален утром и вечером.

11-й отряд — кабинет соцэка и уборные девочек.

12-й отряд — класс подготовительных групп и цветники перед зданиями коммуны.

13-й отряд — кабинеты начальника коммуны, учебной части и совета командиров.

2[1]

Согласно постановлению совета отрядов назначаются на октябрь месяц:

Сторожевой сводный отряд под командой Михаила Бондаренко в составе: Шапошникова, Букреева, Братчина Николая, Строга I, Соловьева.

Старшая хозяйки — коммунар Сычов.

3

Согласно постановлению совета командиров коммунар Демченко переводится из литейного цеха в токарную группу — по его просьбе.

4

Согласно постановлению совета командиров обращается внимание коммунара Костина на необходимость принять более активное участие в жизни коммуны, коммунарских органов самоуправления, в клубных и политических организациях.

5

Согласно постановлению совета командиров коммунар Синяков заносится на черную доску за то, что уклонился от участия в тушении пожара рабочего барака 18 сентября и во время пожара продолжал чинить свой радиоаппарат.

6

Предлагается всем командирам отрядов в течение двух дней подать ССК списки коммунаров, желающих участвовать в культпоходе в театр «Березиль» 6 октября.

7

Согласно постановлению комиссии по расценкам, утвержденному советом командиров, объявляются новые расценки по сборному цеху завода по сборке нижнего щита:

	Норма за 4 ч	Цена в коп.
Установка шпинделя в щит ……...	25	12
Запрессовка втулок, райберовок и засверловка ……..	60	5
Укладка связки и установка крышек ……	50	5
Сборка комплекта промежуточных шестерен …….	35	10
Установка промежуточных шестерен ……..	50	8

8

На довольствии коммунаров 333, из них девочек 86.

Секретарь совета командиров И. Волченко

Утренний рапорт дежурного члена санкомиссин

Дежурному командиру 1 октября т. Ширявскому

ДЧСК Клеточкиной

Утренняя уборка закончена своевременно. Плохо произведена уборка 13-м отрядом в кабинете совета командиров.

ДЧСК Клеточкина

Сводка механического цеха о выполнении плана за 1 октября

Сверлилок выпущено — 58.

Токари по алюминию —98,3 %.

Токари по железу — 104,8 %.

Токари по чугуну — 125 %.

Токари на эрликонах — 137,6 %.

Револьверщики — 114,1 %.

Фрезерные — 109 %.

Строгальные и зуборезные — 127,3 %.

Инструментальщики — 104,6 %.

Шлифовальщики — 115,4 %.

Штампы — 110 %.

Сверлильные —114,9 %.

Начальник механического цеха Овчинников

Выписка из журнала преподавателя

1 октября

1. Старшая подготовительная группа А.

Математика: метрическая система мер.

Украинский язык: чтение и пересказ.

Природа: скелет человека.

Обществоведение: понятие о классе и партии. Их взаимоотношения. Классовые интересы и классовая борьба.

Немецкий язык: формы глагола.

II. Первый курс Б.

Математика: коэффициент.

Соцэк: сентябрьский Пленум ЦК ВКП(б).

Русский язык: суффиксы имен существительных.

Биология: ферменты, их особенности, алкалоиды, эфирные масла.

Физкультура: пять первых упражнений зарядки ГТО.

Метание гранаты.

III. Второй курс В.

Математика: уравнения с буквенными и дробными коэффициентами.

Физика: расширение жидких тел.

Химия: строение атома.

Черчение: проекция усеченного конуса на три плоскости.

IV. Третий курс А.

Математика: биквадратное уравнение.

Соцэк: экономизм и зубатовщина.

Автомобиль: части автомобиля.

Протокол заседания бюро комсомольского коллектива коммуны им. Дзержинского

1 октября 1932 г.

Присутствовали члены бюро: Швед, Пащенко, Мартыненко, Оноприенко, Богданович, Буряк, Черный, Вехова, Землянский, Мохарев. Комсомольцы: Боярчук, Прасов, Черников, Торский.

Слушали: О начале политучебного года (культпропколлектива тов. Мартыненко).

Постановили: а) Намеченный план политучебы утвердить; б) выполнить постановление ЦК ВЛКСМ о начале занятий 15 октября; в) немедленно развернуть соцсоревнование между группами; г) организовать вечернюю группу для комсомольцев подготовительных групп и рабочих; д) предложить «Дзержинцу» систематически освещать ход комсомольской политучебы.

Слушали: О выделении комсомольцев в состав БРИЗа.

Постановили: Выделить в состав бюро БРИЗа[2] т. Боярчука, Козыря и Шатаева.

Слушали: Заявление Торской об освобождении ее от командования 10-м отрядом. Торская мотивирует свое заявление тем, что комсомолки Страхова и Жилина не слушают ее и мешают ей работать.

Высказывались т. Оноприенко, Мохарев, Вехова, которые считают, что нет никаких оснований снимать Терскую с работы по командованию отрядом.

Постановили: Торскую оставить командиром 10-го отряда. За некоммунарское отношение к командиру Страховой и Жилиной поставить на вид.

Слушали: О выделении командира в литейный цех.

Постановили: Ввиду того что т. Могилин из литейного цеха переводится в механический, командиром литейного цеха рекомендовать т. Черникова.

Слушали: Об общем комсомольском собрании 15 октября.

Постановили: 15 октября собрать общее собрание комсомольского коллектива.

Повестка дня: 1. Итоги сентябрьского Пленума ЦК ВКП(б). 2. Значение шестого менделеевского съезда (докладчик т. Татаринов).

Секретарь бюро Швед

Рапорт командира 2-го отряда (третий А курс рабфака)

Состав отряда: 1. Камардинов. 2. Ширявский. 3. Гонтаренко. 4. Буряк. 5. Бронфельд. 6. Файнергольц. 7. Волченко. 8. Куксов. 9. Панов. 10. Мельникова. 11. Сидоренко. 12. Илюшечкин. 13. Терентюк. 14. Водолажский. 15. Красная. 16. Конисевич. 17. Прасов. 18. Крымский. 19. Брацихин. 20. Семенцов. 21. Сторчакова. 22. Торская. 23. Бобина.

Командир Ширявский. Помкомандира Сидоренко.

В заседании совета командиров отряд получил задание:

I. Занятие на третьем курсе А рабфака.

II. Работа на заводе электросверлилок, кроме Камардинова, командированного в Москву по делам коммуны.

Секретарь совета командиров Волченко

Рапорт командира 9-го отряда (первый В курс рабфака)[3]

Состав отряда: 1. Брицкий. 2. Виноградов. 3. Звягин. 4. Никитин Ш. 5. Новак. 6. Остапенко. 7. Романов М. 8. Яковлев П. 9. Якушин. 10. Октябрев. 11. Толстов. 12. Наконечная. 13. Страхова. 14. Малькова. 15. Карашевич. 16. Могилин. 17. Редькин. 18. Андриевский. 19. Смиренин. 20. Длугач. 21. Деминская. 22. Лиф. 23. Федоренко. 24. Чевелий. 25. Куслий Ф. 26. Романов П. 27. Иванова. 28. Торский. 29. Сычев.

В заседании совета командиров отряд получил задание:

I. Занятие на первом курсе В рабфака.

II. Работа на заводе, кроме Сычова, назначенного старшей хозяйкой на октябрь месяц.

Секретарь совета командиров Волченко

Рапорт старшей хозяйки

Дежурному командиру 1 октября т. Ширявскому

старшей хозяйки Сычова.

Все благополучно. СХ Сычов

Рапорт дежурного члена клубного совета

Дежурному командиру 1 октября т. Ширявскому

ДЧСК Илюшечкина

Проводились занятия в драматическом, украинском литературном и фотографическом кружках.

Библиотека работала нормально, выдано 66 книг.

В «тихом» клубе играли в шахматы и шашки, а также в новую игру «Путешествие вокруг света».

Коммунар Иванов громко разговаривал в «тихом» клубе, на сделанное мною замечание не обратил внимания и только по требованию присутствующих коммунаров прекратил.

Была сыгровка оркестра.

ДЧСК Илюшечкин

Рапорт командира оркестра

Дежурному командиру 1 октября т. Ширявскому

командира оркестра Жмудского

Сыгровка состоялась по расписанию. Играли: Василенко — фантазии из революционных песен Запада, Верди — попурри из «Риголетто», Богуславский — «По зори».

Коммунар Алексюк погнул свой корнет.

Командир оркестра Жмудский

Вечерний рапорт дежурного члена санкомиссии

Дежурному командиру 1 октября т. Ширявскому

ДЧСК Клеточкиной

Во время ужина воспитанник Лазарев Петя пришел в столовую с грязными руками и был мною удален из столовой. Ужинал он после всех.

ДЧСК Клеточкина

Рапорт командира сторожевого отряда

Дежурному командиру 1 октября т. Ширявскому

командира сторожевого отряда Бондаренко

По сторожевому отряду все благополучно. Воспитанник Кидалов забыл в умывальной свое полотенце и заявил о его пропаже.

Необходимо обновить приборы для чистки ног на главном входе.

Командир сторожевого отряда Бондаренко

Рапорт дежурного командира по коммуне

1 октября 1932 г.

комотряда 2 Ширявского

Тов. начальник коммуны, настоящим доношу, что в дежурстве по коммуне 2-го отряда все благополучно, за исключением: воспитанник Карашевич уходил без отпуска в город и возвратился только ко второму ужину. В объяснение сказал, что прибыл из санатория его больной отец и он спешил с ним увидеться.

Прошу обратить внимание на рапорт:

Дежурного члена клубного совета.

Командира сторожевого отряда.

Командира оркестра.

9-го отряда.

Деж. командир Ширявский

Протокол заседания совета командиров

1 октября 1932 г.

Присутствовали: Командиры всех отрядов и групп коммуны, Макаренко, Дидоренко, Шершнев.

Слушали: О поведении Карашевича, ушедшего в город без отпуска.

Выясняется, что отец Карашевича тяжело болен и находится на излечении в Сухуми. В Харьков он не приезжал, и никаких свиданий с отцом у Карашевича быть не могло.

Карашевич наврал дежурному командиру Ширявскому.

Постановили: Принимая во внимание, что Карашевич живет в коммуне уже четвертый месяц и до сих пор не умеет достойно вести себя в коммуне, уходит без отпуска и бродит по городу, врет и ведет себя менее смирно, чем малыши 13-го отряда, что он не имеет никакого понятия о чести быть коммунаром-дзержинцем, поручить командиру 13-го отряда объяснить Карашевичу, как должен вести себя коммунар-дзержинец.

Слушали: О порядке культпохода в «Березиль» 6 октября.

Постановили: Так как на культпоход ассигновано по смете коммуны 750 рублей, а нужно 1400 рублей, ассигновать из фонда совета командиров 650 рублей.

Культпоход провести в таком порядке: до городского парка перебросить коммуну на грузовиках, от парка до театра маршем, обратный путь в таком же порядке.

Слушали: Заявление инструктора Базилевича о том, что воспитанник Яновский делает много брака на сверлильном станке.

Постановили: Принимая во внимание, что в заготовительном цехе не хватает кондукторов, считать Яновского не виноватым в браке. Поручить коммунару Землянскому нажать на администрацию.

Секретарь совета командиров Волченко

Макаренко А.С. Пед. соч.: В 8 т. Т. 1, с. 160-165.

Такого рода документальные материалы в данном издании публикуются в комментарии. Здесь они даются в основном тексте, как это делалось в предыдущих изданиях соч. А.С. Макаренко

[1] Так в оригинале: сбитая нумерация.

[2] Бюро рационализаторов и изобретателей.

[3] 2-й и 3-й отряды, следовательно, в это время комплектовались по учебной деятельности, в сочетании с работой на производстве.

***Дополнения.* Другие материалы сборника «Второе рождение».**

Из статьи *А. Броневого* **«***Пятилетие***»: «...Сейчас в коммуне 8 кандидатов партии, 182 комсомольца и 110 пионеров... Из среды коммунаров, конечно, более развитых, работоспособных, мы черпаем уже часть командного состава. 14 воспитанников – из них 2 девушки – занимают посты помощников инструкторов и мастеров. Несколько коммунаров послано на учебу в машиностроительный институт и по окончании вуза вернутся на производство, чтобы стать у руля производства. На заводах и фабриках СССР уже работают 45 воспитанников коммуны, получивших достаточно высокую квалификацию. Тяга к учебе, к повышению своей квалификации – огромна...**

Передовые бригады выполняют производственные месячные планы за 15-16 дней... Сами (инженеры и мастера – А.Ф.) из своих материалов и своими средствами изготовили ряд новейших оптических станков для строящегося завода фотоаппаратуры. Срок пуска завода – 1 июня 1933 г. Его мощность – 100 аппаратов в день... Отдельные участки производства работают еще рывками. Начатая борьба с браком еще не завершена... Нам не удалось еще окончательно «переварить» всех наших воспитанников...»

Таблица – **«***Все коммунары охвачены учебой и общественными и самодеятельными организациями***»:**

на подготовительных [к рабфаку] группах –

старшая А – 43 чел., старшая Б – 42, младшая – 27, начальная – 10;

на рабфаке –

III А курс – 23, III Б – 21, II А – 24, II Б – 25, II В – 28, I А – 30, I Б – 29, I В – 27;

в вузах –

машиностроительный – 11, ИНО – 1, инхоз – 3, электромеханический – 2, военноинженерный – 1, авиашкола – 4, мединститут – 2.

Кружки –

драматический – 23, фото – 9, ИЗО – 6, литературный укр. – 56, литер. рус. – 18, радио – 50, библиотечный – 8, натуралистов – 13, живгазета (газета в драматическом исполнении – А.Ф.) – 28, оркестр – 60.

Девочки – преимущественно в старших подготовительных группах, почти равномерно по курсам рабфака; в кружках – гл. образом живгазета, литер. укр., драматический; оркестр – 4.

«Стенгазет выпущено за 5 лет 298 номеров, не считая штурмовок и отдельных бюллетеней. Библиотека насчитывает около 8000 томов. Ежедневно выдается от 60 до 80 книг».

Из статьи *Т. Татаринова* **«***Командиры станков***»: «...Полное наличие возможностей – оборудования, инженерно-технических сил, рабфака при коммуне – говорит за то, что достаточно 3-4 лет обучения, чтобы выпустить своих специалистов средней и высшей квалификации, токарей, фрезеровщиков, револьверщиков, сверлильщиков, инструментальщиков...».**

Помощники инструкторов Французов, Землянский, Анисимов, Скребнев «(все с 5-летним коммунарским стажем) прошли хорошую производственную школу. Они сейчас лучшие ударники и воспитатели таких коммунаров, как 10-летние Братчины, Кидаловы, Лазаревы. Сейчас эти мальчики еще в школе ЦИТа (Центрального института труда – А.Ф.) при заводе, где учатся держать зубило, напильник, молоток, через 1-2 месяца они уже будут производить несложные слесарные работы, а еще через какой-нибудь месяц вольются в рабочие цеха наряду со старшими коммунарами».

Инструментальная мастерская: коммунары около года работают в качестве подручного слесаря на заготовительных работах; 2-й год – в качестве слесаря средней квалификации, работающего на простых, легких приспособлениях; 3-й год обучения даст самостоятельных квалифицированных слесарей на сложных лекалах, приспособлениях и штампах. В итоге 1 года обучения – испытание по 1 и 2 разрядам; 2 года – по 3 разряду; к началу 3 года – по 4 и 5 разрядам, наиболее способные – продвижение до 6 разряда.

Содержание и сроки обучения на различных станках револьверной, фрезерной и токарной групп – с обучением от 3 до 6-9

мес. и 1 года, с переходом на станки разного типа, с более сложной и точной работой; далее подготовка помощника инструктора – до 6 мес. Заготовительный цех – 6 мес. работы; обмоточный цех – 2-3 мес. и работа пом. инструктора; сборочный цех – работа до 3 мес. и подготовка пом. инструктора этого цеха – 6-9 мес., с переходом на испытательную станцию, 3 мес.

«...Отдельные небольшие группы коммунаров работают в конструкторском бюро, электротехническом отделении завода, стоят у станков шлифовальных и штамповочных».

Таблица распределения по специальностям и квалификации:

механический цех: токарей – 64 чел., револьверщиков – 16, фрезеровщиков – 14, сверловщиков – 7, строгальщиков – 6, зуборезчиков – 7, шлифовальщиков – 8, инструментальщиков – 8, слесарей-ремонтников – 2, сборщиков штативов – 8, штамповщиков – 6. Разряды (суммарно): 1 – 19 чел., 2 – 61, 3 – 39, 4 – 28, 5 – 1. Девочки в основном по специальностям: штамповка, токари, фрезеровщики.

Заготовительное отделение: сверловщиков – 12, шихтовщиков – 9, опиловщиков – 4, сборщиков вентил. – 2, сборщ. выкл. – 11. Разряды: 1 – 11 чел., 2 – 22, 3 – 4, 4 – 1. Девочки – шихтовальщики и сверловщики.

Обмоточное отделение: сборка коллект. – 12 чел., намотка катушек – 10, намотка якорей – 18, укладка и проверка – 14, пайка и сушка – 8. Разряды: 1 – 18 чел, 2 – 22, 3 – 15. В основном девочки (7 мальчиков).

Сборочное отделение: укладч. катуш. – 13 чел., сборка ниж. щита – 12, оснаска якоря – 2, сборка машинки – 13. Разряды: 1 – 3 чел, 2 – 14, 3 – 15, 4 – 7. В основном мальчики (3 девочки).

По остальным специальностям: конструкторов – 3, литейщиков – 16, инструкторов – 15, учеников школы ЦИТа – 16 (1-й ученич. разряд), электротехников – 5 (1 и 2 разряды). В основном мальчики (9 девочек).

Из статьи *инж. П. Силакова*: *Рождение марки* «*ФД*»: **«...Темпы строительства [завода] во второй половине сентября [1931 г.] значительно ослабли из-за недостатка материалов и рабочих рук. К**

этому времени коммуна вернулась из летнего отпуска... Они не имели даже спален: старые были разрушены и приспосабливались под аудитории, клубы, столовые; новое общежитие еще не было закончено, учиться также было негде... Был объявлен штурм строительства...

Коммунары поставили своей задачей к Октябрьским торжествам закончить и заселить общежитие, закончить реконструкцию учебного корпуса, строительство производственного корпуса, поставить на свои места и даже на фундаменты все новые станки... К этому времени коммуна приняла пополнение, главным образом с улиц и вокзала, около 150 человек, общее число коммунаров возросло до 300 с лишним человек...

Трудная задача технической подготовки производства по времени совпала с обучением коммунаров работе на станках, с подготовкой кадров инструкторов... Весь инженерно-технический персонал объявил себя ударным и обязался работать без выходных дней до пуска завода и полной наладки производства. Коммунары, несмотря на то, что начали уже учебу на рабфаке, втянулись в работу по наладке нового производства и работали до поздней ночи.

Официальный пуск завода: коммунары заняли места у станков, у сборочных рабочих мест, остальные выстроились в зале механического цеха... Рубильник был включен, и все станки завертелись. Началась тяжелая, упорная, весьма длительная борьба за овладение производством.

Выпуск первой, второй, десятой сверлилки далеко еще не показывал, что дело налажено. Завод все еще не имел самых необходимых инструментов, приспособлений. Детали получались чрезвычайно невысокого качества, установить дефекты в процессе работы нельзя было из-за отсутствия целого ряда контрольно-измерительных приборов.

Начались трудности пускового периода, которые росли изо дня в день. Появились сотни деталей, которые при сборке оказывались негодными. Сам процесс сборки был еще не разработан... На производстве создавалась чрезвычайно нервная обстановка и даже некоторая растерянность. Нервничали коммунары, которых

прикрепили к рабочим местам, но не в состоянии были загрузить работой, особенно на сборке. Лишь во второй половине февраля [1932 г.] дело начало, хотя и медленно, но верно улучшаться…

Каждая операция, а их сотни, требовала внимательного изучения, а затем обучения инструкторов и затем коммунаров. В марте месяце начался было регулярный выпуск сверлилок, а в апреле надеялись уже выполнить программу, но вдруг новый прорыв и разочарование: нет шарикоподшипников, и сборка не может функционировать почти целый месяц… Но в мае новый прорыв – нет импортных шарикоподпятников, опять разочарование, опять потребовались невероятные усилия для ликвидации прорыва, путем временного изготовления шарикоподпятников собственными средствами…

На июль коммунары принимают повышенную программу – 1000 сверлилок, чтобы покрыть свой долг. Коммунары, свободные от занятий на рабфаке, увеличивают свой рабочий день до 6-8 часов… Надо было видеть завод в эти дни, чтобы представить и понять это воодушевление и героизм детей и юношей. Приходилось силой удалять с завода некоторых коммунаров, которые работали далеко за полночь, не желая уйти от станков, не выполнив плана. Удаление коммунаров из цеха и тушение света после 11 час. вечера не помогало: они умудрялись вновь проникнуть на завод через окна, открыть двери своим товарищам, зажечь свет и вновь начать работу…

Дети и подростки, бывшие беспризорники, доказали, что они стали ценнейшими гражданами Советского Союза, что они в состоянии давать стране продукцию, которую страна много лет импортировала и за которую платила золотом…

Теперь уже нет нужды выполнять программу путем непрекращающихся штурмов. Теперь нужна более четкая расстановка сил на производстве, более правильная организация труда, более исправная работа отдела снабжения и всех планирующих и руководящих лиц и органов… Коммунары должны теперь не забывать учебу и общественную работу. Начинается пора нормальной работы производства…

Несмотря на перестановку большого числа коммунаров на новые рабочие места в сентябре, при спокойной работе коммунары дают в сентябре 649 сверлилок; в октябре – 1058; в ноябре – 1280 плюс большой задел деталей, который дает уверенность в том, что к 29 декабря, ко дню 5-летия коммуны, коммунары выполнят и декабрьский план в количестве до 2200 шт. сверлилок и тем самым выполнят годовую программу в количестве 7000 штук…

За год работы завод дзержинцев организационно окреп, накопил богатый опыт, подобрал крепкий, привязанный к коммуне инженерно-технический персонал…

… Блестящие темпы, с которыми коммунары шли к победе:

1. Строительство завода – 4 месяца (июль-ноябрь 1931 г.).

2. Монтаж оборудования и пуск станков – 2 месяца (ноябрь-декабрь 1931 г.).

3. Наладка производства – 3 месяца (январь-апрель 1932 г.).

4. Достижение проектной цифры выпуска – 3 месяца (июнь-сентябрь 1932 г.).

5. Выполнение годового плана в размере проектного годового выпуска (7000 сверлилок) – 9 месяцев.

Итоги, которыми мог гордиться и которым может позавидовать не один завод Союза…

Из статьи *С. Шведа* «*Мы в комсомолии живем*»**: «… Сейчас нам уже странно просматривать протоколы [комсомольской] ячейки за 1929 год: ни одного вопроса, относящегося к производству, в них не было… В конце 1929 года ячейка делает свой первый производственный шаг: прикрепляет к каждой мастерской членов бюро ячейки…».**

Во время штурма строительства: «Нет ни одного коммунара, ни одного комсомольца, который бы не работал на строительстве, в то же время выполняя свой промфинплан на производстве. Начинает выходить орган комсомольской ячейки «Штурмовка»… Особенно помнится соревнование между бригадой комсомольца тов. Певня и комсомольца тов. Сычова по бетонированию, а также между бригадой девочек – по щебню».

Во время приема нового пополнения «комсомол выделяет лучших для работы с ним. Организуются комсомольские штабы-отряды, которые принимают новеньких и воспитывают их. Правление поставило перед нами задачу: через 4 месяца не должно быть разницы между старым и новым коммунаром. И через 3-4 месяца этой разницы не было.

Поднять качество учебы, воспитать за самый короткий срок новый коммунарский набор, овладеть техникой своего завода – вот основные задачи, которые стояли перед комсомольской ячейкой в 1931 году...».

«... Началась комсомольская борьба за 1000 сверлилок... Начиная с комсомольца Козыря и кончая маленьким пионером Петькой Братчиным, все были захвачены этим напряжением... 29 июля в 3 часа дня комсомолец Гапеев собрал 1002 сверлилку. 30 июля мы рапортовали партии, рабочему классу, чекистскому коллективу и правлению коммуны о выполнении промфинплана...

Поход в Бердянск был заслуженным отдыхом после штурма... Здесь мы связались с чекистами, железнодорожниками, водниками, домами отдыха, проводили массовые гулянья и смычки. Здесь мы устроили стрелковое состязание между комсомольскими ячейками и соревнование по плаванью и гребле, провели несколько комсомольских политшкол. Наши пионеры связались с пионерским домом отдыха. Ячейка выпустила 5 номеров газеты «Дзержинец в походе»...».

«Мы очень крепко связались с крейсером «Червона Украина». На 10-летие шефства комсомола над морским флотом мы послали к ним комсомольскую делегацию с нашей сверлилкой в подарок, завязали переписку. На Октябрьские торжества их делегация приезжала к нам...

Мы еще, к нашему стыду, недостаточно наладили пионерскую работу, несмотря на то, что у нас 110 пионеров... У нас слабо налажена динамовская (спортивная – А.Ф.) и военная работа...

Общественные и самодеятельные организации:

1. Органы самоуправления: совет командиров, санком, хозком, столком, клубный совет, штаб соцсоревнования, редколлегии

стенгазет, редколлегия ребусника, бюро турниров, целевые комиссии, производственные тройки, тройки по зарплате, по расценкам, заводская производкомиссия.

2. Спортивные организации и группы:

футбол, волейбол, городки, теннис (горлет – измененная коммунарами игра), легкая атлетика, бокс, кавалерийская секция, веломотосекция.

Автомобильное дело изучается в обязательном порядке всеми студентами II и III курсов».

Мих. Букшпан. «*Дела и люди*» **– биографии и характеристики 16 коммунаров: Коля и Петя Братчины (близнецы, в коммуне с 9 лет), Лихачев («Мустафа», лучший математик), Ленька Алексюк («проказник и шалун»), Шура Агеев (единственный коммунар, носящий очки, за что прозван «Гарри Ллойдом»), Федя Борисов («общественных нагрузок ужасно не любит»), Вася Дорошенко («к сторонникам твердой власти не принадлежит»), Миша Долинный («Мишу в коммуне все любят»), Шура Захожай («всегда искрится шуткой»), Каплуновский («имя известно только канцелярии коммуны»), Фомичев («самый старший и самый высокий коммунар», член Харьковского горсовета, секции по детской беспризорности), Вася Клюшник («похож на Дантеса, но плохо знаком с Пушкиным»), Миша Певень («красивая внешность, гордость велосипедистов»), Сеня Никитин («в критике – первый откровенник»), Суля Швед (политический «оратель» коммуны, одно время «забюрократился»), Витя Кидалов (9 лет, его «коммунарский отец» – В. Камардинов, 18 лет).**

О каждом: откуда прибыл, «стаж беспризорности», общее развитие в коммуне, особые черты характера, положение в коммуне, способности в производственной деятельности, общественной жизни и учебе; заслуги и некоторые недостатки; достижения в различных занятиях; жизненные перспективы. (Характеристики коммунаров написаны, несомненно, при участии А.С. Макаренко – А.Ф.).

«... В этом году в коммуне первый организованный выпуск окончивших рабфак, имеющих твердую производственную

квалификацию, стаж общественно-политической работы...» (18 выпускников поступили в вузы, из них 13 в Харьковский машиностроительный институт – А.Ф.).

Приводится плакат-объявление группы малышей:

«Коммунарский «Союзтранс» принимает поручения:

1) по переноске деталей и инструментов;

2) по выписке и доставке из кладовой деталей и инструментов;

3) по передаче записок и распоряжений;

4) по разысканию нужных товарищей.

Обращайтесь к командирам «Союзтранса» тов. Колотилову и тов. Иванову IV.

Союзтранс имеет агентуру во всех отделах коммуны.

Союзтранс выполняет все поручения быстро, аккуратно и дешево».

«Бывшие – будущие. Автобиографии коммунаров», **от полстраницы до 2-4-х страниц, с отражением жизни в коммуне им. Ф.Э. Дзержинского, 30 человек: Куприй, Клямер, Зорин, Звягин, Дорохов, Грушев, Глебов, Ветров, Волченко, Анисимов, Бронфельд, Фомичев, Терентюк, Скребнев, Стириус, Русаков, Редько, Ланов, Пихоцкая, Буряк, Прасов, Пащенко, Семенов, Старченко, Марусиченко, Литвинова, Лазарева, Локтюхов, Бакурин, Боярчук.**

Из них: оставшихся без отца и матери по разным причинам – 10 чел.; ставших беспризорными после гибели отца в гражданскую войну – 6; убежавших из дома из-за семейного неблагополучия – 6; неудовлетворенность семейным укладом – 1; причины не указаны – 7.

Пребывание на улице, детдомах разного типа: с 1917-1919 гг. – 4 чел.; с 1920-1921 гг. (время неурожая и голода) – 9; с 1922 г. – 1; с 1924 г. – 6; с 1925 г. – 2; с 1927 г. – 3; не указано – 5. До этого часть детей работали: «нянькой», «в кочегарке», «пас коров», «у чужого дяди» и др. Данных о примени к ним до коммуны дзержинцев каких-либо мер как к «правонарушителям» – нет.

Именной указатель
лиц, причастных к педагогической деятельности
А.С.Макаренко в 1928-1932 гг.

Авдеенко А. О.
Агеев А.
Акимов
Алексеенко
Алексюк Л.
Анисимов
Арнаутов А.В.
Астерман М. Л.
Бакурин
Балицкая Н. А.
Балицкий В. А.
Барбаров П.И.
Бачинский
Безыменский А.
Белостоцкий
Беляков
Белянова
Берлин Р.Л.
Бершетин Е.В.
Блат И. М.
Бобина
Боков И.
Бондаренко
Борискина К.
Борисов Ф.
Боярчук
Братченко Н. и П.
Броневой А.
Бронфельд
Бузгалин
Букшпан М. М.
Буряк
Бухарин Н. И.
Буценко
Векслер
Весич И. А.
Ветров
Вехова
Вильсон Л.
Виткаль
Власов
Волков Б. В.
Волобуев П. Ю.
Волошин
Волченко
Гапеев А.
Гарбуз
Гендриховская
Герцкович
Герсон
Гетте
Гладыш С. Д.
Глебов
Глоба
Глупов (Крупов?)
Голубенко
Горбенко
Горький А.М.
Готман
Гравенко
Григорович Е. Ф.
Григорьев Н.А.
Грушев
Гулецкая Л.
Гуртовенко
Дашевский В.
Демьяненко
Дидоренко С.А.
Джуринская Л.С.
Довгополюк М.Л.
Довженко
Долинный М.
Дроздова
Доробов
Дроботова
Дорохов
Дорошенко В.
Дюшен В. М.
Езерницкая О. М.
Ефименко
Ефремов С. А.
Жаров А.
Жезмер
Животков
Жилин
Жмудский В.
Журбин П.И.
Залужный А. С.
Западный
Затонский В. П.
Захожай А.
Збировский
Звягин
Зеленин Я.
Землянский А.
Зорин

Иванов
Ионов И.И.
Каганович Л.М.
Калабалин С.А.
Калашников А.Г.
Камардинов В.
Каплуновский
Карлсон К. М.
Келлерман Б.
Кидалов В.
Киргизов Н. Д.
Кирюхин
Клюшник В.
Клямер
Коваль Т. Н.
Коган С. Б.
Козельский
Козлова З.Т.
Козырь В.
Колесса П. А.
Конисевич Л.
Костин
Косиор С. В.
Короп Р.
Краулис
Кремер К. Ю.
Крейцер А.О.
Крикун
Кропачева
Крупская Н.К.
Крючков П.П.
Куприй
Куслий П.
Лазарева
Ланов
Левкович
Левшаков В.Т.
Левченко Г.
Ледак Н.
Лейтес
Лившина
Липова
Литвинова
Локтюхов
Луначарский А.В.
Мазо С.С.
Макаренко В. С.
Макаренко Г.С. (Салько Г.С.)
Максимов М.А.
Марусиченко
Мельник
Менде
Менжинская Л. Р.
Меркулова
Мещеряков А. И.
Миколюк А. П.
Миронов Н. Н.
Мостовой П.
Мороз
Мухина Е. А.
Нестеров М. В.
Никитин С.
Носик
Оноприенко А.
Опришко
Остроменцкая Н.Ф.
Павлова
Панов
Пащенко Н.
Певень М.
Петровский Г. И.
Пик А.
Письменный Л. А.
Пихоцкая
Плетнев Т.У.
Погребинский М. М.
Попов А. И.
Попова Г. Н.
Постышев П. П.
Прасов
Разумовский Н.П.
Ракович О. П.
Редько
Рябченко
Розанов
Русаков
Рыклин Г.
Сабатович И. Д.
Салько Л.М.
Салько М. В.
Семенов
Сербиченко
Сидоренко
Силаков П.
Скребнев
Скрыпник Н. А.
Соболев Влад.
Соболева В.
Соколов А.
Соколова
Соколянский И. А.
Соловьев В.И.
Сопин
Старченко
Стириус
Сторчакова
Судаков И. П.
Сухарев М.А.

Таликов П.
Таран
Татаринов Т.Д.
Терентюк
Терский В. Н.
Терятченко
Теслин
Ткачук
Токаренко В.
Тулецкая Л.
Федоров Я.Д.
Фере Н.Э.
Фомичев
Фролов С.
Фучик Ю.
Халатов А.Б.
Харланова
Ходская
Чарский
Чевелий Д.
Чубарь В. Я.
Чудинский
Шацкий С.Т.
Шахрай
Швед С.
Шершнев Н.Ф.
Шмигалев С.
Шмыгалев В.Д.
Шульгин В.Н.
Щербинский
Эррио Э.
Якир И.Э.
Яковлев В.И.
Янишевский
Яновский
Ярошенко

Учебно-методический материал

Общие положения

Этот учебно-методический материал рассчитан на работу с текстами данной книги. Дополнительные источники указываются в комментариях к авторским материалам А.С. Макаренко, а также в прилагаемом ниже списке литературы. Обращение к макаренковедческим публикациям 1940–сер. 1970 гг. не рекомендуется (за редким исключением). Эта литература устарела, может мешать современному пониманию макаренковского наследия.

Изучение работ самого А.С. Макаренко, осмысление его идей и практики в их единстве и развитии, на основе совокупности известных ранее, малоизвестных и выявленных в последние десятилетия его авторских материалов, в свете многих новых, выдвинутых им проблем (не свойственных традиционной и современной педагогике), – таково общее направление учебно-методической работы над этим изданием.

Поэтому на первый план в учебно-методическом материале выдвигается основанная на современных макаренковедческих отечественных и зарубежных исследованиях тематика учебных и исследовательских работ. Они могут выполняться на разных уровнях: реферат, доклад, статья, курсовая работа, дипломная, магистерская и кандидатская диссертации, монографическое исследование. Указанные темы могут объединяться в некоторые новые, более широкие, и подразделяться на более конкретные и детальные.

Очень важно при этом не ограничиваться принятой в современной педагогике проблематикой, смело выходить за пределы используемых ею понятий, идей и решений. Нужно вводить в научный и практический оборот выдвинутые и обоснованные А.С. Макаренко новые проблемы, положения и термины, выявлять и показывать их огромный потенциал в творческом развитии педагогики, школы, общественных явлений и процессов.

Комментарии, помещенные в книге необычно, сразу после каждого из авторских материалов А.С. Макаренко, – это органическая часть данного учебно-методического материала. Комментарии не только вносят необходимые разъяснения и дополнения, но и указывают на работу А.С. Макаренко в том или ином направлении в дальнейшем, в 1929-1939 гг.

Конец 1927 г. – июнь 1935 г. – деятельность А.С. Макаренко в трудовой коммуне им. Ф.Э. Дзержинского. Этот период поэтически отображен в нескольких его художественно-педагогических произведениях. Время до начала 1932 г. воспроизводится в книгах «Марш 30 года» и «ФД-1». Это (в отличии от «Педагогической поэмы», социально-публицистического романа) документальные очерки, изображающие реальные события в

их хронологической последовательности, без смещений в их датировке; фамилии коммунаров, сотрудников коммуны не изменяются (за исключением нескольких лиц).

Пользоваться 7-томным изданием макаренковских произведений (1951–1952 и 1957–1958 гг.) и сборниками, составленными на его основе – не рекомендуется.

Разработку предлагаемых тем целесообразно производить по литературе, вышедшей в последние десятилетия, с середины 70-х гг., когда определился качественно новый этап развития макаренковедения (см. данный ниже список литературы).

Ведущее направление практического применения макаренковской концепции педагогики в современных условиях отражено в публикациях, посвященных I–VI Конкурсам им. А.С. Макаренко школ разного типа, широко использующих в педагогических целях хозяйственно-трудовую, производственную деятельность («школ-хозяйств», 2003–2008 гг., см. список).

Перспективным в этом отношении является также утверждение в современной педагогической теории и практике идеи «уклада жизни школы» как главного фактора воспитания, в его отличии от обучения (см. список).

Тематика учебных и исследовательских работ

По истории воспитания в трудовой колонии им. М. Горького

Развитие контингента воспитанников, педагогов и обслуживающего персонала (количественные и качественные характеристики), выпуски

Личность А.С. Макаренко как человека, педагога-организатора и руководителя воспитательно-образовательного учреждения

Направления и формы участия органов власти и общественности в деятельности коммуны им. Ф.Э. Дзержинского, работа ее совета и правления.

История создания и развития коммуны как небюджетной, общественно-государственной организации.

Содержание и результаты дискуссии о статусе детского учреждения им. Ф.Э. Дзержинского в феврале-апреле 1928 г.

Спорные вопросы деятельности коммуны и ее перспектив в конце 1930 г. (в полемике с правлением коммуны).

Становление и развитие производственно-хозяйственной деятельности коммуны, реформирование ее учебной базы, связь управления трудовой и учебной деятельностью.

Коммуна и окружающая среда: содержание и характер связи (повседневной и в каникулярное время).

Тенденции и факторы развития педагогической системы коммуны, трудности на этом пути.

По теории воспитания

А.С. Макаренко как социальный педагог-реформатор, его участие в преобразовании мира и возвышении человека

Взаимодействие поколений в связи педагогического учреждения с жизнью и во внутренней организации его жизни и деятельности.

Принципы работы А.С. Макаренко с несовершеннолетними правонарушителями и беспризорными детьми: единство с «нормальными» детьми и специфика

Соотношение теории и практики в педагогической концепции А.С. Макаренко, основные черты его жизненно-ориентированной, воспитательной педагогики

Специфика воспитания, его связь с процессами обучения, развития личности и социализации

Воспитание как педагогически целесообразная организация воспитательно-образовательного учреждения в целом: «параллельное действие»

«Параллельность» деятельности педагогического учреждения и общественно-педагогического развития

Связь материальных и духовных основ воспитания, объективных и субъективных факторов его развития

Система «перспективных линий» развития общих и индивидуальных черт личности, в сочетании потребностей сегодняшнего и завтрашнего дня

Творчество А.С. Макаренко в столкновении социально-педагогического и педологического, рефлексологического направлений, его критика официальной педагогики

Сущность и средства осуществления макаренковского этико-педагогического принципа «уважения–требования»

«Технологический подход» в воспитании: обоснование и способы реализации, проблема индивидуального развития и педагогического творчества

Единство управления педагогическим учреждением и самоуправления в «воспитательном коллективе» воспитательно-образовательного учреждения, проблема дисциплины

Хозяйственно-трудовая деятельность педагогического учреждения – материальная и духовно-нравственная основа воспитания

Сущность, содержание и средства эмоционально-эстетического аспекта жизнедеятельности педагогического учреждения

Воспитатель–учитель в системе деятельности педагогического учреждения как «трудовой общины»

По практики воспитания в трудовой колонии им. М. Горького

Шефы коммуны, организационные формы и направления шефства, нравственные принципы.

Производственно-хозяйственная и финансово-экономическая деятельность коммуны, элементы самоокупаемости и хозрасчета.

Сочетание общественной помощи, трудового самообеспечения и финансирования, кредитование.

Структура единого коллектива детей и взрослых, органы управления, отказ от штатных воспитателей.

Инструкторский, инженерно-технический персонал и квалифицированные рабочие, их роль в производстве, воспитании и трудовом обучении.

Система оперативного руководства повседневной жизнью и деятельностью коммуны, поощрение и наказание.

Школа, система обучения, деятельность рабфака, производственное обучение, тарификационные разряды.

Быт, внутренний распорядок, самообслуживание, санитария.

Клубная работа, досуг и отдых, игры, оздоровительная и физкультурно-спортивная работа.

Летние походы: цели, финансирование, организация, направления и формы деятельности.

Символы, ритуалы, традиции, «военизация-игра», праздники.

Детские типы, личностные характеристики воспитанников, пути и средства индивидуализации воспитания и обучения

Принципы и способы реализации совместного воспитания мальчиков и девочек, подростков

Возрастная дифференциация и ее развитие в единой и динамично развивающейся педагогической системе

Основные направления использования наследия А.С. Макаренко в современной педагогической практике

Макаренковская концепция «школы-хозяйства» в практике сельских школ разного типа

Макаренковская концепция «школы-хозяйства» в городских школах разного типа

«Уклад жизни школы» как главный фактор воспитания

Литература

А.С. Макаренко. Педагогические сочинения. В 8 т. – М.: Педагогика, 1983–1986. Заключительная статья, сводный предметно-тематический указатель – в т. 8.

Фролов А.А. Организация воспитательного процесса в практике А.С. Макаренко

(колония им. М. Горького). – Горький, 1976.

Кинодокумент о колонии им. М. Горького// Народное образование, 1968, №2.

Становление педагогических взглядов А.С. Макаренко в 20-х годах// Советская педагогика, 1976, №9.

Что такое «параллельное педагогическое действие»// Воспитание школьников, 1984, №5.

А.С. Макаренко и педагогика его времени. – Горький, 1988.

А.С. Макаренко: основы педагогической системы. – Горький, 1990.

А.С. Макаренко сегодня: новые материалы, исследования, опыт/ Отв. ред. А.А. Фролов. – Н.Новгород, 1992.

А.С. Макаренко за границей и дома// Свободная мысль, 1993, №16.

Международные макаренковедческие исследования. Макаренко на Востоке и Западе – III/ Под. ред. З. Вайтца и А.А. Фролова. – Н.Новгород, 1995.

Воспитательно-трудовая община А.С. Макаренко: основные черты и ценности// Живые педагогические идеи. – Владимир, 1996.

Основные понятия педагогической системы А.С. Макаренко// Понятийный аппарат педагогики и образования. Вып. 3. – Екатеринбург, 1998.

Педагогическая концепция А.С. Макаренко// Открытая школа, 1998, №4.

Освоение наследия А.С. Макаренко: от «школы учебы» к «школе жизни»// Магистр, 1999, №5.

Воспитание в школе: два пути// Образование в современной школе, 2000, №4.

Выбор стратегии воспитания: школа учебы или «школа жизни»?// Альтернативы, 2001, №1.

Педагогика и жизнь: творческий метод А.С. Макаренко// Образование и наука. Известия Уральского отделения РАО. – Екатеринбург, 2001, №4.

Социальное воспитание и наследие А.С. Макаренко// Педагогика, 2002, №6.

Прежде всего – «активное отношение к собственной личности»// Воспитание школьников, 2003, №5.

Пространство и время в воспитании и педагогике// Народное образование, 2003, №5.

А.С. Макаренко в СССР, России и мире: историография освоения и разработки его наследия (1939–2005 гг.). – Н.Новгород, 2006.

Козлова Г.Н. Проблема специфики воспитания в отечественном образовании и педагогике XX в.// Философско-исторические основы общего образования в России. Матер. науч. конф. – М., 2002 (в соавт. с А.А. Фроловым).

Наследие А.С. Макаренко в контексте основ отечественной педагогики (учеб.-методич. пособие)/ Предисл. А.А. Фролова. – С.-Петербург, 2004.

А.С. Макаренко и корневые проблемы отечественной педагогики XX в.// Школа жизни – школа воспитания/ Под. ред. И.П. Башкатова. – Матер. конф. – М., Коломна, 2005.

Илалтдинова Е.Ю. Взаимосвязь профессионального обучения и производственной деятельности в педагогических учреждениях А.С. Макаренко// Психолого-педагогическое наследие прошлого в современной социально-педагогической деятельности. Матер. 2 Макаренковских чтений. – Екатеринбург, 2005.

Богуславский М.В. Антон Семенович Макаренко// Подвижники и реформаторы российского образования. – М., 2005.

Гмурман В.Е. Научное наследие А.С. Макаренко и задачи педагогического образования// Советская педагогика, 1981, №3.

Голованова Н.Ф. Социализация и воспитание// Народное образование, 2005, №6.

Гордин Л.Ю. Диалектика общечеловеческих и социалистических ценностей// А.С. Макаренко сегодня….. – Н.Новгород, 1992.

Гриценко Л.И. Личностно-социальная концепция А.С. Макаренко в современной педагогике (сравнительный анализ отечественного и зарубежного макаренковедения). – Волгоград, 1997.

Ермолин А. Педагогика развитого тоталитаризма. Триумф и трагедия А.С. Макаренко// Народное образование, 2005, №2.

Зюнкель В. (ФРГ) В Эрлангене изучают А.С. Макаренко// Советская педагогика, 1990, №1.

Иванов И.П. Методика коммунарского воспитания. – М., 1990.

Кораблева Т.Ф. Знания – сильным, труд – бедным, благоденствие – избранным?..// Народное образование, 2006, №6.

Красовицкий М.Ю. Непреходящее в педагогическом наследии А.С. Макаренко: взгляд из США// Педагогика, 2001, №1.

Кумарин В.В. Технология А.С. Макаренко и перестройка школы// Взаимодействие педагогического и ученического коллективов. – М., 1990.

Кушнир А.М. Пора исправить трагическую ошибку КПСС в воспитании// Народное образование, 2005, №6.

Лихачев Б.Т. Воспитание: необходимость и свобода// Педагогика, 1994, №2.

Малинин В.И. К дискуссии о наследии А.С. Макаренко// Педагогика, 1994, №2.

Морозов В.В. Живая практика жизни. Материалы к биографии С.А. Калабалина// Мир образования, 1987, №6.

Мосолов В.А. Приоритеты воспитания: прошлое и настоящее. – С.Петербург, 1996.

Невская С.С. Взаимодействие гражданского и трудового воспитания в педагогике А.С.

Макаренко// Народное образование, 2006, №6.

Новиков А.М. Школа и новый класс эксплуататоров// Народное образование, 2004, №6.

Равкин З.И. Творцы и новаторы новой школы, рожденной Октябрем. – М., 1990.

Санникова Н.Г. Идеи социального менеджмента в теории и практике А.С. Макаренко// Народное образование, 2006, №6.

Сидельниковский А.П. Проблема отношений в советской педагогике и наследие А.С. Макаренко// Труды кафедры педагогики и психологии Карачаево-Черкесского педагогического института. – Ставрополь, 1971.

Слободчиков В.И. Педагогика А.С. Макаренко – социально-педагогическое открытие XX века// Народное образование, 2006, №6.

Слуцкий В.И. «Наша маленькая община…»// Народное образование, 2003, №7.

Соколов Р.В. Участие населения в воспитании детей и подростков по месту жительства. 2-е изд. – М., 1993.

Сухомлинский В.А. Идти вперед!// Народное образование, 1989, №8.

Турбовской Я.С. Как слово наше отзовется, или Метод «параллельного действия»// Семья и школа, 1975, №3.

Филонов Г.Н. А.С. Макаренко// Перспективы. Вопросы образования. – ЮНЕСКО, 1984, №1.

Фрезе Л. (ФРГ) Достояние советской и мировой науки// Советская педагогика, 1989, №4.

Хиллиг Г. (ФРГ) Лаборатория и сцена воспитания А.С. Макаренко// Народное образование, 2003, №2, 6.

Хрестоматия по истории социальной педагогики и воспитания. Часть 1/ Сост. А.А. Фролов, Ю.Х. Трушина. – М., 2007. Часть 2/ Сост. А.А. Фролов, Ю.Х. Трушина, Г.Н. Козлова (с разделом «А.С. Макаренко»). – М., 2007.

Литература о современной практике «школ-хозяйств»

Народное образование, 1998, №2: статьи Н. Бутенко, С. Рогачевой, С. Морозова.

Педагогический вестник, 1998, №6 (Как школа миллионы заработала).

Народное образование, 1999, №7–8: авторы М. Алтухова, А. Пустохайлова.

Семья, 1999, №39 (Школьный капиталист).

Народное образование, 2001, №7: автор Б. Куган.

Народное образование, 2002, №4, 5, 7: Положение о ежегодном международном конкурсе им. А.С. Макаренко школ, использующих производительный труд.

Селевко Г.К., Селевко А.Г. Социально-воспитательные технологии. – М., 2002 (глава: Трудовое и профессиональное воспитание и образование, с. 72–73, 78–86).

Классный руководитель, 2002, №1 (о Лесниковской школе Владимирской обл. и школе-интернате с лицейскими классами №1).

Народное образование, 2002, №5 (о Городищенской школе Белгородской обл.); №10 (о Верховской школе №2 Орловской обл., об ученических производственных бригадах Белогородской обл., школе в с. Серебрянка Новосибирской обл., Шелаевской школе Белгородской обл., Кудиновской школе Калужской обл.).

Педагогика, 2002, №5 (авторы Е.В. Бондаревская, П.П. Пивненко).

Народное образование, 2003, №5: материалы I конкурса им. А.С. Макаренко «школ-хозяйств». Доклады В.И. Слободчикова, В.А. Сластенина, А.А. Фролова, Я.С. Турбовского, А.М. Кушнира, В.Ф. Моргуна, Нгуен Ван Тиня, Э. Меттини и др. Материалы Н. Целищевой (о Городищенской школе), Н. Никопольской (спецшкола-интернат в г. Ногинске).

Народное образование, 2003, №6: материалы Н. Целищевой (о Почаевской школе Белгородской обл.), И. Бурова и И. Петраковой (Камышинская колония), С. Николаевой (коррекционное ПТУ №32, г. Хабаровск).

Народное образование, 2003, №10: А. Черногоров о начавшемся в конце 90-х гг. возрождении ученических сельскохозяйственных бригад.

Народное образование, 2004, №6 – материалы II конкурса им. А.С. Макаренко и Макаренковских чтений: редакц. статья, статьи А.М. Кушнира, А.Б. Вифлеемского (о проблемах финансово-хозяйственной деятельности школ), репортаж Н. Целищевой, материалы Н. Никольской (об ученических бригадах Приморского края, Сержантовской школе), Н. Целищевой (Казинская школа Ставропольского края), О. Николаевой (Ивановская агрошкола Белгородской обл.), Т. Абрамцевой (Исаковская школа, Чувашия), С. Морозова (Новосибирская школа, Оренбуржье), Г. Фроловой (Назранское профучилище).

Продолжение в №7: статья Н. Целищевой (о Шалаевской школе Белгородской обл.), С. Морозова (Саринская школа Оренбургской обл.), Н. Ивашкиной (торгово-техническое училище №12, г. Советск), Т. Жуковой (Бутурлинская школа Владимирской обл.).

Народное образование, 2004, №8: Ученическим производственным бригадами Ставрополья 50 лет, статья Н.Н. Сотниковой, А.Е. Шабалдаса.

Народное образование, 2005, №3 – Сообщение о III конкурсе им. А.С. Макаренко и Макаренковских чтениях, их участниках и лауреатах. Корреспонции – в №6: обзор Н. Целищевой, материалы В. Мирослав (о Кош-Елгинской школе, Башкортостан), С. Морозова (Исаковская школа, Чувашия), Н. Целищевой (спецПТУ «Уральское подворье», г. Пермь), О. Николаевой (Масленниковский образовательный центр Самарской обл.), И. Лашугиной (школа с профильным трудовым обучением, г. Абай, Казахстан), О.

Николаевой (детдом «Радуга», г. Миас). Там же – материалы заочного «круглого стола» о содержании и организации производственного труда школьников в современных условиях, публикации руководителей субъектов РФ – В. Бочкарева (Пензенской обл.) и В. Торопова (Республика Коми).

Учительская газета, 18 октября 2005 г. – публикация В. Боченкова, об осуществлении идеи «школы-хозяйства» в Читинской области.

Школа и производство, 2005: №3 – о средней школе №22, г. Абакан (продуктивная деятельность школьных мастерских); №4–6 (УПК-лицей в г. Сибае, Башкортостан).

Народное образование, 2006, №2 – Положение о V конкурсе им. А.С. Макаренко и Макаренковских чтениях.

Народное образование, 2006, №4: Вифлеемский А.Б. Правовые основы финансово-хозяйственной деятельности школы. Устав муниципального образовательного учреждения – средняя общеобразовательная школа «школа-хозяйство».

Народное образование, 2006, №: Шахлисмаилов Р. В школы Татарстана возвращается производственный труд; корреспонденция о IV конкурсе им. А.С. Макаренко и Макаренковских чтениях; материалы А. Зверева (о Ижевской школе №59), С. Морозова (Переяславская спецшкола закрытого типа), Т. Абрамовой (Верхоторская школа, Башкортостан), О. Николаевой (Роднодолинская школа, Омской обл.), Н. Ивановой (Бутурлинская школа, Владимирской обл.); И. Зотовой и Н. Целищевой («круглый стол» с руководителями «школ-хозяйств»).

Народное образование, 2007, №5, форзац V Конкурс им. А.С. Макаренко (информация о прошедшем конкурсе и его победителях).

Народное образование, 2007, №6: о проведенных V конкурсе и Макаренковских чтениях (С.Абрамов), корреспонденции о школах победителях конкурса (С.Бестужева, Н.Куликова и Е.Свирид, редакц. ст. о производств.комбинате в г.Сочи), о школьных производственных объединениях в Ставропольском крае, Костромской области, Респ.Саха-Якутия, и др. (А.Черногоров, О.Ручко, С.Морозов, Н.Целищева, С.Адоменко, ред.ст. «География школ-хозяйств России»), «Перспективы школ-хозяйств при измененном законодательстве» (А.Вифлеемский); макаренковедческие статьи, материалы Макаренковских чтений (Л.Гриценко, В.Максакова, И.Гликман, Г.Козлова, В.Морозов, Т.Кораблева, Н.Коршунова, Э.Меттини, В.Моргун, Р.Соколов, А.Фролов).

Отдельные издания, публикации

2-й пол. 2007 г. – 2008 г. (1-я пол. года)

Отдельные издания

1. А.С.Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания. Учебная книга по истории, теории и практике воспитания. Часть 1. Деловые и личные письма, статьи 1921-1928 гг. / Сост. и коммент. А.А. Фролов, Е.Ю. Илалтдинова. – Н. Новгород, 2007.

2. Багреева Е.Г., Данилин Е.М. Возвращение к Макаренко. – М., НИИ ФСИН РФ, 2006.

3. Евлашева О.А., Коршунова Н.Н., Николаев И.В. А.С. Макаренко и мы (А.С. Макаренко как классик системной, диалектической логики). – С. Петербург, 2008.

4. Карпенчук С.Г., Окса Н.Н. Макаренковедение на Украине: аспекты истории, теории и практики. – Ровно, Украина, 2008 (укр. яз.).

5. Луков Вл. А., Луков Вал. А., Ковалева А.П. Уроки Макаренко. – М., 2007.

6. Макаренко. Альманах, № 1 / Гл. ред. А. Кушнир. – М., 2008.

7. Симатова Т.В. Идеи хозяйственно-трудового воспитания А.С. Макаренко в отечественной педагогике середины XX столетия. – М., 2007.

8. Носаль А.Л. Проблема воспитания и развития личности в практико-теоретической деятельности А.С. Макаренко (психологическое время личности). Автореф. … канд. психол. н. – М., 1999.

9. Педагогика А.С. Макаренко (наука о взаимодействии поколений). Программа учебного курса по выбору. Подг. А.А. Фролов. – Н. Новгород, 2007.

Сборники материалов конференций

1. Духовно-нравственное воспитание в пространстве современного образования. Макаренковские педагогические чтения. Вып. 5. /Науч. ред. Л.И. Гриценко. Сост. В.Д. Полежаев. – Волгоград, 2007 (выборка)

Гриценко Л.И. Принципы гуманистического воспитания А.С. Макаренко.

Гюнтер-Шелльхаймер Э. (Германия) Макаренко сегодня.

Меттини Э. (Италия) Гегелевские мотивы в творчестве А.С. Макаренко.

Богачинская Ю.С. «Живое время» А.С. Макаренко (о педагогическом времени и педагогическом пространстве).

Абашеева А.П., Беликова М.Ю. Духовно-нравственное воспитание в Даниловской средней школе им. А.С. Макаренко.

2. Инновационные идеи А.С. Макаренко в теории и практике воспитания. Матер. конф. … / Под общ. ред. М.К. Рунковой. – Саранск, 2007 (выборка)

Фомин Н.Е. А.С. Макаренко о принципах управления народным образованием.

Рункова М.К. А.С. Макаренко: жизнь и педагогическая деятельность.

Гагаев А.А., Гагаев П.А. Философия воспитания и образования А.С. Макаренко.

Еремина Р.А. Роль педагогических идей А.С. Макаренко в решении социальных и профессиональных проблем глобализирующегося общества.

Мешков Н.И. О концепции воспитания А.С. Макаренко.

Ахметова А.М. Организационно-трудовая и хозяйственная деятельность воспитанников образовательных учреждений А.С. Макаренко.

Митякина Л.В. А.С. Макаренко о воспитании как общественном явлении.

Майский Л.В. Экономическая деятельность А.С. Макаренко в воспитании.

Хлевин Д.А. Труд как основа воспитательной деятельности А.С. Макаренко.

Шувалова Е.В. Личность и коллектив в педагогической системе А.С. Макаренко.

3. Традиции и воспитание. Матер. междунар. науч.-практ. конф. / Ред. колл.: Н.И. Мешков и др. – Саранск, 2007 (выборка)

Мешков Н.И. Традиции и воспитание.

Фролов А.А. Воспитание, обучение, развитие, социализация: базовые педагогические понятия, их структура в разных концепциях педагогики.

Козлова Г.Н. Воспитательные традиции советской школы первой трети XX в. в оценке А.С. Макаренко.

Илалтдинова Е.Ю. Первые дискуссии об опыте и идеях А.С. Макаренко (1926-1928 гг.).

Стародубова Е.А. О специфике нравственного развития личности в англо-американской и отечественной педагогической традиции.

4. Юбилейные чтения, посвященные 120-летию со дня рождения А.С. Макаренко. Сб. науч. трудов / Ред. колл.: А.В. Горожанин и др. Сост. Л.Л. Хохлова. – Самара, 2008 (выборка)

Фролов А.А. А.С. Макаренко и Л.И. Петражицкий: соотношение права и нравственности (педагогический аспект).

Зыков М.Б. Дивиантное поведение как отклонение от основного жизненного цикла общества.

Журавлев С.И. Возвращение к А.С. Макаренко.

Игумен Георгий (Шестун). Возвращение к традиционному укладу жизни – главное в борьбе с наркоманией.

Козлова Г.Н. Новаторство А.С. Макаренко в организации взаимодействия поколений.

Маликов Б.З. Прочтение А.С. Макаренко в условиях постсоветской России.

Илалтдинова Е.Ю. Особенности работы А.С. Макаренко с несовершеннолетними правонарушителями и беспризорными детьми.

Решение конференции.

5. Идеи отечественной педагогики: история и современность. Матер. междунар. науч.-практ. конф. Макаренковские педагогические чтения / Под ред. Л.И. Гриценко. – Волгоград, 2008 (выборка)

Фролов А.А. А.С. Макаренко и В.А. Сухомлинский: факты и сущность полемики (1967 г. – начало 90-х гг.).

Гриценко Л.И. Деятельностный подход в воспитании А.С. Макаренко.

Мешоуль Али. (Германия) А.С. Макаренко – забытый родоначальник производственной школы.

Сериков В.В. Педагогическая логика А.С. Макаренко как методология обоснования педагогических средств.

Ткаченко А.В. (Украина) Педагогическая драма трудовой колонии им. М. Горького.

Наумов Б.Н. (Украина) А.С. Макаренко и метод целостного педагогического содействия развитию человека.

Кораблева Т.Ф. Гуманитарная экспертиза наследия А.С. Макаренко.

Голованова Н.Ф. Социальное воспитание: понятие и факт в педагогике А.С. Макаренко.

Козлова Г.Н. Утверждение отечественной педагогики как науки о воспитании и наследие А.С. Макаренко.

Богачинская Ю.С. Функция времени в человекоцентристком подходе к воспитанию.

Илалтдинова Е.Ю. Общее и профессиональное образование: особенности воззрений и опыта А.С. Макаренко.

Аксёнов С.И. Полемика о взглядах А.С. Макаренко на воспитание в 1926-1928 гг.

Кантомирова А.Н. Тема труда как основы становления личности в лирических произведениях А. Жигулина (узника Гулага).

Шеломанова О.И. Опыт работы школьного лесничества «Дубрава».

6. Истоки педагогического мастерства. Сб. науч. трудов… Вып. 4. Матер. междунар. науч.-практ. конф. «Наследие А.С. Макаренко и педагогические приоритеты современности» / Гл. ред. колл.: В.А. Пащенко и др. – Полтава, 2008, укр. и рус. яз. (выборка)

Кораблева Т.Ф. (Россия) Гуманитарная экспертиза наследия А.С. Макаренко.

Зязюн И.А. Педагогическое мастерство – личностно ориентированная деятельность.

Пащенко В.А. Опыт А.С. Макаренко в контексте вызовов XXI столетия.

Быблюк М. (Польша) А.С. Макаренко и Л. Колберг на пути создания теоретической модели морального развития человека.

Карпенчук С.Г. Нераскрытая страница из жизни А.С. Макаренко и В.А. Сухомлинского (по ж. «Народное образование», роль А. Бойма – А.Е. Александрова).

Дорохова Т.С. (Россия) Общественное воспитание в Советском Союзе 20-х гг. XX в.

Илалтдинова Е.Ю. Социально-педагогические условия творческой деятельности А.С. Макаренко в 20-х гг. – нач. 30-х гг. XX в.

Беликова М.Ю. (Россия) Реализация идей А.С. Макаренко в Даниловской средней школе им. А.С. Макаренко.

Ткаченко А.В. Харьковская трудовая колония А.С. Макаренко и куряжская религиозная община.

Дмитриенко Т.Г., Крамарева О.В. Наследие А.С. Макаренко в школьной воспитательной системе (объединение «Росток», развитие социальных компетентностей, школа как семья).

Заяц С.С. Проблема интернатных детских учреждений в свете наследия А.С. Макаренко.

7. То же, Вып. 5, 2008, укр. и рус. яз. (выборка)

Фролов А.А. (Россия) Педагогика А.С. Макаренко – наука о взаимодействии поколений.

Гриценко Л.И. (Россия) Жизненно-ориентированное воспитание А.С. Макаренко. (Без ссылки на А.А. Фролова в первоначальном употреблении этого термина – А.Ф.).

Голованова Н.Ф. (Россия) Проблема социализации молодежи в педагогической системе А.С. Макаренко.

Коршунова Н.Н. (Россия) Гуманизация производственно-хозяйственного воспитания в педагогической системе А.С. Макаренко.

8. Педагогическое мышление в контексте теоретико-методического мышления А.С. Макаренко и современной педагогики. Тез. науч.-практ. конф. … / Отв. за вып. И.В. Малафик. – Ровно, Украина, укр. и рус. яз. (выборка)

Фролов А.А. (Россия) Социально-педагогическое мышление А.С. Макаренко: базовые понятия педагогики, их структура.

Окса Н.Н. Проблема формирования педагогического мышления будущих учителей в контексте педагогического наследия А.С. Макаренко.

Максимюк С.П. Законы макаренковской педагогики.

Ткаченко А.В. Интернатные учреждения в составе макаренковского Трудового детского корпуса Харьковского округа.

Илалтдинова Е.Ю. Официальная педагогика и общественно-педагогическая инициатива как факторы развития педагогической теории (постановка проблемы).

Филоненко Р.С. Труды А.С. Макаренко-классика педагогики.

9. Современный А.С. Макаренко: методология, теория и практика педагогики. Матер.междунар.симпозиума /Ред.: Ф.Ф. Харисов, М.Б. Зыков, А.А. Фролов.-М., ФИРО, 2008 (в печати). Авторы: М.Б. Богуславский, М.Б. Зыков, А.А. Фролов, В.А. Мосолов, Л.А. Степашко, К.В. Николаев, З.Вайтц, И.Гашковец, Э.Гюнтер-Шельхаймер, М.Быблюк, Б.Н. Наумов, Л.И. Гриценко, Н.Ф. Голованова, С.С. Невская, Т.И. Кувшинова, И.Н. Коршунова, Н.Г. Санникова, Т.В. Симатова, В.В. Николина, Г.Н. Козлова, Е.Ю. Илалтдинова, В.С. Николаева и др.

Статьи

Белов Ю. Поэма жизни. 120 лет со дня рождения великого советского педагога А.С. Макаренко // Советская Россия, 13 марта 2008 г.

Богуславский М. Наш Макаренко // Педагогический вестник, 2008, 1-31 марта.

Кораблева Т. «Новый человек» Антона Макаренко // Педагогический вестник, 2008, 1-31 марта.

Наумов Б. Идея А.С. Макаренко о синтетической педагогике и методология целостного подхода в современном образовании // Образ современного педагога, Полтава, 2008, № 1-2 (укр. и рус. яз.).

Нурутдинова С.В. Феномен «японского чуда»: преемственность и традиции // Педагогика, 2008, № 4 (об образовании «в широком социально-культурном контексте, в связи с ценностно-смысловыми структурами»).

Мясников В., Найденова Н. Компетенции и педагогические измерения // Народное образование, 2006, № 9.

Николаева В.С. По пути Макаренко // Педагогический вестник, 2008, 1-31 марта.

Никандров Н. Воспитание и социализация в современной России: риски и возможности // Народное образование, 2006, № 9.

Рыльская Е.А. Воспитание жизнеспособности школьников // Педагогика, 2008, № 3.

Рябцев А. Первоклашки плевали в Мишу по методу Макаренко // Комсомольская правда, Еженедельник, 22-29 марта 2007 г.

Соколов Р.В., Соколова Н.В. Православные корни педагогического опыта А.С. Макаренко // Беспризорник, 2008, № 2.

Тюгаев Н.А. Идеи А.С. Макаренко живут и развиваются // Человек: преступление и наказание. – 2005, № 1.

Филонов Н.Г. Деятельная сущность воспитания // Педагогика, 2008, № 2.

Хиллиг Г. Макаренко надо переиздать // Педагогика, 2008, № 4.

Хиллиг Г. На путях к Академическому изданию собрания трудов А. Макаренко // Педагогика, 2008, № 2.

Хиллиг Г. Это удивительно, коллега Фролов! К изданию нового собрания сочинений А.С. Макаренко // Постметодика, Полтава, 2008, № 1 (укр. и рус. яз.; об издании: А.С. Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания… Часть 1. – Н. Новгород, 2007).

Дополнительный материал к Части 1

Дополнение. 23 апреля 1921г., на с.23

Дополнение. **23 апреля 1921г.. телеграмма: «Полтава, колония им.Горького, Макаренко. Телеграфируйте, когда можете приехать работать в Киеве. Завгубсоцвосом Лемперт». (РГАЛИ, ф.332, оп.4, ед.хр.360).**

Дополнение к комментариям к письму А.С. Макаренко «Заведующему отделом снабжения губнаробраза». Есть сведения, что А.С. Макаренко вместе с И.А. Соколянским и Е.И. Гинзбург в 1921г. был приглашен киевскими чекистами в качестве эксперта по организации колоний для беспризорных детей и несовершеннолетних правонарушителей. См. также Часть 1, с.105 и 183.

Письмо О. Куриловской, 10 января 1923г.

Января 10, 1923

Полтава

В чем дело? Что тттакое? Верь, Куриловская, не верь, а ей Богу, ничего не понимаю. «Последний разговор». Хорошо, но дело, видите ли, в том, что я совершенно забыл, о чем у нас был последний разговор, да еще какой-то особенный, во время которого кто-то кого-то с грязью смешал. Дальше из твоего письма я усматриваю, что ты не хочешь реабилитироваться. Черт возьми, ты меня серьезно заинтриговала? Как же это так реабилитироваться?

Наконец, дальше в твоем письме изображено, что ты знаешь, в чем тебя обвиняют, но ты не чувствуешь себя в этом виноватой. Написано «знаю». А не «помню», значит, в этом знаменитом последнем разговоре тебя никто не обвинял. Потом «обвиняют», множественное число. Значит, не один я имеюсь в виду. Потом, что-то такое ты «для себя лично» поняла и объяснила, а для меня это «мало интересно». И наконец, ты готова самым искренним образом извиниться, что ты не хотела меня так обидеть, но к твоему глубокому сожалению, это случилось, и «прими глубокое сожаление» и т.д.

И наконец, все изящное здание увенчивается столь массивным и основательным «прощай», что все оно окончательно рушится, и понятным образом торчит среди обломков это самое ни на что не похожее «прощай», которое, конечно, я перевожу так:

«Хотя я пред тобою и виновата и самым искренним образом извиняюсь, но ты Макаренко, подлец, и чтоб нога твоя не была в моей квартире».

Извините, мадам, прощаться я не имею никакого желания, не уяснив себе раньше, за что, собственно говоря, мне, так сказать, отказывают от дома. Что я решительно ничего не понимаю, в этом ты можешь не сомневаться. Очень возможно, что в твоих словах (в области какой темы, не имею понятия) и было что-нибудь обидное, во всяком случае, ты что-то такое чувствуешь, хотя я допускаю, что это М.Ф.[1] уже по моем уходе убедил тебя в этом, но среди моих переживаний не было чего-нибудь похожего не только на обиду или на оскорбление, но и вообще на какое бы то ни было умаление моего самочувствия.

Из тем последнего вечера у меня остались в памяти два момента: 1) что-то такое о политпроверке[2], где мы с тобою разошлись, 2) о недобросовестном выполнении Е.Ф.[3] своих обязанностей по фельдшерству, в каковом вопросе наши представления тоже оказались неодинаковыми, как будто. Все-таки в области этих двух тем мы оба как будто прекрасно держались на поле чести и кроме нормальных аргументов никаких других вещей не употребляли, ни тяжелых ни легких, да и едва ли на этих вопросах мы с тобой могли бы дойти до взаимных оскорблений. Никаких других тем в последний вечер не помню. Хорошо помню зато, что простились мы как будто обычно дружески, что ушел я от Вас в самом благодушном настроении, в каковом и залез в вагон.

Вот и все. Ни в чем я тебя не обвинял и не обвиняю, да и зачем тебя обвинять. Если бы ты совершила какое-нибудь мошенничество, другое дело. А так, я слишком хорошо представляю и твои принципы, и твою практику по отношению к людям, чтобы бояться каких-нибудь неожиданностей.

Ей-Богу, у меня такое впечатление, будто ты поссорилась с кем то другим, а на меня валишь.

А может быть, ты вообще захотела больше не встречаться со мной и придумала для этого такой искусственный карамболь. Фи, Куриловская, не может быть.

Во всяком случае я решительно протестую против твоего тона, если он искренен, и прошу самых подробных объяснений. Если при этом у нас и в самом деле какой-нибудь такой разговор, ты напомни мне, но я и в таком случае прошу не поднимать вовсе вопроса о том, что ты меня оскорбила, а я тебя обвиняю.

До свидания.

Преданный Вам *А.Макаренко*

Российская национальная библиотека, С.-Петербург, № с-332/2, регистрация 19дек.1949г. Материал представлен Н.Н. Коршуновой, выявлен З.Ш. Тененбоймом. Автограф. По дате (автографу А.С. Макаренко) кем-то сделана правка: 4 (1924), с другим наклоном,

крупно. После «Полтавы» одна строка (обращение автора) стерта, в ее начале различается «Д…».

До этого письмо О.Куриловской, 26 дек.1922., см.: А.С. Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания… Часть 1, с.8-10. Работала в колонии им.М.Горького агентом по снабжению (инструктором) в Полтаве. С февраля 1923г. эту работу стала выполнять О.П. Ракович.

В Части 1 материал должен располагаться после письма М.Н. Котельникову 30 дек.1922г.

[1] Михаил Федорович (см. там же Часть 1, с.10) – веротно, отец О.Куриловской; мать Евдокия Сергеевна.

[2] Упоминается о проведенной в колонии им.М.Горького «политпроверке».

[3] Елизавета Федоровна Григорович.

В Президиум Всеукраинского Центрального
Исполнительного Комитета (октябрь 1926г.)

Общего собрания колонистов Трудколонии им.М.Горького в Куряже

В середине нашего двора находится бывшая монастырская церковь. По воскресеньям и по некоторым обычным дням в этой церкви продолжаются службы, поет на всю колонию хор и попахивает ладаном. Иногда к церкви привозят покойников, а по праздникам часто во двор колонии влетают на тройках, на лошадях свадьбы, почти всегда пьяные. Кое-кто здесь же около церкви пьет самогон, кричит и поет, а наши парни стоят вокруг и смотрят.

Между парнями и церковниками не может быть дружественных отношений: у нас всегда есть новенькие, а есть и характеры невыдержанные. Бывает, что кто-то вступает в спор. Начинает доказывать, что бога нет. А другой, не без греха, залезет на звонницу, начнет звонить или набьет кирпича в церковный замок. От этого возникают ссоры и портятся отношения между нами и крестьянами.

Иначе и быть не может, так как эта церковь занимает весь двор и парням после работы негде и поиграть, побегать. Стоит эта церковь всем на дороге – бросит кто мяч, то он и летит в церковное окно, поэтому теперь у нас запрещена игра в футбол. Нас же всех 350 [человек], и нам трудно так повернуться, чтобы эту церковь не затронуть.

Благодаря этой церкви мы не хозяева в своем дворе. Через двор ходит, кто хочет, и спросить не можем.

Такое положение возникает из того, что двум-трем десяткам старых баб обязательно нужно молиться как раз в этой церкви, а не в других.

Наша колония предлагала отремонтировать хорошую каменную церковь под горой, возле колонии, которая совсем крепкая и пригодна для двух-трех сотен людей, но верующие решительно отказались от такой нашей слуги.

Мы все обращаемся к Президиуму ВУЦИКа с ходатайством, чтобы эта церковь, что стоит в нашем дворе, была закрыта, а потом совсем разобрана, так как колония понесла большие затраты на ремонты, построила новые дома, намерена сидеть здесь долго и совсем тяжело нам жить рядом с церковью и неприятно.

Ткаченко А.В. Харьковская трудовая колония им.М.Горького и куряжская религиозная община //Истоки. Гл.ред. В.А. Пащенко.- Полтава, 2008, с.115, укр.яз. Датируется: сер.октября 1926г., после переезда Полтавской колонии им.МГорького в Куряж (28-29 мая 1926г.). Язык, стиль материала показывает, что это ходатайство составлено при активном участии воспитанников. Подписи, точная дата в публикации не указаны. Перевод с укр.яз. И.Д. Токарева, выпускника коммуны им. Ф.Э. Дзержинского, подполковника в отставке, Нижний Новгород.

В Части 1 материал должен располагаться после письма Н.Ф. Остроменцкой 9 октября 1926г.

Колония размещалась на территории бывшего Преображенского мужского монастыря (основан в сер.XVIIв.), с соборной Спасо-Преображенской церковью и еще двумя: Святого великомученика Георгия и Преподобного Онуфрия в скиту.

О «закрытии и передаче колонии расположенной на ее территории церкви» говорилось уже в составленном в марте 1926г. НКП УССР, Харьковской ОИНО и окружной комиссией помощи детям проекте перевода колонии им.М.Горького в Куряж. 23 мая А.С. Макаренко писал А.М. Горькому: «нужно положить много энергии», чтобы приостановить службы, колокольный звон «в самом центре нашей усадьбы» (т.1, с.232). В июле 1926г. по его инициативе пленум ОкрДД постановил: возбудить ходатайство о переводе места отправления религиозных обрядов на территории колонии «из большого помещения в меньшее»; но надлежащих мер принято не было. Это побудило к ходатайству колонистов перед ВУЦИКом.

22 октября 1926г. ОИНО поддержала ходатайство перед окружным исполкомом. 11 ноября он ставит этот вопрос перед НКВС (укр.яз). 18 ноября НКВС решил: «дом означенной церкви для функциональных потребностей колонии ненеобходим». В июне 1927г. в акте Харьковского горсовета по итогам обследования горьковской колонии отмечено: «Монастырскую церковь следовало бы закрыть, а для нужд религиозно-настроенных отвести, т.е. открыть в другом участке б. монастыря церковь».

Куряжская соборная церковь была закрыта в начале ноября 1929г., через полтора года после прекращения работы А.С. Макаренко в колонии. В конце 1930г. была составлена смета по переоборудованию церкви в клуб. (Все указанное выше дается по статье А.В. Ткаченко).

В «Педагогической поэме» проблема церкви освещается в ее 3-й части (т.3, с.403-404 и 422-423). Конфликтная ситуация описана в письме Г.С. Салько (Макаренко) 16 апреля 1928г. (А.С. Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания… Часть 1, с.262-263).

На территории бывших монастырей размещались также Богодуховский и Октябрьский детгородки. Руководитель второго М.Л. Довгополюк «действовал более решительно. К чести А.С. Макаренко надо сказать, что он в своей борьбе действовал исключительно административными мерами, а не врывался в храм во время богослужения, не угрожал оружием священникам, не скидывал крест с купола собора, как это делал Довгополюк» (цит.указ. выше статьи А.В. Ткаченко, с.117).

Трудовой список А.С. Макаренко

1. Родился в 1988 году, марте месяце, 1 числа. Метрическая выпись №74, выданная причтом г.Белополья.
2. Национальность – русский.
3. Социальное положение – служащий.
4. Образование – высшее. Аттестат Полтавского учительского института № 685, 15/V 1917 года.
5. Профессия – педагог со стажем 22 года. Формулярный список, составленный в Долинском училище.
6. Беспартийный.

7. Член профсоюза с 1920 года. Членский билет союза Рабпрос №40928.
8. На воинском учете – группа 1 катег. Личная книжка, выданная Полтавским Губвоенкоматом 28/VI 1923г.

14 сентября 1927г. *А.Макаренко*

РГАЛИ, ф.332, оп.4, ед.хр. 352.

а бланке: «Украинская Социалистическая Советская Республика... Первый отдел. Общие данные». Документ Харьковской окринспектуры наробраза (наряду с данными о других лицах).

Материал должен располагаться до «Доклада на заседании Президиума Харьковского окрпомдета, 15 сентября».

Исправления к Части 1.

Появившийся у составителей Части 2 этого издания материал показал, что содержащийся в Части 1 текст «О патронировании» должен быть отнесен ко 2-й половине августа 1927г. Написан вскоре после получения А.С. Макаренко от Харьковского окрпомдета 11 августа задания подготовить такой документ. Он был составлен, направлен в окрисполком, но там не рассматривался.

Хронологически в Части 1 текст необходимо было поместить после «Письма Г.С. Салько (Макаренко), 27 августа 1927г.»

Научно-методическое издание

А.С. Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания.
Учебная книга по истории, теории и практике воспитания.
Часть 2. Письма, разработки, книги-очерки, статьи 1928 - 1932 гг.

Составители:
Фролов Анатолий Аркадьевич
Илалтдинова Елена Юрьевна

В редакции составителей

Техн. редактор
Ком. верстка
Издательская лицензия
Полиграфическая лицензия

Сдано в набор Подписано в печать
Формат 70х108/16 Печать офсетная. Бумага офсетная.
Уч.-изд.л. Усл.печ.л. Тираж 300 экз. Заказ

Издательство Волго-Вятской академии государственной службы
603950, Нижний Новгород – 292, пр. Гагарина, 46